Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Пермский национальный исследовательский
политехнический университет»

На правах рукописи

Левченко Валерий Витальевич

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ: МЕТАСИСТЕМНЫЙ ПОДХОД

19.00.05. – Социальная психология

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
доктора психологических наук

научный консультант:
доктор психологических наук, профессор,
член-корреспондент Российской академии образования,
заслуженный деятель науки Российской Федерации
Анатолий Викторович Карпов

Пермь 2016

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение 7

Глава 1. Историко-теоретический анализ исследования состязательности в социальной психологии 45

1.1. Изучение состязательности в зарубежной социальной психологии 47

1.1.1. Ранние социологические и социально-психологические подходы в изучении состязательности 48

1.1.2. Психоаналитическая ориентация в исследовании состязательности 54

1.1.3. К. Левин о состязательности 55

1.1.4. Ситуационный подход 57

1.1.5. Когнитивистский подход 64

1.1.6. Современное состояние изучения проблем состязательности 71

1.1.7. Факторы, детерминирующие процесс состязательности 88

1.1.8. Эффекты состязательности 104

1.1.9. Анализ последствий состязательности как составной части проблемы взаимовлияния субъектов взаимодействия 123

1.2. Исследование состязательности в российской социальной психологии 126

1.2.1. Постановка проблемы состязательности в отечественной науке 126

1.2.2. Социальные психологи о природе состязательности..... 131

1.2.3. Исследования отдельных аспектов (проблем) состязательности 150

1.2.4. Факторы, обусловливающие развитие состязательности 161

1.2.5. Специфика эффектов состязательности в советский период 170
1.2.6. Анализ последствий состязательности как составной части проблемы взаимовлияния субъектов взаимодействия в российской (советской) социальной психологии 174
1.2.7. Современный этап изучения состязательности в россии 179
1.3. Основные закономерности и трудности анализа состязательности в зарубежной и отечественной социальной психологии 184
1.3.1. Преобладающие закономерности в изучении состязательности 184
1.3.2. Препятствия и сложности в исследовании состязательности 193
Выводы по главе 1 199
Глава 2. Методологические и методические основы анализа состязательности 205
2.1. Методология рассмотрения феномена состязательности 205
2.1.1. Общие принципы и теоретические основы изучения состязательности 205
2.1.2. Основные принципы исследования состязательности в рамках метасистемного подхода 210
2.2. Методические основы изучения состязательности 230
2.3. Методологические и теоретические принципы построения структурно-композиционной концепции состязательности 244
Выводы по главе 2 247
Глава 3. Динамика состязательности в современном российском обществе и факторы ее обусловливающие 250

3.1. Основные тенденций изменения состязательности в современном российском обществе..... 250
3.2. Факторы, детерминирующие формирование и развитие состязательности..... 257
3.2.1. Влияние социально-экономических и социально-профессиональных факторов на формирование и развитие состязательности 257
3.2.2. Роль социально-демографических факторов в развитии состязательности..... 270
3.2.3. Социокультурные и индивидуально-психологические факторы формирования состязательности 277
Выводы по главе 3.....287
Глава 4. Состязательность как признак развития отношений совместности 290
4.1. Филогенетические основы взаимосвязи состязательности с отношениями совместности..... 290
4.2. Анализ влияния состязательности на развитие отношений совместности в первичных производственных группах..... 293
4.2.1. Программа эмпирического исследования влияния состязательности на развитие отношений совместности 293
4.2.2. Место состязательности среди признаков развития отношений совместности (параметров уровня развития малой группы)..... 303
4.2.3. Взаимосвязь между состязательностью и отношениями совместности в коллективах медицинских работников 306
Выводы по главе 4.....313
Глава 5. Эффекты (последствия) различных видов состязательности 315

5.1. Зарубежные и отечественные исследователи о последствиях состязательности 315
5.2. Влияние состязательности на малую социальную группу и личность... 315
5.2.1. Воздействие состязательности на эффективность групповой деятельности 315
5.2.2. Влияние состязательности на социально-психологическую ситуацию в малой группе 328
5.2.3. Влияние состязательности на интегральные показатели эффективности индивидуальной деятельности («самооценка своего жизненного пути», «динамика жизненных ощущений», «социально-психологическая адаптированность личности») 347
5.3. Основные закономерности эффектов отдельных видов состязательности 357
Выводы по главе 5.....367
Глава 6. Основные положения структурно-композиционной концепции состязательности 370
6.1. Методологические и теоретические предпосылки разработки концепции состязательности 370
6.2. Основные принципы метасистемного подхода разработки концепции состязательности... 374
6.3. Онтологический аспект структурно-композиционной концепции состязательности 383
6.4. Структурный аспект концепции состязательности..... 402
6.5. Функциональный аспект концепции состязательности..... 409
6.6. Генетический аспект концепции состязательности... 422
6.7. Интегративный аспект концепции состязательности 429
Выводы по главе 6.....434
Заключение 445

Список литературы 471

ПРИЛОЖЕНИЯ.....507

Приложение А. Тест FPI. Фрайбургский многофакторный личностный опросник**.....**507

Приложение Б. Методика "Шкала социально-психологической адаптированности".....514

Приложение В. Методика диагностики предрасположенности личности к конфликтному поведению (К. Томас).....520

Приложение Г. Методика определение направленности личности (Б. Басса).....524

Приложение Д. Тест-опросник «изменение мотивации достижения» (Автор: А. Мехрабиан, модификация М.Ш. Магомед-Эминов).....530

Приложение Е. Методика «Состязательность в различных сферах социальной деятельности» (В.В. Левченко).....536

Приложение Ж. Результаты эмпирического исследование сопоставления состязательности с наиболее близкими по содержанию психологическими феноменами: мотивационной сферой личности, конфликтом, уровнем притязаний, агрессией, показателями активности.....543

Приложение З. Результаты эмпирического исследования динамики состязательности в современном российском обществе с 1979 по 2013 гг.....549

Приложение И. Результаты эмпирического исследования влияния различных факторов на формирование и развитие состязательности.....551

Приложение К. Результаты эмпирического исследования взаимосвязи состязательности и совместности.....561

Приложение Л. Результаты эмпирического исследования влияния состязательности на эффективность групповой деятельности, социально-психологическую ситуацию в малых социальных группах, состояние личности.....565

Приложение М. Результаты эмпирического исследования взаимосвязи состязательности и социалистического соревнования……589

В В Е Д Е Н И Е

Актуальность проблемы исследования. Одной из фундаментальных тем социального и гуманитарного знания является проблема социального взаимодействия. Важнейшим аспектом этой фундаментальной проблемы выступает состязательное (конурентно-кооперативное) взаимодействие как атрибутивная черта природы человека. Неудивительно, что одной из наиболее распространенных в социальной психологии классификаций социального взаимодействия является рассмотрение его сквозь призму состязательных форм (кооперацию и конкуренцию). Нужно учитывать, что, с одной стороны, состязательность отражает некоторые основные характеристики взаимодействия, а с другой стороны, характеристики состязательности не сводятся исключительно к общим с интеракцией параметрам, а включают и отличительные от взаимодействия в целом черты, преобразуя, дополняя тем самым содержание самого взаимодействия. Кроме того функционирование и развитие общества, связанное с кардинальными преобразованиями условий функционирования человека, новыми формами его действия и взаимодействия, обусловлено во многом динамикой человеческой активности, ее усложнением, углублением, что в свою очередь определяет необходимость не только расширения сферы проявления активности человека, но и целенаправленной ее организации. Активность во все большей степени становится действенным фактором в определении и росте субъектных возможностей человека, в преобразовании им действительности и самого себя. Именно поэтому представляется актуальным выделение активности как особого предмета исследования, познания, и не только как важного качества в характеристике личности, ее измерения и направленности, но и как сущностного свойства человека, образующего и обеспечивающего реальность социальной эволюции.

Потребность осмысления активности как специфического свойства социального мира подчеркивается уже тем вниманием, которое реально уделяется в психологических исследованиях ее роли и месту в становлении личности, коллективного субъекта и определении субъекта действия (К.А. Абульханова-

Славская, Л.Ф. Алексеева, А.Г. Асмолов, Н.А. Бернштейн, А.В. Брушлинский, И.А. Джидарьян, А.И. Донцов, А.А. Ершов, А.Л. Журавлев, А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, Ш.А. Надирашвили, Р.С. Немов, А.В. Петровский, В.А. Петровский, В.П. Позняков, Л.И. Уманский, В.Л. Хайкин, Р.М. Шамионов и др.). Неслучайно понятие «активность» – одно из наиболее часто употребляемых в литературе (психологической, философской, социологической, исторической, экономической и др.) в разных сочетаниях и связях: активность как деятельность, активность поведения, активность личности, активная деятельность, психическая активность, интеллектуальная, творческая, социальная активность, активная личностная позиция, активность общества.

Среди видов соактивности людей чаще всего в психологической литературе выделяются: групповые действия, общение и взаимодействие в группе, совместная деятельность, групповые отношения, групповое поведение, межгрупповые отношения и взаимодействия, организация людей (лидерство – руководство – подчинение), состязательность, конфликт и др. (А.А. Ершов, А.Л. Журавлев, Н.И. Леонов, Б.Ф. Ломов, Ш.А. Надирашвили, Р.С. Немов, А.В. Петровский, В.А. Петровский, В.П. Позняков, Л.И. Уманский, В.Л. Хайкин и др.). При этом, как отмечает А.А. Ершов, направленностями взаимодействующих субъектов определяется характер форм их соактивности. Остановимся более подробно на анализе состязательных форм соактивности, взяв за основу *интенсивность* как одно из главных свойств активности как всеобщего свойства всех живых организмов и *направленность* как одно из главных свойств социально-псхологической активности.

Несмотря на давний интерес к данному явлению не только в социальной психологии, но и в смежных областях знания (истории, политологии, философии, экономике, биологии, педагогике, социологии и т.д.), необходимо отметить отсутствие какой-либо единой теории состязательности (соперничества). Взгляды многочисленных исследователей на природу состязательности, ее виды, механизмы функционирования, на детерминирующие данный феномен факторы, на последствия состязательности чаще расходятся, чем совпадают.

Традиционно состязательность рассматривается в лучшем случае через призму дихотомических отношений конкуренции/кооперации (при игнорировании других ее видов).

Затрудняет создание целостной, объединяющей концепции состязательности и тот факт, что этот феномен является по-настоящему междисциплинарным предметом исследования. Ее отдельные виды анализируются философами, экономистами, политологами, биологами, педагогами, филологами, военными, математиками, юристами и др. В то же время наиболее богатые традиции исследования состязательности сложились в области психологии, социологии, и прежде всего – социальной психологии. Образно выражаясь, социальная реальность перенасыщена состязательностью, а рефлексии относительно этого феномена почти нет. Отсутствие на нынешнем этапе социально-экономических, политических и социокультурных реформ в России внимания к теоретическим аспектам феномена состязательности делает по-настоящему актуальной и острой данную проблему. Необходимость фундаментального анализа системы социальных, межличностных и внутриличностных отношений основных субъектов в различных сферах жизнедеятельности, закономерностей возникновения, протекания и изменения основных видов состязательности в межгрупповых и межличностных отношениях, выявление резервов социального и межличностного взаимодействия, преодоление негативных последствий отдельных видов состязательности определили научную и практическую актуальность выбранной темы.

Как большинство эмпирических проблем, исследование состязательности претерпевает в своем развитии два этапа. Первый этап, на котором данная проблема фактически остается, - аналитическая стадия, заключающаяся в рассмотрении отдельных видов и сторон состязательности, факторов их обусловливающих, последствий. Эта аналитическая (предтеоретическая) фаза рано или поздно должна быть сменена на более зрелую, системную, концептуальную фазу, когда доминирует уже не аналитическое, а структурное, системное исследование, то есть целостный охват данного явления. Аналитическая фаза, на кото-

рой длительное время разрабатывалась данная тема подошла к своему исчерпанию и в силу обилия материала, и вследствие недостаточности объяснительных схем (их малой мощности). Этим была обусловлена необходимость поиска новых подходов, которые представляют собой прежде всего переход с аналитической фазы на системную. Другими словами, логика аналитического подхода к проблеме состязательности завела фактически в тупик, выход из которого связан с переходом на новую стадию изучения данного феномена, к новой парадигме системности и метасистемности.

В связи с этим **научная проблема** состоит в том, чтобы вывести из тупика научного анализа феномена состязательности, проявляющегося в бесконечном и хаотичном сборе эмпирического материала и отсутствии теоретического синтеза. А из этого тупика можно вывести тем, что мы постулируем переход с аналитической на теоретическую стадию анализа данного феномена. То есть, эта проблема может быть разрешена за счет разработки целостной социально-психологической научной концепции состязательности как разновидности взаимодействия и формы соактивности людей, базирующейся на новой парадигме системности и метасистемности, которая позволяет раскрыть данный феномен в объективно главных гносеологических планах: метасистемном, структурном, функциональном, генетическом и интегративном, и проанализировать на этой основе особенности развития отдельных видов состязательности на современном этапе развития российского общества. Иначе говоря, собственно этот (системный) подход раскрывает объект исследования в его основных, сущностных аспектах. В предлагаемом подходе как раз и осуществлен переход с аналитической стадии на системную, целостную, то есть реализуется алгоритм научного исследования.

Таким образом, актуальность настоящего исследования получает, помимо предметного и методологическое обоснование, заключающееся в переводе анализа состязательности на иной уровень развития - с начального, аналитического уровня исследования на целостный, системный.

Состояние научной разработанности проблемы исследования. Социально-психологическая концепция состязательности как разновидности взаимодействия и одной из форм соактивности субъектов разрабатывается впервые, несмотря на то что в социальной психологии и социологии, философии и экономике накоплен большой материал, позволяющий разработать социально-психологическую концепцию состязательности. Значительный вклад в становление предметного поля изучения состязательности внесли:

– теоретические разработки ранних социалистов-утопистов (Т. Мора, Т. Кампанеллы, Р. Оуэна, Ш. Фурье) и представителей ранней социологической и социально-психологической мысли (Ч. Дарвина, У. Самнера, Л. Гумпловича, А. Смола, П. Кропоткина, К. Маркса и др.), поставивших проблему состязательности и обосновавших необходимость изучения данной проблемы в социальной науке;

– основные теоретические представления о сущности и природе состязательности, изложенные в работах представителей конфликтологического направления (Г. Зиммеля, Р. Дарендорфа, Л. Козера и др.), психоаналитической ориентации (З. Фрейда, К. Хорни и др.), теории поля и групповой динамики К. Левина, ситуационного подхода (включая представителей бихевиористской ориентации Дж. Долларда, Н. Миллера, А. Бандуру, Л. Берковица и др., «реалистической теории конфликтов» М. Шерифа и др., с теоретической вершиной в виде «конкурентно-кооперативной теории межличностного взаимодействия» М. Дойча), когнитивистского подхода (Г. Тэжфела, Дж. Тэрнера и др.), российских исследователей (В.М. Бехтерев, А.С. Макаренко и др.), современные исследования природы состязательности (M. Argyle, R. Axelrod, B. Bettencourt, B. Bonta, G. Bornstein, M. Brewer, C. Insko, D. Johnson, R. Johnson, G. Maruyama, M. Pemberton, J. Rabbie, J. Schopler, D. Tjosvold, В.А. Богданов, А.А. Ершов, А.Л. Журавлев, О.И. Зотова, Ю.С. Касюлис, М.И. Кекелия, В.В. Костюшев, Е.С. Кузьмин, Е.С. Махлах, В.В. Новиков, Б.Д. Парыгин, Л.Г. Почебут, А.Л. Свенцицкий, Р.Х. Симонян, В.А. Чикер, Е.В. Шорохова и др.);

– результаты теоретических и эмпирических исследований отдельных проблем состязательности: взаимосвязи между интергрупповой и интрагрупповой состязательностью (W. Dois et al., M. Brewer, N. Miller, J. Rabbie, S. Worchel, C. Insko, G. Schopler, B. Bettencourt, A. Gouldner, C. Nemeth, D. Pruitt, M. Pemberton, I. Erev, G. Bornstein), оптимизации переговорного процесса (D. Tjosvold, C. De-Dreu, G. Bornstein, P. Carneval, P. Smith, D. Pruitt, S. Komorita, C. Stevens), выделение типов и форм состязательности (А.С. Бляхман, Н.В. Гришина, А.А. Ершов, В.А. Сафронов, Т.В. Эленурм и др.), исследование состязательных установок (В.А. Богданов, А.А. Ершов, Ю.М. Жуков, А.Л. Журавлев, О.И. Зотова, Е.С. Кузьмин, В.В. Новиков и др.), включенность личности в состязательные отношения (И.Ф. Беляева, Е.Е. Бочарова, А.А. Ершов, Ю.М. Жуков, О.И. Зотова, Ю.С. Касюлис, А.И. Левина, Б.Д. Парыгин, В.П. Позняков, А.А. Русалинова, Г.В. Слуцкий, Б.Г. Тукумцев, Е.В. Шорохова, Т.В. Эленурм и др.);

– результаты исследования влияния различных факторов на формирование и развитие состязательности (B. Bonta, M. Deutsch, A. Montagu, J. Schopler, C. Insko, J. Rabbie, R. Axelrod, G. Bornstein, B. Bettencourt, M. Brewer, N. Miller, S. Fiske, S. Neuberg, N. Friedland, C. De Dreu, N. Segal, И.Ф. Беляева, В.М. Бехтерев, В.А. Богданов, Р.Б. Гительмахер, Н.Ф. Добрынин, А.А. Ершов, А.Л. Журавлев, О.И. Зотова, Ю.С. Касюлис, П.М. Кацура, В.М. Коган, Е.С. Кузьмин, А.С. Макаренко, В.А. Мальцев, М. Маро-Левитина, Н.П. Острянский, В.А. Палицын, Б.Д. Парыгин, А.В. Рыжов, А.Л. Свенцицкий, А.Г. Симаков, И.И. Чангли, О.А. Черникова, Е.В. Шорохова и др.);

– анализ последствий состязательности в работах М. Шерифа, М. Дойча, D. Tjosvold, D. Johnson, R. Johnson, Э. Аронсона, B. Bonta, T. Pettigrew, П. Кинан, У. Хэгстрома, P. Carnevall, A. Workie, J. Julian, F. Perry, M. Goldman, B. Schlenker, B. Bettencourt, B. Brewer, R. Vonk, В.А. Богданова, А.Л. Журавлева, О.И. Зотовой, В.В. Костюшева, Е.С. Кузьмина, Е.С. Махлах, Л.М. Митиной, Т.М. Мишиной, В.В. Новикова, Н.П. Острянского, В.П. Познякова, В.А. Полторака, А.Г. Симакова, Е.С. Шороховой и др.;

– концептуальные представления о состязательности как составной части проблемы взаимовлияния группы и личности, изложенные в работах Г.М. Андреевой, Р. Бэрона, Р. Зайенса, Н. Коттрелла, Е.С. Кузьмина, А. Манстеда, Д. Мура, Р.С. Немова, Н.Н. Обозова, А.В. Петровского, Л. Санна, Дж. Сандерса, Дж. Симина, Х. Уилка и Э. ван Книппенберга, Н.Ю. Хрящевой и др.

Следует отметить, что все эти теоретические подходы и прикладные исследования, независимо от их географической принадлежности или теоретической ориентации, объединяет определенная фрагментарность и односторонность в анализе состязательности. Так, основными формами состязательности чаще всего называются только конкурентность и сотрудничество (кооперация), очень редко – индивидуалистичность, и фактически выпадает из поля зрения исследователей такая форма состязательности, как альтруистичность. Практически во всех без исключения подходах анализируется только одна сторона (свойство) состязательности как формы соактивности – направленность (на себя, на других, на проблему и т.д.), и отсутствует второй вектор (свойство активности) – интенсивность («интенсификация»), который конкретизирует, уточняет, придает объем (рельефность) изучаемому явлению (но и усложняет его анализ). Явно доминирует интерес к отдельным сторонам данного феномена (чаще всего в поле зрения ученых попадали проблемы или факторы, обусловливающие динамику состязательных процессов, или эффекты состязательности; значительно реже их внимание привлекали механизмы, структура состязательности), преобладают прикладные исследования и фактически отсутствует целостное, системное рассмотрение данного феномена. Имеет место анализ состязательности только как одного из основных источников изменения активности субъектов взаимодействия и игнорирование внутренней взаимосвязи данного явления с процессами совместности (своеобразный параллелизм процессов состязательности и совместности). Преобладает преимущественное распространение изучения проблематики состязательности как составной части других социальных и психологических явлений (конфликтов, переговорных процессов, стратегий поведения и др.). Таким образом, несмотря на многочислен-

ные исследования, описания и определения существенных характеристик и проявлений отдельных видов и форм состязательности отсутствует целостность охвата данного феномена. Как большинство эмпирических проблем, исследование состязательности претерпевает в своем развитии два этапа. Первый этап, на котором данная проблема фактически остается, - аналитическая стадия, заключающаяся в рассмотрении отдельных видов и сторон состязательности, факторов их обусловливающих, последствий. Эта аналитическая (предтеоретическая) фаза рано или поздно должна быть сменена на более зрелую, системную, концептуальную фазу, когда доминирует уже не аналитическое, а структурное, системное исследование, то есть целостный охват данного явления. Аналитическая фаза, на которой длительное время разрабатывалась данная тема подошла к своему исчерпанию и в силу обилия материала, и вследствие недостаточности объяснительных схем (их малой мощности). Этим была обусловлена необходимость поиска новых подходов, которые представляют собой прежде всего переход с аналитической фазы на системную. Другими словами, логика аналитического подхода к проблеме состязательности завела фактически в тупик, выход из которого связан с переходом на новую стадию изучения данного феномена, к новой парадигме системности и метасистемности.

В предлагаемом подходе как раз и осуществлен переход с аналитической стадии на системную, целостную, то есть реализуется алгоритм научного исследования. Таким образом, актуальность настоящего исследования получает, помимо предметного и методологическое обоснование, заключающееся в переводе анализа состязательности на иной уровень развития - с начального, аналитического уровня исследования на целостный, системный.

В процессе изучения состязательности, при переходе с аналитической фазы анализа феномена состязательности на теоретическую, возникла определенная проблема, состоящей в своеобразном парадоксе "растворения" предмета исследования. Создавшаяся проблемная ситуация во многом была обусловлена первоначальным использованием не совсем адекватного варианта системного подхода в анализе феномена состязательности.

Как отмечается рядом исследователей, существуют по крайней мере два варианта системного подхода - онтологический и гносеологический. Онтологический вариант системного подхода применим тогда, когда предмет исследования является истинной системой.

Наш же объект исследования (состязательность) не является таковым. Феномен состязательности не есть онтологическая система, это нечто такое, что имеет меньшую степень жесткости организации, там нет целостности, но есть единство, там есть организация, но нет онтологической завершенности. Поэтому мы сталкиваемся вроде бы с противоречием, заявляя, что реализуем системный подход к этому объекту (состязательности), а сам объект не системен. Но это не означает, что не может быть реализован системный подход к таким объектам, которые не являются системами, но которые могут быть рассмотрены как система. А это уже означает, что необходимо использовать гносеологический вариант системного подхода. Наш объект (состязательность) не является истинной системой, а мы пытаемся на него "наложить" системный (и метасистемный) подход. Если действовать формально и прямолинейно, то ничего хорошего не получается, кроме аморфности и "растворения" предмета исследования, вследствие некорректности использования вариантов системного подхода: объект анализа диссипативен, а мы пытаемся рассмотреть его как истинную систему. Но существующий второй - гносеологический - вариант системного подхода помогает преодолеть это противоречие. Именно гносеологический вариант анализа системного подхода предполагает реализацию системного подхода к таким неистинным, диссипативным объектам как состязательность, которые могут быть только рассмотрены как система. То есть гносеологический, концептуальный подход к таким неистинным системам предполагает их рассмотрение всесторонне, комплексно в соответствии со структурно-системным подходом.

Особо необходимо отметить, что природа (сущностные характеристики) феномена состязательности пока размыта и с трудом «улавливается» при анализе данного явления с позиций традиционного (классического) системного

подхода, так как этот феномен представляет собой сложное универсальное средство, один из способов функционирования, выживания, адаптированности социального субъекта (личности) в социальной среде в процессе социального взаимодействия. При этом данное сложное явление отличается тем, что одновременно находится везде и нигде, это система популяционного типа (эктосистема), так как во взаимодействиях, которые кладутся в основу выделения состязательности как системы, доминирующую роль играют внешние взаимодействия. Системы этого типа (в отличии от эндосистем, характеризующихся жесткой, морфологической структурой) детерминированы функционально, статистически. Они существуют в основном благодаря одинаковому взаимодействию элементов со средой: именно оно и объединяет элементы в систему. Более того, состязательность - это такая система распределенного типа, которая характеризуется тем, что она мультиплицирует более широкие ("средовые") метасистемы в себе. Уловить содержательную сущность состязательности и выделить ее тяжело, но возможно. Этому во многом способствует обращение к метасистемному подходу, которое является настоятельной необходимостью, обусловленной качественными особенностями феномена состязательности. Точнее сказать, состязательность можно рассматривать как некую приспособительную систему функционального типа, одно из универсальных средств изменения эффективности деятельности (взаимодействия) социального субъекта (прежде всего – личности) в условиях социальной реальности (социума). Отсюда вытекает полисистемный характер феномена состязательности, то есть состязательность представляет собой систему функционального типа со встроенным не одним, а несколькими метасистемными уровнями. Таким образом, состязательность можно представить как полисистемный «функциональный орган», включенный сразу минимум в несколько метасистем. Таким образом, предлагается придерживаться постнеклассической методологии анализа состязательности, которая требует пересмотра понятия системы как таковой. Ранее, в классической методологии, считалось, что чем более система самодостаточна, изолирована, тем лучше для ее анализа. С точки зрения постнеклассической методологии - все

наоборот: чем больше система эксплуатирует другие системы, когда она их накладывает, мультиплицирует, вбирает в себя, тем лучше. С позиции метасистемного подхода требуется определить более широкий контекст, в который включен изучаемый феномен состязательности, то есть дать характеристику той системе (системам), которая выступает метасистемой по отношению к предмету исследования и очертить взаимосвязи состязательности с метасистемой (метасистемами), в которую она включена, а также определить специфику изучаемого феномена с наиболее близкими психологическими системами, включенными в метасистему.

Цель исследования: вывести из тупика научного анализа феномена состязательности за счет разработки, теоретического обоснования и эмпирической проверки социально-психологической концепции состязательности как разновидности взаимодействия и формы соактивности людей, базирующейся на новой парадигме системности и метасистемности, и рассмотрение ее в онтологическом, структурном, функциональном, генетическом и интегративном аспектах, анализе особенностей развития отдельных видов состязательности на современном этапе развития российского общества.

Объект исследования: состязательность как социально-психологический феномен.

Предмет исследования: социально-психологические характеристики состязательности структурного, фунционального, генетического и интегративного плана.

Общая гипотеза исследования: разработка конструктивной концепции состязательности возможна при принципиальной трансформации базовой парадигмы с аналитической на системную, а затем и на метасистемную, что обеспечит достаточно эффективное средство выхода из своеобразного тупика теоретического анализа феномена состязательности.

Частные гипотезы:

1. Обращение к метасистемному подходу предлагает принципиально иной тип построения феномена состязательности, как системы со встроенными

метасистемными уровнями, который будет отличаться следующими особенностями:

а) встраивание метасистемы в систему состязательности носит функциональный характер и всегда предусматривает качественные преобразования компонентов метасистемы при их встраивании в систему;

б) в структурно-уровневой организации состязательности можно выделить пять основных уровней: метасистемный, общесистемный, субсистемный, компонентный и элементный, а сама состязательность имеет горизонтально-вертикальное строение;

в) функциональный аспект анализа позволит выявить основные закономерности собственно функционального типа, раскрывающие особенности временной организации состязательности, ее «бытия во времени» и даст возможность выделить те функции, которые состязательность реализует в контексте более общей целостности, выступающей по отношению к ней (состязательности) метасистемой, позволит вскрыть развертывание собственных закономерностей функциональной организации состязательности в своем результативном проявлении к становлению различных функциональных новообразований и новых качественных характеристик;

г) закономерности филогенетического анализа развития состязательности, во многом воспроизводятся в процессе онтогенетического ее развития (хотя и в определенном трансформированном и конкретизированном виде), тем самым подтверждая общий принцип эволюционного развития, заключающийся в формировании состязательности как системы со встроенными метасистемными уровнями;

д) состязательность рассматривается как многоуровневая иерархически организованная система, где у каждого из структурных уровней имеется своя качественная определенность. Следовательно, между пятью выделенными структурными уровнями организации состязательности и основными категориями качеств должно существовать закономерное соответствие.

2. Теоретические положения предлагаемой концепции состязательности позволят систематизировать и объяснить накопленный на протяжении нескольких столетий теоретический и эмпирический материал (нередко противоречивый) исследования различных видов состязательности: трудового состязания, соревнования, соперничества, конкуренции, враждебности (конкурентности), социального конфликта, кооперации (сотрудничества), социалистического соревнования и др., и обеспечат оптимизацию процесса предсказания последствий состязательности для результативности деятельности, межличностных отношений, отдельной личности.

Цель и гипотезы обусловили следующие **задачи исследования:**

1. Обосновать необходимость и наметить перспективы, определить стратегию реализации преобразования базовой парадигмы изучения состязательности с аналитической на системную, а затем и на метасистемную, чтобы обеспечить наиболее конструктивное средство выхода из своеобразного тупика теоретического анализа данного феномена.

2. Рассмотреть состязательность как «систему со встроенными метасистемными уровнями» социальной реальности (социума), деятельности (взаимодействия), личности в онтологическом, структурном, функциональном, генетическом и интегративном аспектах:

а) проанализировать структурно-уровневую организацию состязательности выделив пять основных уровней: метасистемный, общесистемный, субсистемный, компонентный и элементный;

б) рассмотреть функциональную организацию состязательности как специфической системы со встроенным метасистемным уровнем;

в) сравнить закономерности филогенетического и онтогенетического развития состязательности;

г) на основе структурно-уровневого подхода выявить наиболее обобщенные, системные качества данного феномена и осуществить концептуальное обобщение данных, полученных на предыдущих этапах исследования состязательности.

3. Проанализировать состояние и развитие изучения состязательности в социальной психологии, рассмотрев основные теоретические подходы к ее анализу и результаты эмпирических исследований данного феномена.

4. На основе теоретического и эмпирического анализа раскрыть и уточнить место и роль состязательности в процессах социального и межличностного взаимодействия, обосновав положение о том, что состязательность выступает одним из универсальных социально-психологических критериев развития той или иной общности.

5. Разработать теоретическую схему анализа состязательности для объяснения разнообразных (часто противоречивых) результатов исследования феномена состязательности и отдельных ее аспектов. Выделить и рассмотреть на теоретическом и эмпирическом уровне основные виды и подвиды состязательности.

6. Изучить влияние широкого спектра факторов (социальных, межличностных, индивидуально-психологических, индивидных) на формирование и развитие состязательности.

7. Проанализировать влияние отдельных видов состязательности на эффективность деятельности, социально-психологические и личностные характеристики субъектов взаимодействия.

8. Выявить особенности динамики состязательности на протяжении последних трех десятилетий в России.

Методологические и теоретические основы исследования

Методологическую базу исследования составили :

Системный подход (Р.Л. Акоф, П.К. Анохин, Л. фон Берталанфи, В.А. Лекторский, Г.П. Щедровицкий , Э.Г. Юдин). В том числе методология системного подхода в психологии и социальной психологии (Б.Г. Ананьев, К.А. Абульханова-Славская, Л.И. Анциферова, А.Г. Асмолов, В.А. Барабанщиков, В.М. Бехтерев, А.В. Брушлинский, В.Н. Дружинин, А.Л. Журавлев, Б.Ф. Ломов, С.Л. Рубинштейн, Е.В. Шорохова и др.), согласно которому состязательность может быть исследована как система, анализируе-

мая в терминах элементов и структуры, части и целого, развития, иерархии, измерений и уровней.

Метасистемный подход к исследованию психологических явлений (А.В. Карпов), позволяющий рассмотреть состязательность как особую, качественно специфическую систему со встроенным метасистемным уровнем.

Принцип развития, а также принципы системогенеза и метасистемогенеза психологических систем (Л.И. Анциферова, В.Г. Асеев, А.В. Брушлинский, Л.С. Выготский, А.Л. Журавлев, А.В. Карпов, В.Д. Шадриков), раскрывающие проблемы стадиальности в формировании и становлении состязательности и отдельных ее видов.

Принцип детерминизма (А.В. Петровский, С.Л. Рубинштейн, М.Г. Ярошевский), который лег в основу описания механизмов детерминации формирования состязательности в определенных условиях, а также описания круга детерминационных воздействий самой состязательности на эффективность поведения в заданных условиях среды.

Принцип единства сознания и деятельности (К.А. Абульханова-Славская, Б.Г. Ананьев, А.Г. Асмолов, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, С.Л. Рубинштейн и др.), раскрываемый в социальной психологии через понимание деятельности как совместной социальной деятельности (Г.М. Андреева, А.И. Донцов, А.Л. Журавлев, Е.С. Кузьмин, А.В. Петровский, В.Е. Семенов, Л.И. Уманский, Е.В. Шорохова и др.).

Принцип субъектности (Б.Г. Ананьев, К.А. Абульханова-Славская, А.Г. Асмолов, А.В. Брушлинский, А.А. Деркач, Е.А. Климов, А.Н. Леонтьев, А.В. Петровский, С.Л. Рубинштейн, В.Д. Шадриков и др.), конкретизируемый в социальной психологии через введение идеи коллективного субъекта деятельности (Г.М. Андреева, А.И. Донцов, А.Л. Журавлев, Н.Н. Обозов, В.П. Позняков, А.С. Чернышев, П.Н. Шихирев, В.А. Ядов и др.).

Интегративный подход, объединяющий современные парадигмы социальной психологии (деятельностную, социально-когнитивно-бихевиоральную, гуманистичскую, социально-конструкционистскую) и основные положения ме-

тодологии отечественной социальной психологии (Г.М. Андреева, А.И. Донцов, В.Н. Дружинин, А.Л. Журавлев, А.В. Петровский, А.Л. Свенцицкий, В.А. Ядов).

Теоретической основой исследования выступили работы отечественных и зарубежных исследователей.

Социально-психологические концептуальные представления о социальном и межличностном взаимодействии и основных его формах (Г.М. Андреевой, А.Л. Журавлева, Е.С. Кузьмина, В.Н. Куницыной, Н.И. Леонова, В.В. Новикова, А.В. Петровского, В.П. Познякова, М.В. Сапоровской, А.Л. Свенцицкого, Л.И. Уманского, Э. Холландера, Я. Щепаньского и др.).

Концептуальные психологические представления об активности и ее основных формах К.А. Абульхановой-Славской, Л.Ф. Алексеевой, А.Г. Асмолова, Н.А. Бернштейна, В.М. Бехтерева, А.В. Брушлинского, Л.С. Выготского, И.А. Джидарьян, А.И. Донцова, А.А. Ершова, А.Л. Журавлева, А.Н. Леонтьева, Б.Ф. Ломова, Р.С. Немова, А.В. Петровского, В.А. Петровского, В.П. Познякова, С.Л. Рубинштейна, Л.И. Уманского, В.Л. Хайкина, Р.М. Шамионова и др.

Результаты теоретических исследований состязательности и отдельных ее видов, изложенные в работах M. Argyle, R. Axelrod, B. Bettencourt, B. Bonta, G. Bornstein, M. Brewer, C. Insko, D. Johnson, R. Johnson, G. Maruyama, M. Pemberton, J. Rabbie, J. Schopler, D. Tjosvold, Р. Дарендорфа, Г. Зиммеля, Л. Козера, К. Хорни, К. Левина, М. Шерифа, М. Дойча, Г. Тэжфела, Дж. Тэрнера, В.М. Бехтерева, В.А. Богданова, А.А. Ершова, А.Л. Журавлева, О.И. Зотовой, Ю.С. Касюлиса, М.И. Кекелия, В.В. Костюшева, Е.С. Кузьмина, А.С. Макаренко, Е.С. Махлах, В.В. Новикова, Б.Д. Парыгина, Л.Г. Почебут, А.Л. Свенцицкого, В.А. Чикер, Е.В. Шороховой и др.).

Результаты теоретических и эмпирических исследований отдельных проблем состязательности:

- взаимосвязи между интергрупповой и интрагрупповой состязательностью (B. Bettencourt, G. Bornstein, M. Brewer, W. Dois et al., I. Erev, A. Gouldner,

C. Insko, N. Miller, C. Nemeth, M. Pemberton, D. Pruitt, J. Rabbie, G. Schopler, S. Worchel);

- оптимизации переговорного процесса (D. Tjosvold, C. De-Dreu, G. Bornstein, P. Carneval, P. Smith, D. Pruitt, S. Komorita, C. Stevens);

- выделение типов и форм состязательности (А.А. Ершов, В.А. Сафронов, А.С. Бляхман, Н.В. Гришина, Л.Г. Почебут, В.А. Чикер, Т.В. Эленурм и др.);

- исследование состязательных установок (В.А. Богданов, А.А. Ершов, Ю.М. Жуков, А.Л. Журавлев, О.И. Зотова, Е.С. Кузьмин, В.В. Новиков и др.);

- включенность личности в состязательные отношения (И.Ф. Беляева, Е.Е. Бочарова, А.А. Ершов, Ю.М. Жуков, О.И. Зотова, Ю.С. Касюлис, А.И. Левина, Б.Д. Парыгин, В.П. Позняков, А.А. Русалинова, Г.В. Слуцкий, Б.Г. Тукумцев, Т. Эленурм, Е.В. Шорохова и др.);

- влияния различных факторов на формирование и развитие состязательности (R. Axelrod, B. Bettencourt, B. Bonta, G. Bornstein, M. Brewer, C. De-Dreu, S. Fiske, N. Friedland, C. Insko, N. Miller, A. Montagu, S. Neuberg, J. Rabbie, J. Schopler, N. Segal, М. Дойч, И.Ф. Беляева, В.М. Бехтерев, В.А. Богданов, Р.Б. Гительмахер, Н.Ф. Добрынин, А.А. Ершов, А.Л. Журавлев, О.И. Зотова, Ю.С. Касюлис, П.М. Кацура, В.М. Коган, Е.С. Кузьмин, А.С. Макаренко, В.А. Мальцев, М. Маро-Левитина, Н.П. Острянский, В.А. Палицын, Б.Д. Парыгин, А.В. Рыжов, А.Л. Свенцицкий, А.Г. Симаков, О.А. Черникова, И.И. Чангли, Е.В. Шорохова и др.);

- анализ последствий состязательности в работах Э. Аронсона, М. Дойча, П. Кинан, У. Хэгстрома, М. Шерифа, B. Bettencourt, B. Bonta, B. Brewer, P. Carnevall, M. Goldman, D. Johnson, R. Johnson, J. Julian, F. Perry, T. Pettigrew, B. Schlenker, D. Tjosvold, R. Vonk, A. Workie, В.А. Богданова, А.Л. Журавлева, О.И. Зотовой, В.В. Костюшева, Е.С. Кузьмина, Е.С. Махлах, Л.М. Митиной, Т.М. Мишиной, В.В. Новикова, Н.П. Острянского, В.П. Познякова, В.А. Полторака, А.Г. Симакова, Е.С. Шороховой и др.

Социально-психологические концептуальные представления о состязательности как составной части проблемы взаимовлияния группы и личности,

изложенные в работах Г.М. Андреевой, Р. Бэрона, Р. Зайенса, Н. Коттрелла, Е.С. Кузьмина, А. Манстеда, Д. Мура, Р.С. Немова, Н.Н. Обозова, А.В. Петровского, Дж. Сандерса, Л. Санна, Дж. Симина, Х. Уилка и Э. ван Книппенберга, Н.Ю. Хрящевой и др.

Методы исследования.

Для реализации цели, проверки гипотез и решения поставленных задач использован комплекс методов, дополняющих друг друга и обеспечивающих проверку достоверности результатов.

Теоретические методы применялись для получения информации по изучаемой проблеме и включали в себя : анализ, синтез, сравнение, обобщение, систематизацию, классификацию, типологизацию, аналитический обзор общепсихологической, социально-психологической, социологической литературы по исследуемой проблеме и смежным с ней темам, моделирование , абстрагирование.

Эмпирические методы представлены двумя группами методов. В первую группу вошли хорошо известные и зарекомендовавшие себя в социальной психологии и психологии методы эмпирического исследования: опрос (полустандартизированное интервью, анкетирование), метод социометрических измерений, анализ документов (документальные источники результативности деятельности), социально-психологические и личностные опросники (модифицированная форма В опросника FPI, шкала социально-психологической адаптированности К. Роджерса и Р. Даймонд, методика диагностики предрасположенности личности к конфликтному поведению К. Томаса, «определитель личностных предпочтений» А. Эдвардса (EPPS), методика диагностики направленности личности Б. Басса, методика самооценки Т.В. Дембо – С.Я. Рубинштейн, опросник определения уровня мотивации достижения успеха А. Мехрабяна, методики определения активности и направленности личности А.В. Петровского), наблюдение.

Особое место в исследовании занимала методика, представляющая собой специально разработанный опросник «Состязательность в различных сферах

социальной деятельности», прошедший проверку на валидность и надежность и включающий в себя две шкалы, которые позволяли фиксировать внутренний субъективный ряд (Questionnaire data), говорящий о двух ведущих тенденциях состязательности – направленности («на себя – на других» или «уход») и интенсивности (от полного безразличия до максимального самостоятельного проявления интенсивности). Выход на интегральный показатель состязательности обеспечивался процедурами классификации и типологизации двух главных составных частей состязательности – направленности и интенсивности.

Математико-статистические методы обработки эмпирических данных включали: процедуры описательной статистики, корреляционный анализ (коэффициент ранговой корреляции Спирмена, коэффициент линейной корреляции Пирсона), критерии значимости отличий (t-критерий Стьюдента, U-критерий Манна -Уитни), коэффициент α-Кронбаха, кластерный, регрессионный виды анализа. Статистическая обработка данных была выполнена с помощью стандартных пакетов прикладных программ SPSS v.22.0.

Эмпирическая база исследования.

Работа осуществлялась на протяжении длительного периода времени (более трех десятилетий). Причем в качестве одной из основных задач была систематическая верификация авторской методики на разных периодах развития общества (были трансформации в обществе, но был и в каждом конкретном случае адаптированный инвариант предмета исследования, был некий аналог лонгитюда, проблема была одна и таже). Эмпирическая база состояла из результатов эмпирических исследований, осуществленных автором на протяжении почти 30 лет на материале следующей выборки: на Норильском горно-металлургическом комбинате (145 первичных производственных групп, или 920 человек), на Соликамском целлюлозно-бумажном комбинате (38 бригад, или 596 работников), на Крымском (г. Красноперекопск) содовом заводе (34 бригады, или 541 работник), на Пермском производственном объединении «Пермнефтеоргсинтез» (25 бригад, или 198 человек), в Пермском ОКБ «Темп» (20 первичных коллективов или 331 работник), Управлении внутренних дел г.

Перми (21 подразделение, или 196 сотрудников), в г. Перми в ПЭУ ППО «Моторостроитель» (32 первичных коллектива или 239 рабочих), на Пермской промплощадке ЛПУ (16 первичных коллективов, или 237 работников), в Пермском государственном техническом университете (155 групп, или 3050 студентов), жители г. Перми, Березники, Оса, Лысьва, побывавшие в роли безработных (392 человека), педагогические коллективы средних школ г. Перми (146 первичных коллективов, или 2892 человека), жители военных городков Уральского и Сибирского регионов (1410 респондентов), ЗАО «Сибур-Химпром» г. Перми (375 человек). Исследованием в общей сложности было охвачено более чем 800 первичных производственных групп, общий объем выборочной совокупности – около 12 000 человек.

Этапы исследования. Использованный комплекс методов был обоснован в соответствии с тремя этапами эмпирического исследования:

– на первом этапе (1978–1980 гг.) изучалась научная литература, систематизировались существующие подходы и теории; определялись исходные позиции и уточнялись концептуальные положения исследования, формулировались гипотезы и понятийный аппарат;

– на втором этапе (1980–1983 гг.) разрабатывалась программа эмпирического исследования; конкретизировались и апробировались методики изучения состязательности; уточнялась модель, структура и содержание изучаемых феноменов;

– на третьем этапе (1984–2013 гг.) были подготовлены и реализованы эмпирические исследования состязательности в естественных условиях трудовой деятельности в различные периоды развития современного российского общества; осуществлялась количественная и качественная обработка, систематизация и анализ полученных данных; осуществлялось формулирование основных обобщений и выводов, описание хода и результатов исследования в публикациях, тексте диссертации и автореферате.

Надежность, достоверность и обоснованность результатов обеспечена: теоретико-методологической проработанностью проблемы (методологически-

ми подходами и принципами, положенными в основу исследования, всесторонним теоретическим анализом изучаемой проблемы); адекватностью научного аппарата цели и задачам работы; использованием взаимодополняющих методов и методик исследования; применением апробированных методик; процедурой сопоставления показателей состязательности с наиболее близкими к ним по содержанию психологическими феноменами: мотивационной сферой личности (прежде всего – с мотивацией достижений), конфликтом, уровнем притязаний, агрессией, показателями активности («психологическими коррелятами состязательности»); значительным объемом, продолжительностью и планомерностью полевых исследований, репрезентативностью выборки; сочетанием качественного и количественного анализа результатов исследований, применением методов математической статистики для обработки полученных эмпирических данных.

Научная новизна исследования состоит в следующем.

Диссертационное исследование является одним из первых шагов трансформации классической аналитической парадигмы в системоцентрическую, а затем - в метасистемную парадигму рассмотрения феномена состязательности.

Впервые метасистемный подход реализован по отношению к феномену состязательности, что позволило разработать целостную структурно-композиционную концепцию состязательности (рассмотреть состязательность как особую, качественно специфическую систему со встроенными метасистемными уровнями социальной реальности, деятельности, личности), отличающуюся от предшествующей традиционной дихотомической (конкурентно-кооперативной) схемы анализа состязательности выделением более полного набора параметров состязательности, поддающихся измерению (сотрудничество, конкурентность, индивидуалистичность, альтруистичность), объемностью, развернутостью, более высокой дифференцированность, и рассмотреть состязательность как своеобразное явление, в котором встраивание метасистемы в систему состязательности осуществляется не с «морфологических» позиций, а

носит функциональный характер и всегда предусматривает качественные преобразования компонентов метасистемы при их встраивании в систему.

Вскрыта структурно-уровневая организация феномена состязательности. Состязательность рассматривается как особая система со встроенными метасистемными уровнями социальной реальности, деятельности, личности, которая содержит в своей структурно-уровневой организации пять основных уровней: метасистемный, общесистемный, субсистемный, компонентный и элементный. Метасистемный структурный уровень фиксирует тот факт, что в общей структурной организации состязательности отдельные ее составляющие представлены не только в своей исходной и основной форме (то есть в процессуальном статусе), но и в аспекте их результативных проявлений и эффектов, проявляющихся в конкретных формах социальной реальности. Общесистемный уровень структурной организации данного феномена соотносится с наиболее обобщенным процессуально-психологическим проявлением, обозначаемым понятием состязательности как деятельности, поведения, соактивности людей. Это технологическая составляющая состязательности, включающая в себя как организацию взаимных действий, направленных на реализацию совместной деятельности, достижение определенной цели, воздействие различных субъектов друг на друга, взаимную обусловленность, изменение состояния субъектов, осмысленность, мотивированность взаимодействия в целом, так и «готовность помериться силами с другими людьми в определенных видах деятельности для того, чтобы улучшить личные и коллективные достижения», направленность изменения его активности и качества взаимосвязанности с другими субъектами, интенсификацию своих основных характеристик, надситуативность и др. На субсистемном уровне локализованы не отдельные компоненты состязательности, а их функциональные синтезы, являющиеся продуктами комплексионирования частных компонентов феномена состязательности со встроенными метасистемами социальной реальности, деятельности, личности. На субсистемном уровне состязательность представляет собой определенную форму, средство, состояние, которые реализуются и наполняются каждый раз конкретным содер-

жанием. То есть субсистемный уровень представляет собой систему с принципиально переменным составом и структурой, наполняющимся в каждом отдельном случае конкретным содержанием, детерминируемым как объективно-ситуационными, так и субъективными, всегда конкретными факторами. Поэтому в аспекте сущностных, содержательных характеристик и в плане ситуационной наполненности субсистемный уровень состязательности всегда предстает как определенная актуализация части содержания исходного целого – социальной реальности, деятельности (взаимодействия, активности), личности, то есть всегда, в каждый конкретный момент создается, строится. При этом это созидание осуществляется не с нулевой отметки, а по типу мультиплицирования, то есть встраивания метасистем (социальной реальности, деятельности, личности) в одну из важнейших своих систем (состязательность), представленную тем или иным основным видом состязательности: конкурентностью, индивидуалистичностью, альтруистичностью, сотрудничеством. Компонентный уровень состязательности образуют подвиды состязательности, которые представляют собой объединения отдельных элементов данного феномена в виде обобщений первого уровня. Элементный уровень состязательности составляют такие базовые параметры состязательных форм взаимодействия как *направленность* (направленность «на себя», «на других», «на себя и на других», «ни на кого») и *интенсификация* основных характеристик состязательной соактивности: от потенциального состояния состязательности – через промежуточное (реактивное) – к максимально возможной интенсивности того или иного вида состязательности.

Показано, что состязательность в своих атрибутивный характеристиках и в своей качественной определенности представляет собой своего рода наложенную систему, формирующуюся в процессе онтогенеза в общей структуре социальной реальности, деятельности, личности под детерминирующим влиянием фундаментального противоречия – противоречия между гигантским информационно-содержательным объемом социальной реальности, деятельности, личности в целом и довольно ограниченными возможностями актуального ис-

пользования всего этого объема в каждом конкретном акте состязательности. То есть в основе функциональной организации состязательности как специфической системы со встроенными метасистемными уровнями лежит взаимодействие двух качественно различных форм репрезентации ее содержания – актуальной и потенциальной, а также их взаимообратимые переводы и трансформации в условиях конкретной интеракции.

Состязательность с позиций метасистемного подхода рассматривается как многоуровневая иерархически организованная система, где у каждого из структурных уровней имеется своя качественная определенность.

Предложено понимать состязательность как качественно специфическую систему со встроенными метасистемными уровнями социальной реальности, деятельности, личности, являющуюся разновидностью взаимодействия и особой формой социально-психологической активности, представляющую собой следствие одновременной реализации двух амбивалентных свойств, изначально присущих социальному субъекту: свойства, выражающегося в стремлении к выделению себя (обособлению) и свойства, проявляющегося в стремлении к взаимодействию (интеграции).

Дана системная характеристика общей феноменологии состязательности, что расширяет эмпирический базис социальной психологии.

Разработанная структурно-композиционная концепция состязательности открывает возможность для становления и развития нового научного направления – психологии состязательности, предполагающей изучение формирования, функционирования и оптимизации в обществе состязательности и отдельных ее видов как форм социально-психологической активности.

Теоретическая значимость состоит в том, что в диссертации:

- продуктивная реализация метасистемного подхода по отношению к состязательности позволяет расширить теоретические рамки методологического принципа метасистемного анализа;

- раскрытие структурно-уровневой организации феномена состязательности вносит существенный вклад в дальнейшее развитие идей структурно-

уровневой организации психики в целом и социально-психологических феноменов, в частности, в результате этого оказалось возможным преодолеть кризисные моменты теоретического анализа феномена состязательности;

– рассмотрение феномена состязательности как системы со встроенными метасистемными уровнями социальной реальности (социума), деятельности (взаимодействия), личности свидетельствует о том, что состязательность не только имеет общие с социальной реальностью (социумом), деятельностью (взаимодействием), личностью черты, но и своеобразным образом влияет на структуру и функционирование социальной реальности (социума), деятельности (взаимодействия), личности. Благодаря тому, что состязательность является системой со встроенными метасистемными уровнями, социальная реальность (социум), деятельность (взаимодействие), личность оказываются открытыми для обогащения и изменения;

- показано, что состязательность как «функциональный орган», формирующийся в процессе онтогенеза в общей структуре социальной реальности, деятельности, личности под детерминирующим влиянием фундаментального противоречия – противоречия между гигантским информационно-содержательным объемом социальной реальности, деятельности, личности в целом и довольно ограниченными возможностями актуального использования всего этого объема в каждом конкретном акте состязательности, является одним из средств своеобразной борьбы с практически неограниченной содержательной емкостью метасистем социальной реальности, деятельности, личности и тем самым, с позиций понятия наложенной (с переменным составом) системы, состязательность раскрывается как часть социальной реальности, деятельности, личности, как их орган. Но при этом состязательность, являясь системой со встроенными метасистемными уровнями и выступая объективно как некая составляющая подсистема более общих метасистем (социальной реальности, деятельности, личности), всегда, несмотря на иллюзию автономности и самодостаточности, производна и вторична по отношению к этим метасистемам. Состязательность всегда возникает по принципу встраивания социальной ре-

альности, деятельности, личности в определенный «функциональный орган», репрезентирующийся субъективно и лежащий в основе феномена состязательности. Причем состязательность всегда представляет собой определенный результат встраивания метасистем в систему, мультиплицирования первых во второй;

– анализ состязательности как особой системы функционального типа со встроенными метасистемными уровнями, содержащей в своей структурно-уровневой организации пять основных уровней: метасистемный, общесистемный, субсистемный, компонентный и элементный,- обеспечивает возможность перехода от традиционной упрощенной дихотомической схемы изучения состязательности (конкуренция-кооперация) к более дифференцированной субординированной шкале;

– показано, что в основе функциональной организации состязательности как специфической системы со встроенным метасистемным уровнем лежит взаимодействие двух качественно различных форм репрезентации ее содержания – актуальной и потенциальной, а также их взаимообратимые переводы и трансформации в условиях конкретной интеракции. Тем самым обосновывается, что состязательность оказывается в состоянии использовать в качестве механизма своей функциональной организации не только структурно-содержательную, но и особый тип системности – временную системность;

- обнаружено, что функциональный аспект анализа состязательности позволил выделить те функции, которые состязательность реализует в контексте более общей целостности, выступающей по отношению к ней (состязательности) метасистемой: аналитическую, объяснительную, практическую (адаптационную), прогностическую, формирующую; дал возможность проанализировать развертывание собственных закономерностей функциональной организации состязательности в своем результативном проявлении к становлению различных функциональных качественных образований и связей в динамике развития форм и видов данного феномена на протяжении последних трех десятилетий в современном российском обществе, в достаточно ярко выраженной

связи видов и подвидов состязательности с метасистемами социальной реальности, деятельности, личности, в формировании особенностей личностных качеств (симптомокомлексов) субъекта состязательности;

– установлено, что закономерности филогенетического развития состязательности во многом воспроизводятся в процессе онтогенетического ее развития (хотя и в определенном трансформированном и конкретизированном виде), тем самым удостоверяя общий принцип эволюционного развития, заключающийся в формировании состязательности как системы со встроенными метасистемными уровнями;

– состязательность рассматривается как многоуровневая иерархически организованная система, где у каждого из структурных уровней имеется своя качественная определенность. При этом каждая соответствующая определенному структурному уровню категория качеств представляет собой действенное эвристическое средство для раскрытия психологического содержания состязательности;

– показано, что в качестве интегративных эффектов состязательности выступают своеобразные типы «состязательной личности», в основе выделения которых «лежат» такие личностные свойства как доминирование, мотивация достижения (активность), независимость: мотивационно-доминантные типы состязательной личности («конформно-подчиняющийся» тип, «конформно-доминантный» тип, «подчиненно-успешный» тип, «доминантно-успешный» тип), «незасисимо-подчиняющийся» тип, «независимо-доминантный» тип, «успешный с элементами незасисимости и подчинения» тип, «успешный с элементами незасисимости и доминирования» тип состязательной личности;

– выявлены и обоснованы основные социально-психологические корреляты состязательности и отдельных ее видов;

– выявлено, что состязательность выступает одновременно и одним из главных источников развития отношений совместности (вследствие заложенно-

го в ней внутреннего противоречия), и одним из наиболее точных и надежных индикаторов уровня развития этих отношений;

– определены основные тенденции влияния различных факторов (социальных, социально-психологических, личностных, индивидных) на развитие отдельных видов состязательности;

– предложенная концептуальная схема анализа состязательности позволила не только внести определенную ясность в одну из наиболее запутанных проблем состязательности – вопрос о последствиях (эффектах) состязательности, но и в значительной степени уточнить дифференцирующий эффект каждого из видов и подвидов состязательности в различных сферах жизнедеятельности (для продуктивности деятельности, для совместного группового существования, для личностного развития);

- разработанная структурно-композиционная концепция состязательности способствует становлению социально-психологической теории состязательности в качестве теории среднего ранга. Работа вносит вклад в развитие теории социального взаимодействия, расширяя понимание особенностей формирования социально-психологической активности субъектов, углубляя представление о механизмах формирования и развития отношений совместности (коллективности), типах «состязательной личности». Результаты исследования способствуют уточнению понятий «конкурентность», «сотрудничество», «соревновательность», «коллективность» («совместность»), «эффекты отношений сотрудничества-конкурентности». Предложены понятия «состязательность», «состязательная личность», дополнены понятия «структура социального и межличностного взаимодействия», «структура социально-психологической активности», «виды социально-психологической активности».

Практическая значимость исследования определяется тем, что созданная структурно-композиционная концепция состязательности может быть использована в качестве психологической основы для оптимизации процесса регулирования развития той или иной социальной общности, социального взаимодействия на всех уровнях (от межличностного до межгосударственного) и во

всех сферах совместной деятельности. Результаты исследования имеют практическое значение для самого широкого спектра экономических, социальных и социально-психологических процессов, так как состязательность выступает как одним из основных непосредственных источников повышения эффективности деятельности субъектов, так и оказывает существенное опосредующее влияние на совместную деятельность в качестве одного из главных индикаторов развития отношений совместности. Учет специфики каждого из видов состязательности позволит более точно и дифференцированно подойти к проблеме совершенствования организации совместной деятельности на разных уровнях. Использование состязательности, как критерия определения уровня развития отношений совместности в различных социальных группах, может представлять собой основу оптимизации процесса управления и руководства ими. Знание и учет особенностей различных видов состязательности облегчит осознанный выбор наиболее подходящего для конкретных условий совместной деятельности вида состязательности.

Полученные данные можно использовать в практике консультативной работы в организации, в том числе по проблемам управления трудовой и инновационной деятельностью с органами государственного управления, научно-техническими и производственными организациями, государственными и частными корпорациями, заинтересованными в современных технологиях управления. Материалы диссертации могут быть использованы в учебном процессе при подготовке специалистов в системе высшего и дополнительного образования. Автором они включены в учебные курсы «Социальная психология», «Социальная психология групп», «Психология делового общения», «Психология и управление», «Социально-психологические проблемы трудового поведения», читаемые студентам и слушателям гуманитарного факультета Пермского национального исследовательского политехнического университета, Пермского гуманитарно-технического института, факультетов повышения педагогической квалификации при Пермском национальном исследовательском политехниче-

ском университете, положены в основу ряда авторских учебно-методических пособий.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Адекватной и наиболее конструктивной основой для разработки социально-психологической концепции состязательности является системный подход. Но он является таковым (адекватным и конструктивным) не в кассическом варианте, а лишь при необходимости трансформации его в метасистемный вариант, поскольку он позволяет раскрыть данный феномен в объективно главных гносеологических планах: метасистемном, структурном, функциональном, генетическом и интегративном. Иначе говоря, собственно этот метасистемный вариант системного подхода раскрывает объект исследования в его основных, сущностных аспектах. Именно такая концепция состязательности, раскрывающая этот феномен в объективно главных гносеологических планах, и была методологически, теоретически обоснована и эмпирически верифицирована в данной работе.

2. Показано, что основные кризисные моменты современного состояния изучения феномена состязательности связаны с исчерпаемостью аналитической стадии разработки данной проблемы, которая характеризуется такими чертами как: выраженная аспектность ее разработки, аналитичность большинства подходов к ее изучению, фрагментарность и мозаичность представлений о данном феномене, преобладание эмпирических (прикладных) исследований над теоретическими (концептуальными), феноменологизм в ее анализе, преобладание описательных схем и подходов, эклектизм в общем подходе к рассмотрению состязательности. Данное обстоятельство свидетельствует о необходимости коренной трансформации данной парадигмы в системную. Другими словами, именно основные кризисные моменты современного состояния теоретического анализа феномена состязательности допускают свою конструктивную реализацию (преодоление кризисного состояния) в первую очередь на основе метасистемного подхода.

3. Онтологическая специфичность состязательности заключается в ее принадлежности к качественно особому классу систем, рассматривающих состязательность как «функциональный орган» (говоря иными словами, встраивание метасистемы в систему состязательности осуществляется не с «морфологических» позиций, а носит функциональный характер и всегда предусматривает качественные преобразования компонентов метасистемы при их встраивании в систему), что позволяет разработать целостную социально-психологическую концепцию состязательности (рассмотреть состязательность как особую, качественно специфическую систему со встроенными метасистемными уровнями социальной реальности, деятельности, личности), отличающуюся от предшествующей традиционной (аналитической) дихотомической (конкурентно-кооперативной) схемы анализа состязательности выделением более полного набора параметров состязательности, поддающихся измерению (сотрудничество, конкурентность, индивидуалистичность, альтруистичность), объемностью, имеющей горизонтально-вертикальное строение, которая раскрывает социально-психологическую основу изменения активности субъектов совместной деятельности и качественного своеобразия развития социального и межличностного взаимодействия.

4. Обосновано положение согласно которому структурная организация состязательности подчиняется общему принципу структурно-уровневого устройства психологического явления. Впервые доказано, что состязательность как социально-психологический феномен, организована на основе принципа структурно-уровневого подхода и включает в себя целостную иерархию из пяти структурных уровней: метасистемного, общесистемного, субсистемного, компонентного и элементного, - и раскрыта содержательная сущность каждого из этих уровней

5. Особую, центральную роль в целостной иерархии структурно-уровневой организации состязательности играет субсистемный уровень, на котором локализованы не отдельные компоненты состязательности, а их функциональные синтезы, являющиеся продуктами комплексионирования частных

компонентов феномена состязательности со встроенными метасистемами социальной реальности, деятельности, личности, а сама состязательность представляет собой определенную форму, средство, состояние, которые реализуются и наполняются каждый раз конкретным содержанием. При этом это созидание осуществляется не с нулевой отметки, а по типу мультиплицирования, встраивания метасистем (социальной реальности, деятельности, личности) в одну из важнейших своих систем (состязательность), представленную тем или иным основным видом состязательности: конкурентностью, индивидуалистичностью, альтруистичностью, сотрудничеством.

6. В основе функциональной организации состязательности как специфической системы со встроенным метасистемным уровнем лежит взаимодействие двух качественно различных форм репрезентации ее содержания – актуальной и потенциальной, а также их взаимообратимые переводы и трансформации в условиях конкретной интеракции. Тем самым обосновывается, что состязательность оказывается в состоянии использовать в качестве механизма своей функциональной организации не только структурно-содержательную системность, но и особый тип системности – временную системность.

7. Функциональный аспект анализа состязательности позволил выделить те функции, которые состязательность реализует в контексте более общей целостности, выступающей по отношению к ней (состязательности) метасистемой: аналитическую, объяснительную, практическую (адаптационную), прогностическую, формирующую и др.; рассмотреть развертывание собственных закономерностей функциональной организации состязательности в своем результативном проявлении к становлению различных функциональных качественных образований и связей, проявляющихся в динамике развития форм и видов данного феномена на протяжении последних трех десятилетий в современном российском обществе, в выраженной связи видов и подвидов состязательности с метасистемой социальной реальности (состязательность выступает одной из ведущих детерминант группового структурирования и одним из наиболее точных и надежных индикаторов уровня развития отношений совместно-

сти), метасистемой деятельности (активные формы состязательности имеют более сильный положительный эффект для результативности деятельности, по сравнению с влиянием аналогичных пассивных видов состязательности, активное сотрудничество отличается наиболее сильным оптимизирующим и однозначным положительным влиянием), метасистемой личности (активные формы состязательности и здесь имеют более сильный положительный эффект для личности по сравнению с влиянием аналогичных пассивных видов состязательности; при этом активное сотрудничество наиболее сильно положительно влияет на состояние личности, а наиболее негативные последствия для личности характерны для такого подвида состязательности как реактивная индивидуалистичность); выявить своеобразные симптомокомлексы, социальные портреты "состязательной личности".

8. В качестве интегративных эффектов состязательности выступают своеобразные типы «состязательной личности», в основе выделения которых «лежат» такие личностные свойства как доминирование, мотивация достижения (активность), независимость: мотивационно-доминантные типы состязательной личности («конформно-подчиняющийся» тип, «конформно-доминантный» тип, «подчиненно-успешный» тип, «доминантно-успешный» тип), «незасисимо-подчиняющийся» тип, «независимо-доминантный» тип, «успешный с элементами незасисимости и подчинения» тип, «успешный с элементами незасисимости и доминирования» тип состязательной личности. При этом каждый из выделенных типов состязательной личности обладает своеобразным симптомокомплексом личностных качеств.

9. Состязательность как разновидность взаимодействия и особая форма социально-психологической активности, являющаяся следствием одновременной реализации двух амбивалентных стремлений, изначально присущих социальному субъекту: к выделению себя (обособлению) и к взаимодействию (интеграции), представляет собой целостную структуру, включающую два равноценных основания («направленность» и «интенсивность»), которая позволяет перейти от традиционной упрощенной дихотомической схемы изучения состя-

зательности («конкуренция – кооперация») к более дифференцированной шкале. По такому основанию, как *направленность*, состязательность делится на четыре вида: 1) конкурентность (реализация стремления к обособлению); 2) альтруистичность (реализация тенденции к интеграции); 3) сотрудничество (реализация одновременно этих двух свойств субъекта); 4) индивидуалистичность (реализация своих целей субъектом без связи с достижениями других). В свою очередь, каждый из видов состязательности может дифференцироваться в зависимости от уровня интенсивности его проявления.

10. Теоретические положения структурно-композиционной концепции состязательности можно использовать в качестве методологической основы для анализа, систематизации и объяснения накопленного на протяжении нескольких столетий теоретического и эмпирического материала (нередко противоречивого) исследования различных видов состязательности: трудового состязания, соревнования, соперничества, состязания, конкуренции, враждебности, социального конфликта, кооперации (сотрудничества), социалистического соревнования и др.

11. Конструктивность основных теоретико-методологических положений предлагаемой структурно-композиционной концепции состязательности проявляется в том, что на ее основе удалось получить целую систему эмпирических данных, характеризующих особенности развития и функционирования состязательности в реальных условиях российского общества. В частности, были выявлены основные тенденции динамики состязательности в современном российском обществе (по крайней мере – тенденции, характерные для Уральского региона России) на протяжении последних трех десятилетий; установлено, что состязательность определяет изменение активности субъектов совместной деятельности и имеет место достаточно ярко выраженный, относительно стабильный и однозначный дифференцирующий эффект различных видов и подвидов состязательности для всех сторон жизнедеятельности субъекта (результативности его деятельности, межличностных отношений, состояния личности); обнаружено, что состязательность выступает одной из ведущих де-

терминант группового структурирования и одним из наиболее точных и надежных индикаторов уровня развития отношений совместности.

12. Состязательность, как система со встроенными метасистемными уровнями социальной реальности, деятельности, личности, являясь одним из наиболее надежных и точных дифференцирующих признаков внутригруппового структурирования и развития, который, с одной стороны, чутко реагирует на влияние макро- и микроусловий, с другой стороны, оказывает сильное и достаточно однозначное воздействие на основные сферы жизнедеятельности (результативность деятельности, межличностные отношения, развитие личности), вполне обоснованно претендует на роль одного из надежных и устойчивых универсальных индикаторов социального и социально-психологического развития того или иного субъекта (группы, личности) взаимодействия.

Апробация и внедрение основных теоретических положений и результатов исследования осуществлялись в следующих формах:

1) доклады, выступления и сообщения на международных российских, межрегиональных, всесоюзных конгрессах, конференциях, симпозиумах и семинарах: конференция Уральского отделения общества психологов (Пермь, 1978, 1986); всесоюзная конференция «Современные проблемы прикладной социологии и социальной психологии» (Ленинград, 1984); всесоюзная конференция «Проблемы социально-психологической службы промышленного предприятия» (Курган, 1985); всесоюзная конференция «Актуальные проблемы социальной психологии» (Москва, 1986); межрегиональная конференция «Моделирование соревновательных процессов» (Таллин, 1987); межвузовская конференция «Самодвижение. Самоорганизация. Самоуправление» (Пермь, 1987); всесоюзная конференция «Перестройка социально-экономической жизни и промышленная социология» (Курган, 1988); всесоюзная конференция «Общефилософские проблемы теории и методологии качества деятельности» (Омск, 1990); всесоюзная конференция «Этика и социология политической деятельности» (Владимир, 1990); Файнбургские чтения (Пермь, 1992, 1994, 1996, 1998,

2000, 2002, 2004, 2006, 2008, 2010, 2012, 2014); всероссийская конференция «Обновление России: общество – образование – молодежь – культура» (Екатеринбург, 1993, 1998, 2000, 2005, 2008); международная конференция «Психологические науки в системе инженерного образования» (Москва, 1993, 2002); всероссийская конференция «Семья: ресурсы и ответственность в изменяющемся мире» (Омск, 1994); всероссийская конференция «Современное российское общество: осмысление прошлого, поиск достойного будущего» (Красноярск, 1995); международный конгресс «Актуальные проблемы современной психологии индивидуальности и общества» (Харьков, 1995); всероссийская конференция «Реформирование производственных отношений. Социальное партнерство» (Пермь, 1996, 1997); всероссийская конференция «Молодежь – будущее России» (Екатеринбург, 1996–2006); всероссийская конференция «Психология и социология: проблемы и перспективы развития» (Пермь, 1996); II–IV Международные научные Ломовские чтения (Москва, 1994, 1996, 1997); всероссийская конференция «Уральский регион как социум» (Челябинск, 1998, 2007); Ананьевские чтения (Санкт-Петербург, 1998, 2005); II, III, IV съезды РПО (Ярославль, 1998; Санкт-Петербург, 2003; Ростов-на-Дону, 2007); всероссийская конференция «Актуальные проблемы современного образования в России» (Челябинск, 1998); международный конгресс «Социальная психология – XXI век» (Ярославль, 1999); всероссийская конференция «Проблемы общественного развития в зеркале социологии и экономики» (Екатеринбург, 1999–2008); международный конгресс «Социология и общество» (Санкт-Петербург, 2000); всероссийская научная конференция «Уральские социологические чтения» (1996–2010); всероссийские научно-практические конференции «Формирование гуманитарной среды и внеучебная работа в вузе, техникуме, школе» (Пермь, 1993–2014); межрегиональная научно-практическая конференция «Молодежь Прикамья на рынке труда» (Пермь, 2002); всероссийская конференция «Социология в меняющемся социуме» (Уфа, 2001); II, III Всероссийские социологические конгрессы (Москва, 2003, 2008); международная конференция

«Психология общения: социокультурный анализ» (Ростов-на-Дону, 2003); межвузовская научно-практическая конференция «Социальная психология сегодня: наука и практика» (Санкт-Петербург, 2007); всероссийская научно-практическая конференция «Проблемы труда, трудовых отношений и качества жизни» (Самара, 2007); X–XI международные конференции «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования» (Екатеринбург, 2007, 2008); всероссийская научно-практическая конференция «Социальные проблемы труда в условиях перехода к инновационному развитию общества» (Санкт-Петербург, 2008); международная конференция «Актуальные проблемы социологии молодежи, культуры и образования» (Екатеринбург, 2010); международная конференция «Управление социальным развитием регионов в условиях выхода из кризиса в современной России и странах СНГ» (Челябинск, 2010); 11-я, 12-я международные научно-практические конференции «Интегральная психология: теория и метод» (Ярославль, 2012, 2013); международный конгресс «Психология XXI столетия» (Ярославль, 2012);

2) работа по прикладной тематике, ведущаяся в лаборатории социологии Пермского национального исследовательского политехнического университета на протяжении более чем 20 лет, в которой автор выступал ответственным исполнителем и научным руководителем. Результаты проведенных исследований использованы на ряде промышленных предприятий (Норильский горно-металлургический комбинат, Пермское производственное объединение «Пермнефтеоргсинтез», Крымский содовый завод, Соликамский целлюлозно-бумажный комбинат, Пермское ОКБ «Темп», ЗАО «Сибур-Химпром», ПЭУ ППО «Моторостроитель» и др.) и организаций (УВД г. Перми, педагогические коллективы средних школ г. Перми, Управление Федеральной государственной службы занятости населения по Пермской области и др.) с целью совершенствования в них социально-психологической обстановки, оптимизации формирования и развития отношений совместности и состязательности, для улучшения эффективности их совместной деятельности;

3) использование в педагогической деятельности в высших учебных заведениях (Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермский гуманитарно-технический институт, факультет повышения педагогической квалификации при Пермском национальном исследовательском политехническом университете) в процессе подготовки учебных курсов по дисциплинам «Социальная психология», «Социальная психология групп», «Психология делового общения», «Психология и управление», «Социально-психологические проблемы трудового поведения»;

4) систематические обсуждения на заседаниях научно-методологических семинаров кафедры социологии и методологического совета гуманитарного факультета Пермского национального исследовательского политехнического университета, в рамках методологического семинара Института психологии РАН, методологических семинаров факультета психологии Ярославского госуниверситета;

5) публикации в печати. Содержание диссертации отражено более чем в 130 работах общим объемом около 130 печатных листов. Основные публикации автора по теме диссертации – 116 работ, в числе которых 19 статей в журналах, рекомендованных ВАК РФ, 3 монографии, 34 статьи (раздела) в книгах, сборниках и коллективных монографиях, статьи и материалы конференций.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, шести глав, заключения с выводами, списка использованных литературных источников, приложения, 68 таблиц, 8 рисунков. Общий объем основного текста диссертации – 506 машинописных страниц. Логика изложения результатов предусматривает: постановку проблемы (глава 1), разработку методологии нового подхода к ее решению и развертывание основных теоретических положений (глава 2), результаты их эмпирической проверки (главы 3, 4 и 5), итоговую систематизацию содержания подхода, в том числе, основные положения структурно-композиционной концепции состязательности (глава 6). Список литературы включает 394 источника (из них 167 – на иностранных языках).

ГЛАВА 1. ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИССЛЕДОВАНИЯ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Категория ***состязательность*** пока еще не может быть отнесена к достаточно проработанным и устойчивым дефинициям. Поэтому остановимся кратко на уточнении основных понятий, связанных с феноменом состязательности или близких к нему.

Прежде всего под ***состязательностью*** предлагается понимать разновидность взаимодействия и особую форму социально-психологической активности людей, представляющей собой следствие одновременной реализации двух амбивалентных свойств, изначально присущих социальному субъекту: свойства, выражающегося в стремлении к выделению себя (обособлению), и свойства, проявляющегося в стремлении к взаимодействию (интеграции). В своей работе мы исходим из того, что именно в состязательности через феномены взаимодействия и взаимоотношения наиболее полно реализуются и раскрываются важнейшие закономерности и взаимосвязи социально-психологических явлений [42, с. 44–45]. Но при этом мы отдаем отчет и в том, что в состязательности реализуется не вся система взаимодействия и взаимоотношения с реальной действительностью, а, прежде всего, субъект-субъектные отношения. Таким образом, можно сказать, что состязательность выступает одной из важнейших форм «субъективной стороны отражения действительности», как результат субъект-субъектного взаимодействия со средой [171, с. 376–377].

Субъектом состязательности может быть как отдельный индивид, так и та или иная общность людей (от малой социальной группы до общества в целом). Состязательность пронизывает практически все процессы, в которые включен человек, от интраперсональных до интергрупповых включительно. Состязательность охватывает также все сферы жизнедеятельности индивида: экономическую, политическую, социокультурную и т.д. Как любой социальный (социально-психологический) процесс, состязательность обладает такими

свойствами, как симметричность и динамичность. Симметричность выражается в наличии двух противоположных полюсов процесса состязания. Один полюс можно условно обозначить как конкурентность. ***Конкурентность*** выступает проявлением одной из двух тенденций, присущих субъекту взаимодействия: ориентация на обособление (противопоставление себя другим) в процессе сравнения, оценивание и регуляция своей деятельности. Противоположный полюс состязательности, который представляет собой также одностороннее проявление, но уже другой тенденции, присущей субъекту (тенденция к интеграции, объединению, даже в ущерб себе), можно условно обозначить как ***альтруистичность.*** Теоретически оптимальной формой состязательности выступает ***конструктивное сотрудничество*** (или просто ***сотрудничество***), которое представляет собой такую форму реализации механизмов взаимного стимулирования активности субъектов в процессе сравнения, оценивания и регуляции ими своей деятельности, при котором происходит максимально возможная (но не обязательно одинаковая) одновременная самоактуализация (осуществление) двух противоположных тенденций, присущих субъекту: осуществление своих эгоистических интересов (выделение себя) и реализация интегративных потребностей. Еще одной формой состязательности является ***индивидуалистичность***, когда субъект достигает своих целей без связи с достижениями других.

Одной из наименее изученных сторон состязательности остается проблема выделения психологических механизмов функционирования и развития данного явления. Тем не менее накопленный опыт позволяет выделить в качестве ведущего механизма развития состязательности внутреннее противоречие между двумя основными ориентациями: к обособлению и интеграции. Как известно, именно противоречие и самопротиворечие являются всеобщей и обязательной основой развития любого явления природы и общества [24, с. 265]. Противоречивое единство парных категорий должно быть асимметрично, поскольку в реальном процессе самодвижения одна из противоположностей всегда доминирует. Именно асимметрия противоречия

выступает одним из главнейших факторов, определяющих становление нового [125, с. 5]. Внутреннее противоречие состязательности также имеет постоянную асимметрию.

Кроме того, в число состязательных механизмов традиционно включают практически весь набор известных механизмов регуляции социального поведения: мотивационно-диспозиционные механизмы, психологический обмен, валидизацию, идентификацию, стереотипизацию, категоризацию, атрибуцию, ингрупповой фаворитизм и др. Формирование того или иного вида состязательности зависит от целого ряда личностных (субъектных) и ситуационных (макросреды и микросреды) факторов, а переход от одного вида состязательности к другому всегда протекает в форме диалектического отрицания [более подробно см. 195, с. 23], является относительно длительным процессом (единство непрерывности и прерывности социального процесса, или «эффект единства прерывности и взаимности в состязательных отношениях» [339]), и при этом отрицаемое всегда входит в снятом и преобразованном виде в отрицающее (сохранение непрерывности в прерывном). Предложенные выше теоретические положения можно рассматривать в качестве основы для анализа и систематизации накопленного на протяжении нескольких столетий эмпирического материала исследования состязательности.

1.1. ИЗУЧЕНИЕ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В ЗАРУБЕЖНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Основные этапы исследования состязательности

Идея о влиянии состязательности на деятельность человека высказывалась уже в трудах социалистов-утопистов и их непосредственных предшественников. Причем сразу же бросается в глаза определенная терминологическая путаница в обозначении состязательности. Томас Мор в своей знаменитой «Утопии» отмечал, что трудовое состязание (которое он обозначал как «cooperation») выступает одной из детерминант формирования истинно человеческих отношений между людьми. Именно соревнование (но уже обозна-

чаемое им как «competition») здесь выдвигается в качестве одной из основных причин, увеличивающих эффективность деятельности жителей страны Утопии [129, с. 114–115].

Т. Кампанелла видел в соперничестве (обозначаемом им более универсальным термином «rivalry») источник умножения богатства людей и выражение общественной их активности [55, с. 88].

Ш. Фурье отводит состязанию («rivalry») в новом обществе одну из ведущих ролей, сближающих людей, вызывающих их энтузиазм, что ведет к увеличению количества и качества производимой продукции [см. 205, с. 125–129].

Р. Оуэн считал, что частная собственность и конкуренция («competition») всегда порождают вражду в обществе, служат причиной войн. В новом социалистическом обществе предпочтение общего интереса частному станет основой развития такого положительного явления, как соревнование (которое им обозначается как «socialist emulation») [136, т. 2, с. 20–31].

Подчеркнем, что идея состязательности как социального явления, имеющего два противоположных полюса (одним из которых является конкуренция, а противоположным – форма состязательности, отчасти напоминающая категорию «социалистическое соревнование», где общее доминирует над частным, но обозначаемую как «cooperation» или «socialist emulation»), была только поставлена, но не решена социалистами-утопистами. Ими не была раскрыта сущность данного явления, состязательность рассматривалась в основном в отрыве от проблемы совместности.

1.1.1. РАННИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В ИЗУЧЕНИИ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ

В ранней социологической и социально-психологической мысли получило широкое распространение так называемое «органическое направление», взявшее за основу анализа взаимодействия между человеком и обществом прямую аналогию с животным миром. Идеи естественного отбора Ч. Дарвина, в основе которого лежит борьба за существование, обеспечивающая выжива-

ние наиболее приспособленных особей, на долгие годы обеспечили доминирование в социальных науках представлений о ведущем (а иногда – и единственно приемлемом) виде состязательности – конкурентной борьбы за пропитание, территорию, особь противоположного пола, стремление к более высокому месту в иерархической структуре группы и т.п. Наиболее яркими представителями этого направления в социальных науках можно назвать У. Самнера [371], Л. Гумпловича [31], А. Смолла и др. В соответствии с представлениями этого научного подхода состязательность как борьба за выживание (т.е. конкурентность) рассматривается в качестве основной формы социального взаимодействия. Это положение о ведущей роли конкуренции в дальнейшем получило широкое распространение в западной цивилизации, где до сих пор фактически конкурентность рассматривается чуть ли не единственным видом взаимодействия в спорте, политике, игре [207], экономике и других сферах жизнедеятельности. К сожалению, реальная действительность нередко подтверждает данный тезис, когда конкурентность, в основе которой лежат проблемы выживания, приобретает характер войны, забастовок, вооруженных конфликтов и т.п.

Но одновременно существовала и другая точка зрения о ведущем виде состязательности. Как отмечалось ранее, ряд социалистов-утопистов, а несколько позже – представители марксистской ориентации, отстаивали и обосновывали тезис о ведущем и наиболее прогрессивном виде состязательности – кооперации (или сотрудничестве). В частности, определенную известность приобрела работа П. Кропоткина «Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса» (1907), в которой он отмечал: «…практика взаимной помощи и ее последовательное развитие создали сами условия общественной жизни, благодаря которым человек смог развить свои ремесла и искусства, свою науку и свой разум; и мы видим, что периоды, когда институции, имевшие целью взаимную помощь, достигали своего высшего развития, были также периодами величайшего прогресса в области искусств, промышленности и науки» [85]. И хотя последователей данной точки зрения в западном мире

было не так уж и много, тем не менее, можно привести в качестве примера достаточно известную в социальных науках теорию кооперации Р. Аксельрода [233, 234], рассматривающую «кооперацию как вершину непрерывного интереса для социальных и биологических наук» [233, с. 1385].

Значительный вклад в развитие проблем состязательности внесли представители конфликтологического направления философско-социологической традиции. К. Маркс и Ф. Энгельс в своих работах дали лаконичное и глубоко аргументированное обоснование сущности состязательности, ее роли для совместной деятельности: «Подобно тому, как сила нападения эскадрона кавалерии или сила сопротивления полка пехоты существенно отличны от суммы тех сил нападения и сопротивления, которые способны развить отдельные кавалеристы и пехотинцы, точно так же и механическая сумма сил отдельных рабочих отлична от той общественной силы, которая развивается, когда много рук участвует одновременно в выполнении одной и той же нераздельной операции, когда, например, требуется поднять тяжесть, вертеть ворот, убрать с дороги препятствие. Во всех таких случаях результат комбинированного труда не может быть достигнут единичным усилием, или может быть осуществлен в течение гораздо более продолжительного времени, или же лишь в карликовом масштабе. Здесь дело идет не только о повышении путем кооперации индивидуальной силы, но и о создании новой производительной силы, которая по самой своей сущности есть массовая сила. Но и помимо той силы, которая возникает из слияния многих сил в одну общую, при большинстве производительных работ уже самый производительный контакт вызывает соревнование и своеобразное возбуждение жизненной энергии, увеличивающее индивидуальную производительность отдельных лиц... Причина этого заключается в том, что пробуждается соперничество отдельных лиц и напрягается их жизненная энергия» [117, с. 337–340]. Они также привели огромное число аргументов в пользу исторически преходящего характера различных видов состязательности. В частности, ими была логически доказана (с опорой на многочисленные эмпирические и историче-

ские факты) идея о неизбежности замены конкуренции принципиально отличным отношением производства – соревнованием как результатом общественного контакта, возникающего в процессе кооперации труда, и вызывающим возбуждение жизненной энергии, стремление людей выразить свою социальную сущность в плодах своей деятельности [121, с. 613; 123, с. 33, 75; 122, с. 435; 116, с. 7; 118, с. 18; 119, с. 419; 120, с. 105; 222, с. 550, 559, 563; 225, с. 541; 223, с. 326; 224, с. 39–40, 113].

Другой классик социологической мысли – Георг Зиммель – подобно К. Марксу полагал, что острое противоречие в обществе неизбежно, но он проявлял интерес к более широкому кругу состязательных и конфликтных явлений, больше внимания уделял истокам состязательности, сформулировал представление о позитивных функциях конфликта-конкуренции. Г. Зиммель подробно останавливается на рассмотрении основ человеческих отношений, выделяя в качестве таковых ***враждебность*** и ***симпатии*** [49, с. 114]. Причем им отмечается особая роль именно враждебности, оппозиции («априорный инстинкт борьбы») [49, с. 114–115]. Но по Г. Зиммелю враждебность (конкурентность) в большей степени соответствует более низкому уровню развития индивида и человечества. (Враждебность встречается чаще и сильнее) «там, где речь идет о низших степенях развития, о первых зачатках настроенности и предрассудка в пользу или против кого-либо; что касается более высоких степеней, ведущих к практике, то тогда решает уже не эта мимолетная, однако выдающая основной инстинкт наклонность, но соображения более осознанного характера» [49, с. 116]. Также Г. Зиммель отмечает, что «взаимоотношения примитивных групп почти всегда враждебны» (данное утверждение, правда, не вполне корректно, так как в конце XX столетия собрано немало эмпирических фактов о доминировании кооперации и фактически об отсутствии враждебности в примитивных «мирных сообществах» [243, 320 и др.]).

До сих пор сохраняют свою ценность размышления Георга Зиммеля о психологической природе состязательности: «...если у человека действительно есть формальное влечение враждебности как парная противоположность по-

требности в симпатии, то, по-моему, исторически оно берет начало в одном из тех психических процессов дистилляции, когда внутренние движения, в конце концов, оставляют в душе после себя общую им форму как некое самостоятельное влечение. Интересы различного рода столь часто побуждают к борьбе за определенные блага, к оппозиции определенным личностям, что, вполне вероятно, в качестве остатка в наследственный инвентарь нашего рода могло перейти состояние возбуждения, само по себе побуждающее к антагонистическим выражениям... Одно и то же влечение к экспансии и действенности, которое внутри требует безусловного мира как основы сцепления интересов и взаимодействия, вовне может выступать как воинственная тенденция» [49, с. 116–117]. Им также были отмечены некоторые закономерности состязательности. «...На почве родственной общности возникает более сильный антагонизм, чем между чужими» [49, с. 117]. «Два рода общности следует принять во внимание как фундамент особенно острого антагонизма: общность качеств и общность благодаря включенности в единую социальную связь. Первая сводится исключительно к тому, что мы являемся существами различными (Unterschiedswesen). Вражда должна тем глубже и сильнее возбудить сознание, чем больше схожесть партий, от которой она отталкивается. При мирном или исполненном любви настрое это – отличный защитный инструмент объединения, сравнимый с предупредительной функцией боли в организме; ибо именно явственная осознанность, с какой заявляет о себе диссонанс в обычно гармоничных отношениях, сразу же призывает к устранению почвы для спора, чтобы он не разъел отношения до самого основания» [49, с. 117–118]. При этом «...отношения гармоничных натур обретают то преимущество, что именно в конфликте они осознают, сколь незначителен он по сравнению с соединяющими их силами» [49, с. 119].

Для Г. Зиммеля также было характерно своеобразное понимание основных категорий состязательности. Как утверждает Дж. Тернер, Георг Зиммель рассматривает конфликт (понятие, фактически тождественное состязательности. – *В. Л.*) как переменную, интенсивность которой образует континуум с по-

люсами – ***конкуренция*** и ***борьба***. И если ***конкуренция*** очерчивается Г. Зиммелем более или менее четко, «как упорядоченная взаимная борьба партий, приводящая к их взаимному обособлению», то в понятие ***борьба*** им включаются (не дифференцированно) все остальные виды состязательности: ***борьба*** означает более беспорядочную битву партий [188, с. 132–133]. Тем не менее оригинальность и новизна идей Г. Зиммеля позволили сделать очередной шаг в развитии взглядов на состязательность.

С тех пор как французский исследователь Г. Лебон (1895 г.), американец У. Г. Самнер (1906 г.) и другие социал-дарвинисты написали свои исторически знаменитые работы в конце XIX столетия, создалась традиция в социальных науках – верить, что группы являются более конкурентными и агрессивными, чем индивиды [98, 371]. В современной социальной психологии этот пессимистический взгляд на большую конкурентность групп (по сравнению с индивидами) представляется теорией социальной идентичности Г. Тэжфела, теорией самокатегоризации Дж. Тернера [185, 190], гипотезами «прерывности» (разрыва) состязательных отношений Дж. Схоплера и К.А. Инско [350] и др.

Традиции диалектического подхода К. Маркса и «конфликтного функционализма» Г. Зиммеля в дальнейшем получили наибольшее развитие в работах современных «классиков» конфликтологии, а точнее, – в диалектической теории конфликта немецкого социолога Р. Дарендорфа [32, 260] и теории конфликтного функционализма американского исследователя Л. Козера [71, 72, 188]. Дополнительно необходимо отметить, например, что Р. Дарендорф особое внимание уделяет двум основным переменным состязательности: интенсивности и насильственности. «Конфликты (состязательные отношения. – *В. Л.*) могут быть более или менее интенсивными и более или менее насильственными. Допускается, что обе переменные изменяются независимо друг от друга: не каждый насильственный конфликт обязательно является интенсивным, и наоборот» [32, с. 144].

Психологическая, и особенно социально-психологическая, традиция изучения состязательности является наиболее богатой и «разработанной» среди

всех научных дисциплин, занимающихся данной проблематикой. Начиная с самых первых работ, в которых человек наделялся либо «социальными инстинктами», обеспечивающими стремление к кооперации с другими людьми, либо, напротив, враждебными (оппозиционными), связанными с потребностью в подавлении и эгоистическими интересами, психологи занимались поиском основ согласия и вражды, сотрудничества и конкуренции (борьбы) между людьми.

Западная классическая психология первой половины XX столетия предложила несколько вариантов понимания состязательности: как явления, возникновение и особенности которого определяются, прежде всего, ситуацией; как явления, природа которого определяется через интрапсихические процессы; как явления, для осмысления которого необходим не только учет личностных особенностей и объективной ситуации, но и понимание субъективной интерпретации человеком происходящего.

1.1.2. ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ В ИССЛЕДОВАНИИ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ

Противоречие между различными структурными элементами личности становятся основой как понимания личности, так и ее поведения в психоаналитических теориях. Традиция описания состязательности как интрапсихического явления фактически была заложена еще З. Фрейдом. Состязательности здесь приписывается изначальный характер в силу противоречивости природы человека. И поэтому основное внимание в психоаналитическом подходе уделяется внутриличностным противоречиям неосознаваемого характера, которые, в свою очередь, оказываются главной детерминантой межличностных проблем и социального поведения [204, 210, 211, 212, 226].

Так, например, К. Хорни выделяет три основных типа социальной направленности (состязательности), присущие любому человеку и проявляющиеся у него в зависимости от ситуации: «движение к людям» (сотрудничество с людьми, уступчивость), «движение от людей» (отдаление, избегание) и «движение против людей» (борьба, конкуренция). У невротической личности эти направленности оказываются трудно совместимыми, обычно доминирует одна

из ориентаций, подавляя другие (из-за ее «базальной тревожности»). Но особое значение К. Хорни придает такой направленности личности, как «движение против людей», превращая ее фактически в базисную установку в отношении других и себя, в «определенную философию жизни» [211, с. 242–247]. Это «личностное движение» (агрессивная наклонность) пронизывает практически все стороны жизни человека, в том числе и обыденные ситуации повседневного общения. Для такого человека «жизнь является борьбой всех против всех»; в основе его потребности лежит ощущение мира как арены, где выживают, в дарвиновском смысле, лишь наиболее приспособленные, а сильные уничтожают слабых [210, с. 58–68]. Два других невротических типа социальной направленности личности – уступчивость и отстранение – также достаточно подробно проанализированы К. Хорни, в частности, в ее работе «Наши внутренние конфликты» [210, гл. 3 и 5]. И хотя благоприятная окружающая среда может быть определенной гарантией против возникновения невротического синдрома, тем не менее, с точки зрения К. Хорни, напрасно было бы рассчитывать на разрешение внутриличностных противоречий с помощью изменения одних лишь внешних факторов: «ошибка всех этих ожиданий лежит не в переоценивании важности человеческих отношений, но в недооценке мощи внутрипсихических факторов» [211, с. 600].

1.1.3. К. ЛЕВИН О СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ

Младшим современником и интеллектуальным оппонентом З. Фрейда можно рассматривать еще одного классика психологии – Курта Левина. К. Левин подвергал нападкам то, что он считал излишне историческим и интрапсихическим креном в психоаналитической традиции. К. Левин заложил традиции субъективного описания ситуации и ситуационной детерминации поведения. Основным положением ситуационизма К. Левина является тезис о том, что социальный контекст пробуждает к жизни мощные силы, стимулирующие или ограничивающие поведение. Как показали эксперименты К. Левина и его сотрудников, феномены подчинения, открытой враждебности и т. п. могут подавляться и поощряться путем сравнительно кратковре-

менной манипуляции переменными непосредственного окружения человека [161, с. 43–44]. Кроме того, по мнению К. Левина, движущей силой человеческой деятельности (в том числе и состязательности) является потребность («…это мотор, механизм человеческого поведения»). Под потребностью К. Левин понимал динамическое состояние (активность), которое возникает у человека при осуществлении какого-нибудь намерения, действия. Следует подчеркнуть, что содержанию потребности К. Левин не придавал значения. Определяющим для него был лишь ее динамический аспект: сильная или слабая напряженность, коммуникации с другими потребностями. Содержание же совершенно выпадало из поля его зрения [48, с. 18–20]. Таким образом, по К. Левину, поведение представляет собой функцию личности и ситуации (или, выражаясь его же языком, функцию «жизненного пространства», включающего в себя как самого индивида, так и существующее в его психике представление об окружающей среде). Но, несмотря на равнозначность, содержащуюся в левинской формулировке, констатирующей совместное влияние ситуационных и диспозиционных детерминант поведения, экспериментальные исследования (как самого К. Левина, так и его учеников) посвящены, прежде всего, влиянию непосредственной ситуации. Предметом особого интереса К. Левина была способность ситуационных факторов и социальных манипуляций влиять на [состязательное] поведение, которое традиционно принято считать отражением личностных диспозиций и предпочтений [161, с. 42–43]. Тем не менее сегодня в психологии достаточно широко распространено мнение, что наибольшую роль в «прорыве» субъективности в психологию сыграл К. Левин, чья теория поля описывает среду как воспринимаемую и переживаемую субъектом [30, с. 58].

Ряд авторов считает, что К. Левин был первым психологом, сделавшим состязательность (социальный конфликт) предметом специального исследования. Он описывал данный тип взаимодействия в контексте ситуации, жизненного пространства индивида, воздействующих на него «сил поля» [100, с. 93–96; 99, с. 221–238, 269–290].

Интерпретация К. Левиным состязательности, конфликтных отношений способствовала развитию и усилению как ситуационных, так и когнитивных подходов в изучении «конкуренции–кооперации», агрессии. Тем не менее идеи К. Левина (работавшего в США) о производственных состязательных отношениях продолжают иметь гораздо большее влияние в послевоенной Японии, чем в США [161, с. 355]. Нужно также отметить, что З. Фрейд и К. Левин были авторами наиболее оригинальных и фундаментальных описаний состязательного поведения человека, породивших множество более частных представлений об этом универсальном явлении.

1.1.4. СИТУАЦИОННЫЙ ПОДХОД

Наиболее удачное и плодотворное развитие к изучению состязательности ситуационный подход получил у представителей «реалистической теории конфликта» и бихевиористской традиции.

Последователями бихевиористской ориентации, рассматривавшими состязательность как реакцию на внешние воздействия и внесшими определенный вклад в данную проблематику, были сторонники концепции «фрустрации–агрессии» – Дж. Доллард, Н. Миллер, А. Бандура, Л. Берковиц и др. [7; 238; 273]. Исходя из основных представлений бихевиористов, поведение (в том числе и состязательно-агрессивное) есть следствие определенного научения, которое, получив какое-то подкрепление, становится частью поведенческого репертуара личности. Таким образом, они предлагают рассматривать состязательные типы поведения людей как результат научения тем или иным моделям состязательности.

Более непосредственное исследование состязательности как реакции на внешнюю ситуацию связано с «реалистической теорией конфликтов», а точнее, с экспериментальным исследованием межгрупповой состязательности М. Шерифа и межличностных конкурентно-кооперативных отношений М. Дойча.

Один из наиболее продуктивных шагов в изучении состязательности был сделан Музафером Шерифом в серии полевых исследований межгруп-

повой конкуренции. Как отмечают Л. Росс и Р. Нисбетт, предпринятое М. Шерифом исследование состязательности было навеяно идеями крупного ситуациониста XIX столетия – Карла Маркса [161, с. 87]. Целью трех поставленных М. Шерифом полевых экспериментов [354, 355, 356] была демонстрация того, что межгрупповая враждебность (конкурентность) и негативные оценки не являются неизбежным следствием самого факта существования различных социальных группировок. Напротив, М. Шериф и его коллеги настаивали на том, что враждебные чувства и действия возникают как следствие особого вида состязательных отношений – из межгрупповой конкуренции за ограниченные ресурсы (а также из других реальных или кажущихся реальными

конфликтов интересов). Более того, когда действия одной группы начинают в большей степени способствовать, а не препятствовать достижению целей, преследуемых другой группой, то групповые аттитюды могут перестать быть враждебными [161, с. 88]. Для проверки этого ситуационного тезиса М. Шериф и его коллеги в течение нескольких лет организовывали летний лагерь для подростков, в котором они имели возможность экспериментировать с «объективными отношениями между группами, фиксируя затем изменения, происходящие в чувствах и действиях участников разных групп по отношению друг к другу» [354].

Поэтому не удивительно, что М. Шериф делает вывод о том, что «агрессия и сотрудничество не являются самогенерируемыми интрапсихическими явлениями. Это состояния отношения, возникающие как следствие взаимодействия между людьми в ситуациях, когда преследуемые ими цели поддерживаются или блокируются. Отсюда адекватное понимание этиологии конкуренции и кооперации требует оценивания внутри точных рамок, или контекста, ситуаций, в которых они возникают» [354].

И особо необходимо подчеркнуть, что именно благодаря экспериментам М. Шерифа длительное время стало бесспорным утверждение, что конкурентная взаимозависимость способствует возникновению конфликта между груп-

пами и повышает внутригрупповую сплоченность, в то время как кооперативная зависимость действует противоположным образом [354].

В исследованиях конкурентно-кооперативных взаимосвязей между членами группы, осуществленных М. Дойчем [35, 36, 267, 268, 269, 270, 271], данная теоретическая позиция была продолжена и в дальнейшем стала традиционной для подавляющего большинства современных исследователей состязательности, а ряд закономерностей, выделенных М. Дойчем, превратился в своеобразные аксиомы изучения состязательности. Широта распространения и долговечность идей М. Дойча в области состязательности опираются на удачное сочетание исследователем психологического, социально-психологического и социологического подходов при изучении данного явления. Более того, конкурентно-кооперативную теорию межличностного взаимодействия М. Дойча можно рассматривать как своеобразную теоретическую вершину в данной области, на которую подавляющее большинство исследователей пока вынуждено любоваться снизу. Ученик К. Левина – М. Дойч – во многом опирался в своих исследованиях на достижения учителя. В частности, выделенная К. Левиным, в качестве важнейших характеристик группы, система взаимозависимостей и взаимодействий между ее членами стала основным предметом исследований М. Дойча и его учеников. В свою очередь, в его подходе можно выделить два основных этапа. Сам он отмечал, что его «ранняя теория кооперации и конкуренции (1949 г.) является теорией эффектов кооперативных и конкурентных процессов.… В результате многочисленных исследований, проведенных моими учениками и мною (1973, 1985 гг.), я развил эту теорию… и назвал ее «гипотетическим законом социальных отношений Дойча» [35, с. 176].

Начало же данному подходу было положено в диссертационном исследовании М. Дойча (1949 г.), посвященном влиянию кооперации и конкуренции на групповые процессы [267, 268]. В многочисленных исследованиях М. Дойча изучались, прежде всего, кооперативные и конкурентные межличностные и межгрупповые отношения. Исследования проводились в учебных группах,

производственных (полевых) и лабораторных условиях. Изучались группы гомогенные и гетерогенные по различным критериям (социально-демографическим, этническим, интеллектуальным и т. п.) [268, 269].

Первоначальным результатом этих исследований, как отмечалось уже ранее, стало создание «теории эффектов кооперативных и конкурентных процессов» [267]. За основу анализа состязательных отношений М. Дойч взял модель мотивационной ориентации «двойной интерес», описанную многими исследователями [242, 258, 333 и др.]. Двойной интерес – это «свой интерес» и «интерес другого». Они рассматриваются как независимые, причем каждый из них может варьировать от «низкого» до «высокого». Изначально М. Дойч выделяет четыре основные вида состязательности. «***Кооперативность*** связана с сильной заинтересованностью в реализации как собственных интересов, так и интересов другого; ***приспособление*** – с низким собственным интересом и приданием большего значения интересам другого; ***конкурентность*** – с сильной ориентацией на реализацию собственных интересов и низкой ориентацией в отношении интересов другого; ***избегание*** – с низкой заинтересованностью в реализации и собственных интересов, и интересов другого» [35, с. 175]. Но в дальнейшем М. Дойч отбрасывает два вида состязательности – ***избегание*** и ***приспособление*** – в силу их редкого использования и основное внимание уделяет двум важнейшим, с его точки зрения, видам состязательности – кооперативности и конкурентности. Чуть позже (1973 г.) он модифицирует свою позицию и выделяет уже не два, а «три основных типа состязательной ориентации» [271]: кооперативную – сторона заинтересована в благополучии другого, как и в своем собственном; индивидуалистическую – сторона стремится к максимально собственной выгоде и мало озабочена благополучием другого; конкурентную – сторона стремится добиться как можно большего для себя и при этом получить больше, чем другой. Поскольку каждая из сторон может иметь любую из трех основных ориентаций, теоретически могут существовать девять (3×3) комбинаций. Однако как эмпирические (Дойч, 1973; Kelley and Stahelski, 1970), так и теоретические (Дойч, 1982) исследования показали, что стабильными являются

только реципрокные комбинации, тогда как нереципрокные имеют тенденцию развиваться в направлении взаимной конкуренции, если хотя бы одна из сторон имеет конкурентную ориентацию. Исследования также привели к выводу, что будет ли индивидуалистически ориентированная диада двигаться в сторону кооперации или взаимной конкуренции, зависит от внешних обстоятельств и способствующих ситуационных факторов [35, с. 175–176]. Таким образом, М. Дойч подошел к формулировке своего «гипотетического закона социальных отношений»: «Характерные процессы и эффекты, вызываемые данным типом социальных отношений (кооперативным или конкурентным), также имеют тенденцию вызывать данный тип социальных отношений» [269, с. 170].

Как видно из приведенных выше фактов, в своем основном теоретическом обобщении – «законе социальных отношений» – М. Дойч снова возвращается к упрощенной дихотомической схеме анализа состязательности. Возможно, это продиктовано отчасти и прагматическими требованиями построения объемной, но не очень громоздкой схемы социальных отношений. В 1985 г. М. Дойч вводит дополнительные параметры (помимо «кооперации–конкуренции») измерения межличностных отношений: распределение власти (равное или неравное, «доминантность–подчинение», «автономия–контроль» и т. д.); ориентация на задачу – социально-эмоциональная ориентация; формальный–неформальный характер отношений; интенсивность и значимость (этот параметр отражает глубинный или поверхностный характер отношений и связан со степенью взаимозависимости их участников). В соответствии с этими параметрами М. Дойч выделяет шестнадцать типов социальных отношений [269], при этом восемь характеризуют кооперативное взаимодействие и восемь – конкурентное. По его мнению, эти теоретические обобщения, в первую очередь, обеспечивают возможность понимания условий и факторов, которые вызывают кооперативные и конкурентные процессы. Он также подвергает критике за ограниченность диспозиционный (интрапсихический) подход (длительное время доминировавший в науке), который стремился объяснить социальное поведение в терминах относительно стабильных черт,

диспозиций и других склонностей, присущих индивиду [35, с. 178]. В рамках этого подхода им было сформулировано несколько хорошо аргументированных тезисов, объясняющих действие детерминант социальных отношений [269, 364 и др.].

Ряд исследований, осуществленных М. Дойчем в 60–70 гг., был посвящен анализу влияния на состязательные и конфликтные взаимодействия отдельных сторон таких формальных характеристик проблем, как их тип (например, «выигрыш – проигрыш», «власть или контроль над другими» и т. д.), величина и жесткость проблем [271; 35, с. 181–183]. Результаты этих исследований М. Дойч использовал при прогнозировании протекания противоречия (состязательности) по конструктивному или деструктивному пути.

Определенное внимание в работах М. Дойча было уделено и влиянию социокультурного контекста. В частности, была зафиксирована прямо пропорциональная зависимость между интенсивностью конкурентных отношений и тенденцией к этноцентризму [35, с. 185; 271]. Подводя итоги этой части работы, М. Дойч выделяет группу факторов, ведущих к закреплению и эскалации конкурентно-конфликтных отношений [35, с. 188].

Разнообразные эксперименты М. Дойча и его учеников были направлены также на сравнение результатов использования различных стратегий поведения (альтруистической, кооперативной, индивидуалистической, самозащитной или агрессивной) в ситуациях разной степени конкурентности (от относительно слабой до сильно выраженной), а также на изучение различных частных вариаций этих стратегий [30, с. 233].

Во многом именно эти результаты позволили М. Дойчу сформулировать свой знаменитый «закон социальных отношений Дойча» [269, с. 67–119].

Не обошел вниманием М. Дойч и проблему психологической ориентации (установки) участников состязательных отношений [269, с. 82–86].

Практическую направленность своих исследований М. Дойч видел, прежде всего, в возможности использования знаний об особенностях конкурентно-кооперативного взаимодействия для оптимизации социальных отношений

и, прежде всего, острых конфликтных ситуаций. Он, в частности, отмечает, что «понимание условий, которые детерминируют кооперативные или конкурентные социальные процессы, так же, как и их характеристики, является центральным в понимании обстоятельств, которые определяют конструктивные или деструктивные способы разрешения конфликтов. Конструктивный способ разрешения конфликта, в сущности, подобен эффективному кооперативному процессу, тогда как деструктивный способ подобен конкурентному взаимодействию. С тех пор, как благодаря моим работам и работам других ученых [269, 271, 295] стало многое известно о природе кооперативных и конкурентных процессов и условиях, которые их вызывают, значительная часть этого знания может быть использована для понимания факторов, которые определяют, примет ли конфликт конструктивный или деструктивный характер» [35, с. 177]. Как отмечалось ранее, «эффективность кооперативной стратегии оказалась наиболее устойчивой от эксперимента к эксперименту и в наименьшей степени выигрывала от ситуации к ситуации» [269]. М. Дойчем (вслед за М. Шерифом [354]) также было «показано, что наиболее глубокие и продолжительные позитивные изменения в межгрупповых отношениях происходили, когда поддерживалась успешная кооперация в достижении общей или высшей цели. Социальный контекст кооперации усиливает эффективность каждого из других подходов, и без кооперативного контекста они могут иметь лишь кратковременный эффект [354, с. 186]».

Нельзя обойти вниманием методический арсенал, который использовал в своих исследованиях М. Дойч. [268; 269, с. 121–129]. Эксперименты М. Дойча имели определенное преимущество перед другими представителями ситуационистского подхода, использовавшими широко лабораторные игры, поскольку создавали реальное столкновение между живыми людьми, которое можно было наблюдать и достаточно строго описывать, и отчасти преодолевали ограниченность ситуационизма за счет включения в основной блок переменных личностных качеств участников [232,с. 26; 111,с. 636].

Таким образом, теория состязательных отношений Мортона Дойча, являясь разновидностью ситуационного подхода, описывает данное социально-психологическое и социальное явление (состязательность) прежде всего как следствие объективного столкновения интересов субъектов взаимодействия. В ней наиболее полно представлены и тщательно проанализированы основные типы состязательных отношений. Сделанные автором теоретические обобщения и выводы опираются на богатейшие эмпирические данные, полученные им самим и его учениками. Это касается, в первую очередь, описания основных стратегий состязательного (конкурентно-кооперативного) взаимодействия, факторов, которые их определяют, и последствий использования различных типов состязательности. Также сегодня можно смело утверждать, что кооперативность или конкурентность отношений определяются не только объективным характером взаимодействия людей, но и тем субъективным смыслом, которым они сами наделяют свои отношения. Вызывает определенное сожаление и тот факт, что М. Дойч, описав достаточно полно теоретическую модель состязательного взаимодействия, затем практически сразу произвольно (без «привычного» для него строгого подтверждения эмпирическими данными) оставляет в поле своего теоретического и экспериментального «зрения» лишь два (хотя и наиболее важных) вида состязательности: конкурентность и кооперацию. Однако, несмотря на некоторую методологическую, теоретическую и методическую ограниченность подхода, характерную для своего времени, Мортон Дойч является, безусловно, до сих пор наиболее признанным (и во многом непревзойденным) авторитетом среди исследователей, занимающихся изучением проблем состязательности.

1.1.5. КОГНИТИВИСТСКИЙ ПОДХОД

Благодаря исследованиям ситуационистов, и прежде всего работам М. Дойча, состязательное взаимодействие перестало восприниматься как только интрапсихически генерируемое явление. Тем не менее и в адрес этого подхода пошло мощное, эмпирически обоснованное обвинение в том, что «не сами по себе кооперация и конкуренция ведут к определенным поведенческим

реакциям, но опосредованно отражаясь в психической деятельности членов групп в виде социальной категоризации и порождая определенные социальные установки» [1, с. 30–31]. Эта критика ситуационного подхода (согласно которому индивиду или группе достаточно оказаться в соответствующей ситуации, чтобы у них возникло кооперативное или конкурентное поведение) исходила, прежде всего, от представителей когнитивистского подхода. К сожалению, вклад когнитивистов в изучение состязательности нельзя назвать очень крупным, так как они рассматривали данный феномен лишь как одну из детерминант формирования группы на фоне основного предмета своих исследований – теоретического и эмпирического обоснования нового (противостоящего индивидуалистической парадигме) подхода к социально-психологическим (групповым) явлениям [185, 190, 372, 373 и др.]. Например, в теории социальной идентичности Г. Тэжфела и концепции самокатегоризации Дж. Тернера даже само понятие состязательности не определено, а развитие данного вида исследований связано с выделением конкурентно-кооперативного состояния «на фоне допустимой межгрупповой дифференциации, обеспечивающей эффективное взаимодействие групп как самостоятельных субъектов совместной деятельности» [185, с. 161].

Свое начало в социальной психологии когнитивистское направление, как не без основания принято считать, берет от работ К. Левина, который в определенной степени преодолевает оппозицию «внутреннего–внешнего» в объяснении источников социального поведения. Благодаря работам К. Левина и других представителей когнитивистской ориентации в современной социальной психологии фактически является аксиоматичным представление, что «поведение определяет не ситуация, которая может быть описана «объективно» или по согласованному мнению нескольких наблюдателей, а ситуация, как она существует для него» [206, т. 1, с. 22; 111; 161, и др.].

Эти идеи К. Левина нашли свое развитие у когнитивистов, к сожалению, в большей степени при изучении природы конфликтов (состязательность здесь, если и присутствовала, то в виде аморфного фона – основы конфликт-

ных отношений). Это относится к большинству когнитивистских теорий: теории структурного баланса Ф. Хайдера, теории коммуникативных актов Т. Ньюкома, теории когнитивного диссонанса Л. Фестингера и т. д. [3]. Наиболее близко к изучению проблем состязательности, как уже отмечалось, подошли Г. Тэжфел и Дж. Тернер.

Экспериментальные исследования Дж. Тернера и его коллег поставили впервые под сомнение тезис «ситуационистов» о том, что «основной путь в снятии напряженности в межгрупповых отношениях состоит в организации эффективного кооперативного взаимодействия между группами (в том числе и постановкой общей «суперординатной» цели)». Их внимание привлекло то, что манипулирование кооперативным, независимым и конкурентным взаимодействием не детерминирует жестко изменение межгрупповых дискриминационных процессов. В. Дуаз и его коллеги организовали как антиципируемое, так и реальное взаимодействие между группами в кооперативных, конкурентных и независимых условиях. Форма взаимозависимости практически не оказала воздействия. И при антиципируемом, и при реальном взаимодействии существовало предубеждение в пользу группы членства [272].

Эксперименты М. Бревера и Д. Сильвера не обнаружили также большого влияния форм состязательности на внутригрупповое предубеждение [251]. Не нашел большой разницы между кооперацией и конкуренцией в предтестовых результатах Дж. Рабби [338]. С. Фергюсон и Г. Келли зафиксировали даже парадоксальный, с точки зрения теории М. Шерифа, результат – явное предпочтение испытуемыми группы членства в неконкурентных условиях [278]. Дженсенс и Ньюттин установили, что межгрупповая конкуренция показывает большее внутригрупповое предубеждение, чем независимое взаимодействие, только в условиях внутригруппового взаимодействия [380].

Сторонники теории «реалистического группового конфликта» считают, что достижение успеха группой является важнейшим фактором, детерминирующим снижение межгрупповых конфликтов в ситуации кооперативного взаимо-

действия. Но и здесь ряд экспериментальных исследований когнитивистов подверг сомнению данный тезис. Дж. Кеннеди и Л. Стефан получили большее групповое предубеждение при кооперативной неудаче, чем при успехе [300].

Дж. Рабби и М. Горвитц, изучая состязательные отношения в диадах с использованием игровой методики «Дилемма узника», манипулировали наградами и наказаниями (успехом и неуспехом) и во всех случаях фиксировали возрастание внутригруппового предубеждения [336]. В экспериментах Дж. Тернера и его коллег [380] также выявлено, что испытуемые, которые давали согласие на участие в межгрупповом состязании, становились более сплоченными, имели более высокую самооценку и объясняли свое поведение внутренними факторами. Этого не происходило в группах, где индивиды не давали предварительного согласия на участие. Все эти и многие другие факты очень трудно объяснить с позиций ситуационной парадигмы. Еще сложнее объяснить длительное существование проигрывающих (например, безработных и т.п.) или низкостатусных групп в реальной жизни. Своеобразным ответом на эти вопросы послужили идеи когнитивистских теорий Г. Тэжфела и Дж. Тернера. Для объяснения вновь выявленных закономерностей эти исследователи вводят в качестве основополагающей переменной когнитивный компонент [186, с. 117]. Эти исследования действительно доказывают, что склонность видеть мир сквозь призму дихотомии «мы – они», полагая при этом, что «мы» в чем-то лучше, чем «они», и заслуживаем большего, является фундаментальным аспектом социального восприятия. Л. Росс и Р. Нисбетт считают, что «на основании этих исследований можно также выдвинуть антимарксистскую гипотезу (хотя речь, скорее всего, идет об антиситуационистской гипотезе. – *В. Л.*) о том, что важную роль в общественных отношениях могут играть не только сугубо материальные и объективные, но и субъективные аспекты социальной жизни» [161, с. 91].

Кооперативно-конкурентная взаимозависимость также может найти свое объяснение с позиции когнитивной парадигмы. Например, выявленные в исследованиях еще ситуационистов (М. Шерифа, М. Дойча, Д. Пруита и др.) условия (факторы) усиления кооперативных тенденций (снижение социальной дистан-

ции, степень межличностного контакта, публичность, ожидание кооперативных намерений от партнера и т. д.) Дж. Тернер объясняет как «условия повышения рельефности категории, объединяющей участников взаимодействия» [380, с. 97]. Снижение конкуренции между группами в экспериментах М. Шерифа объясняется не столько развитием кооперативных связей, сколько растворением межгрупповой дифференциации и переинтерпретацией категорий членства, а затем и формированием категории большой объединяющей группы.

Дж. Тернер выявил, что межгрупповая дифференциация предполагает увеличение восприятия подобия внутри ингруппы и отличия от членов аутгрупп, то есть имплицитно содержит в себе тенденцию к конкурентности. Поэтому приобрести конкурентный характер взаимодействиям гораздо легче, чем кооперативный. Как показали исследования, внутригрупповая активность играет более важную роль, чем межгрупповая, и межгрупповая конкуренция легче возникает при росте внутригрупповой кооперации, так как она дает больший вклад в формирование межгрупповых границ. Эти постоянные расхождения между внутригрупповыми и межгрупповыми отношениями должны вызывать ингрупповой фаворитизм при минимальных условиях сформированности группы, даже если таковые не содержат аттитюдов, враждебных аутгруппе [380, с. 71].

Находят свое объяснение с позиций когнитивизма и эмпирические факты, зафиксированные во многих игровых экспериментах типа «Дилемма узника». Например, в экспериментах было установлено, что хотя кооперативная стратегия является оптимальной в этой игровой матрице, тем не менее более чем 60 % испытуемыми она достигается только после 30 попыток. Дж. Тернер вполне логично считает, что кооперация, видимо, зависит от развития индивидов в нечто такое, что можно назвать единством, или «коллективистской психологической единицей» [379, с. 89].

Логика когнитивистских теорий подсказывает и пути снижения негативных последствий состязательности, в частности остроты межгрупповых конфликтов, через снижение категоризационных границ и организацию восприятия большего сходства с аутгруппой. Мы можем воздействовать на конку-

ренцию, переводя восприятие на «суперординатный» уровень взаимодействия (общую сверхцель) или, другими словами, гуманизируя субъект-субъектные взаимоотношения (в том числе и между группами). В связи с этим можно привести результаты экспериментов С. Уорчелла, изучавшего эффекты влияния внешнего подобия на межгрупповую кооперацию. Эти эксперименты, в частности, выявили, что восприятие одежды одного цвета вело к положительному сдвигу межгрупповых аттитюдов [389]. Следовательно, и данные эмпирические факты подталкивают к уточнению объяснение результатов экспериментов М. Шерифа: снижению конкуренции способствовала не столько организация кооперативной зависимости для достижения общей цели сама по себе, сколько сглаживание межгрупповых границ (психологическое, когнитивное слияние этих границ).

Снижение же межгрупповой конкуренции при переходе на межличностный уровень самокатегоризации происходит не за счет простого переключения на индивидуальные контакты (в этом случае конкурентность осталась бы неизменной), а за счет когнитивных процессов, при которых межличностная категоризация предполагает как начальные условия акцентуацию сходства между участниками на межгрупповом уровне абстракции. А сходство – предпосылка кооперации, так как оно снижает восприятие межгрупповых различий [185, с. 160; 288].

Таким образом, когнитивистский подход, несмотря на отсутствие прямого интереса к проблемам состязательности, дает возможность не только согласовывать уже имеющиеся экспериментальные факты изучения состязательности, но и расширяет область этих эмпирических (в том числе и экспериментальных) работ, вводя минимум как равноценную, а чаще всего и ведущую, когнитивную переменную (групповое и индивидуальное сознание), что делает анализ психологического феномена состязательности более объемным и полноценным. Значит, когнитивистский подход может вполне обоснованно претендовать на роль своеобразной объяснительной парадигмы по отношению к

проблемам состязательности (вытесняя тем самым описательную парадигму, представленную интрапсихическим и ситуационным подходами).

Другими словами, восприятие и субъективная интерпретация внешней ситуации, собственных состояний как состязательных, сегодня практически всеми исследователями (независимо от их методологических пристрастий) рассматриваются как обязательное условие существования состязательности, а внешняя ситуация не может автоматически вести к изменению состязательных отношений. Когнитивная переменная становится обязательным условием их анализа.

Таким образом, в разных направлениях классической психологии предложены не только различные подходы к пониманию природы состязательности, но разработаны разнообразные средства изучения этого явления. Интрапсихические подходы обогатили своими идеями и опытом исследования то, что может быть условно обозначено как эмоциональная сторона состязательности (т.е. то, что связано с чувствами и переживаниями субъектов взаимодействия). Представителями ситуационного подхода очень тщательно проработан «поведенческий» компонент состязательности. Когнитивисты выделили когнитивную сторону, объединили ее с эмоциональным и поведенческим компонентами и заставили взглянуть на социально-психологические явления как на более субъективные феномены, чем это предполагалось другими теоретическими подходами. К сожалению, чаще всего различные теоретические подходы к исследованию состязательности не только отстаивали право на свое существование в споре с другими направлениями, но и претендовали на универсальность (на право быть единственно правильной) предложенной ими объяснительно-описательной модели. Для современной социальной психологии характерен более взвешенный, интегральный (системный) подход, учитывающий все стороны психологического явления, нередко тем не менее делающий осознанно акцент на изучение одного из компонентов состязательности и отдающий приоритет практической направленности исследований. И сегодня дискуссия о том, что важнее: внешняя ситуация или внутриличностные переменные, обычно решается по варианту, предложенному рядом авторов (М. Дойч [35], В.С.

Агеев [1] и др.): состязательность детерминируется в определенной степени внешней ситуацией, но чаще всего ситуационное воздействие опосредуется внутриличностными (субъективными) параметрами (рисунок 1).

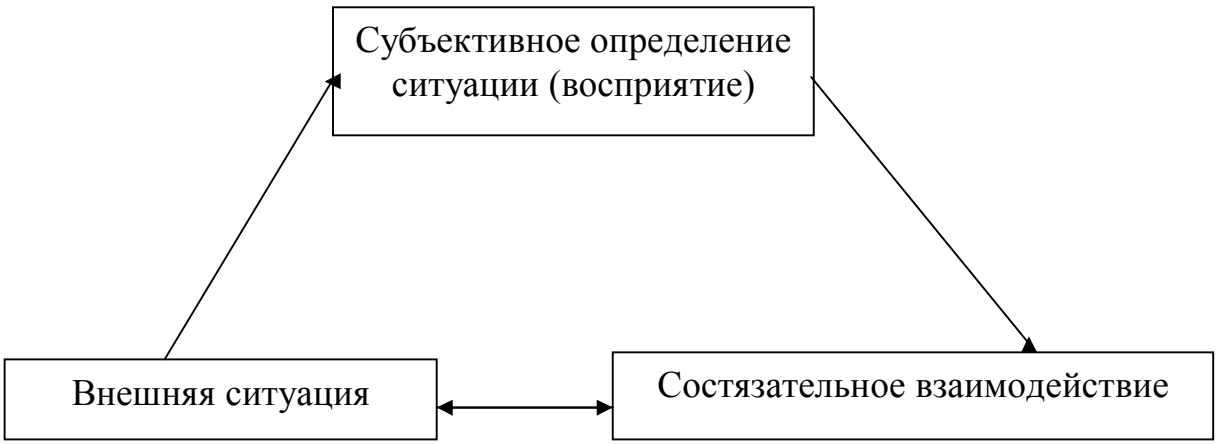

Рисунок 1. Модель системного анализа состязательности

1.1.6. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ

Современные исследования состязательности имеют два ярко выраженных крена: с одной стороны, подавляющее большинство работ посвящено изучению отдельных проблем состязательности прикладного характера, с другой – по-прежнему не ослабевает интерес к исследованию данного явления с использованием игровых экспериментальных процедур типа «Дилемма узника». И, к сожалению, не наблюдалось особых прорывов (после работ М. Дойча) в области методологии и теории состязательности. Можно перечислить лишь несколько обобщающих обзорных работ по этой проблеме. Например, в монографии M. Argyle (1991 г.) подводится своеобразный итог психологических и социально-психологических исследований, прежде всего кооперативных процессов [231]. Среди обобщающих трудов можно назвать еще работу J. Fengler (1996 г.), в которой автор дает всесторонний анализ процессов конкуренции и кооперации как социального поведения в различных контекстах (в группах, командах и семейных парах), описывает особенности их возник-

новения и развития с учетом возрастных отличий, интегрирование состязательности в просоциальные межличностные процессы, а также основные методические приемы измерения состязательности и т. д. [277]. Авторы этих обзорных работ фактически не выходят за пределы тех обобщений и выводов, которые сделаны еще в работах ведущих представителей ситуационистского и когнитивного направлений.

Любопытные эмпирические данные встречаются при проверке основных закономерностей теории кооперации и конкуренции М. Дойча в различных социокультурных условиях, выполненных под руководством D. Tjosvold в 1997–1998 гг. Исследование Д. Тьосвольда в 1997 г. проверяло полезность выявленных в условиях Северной Америки теории кооперации и конкуренции М. Дойча и идеи конструктивной полемики для понимания состязательности в управлении в голландских организациях. Результаты интервью 59 служащих двух голландских компаний свидетельствуют о том, что конкурентные цели смешивались с открытым конструктивным обсуждением оппозиционных точек зрения. А кооперативные идеи не способствовали конструктивной полемике. Субъекты, которые высказывали свои оппозиционные взгляды открыто, отличались более прогрессивными решениями, большей эффективностью, более развитыми деловыми межличностными отношениями и были более уверены в будущем сотрудничестве. Эти результаты не доказывают, что состязательность в условиях Голландии и Северной Америки подобна, для этих типов организаций теория может существенно отличаться. Тем не менее можно предположить, что цель взаимозависимости может быть использована в качестве каркаса (модели) для разрешения острых противоречий в управлении как в Голландии, так и в Северной Америке [377].

D. Tjosvold, S. Sasaki, J. W. Moy (1998 г.) также попытались использовать кооперативно-конкурентную теорию М. Дойча для лучшего понимания поведения служащих японских организаций в Гонконге. Эмпирические результаты анализа интервью китайских и японских служащих японских мультинациональных корпораций, функционирующих в Гонконге, свидетельствуют о том,

что кооперативные цели подталкивали к открытой дискуссии между служащими, которая увеличивала продуктивность их деятельности, улучшала взаимоотношения, что, в свою очередь, вело к формированию у служащих чувства преданности организации. Конкурентные и индивидуалистические цели в основном имели негативные корреляции с динамикой и эффективностью деятельности. Эти результаты свидетельствуют о том, что теория кооперации и конкуренции М. Дойча является полезной для понимания взаимозависимости и взаимодействия в условиях Азии так же, как и для североамериканских организаций. Как отмечают авторы, конкурентно-кооперативная концепция М. Дойча может быть использована для лучшего структурирования взаимодействия через систему наград служащих, в качестве средства совершенствования взаимоотношений и повышения продуктивности деятельности, для возникновения чувства сопричастности и преданности [378].

Таким образом, результаты этих двух исследований еще раз подтвердили универсальный характер основных теоретических положений, сформулированных М. Дойчем почти 50 лет назад для различных социокультурных условий.

Близкую к этим двум исследованиям по целям, но более продуктивную (развернутую) по теоретическим обобщениям, можно считать работу Bruce D. Bonta «Кооперация и конкуренция в “мирных сообществах”» (1997 г.). Основной целью данного исследования было сравнение психологических особенностей трех ведущих типов состязательности (конкуренции, сотрудничества и индивидуализма) в «мирных сообществах» и в Западном мире [243, с. 301].

При этом Б. Бонта опирался на определения сотрудничества, конкуренции и индивидуализма, соответствующие теории М. Дойча [267]. Литература по «ненасильственным общностям» (несмотря на отличия одной ненасильственной общности от другой) и результаты исследований Б. Бонта свидетельствуют о том, что эти общности имеют внутренние (психологические и социальные) структуры, которые подкрепляют веру составляющих их индивидов, что конкуренция воспитывает («ведет к») агрессию: они имеют развитый психологический контроль, который формирует сотрудничающее мирное поведение и

ограничивает конкурентное и агрессивное поведение. Технологии формирования кооперативного поведения могут быть различными: психологическое (когнитивное) опровержение неприемлемых норм; идентификация сотрудничества с добром, а агрессии – со злом; способность к сильной интернализации кооперативных мирных ценностей, то есть кооперация есть подавляюще доминирующий ориентир в мирных сообществах. Одной из психологических структур в этих сообществах, которая формирует оппозицию конкуренции и поддерживает кооперацию, является элемент нерешительности, даже страха, о намерениях (целях) других. Более того, когнитивное понимание важности ненасилия является недостаточным в этих сообществах; люди постоянно подкрепляют и формируют свои оценки (ценности) в последовательно мирную точку зрения, которая не только разделяется каждым, но и интегрируется также во все уровни индивидуальной и групповой «Я-концепции» и во взаимоотношения с другими [243, с. 306, 312–313].

Другой важной психологической структурой, которая подкрепляет оппозицию конкуренции и способствует принятию кооперации, является ритуал (традиция). Если в западных сообществах конкурентная активность ритуализирована спортом, политикой, экономикой, обеспечивает определенную социальную совместность (сплоченность) и всячески поощряется гражданским обществом (к гражданским достоинствам, «гордости» относят конкуренцию, мужественность и агрессивность), то ритуалы «мирных сообществ» помогают интеграции общности, защищают сообщества от враждебных внешних сил и фокусируют внимание людей на оппозиции конкуренции, что является необходимым условием для гармонии и достоинства ненасилия [243, с. 310].

Возражение, которое могло бы быть приведено, состоит в том, что большинство из этих «мирных сообществ» рассматривает насилие как продукт конкуренции и индивидуальных стремлений к достижению. Но, как показано в ряде экспериментальных исследований, конкуренция и достижение не являются обязательно связанными переменными. Вполне возможно иметь сильное желание к достижению без высокой потребности в соперничестве. Таким образом,

важно отделять мотивацию к достижению от мотивации к состязательности [359]. Также в исследованиях Б. Бонта обосновывается тот факт, что кооперация в изучаемых «мирных сообществах» присутствует в большей степени, чем только экономическое содержание [243, с. 313].

Многочисленные психологические исследования показывают, что индивиды в межличностных отношениях склонны взаимодействовать менее конкурентно, чем в межгрупповых взаимодействиях, или что группы действуют более конкурентно, чем индивиды (Insko et al. 1994; McCallum et al., 1985). Этот «эффект скачка» (разрыва непрерывности – «discontinuity»), названный так Schopler et al. (1993) [350], вызывается страхом перед аутгруппой, хотя разные промежуточные механизмы остаются возможными. Тем не менее предпочтения групп действовать в более конкурентной манере являются контрпродуктивными, так как межгрупповое сотрудничество производит меньше трений и разногласий и больше сотрудничества и поддержки, чем конкуренция [294]. Более того, тогда как конкуренция между группами может благоприятствовать внутригрупповой сплоченности, кооперация между группами имеет тенденцию обеспечивать межличностную положительную установку (аттракцию) [240]. В «мирных сообществах» зафиксировано явное доминирование кооперативных процессов как в межличностных, так и в межгрупповых взаимоотношениях с положительными последствиями для всех без исключения сфер их жизнедеятельности [243, с. 307].

Еще один вопрос интересовал Б. Бонта – о повсеместности (универсальности) конкуренции. Некоторые авторы доказывают тезис о повсеместном распространении и доминировании в современной жизни такой формы состязательности, как конкуренция [284]. Это утверждение явно опровергается фактами из жизни ненасильственных сообществ [243, с. 308]. А, например, A. Montegu (1976 г.) отмечал, что кооперация является таким же повсеместным видом состязательности, как и конкуренция; фактически кооперация – даже более широко распространенный вид социального поведения, чем конкуренция [320].

Антиконкурентные ценности мирных сообществ, которые описываются автором (Б. Бонта), не доказывают, что сотрудничество является повсеместным среди всех человеческих сообществ, но этим фактом опровергается аргумент, что конкуренция основывается только на дарвиновских процессах естественного отбора, или что следствием процессов естественного отбора являются исключительно конкурентные отношения. И эти факты повышают сомнение в утверждении, что конкуренция вездесуща. В западном обществе конкуренция, возможно, и повсеместна (доминирует). По крайней мере, психологические исследования в западном обществе могли натолкнуть на такие мысли. Данные по «мирным сообществам» свидетельствуют тем не менее о том, что кооперация здесь является доминирующим поведением и наиболее эффективной стратегией достижения всех социальных целей [243, с. 308, 311].

Таким образом, Б. Бонта и его коллегам удалось уточнить механизмы функционирования кооперативно-конкурентных процессов, выявить особенности их функционирования в совершенно новой социокультурной ситуации (в условиях прямо противоположных условиям США и Западной Европы), получить факты об определенном приоритете кооперации перед конкуренцией, дополнить эмпирическими результатами многочисленные обобщения о последствиях действия различных видов состязательности.

Как отмечалось ранее, достаточно большое внимание социальными психологами уделялось проблеме развития конкуренции и кооперации в межгрупповых и межличностных взаимоотношениях. Так, M.B. Pemberton et al. [330] в четырех экспериментах попытались выяснить, подтвердятся ли установленные ранее в лабораторных условиях эффекты более высоких конкурентных ожиданий в межгрупповых взаимоотношениях по сравнению с межличностными в различных реальных условиях функционирования групп и индивидов. Результаты этих экспериментов могут быть проинтерпретированы как демонстрация в нелабораторных условиях, что межгрупповые отношения являются более конкурентными, чем межличностные отношения. В других экспериментах эта же группа авторов выявляла некоторые процедуры, снижающие конку-

рентность межгрупповых взаимоотношений по сравнению с межличностными. В частности, ими было установлено, что межгрупповая конкуренция уменьшается, когда респонденты следовали «союзной» стратегии «око за око» (а не стратегии павловского подкрепления и стандартного контроля условий игры без объединения); когда связи между субъектами взаимодействия в игре были сукцесивными, а не симультанными; когда перед группами ставились долговременные максимизирующие цели. Следовательно, эти факторы ведут к уменьшению тенденции более высокой межгрупповой конкуренции по сравнению с межличностной [274, 290].

Нельзя не отметить достаточно значимое уточнение, сделанное J.M. Rabbie (1998), относительно взаимозависимости межличностных и межгрупповых состязательных взаимоотношений. Хотя его исследования основаны на результатах использования игровой экспериментальной процедуры «Дилемма узника», тем не менее выявленные закономерности вполне могут быть распространены и на все формы субъект-субъектных отношений. В своих экспериментах J. Rabbie (1982, 1998) попытался подвергнуть сомнению сложившуюся в социальных науках, со времен работ Г. Лебона (1895) и У. Самнера (1906), традицию представлять группы более конкурентными и агрессивными по сравнению с индивидами. В современной социальной психологии этот пессимистический взгляд на большую конкурентность групп по сравнению с индивидами представлен теорией социальной идентичности H. Tajfel [372, 373], теорией самокатегоризации J. Turner [185, 190, 379, 380], гипотезами «эффекта разрыва» J. Schopler и C. Insko [350]. Опираясь на теоретические позиции, идущие от бихевиоральной модели интеракции (BIM), и на «гипотетический закон социальных отношений Дойча» [35], J. Rabbie также в своих первых экспериментах подтвердил, что «стратегия силы и тактики принуждения, угрозы и обмана имеет в качестве результата конкурентные взаимоотношения. В свою очередь, стратегия взаимного решения проблем и тактика убеждения, открытости, увеличения взаимной выгоды вызывает кооперативную ориентацию» [339, с. 485]. Когда взаимозависимость или структура

вознаграждений в играх с социальной дилеммой является такой, что каждый участник (каждая сторона) мотивируется не к кооперации, и все же парадоксально – оба игрока предпочитают долговременное взаимное сотрудничество, а не конкуренцию. С этой точки зрения индивидуальная рациональность ведет к коллективной иррациональности в том смысле, что коллективные интересы будут страдать, если каждый индивид будет преследовать только свои интересы. Когда люди могут отрефлексировать свой опыт, например, заполняя опросник о своих мотивах или участвуя во внутригрупповой дискуссии о сделанных выборах, у них появляется возможность выбрать более рациональный ход во взаимозависимой структуре наград «Дилеммы узника». В этом случае они будут реализовывать то, что является более выгодным для обоих участников в борьбе за долговременную цель взаимной кооперации. Эта логика предполагает, что группы с их более высокой рациональностью во взаимозависимой структуре «Дилемма узника» являются в большей степени последователями стратегии долговременного сотрудничества, чем индивиды, при условии, что другой участник отдает предпочтение кооперации также. Если же группа посчитает, что другой участник следует конкурентной или эксплуатирующей стратегии, то она чаще (в большей степени), чем индивиды, будет реагировать, используя оборонительную или конкурентную стратегии, чтобы минимизировать свои потери. Кооперативная стратегия поддерживается «универсальной нормой взаимного обмена» [284], которая подразумевает «моральное обязательство, предписывающее, что один должен помогать или, по крайней мере, не причинять боль другому, который помог тебе» [322]. Эта стратегия также в дальнейшем развивает взаимную аттракцию и взаимопонимание, ведущие к взаимному реальному сотрудничеству, которое имеет целью взаимноудовлетворяющие взаимоотношения друг с другом и индивидов, и групп [337]. Стратегия взаимного обмена не только фокусируется на максимизирующем эффекте индивидуальных экономических интересов, но также подчеркивает важность максимизации совместных или коллективных интересов обоих участников. Эта кооперативная стратегия устанавливает, как «поли-

тика кооперации, во-первых, подталкивает и затем заставляет делать все другого игрока так же, как это делает предшественник» [234, с. 13].

Результаты исследований D.J. Pruitt и M.J. Kimmel (1977 г.), W. Wilson (1971 г.) и других также демонстрируют, что кооперативная стратегия является более эффективным инструментом максимизации как индивидуальных выгод, так и совместных (коллективных) решений игроков в «Дилемме узника» [233, 332, 387 и др.].

J. Rabbie (1998 г.) выдвинул предположение, что различия в кооперативно-конкурентном поведении между группами и индивидами частично зависят от реально выбранного поведения оппонента, но в большей степени «индивидуально-групповой эффект прерывности» (Schopler, Insko, 1992) может быть причинно обусловлен уникальными особенностями экспериментальной процедуры, примененной J. Schopler и C. Insko, которая стимулирует взаимную кооперацию между индивидами и взаимную конкуренцию между группами. И поэтому «гипотезу разрыва» J. Schopler и C. Insko нужно рассматривать как частный случай более общей гипотезы взаимозависимости (взаимного обмена) [339, с. 496]. Для подтверждения выдвинутого предположения J. Rabbie использовал как эмпирические данные других авторов, так и результаты собственных экспериментов. Например, в исследованиях Hein Lodewijkx (1987, 1991, 1995) было установлено, что индивиды и группы не отличаются в своем поведении в «Дилемме узника», и в первую очередь это поведение зависит от того, нарушают ли нормы другие участники [310]. В исследованиях самого J. Rabbie (1982 г.) было выявлено, что, встретившись с последовательно кооперативным оппонентом в «Дилемме узника», группы не отличались в своем кооперативном поведении от индивидов. Когда же другой участник нарушал важные социальные нормы (обещания), то фрустрация и гнев по отношению к нарушителю были более сильными у групп, чем у отдельных индивидов [339, с. 496–497]. Усиление групповых конкурентных намерений есть следствие действия таких механизмов взаимодействия, как групповая поляризация, взаимостимулирование, диффузия ответственности, аномичность, деин-

дивидуализация и прочие, которые практически отсутствуют при взаимоотношениях между отдельными индивидами.

Результаты экспериментов J. Rabbie также указывают на то, что диады и триады не отличались существенно от индивидов в своем предпочтении конкурентных стратегий, что не обеспечивает какой-либо поддержки гипотезе негативной аутгрупповой схемы. Также в контраст к схеме «эффекта разрыва» диады показали скорее более кооперативную стратегию в своих намерениях и отношениях, чем это делали отдельные индивиды, но, в свою очередь, диады не отличались от триад в этом отношении. Нужно отметить, что эти намерения и ожидания измерялись прежде, чем субъекты получали какую-либо информацию о своих оппонентах. Столкнувшись с кооперативными оппонентами в первой серии испытаний, группы (и диады, и триады) делали значительно больше кооперативных выборов, чем отдельные индивиды. Таким образом, отмечает J. Rabbie, «в соответствии с нашей «кооперативной» гипотезой взаимного обмена мы получили эффект, но в противоположном направлении предсказанном J. Schopler и C. Insko [350], то есть группы предпочитают действовать более кооперативно, чем индивиды, в своих намерениях, ожиданиях, мотивационных ориентациях и, что наиболее важно, в своем поведении [339, с. 498]».

Немаловажны и результаты изучения J. Rabbie симметрично-асимметричных межличностных и межгрупповых состязательных отношений. В симметричных межличностных (индивид – индивид) или межгрупповых (группа – группа) отношениях «предполагаемое подобие (сходство)» воспринимается участниками и возникает ожидание (предвидение), что «другой участник будет действовать так же, как Я». Эта особенность уменьшается в асимметричных («индивид–группа» или «группа–индивид») взаимоотношениях. Это предполагаемое сходство и взаимность будут молчаливым средством кооперативной координации между симметричными субъектами «дилеммы». В асимметричных взаимоотношениях имеет место большая неопределенность того, как будет вести себя другой участник игры, чем в симмет-

ричных условиях. В этой неопределенной ситуации, как правило, формируется больше защитных и конкурентных выборов, чтобы минимизировать максимально возможно потери, по сравнению с симметричными взаимоотношениями. Это означает, что более реципрокная кооперация предсказывается в симметричных межличностных и межгрупповых взаимоотношениях, когда участники принимают с благосклонностью последовательную кооперативную стратегию. В асимметричных неопределенных взаимоотношениях группы, однако, будут демонстрировать большую защитную конкурентность, чем индивиды. Эта гипотеза взаимного обмена превращает гипотезу прерывности (недоверия) J. Schopler и C. Insko (1992) в свой частный случай. С их (Schopler и Insko) точки зрения, аутгруппы должны вызывать большую конкурентность и недоверчивость, чем отдельные индивиды в любых условиях, в том числе и в симметричных. Но это предположение явно противоречит полученным J. Rabbie экспериментальным данным [339, с. 499].

Дополнительно, в экспериментах J. Rabbie (1998 г.) было выявлено, что только высоконеопределенные условия заставляют людей демонстрировать большее недоверие групповому оппоненту, чем индивидуальному. В целом тем не менее, встречаясь с кооперативным оппонентом, группы, как и индивиды, более мотивируются на сотрудничество и менее склонны к конкуренции с другими. Этот «кооперативный эффект» был получен при отсутствии какого-либо внутригруппового взаимодействия, в котором могло бы быть достигнуто согласие [339, с. 500 - 501].

Примерно в этом же русле проводились исследования B. Bettencourt et al. [240]. В двух экспериментальных исследованиях они осуществили проверку Brewer и Miller'модели воздействия кооперативных контактов на межгрупповую дискриминацию. Первое их исследование проверяло гипотезу о том, что условия, содействующие *межличностной ориентации* в течение контакта, будут уменьшать ингрупповое предубеждение между экспериментально созданными группами больше, чем контакты в *условиях ориентации на задачу*. Результаты указывают на то, что структура межгрупповых наград и социальная

ориентация взаимно дополнялись и параллельно влияли на послеконтактные предубеждения. Ингрупповой фаворитизм в распределении наград и оценках членов своей команды был наименьшим в условиях межкомандной кооперации и межличностной ориентации, и эти эффекты относятся к членам других команд. Исследование № 2 проверяло предположение о том, что межгрупповая структура взаимодействия (конкурентно-кооперативная) зависит от структуры ориентаций участников (на людей или на задачу). M. Brewer и N. Miller [252] предположили, что положительные эффекты кооперации, выявленные в исследованиях M. Deutsch [267], D. Johnson, R. Johnson и G. Maruyama [292], R. Erber и S. Fiske [276], S. Neuberg и S. Fiske [323] и других, будут резко снижаться, если структура ситуации задается ориентацией на задачу (а не межличностной ориентацией).

Ориентация на задачу может быть особенно сильной, когда внутригрупповая кооперация предпринимается в контексте межгрупповой конкуренции. В итоге анализ M. Brewer и N. Miller предсказывает, что ориентированное на задачу групповое взаимодействие будет способствовать деиндивидуализации восприятия членов группы и увеличению ингруппового предубеждения. Межличностная ориентация ведет к более индивидуализированному восприятию членов группы и уменьшению ингруппового предубеждения. Следуя корпоративной интеракции с командами, субъекты демонстрировали меньше ингруппового предубеждения в своих оценках, когда они взаимодействовали в условиях межкомандной кооперации и межличностной ориентации, чем в условиях межкомандной конкуренции и сильной ориентации на задачу. Авторы интерпретируют выгоду межличностной ориентации как причину персонификации (индивидуализации) членов аутгруппы. Эта интерпретация совпадает с находкой S. Fiske и S. Neuberg [279], что ожидаемая кооперация, противопоставленная независимой структуре наград, направляет внимание на непоследовательную атрибутивную информацию и в целом высоко коррелирует с процессами индивидуализации. Ориентация на задачу в конкретных условиях увеличивает оценочную информацию о членах другой команды. Такое внимание к аутгруп-

пе должно уменьшить внимание к различиям внутри собственной команды [240, с. 316–318]. Но при этом сами авторы отмечают, что сделанные обобщения на основе лабораторных экспериментов еще требуют подтверждения в «реальных межгрупповых ситуациях».

В сборнике «Формы кооперации. Условия и перспективы», выпущенном под редакцией E. Spiess в 1998 г., осуществлен обзор исследований отдельных проблем конкурентно-кооперативных процессов, выполненных европейскими (в основном немецкими) учеными. H. Bierhoff [241] рассмотрел социально-психологические аспекты кооперации и конкуренции, их связь со стремлением к достижению, прибылью (доходом), боязнью потерь и ориентацией на выгоду. Особое внимание уделялось проблемам сотрудничества в организации, моделям состязательных отношений. Большая часть эмпирических фактов была получена с использованием игровой экспериментальной методики «Дилемма узника». Результаты исследований в целом подтвердили основные положения теории кооперации и конкуренции М. Дойча.

T. Wehner и др. [385] рассмотрели более подробно кооперацию как явление (событие) и как процесс на примере анализа кооперативных отношений между швейцарскими экономическими организациями, выделили основные стратегические аспекты кооперации, обеспечивающие оптимальные пути преодоления неожиданно возникающих событий в бизнесе.

C. Kumbruck [306] вводит новые понятия в теорию состязательности: телекооперация («telecooperation»), происхождение (фон) сотрудничества («background cooperation»), рассматривает скрытые аспекты кооперации в производственном контексте как параметр гибкого развития. Новые дефиниции и обобщения C. Kumbruck иллюстрирует эмпирическими фактами.

L. von-Rosenstiel [383] рассматривает взаимосвязь между ценностными ориентациями и кооперативными процессами в организации, место и роль ценностных ориентаций работников среди основных детерминант кооперативного поведения в организации, причины и последствия ценностных изменений.

В целом в данной коллективной монографии приведены основные результаты практического применения теоретических положений кооперативно-конкурентной парадигмы, сложившейся в европейской социальной психологии в конце XX столетия.

Весомый вклад в изучение кооперации внесен R. Axelrod [233, 234, 235]. Аксельродовская модель развития кооперации основывается на постоянном анализе и эксплуатации игровой ситуации «Дилемма узника». Результаты экспериментальных исследований R. Axelrod [234] помогли установить преобладание среди видов состязательности кооперации, основанной на взаимной дополнительности (взаимности). Дальнейший теоретический анализ полученных в результате многочисленных лабораторных экспериментов эмпирических фактов [233] привел R. Axelrod к более глубокому пониманию роли других (помимо реципрокности) факторов в развитии (эволюции) кооперации: количества взаимодействующих игроков (увеличение числа игроков имеет тенденцию делать кооперацию более затруднительной), ранга (значимости) возможных выборов вариаций в структуре платежей, шума (искажающего восприятие), «тени» будущего (перспектив), динамики (генетических корней) и структуры состязательных диспозиций населения (установлено, что кооперация возможна и без структурированного населения). Кроме того, R. Axelrod делает вывод, что «кооперация является вершиной непрерывного интереса для социальных и биологических наук» [233, с. 1386]. Теория кооперация, основанная на реципрокности, широко эксплуатируется в литературе по эволюции кооперации. Например, P. Huth (1988 г.) отмечает, что военные конфликты в течение последнего столетия наиболее успешно разрешались именно при реализации принципа реципрокности. Кооперация, понимаемая как реализация принципа реципрокности, успешно применялась и для объяснения успешного поведения многих животных (летучих мышей, обезьян, рыб, птиц и др.), экономического взаимодействия, детской опеки, процесса ведения переговоров, политических взаимоотношений [233, с. 1385]. Д. Арчер особо отмечает, что принципы *конкуренции* и *кооперации (сотрудничества)* наибо-

лее важны для понимания всех форм социального взаимодействия живых организмов [5, с. 55].

R.M. Axelrod в своей новой книге «Сложность кооперации» (1997 г.) продолжает исследование парадигмы «Дилемма узника», изложенной в его предыдущей работе «Эволюция кооперации» [234]. Она включает в себя анализ стратегий, которые эволюционируют, скорее, автоматически, чем под влиянием человеческого вмешательства. Он также рассматривает стратегии, запланированные, чтобы создать ситуации неправильного понимания между игроками или невозможности осуществления выбора. Эти условия затем расширяют базу кооперации больше, чем выбор в игре с «быстрым выигрыванием» и возможностью долговременной выгоды. Эти ситуации включают сотрудничество с другими для создания и расширения норм поведения, чтобы победить в борьбе или навязать стандарт работы, для создания новой организации, которая может действовать в пользу своих членов, для конструирования групповой культуры, основанной на множественном взаимовлиянии. В книге анализируются взаимоотношения не только в диадах. Изучались также конфликты между нарушителями и приверженцами норм, этнические конфликты, конкуренция между компаниями, условия в организациях для обогащения их участников и конкурентное подталкивание социального влияния на изменение культуры. Эта книга также может служить введением в комплексную теорию кооперации и компьютерное моделирование в социальных науках [235]. Дальнейшая эксплуатация теории эволюции кооперации, с точки зрения R. Axelrod, поможет оптимизировать поведение индивидов в процессе взаимодействия за счет выявления все большего числа специфических образцов взаимодействия. Исследования в этом направлении не только помогут максимально объединить теоретические и эмпирические наработки по проблемам состязательности, но и углубят наше понимание побуждения, поддержки и дальнейшей эволюции процесса кооперации [233, с. 1389].

Эта линия – исследование состязательности как эволюционного процесса с использованием игровой экспериментальной методики социальной дилем-

мы – получила наибольшее распространение в социальных науках, и в социальной психологии прежде всего. Об этом свидетельствует большое количество публикаций, посвященных следующим проблемам: взаимосвязи между интергрупповой и интрагрупповой состязательностью [272, 338, 251, 300, 336, 389, 289, 315, 240, 284, 322, 337, 332, 387, 310, 252, 330, 290, 274, 248, 246, 312, 247, 245, 369, 250, 308], оптимизации переговорного процесса и конструктивного разрешения конфликтов [377, 263, 246, 255, 291, 327, 362, 304, 316, 368, 334], анализу основных детерминант состязательности [311, 352, 344, 285, 325, 382, 264, 291, 351, 307, 237, 256, 361, 393, 388, 303, 261, 305, 328, 392, 309, 316], рассмотрению эффектов процессов конкуренции–кооперации [294, 365, 246, 255, 335, 302, 307, 345, 343] и др.

Ряд исследований с использованием игровой экспериментальной методики, посвященных анализу взаимосвязи между интергрупповой и интрагрупповой состязательностью, осуществлен под руководством G. Bornstein, 1990, 1994 и др. гг. [246, 248]. В первом эксперименте (G. Bornstein et al., 1990) было выявлено, что межгрупповая конкуренция может эффективно увеличивать внутригрупповую кооперацию в лабораторных симметричных условиях при диадном решении игровой социальной дилеммы. Во втором эксперименте (G. Bornstein et al., 1990) было доказано, что этот конструктивный эффект межгрупповой конкуренции распространяется и на реальные жизненные условия с асимметрично расположенными игроками. Третий эксперимент (I. Erev et al., 1993) продемонстрировал (в реальной рабочей обстановке сбора апельсинов), что увеличение внутригрупповой кооперации может быть объяснено, по крайней мере частично, скорее мотивационным, чем структурным, влиянием межгрупповой конкуренции [246, 248]. Для исследования взаимосвязи между межгрупповой и межличностной состязательностью G. Bornstein et al. (1997 г.) использовали новую разновидность командной игры – «chicken game». При этом в игре моделировались ситуации межгрупповых конфликтов, включающих билатеральные угрозы (военные конфликты, производственные споры). Результаты показали, что субъекты были более конкурентны (и соответственно менее эф-

фективны) в межгрупповой игре, чем в играх между двумя или четырьмя индивидами [245]. В другой, обобщающей результаты их исследования работе G. Bornstein и I. Erev (1997 г.) выделяют тот факт, что ученые и практики часто обращаются к группам, в которых конкурируют отдельные игроки. Фактически, как описывают авторы, индивиды (оба) внутри групп имеют побуждение конкурировать как с аутгруппой, чтобы быть победителем в игре, так и с членами ингруппы, которые избегают борьбы с аутгруппой. Серии лабораторных и полевых экспериментов показали, что межгрупповая конкуренция увеличивает внутригрупповую кооперацию потому, что она мотивирует участников к более усердной работе и улучшает координацию их действий [247].

Кооперация в диадных условиях социальной дилеммы, когда участники имели различные исходы (выборы): или приобретение, или потеря, проверялась C. De-Dreu и C. McCusker (1997 г.). Они установили, что потери участников были больше, чем приобретения, и что зависящие от социальных мотивов людей поведенческие (состязательные) выборы в социальной дилемме оцениваются дифференцированно. Результаты трех экспериментов подтвердили прогнозы, основанные на теории перспективы и теории взаимозависимости: просоциальные (кооперативные) индивиды сотрудничали больше при потерях, чем при приобретениях в структуре игры, в то время как индивидуалисты сотрудничали меньше при потерях, чем при приобретениях. Неожиданно конкуренты сотрудничали мало как при игровых потерях, так и при приобретениях, что было причиной эффекта «минимального уровня». Таким образом, можно сделать вывод, что эти эксперименты объясняют противоречивые результаты многих предыдущих исследований и показывают, что индивиды с потерями в игре предпочитают кооперативные или индивидуалистические цели в большей степени, чем индивиды с приобретениями в игре, которые, в свою очередь, предпочитают конкурентные цели в такой же степени [264].

P. Smith (1996 г.) рассматривает основные стратегии кооперации. В частности, он анализирует тонкости взаимосвязи кооперации и конкуренции как ин-

дивидуальных стратегий у приматов и людей. Эти стратегии могут испытывать сильное влияние культурного контекста и индивидуальных характеристик взаимодействующих. Сотрудничество анализируется с точки зрения различных парадигм, включая теорию игр. Дружба является важной характеристикой взаимоотношений и причинно обусловливает взаимодействие (взаимность), что могло бы быть проверено в дальнейшем в русле теории подкрепления и теории генетического сходства. Теория подкрепления, с точки зрения P. Smith, может дать толчок к объяснению культурной дифференциации кооперативно/конкурентного баланса [362].

M. Lichbach (1990 г.), например, использовал модели Ричардсона для анализа структуры состязательных отношений в игровой ситуации «Дилемма узника» [308].

Взаимосвязь между структурой впечатлений респондентов и их кооперативным поведением исследовалась в серии экспериментов E. De Bruin и P. Van Lange [262].

1.1.7. ФАКТОРЫ, ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЕ ПРОЦЕСС СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ

В современных исследованиях состязательности достаточно большое внимание практически всеми авторами, интересующимися кооперативно-конкурентной проблематикой, уделяется анализу различных детерминант данного социально-психологического процесса. Традиция повышенного внимания к данной проблематике была заложена еще М. Дойчем, который отмечал, что его теоретические обобщения в первую очередь обеспечивают понимание условий и факторов, детерминирующих конкурентно-кооперативные процессы. Именно М. Дойч подвергает жесточайшей критике длительное время доминировавший в науке интрапсихический подход, который стремился объяснить состязательное поведение в терминах относительно стабильных черт, диспозиций и других склонностей, присущих индивиду [35, с. 177]. Сейчас в объяснении состязательного поведения доминирует подход, в рамках которого закономерности этого поведения рассматриваются в терминах взаимодействия, реци-

прокного влияния, субъективного восприятия этих процессов, вклада и ситуационных, и диспозиционных детерминант. Традиционно эти факторы разделяются на несколько основных блоков:

- факторы макросреды;
- факторы микросреды;
- индивидуально-психологические, индивидные (в том числе генетические) факторы.

1) Макроусловия и состязательность

Еще в экспериментальных исследованиях М. Дойча было уделено значительное внимание роли социальных и социокультурных факторов. В частности, им была выявлена прямая связь между тенденцией к этноцентризму и интенсивностью конкурентных отношений [35, 271].

Одно из наиболее фундаментальных исследований влияния макроусловий на развитие состязательности осуществлено B. Bonta [243]. На основании теоретического анализа так называемой «западно-ориентированной литературы» по проблемам состязательности и собранного в естественных (реальных) условиях собственного эмпирического материала (результаты наблюдения, опросов, тестирования населения, анализа документов и т.п.) по 25 «мирным сообществам» [243, с. 317–320, или более подробно см. 244] автор приходит к своему основному заключению о существенном (определяющем) влиянии макроусловий на формирование того или иного типа состязательности. Ряд авторов доказывает, что конкуренция, основывающаяся на дарвиновских процессах естественного отбора, является повсеместно распространенным социальным поведением, которое проходит через современную жизнь в западном сообществе [384]. Но эмпирические данные A. Montagu [320], B. Bonta [243, 244] и других авторов показывают сомнительность утверждения об универсальности и вездесущности конкуренции. Они приводят веские эмпирические факты демонстрирующие, что есть сообщества, где конкуренция фактически отсутствует, а сотрудничество является доминирующим поведением и наиболее эффективной стратегией достижения всех социальных целей [243, с. 308 - 313].

Влияние сложного этнического контекста на кооперативное взаимодействие достаточно подробно проанализировано в работе S. Cook [257]. Особенности взаимосвязи между процессом кооперации и этническими особенностями, включая межэтнические аттитюды, экспериментально исследовали J. Van Audenhoven et al. [381]. Результаты исследования этих авторов в целом подтвердили выводы о достаточно существенном влиянии этнических макроусловий (этнических стереотипов) на формирование состязательности в межличностном и межгрупповом взаимодействии.

Но не все эмпирические факты так однозначны. В ряде исследований получены данные и сделаны соответствующие выводы о практически полном отсутствии влияния макроусловий на процессы состязательности. Так, W. Charlesworth (1996 г.) проверял в серии экспериментов с детьми 4–8-летнего возраста гипотезу о том, действительно ли дети из Индии, Малайзии, Южной Африки и США чаще используют кооперативную ориентацию в противовес конкурентной. Результаты позволили автору сделать вывод о том, что имеет место определенная независимость развития состязательных отношений от уровня развития культуры и выдвинуть предположение о состязательности как эволюционно стабильном феномене [256].

C. Loh и J. Elliott (1998 г.) в экспериментальном исследовании влияния наследственных факторов на состязательное поведение 31 монозиготной и 24 дизиготных пар сингапурских близнецов в игровой ситуации установили, что «на отличия в выборе вида состязательности детьми не влияли другие социальные и воспитательные факторы» [311].

2) Микросреда и состязательность

В социально-психологической литературе состязательность (как и любые другие социально-психологические явления) чаще всего и прежде всего рассматриваются в контексте общей системы взаимодействия. Но доминирует при этом, начиная с подхода великих ситуационистов М. Шерифа и М. Дойча, описание состязательности сквозь призму различных форм непосредственного взаимодействия, отличающихся содержанием, направлен-

ностью, интенсивностью, глубиной контактов и другими характеристиками. При этом необходимо отметить, что именно при изучении состязательности социальные психологи раньше всего и чаще всего выходили за рамки малой группы (диады), а начиная с М. Шерифа, внимание исследователей редко сужается ниже уровня анализа взаимосвязи межличностных и межгрупповых состязательных отношений.

М. Дойчем, на основании обобщения полученных эмпирических данных, было сформулировано даже несколько хорошо аргументированных положений, объясняющих действие ситуационных детерминант состязательности [35, 269, 364 и др.].

Эта модель взаимодополнительного влияния взаимодействующих вкладов ситуационных и диспозиционных детерминант социального поведения предполагает постоянное взаимовлияние между внутренними состояниями и характеристиками участников состязательных отношений и их внешней формой проявления. В частности, М. Дойч выделяет основные параметры той микросреды, в которой протекают состязательные отношения [269], определяет эмпирическим путем параметры микросреды, ведущие к формированию конкуренции [35, с. 188].

Вклад современных исследователей состоит в достаточно детальном и значительном уточнении действия отдельных компонентов микросреды на формирование и функционирование состязательности.

Большое внимание уделяется экспериментальному исследованию влияния взаимосвязи межгрупповых и межличностных отношений на характер состязательности. Многочисленные исследования показывают, что индивиды (в межличностных отношениях) склонны взаимодействовать менее конкурентно, чем группы (в межгрупповом взаимодействии), или что группы действуют более конкурентно, чем индивиды [350, 251, 289, 315, 240, 310, 252, 330, 290, 248, 246, 250]. Этот феномен «эффекта скачка», «разрыва непрерывности» («discontinuity»), названного так J. Schopler et al. [350], объясняется более высокой боязнью быть использованным аутгруппой, чем индиви-

дом, хотя разнообразные промежуточные механизмы являются возможными. В дальнейшем J. Rabbie (1998 г.) выдвинул предположение и экспериментально его подтвердил, что различия кооперативно-конкурентного поведения между группами и индивидами частично зависят от реально выбранного поведения оппонента, но в большей степени «индивидуально-групповой эффект прерывности» (Schopler, Insko, 1992) может детерминироваться уникальными особенностями экспериментальной процедуры, примененной J. Schopler и C. Insko, которая стимулирует взаимную кооперацию между индивидами и взаимную конкуренцию между группами. Поэтому J. Rabbie предлагает рассматривать «гипотезу разрыва» как частный случай более общей гипотезы взаимозависимости (взаимодополнительности) [339, с. 496]. И только высоко неопределенные условия заставляют людей, по данным J. Rabbie, демонстрировать большее недоверие групповому, чем индивидуальному оппоненту [339, с. 500–501].

J. Rabbie (1998 г.) уточнил также некоторые закономерности влияния симметрично-асимметричной организации межличностной и межгрупповой интеракции на форму состязательности. В симметричных межличностных (индивид–индивид) или межгрупповых (группа–группа) отношениях «предполагаемое подобие (сходство)» воспринимается участниками и возникает ожидание (предвидение), что «другой участник будет действовать так же, как Я» (так как в соответствии с бихевиоральной моделью интеракции индивиды и группы мотивированы уменьшать неопределенность в своей деятельности и в социальном окружении, стремятся сделать свой мир более предсказуемым и контролируемым). Эта особенность уменьшается в асимметричных («индивид–группа» или «группа–индивид») взаимоотношениях. Это предполагаемое сходство и взаимность будут молчаливым средством кооперативной координации между симметричными субъектами «дилеммы». В асимметричных взаимоотношениях имеет место большая неопределенность того, как будет вести себя другой участник игры, чем в симметричных условиях. В этой неопределенной ситуации, как правило, формируется больше защитных и конку-

рентных выборов, чтобы минимизировать максимально возможно потери, по сравнению с симметричными взаимоотношениями. Это означает, что более реципрокная кооперация предсказывается в симметричных межличностных и межгрупповых взаимоотношениях, когда участники встречают с благосклонностью последовательную кооперативную стратегию. В асимметричных неопределенных взаимоотношениях группы будут демонстрировать большую защитную конкурентность, чем индивиды. Эта гипотеза взаимодополнительности превращает «гипотезу прерывности» J. Schopler и C. Insko (1992 г.) в свой частный случай. С точки зрения J. Schopler и C. Insko, аут-группы должны вызывать большую конкурентность и недоверчивость, чем отдельные индивиды, в любых условиях, в том числе и симметричных. Но это предположение явно противоречит полученным J. Rabbie экспериментальным данным [339, с. 499–500].

Теоретическая работа и многочисленные результаты использования игровой экспериментальной методики привели R. Axelrod (1984, 1988 г.) к более глубокому пониманию роли различных факторов микросреды в развитии кооперации: количества игроков (увеличение числа игроков имеет тенденцию затруднять сотрудничество и увеличивать конкуренцию), ранга (значимости) возможны выборов участниками, «шума» (искажающего восприятия оппонентов), «тени» будущего (влияние ожидаемого поведения оппонента), динамики и структуры «населения» (генетические корни, состязательные диспозиции участников и т.п.).

Влияние внутригрупповой, межгрупповой коммуникации и состояние предыгровой системы взаимосвязи между участниками игры «Дилемма узника» на межгрупповую конкуренцию экспериментально изучались в серии экспериментов G. Bornstein et al. [249, 250].

Традиционными можно рассматривать и эксперименты с выявлением влияния различных комбинаций интеракции между участниками и изменением структуры наград в различных видах социальных дилемм. Так, используя круговую модель межличностных действий, S.D. Estroff и S. Nowicki (1992 г.) об-

наружили, что смешанные диады с внутригрупповыми враждебными отношениями, когда мужчина доминирует, а женщина подчиняется, выкладывали меньше кусочков (элементов) головоломки по сравнению с парами, составленными по другому дополнительному принципу. В другом исследовании эти авторы задействовали 98 мужчин и 98 женщин, чтобы проверить гипотезу, что поведение смешанных диад, где мужчина доминирует, а женщина подчиняется, негативно влияет, когда пары с преобладанием внутри враждебных отношений просят скооперироваться, а дружественные пары просят конкурировать. Итоги трех экспериментов, проведенных авторами, полностью подтвердили выдвинутую ими гипотезу [325].

Результаты экспериментов B. Bettencourt et al. [240] указывают на то, что структура межгрупповых наград и социальная ориентация участников взаимно дополнялись и параллельно влияли на послеконтактные предубеждения. Ингрупповой фаворитизм в распределении наград и оценках членов своей команды был наименьшим в условиях межкомандной кооперации и межличностной ориентации, и эти эффекты относятся к членам других команд. Кроме того, было установлено, что ориентация участников на задачу (а не на людей) будет снижать кооперативные тенденции участников [240].

M. Brewer и N. Miller (1984 г.) экспериментально установили, что ориентация на задачу будет способствовать деиндивидуализации восприятия членов группы и увеличению ингруппового предубеждения. Межличностная ориентация ведет к более индивидуализированному восприятию членов группы и уменьшению ингруппового предубеждения [252].

S. Fiske и S. Neuberg (1989 г.) выявили, что ожидаемая кооперация, противопоставленная независимой структуре наград, направляет внимание на непоследовательную атрибутивную информацию и в целом высоко коррелирует с процессами индивидуализации. Ориентация на задачу в конкурентных условиях увеличивает оценочную информацию о членах другой команды. Такое внимание к аутгруппе должно уменьшить внимание к различиям внутри собственной команды [240, с. 316–318].

Не обошли вниманием исследователи и такой значимый фактор, как субъективный образ ситуации и его отдельные элементы (идентификацию, рефлексию, атрибуцию). Например, в серии экспериментов N. Friedland (1990 г.) изучалось влияние процессов атрибуции и самоатрибуции на сотрудничество в условиях изменяющегося взаимодействия [280].

При исследовании студенческой кооперации и конкуренции значительное внимание традиционно уделялось эффекту варьирования стратегии, применяемой одним участником изменяющейся интеракции к другому кооперативному участнику. Большая часть постоянно получаемых данных свидетельствует о том, что *сочетающаяся стратегия*, состоящая из систематически взаимно дополняющегося конкурентного и кооперативного поведения, имеет тенденцию к увеличению при преобладании кооперации, в отличие от *стратегий безусловной кооперации* или *безусловной конкуренции*. Этот эффект был найден при изучении процесса ведения переговоров [303, 304] и в игре «Дилемма узника» [305, 328, 392 и др.]. S. Lindskold и M. Finch (1981 г.) установили, что даже только декларация намерения к действию соответственно повышает частоту кооперативных ответов [309]. Два возможных толкования предлагались, чтобы объяснить кооперативно-стимулирующий эффект сочетающей (бинарной) стратегии состязательного поведения [304, 316]. Первое – через выработку инструментальных условных рефлексов – утверждает, что сочетающая стратегия усиливает кооперацию и тормозит (гасит) конкуренцию. Второе утверждает, что различные стратегии провоцируют различные атрибуции по силе и справедливости. Стратегия безусловной кооперации привлекает использование «бросающей» стратегии как справедливой, но слабой [368]. Безусловную конкуренцию представляет стратегия сильная, но несправедливая, и тем самым защищающая конкурентность [334]. В противоположность этим двум стратегиям сочетающая стратегия формирует атрибуцию силы и справедливости, которая, в свою очередь, снижает мотив эксплуатации и боязнь быть эксплуатируемым. N. McGillicuddy et al. (1984 г.) представили доказательства, подтверждающие вторую, атрибутивно-ориентированную ин-

терпретацию. Хотя атрибутивная интерпретация является достаточно полной, она не обеспечивает всецело удовлетворительное объяснение динамики, которая связывает личностные стратегии выбора с диспозиционными атрибуциями вместе. Таким образом, она не может быть взята в качестве удовлетворительного основания, чтобы воспринимать сочетание «слабость–справедливость» как автоматическое подталкивание оппонента к конкурентному поведению. Данная интерпретация также доказывает, что при некоторых обстоятельствах эта атрибуция могла вызвать альтруистический ответ [239]. Из этого следует, что объяснение, которое связывает более высокую эффективность сочетающих стратегий с процессами атрибуции, должно быть дополнено третьим возможным объяснением. Третье объяснение проистекает из обзоров влияний различных стратегий на прогнозируемость совместного поведения. В целом объяснение основывается на допущении влияния различных стратегий на восприятие взаимозависимости среди участников конфликта. Безусловная кооперация и безусловная конкуренция подрывают или ослабляют взаимозависимость. Один участник последовательно использует безусловную стратегию (кооперативную или конкурентную) и оставляет другому участнику небольшой контроль над ходом взаимодействия. Последний, таким образом, освобождается от индивидуалистической ориентации и ведет себя конкурентно: чтобы или избегать быть эксплуатируемым участником, придерживающимся безусловно конкурентной стратегии, или использовать преимущества безусловно кооперативной стратегии. Сочетание, в отличие от безусловной кооперации и безусловной конкуренции, создает сильную вероятностную связь между поведением и выборами участников состязания. Как результат, сочетание производит два эффекта, которые совместно вынуждают участников вести себя кооперативно. Во-первых, сильная вероятностная связь снижает вероятность чистой победы одного из участников; наоборот, она повышает вероятность того, что конфликт будет вести к множественным потерям. Во-вторых, принятие сочетающей стратегии субъектами ведет к контролю участниками стратегий поведения. Последнее, таким образом, отягощается ответственно-

стью за разрешение противоречия. Он или она могут сотрудничать и добиться большой прибыли или конкурировать и понести множество потерь. При нормальных обстоятельствах, встретившись лицом к лицу с таким выбором и ответственностью, участники, скорее всего, выберут кооперативную форму взаимодействия.

Предшествующий аргумент подтверждает, что преимущество сочетающей (кооперативно-стимулирующей) стратегии реализуется в той степени, в которой она является частью самоатрибутивного контроля участника над стратегиями состязательного поведения. Эта гипотеза может быть проверена через противопоставление индивидов с сочетающими стратегиями и условиями, в которых облегчается или затрудняется самоатрибутивный контроль. Если предположение является валидным, больше кооперации должно создаваться в условиях, которые поощряют такую атрибуцию. Это предположение было проверено N. Friedland (1990 г.) с использованием игрового метода «Дилемма узника» в трех экспериментах со студентами университета (г. Тель-Авив) [280, с. 305–315]. Участники (стороны) в конфликте и в меняющемся взаимодействии обычно испытывают значительную неуверенность в вопросах представления намерений и стратегических планов своих оппонентов. Такая неуверенность угрожает и может, более того, перерасти в конкурентные ответы. Воспринимаемый контроль над действиями оппонента и над ходом взаимодействия может уменьшить неуверенность, снизить восприятие риска эксплуатации (использования) и таким образом способствовать кооперативным ответам. Эта опосредствующая роль воспринимаемого контроля была продемонстрирована в двух экспериментах. Они показали, что определенные образцы изменения в стратегии одного партнера увеличивали восприятие контроля у другого участника, тем самым увеличивая частоту их кооперативных ответов [280, с. 305–312]. Третий эксперимент выявил, что различия в восприятии контроля активизируют тенденцию к кооперативности, даже если такая вариативность не связана прямо с поведением и стратегиями партнера [280, с. 313–317].

В экспериментах N. Segal и S. Hershberger (1999 г.) была подтверждена гипотеза о том, что более высокие уровни кооперативного поведения детерминируются и генетическим фактором, и результатами обсуждения впечатлений об использовании той или иной состязательной стратегии [352].

Результаты исследований M. Olekalns et al. (1996 г.) подтвердили гипотезу, что выборы состязательной стратегии детерминировались интеракцией между ролью переговорщика и партнерскими ценностными ориентациями, причем взаимоотношения между ценностными ориентациями индивида и переговорными предпочтениями могут в значительной степени сглаживаться ориентацией на ценностные ориентации партнера по игровому взаимодействию [327].

Влияние степени структурированности проблемной ситуации, формы подачи необходимой для совместной деятельности информации на состязательные отношения также привлекали к себе внимание исследователей. Так, J. Rosen и D. Haaga (1998 г.) экспериментально подтвердили фасилитирующий эффект кооперации на поведение и установки американских студентов в условиях социальной дилеммы. В целом кооперация увеличилась после предоставления убедительной информации. Хотя предполагаемой взаимосвязи между познавательной потребностью и типом убеждающего сообщения не было найдено, результаты указывали на то, что публичные призывы к кооперации облегчали (фасилитировали) кооперативное поведение в социальной дилемме [344].

S. Komorita попытался изучить особенности кооперативного выбора в условиях трудно разрешимой (неспокойной) социальной дилеммы [303].

C. Park et al. (1996 г.) в своих экспериментах проверяли, как низкий или высокий уровень доверия индивидов реагирует на информацию о намерениях оппонента в ситуации социальной дилеммы. В исследовании № 1 субъекты с низким уровнем доверия реагировали на конкурентную информацию увеличением кооперации, но не «поражались» конкурентной информацией. Исследование № 2 выявило, что период безусловного информаци-

онно-непротиворечивого поведения сразу же после сообщения мог дать и низкий, и высокий уровень доверия ответов субъектов на кооперативный и конкурентный сигналы соответственно. Тем не менее число безусловных ответов было критическим. Исследование также зафиксировало, что заявленные намерения и информационно-непротиворечивое поведение определяют восприятие доверчивости к оппоненту [329]. Данное исследование является своеобразным продолжением основных обобщений по проблеме формирования и разрушения доверия в кооперативных взаимоотношениях, сделанных в монографии «Trust. Making and breaking cooperative relations» (1988 г.) [282].

3) Интрапсихические детерминанты

Традиция описания состязательности как следствия различных интрапсихических факторов заложена З. Фрейдом. Ведущая роль в этом подходе отводится внутриличностным противоречиям, чаще всего неосознаваемого характера, как главным детерминантам межличностных и социальных явлений. И хотя внешняя окружающая среда может в определенной степени повлиять на поведение, тем не менее, например, с точки зрения Карен Хорни, напрасно было бы рассчитывать на разрешение внутриличностных противоречий с помощью изменения одних лишь внешних факторов. Ошибка всех этих ожиданий, с точки зрения К. Хорни, лежит не в переоценивании важности человеческих отношений, а в недооценке мощи внутрипсихических факторов [211, с. 600]. Современные исследователи состязательности, не переоценивая роль и значение интрапсихических факторов, тем не менее достаточно много внимания им уделяют.

а) Влияние индивидуально-психологических характеристик участников на особенности состязательности

W. Charlesworth (1996 г.) в серии экспериментов с детьми из разных стран установил, что их предпочтения той или иной состязательной ориентации обусловлено не столько уровнем развития культуры этих регионов, сколько индивидуальными различиями участников этих экспериментов, их субъективной

способностью и индивидуальным предпочтением комбинировать кооперацию с более конкурентным поведением [256].

Но чаще всего исследователи пытались связать выбор типа состязательности с теми или иными установками или ценностными ориентациями участников. Так, C. De-Dreu и T. Boles (1998 г.) изучали влияние социальных ориентаций на выбор типа состязательного поведения на переговорах. В результате было установлено, что переговорщики с просоциальными ценностными ориентациями выбирают больше кооперативные эвристики («равное распределение – справедливое»), чем конкурентные стратегии («твой выигрыш есть моя потеря»), в то время как индивидуалистически ориентированные и конкурентно ориентированные переговорщики чаще выбирали конкурентные эвристики ведения переговоров. Дополнительные замеры выявили, что просоциально ориентированные переговорщики предпочитают кооперативные стратегии поведения, потому что им они кажутся морально более соответствующими, в то время как индивидуалисты и конкуренты предпочитают конкурентные эвристики, так как они кажутся им более эффективными [263].

M. Olekalns et al. (1996 г.) проверяли взаимоотношения между ценностными ориентациями (своими и партнеров), переговорными стратегиями и выборами у 36 студентов. Кооператоры, конкуренты и индивидуалисты различались в терминах инициативных требований и величине уступок. Конкуренты выдвигали больше требований и больше требовали уступок, чем индивидуалисты или кооператоры. Выборы причинно обусловливались интеракцией между ролью переговорщика и партнерскими ценностными ориентациями. Результаты подтвердили, что взаимоотношения между ценностными ориентациями и переговорными предпочтениями могут сглаживаться ориентацией на партнерские ценностные ориентации [327].

В двух экспериментах G. Hertel и K. Fiedler (1998 г.) изучали влияние заранее сформированных кооперативных и конкурентных ориентаций на кооперативные выборы. Результаты первого эксперимента (участвовали 132

студента) показали, что оба положительно настроенные концепта, связанные с кооперацией, так же, как негативно настроенные понятия, связанные с конкуренцией, ведут к увеличению кооперативных выборов. Результаты второго эксперимента (участвовал 91 респондент) продемонстрировали, что простые постоянные качества (свойства) основного стимула извлекаются с большей готовностью, чем более сложные интерактивные основные отношения. В целом основные последствия ограничиваются теми субъектами, которые испытывают недостаток согласованных непротиворечивых доэкспериментальных оценочных ориентаций [285].

O. Janssen и E. van de Vliert (1996 г.) проанализировали сходство и отличия двух объяснительных моделей разрешения конфликтов: конкурентно-кооперативную модель и двухкомпонентную модель мотивационных ориентаций в конфликте. В серии экспериментов они доказывают, что свой интерес и интересы других выступают достаточно сильным детерминирующим фактором между конкурентными и кооперативными взаимоотношениями в том смысле, что интересы других скорее, чем свой интерес, являются дискриминирующим фактором между кооперативным и конкурентным мотивами. Опираясь на модель двойных интересов, авторы доказывают, что это отличие интереса других проясняет, почему кооператоры в сравнении с конкурентами ведут себя менее навязчиво и агрессивно. Это предположение было подкреплено результатами экспериментального исследования, проведенного среди 156 голландских студентов [291].

Также на важность учета индивидуальных эвристических стратегий при изучении динамики кооперативных процессов в больших социальных группах обратили внимание D. Messick и W. Liebrand [318].

D.J. McAlister (1995 г.) в своих экспериментальных исследованиях подробно проанализировал эмоциональные и когнитивные компоненты доверия как основы формирования межличностной кооперации в организациях [314].

J.M. Smith и P.A. Bell (1992 г.), используя игровой метод, изучали влияние инвайронментальных установок на кооперативно-конкурентное поведение [361].

T. Yamagishi экспериментально исследовал особенности структуры целей/ожиданий теории кооперации в социальной дилемме [393].

В 80–90-е гг. XX в. в связи с широким распространением когнитивистской парадигмы в социальной психологии увеличилось число исследований отдельных компонентов когнитивного процесса состязательности. Напомним, что именно благодаря когнитивистам экспериментально было доказано, что важную (даже ведущую) роль в социальных и межличностных отношениях играют не столько материальные и объективные, сколько субъективные аспекты социальной жизни [161, с. 91]. Например, снижение конкуренции между группами в известных экспериментах М. Шерифа, Дж. Тернер объясняется не столько развитием кооперативных связей, сколько процессами социальной (внутриличностной, субъективной) категоризации: растворением межгрупповой дифференциации и переинтерпретацией категорий членства, а затем и формированием категории большой объединяющей группы. А межгрупповая дифференциация предполагает увеличение восприятия подобия внутри своей группы и усиление восприятия отличия от членов аутгруппы, т.е. социальная перцепция обусловливает в данном случае развитие тенденции к конкурентности [380, с. 70–98].

Таким образом, выдвигая в качестве главных детерминант состязательности процессы социальной перцепции, когнитивисты предложили и экспериментально подтвердили [389, 185, 288 и др.] ряд практических рекомендаций по регулированию остроты состязательных и конфликтных социальных отношений в реальных условиях: через снижение категоризационных границ и организацию восприятия большего сходства с аутгруппой [185, 190]. В частности, экспериментальное изучение влияния процесса социальной категоризации на кооперацию с использованием трех типов социальной дилеммы осуществили A. Wit и H. Wilke [388]. На важность групповой идентичности

для процесса формирования кооперации в условиях решения социальной дилеммы обратили внимание в своих экспериментах R. Daws et al. [261]. D. Beck и R. Fish (1994 г.) детально описали на основании эмпирического исследования, в котором приняли участие 84 студента, влияние особенностей социальной идентичности личности на динамику межгрупповой кооперации внутри малых групп [237].

б) Влияние индивидных свойств участников на состязательность

Комплексный подход к изучению состязательности потребовал также от исследователей учета индивидных (пол, возраст и т.п.) и генетических детерминант. Так, в эксперименте J. Rabbie (1998 г.) было установлено, что мужчины имеют тенденцию делать более кооперативные выборы в симметричных межличностных и межгрупповых взаимоотношениях, но их поведение более конкурентно в асимметричных социальных отношениях. У женщин отмечается тенденция к поведению более кооперативному в неопределенных асимметричных условиях, но более к конкурентному в симметричных. По-видимому, если женщины встречаются с неопределенной ситуацией конфликтов интересов, они используют более кооперативную, проблемно-разрешающую стратегию, в то время как мужчины будут действовать более конкурентно и «защитно», стараясь минимизировать свои потери [339, с. 500].

В исследованиях N. Segal et al. (1996 г.) изучались особенности кооперативных и конкурентных отношений между мужскими и женскими близнецовыми парами и незнакомыми партнерами. Повторные измерения указывают на значимо более высокие показатели среди девочек (по сравнению с парами мальчиков) по общему показателю кооперации, взаимности цели, приспособляемости. В противовес ожиданиям различия в состязательности между незнакомыми парами, монозиготными парами и дизиготными парами выявлено не было [351].

A.M. Van-Lange et al. (1997 г.) изучали развитие различных типов состязательных ориентаций у индивидов разного возраста. Результаты эмпирических исследований выявили, что «просоциальные» индивиды (кооперативная ориен-

тация) по сравнению с индивидуалистами и конкурентами показывали более высокий уровень надежных (товарищеских) привязанностей (исследования 1 и 2) и имели больше родных братьев и сестер, особенно сестер (исследование 3). Наконец, преобладание просоциальных (кооперативных) ориентаций увеличивалось (а индивидуалистических и конкурентных уменьшалось) от ранней зрелости к средней зрелости и пожилому возрасту (исследование 4) [382].

C.Y. Loh и J.M. Elliot (1998 г.) экспериментально исследовали влияние наследственных факторов на состязательное поведение в игровой ситуации. Дизиготные близнецовые пары продемонстрировали более высокую конкурентность, чем монозиготные в альтруистически-конкурентных условиях игры (как и прогнозировалось). Неожиданностью оказалось то, что монозиготные пары были более конкурентны, чем дизиготы, в одновременно-кооперативных условиях (когда за успех в задании награждались оба партнера). На эти отличия в выборе вида состязательности не влияли другие социальные и воспитательные факторы [311].

В исследовании N. Segal и S. Hershberger (1999 г.) также проверялась гипотеза о том, что более высокие уровни кооперации обусловливаются и генетическим фактором (степенью родственных связей между взаимодействующими), и результатами обсуждения впечатлений от использования кооперативной стратегии. Данная гипотеза нашла свое подтверждение в игровой экспериментальной ситуации «Дилемма узника» (в эксперименте приняли участие 59 монозиготных и 37 дизиготных пар близнецов в возрасте от 10,92 до 82,67 года) [352].

1.1.8. ЭФФЕКТЫ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ

Но наибольшее внимание практически всех без исключения исследователей привлекали и привлекают разнообразные последствия состязательности. Еще утописты-социалисты отмечали различные эффекты данного явления. Томас Мор и Шарль Фурье называли трудовое соревнование основным источником формирования истинно человеческих отношений и повышения

эффективности деятельности [129, с. 114–115; 205, с. 125–129]. Т. Кампанелла видел в соревновании источник умножения богатства людей и их активности [55, с. 88]. Р. Оуэн отмечал, что конкуренция всегда порождает вражду в обществе, служит причиной войн [136, с. 20–31]. К. Маркс, опираясь на эмпирические факты и теоретические обобщения, логически обосновывал предназначение состязательности как основного источника жизненной энергии, стремления людей выразить свою сущность в плодах своей деятельности [117, с. 337–340].

Позже М. Шериф уже в ходе своих полевых экспериментов установил, что следствием конкуренции между группами является, с одной стороны, увеличение агрессивности, стремления унижать и враждебности к членам противоположной группы, с другой – повышение внутригрупповой сплоченности. Кооперативная зависимость действует противоположным образом [354].

Обобщив результаты своих многочисленных исследований, М. Дойч выделил следующие последствия конкурентно-кооперативных отношений для межличностного взаимодействия:

а) *кооперация* сопровождается более открытой, более эффективной (чистой, полной, точной, честной) коммуникацией, большим количеством осуществляемых идей, преобладает убеждение как основной способ влияния на других; кооперация усиливает восприимчивость участников к сходству и общности интересов, стимулирует конвергенцию их представлений и ценностей, снижает тенденцию к подчеркиванию различий, усиливает способность принимать другую точку зрения, внимательность друг к другу, увеличивает подверженность влиянию со стороны других; кооперация ведет к усилению доверительных, дружественных установок относительно друг друга, усиливает аттракцию, увеличивает желание помогать другим, способствует взаимному принятию и ожиданию быть принятым, увеличивает удовлетворенность группой; стимулирует тенденцию участников подходить к решению общей задачи с использованием их индивидуальных возможностей и делает их способными заменять друг друга в совместной работе, улучшает коорди-

нацию усилий и продуктивность решения задач, включающих взаимозависимую деятельность, ведет к определению конфликтных интересов как общей проблемы, которая может быть решена совместными усилиями, скорее ограничивает, чем увеличивает масштаб конфликтных интересов, увеличивает общность целей и ресурсов, больше ориентирует на решение задачи, способствует конструктивному разрешению конфликтов;

б) *конкуренция* ведет к недостаточной коммуникации между участниками, к попыткам информацию о других получить, давая взамен искаженную информацию, к более частым попыткам использовать принудительные средства воздействия (стратегию подавления); усиливает восприимчивость к различиям и опасности, идущим от других, способствует возникновению чувства полной оппозиции; усиливает подозрительность, враждебность, готовность негативно реагировать на просьбы и потребности других, способствует взаимному отвержению и ожиданию быть отвергнутым; ухудшает продуктивность взаимосвязанной деятельности, увеличивает дублирование усилий, а не их разделение и взаимное дополнение [269, с. 67–119].

Идеи М. Дойча (1949 г.) о положительном влиянии кооперативных процессов на конструктивное разрешение социальных конфликтов и их практическое использование нашли свое отражение у многих авторов, в частности, в сборнике «Conflict, cooperation and justice» (1995 г.) [254]. D. Tjosvold (1997 г.) проинтервьюировал 52 дантиста, чтобы проверить полезность теории кооперации и конкуренции М. Дойча для анализа профессиональной сети. Зафиксировано, что дантисты работали более эффективно, когда были ориентированы на кооперативные цели и открытое обсуждение своих взглядов. Коэффициенты корреляции подтвердили теоретическую гипотезу о том, что открытая дискуссия служит связью во взаимоотношениях между взаимозависимостью и результатами. Отмечается также, что конкурентные цели очень сильно связаны с желаниями (готовностью) других обсудить спорные вопросы открыто и конструктивно; осознанное обсуждение других и себя было критичным для продуктивности сети. Разделенная цель, взаимосвязанные роли и симпатии были главны-

ми предпосылками для формирования кооперативных целей. Таким образом, результаты исследования свидетельствуют о важности и ценности формирования в профессиональных организациях кооперативных ориентаций, о желательности уменьшения конкурентности и развитии межличностной компетентности для открытого конструктивного обсуждения с людьми профессиональных проблем [376].

В других исследованиях D. Tjosvold et al. (1998 г.) проверяли возможности использования теории кооперации и конкуренции как исследовательской модели, которая улучшает деловые взаимоотношения среди членов группы и этим помогает членам самоуправляемых команд преодолевать трудности, обсуждать свои взгляды и повышать эффективность решений. Результаты исследования 60 самоуправляемых команд (540 служащих) показали, что теория кооперации и конкуренции является полезной для определения социальных процессов, которые помогают этим командам бороться с проблемами и работать эффективно. Команды с высокой кооперативной ориентацией обсуждали открыто и конструктивно даже свои оппозиционные точки зрения, что, в свою очередь, развивало доверие в команде и делало поведение ее членов более эффективным. Конкурентные ориентации мешали конструктивной полемике, доверию и эффективности. Эти результаты были интерпретированы авторами как подтверждение того, что структурированные кооперативные ориентации и конструктивная полемика могут помочь самоуправляемым командам увеличить доверие и продуктивность деятельности [229].

D. Tjosvold, S. Sasaki, J.W. Moy (1998 г.) также попытались использовать кооперативно-конкурентную теорию М. Дойча для лучшего понимания поведения служащих японских организаций в Гонконге. Эмпирические результаты анализа интервью китайских и японских служащих японских мультинациональных корпораций, функционирующих в Гонконге, свидетельствуют о том, что кооперативные цели подталкивали к открытой дискуссии между служащими, которая увеличивала продуктивность их деятельности, улучшала взаимоотношения, что в свою очередь вело к формированию

у служащих чувства преданности организации. Конкурентные и индивидуалистические цели в основном имели негативные корреляции с динамикой и эффективностью деятельности. Эти результаты свидетельствуют о том, что теория кооперации и конкуренции М. Дойча является полезной для понимания взаимозависимости и взаимодействия в Азии так же, как и в Северной Америке. Как отмечают авторы, конкурентно-кооперативная концепция М. Дойча может быть использована для лучшего структурирования взаимодействия через систему наград служащих, в качестве средства совершенствования взаимоотношений и повышения продуктивности деятельности, для возникновения чувства сопричастности и преданности [378]. Таким образом, результаты этих двух исследований еще раз подтвердили универсальный характер основных теоретических положений, сформулированных М. Дойчем почти 50 лет назад для различных социокультурных условий.

Необходимо отметить, что большая часть исследователей чаще всего получала эмпирические данные о более положительных последствиях кооперативного взаимодействия по сравнению с конкурентным.

K. Punch и B. Moriarty (1997 г.) изучали влияние трех основных типов состязательности (кооперативного, конкурентного и индивидуалистического) на процесс обучения студентов. Результаты указывают на то, что классы, в которых не использовалась конкурирующая ориентация, всегда демонстрировали более высокие результаты на протяжении всего семестра [335].

D. Johnson и R. Johnson (1979 г.) подытожили результаты более 600 исследовательских проектов со студентами (данные по учащимся Европы и США) об эффектах конкурентно-кооперативных форм обучения. Итоги их теоретического обзора являются ценными и сегодня:

а) студенты овладевают, сохраняют и передают принципы и понятия более эффективно, когда они учатся в кооперативной среде (по сравнению с конкурирующими или индивидуалистическими условиями); кооперация способствует большему и лучшему обучению, чем конкуренция;

б) студенты имеют более высокую внутреннюю мотивацию к обучению в кооперативной ситуации;

в) кооперативная среда больше способствует, чем конкурентная или индивидуалистическая среда, выработке навыков общения, способностей к разрешению конфликтов, социальному и когнитивному развитию;

г) установки студентов на преподавателей и на свою школу оказываются более положительными в кооперативной среде;

д) студенты имеют более положительные установки по отношению к своим одногруппникам, включая представителей противоположного пола, других этнических и социальных групп и людей с отличающимися способностями, в кооперативной среде (в кооперативной среде выше принятие и понимание индивидуальных различий, ниже уровень предрассудков и предвзятости);

е) умственное (психическое) здоровье и самоуважение оказывались всегда более положительными среди студентов в кооперативной обучающей среде, чем в конкурентной или индивидуалистической ситуациях [293].

D. Johnson и R. Johnson (1979 г.) приводят сводные данные, свидетельствующие о том, что познавательные, творческие, коммуникативные процессы обучающихся улучшаются именно в обстановке кооперативного обучения [293].

Ряд авторов (J. Skolnik, C. Langbord, L. Day, 1982) считают, что необходимо использовать кооперативные группы для того, чтобы помочь учащимся преодолеть страх перед естественными науками и математикой. Они отмечают, что именно в кооперативной среде «у девочек и мальчиков появляются уверенность и способность хорошо, легко и с интересом учиться, основываясь на том, что они уже выучили. Коллективная работа в классе девочек с раннего возраста выдвигает на первый план навыки общения, большее кооперирование в учебе, живой интерес к отношениям между людьми и к их каждодневным заботам.

Если мы будем строить наши задания по математике и другим предметам так, чтобы развивать все это, девочки будут менее обеспокоены, изучение этих дисциплин будет для них более интересным и будет более естественно соче-

таться с их другой деятельностью. Коллективная работа создает наиболее подходящие условия для общения и взаимодействия детей» [Skolnik et al., с. 54]. Авторы также подчеркивают, что кооперативное обучение устраняет чувство разобщенности, часто возникающее при умственной работе, особенно в области математики и общественных наук, более того, учащимся проще и удобнее задавать вопросы друг другу, чем взрослым. Это является для них очень ценным.

Э. Аронсон в своем исследовании сравнил результаты деятельности, степень удовлетворенности, взаимной симпатии друг к другу учащихся, находившихся в двух типах образовательных ситуаций: кооперативной и конкурентной. В школьных классах обучавшихся в кооперативной ситуации все показатели результативности деятельности, удовлетворенности, взаимной симпатии оказались значимо выше по сравнению с конкурентной средой обучения [4, с. 354–358].

В другом эксперименте У. Стефан установил, что десегрегация, соединенная с конкурентностью, может породить неравностатусный контакт и даже усилить вражду между этническими группами, а также снизить самооценку у представителей этнических меньшинств, оказавшихся в неблагоприятном положении [367].

В экспериментах Э. Аронсона с кооперативной средой обучения везде наблюдался один и тот же результат: дети, обучавшиеся во взаимозависимых «кооперативных» классах, учились относиться друг к другу с большей симпатией, больше начинали любить школу и приобретали более высокую самооценку, чем дети, обучавшиеся в традиционных классах. Причем с ростом взаимной любви и симпатии в классах первого типа преодолевались этнические и расовые барьеры. И результаты экзаменов у членов этнических меньшинств в таких классах оказывались выше, чем в традиционных [4, с. 357].

Несколько более поздних экспериментов указывают на то, что эффективность кооперативного типа взаимодействия в снижении уровня предрассудков не ограничивается детским сообществом. Так, в одном из экспериментов

Д. Десфорджис и ее коллег было предложено студентам пообщаться с сообщником экспериментаторов, которого представили испытуемым как бывшего пациента психиатрической клиники, причем их настроили на то, что от бывшего «сумасшедшего» следует ожидать несколько странного поведения. Взаимодействия с пациентом были составной частью учебных занятий, причем одна часть студентов взаимодействовала с «бывшим пациентом» в группе, работающей по кооперативному принципу, а другая часть – в группе с более традиционной (состязательной) учебной атмосферой. Участники группы с кооперативной ситуацией быстро смогли отойти от своих стереотипизированных ожиданий: они испытывали к «бывшему пациенту» большую симпатию, общались с ним с большим удовольствием и в целом описывали душевнобольных более позитивно, нежели те, чье общение происходило в более традиционной учебной ситуации [266]. Эксперимент С. Гертнера и его коллег продемонстрировал, что процесс сотрудничества (кооперации) понижает барьеры между группами путем изменения когнитивных категорий, которыми пользуются люди. Иными словами, сотрудничество меняет присущий нам способ категоризировать членов «чужой» группы: вместо «они» мы начинаем говорить про них «мы» [281].

Э. Аронсон отмечает, что движение за сотрудничество развивалось в области образования быстро и успешно и за относительно короткий промежуток времени стало чем-то вроде небольшой революции в системе американских муниципальных школ. По оценкам А. Кона, сегодня в одних только США более двадцати пяти тысяч учителей используют ту или иную форму обучения, основанную на сотрудничестве. Ведущий эксперт по расовым взаимоотношениям Д. Мак-Конэхи назвал революцию, вызванную внедрением кооперативного обучения, самой эффективной по сравнению с другими практикой улучшения расовых отношений в десегрегированных школах [4, с. 360].

На основании выявленных экспериментальным путем закономерностей Э. Аронсон делает вполне обоснованное заключение, что одним из средств уменьшения предрассудков и враждебности может быть изменение среды: индивиды должны стать сотрудниками, а не конкурентами. Эту закономерность

Э. Аронсон предлагает сформулировать иначе: *сотрудничество* (кооперация) *приводит к аттракции*. Общая теория «вознаграждений–издержек» (G. Homans, 1961) объясняет значительную часть явлений аттракции. Поведение, основанное на сотрудничестве, по определению является вознаграждающим: человек, который с нами сотрудничает, оказывает нам помощь, прислушивается к нашим идеям, делает предложение и разделяет наши трудности [4, с. 364].

Монография R. Slawin (1983 г.) также посвящена особенностям и преимуществу кооперативных форм обучения по сравнению с конкурентно-индивидуалистическими. Причем автор для подтверждения своих позиций широко использует теоретические обобщения и эмпирические данные и других исследователей [360].

Помимо этого достаточно большое число исследователей (L. Sherman, C. Simmons, C. King, S. Tucker, E. Wehner et al.) также отмечают, что участники состязательных отношений, чтобы добиться успеха, предпочитают использовать кооперативные стратегии, а не конкурентные [357, 358].

В ряде исследований было показано, что «кооперативная школа окружающей среды» способствует более высокому уровню достижений, чем конкурентные или индивидуалистические школы [258, 295, 296].

Данные по ненасильственным сообществам, приведенные в статье B. Bonta (1997 г.), свидетельствуют о том, что сотрудничество является «доминирующим поведением и наиболее эффективной стратегией достижения всех социальных целей» [243, с. 308].

Т. Клейн в своих экспериментах установил, что в конкурентных ситуациях коммуникация слабее, чем в ситуациях сотрудничества [213, с. 339].

Исследование В. Шмита и других показало, что в кооперативно ориентированной группе продуктивность ее членов выше, чем в ориентированной на соперничество (изучались 29 пятичленных групп). Однако с точки зрения припоминания (памяти) не наблюдалось никакой разницы [61, с. 100].

Главная цель исследования M. Stanne, D. Johnson и R. Johnson (1999 г.) заключалась в выяснении влияния типов состязательности (кооперативной,

конкурентной и индивидуалистической) на двигательные навыки поведения. Кооперативное взаимодействие отмечено более высокими показателями достижений в условиях взаимозависимости в играх с нулевой суммой, неопределенными условиями; индивидуалистическая ориентация выделялась более высокими достижениями в ситуации независимости и неопределенности. Для всех условий кооперация отличалась более высокой межличностной аттракцией, социальной поддержкой и самоуважением [365].

Хенк Уилк и Эд ван Книппенберг, описывая действия индивидов в интерактивной группе с точки зрения взаимозависимости от своих результатов (взяв за основу такой классификации подход I. Steiner, 1972), выделяют три основных типа состязательности: *сотрудничество в чистом виде; соперничество (конкуренция) в чистом виде; смесь сотрудничества и соперничества*. Кооперативная ситуация обычно облегчает групповое действие (но результативность деятельности при этом во многом зависит от понимания правил задачи–ситуации). Конкуренция обычно ухудшает групповое действие, так как групповому действию мешает соперничество между членами группы. В смешанной (кооперативно-конкурентной) ситуации групповое действие хуже оптимального (то есть оно лучше, чем при явной конкуренции, но хуже, чем при кооперативной деятельности [366; 192, с. 466, 479–480]). Кроме того, по данным N.L. Kerr (1982 г.), имеет место ухудшение последствий влияния всех типов состязательности под воздействием эффекта социальной лености (если группа многочисленна), эффекта паразитизма (если члены группы считают свое участие необязательным), эффекта простака (если члены группы опасаются оказаться в положении простака) [301; 192, с. 480–481].

Имеются противоречивые данные о влиянии состязательной среды на агрессивное поведение. С одной стороны, выдающийся психиатр У. Меннингер настаивал на том, что «состязательные (конкурентные) игры обеспечивают великолепное удовлетворение инстинктивного агрессивного влечения» [307]. Но, с другой стороны, в своем тщательном анализе имеющихся экспериментальных данных Л. Берковиц не смог найти простых и неопровержимых результатов

в поддержку идеи о том, что в результате интенсивной физической деятельности (в том числе состязательной) агрессия снижается [238]. А результаты полевого исследования А. Паттерсона подводят фактически к прямо противоположному заключению. А. Паттерсон измерял враждебность школьников-футболистов, оценивая ее за неделю до начала сезона и спустя неделю после его завершения. Предполагалось, что интенсивная физическая деятельность и агрессивное (конкурентное) поведение (а это составные части игры в футбол) служат тому, чтобы уменьшить напряжение, вызванное «запертой» агрессией, и тем самым после окончания сезона игроки будут демонстрировать спад враждебности. Однако вместо этого результаты измерений свидетельствовали о ее существенном росте [4, с. 268].

D. Sattler (1998 г.) проверял последствия уровня развития потребностей (собственных и партнера) в кооперативном поведении в социальной дилемме. Было установлено, что респонденты, имевшие более высокую потребность в кооперации, воспринимали своих партнеров как более честных, надежных (заслуживающих доверия) и ответственных по сравнению с теми, кто имел более низкую потребность в кооперации [348].

Позитивная роль и значение кооперации для процессов взаимопомощи («помогающего поведения») всесторонне проанализированы также (рассмотрены разнообразные теоретические позиции, приведены результаты многочисленных экспериментальных исследований) в сборнике научных трудов «Cooperation and helping behavior» [265].

Прикладные аспекты состязательности (роль и значение кооперации по сравнению с конкуренцией в экономической сфере, сфере бизнеса) с позиций экономики, социологии и социальной психологии рассмотрены в монографии B. Nalebuff и A. Brandenburger «Co-opetition» [321].

T. Pettigrew (1998 г.), анализируя основные положения теории межгрупповых контактов [331], подчеркивает особо важную роль для оптимального контакта «ситуации равного статуса, общности цели, межгруппового сотрудничества, поддержки авторитетом, законом или традицией» [331, с. 80]. Исследования, осуществленные автором, «выявили, что позитивный эффект от меж-

групповой дружбы больше, чем от межгрупповой предвзятости» [331, с. 81]. Это дало возможность T. Pettigrew сделать вывод о том, что эффективность межгруппового контакта зависит прежде всего от уровня развития «дружественного (кооперативного) потенциала» [331, с. 81].

Г. Гибш и М. Форверг приводят результаты экспериментальных исследований об общем повышении групповой производительности по сравнению с индивидуальной на 40 %, в том числе на 17 % – благодаря организации труда; на 13 % – в связи с введением элементов кооперации в форме разделения труда; на 10 % – благодаря соревнованию и приспособлению к групповым нормам вследствие повышения индивидуальной производительной силы. На основании анализа этих данных Г. Гибш и М. Форверг приходят к следующему пониманию роли соревнования: «…на социалистическом предприятии, где «соревнование» и направленные на повышение производительности «групповые нормы» не находятся под влиянием отношений эксплуатации, индивидуальные производительные потенции, при прочих оптимальных условиях, должны, по-видимому, иметь более важное значение, по крайней мере, в соответствии с имеющимися для этого возможностями» [25, с. 154].

В исследовании П. Кинан и П. Карневале было показано, что сотрудничество внутри каждой из групп может стимулировать сотрудничество между группами. Следовательно, отношения сотрудничества, установившиеся в одной группе, часто выносятся вовне, когда позже этой группе приходится взаимодействовать с какой-то другой группой. В исследовании П. Кинан и П. Карневале группы, выполнявшие «кооперативное» задание, оказались более «кооперативны» (по сравнению с группами, изначально работавшими в конкурентном режиме) в последующих переговорах с другой группой [299].

Эмпирические данные, подтверждающие большее оптимизирующее влияние сотрудничества по сравнению с конкуренцией на эффективность деятельности, были получены и в ряде других исследований [319, 342 и др.].

Многочисленные экспериментальные данные (начиная с Мортона Дойча), доказывающие, что кооперирующие группы более продуктивны, в них вы-

сока согласованность действий и крепче взаимная аттракция между членами, чем в конкурирующих группах, заставили ряд исследователей прийти к следующему выводу: «кажущаяся неопровержимость превосходства кооперации заставляет нас всерьез задаться вопросом о преодолении акцента на состязательных (то есть конкурентных) мероприятиях в нашей системе образования и на производстве. Очевидно, что такой акцент без преувеличений приводит к обратным результатам» [253, с. 32].

Но не меньше получено эмпирических данных, свидетельствующих о негативных последствиях кооперации. Так, еще на заре становления социальной психологии как науки Н. Триплетт, изучая эффективность деятельности испытуемых в ситуации конкуренции, когда участники состязались в наматывании лески на катушку спининга, выявил, что, конкурируя, они справлялись с задачей гораздо быстрее, чем в ситуации, где им соперничать не приходилось [61, с. 98]. М. Дойч также считал, что ситуация сотрудничества может способствовать и формированию ряда отрицательных групповых явлений (развитию покровительства, повышенной конформности членов группы), которые в конце концов снизят и эффективность ее деятельности [268].

Имеются многочисленные результаты экспериментальных исследований, свидетельствующие о том, что обучение в конкурентной групповой обстановке проходит более эффективно [326]. Люди, ориентированные на достижение высоких результатов, обучаются и работают более продуктивно в конкурентной среде, чем в кооперативной [275]. Некоторые исследователи на основе обобщения эмпирических данных доказывали, что конкуренция способствует наивысшим достижениям во всех сферах, включая искусство, спорт, науку и т.д. [228]. В частности, У. Хэгстром отмечает, что по сравнению с позитивными функциями конкуренции в науке ее дисфункции выглядят менее значительными. Конкуренция связана с новаторством и дифференциацией на уровне отдельных ученых. Есть ряд убедительных свидетельств и в пользу того, что конкуренция стимулирует новаторство и дифференциацию на институциональном уровне. Так, Бен-Дэвид совместно со Злоцовером показа-

ли, что большая степень конкуренции в системе американских, а ранее немецких университетов в известной мере объясняет их большую научную продуктивность и большую гибкость по сравнению с университетскими системами во Франции и в Великобритании [213, с. 356–357].

Правда, необходимо отметить, что в ряде специальных исследований было установлено, что состязательность (конкурентность или кооперация) и стремление к достижению не являются обязательно связанными – вполне возможно иметь сильное желание к достижению без высокой потребности в состязании. Эти авторы приходят к выводу, что необходимо и важно отделять мотивацию к достижению от ориентации на сотрудничество или конкуренцию [359, 363].

T. Kline и Y. Sell (1996 г.) провели ряд экспериментов, которые показали отсутствие различий группового поведения от индивидуального; однако имелось улучшение в поведении группового уровня над поведением индивидуального уровня, частично для индивидов высококонкурентной/высококооперативной группы. Таким образом, эти результаты не подтверждают широко распространенное предположение о полезности (практичности) кооперации и ухудшающем влиянии конкуренции или о преимуществе кооперативных групп перед конкурентными, для женщин в особенности [302].

P.J. Carnevale и T.M. Probst (1997 г.) на основе теоретического анализа и результатов нескольких исследований попытались доказать, что конкурентные люди в определенных ситуациях могут быть особенно гибкими, креативными и сотрудничающими. Эти данные в целом согласуются с предположением, что конкурентные люди могут поднять групповые цели-достижения и групповое выживание. Представленный анализ является и своеобразным расширением рамок обобщений, сделанных G. Boznstein и I. Erev [246]. Результаты исследований P. Carnevale и T. Probst также свидетельствуют о том, что в качестве важного посредника при разрешении социальных конфликтов могут выступить когнитивные стереотипы. Ими же было установлено, что конкурентные

люди могут быть отчасти эффективны в групповом контексте конфликта с аут-группой [255].

Значительная часть психологической литературы доказывает, что конкуренция благоприятствует росту агрессии. Эксперименты постоянно демонстрируют, что участники, которые играли в игру «Дилемма узника», конкурентно были более агрессивны по сравнению с теми, кто был проинструктирован играть в эту игру кооперативно. Конкурентные игроки использовали «убивающие техники», чтобы победить, значительно чаще, чем кооперативные игроки, которые предпочитали «избегающие техники» [230]. Эти результаты демонстрируют, что когда у людей преобладают конкурентные ориентации, их агрессивные направленности возрастают, даже если эта агрессия направляется не на конкурента. И наоборот, результаты тех же исследований показывают, что кооперативные установки ведут к уменьшению агрессивности. В другом исследовании дети проявляли более агрессивное и менее кооперативное поведение, когда играли в конкурентные игры [236]. Вот почему конкурентное поведение детей есть эффективный предсказатель юношеской агрессивности – главной социальной проблемы современной западной цивилизации. И поэтому авторы этого исследования, A. Bay-Hinitz et al., выступают за то, чтобы кооперативные игры вводились в дошкольных учреждениях с целью развития просоциальных образцов поведения [243, с. 305].

В ряде исследований было показано, что взаимосвязь между отношениями сотрудничества, или конкуренции, в группе и продуктивностью ее деятельности не всегда однозначна и зависит от количества членов группы, от их пространственной близости и ряда других факторов [353]. Примерно такие же неоднозначные результаты были получены и при изучении межгруппового взаимодействия [341 и др.].

В исследованиях кооперативно-конкурентных отношений при сочетании межгрупповых и внутригрупповых взаимодействий также выявлена противоречивая картина. В одних исследованиях (например, A. Workie, 1973, и др.) уста-

новлено в целом позитивное влияние межгрупповой и внутригрупповой кооперации на эффективность деятельности. Оптимальность сочетаний с точки зрения успешности деятельности интергрупповых и интрагрупповых отношений в порядке убывания, по данным A. Workie, расположена следующим образом:

1) межгрупповое и внутригрупповое сотрудничество (максимальная эффективность);

2) внутригрупповое сотрудничество при нейтральных межгрупповых взаимоотношениях;

3) внутригрупповое сотрудничество в сочетании с межгрупповой конкуренцией;

4) внутригрупповая конкуренция в сочетании с межгрупповой кооперацией;

5) внутригрупповая конкуренция вместе с нейтральными межгрупповыми взаимоотношениями;

6) внутригрупповая и межгрупповая конкуренция [391, с. 241–244].

Несколько отличающиеся результаты были получены в экспериментах J. Julian и F. Perry (1967 г.). В лабораторных экспериментах они создали три ситуации сотрудничества-конкуренции: межгрупповую конкуренцию, межличностную конкуренцию, «чистую кооперацию». Полученные ими данные свидетельствуют, что успешность деятельности (в качественном и количественном отношении) была выше в условиях конкуренции (межгрупповой и внутригрупповой) по сравнению с «чистым сотрудничеством». Но в условиях сотрудничества члены группы испытывали наибольшее удовлетворение от взаимоотношений с членами группы [298, с. 36–48].

M. Goldman et al. (1977 г.) использовали трехфакторный план эксперимента, включавший: 1) конкуренцию и кооперацию внутри двучленных групп, работавших над решением анаграмм; 2) конкуренцию и кооперацию между группами; 3) высокую или низкую степень зависимости между членами группы. Были получены следующие результаты:

– эффективность групповой деятельности была выше при меньшей зависимости между членами группы друг от друга и при структуре поощрений, благоприятствующей кооперации внутри группы;

– эффект взаимодействия двух переменных указывает на то, что в условиях, когда члены группы зависимы один от другого, лучшие результаты наблюдаются при внутригрупповом сотрудничестве, тогда как в условиях их независимости – при конкуренции между ними;

– хотя относительная сила мотивов внутригруппового сотрудничества и конкуренции определяется степенью взаимозависимости партнеров, это проявляется только в условиях сотрудничества между группами, а при конкуренции между группами внутригрупповые мотивы теряют силу. Отсюда следует, что конкуренция между группами может быть использована для снижения конкуренции внутри группы [283, с. 81–88].

B. Schlenker и M. Goldman (1978 г.) выявили, что «конкуренты» ожидали от других людей прежде всего конкурентных действий, не чувствовали (не опознавали) оппонентов с «кооперирующей» направленностью; на восприятие конкурентами других людей не влияли ни ситуация, ни партнер. «Кооператоры» были более гибкими в оценке действий, диспозиций других людей, основывали свои выводы о партнерах, исходя из их поведения, а восприятие ими других людей зависело от ситуации и партнера [349, с. 393–410].

B. Bettencourt et al. (1992 г.) на основании обобщения теоретических и эмпирических данных приходят к выводу, что в целом кооперация производит более положительные внутригрупповые интеракции и межличностные принятия друг друга, чем конкуренция [267; 292; 240, с. 303]. Более того, кооперативная взаимозависимость содействует больше индивидуализированному восприятию партнеров и большему вниманию к ожидаемо-непоследовательной информации [276; 323]. Тем не менее B. Brewer и N. Miller (1984 г.) выдвинули предположение, что эти «положительные эффекты кооперации будут значительно снижаться, если структура состязательной ситуации задается ориентацией на задачу, а не на межличностные отношения» [252]. Ориентация на задачу может

быть особенно сильной, когда внутригрупповая кооперация предпринимается в контексте межгрупповой конкуренции [240, с. 303]. В сравнении с межгрупповой кооперацией конкуренция увеличивает тревожность членов команды [340; 387], повышает внимание к другой команде [297], усиливает отличительные черты межгрупповой дифференциации [390; 251] всех факторов, которые, скорее всего, должны быть связаны с деперсонализацией членов команды.

Следуя кооперативной интеракции с командами, составленными из своих и чужих членов команд, субъекты показывали меньше ингруппового предубеждения в своих оценках членов своей команды, когда они взаимодействовали в условиях межкомандной кооперации и межличностной ориентации, чем в условиях межкомандной конкуренции и сильной ориентации на задачу [240, с. 303].

P. La Freniere анализирует источники различий в способности балансировать (уравновешивать) кооперативное и конкурентное поведение в условиях диадного взаимодействия. Способность уравновешивать эти 2 тенденции может рассматриваться в качестве фундамента успешной адаптации внутри социальной общности, так как кооперация может существенно поднять результативность деятельности (прыжков), улучшить положение группы в состязании с другими группами или генерирование ресурсов; в то время как эгоистическое поведение может защищать индивида от эксплуатации или, иначе, усилить репродуктивный успех. С помощью двух экспериментов проверяли проявление у детей способности к балансу кооперативного и конкурентного поведения во время взаимодействия с ровесниками. Выявлена особая роль эмоциональной синхронности, предвидения поведения и взаимности в формировании кооперативного поведения как условно формирующейся стратегии [307].

В исследованиях R. Vonk (1998 г.) проверяли эффекты влияния состязательных зависимостей на выбор мотивации формировать правильное (точное) против желательного впечатление, так как это отражалось на внимании, симпатиях и суждениях при выполнении социальных (эксперименты № 1 и № 2) или интеллектуальных (эксперимент № 3) заданий респондентами. Как кооператив-

но зависимые, так и конкурентно ориентированные субъекты формировали более благоприятные впечатления, чем члены контрольной группы (эксперимент № 1), но этот эффект был следствием прежде всего ожидаемого взаимодействия, а не состязательных зависимостей. Кооперативная зависимость продуцировала оптимистические суждения респондентов по сравнению с другими видами состязательности. Конкурентно зависимые субъекты не умаляли способности респондента, наоборот, их суждения были умеренными и относительно безболезненными по сравнению с ожиданиями во всех трех экспериментах. В дальнейшем фиксируемые временные показатели этих субъектов были более длительными по сравнению с другими видами состязательности. Эти результаты позволяют сделать вывод, что конкурент воспринимается как потенциальная угроза, порождающая осторожность, внимательность (тщательность) и консервативность суждений. Таким образом, можно предположить, что усиление внимания друг к другу в кооперативных и конкурентных ситуациях объясняется разными причинами. Если кооператоры привлекают внимание за счет повышения компетентности, то конкуренты – за счет формирования потенциальной угрозы оппоненту [343].

Изучению воздействия состязательности на процесс лидерства в малых группах было посвящено экспериментальное исследование D. Lundgren (1998 г.). Сравнение рейтингов лидеров команд до межгрупповых острых дебатов и после полемики показало, что, как и предполагалось, последебатные рейтинги «кооперативных» лидеров существенно снизились по сравнению с их додебатными рейтингами. Одновременно последебатные рейтинги лидеров с антагонистической (конкурентной) манерой ведения дискуссии значимо выросли по сравнению с их величиной до дебатов [312]. Результаты этих исследований вносят определенное уточнение в вопрос о детерминантах открытого ранее эффекта увеличения внутригрупповой сплоченности в условиях интергрупповой конкуренции [350; 289]: это изменение установок членов группы в сторону увеличения потребности в лидере-антагонисте по отношению к аутгруппе.

Исследование C. Salewski (1993 г.) посвящено анализу особенностей пространственной организации поведения в диадическом (состязательном) взаимодействии. В первом эксперименте было установлено, что физическая дистанция между двумя людьми является более неустойчивым, быстро изменяющимся феноменом, который зависит достаточно сильно от типа и качества взаимодействия, в противовес положениям, принятым в модели организации личностного пространства. Во втором эксперименте дистанция между двумя индивидами измерялась повторно в продолжении кооперативных или конкурентных взаимодействий. Более близкая дистанция выбиралась в кооперативных условиях взаимодействия, и эта дистанция даже снижалась еще больше по прохождении времени интеракции. Эти результаты позволили C. Salewski сделать вывод, что дистанция в диадическом взаимодействии является сложным феноменом, в котором тип состязательного взаимодействия и временная дистанция являются одинаково существенными факторами [345].

Разрозненные материалы по проблеме взаимосвязи кооперации и социально ориентированного поведения собраны в сборнике «Cooperation and prosocial behavior» [286].

1.1.9. АНАЛИЗ ПОСЛЕДСТВИЙ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ КАК СОСТАВНОЙ ЧАСТИ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ СУБЪЕКТОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В целом все эти исследования кооперативно-конкурентных отношений являются составной частью более широкой проблемы взаимовлияния группы и личности. И поскольку проблема состязательности является конкретизацией отношений между субъектами, рассмотрим кратко основные теоретические подходы по теме взаимовлияния группы и личности. Взаимодействие группы и индивида как один из основных предметов социальной психологии исследуется с момента включения эксперимента в социальную психологию. По этой проблеме накоплен огромный материал. По предмету взаимовлияния личности и группы имеется ряд обзорных работ [88, с. 62–117; 177, с. 140–150; 2, с. 116–137; 153, с. 130–159; 84; 133; 142, с. 461; и др.].

Например, Х. Уилк и Эд ван Книппенберг анализируют данную проблему на двух уровнях: в ситуации присутствия других и в интерактивных группах [142, с. 461]. С другой стороны, в приведенном анализе феномена социальной фасилитации и торможения (СФТ) у всех без исключения авторов основой выделенных закономерностей выступают те или иные свойства состязательности (сравнение, оценивание и т.п.). Другими словами, рассмотрение проблемы СФТ требует учета основных закономерностей такого феномена, как состязательность.

Изучение же действий человека в интерактивных группах напрямую нас выводит на проблему состязательности. Правда, место и роль состязательности определены при этом по-разному. Например, в рассматриваемом подходе Х. Уилка и Э. ван Книппенберга выделяются различные варианты последствий взаимодействия в интерактивных группах в зависимости от типа выполняемых задач (типа мотивации) (таблица 1). Основная их идея заключается в том, что

Таблица 1

Последствия интерактивного группового взаимодействия при решении задач разного типа [192, с. 481–482]

Задача/мотивация	Групповая производительность	Описание
Аддитивная	Превосходит лучшую	Групповая выше лучшей производительности отдельного члена группы
Компенсирующая	Гораздо лучше, чем у большинства	Групповая производительность значительного числа членов
Дизъюнктивная (типа «эврика»)	Равна лучшей	Групповое действие соответствует действию лучшего члена
Дизъюнктивная (иного типа, чем «эврика»)	Ниже лучшей	Групповое действие может соответствовать действию лучшего члена, но часто резко понижается
Конъюнктивная (унитарная)	Равна худшей	Групповое действие соответствует самому низкому уровню действия члена группы
Конъюнктивная (делимая согласно уровням)	Лучше худшей	Если подзадачи распределены в соответствии со способностями членов группы, групповое действие может достичь высокого уровня
Кооперативная	Облегчает групповое действие	Зависит от понимания правил задачи
Конкурентная	Ухудшает групповое действие	Групповому действию мешает соперничество между членами группы
Кооперативно-конкурентная (смешанная) мотивация	Групповое действие хуже оптимального	Лучше, чем при явной конкуренции, но хуже, чем при кооперативной деятельности

групповая производительность равна величине участия членов группы, направленных на выполнение требований поставленных задач, за вычетом возможных в процессе этого потерь, с учетом более глубокого понимания характера поставленных задач и с прямой привязкой процесса потерь с мотивационными и координационными потерями [192, с. 466–482].

В целом результаты многочисленных исследований различных авторов свидетельствуют о достаточно неоднозначных последствиях состязательности. Хотя нельзя не отметить тем не менее, что позитивные эффекты кооперации более ярко выражены, особенно в сфере социальных и межличностных отношений. И почти никто из авторов не отвергает ни конкуренцию, ни кооперацию как полезные в определенное время, в определенной ситуации (социокультурной, межличностной, проблемной и т.д.) виды состязательности. Нужно также обратить внимание, что с годами предмет исследования эффектов состязательности постепенно углублялся и усложнялся: происходил постепенный переход от изучения отдельных проблем, сторон, последствий кооперации–конкуренции к комплексному (системному) исследованию эффектов межгрупповой–внутригрупповой состязательности с учетом влияния более широкого социального окружения и интрапсихических факторов. Основными же причинами неоднозначности (определенной противоречивости) результатов исследования проблемы влияния состязательности на эффективность деятельности индивида и группы можно назвать следующие:

– традиционное доминирование при изучении данного явления метода лабораторного эксперимента (в том числе игровых методов типа «Дилеммы узника») с вытекающими отсюда слабостями и ограничениями;

– слабая связь проводимых исследований с более широким социальным окружением, ограниченность целей деятельности (в том числе и содержанием выполняемой деятельности);

– практически отсутствие четких, устоявшихся понятий состязательности, следствием чего является или ограничение предмета исследования лишь

двумя ведущими видами состязательности (конкуренция и кооперация), или смешение (путаница) основных видов состязательности;

– анализ проблемы состязательности фактически в отрыве от процессов групповой динамики (использование состязательности в качестве одного из критериев совместности, в значительной степени детерминирующей качественное своеобразие развития социальных групп, в этих исследованиях отсутствует).

1.2. ИССЛЕДОВАНИЕ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

В России исследование состязательности начинается так же, как и на Западе, во второй половине XIX столетия, и помимо общих (с мировой наукой) черт имеет свои неповторимые особенности.

1.2.1. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ

Прежде всего необходимо отметить, что в России при изучении состязательности явно преобладал или марксистский (П. Кропоткин, В.И. Ленин и др.), или естественно-научный (В.М. Бехтерев и его последователи) методологический подход. Исследование данной проблемы, кроме того, имеет на протяжении почти 150 лет прерывистый (на десятилетия) характер (можно отметить перерывы в изучении состязательности с середины 30-х до середины 60-х годов XX в., с начала 90-х гг. и фактически до настоящего времени). Но наиболее характерной чертой изучения состязательности в России является разработка (и обоснование) сущности *социалистического соревнования* как нового социального и социально-психологического явления. Введение новой категории «социалистическое соревнование» заставило основное внимание практически всех исследователей обратить, прежде всего, на прикладные стороны состязательности, взяв в качестве теоретического базиса марксистскую методологию. Помимо отмеченных особенностей в России также уделялось определенное (хотя и явно недостаточное) внимание изучению состязательно-

сти или отдельных ее сторон в соответствии с общенаучными традициями. Но чаще всего данная проблематика (состязательность) разрабатывалась как производная (и поэтому – вторичная, периферийная) составная часть изучения каких-либо социальных и психологических явлений (таких как конфликты, стратегии поведения, проблемы мотивации, социальное и психологическое влияние, проблемы коллектива, личности и др.).

Как отмечалось ранее, уже в конце XIX в. в русле марксистской ориентации П. Кропоткин обосновывает необходимость выделения кооперации в качестве ведущего прогрессивного вида состязательности [85].

Дальнейшая разработка марксистской традиции изучения состязательности связана с советским периодом. Немало внимания проблеме состязательных отношений было уделено в трудах В.И. Ленина. Впервые он обращается к категории «соревнование» в статье «Как организовать соревнование?». Идеи, высказанные В.И. Лениным в этой работе, были использованы им в его труде «Очередные задачи Советской власти» [106], а также в статье «Великий почин». Таким образом, проблема состязательности как одного из важнейших регуляторов социальной, политической и особенно экономической сторон жизни нового общества была поставлена В.И. Лениным сразу после прихода к власти. Причем В.И. Ленин не столько занимался теоретическим анализом проблем конкуренции и соревнования, сколько пытался разрабатывать практические вопросы использования эффектов состязательности (соревнования) для построения нового социалистического общества. Так, он отмечает, что в социалистическом обществе, где интересы отдельных людей не противоположны друг другу, а объединены, конкуренция исчезает. «Уничтожение конкуренции как борьбы, связанной только с рынком производителей, нисколько не означает уничтожения соревнования, – напротив, именно уничтожение товарного производства и капитализма откроет дорогу возможности организовать соревнование в его не зверских, а в человеческих формах» [106, с. 170]. Причем замена конкурентности кооперацией (сотрудничеством), с точки зрения В.И. Ленина, является процессом более длитель-

ным и трудным (но не менее важным), чем уничтожение классового угнетения, так как требует изменений не только на уровне всего общества, но и на уровне отдельной личности. Это и не могло быть иначе, ибо «когда новое только что родилось, старое всегда остается, в течение некоторого времени, сильнее его, это всегда так бывает и в природе, и в общественной жизни» [106]. Как отмечает В.И. Ленин, корни состязательности идут вглубь, к базису, переплетаются с производственными отношениями и экономическими законами нового общества, где еще сохраняются отдельные объективные преграды для формирования новых отношений совместности и состязательности. Безусловной заслугой В.И. Ленина является формирование основ теории организации социалистического соревнования как части общей теории состязательности [97, с. 40], ряд положений которой широко используется во всем мире для оптимизации деятельности современной организации. В.И. Ленин называет «соревнование (а точнее, один из его видов – «кооперацию») методом строительства нового общества на основе максимальной активности миллионных масс трудящихся; рычагом, при помощи которого рабочий класс призван перевернуть всю хозяйственную и культурную жизнь страны». При этом в качестве одной из самых важных сторон соревнования («кооперации») он выделяет сознательную активность, инициативу каждого члена коллектива. Эволюция состязательности в таком новом обществе идет постепенно от полной разобщенности, конкуренции к сотрудничеству (кооперации). В.И. Ленин также отмечал, что соревнование («кооперация»), как в свое время конкуренция, охватывает все сферы жизнедеятельности людей. При этом нужно учитывать, что «в политической области [соревнование] гораздо легче поставить, чем в экономической, но для успеха важно именно последнее» [106, т. 36, с. 190]. В.И. Ленин никогда не считал, что его представления о «социалистическом соревновании» не нужно развивать и конкретизировать [более развернуто см. 23, 70]. Такое понимание состязательности в дальнейшем легло в основу подавляющего большинства подходов к

изучению проблемы состязательности (прежде всего, социалистического соревнования) в СССР.

Рассмотрим кратко вначале взгляды социологов и экономистов на сущность соревнования. Так, авторы монографии «Социалистическое соревнование» подчеркивают объективную природу состязательности («соревнование как неотъемлемый компонент производственных отношений») и дают следующее его определение: «Социалистическое соревнование выражает внутреннюю, существенную, противоречивую связь таких объективных отношений, как самореализация человека в труде, его творческое отношение к себе и действительности, направленное на достижение совершенства, и коллективизм, объективно присущий коммунистической ассоциации в обеих фазах ее развития. В системе социально-экономических законов социализма соревнование выполняет функцию механизма, ускоряющего социально-экономический прогресс» [175, с. 36–37]. Здесь же подчеркивается, что в ситуации соревнования в наиболее чистом виде в качестве детерминанты поведения проявляется социальная природа человека. Качественную определенность состязательности образует противоречивое двуединство: стремление превзойти других и стремление помочь им в сфере одного и того же объективного аспекта деятельности. Без какой-либо из этих двух составляющих социалистического соревнования быть не может. Когда в ситуации, стимулирующей взаимозависимость, есть соперничество (стремление превзойти других), но нет сотрудничества, взаимопомощи, налицо конкурентная борьба. Когда в ситуации взаимозависимости имеются сотрудничество, взаимопомощь, но нет соперничества, соревнования как социального явления нет вообще. В основе стремления превзойти других лежит потребность отличить себя от других по отношению к одному и тому же объекту; в основе готовности помочь – потребность в отождествлении себя с другими участниками соревнования как представителями одного и того же целого – трудового коллектива [175, с. 67–68]. С нашей точки зрения, следует поставить под сомнение заявление о том, что бывают случаи отсутствия состязательности как со-

циального явления [175, с. 67]. Более адекватным будет определение описанной ситуации как одной из форм состязательности (хотя и пассивной). Можно также поспорить и с тезисом, что феномен состязательности «возникает не в каждой ситуации, характеризуемой наличием общественного контакта» [175, с. 68]. Данное высказывание противоречит определению соревнования этих же авторов. Но в целом в данной монографии изложен достаточно целостный взгляд на такое явление, как состязательность, что нечасто встречалось у советских исследователей данного феномена.

В другой обобщающей работе «Соревнование и конкуренция» развиваются сходные представления о состязательности [174, с. 7].

В.А. Мальцев считает, что сущность соревнования заключается в повышении дееспособности субъекта, его жизненной энергии. При этом в качестве отличительных признаков социалистического соревнования по сравнению с другими формами состязательности он предлагает выделять: наличие общественно значимых целей, сознательное отношение его участников к их достижению, взаимопомощь. Далее В.А. Мальцев отмечает (вслед за И.И. Чангли), что состязательность порождается любым видом социальной деятельности при наличии общественных контактов между ними. Но определяющей сферой, главной ареной соревнования является труд [115, с. 9–18].

Можно привести точки зрения и других авторов, развивающих идеи К. Маркса о состязательности и отдельных ее сторонах: Л.С. Бляхмана [14, с. 6], В.К. Фединина [196, с. 8, 156], Н.Л. Рубанец [162, с. 27], Г.Я. Муравьева [130, с. 21] и др.

А.Г. Симаков указывает (вслед за К. Марксом) на общественную природу человека как первопричину состязательности и выделяет следующие основные составляющие (компоненты) состязания: сопоставление, сравнение, оценка [167, с. 11–12]. Н.М. Жавнерович и Д.Р. Ротман отмечают, что «соревнование (состязательность) – это такое общественное явление, которое характеризуется исключительным динамизмом и выражает определенное стремление вперед, к новым результатам, к новым свершениям» [39, с. 145]. Они также обращают

внимание на то, что «необходимо четко разграничивать два понятия: «соревнование» и «организация соревнования». Категория «соревнование» выражает собой объективное, закономерное явление. «Организация соревнования» есть упорядочение, приведение в систему объективно возникающих в результате общественного контакта отношений соревнования на основе научного познания этих отношений» [39, с. 145–146].

Определения соревнования в философских словарях, данные в советский период, еще более выпукло подчеркивают основные компоненты социалистического соревнования: это специфическая для социализма форма взаимного стимулирования активности в процессе их совместной деятельности (Философская энциклопедия, 1975, с. 343); в основе социалистического соревнования лежит диалектическое единство трудовой состязательности и товарищеской взаимопомощи (Философский энциклопедический словарь, 1983, с. 634).

Идеи классиков марксизма-ленинизма, развитие этих идей в социологической и социально-экономической литературе по проблемам соревнования и конкуренции явились тем основанием, на котором строились социально-психологические исследования социалистического соревнования как элемента состязательности.

В одной из программных статей, опубликованной уже в 1980-е гг., отмечалось, что «до сих пор изучались главным образом экономические проблемы социалистического соревнования». Но в реальной жизни социалистическое соревнование как составная часть состязательных отношений предстает довольно сложным социально-экономическим, социокультурным, социально-психологическим и даже психофизиологическим явлением. Здесь большое значение приобретает исследование психологических проблем организации соревнования и участия в нем трудовых масс [65].

1.2.2. СОЦИАЛЬНЫЕ ПСИХОЛОГИ О ПРИРОДЕ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ

Актуальность исследования социально-психологических проблем состязательности подчеркивалась неоднократно (Кузьмин, 1967, 1976, 1977

и др.; Ломов, 1979, 1983, с. 8; Парыгин, 1981, с. 3; Шорохова и др., 1977; и др.). В этом отношении советскими психологами проделана определенная работа. Социально-психологические исследования отдельных сторон и форм состязательности были намечены и начаты в 20–30-е гг. XX в. (Бехтерев, 1921, с. 62–63; Гибш, Форверг, 1972, с. 147–148; Макаренко, 1977, с. 314–315; Брайцева и др., 1931, с. 26–27; Добрынин, 1930, с. 231–232; Коган, 1931; Маро-Левитина, 1931, с. 44–45 и др.). Но лишь в 70-е гг. XX столетия социально-психологические аспекты социалистического соревнования стали предметом специального внимания и исследования (Социально-психологические аспекты…, 1977; Кузьмин, 1967, 1976, 1980, 1983; Филиппов, Новиков, 1976; Бадмаев, Бочков, 1977; Ершов, 1977, 1980; Парыгин, 1982, 1983; Касюлис, 1977, 1978; Кекелия, 1979, 1983; Надирашвили, 1976; Когер, 1978; Косев, 1976, 1979; Журавлев и др., 1977, 1980, 1987; Зотова, 1977, 1982; Костюшев, 1986; Эленурм, 1986 и др.). В этих исследованиях основное внимание уделялось прикладным проблемам соревнования: изучались социально-психологические особенности организации социалистического соревнования, рассматривались психологические особенности различных форм и видов социалистического соревнования, или состязательные отношения изучались косвенно, прежде всего, через исследование проблемы взаимовлияния группы и личности, проблемы взаимодействия в общении и т.п. Меньше внимания уделялось проблеме определения социально-психологического содержания состязательности. Поэтому не удивительно, что до настоящего времени нет общепринятого определения социально-психологической сущности состязательности.

В.М. Бехтерев одним из первых в нашей стране поднимает вопрос о значении состязательности в трудовой деятельности. «Мне представляет чрезвычайно существенным для целей коллективной рефлексологии выяснить значение соревнования, играющего столь важную роль для всякого вообще коллектива. Вряд ли можно сомневаться, что соревнование должно поднимать интенсивность работы в той или другой степени, но, спрашивается, как оно должно отражаться на качестве той или другой работы»

[11, с. 62–63]. В.М. Бехтерев использует метод лабораторного эксперимента для выяснения роли и значения состязания для совместной деятельности. «Если мы будем говорить об успешности самого труда в зависимости от его побуждающих условий, то можно, например, задаваться вопросом о сравнительной продуктивности коллективного труда в интересах общего дела и такого же труда в собственных интересах. Опыт показывает, что вопрос должен быть решен в пользу последнего и потому именно, что удовлетворение собственных интересов сильнее возбуждает мимико-соматические (эмотивные) рефлексы и поднимает в большей мере энергию, нежели раздражение синтетическим комплексом общих интересов, если, впрочем, человек недостаточно проникнут социальностью. Работа в общих интересах часто ослабляет стремление сделать больше, чем сосед, и потому ослабляет индивидуальное усилие к работе. Равномерная оценка работы и равномерное распределение продуктов работы между всеми нередко устраняют соревнование, этот важный стимул к работе вообще» [11, с. 217]. В.М. Бехтерев идет дальше, фактически определяя две стороны состязательности (конкуренцию и кооперацию) базисом как социального строительства (сотрудничество), так и социального совершенствования (конкуренция). По В.М. Бехтереву, общественная жизнь наряду с законом тяготения и сотрудничества подчиняется и закону отталкивания, и закону борьбы. «Закон отталкивания, вызывающийся конкуренцией, соперничеством и борьбой, является одним из основных законов социального совершенствования, и, если без социального сближения и сотрудничества неосуществима никакая социальная защита и никакое вообще социальное строительство, то без конкуренции, соперничества, борьбы, лежащих в основе закона отталкивания, нет совершенствования социального мира» [11, с. 248]. В дальнейшем данный оригинальный и взвешенный взгляд на состязательность (в виде постановки проблемы), к сожалению, не получил развития в нашей стране. В силу прежде всего объективных причин основное внимание отечественных социальных психологов в об-

ласти состязательной проблематики было уделено изучению социально-психологических аспектов организации социалистического соревнования.

В частности, психологические проблемы ударничества в 20–30 гг. XX столетия изучались Н.Ф. Добрыниным (1930), Л.И. Брайцевой с соавторами (1931), В.М. Коганом (1931), М. Маро-Левитиной (1931), М. Феофановым (1931) и др. (см. также: Казаков, 1977, с. 126–132). Исследователи пытались выявить влияние социалистического соревнования (ударничества) на взаимоотношения в бригаде, на взаимоотношения между бригадой и другими рабочими цеха, на производительность труда, на состояние трудовой дисциплины, понять отличие социалистического соревнования от других форм состязательности (конкуренции), подчеркивалось значение личностных особенностей бригадира при организации социалистического соревнования, роль стимулов в активизации не только отдельных личностей, но и всего коллектива, в его сплоченности, роль соревнования в преобразовании личности и коллектива, формировании коллективистской установки. Например, можно привести результаты одного из первых эмпирических исследований социально-психологических особенностей социалистического соревнования, выполненного Н.Ф. Добрыниным во время работы I Всесоюзного съезда ударных бригад. Им был проведен опрос 560 участников съезда, были изучены биографии ударников и особенности их труда, использовалось психометрическое измерение уровня их интеллекта. В качестве важнейшей психологической характеристики социалистического соревнования им были выделены отношения: рабочего к труду, к другим членам ударной бригады, других рабочих к ударной бригаде и ее – к другим рабочим. Н.Ф. Добрынин особо подчеркивал, что «психология социалистического соревнования является одной из увлекательнейших проблем социальной психологии и социальной психотехники» [34, с. 231–232].

Другой выдающийся психоневролог А.Б. Залкинд на I Всесоюзном съезде по изучению поведения человека в 1930 г. отмечал, «что мы наблюдаем такую изумительную разновидность массового, классового коллективизма, каким яв-

ляется социалистическое соревнование. Мы должны психоневрологически обосновать методы стимулирования коллективного поведения. Изучение социалистического соревнования с точки зрения психоневрологии коллективного поведения еще не начато. Ни одного исследования в этой области мы не имеем, ни одной статьи на эту тему не написано» [47, с. 90–92]. На этом же съезде в качестве наиболее актуальных проблем, стоящих перед психотехникой и психоневрологией, выдвигались:

– «проблема социалистического соревнования в детской среде» (Стенографический отчет, с. 212);

– «задачи подготовки и рационального использования кадров в реконструктивный период требуют особо внимательного изучения… новых социалистических форм труда (выдвижение, соцсоревнование, ударничество)» (там же, с. 399).

Особое положение в области исследования состязательности занимает А.С. Макаренко. Ему, одному из немногих исследователей, удалось реализовать теоретические представления о состязательности в своей практической деятельности. Вся трудовая деятельность возглавляемых им детских коммун строилась на умелом сочетании межколлективной и внутриколлективной состязательности. А.С. Макаренко считал состязательность лучшим способом воздействия на отряды. Он выдвигает ряд предположений об основном источнике активности коллектива. Одной из основных движущих сил коллектива он называет «систему перспективных линий». Создать возможность движения коллектива вперед, по А.С. Макаренко, значит, «окружать его сложнейшей цепью перспективных представлений, ежедневно возбуждать в коллективе образы завтрашнего дня, образы радостные, поднимающие человека и заражающие радостью его сегодняшний день» [112, с. 232–239]. А.С. Макаренко обращает особое внимание на тщательность разработки поэтапности постановки перспектив (ближних, средних, дальних), на соотношение между личными и коллективными перспективами, на борьбу между старыми и новыми перспективными линиями, на образ коллективной работы в качестве важнейшей

перспективы. Система перспективных линий воплощалась у него в жизнь через соревнование, которое было четко налажено (итоги подводились ежемесячно, диаграмма показателей обеспечивала наглядность, награждались только коллективы и т.д.) и охватывало все сферы жизнедеятельности коллективов: труд, учебу, быт, дисциплину и т.д. [114, с. 314–315]. Руководство межотрядным соревнованием воспитанников и регулярное премирование лучших отрядов входили в ведение совета командиров коммуны. Отрядная работа воспитателя оценивалась не по числу отработанных часов, а по результатам работы, по месту, занимаемому его отрядом в межотрядном соревновании. Таким образом, А.С. Макаренко боролся с «формализмом и обюрокрачиванием идеи соревнования». В целом позиция А.С. Макаренко по вопросу использования состязательных процессов в педагогической деятельности заключалась в том, что соревнование рассматривалось в качестве одного из основных механизмов развития коллективистских начал в группах воспитанников, было средством формирования коллективной ответственности, дисциплинированности, чувства коллективизма. Но использование на практике состязательности в качестве движущей силы развития коллектива, к сожалению, не получает теоретического развития у А.С. Макаренко. В частности, в теории коллектива данного автора состязательность (соревнование) не упоминается в числе выделенных им коллективообразующих признаков. Тем не менее идеи А.С. Макаренко являлись определенным продвижением в области исследования состязательности (прежде всего, в практической сфере) и требовали дальнейшей углубленной социально-психологической разработки.

Отдельные исследования социалистического соревнования осуществлялись у нас в стране и в 40–50-е гг. (Приваленко, 1950; Тюренков, 1948 и др.). В них обращалось внимание на влияние социально-психологических аспектов социалистического соревнования на деятельность рабочих, подчеркивалось значение отдельных факторов (общности задач, совместного преодоления трудностей на пути к выполнению поставленных перед коллективом задач, ши-

рокой взаимопомощи и т.п.), объединяющих и сплачивающих людей в процессе социалистического соревнования в единый дружный коллектив [151, с. 172].

В силу специфики развития социальной психологии в нашей стране лишь с конца 50-х гг. XX в. (после середины 1930-х гг.) начинает реально возрастать интерес к социально-психологической проблематике состязательности. Но даже в монографии «Социально-психологические аспекты социалистического соревнования», опубликованной в 1977 г. и подводящей итоги почти 20-летних исследований данного феномена, прямо указывается, что «до сих пор нет однозначных определений содержания соревнования» [178, с. 40], что подтверждается также анализом изложенных в монографии подходов к соревнованию. В книге в целом отмечены основные стороны состязания; указано, что состязательность стимулирует творческую активность личности, рождает отношения товарищеского сотрудничества, инициативу; что оно возникает в процессе совместной деятельности людей при наличии между ними общественного контакта; что это своеобразное возбуждение жизненной энергии повышает результат во всех областях деятельности; что «соревнование органически сочетает взаимопомощь и сотрудничество с соперничеством и состязательностью»; что состязательность (соревнование) необходимо рассматривать как явление многоплановое, имеющее социально-политические, социально-экономические и социально-психологические аспекты. Определив социалистическое соревнование как трудовое состязание, соперничество, в основе которого лежат солидарность в труде и взаимопомощь, авторы монографии подчеркивают, что социальная психология как наука должна рассматривать социалистическое соревнование как общественный психологический феномен и исследовать его, исходя из принципов, свойственных этой науке. Чрезвычайно важным для характеристики соревнования вообще, по их мнению, является то, что «человек по природе своей существо не просто биологическое, но и социальное. Стремление его к состязательности, к соперничеству в ходе исторического развития общества стало чисто социальным образованием. Следовательно, соревновательность –

это весьма характерное и неотъемлемое свойство сущности человека» [178, с. 24]. Авторы, вслед за К. Марксом, акцентируют внимание на том, что характер состязательности определяется прежде всего системой производственных отношений, господствующих в данном обществе (там же, с. 25). Также отмечается, что «состязательная деятельность начинается лишь тогда, когда потребность в соревновании превращается в мотив. В данном случае – это процесс личностного принятия человеком обязательства в соревновании. Опредмеченная в обязательстве потребность, которая стала мотивом состязательной деятельности, совпадая с формально взятым обязательством, усиливает состязательную активность и лежит в основе организации социалистического соревнования» (там же, с. 27). Но в рассматриваемой работе отсутствует обобщающая, целостная, конкретная характеристика состязательности и основных ее видов. В поле зрения авторов фактически попадает лишь одна из форм состязательности – социалистическое соревнование [178, с. 23–40].

Интересный подход к сущности состязания предлагает один из авторов этой коллективной монографии Е.С. Махлах. Он различает понятия «соревнование», «конкуренция» и «социалистическое соревнование» (в нашей терминологии «состязательность», «конкурентность» и понятие, отдаленно напоминающее конструктивное сотрудничество). «Соревнование», по Е.С. Махлах, выступает как родовое понятие по отношению к категориям «конкурентность» и «социалистическое соревнование». В их основе лежат сходные потребности человека. Состязательность предполагает только стремление одних людей достигнуть или превзойти показатели деятельности других и возникающую при этом дополнительную активность, побуждаемую таким стремлением. «Присутствие других усиливает мотивацию индивида в связи со следующими причинами:

а) стремление проявить свои знания и способности и таким образом занять в группе людей ту позицию, которую человек желает иметь в жизни, то есть стремление к более высокому статусу;

б) сравнение своей работы с работой других и стремление усовершенствовать свою работу.

Можно предположить, что именно стремление к высокому статусу и является тем, что порождает состязательные мотивы среди совместно работающих людей. Действительно, если личности изначально присуща потребность быть с другими людьми (потребность общения), а также стремление достигнуть более высокого положения, чем другие, или добиться более высоких достижений, чем у других людей, то мотив соревнования и появление дополнительной активности являются следствием этих причин. Но эти потребности личности возникают под прямым воздействием социального окружения и преобладающих в этом окружении ценностей» [126, с. 42–43]. Поэтому такой состязательный мотив, как стремление к первенству и высокому статусу, обычно приводит к конкуренции. Социалистическое соревнование имеет два отличительных (специфических) признака: наличие общественно значимой цели, которая должна быть достигнута в результате соревнования, и взаимопомощь, возникающая в процессе соревнования и дающая возможность всем участвующим в нем достигнуть высоких показателей в деятельности [126, с. 40]. В социалистическое соревнование должны включаться все те виды деятельности, которые являются для членов данного коллектива ведущими в их жизни. Социалистическое соревнование – метод сознательного социального стимулирования соревновательной активности, возникающей из потребности личности в самореализации. От конкуренции оно отличается тем, что цель его – не выделение отдельных личностей и повышение их статуса, а общий подъем членов коллектива, совершенствование входящих в него отдельных личностей [там же, с. 47–48]. Соревнование должно служить, прежде всего, развитию каждого первичного коллектива и отдельных его членов [там же, с. 48]. К определенным ограничениям подхода Е.С. Махлаха можно отнести: некоторую размытость (операциональную неточность) определения такого вида состязательности, как конструктивное сотрудничество (категория «социалистическое соревнование», наиболее близкая к «кооперации» у Е.С. Махлаха,

также включает в себя и элементы такого вида состязательности, как «альтруизм»); игнорирование таких видов состязательности, как «индивидуалистичность», «альтруизм»; фактически игнорирование такой важнейшей функции состязательности, как внутреннего источника развития группы. Хотя нужно особо отметить, что Е.С. Махлах является одним из немногих авторов, не только прямо указавших на состязательность как внешний фактор развития первичного коллектива, но и отметивший, что «цели соревнования будут весьма различны в зависимости от того, на каком этапе развития находится коллектив» [126, с. 49].

Близким к изложенной выше точке зрения является подход к состязательности А.Л. Журавлева, О.И. Зотовой, В.В. Новикова, Е.В. Шороховой. Ими отмечается, что социалистическое соревнование нельзя отождествлять с каким-либо видом деятельности, «оно есть специфическое многогранное отношение, складывающееся между людьми в процессе совместной деятельности» [46, с. 178]. Выделяются в качестве характерных признаков социалистического соревнования следующие виды отношений: состязание (центральное место при этом отводится отношениям трудового состязания), взаимопомощь, обоюдная активность, инициативность, взаимная требовательность, взаимная ответственность. И все это направлено на достижение общественно значимых целей, стоящих перед обществом, коллективом и личностью. Под состязательностью личности и коллектива они предлагают понимать психологическую установку на соревнование или готовность соревноваться в различных видах деятельности [46, с. 179]. Авторами также подчеркивается важность изучения мотивационного уровня включенности коллектива и личности в соревнование и ряд других (в том числе прикладных) проблем соревнования и его организации.

Ю.С. Касюлис определял состязательность как «установку личности на состязание, готовность помериться силами с другими людьми в определенных видах деятельности для того, чтобы улучшить личные и коллективные достижения. Соревновательная направленность – это постоянная готовность, потреб-

ность личности соревноваться с другими людьми в любом виде деятельности» [58, с. 157].

Е.С. Кузьмин, И.П. Волков, Ю.Н. Емельянов подчеркивали важность состязательной деятельности (возможности сравнивать свои достижения с аналогичными достижениями других людей) для осознания человеком своей неповторимости, только ему свойственных качеств. Они отмечали также социально-экономическую обусловленность такого психологического явления, как состязание: в капиталистическом обществе оно носит характер конкурентной борьбы, в социалистическом обществе – это форма взаимного стимулирования активности людей, имеющая общую для всех участников задачу – повышение благосостояния всего общества [93, с. 37].

А.А. Ершов в состязании отмечает совместное ревностное отношение к ценностям, целям, общим для взаимодействующих людей; усиление жизненной энергии, повышение социально-психологической активности человека, вызываемые контактом между людьми в процессе совместной деятельности, кооперацией [152, с. 122]. Состязательной установкой А.А. Ершов называет психологическую готовность людей приложить усилия к тому, чтобы догнать соперника в соревновании или превзойти его [37, с. 146].

Своеобразный взгляд на состязательность присущ представителям санкт-петербургской социально-психологической школы Л.Г. Почебут и В.А. Чикер. Они рассматривают конкуренцию как один из групповых процессов (наряду с общением, консолидацией, лидерством, адаптацией, принятием решений, эмоциональной идентификацией), которые, в свою очередь, являются компонентами общего, совокупного процесса решения групповой задачи, выполнения совместной деятельности [149, с. 96]. Конкуренция как групповой процесс понимается ими как развитие взаимоотношений людей по поводу успехов в деятельности, характеризующееся стремлением членов группы выразить себя, самореализоваться в деятельности и в то же время превзойти других. «В процессе конкуренции проявляется или сотрудничество, или соперничество людей друг с другом. Если члены группы стремятся наиболее пол-

но проявить себя и чем-то стать лучше, профессиональнее остальных, но при этом помогают друг другу, то в процессе конкуренции складываются отношения сотрудничества. Если же члены группы стремятся самовыразиться и самоутвердиться за счет других членов группы, то тогда складываются отношения соперничества» [149, с. 85]. Следовательно, фактически авторы подменяют более традиционное понятие «состязательность» термином «конкуренция» и остаются в рамках наиболее широко распространенной дихотомической схемы анализа изучаемого явления «сотрудничество» – «соперничество», внося определенные уточнения в структуру рассматриваемых ими феноменов. С их точки зрения, такое родовое понятие, как конкуренция, бывает двух видов: личная и безличная. *Личная конкуренция* возникает, когда два человека или более одновременно в одном и том же месте соревнуются друг с другом по поводу эффективного решения одной и той же задачи. Например, два рабочих на фрезерном станке состязаются в том, кто больше обработает одно и то же количество деталей и получит звание «Лучший по профессии». *Безличная конкуренция* возникает тогда, когда люди соревнуются с эталоном, идеалом, мировым рекордом, и каждый стремится сделать свою работу как можно лучше. Групповая конкуренция, по мнению Л.Г. Почебут и В.А. Чикер, выполняет две психологические функции: ориентирующую и стимулирующую. *Ориентирующая функция* состоит в том, что в процессе конкуренции его участники более четко видят цели и задачи своей деятельности, а главное – результаты своего труда и имеют возможность постоянно оценивать эти результаты, корректировать свои цели, нормы, совершенствовать средства и способы деятельности. *Стимулирующая функция* конкуренции основывается на сопоставлении результатов труда. В процессе конкуренции важное значение имеет принцип сравнимости целей и результатов, поскольку для того, чтобы стать стимуляторами деятельности, цели и результаты должны быть выражены в понятной и сопоставимой форме. Процесс конкуренции является источником индивидуальной и групповой активности [149, с. 86].

Один из наиболее интересных и глубоких подходов к изучению сущности состязательности содержится в работах В.В. Костюшева. В качестве основной категории теоретического анализа состязательности В.В. Костюшев выбрал понятие «социалистическое соревнование». При этом он выделяет два главных направления анализа данного явления, сложившихся в советской социологии и социальной психологии. В рамках одного из них, основанном на понимании социалистического соревнования как диалектического единства соперничества и сотрудничества, соревновательных и кооперативных процессов, структура социалистического соревнования будет двухкомпонентной (соревнование и сотрудничество). В соответствии с другим направлением, рассматривающим социалистическое соревнование как особый вид соревнования, структура будет однокомпонентной (соревнование). При сотрудничестве кооперативные процессы принимаются за один из внешних факторов, определяющих развитие соревнования [82, с. 10]. Автор отмечает, что при первом подходе социалистическое соревнование рассматривается как особый внутригрупповой процесс, специфику которого составляет противоречивое единство соперничества и сотрудничества работников. При этом соревнование и сотрудничество выполняют различные функции в социалистическом соревновании: соперничество составляет центробежную силу, выделяя каждого работника в зависимости от производительности его труда; сотрудничество – центростремительную силу, объединяя все трудовые усилия в единое целое [78, с. 19]. Во втором подходе исходным тезисом является положение о том, что сущность социалистического соревнования состоит в состязательности, которая развивается в рамках отношений товарищеского сотрудничества и взаимной помощи работников. Следовательно, социалистическое соревнование рассматривается как разновидность состязательности [82, с. 11]. Сам автор придерживался первого подхода, считая его «наиболее плодотворным в теоретическом и практическом отношениях» [82, с. 11]. Наиболее важным социально-психологическим аргументом в пользу данного подхода, с точки зрения В.В. Костюшева, является концеп-

ция контагиозности и негативизма (суггестивности и контрсуггестивности) Б.Ф. Поршнева (Поршнев, 1971). В.В. Костюшев следующим образом понимал соотношение между понятиями «соревновательность», «соревнование» и «социалистическое соревнование»:

1) социалистическое соревнование – это особый социально-экономический механизм коллективистского обмена деятельностью, заключающийся в противоречивом единстве процессов трудового соперничества и сотрудничества;

2) соревнование (соперничество и сотрудничество) – это особые внутригрупповые процессы;

3) соревновательность и кооперативность – это личностные свойства работников [78, с. 19–20].

Таким образом, «социалистическое соревнование» – это не «соревнование при социализме», а особое производственное отношение, качественно отличный от соревновательных явлений социально-экономический механизм, имеющий принципиально иные, чем у соревнования, закономерности формирования, функционирования и развития. Соревнование включено в структуру этого качественно нового общественного механизма, но вместе с тем оно относительно самостоятельно и имеет собственное развитие. Данные явления связаны между собой, таким образом, генетически и структурно. Генетическая связь заключается в том, что социалистическое соревнование представляет собой конкретную историческую форму соревнования, но сущность его уже принципиально отлична от соревнования. Структурная связь в том, что соревнование является одним из элементов сложной структуры социалистического соревнования» [82, с. 12].

Важно также отметить, что В.В. Костюшев ставит (хотя и не решает) одну из важнейших проблем состязательности – проблему взаимосвязи данного явления (соревнования и социалистического соревнования) с совместностью (коллективностью) [82, с. 12–13]. Действие механизма социалистического соревнования выражалось, с точки зрения В.В. Костюшева, в справедливом

обмене (распределении и перераспределении) условий, способов и результатов (продуктов) трудовой деятельности между субъектами кооперированного труда. Коллективистский обмен между кооперированными работниками приводит к стиранию экономических и социальных различий между ними, к их взаимосвязанному и взаимообусловленному развитию. Последнее является конкретным выражением социалистической коллективности. Субъективным отражением данного процесса в сфере сознания и в межличностных отношениях людей является феноменология коллективизма [82, с. 13]. Объективной предпосылкой такого обмена деятельностью является социально-экономическая неоднородность труда. Обмен деятельностью осуществляется в двух основных формах: как 1) передача и 2) присвоение работниками различных составляющих их трудовых потенциалов. Взаимное присвоение трудовых потенциалов работниками составляет содержание соревновательных процессов (соперничества), взаимная передача трудовых потенциалов составляет содержание кооперативных процессов (сотрудничества). Диалектическое противоречивое единство такого соперничества и сотрудничества обусловливает интенсивный коллективистский обмен деятельностью между субъектами кооперированного труда, направленный на развитие трудовых потенциалов всех кооперированных работников. Развитие соперничества в трудовом коллективе способствует развитию соревновательности как личностного свойства работников, развитие сотрудничества помогает развитию кооперативности, стремлению оказать помощь товарищам по коллективу [78, с. 19].

Соревновательные и кооперативные взаимоотношения являются сложными социально-психологическими феноменами. Можно предполагать, что в структуру того и другого явления в качестве его когнитивного, аффективного (эмоционально-оценочного) и конативного (поведенческого) компонентов входят сравнение, оценивание и регуляция производственного поведения, осуществляемого работниками по отношению друг к другу. Каждый из этих компонентов в свою очередь может рассматриваться с точки зрения направленности («на себя», «на других»), наполненности (отдельными качествами,

комплексами качеств, стилью жизни в целом), соотношения субъективных (установочных) и объективных (поведенческих) характеристик, соотношения профессиональных и непрофессиональных качеств, являющихся предметом сравнения, оценивания и регуляции [82, с. 17]. Социалистическое соревнование, как и любой социальный процесс, динамично, и поэтому важно исследовать его как развивающееся целое и точно определять, в каком состоянии и на каком уровне развития находятся эти процессы в каждом конкретном случае [82, с. 18]. Автор выделяет четыре основных типа состояний социалистического соревнования (критериями данной типологии выступают развитость и взаимная обусловленность соревновательных и кооперативных процессов):

I тип – низший уровень развития социалистического соревнования, характеризующийся неразвитостью как соревновательных, так и кооперативных процессов, что обусловливает отсутствие устойчивых зависимостей между ними;

II тип – доминирование кооперативных процессов;

III тип – доминирование соревновательных процессов (II и III типы соответствуют среднему уровню развития социалистического соревнования);

IV тип – высокий уровень развития социалистического соревнования, характеризующийся высокой развитостью соревнования и сотрудничества, находящихся в устойчивой взаимообусловленной зависимости.

Достоинством подхода В.В. Костюшева является то, что он в своем теоретическом анализе состязательности опирается на результаты собственных эмпирических исследований [78; 79; 82].

Рассмотренный оригинальный подход В.В. Костюшева к анализу состязательности является одним из самых проработанных, фундаментальных, опирающихся на собственные результаты эмпирических исследований (к сожалению, такая основательность исследования состязательности является, скорее, исключением, чем правилом, для отечественной науки). Необходимо тем не менее обратить внимание и на некоторые «шероховатости» данного подхода. Прежде всего бросается в глаза внутреннее противоречие выбран-

ного автором направления анализа состязательности. В.В. Костюшев, например, отмечает, что, с одной стороны, «социалистическое соревнование выступает одной из форм соревнования», и тут же, с другой стороны, отмечает, что «соревнование является одним из элементов структуры социалистического соревнования» [82, с. 12]. Выбранное направление анализа состязательности, скорее всего, и помешало В.В. Костюшеву выделить все основные виды состязательности (индивидуализм, альтруизм и др.), помимо соперничества и сотрудничества. Также вызывает сожаление, что автор изучения состязательности ограничился рассмотрением лишь одной сферы (хотя и наиболее важной) жизнедеятельности – трудовой. И, конечно, несколько огрубленное поверхностное понимание категории «коллективность» в определенной степени принижает одно из главных достижений данного теоретического подхода – указание на прямую связь между понятиями состязательности и совместности.

В.А. Богданов выделяет два подхода в социальной психологии к выявлению закономерностей внутригруппового соревнования: 1) исследования соревновательной мотивации (подход наиболее распространенный, но при этом «исследователи уходят от ответа на вопрос о специфике соревнования как особого вида внутригрупповых социально-психологических процессов»); 2) влияние соревновательных отношений на раскрытие и развитие способностей. Автор отмечает перспективность второго подхода («оказывается возможным определить специфику соревнования как внутригруппового процесса»), но подчеркивает трудности эмпирического плана (отсутствие надежных методов определения способностей личности, скрытых резервов индивидуальной производительности, возможность нанесения психологической травмы и создание неблагоприятных межличностных отношений некорректным применением таких методов) [15, с. 109–110].

Основательно проанализированы проблемы состязательности представителем грузинской психологической школы М.И. Кекелией (см. Кекелия, 1979, 1983, 1985). Она обращает внимание на «концептуальную неопределенность понятия соревнование и теоретическую неосмысленность психологического

механизма эффективности соревнования» [63, с. 5]. А то обстоятельство, что его причисляют к совершенно различным психологическим явлениям – к формам взаимодействия, мотиву, психологическим процессам, психофизическим особенностям – затруднило создание общей формы соревнования. Как отмечает М.И. Кекклия, большинство высказанных отдельными исследователями о природе соревнования конкретных соображений и взглядов опирается на умозрительные выводы, часть же пытается постичь сущность соревнования путем описания процесса его протекания. В большинстве определений, по мнению М.И. Кекелии, фиксируются те моменты соревнования, которые даются наблюдателю в виде внешних фактов. В основном это относится к случаям, когда соревнование пытаются представить в качестве активности, детерминированной стремлением заполучить награду. Распространено, но недостаточно обосновано, воззрение, согласно которому соревнование – это один из видов выявления конфликта и отрицательного отношения [63, с. 5–6]. М.И. Кекелия считает, что экспериментальное изучение соревнования проводится в двух различных параметрах: как независимого, так и зависимого переменного. В первом случае изучаются факторы, которые могут быть детерминированы соревнованием, во втором же случае оно предстает функцией различных объективных и субъективных факторов [63, с. 7]. Подход М.И. Кекелия отличается от всех вышеизложенных. Автор, основываясь на теории установки Д.Н. Узнадзе и теоретических взглядах Ш.А. Надирашвили, понимает соревнование как «форму взаимодействия людей, детерминированную мотивом проверки сил и в силу такой своей особенности вызывающую стимуляцию психофизических сил и рост продуктивности работы индивида. При таком понимании соревнования вопросы его влияния на психическую активность и оценочные отношения субъекта, с одной стороны, а с другой – воздействия межличностных отношений на соревнование превращаются в различные аспекты одной проблемы» [63, с. 8–9]. Кроме того, М.И. Кекелия первоначально противопоставляет явления сотрудничества и соревнования друг другу. Исходя из этого, соревнование определяется как такая «форма межличностного воздействия, когда люди имеют раз-

личные цели и каждый выполняет соответствующее своим задачам поведение, или же, по возможности, такую активность, которая препятствует осуществлению чужих целей. Каждый старается превзойти и победить другого. Момент доказания собственного преимущества перед другими является существенным признаком соревнования» [61, с. 98]. Следовательно, М.И. Кекелия не совсем обоснованно ограничивает проблему состязательности рассмотрением лишь одной из ее сторон (по нашей терминологии – проблемой конкуренции). Правда, в дальнейшем автор в значительной степени смягчил (расширил) свою позицию, отмечая, что «соревнование предполагает взаимопомощь и сотрудничество, поскольку возникающее в процессе активности соперника препятствие мешает осуществлению и собственной цели – проверке сил, а так как цель не будет достигнута, если не будет преодолено препятствие, субъект готов сотрудничать с соперником. Подтверждением тому служат факты взаимопомощи, установленные в ситуации «живого» соревнования. Хотя с точки зрения противопоставления сил соревнование может быть рассмотрено как антагонистическое отношение между людьми, тем не менее это противопоставление не может служить доказательством отрицательного отношения между соперниками и представления соревнования в виде конфликта. Соперничество или противопоставление сил и взаимопомощь имеют одну общую детерминанту – стремление проверить собственные силы» [63, с. 22–23].

Как видно из проделанного обзора различных подходов к сущности состязательности, социально-психологическая природа состязательности изучена у нас в стране еще недостаточно полно. Введение в советскую социальную психологию новой категории «социалистическое соревнование» сыграло не только положительную роль, вызвав значительное стимулирование интереса к данной проблеме, но и негативную: 1) ограничило анализ данного явления, в лучшем случае рассмотрением дихотомии «конкуренция–кооперация»; 2) чрезмерно акцентировало внимание исследователей лишь на одной важнейшей функции состязательности – повышении активности субъектов состязательных отношений и парадоксальным образом устранило из их

поля зрения связь состязательности с совместностью (парадокс же заключается в том, что проблематика развития коллектива являлась одной из ведущих именно для советской социальной психологии); 3) ограничило изучение состязательности одной сферой жизнедеятельности – трудовой; 4) жесткая связь категории «социалистическое соревнование» с социальной действительностью привело к тому, что устранение из социальной практики социалистического соревнования фактически поставило крест на научных исследованиях самого феномена состязательности на постсоветском пространстве после распада СССР.

1.2.3. ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТОВ (ПРОБЛЕМ) СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ

Но в советской социальной психологии помимо анализа сущности состязательности значительно больше усилий (исследований) было посвящено непосредственному изучению отдельных проблем состязательности как в целом, так и различных ее видов (прежде всего, социалистического соревнования). Большинство исследователей соревнования отмечают, что оно охватывает все стороны жизнедеятельности индивида, но ведущее положение по значимости и числу исследований занимает социалистическое соревнование.

Так, Ю.С. Касюлис исходит из понимания соревновательности (состязательности) как установки личности на состязание, готовности померяться силами с другими людьми в определенных видах деятельности для того, чтобы улучшить личные и коллективные достижения. Соревновательность как форма проявления активности личности вызывает положительные эмоции у человека и мобилизует его волю, поэтому он начинает действовать более интенсивно и более успешно [178, с. 71–71]. Данные теоретические позиции легли в основу эмпирического исследования, в котором Ю.С. Касюлис установил, что участие в соревновании в спортивной деятельности способствует повышению активности не только в спортивной, но и в других видах деятельности (данные по Карачаровскому механическому заводу) [58, с. 158].

Ряд исследований посвящен выявлению типов и форм состязательности. Так, А.А. Ершов считает, что существуют два основных типа соревновательных отношений: 1) к участникам соревнования; 2) к самому труду. Они тесно взаимосвязаны друг с другом, могут служить мотивами возникновения друг друга. В системе взаимоотношений соревнующихся членов коллектива автор выделяет три подсистемы: «я – другое я», «я – все другие», «мы – они», которым соответствует парное, индивидуальное и коллективное соревнование [152, с. 123]. А.А. Ершов выдвинул предположение, что всестороннему развитию состязательности содействует участие членов коллектива во всех трех подсистемах соревновательных отношений [38, с. 101].

В.А. Сафронов предлагает все формы трудовой состязательности классифицировать:

а) по субъекту – индивидуальные, бригадные, внутризаводские, межзаводские, отраслевые, межгородские, межреспубликанские, международные;

б) по объекту и цели соревнования – за коммунистическое отношение к труду, за повышение производительности труда, за улучшение качества и т.д.;

в) по срокам проведения – декадные, месячные, сезонные, годовые, пятилетние [165, с. 25].

Л.С. Бляхман различал формы организации социалистического соревнования по трем основным видам:

а) по характеру участников (индивидуальное, коллективное и т.д.);

б) масштабам подведения итогов (цех, предприятие, отрасль и т.д.);

в) способам состязания (очное и заочное состязание, конкурс, смотр и т.д.) [14, с. 121].

Н.В. Гришина, взяв за основу анализа такой параметр, как «цели–средства», выделяет следующие основные типы конфликтного (или шире – «состязательного») взаимодействия:

1. *Сотрудничество* представляет такой тип взаимодействия, при котором его участники стремятся к разрешению возникших между ними противоречий,

ориентируясь при этом на сохранение позитивных отношений и опираясь на них в процессе взаимодействия.

2. *Кооперация* – это тип взаимодействия, участники которого стремятся к разрешению возникших между ними противоречий независимо от фактора взаимоотношений между ними, опираясь на формальные возможности решения проблемы (существующий порядок, предписания, нормы).

3. *Конкуренция* – это тип взаимодействия, при котором участники не стремятся к разрешению существующих между ними противоречий. Цель взаимодействия – «победа» над «противником», для чего применяются разнообразные средства (силовое давление, эмоциональные удары, «ловушки» и т.п.) [30, с. 276–278].

Свой вариант типологизации состязательности, основанный на эмпирически полученных фактах, был предложен Т.В. Эленурм [220]. Автор традиционно считает, что состязание как объективный межличностный процесс возникает вследствие общественного контакта и стимулирует трудовую деятельность людей. Воздействуя на потребности, мотивы, ценностные ориентации состязающихся, оно является активизирующим фактором деятельности. Т.В. Эленурм выделяет ряд основных параметров (социально-психологический климат, установки и нормы, сформированные в коллективе; организационно-управленческие факторы), выступающие в качестве социально-психологических предпосылок развития состязательности. Различные комбинации этих предпосылок в реальной деятельности определяют характер (тип) состязательной ситуации. В зависимости от характера взаимосвязей в этих комбинациях автором разработана типология состязательных ситуаций. Причем выделенные ситуации рассматриваются как разные уровни или стадии развития состязательных процессов. Т.В. Эленурм подробно описаны пять ситуаций (уровней развития) состязательности, обнаруженных ею в эмпирическом исследовании и следующем за ним инновационно-управленческом эксперименте на предприятиях легкой промышленности Эстонской ССР [220, с. 10–12]:

1. Ситуация (уровень) А: «яростные конкуренты» (26 % от числа опрошенных бригад).

2. Ситуация (стадия) Б: «спокойные индивидуалисты» (41 % от числа опрошенных бригад).

3. Ситуация (стадия) В: «хорошие приятели» (8 % бригад).

4. Ситуация (уровень) Г: «единодушно довольные» (10 % бригад).

5. Ситуация (уровень) Д: «активные обновители» (17 % бригад).

Автор также отмечает, что наиболее неблагоприятными с точки зрения повышения дееспособности и производительности труда являются ситуации (уровни) А и В. Внешних толчков, более или менее благоприятных условий ждут в бригадах Б и Г. И наилучшие условия для развития личности имеются в бригадах типа Д. Т.В. Эленурм считает, что разработанная типология ситуаций состязания позволяет использовать ее как реальный инструмент активного воздействия на состязательные процессы. Можно выделить различные способы воздействия на ситуации состязания. Результатом такого воздействия является переход на более высокую стадию развития состязательных процессов в коллективе [220, с. 17].

Ранее отмечалось, что одним из наиболее распространенных подходов к проблеме состязательности в социальной психологии является исследование состязания как установки. Такой подход предполагает определение мотивов, побуждающих к участию в соревновании; потребностей, которые могут быть удовлетворены в процессе соревнования; степени и направленности познавательных, эмоциональных и поведенческих компонентов соревновательной установки.

Среди психологических мотивов, побуждающих людей включаться в состязание, выделяются такие, как стремление не отстать от других, сравнить свои силы и возможностями с возможностями других работников, укрепить свой авторитет и т.п. Соревнование со значимым партнером повышает заинтересованность его участников [44, с. 97].

Ю.М. Жуков, обобщая накопленный к тому времени материал по изучению состязательной мотивации, предлагает представить «структуру состязательной мотивации как результат стремления личности произвести оценку своих способностей, которая осуществляется путем сравнения показателей своей собственной деятельности с показателями других людей» [41, с. 66].

А.А. Ершов определяет состязательную установку как психологическую готовность людей приложить усилия к тому, чтобы догнать соперника в соревновании или превзойти его [37, с. 146].

Е.С. Кузьмин и В.А. Богданов на основе детального анализа состязательного поведения личности выделили шесть составляющих состязательной установки: 1) понимание целей и эффекта соревнования (когнитивная составляющая); 2) осведомленность о ходе соревнования; 3) удовлетворенность организацией соревнования (эмоциональная составляющая); 4) включенность в соревнование (поведенческий компонент); 5) заинтересованность; 6) субъективная уверенность в своем успехе в соревновании.

Отмечается, что составляющие соревновательной установки оказывают различное влияние на разных уровнях организации соревнования. Более сильное влияние на соревнование бригад оказывают: понимание целей и эффекта социалистического соревнования, включенность в соревнование, заинтересованность, субъективная уверенность в своем успехе в соревновании. Удовлетворенность организацией соревнования больше влияет на соревнование между цехами и производствами. Осведомленность о ходе соревнования важна на всех уровнях организации соревнования [92, с. 37–40].

По мнению ленинградских социальных психологов, установка на соревнование формируется под воздействием ряда факторов: знания и оценки условий, организации соревнования; соотношения опыта, ожиданий и действительного положения дел; настроения и желания действовать с той или иной мерой активности. Данная установка тесно связана с характером ценностных ориентаций членов коллектива (прежде всего, с ориентацией на личный или коллективный успех). Необходимо также учитывать при исследовании состязательной

установки интересы, нормы и ценности коллектива и его членов. Отличительной чертой состояния состязательности выступает постоянно изменяющаяся, возрастающая, продолжительно действующая, распространяющаяся на все стороны жизнедеятельности человека, осознанная и целенаправленная активность личности участника соревнования [152, с. 124–125].

А.Л. Журавлев, О.И. Зотова, В.В. Новиков в своих исследованиях на ряде промышленных предприятий установили следующие категории работников с точки зрения преобладания у них состязательных установок: 1) те, которые сами вызывают на соревнование; 2) те, которые стали соревноваться после того, как их другие вызвали на соревнование; 3) ожидающие, что их еще вызовут на соревнование. Выявлено было также безразличное и отрицательное отношение работников к участию в состязании [45, с. 65].

В.А. Богданов выделял три группы работников с различными видами состязательных мотивов: 1) работники, которых привлекает в соревновании сам дух соперничества, возможность проявить свои способности (более половины опрошенных); 2) участвуют в соревновании только под воздействием требований руководителя; 3) участвуют в соревновании только ради того, чтобы не отстать от товарищей. Было также установлено, что мобилизующая и воспитательная роль состязания оказалась зависимой от преобладающей в коллективе ориентации. Лица с различными видами состязательной мотивации существенно отличались друг от друга по своему отношению к трудовой дисциплине (среди тех рабочих, которые находят в соревновании возможность самореализации, только один из шести не обращает внимания на нарушения дисциплины товарищами по коллективе; в то же время каждый третий из лиц с менее зрелой состязательной мотивацией придерживается такой нежелательной позиции), по активности в борьбе с недостатками в организации труда на своем участке (рабочие с ярко выраженной потребностью в самореализации в ходе соревнования в два раза реже оказываются пассивными наблюдателями беспорядка и неорганизованности на своем участке). Между видом состязательной мотивации

и развитием взаимопомощи, сотрудничества в бригаде связи не было обнаружено [15, с. 110–111].

Таким образом, отсутствие единства в подходах к исследованию состязательных установок еще раз подтверждает вывод о том, что в советской социальной психологии не было выработано единой точки зрения по проблеме состязательности (не нужно при этом забывать, что исследователи состязательных установок могли опираться на такой интегрирующий их взгляды стержень, как достаточно хорошо разработанные социально-психологические и общепсихологические теории установок). Кроме того, в обозреваемых исследованиях выделялось обычно ограниченное число состязательных установок. Исследователи чаще всего рассматривали состязательные установки вне связи с направленностью этих установок («на себя» – «на группу»), поэтому обычно и выделялся только один или два вектора активности (из четырех, по крайней мере, возможных), и поэтому из поля зрения выпадала значительная часть состязательных установок.

По этой же причине (то есть из-за путаницы, нечеткости, аморфности и ограниченности при выделении и описании основных состязательных установок), скорее всего, не удалось выявить более или менее однозначной связи между тем или иным видом состязательной мотивации и развитием сотрудничества, взаимопомощи в первичных производственных группах. И обычно главной причиной (и недостатком) таких подходов являлась подмена или смешение различных видовидовых и даже родовидовых социальных и социально-психологических явлений (чаще всего, конкуренции, сотрудничества и состязания).

Ряд работ советских социальных психологов был посвящен изучению проблемы включенности личности в состязательные отношения (включенность понималась ими как оптимальное соотношение мотивов личности с целями трудовой деятельности). Так, Е.В. Шорохова, О.И. Зотова, А.И. Левина, К.К. Платонов выделяли следующие показатели, свидетельствующие о степени включенности личности в социалистическое соревнование: участие в комиссии по подведению итогов социалистического соревнования, критика рабочими не-

достатков в организации соцсоревнования, участие в движении рационализаторов и изобретателей, передача опыта и взаимопомощь, наличие потребности в соревновательной деятельности, осведомленность о ходе соревнования. Все эти критерии включенности дополняли технико-экономические показатели работы участников социалистического соревнования [218, с. 71–87].

Ю.М. Жуков особо подчеркивал в своем исследовании следующие факторы, обеспечивающие лучшую включенность личности в соревнование: продуманная организация соревнования; использование дифференцированной системы оценок при подведении итогов соревнования (особо подчеркивается стимулирующая роль положительной оценки); коллективные обсуждения вопросов организации соревнования (прежде всего, оперативность подведения итогов соревнования) [41, с. 67–68].

Имеется большое число работ, в которых приведены данные о включенности личности в соревнование. Например, в одном из эстонских исследований установлено, что в официальном (внешне организованном) соревновании считают себя участвующими 47,3 % опрошенных; 16,9 % не знают, соревнуются они или нет; 30,2 % утверждают, что они не участвуют в соревновании. Отсюда авторы делают вывод, что некоторая часть рабочих соревнуется формально, то есть лишь на бумаге [221, с. 131–132].

В исследовании, проведенном социологами г. Куйбышева, были получены следующие результаты, характеризующие степень включенности рабочих в соревнование [189, с. 157]:

– очень высокая включенность в соревнование – 16 %;

– высокая включенность в соревнование – 22,5 %;

– низкая включенность в соревнование – 38,5 %;

– не участвующие в соревновании – 23 %.

Ю.С. Касюлис обнаружил, что у многих рабочих не выражена психологическая готовность к соревнованию (состязательность), не сформирована привычка к соревнованию, отсутствуют желание и интерес соревноваться с другими [58].

В исследовании Л.С. Бляхмана установлено: 36 % опрошенных отметили, что в их бригаде (на участке) очень сильно развит дух соревнования; 27 % полагали, что большинство членов коллектива относится к соревнованию с интересом, но некоторые рабочие все-таки равнодушны к нему; 14 % считали, что по-настоящему на их участках соревнуются лишь некоторые рабочие, а большинство относится к этому делу равнодушно; каждый шестой рабочий из опрошенных указал, что соревнование в их коллективах фактически не ведется или ведется формально [14, с. 121–122].

Г.В. Слуцкий, И.Ф. Беляева, А.В. Молчанов отмечают, что формализм в организации социалистического соревнования, невнимание к его социально-психологическим аспектам приводили к тому, что при внешнем почти 100%-ном охвате социалистическим соревнованием всех рабочих фактически 41,3 % рабочих не использовали огромных резервов эффективного труда, которые несет с собой трудовая состязательность. В первую очередь это относится к молодым рабочим. Молодежь преобладала среди тех, кто не являлся участником соревнования (ее доля среди них составляла в среднем 66 %). Исследование показало, что активно, заинтересованно относился к соревнованию только каждый второй молодой рабочий, а на отдельных предприятиях доля активно участвующих в соревновании молодых рабочих составляла 33,3 %, т.е. 2/3 молодых рабочих практически не соревновались [172, с. 41–43].

А.А. Ершов и А.А. Русалинова отмечают, что соревнование может быть как официальным, так и неофициальным. Проведенный ими опрос рабочих НПО «Светлана» выявил, что, участвуя в официальном соревновании, 46 % рабочих учатся умению высококвалифицированно работать у товарищей по работе, 41 % стремится сравняться в трудовых достижениях со своими авторитетами, 30 % – опередить их. На неофициальное соревнование между членами коллектива указали 14,1 % опрошенных, 9 % отметили, что участвуют в нем [38, с. 101–102].

Еще одна проблема, связанная с соревнованием и попавшая в поле зрение исследователей, – это определение критериев успешности соревнования. Боль-

шинство авторов предлагало следующие критерии успешности соревнования: 1) производственно-экономические показатели (выполнение плановых заданий, производительность труда, снижение трудоемкости изделий, качество выпускаемой продукции, отсутствие перерасхода фонда заработной платы, снижение фактической себестоимости); 2) социальные показатели (творческая активность, общественная активность, участие в управлении производством); 3) социально-психологические показатели (уровень взаимоотношений в производственном коллективе, отношение участников соревнования к своей работе) [101, с. 100–112; 218, с. 69–87]. Данный подход можно назвать комплексным, хотя в нем явно не достает, например, такого показателя, как обеспечение группой возможностей для всестороннего развития личности.

К числу популярных проблем также относился и анализ специфики факторов, влиявших на развитие состязательности. Практически все без исключения авторы отмечали, что среди факторов, влиявших на эффективность соревнования, ведущую роль играла организация соревнования. Именно этой проблемой занималось в 1970–80-х гг. подавляющее большинство исследователей (экономистов, социологов, психологов и т.д.). Хотя еще в 20-е гг. были предприняты первые попытки социально-психологического исследования различных форм организации социалистического соревнования. Социально-психологические проблемы такой формы организации социалистического соревнования, как ударничество, изучались Н.Ф. Добрыниным (1930), Л.И. Брайцевой с соавторами (1931), В.М. Коганом (1931), М. Маро-Левитиной (1931), М. Феофановым (1931) и др. [см. также 54, с. 126–132]. Исследователи пытались выявить особенности социалистического соревнования по сравнению с конкуренцией, отличительные черты такой формы социалистического соревнования, как ударничество (а затем – стахановское движение), влияние ударничества на личностные, межличностные и межгрупповые (между бригадами) взаимоотношения, на производительность труда, на дисциплину и т.д.

А.С. Макаренко в своей коммуне особое внимание обращает на тщательность разработки поэтапности постановки перспектив (ближних, средних,

дальних), на соотношение между личными и коллективными перспективами, на борьбу между старыми и новыми перспективными линиями, на образ коллективной работы в качестве важнейшей перспективы (у А.С. Макаренко субъектом соревнования выступал не индивид, а группа – отряд). Система перспективных линий воплощалась в жизнь через соревнование, которое было четко налажено (итоги подводились ежемесячно, диаграмма показателей обеспечивала наглядность, награждались только коллективы и т.д.) и охватывало все сферы жизнедеятельности: труд, учебу, быт, дисциплину и т.д. [114, с. 314–315].

Отдельные исследования влияния организации соревнования (социально-психологического аспекта в том числе) осуществлялись и в 1940–50-е гг. (Тюренков, 1948; Приваленко, 1950; и др.). Но в силу особенностей развития социальной психологии у нас в стране лишь в конце 50-х гг. возрастает интерес к социально-психологической стороне организации соревнования.

И дальнейшее социально-психологическое исследование социалистического соревнования связано с такой ее новой формой, как движение за коммунистическое отношение к труду. Движение за коммунистическое отношение к труду рассматривалось как составная часть социалистического соревнования и его высшая форма, так как в нем «органически сочетаются борьба за достижение, на основе новейшей науки и техники, наивысшей производительности труда и воспитание нового человека – хозяина своей страны, который постоянно смотрит вперед, творит, думает, дерзает» [165, с. 16–20].

Зафиксировано, что производительность ударников коммунистического труда в среднем на 10–15 % была выше, чем у тех, кто не участвовал в этом движении [21, с. 26; 165, с. 21].

Одни из первых социально-психологических исследований соревнования за коммунистическое отношение к труду были проведены под руководством Е.С. Кузьмина и Ф.С. Филатова (1959–61 гг.) [87; 88, с. 78–117; 198; 199].

Более интенсивное специальное социально-психологическое исследование социалистического соревнования и его организационных форм, начавшееся с середины 70-х гг., нашло свое отражение в ряде монографий (Бадмаев, Боч-

ков, 1977; Симаков, 1980; Слуцкий и др., 1979; Социалистическое соревнование, 1978; Социально-психологические аспекты социалистического соревнования, 1977; Филиппов, Новиков, 1976; Стогний, 1983 и др.), материалах различных конференций (Социалистическое соревнование: опыт, проблемы, 1976; Коллективность, экономическое поведение…, 1984; Повышение эффективности социалистического соревнования, 1982; Психологические проблемы повышения эффективности деятельности производственных коллективов, 1981; Регионально-отраслевые проблемы социалистического соревнования, 1983; Соревнование в производственном коллективе, 1978; Теоретические проблемы социалистического соревнования, 1980; Социально-психологические проблемы повышения эффективности деятельности производственных коллективов, 1977; и др.), большом числе статей (см., например: Ершов, 1977; Журавлев и др., 1977, 1980, 1981; Зотова, Новиков, 1982; Капустин, 1981; Касюлис, 1977, 1978; Кузьмин, Богданов, 1980, 1983; Парыгин, 1982; Шорохова и др., 1983; и др.).

Как видно из проделанного краткого обзора, советская социальная психология на каждом этапе развития социалистического соревнования вносила свой посильный вклад в теорию и практику его организации.

1.2.4. ФАКТОРЫ, ОБУСЛОВЛИВАЮЩИЕ РАЗВИТИЕ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ

Также отмечалось, что помимо организации соревнования на его эффективность влиял целый ряд факторов, которые необходимо было учитывать. Социальными психологами подчеркивалась особая роль общения в развитии соревнования, в частности, значение таких сторон общения, как функциональная связь участников соревнования, длительность соревнования, форма контакта друг с другом (непосредственных и с помощью средств массовой коммуникации), род занятий, количество участвующих (больше участников – больше состязательное напряжение и усилие), притягательность ближайшего окружения, взаимоотношения между людьми [91, с. 105].

Ю.С. Касюлис отмечал, что соревновательность значительно выше в тех количествах, где высоко развита взаимная помощь, где создан благоприятный социально-психологический климат [58, с. 158].

Б.Д. Парыгин считал, что «не только состояние социально-психологического климата коррелирует с уровнем соревновательных процессов в коллективе, но и этот уровень, в свою очередь, опосредованно через состояние социально-психологического климата, связан с экономической эффективностью коллективной деятельности. Наличие опосредованной связи при этом не исключает возможность и непосредственных влияний и взаимовлияний названных явлений друг на друга» [139, с. 79–80].

Важно также было учитывать, какова эффективность общения между соревнующимися на разных этапах соревнования: на этапе обсуждения обязательств, в ходе соревнования (обмен опытом, взаимное воздействие в форме подражания, внушения, убеждения, получения информации о ходе работы друг друга), на этапе подведения его итогов (взаимная оценка, критика и самокритика, обмен опытом, выдвижение новых задач и целей, их обсуждение) [152, с. 124].

Направленность коллектива также влияла на соревнование в процессе реализации всех трех его функций: экономической, социальной и воспитательной. Эмпирические исследования показали прямую взаимосвязь между уровнем направленности коллективов и их успешностью в соревновании. Более высокий уровень направленности коллективов влечет за собой и более высокую эффективность соревнования, более высокую успешность в нем, а более высокий уровень соревновательности положительно влияет на формирование направленности коллективов. На эффективность соревнования существенное влияние оказывала и теснейшим образом связанная с направленностью коллектива его сплоченность – единство коллектива в условиях его основной деятельности, взаимопомощь, взаимоподдержка, обеспечивающая «чувство локтя» [50, с. 79–90].

В ряде работ подчеркивалась важная роль влияния отношения к труду, и особенно – управления и руководства, на развитие соревнования. В исследованиях Е.С. Кузьмина и В.А. Богданова установлено ведущее влияние цехового руководства на соревнование: там, где руководители цеха уделяли внимание вопросам организации соревнования хотя бы в традиционных формах, более активно проходило и обсуждение обязательств, и подведение итогов соревнования (47 % активно участвующих против 28 % в коллективах, руководство которых формально выполняло функции организаторов соревнования) [91, с. 104].

Эмпирическое исследование, осуществленное под руководством И.И. Чангли, показало, что мастера промышленных предприятий, основные организаторы соревнования в производственных коллективах, плохо информированы о его объективной природе, сущности, принципах организации. На основании полученных результатов исследователями делался вполне логичный вывод о том, что для повышения эффективности соревнования всем руководителям производственных коллективов важно и необходимо было знать и использовать в полной мере хотя бы основные принципы организации соревнования (гласность, сравнимость результатов, возможность повторения передового опыта), правильно применять моральное и материальное стимулирование [167, с. 25].

Существенное влияние на развитие соревнования в производственных коллективах оказывал и индивидуальный стиль работы руководителя. Поэтому для дальнейшего повышения эффективности соревнования принципиальным являлось совершенствование стиля организаторской работы. Но более верно говорить о взаимном влиянии стиля руководства и соревнования, так как стиль руководства оказывал непосредственное влияние на особенности соревнования в целом и отдельные его параметры. В свою очередь, уровень развития соревнования в целом и отдельные его параметры в конкретном коллективе оказывали формирующее влияние на стиль руководства. Отмечалось, что это взаимовлияние неоднозначно [43, с. 112–148].

Н.П. Острянский подчеркивал решающую роль *сравнимости* условий деятельности в развитии соревновательной активности. Результаты его исследований показали, что если эта сравнимость (содержание деятельности, профессии, квалификации, результатов труда и т.д.) высокая, то состязательная активность имеет максимальное значение. В этом случае мы имеем идеальное функционирование соревнования как процесса. Если же эта сравнимость снижается, соревновательная активность падает, уступая место индивидуально проявляемой активности, которая порождается не влиянием соперника как равного на равного, а иными факторами: стремлением сделать больше и лучше, чем прежде, проявить личные творческие возможности, способности, знания, добиться высокого заработка, премии, признания своих заслуг со стороны товарищей, руководителей. В этом случае причины активности индивидуализируются и уже не зависят от взаимовлияния соперничающих индивидов [135, с. 93]. Необходимо отметить, что в подходе Н.П. Острянского очень хорошо выделен и момент диалектического перехода сотрудничества в конкуренцию.

Главной задачей исследования, осуществленного А.В. Рыжовым в коллективе строительного треста Москвы, было выявление особенностей механизма социального сравнения как элемента состязательности, исходя из условий труда, индивидуальных особенностей личности и всего коллектива. Опрос показал, что наиболее распространено в трудовых коллективах индивидуальное сравнение с членами своей бригады (66 %). На втором месте – сравнение с результатами рабочих других бригад, на третьем – сравнение достижений бригады в целом с достижениями других бригад. Представляет также интерес анализ связи выбора форм сравнения с квалификацией рабочих [164, с. 27–29]. Проведенный социально-психологический анализ механизмов сравнения позволил автору сделать выводы о том, что для развития отношений трудовой состязательности большое значение имеют формы и периоды сравнения, а также квалификация работников, принимающих участие в трудовом состязании [164, с. 32].

Другой важнейший элемент состязательности – оценка – был подробно рассмотрен И.Ф. Беляевой. Она считает, что эффективность состязательности в трудовой сфере во многом зависит от выбора оптимального ценностного эквивалента, то есть той совокупности показателей, по которым осуществляется оценка результатов трудового состязания. Автор предполагает, что «в соревновании за достижение высоких результатов ценностный эквивалент должен содержать три группы показателей:

1. Показатели, характеризующие улучшение качества продукции и экономию совокупного (живого и овеществленного) труда.

2. Показатели, характеризующие повышение профессионального мастерства работников, развитие их трудового потенциала.

3. Показатели, характеризующие развитие отношений товарищеской взаимопомощи и взаимной ответственности» [9, с. 34–35].

Анализ, проведенный И.Ф. Беляевой на 18 предприятиях различных министерств и ведомств, выявил, что при существовавшей практике организации соревнования преобладали показатели, ориентирующие участников соревнования прежде всего на выполнение объемных плановых (а не инициативных) заданий в экономической сфере и на развитие воспроизводственной деятельности в сфере социальной. Это не могло не сказаться и на отношении к соревнованию работников. Если организация соревнования не требует от него инициативных действий, освоения нового, развития своих профессиональных качеств, то работник остается индифферентным к организованному соревнованию, не включается в него. Низкий уровень включенности в соревнование предопределяет и его недостаточное воздействие на результаты практической трудовой деятельности. Сопоставление результатов деятельности бригад, принимавших обязательства, с результатами тех бригад, которые по таким же показателям обязательств не принимали, выявило отсутствие статистически значимых различий между ними. Все это и позволило И.Ф. Беляевой выделить основные критерии отбора показателей ценностного эквивалента при организации соревнования [9, с. 33–39].

Интересные данные были получены при изучении спортивной состязательности. Лабораторный эксперимент со сменой соперников при выполнении скоростной двигательной деятельности (с использованием методики «теппинг-тест»), проведенный под руководством О.А. Черниковой с 68 спортсменами, позволил получить объективные показатели изменения продуктивности «работы» с разными соперниками. Оказалось, что при более сильном сопернике прирост в показателях скорости движений отмечен в 100 % случаях по сравнению с аналогичными показателями при индивидуальном исполнении (внесостязательные условия). При равном по силам сопернике этот прирост был отмечен также в большинстве случаев (82,3 %). При встрече со слабыми соперниками только в 2,2 % случаев было зафиксировано незначительное увеличение результатов. Все это, по мнению О.А. Черниковой, доказывает, что в состязательных условиях спортсмен испытывает состояние большого подъема, ощущает прилив энергии. А это, в свою очередь, положительно влияет на проявление его возможностей [216, с. 17–18].

А.А. Ершов на основании эмпирических данных выделял целый комплекс социально-психологических предпосылок эффективности соревнования (1. Наличие единых общественно значимых целей и ценностей у всех членов коллектива. 2. Общая система норм, целей и оценок, их критериев, то есть сопоставимость и соизмеримость результатов труда по качеству, объему и условиям организации, понятая и принятая участниками соревнования. 3. Единая система материального и морального стимулирования, соответствующая целям и ожиданиям соревнующихся и всего общества. и т.д.). Автор делал вывод о том, что исследования социальных психологов также способствуют повышению эффективности соревнования, поскольку раскрывают возможности целенаправленного и сознательного регулирования и совершенствования соревнования [152, с. 126].

Интересные данные о влиянии различных факторов на успешность соревнования получены в исследовании Е.С. Кузьмина и В.А. Богданова. Ими установлено влияние ряда социальных факторов на индивидуальную актив-

ность работников: квалификации – более высокая квалификация работника связана со всеми показателями трудовой активности (в том числе и с вовлеченностью в соревнование); партийности – для членов КПСС была типична большая реальная включенность в разработку обязательств и заинтересованность в успехе соревнования; стажа работы – с увеличением стажа работника на предприятии росла вероятность его активного участия в обсуждении обязательств и итогов соревнования; возраста; образования и т.п. Однако это влияние опосредовано воздействием иных факторов на каждом уровне организации соревнования. На уровне предприятия в целом – особенностями принятых условий соревнования и согласованностью в работе смежных подразделений. На уровне цеха – особенностями организации труда и особенностями руководства соревнованием со стороны администрации и цехкома. В первичном коллективе – воздействием групповых моральных норм и других социально-психологических свойств коллектива в целом. На результатах бригады сказывалось и влияние руководства цеха, и других факторов, названных выше. Поэтому рассмотренные факторы, связанные с принадлежностью к возрастным, образовательным, квалификационным категориям, могли не оказывать решающего влияния на успешность соревнования [91, с. 105–106].

В.А. Богданов также исследовал такой важный вопрос, как соотношение личностных и групповых детерминант состязательного поведения работников. Автор предлагал личностные детерминанты состязательности рассматривать и как различные уровни его регуляции, при этом, по его мнению, «каждому иерархическому уровню строения личности отвечает некоторый класс личностных свойств. Такие классы последовательно формируются в онтогенезе и обладают по отношению друг к другу приоритетом влияния в определенных специфических ситуациях поведения». В числе групповых детерминант В.А. Богданов прежде всего выделял: поведенческие нормы, определяющие проявление личностных свойств в конкретном коллективе и в конкретной сфере деятельности; соотношение внутригрупповых процес-

сов, на которые с той или иной мерой условности расчленяется групповая деятельность. Но особое значение им придавалось такой групповой детерминанте, как степень референтности реальной профессиональной группы для ее членов. В референтных группах, по мнению автора, намечается первая возможность для синтеза групповых и личностных предпосылок состязательности. С одной стороны, референтность трудового коллектива зависит от числа социальных групп, с которыми взаимодействует участник соревнования, и количества сфер жизнедеятельности, в которые он включен. С другой стороны, выбор референтной группы всегда субъективен. Можно выделить уровни регуляции поведения и соответствующие им классы личностных свойств, частных детерминант поведения, в зависимости от того, осуществляется совместная деятельность в референтной группе или нет. Другая возможность синтетического подхода к анализу состязательного поведения, по мнению В.А. Богданова, открывается, если рассматривать классы личностных свойств как производные от взаимодействия протекающих в группе социально-психологических процессов и основных компонентов личностной структуры работника, в соответствии с основными этапами производственного соревнования [16, с. 5–9].

Традиционно в советской социальной психологии принято было считать, что одно из наиболее существенных влияний на формирование и развитие состязательности оказывает форма организации совместной деятельности. Исходя из теоретических положений о состязательности, изложенных выше, необходимо отметить, что форма организации совместной деятельности является одной из объективных предпосылок, определяющих (способствующих или затрудняющих) развитие определенного вида состязательности. Можно предположить, что коллективные формы организации совместной деятельности должны способствовать развитию кооперативных отношений в группе; индивидуальные формы организации совместной деятельности в большей степени будут развивать отношения конкуренции. Начиная с 60-х гг. XX в., по мере расширения хозяйственной самостоятельности

предприятий бригадная организации труда стала утверждаться в СССР. Социально-психологические проблемы организации соревнования в условиях бригадной формы организации труда в той или иной мере были освещены в целом ряде работ (Кацура, 1984, с. 52–54; Палицын, 1983, с. 74–76; Пранов, 1984, с. 46–50; Жолкевич, Царик, 1982, с. 110–116; Коваль, 1982, с. 107–109; Горчаков, Пряхин, 1980; и др.).

Имеется ряд данных, свидетельствующих о психологических преимуществах и недостатках бригадной системы. Р.Б. Гительмахер, обобщая результаты эмпирических исследований, отмечал, что бригадная форма организации труда (БФОТ) активизировала неформальное общение рабочих и положительно повлияла на неофициальную структуру коллектива, при БФОТе были выше степень сплоченности рабочих в бригаде, более развиты отношения товарищества, взаимовыручки, коллективизма [26, с. 37].

Вместе с тем выявлен и ряд негативных психологических моментов БФОТа: а) малочисленность бригад (по 2–5 человек) вела к усилению конфликтности по вертикали и горизонтали, к созданию круговой поруки, к трансформации деловых, формальных отношений между рабочими и бригадирами в неформальные, переходящие в фамильярность и панибратство; б) неравномерность распределения по возрасту в больших бригадах (12–25 человек) приводила к разному уровню квалификации бригад, к выполнению менее квалифицированной и нижеоплачиваемой работы, отсутствию наставников (в молодежных бригадах), к конфликтам между молодежью и кадровыми рабочими, к необъективному распределению КТУ в ущерб новичкам; в) в больших сквозных бригадах (по 20 человек и более) было затруднено общение людей, из-за чего страдала сплоченность, чаще возникали конфликты; г) БФОТ внесла в производство некоторое обесценивание высококвалифицированного труда, то есть с ростом квалификации привлекательность работы специалистов в бригаде уменьшалась; д) недостатки в стимулировании труда: стимулирование через КТУ далеко не совершенно, методика его расчета

сложна, трудоемка и почти не применима на практике; е) осложнение положения мастера, проблема стабилизации кадров мастеров [26, с. 39–45].

В целом можно заключить, что применение БФОТ обеспечивало сочетание коллективной и индивидуальной ответственности, коллективной и индивидуальной материальной и моральной заинтересованности, создавало условия для более многогранного проявления активной жизненной позиции каждым членом бригады. Достоинства БФОТ способствовали развитию состязательности, усилению взаимосвязи индивидуального и коллективного видов состязательности, так как обеспечивало в наибольшей степени по сравнению с предыдущими формами организации труда объективную основу для формирования именно кооперативных отношений (то есть лучше обеспечивало объективные предпосылки для развития как общего, так и частного интереса личности).

Таким образом, как было выявлено в многочисленных прикладных исследованиях, на эффективность соревнования оказывало влияние большое число организационных, экономических, социальных и социально-психологических факторов. Причем воздействие этих факторов обычно было не прямое, а опосредованное целым рядом других факторов, специфичных для разных уровней организации соревнования. Отмечалось, что для повышения эффективности этого соревнования необходимо было правильно выделять факторы, оказывающие решающее влияние в данный момент, в конкретных условиях (этому же должны были способствовать социологические и социально-психологические исследования различных проблем и сторон состязательности).

1.2.5. СПЕЦИФИКА ЭФФЕКТОВ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

В свою очередь, были получены данные, свидетельствующие о том, что состязательность (в том числе и социалистическое соревнование) оказывала существенное влияние на различные стороны жизнедеятельности группы. В первую очередь советскими исследователями отмечалось влияние состяза-

тельности на развитие совместности [156, с. 116]. С.С. Будилкин, например, предпринял попытку философско-методологического обоснования соревнования как движущей силы развития отношений коллективности и общественных отношений в целом [18, с. 27].

Е.С. Махлах считал, что соревнование помогает самореализации личности в коллективе путем совершенствования не только производительности труда и качества его, но главным образом благодаря тому, что соревнование способствует совершенствованию и постоянному развитию коллектива как целого, а также входящих в него отдельных личностей [126, с. 47–49].

Целый ряд эмпирических данных подтверждал положительное влияние такого вида состязательности, как кооперация (сотрудничество), на уровень развития коллектива. В исследовании Н.П. Острянского выявлено, что высокая степень сравнимости условий и результатов как одно из основных свойств соревновательности способствовало более яркому и четкому выделению личностных качеств работника, оценке возможности любого из них, что вело к формированию отношений товарищества, взаимопомощи и других связующих факторов коллективистского содержания [135, с. 93].

А.Л. Журавлев, О.И. Зотова, В.В. Новиков установили, что выраженность состязательности тесно коррелировала с уровнем развития коллектива. Коллективы, чаще вызывающие других на соревнование, находились на более высоком уровне социального развития [45, с. 65].

По данным В.А. Полторака, как правило, 70–80 % опрашиваемых работников считали, что именно участие в соревновании в решающей степени влияло на формирование такого качества личности, как коллективизм [145, с. 95–96].

Уже из этих немногочисленных данных видно, что соревновательные отношения играли немаловажную роль в развитии коллективистских отношений в первичной производственной группе. Но эта роль именно состязательности, а не официального соревнования, к сожалению, почти не учитывалась в социальной психологии и выпадала из поля зрения исследователей соревнования. И практически во всех этих исследованиях состязательность рассматривалась

в качестве внешнего детерминирующего фактора (наряду с другими) по отношению к коллективу. А такое важное свойство состязательности как одного из основных *внутренних* источников развития и активности группы, порождающее как новое его качественное состояние, так и «дополнительную энергию», к сожалению, не учитывалось (то есть состязательность во всех этих исследованиях не рассматривалась в качестве одного из основных внутренних коллективообразующих признаков).

В советской социальной психологии (как и в зарубежной) накопилось немало фактов, свидетельствующих о существенном влиянии соревнования на эффективность деятельности. Но эти данные не отличались единообразием (особенно результаты, полученные зарубежными исследователями). В советской социальной психологии большая часть фактов указывала на улучшение деятельности коллектива в условиях соревнования, причем наиболее значительное и однозначное повышение эффективности деятельности коллектива в условиях соревнования имеет место при бригадной форме организации труда [176; 179; 187; 87; 88; 200; 14; 20; 178; 25, с. 147–154; 181, с. 68–90; 115; 218, с. 69–87; 45, с. 61–72; и др.].

А.Г. Ковалев отмечал, что соревнование в коллективном труде способствовало развитию инициативы, творческих сил, вело к повышению производительности труда [64, с. 58]. Но он рассматривал соревнование как средство стимуляции личности и коллектива, как активизирующий фактор, а не состязательность как коллективообразующий признак.

Проблема состязательности (к сожалению, лишь как производная, второстепенная) иногда затрагивалась (обычно в «усеченном» варианте) при изучении семейных межличностных отношений. Так, Т.М. Мишина выделяет три основных типа нарушений взаимодействия в супружеских парах, вследствие которых в семье начинают доминировать отношения «соперничества», «псевдосотрудничества» и «изоляции». В семьях, где преобладающим типом взаимодействия является «соперничество», отношения в целом имеют противоречивый, дружелюбно-враждебный характер; между супругами постоянно проис-

ходят открытые столкновения, ссоры, возникают взаимные упреки, агрессивные проявления. Семейные роли партнеров определены нечетко, в результате чего ни один из них не способен принимать на себя ответственность за пару как целое. В ситуации «псевдосотрудничества» отношения внешне выглядят ровными, с элементами преувеличенной заботы о партнере. Поводы к возникновению конфликтов лежат во внесемейной сфере и связаны с индивидуальными трудностями или проблемами, возникающими у супругов. В случае «изоляции» отношения в семье обычно не имеют явного конфликтного характера. При внешней согласованности действий супруги эмоционально обособлены друг от друга, не заинтересованы друг в друге, брак поддерживается какими-то иными выгодами общего существования. Конфликты возникают, если границы изоляции нарушаются либо в сторону отмежевания, либо в сторону еще большей разобщенности [128].

Вместе с тем имелись данные, свидетельствующие о неоднозначности влияния состязательности (и даже такой ее формы, как социалистическое соревнование) на эффективность деятельности.

Например, в исследовании А.Г. Симакова не обнаружено различий в показателях работников, имеющих социалистические обязательства и не имеющие таковых: ни по производительности труда, ни по качеству работы, ни по трудовой и общественной активности [168, с. 40].

В.В. Костюшев отмечал, что об «оптимизирующей» функции соревнования правомерно говорить только на уровне общности. На уровне отдельного работника соревновательное общение может вызвать как увеличение, так и снижение производительности, как улучшение, так и ухудшение качества. Соревновательная же деятельность (в отличие от соревновательного общения) обычно повышала эффективность деятельности и на уровне отдельного работника, включенного в кооперацию. Гарантом оптимизации экономической деятельности на этом уровне являлся такой важный элемент соревнования, как взаимопомощь работников [81, с. 74].

В исследовании Е.С. Кузьмина и В.А. Богданова установлено, что особенности соревновательной установки отдельных работников значительно влияли на эффективность работы бригады, а конечные результаты более крупных подразделений от них почти не зависели. Организация труда, наоборот, сильнее влияла на итоги работы крупных подразделений [92, с. 36–41].

1.2.6. АНАЛИЗ ПОСЛЕДСТВИЙ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ КАК СОСТАВНОЙ ЧАСТИ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ СУБЪЕКТОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РОССИЙСКОЙ (СОВЕТСКОЙ) СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

В целом исследования кооперативно-конкурентных отношений можно рассматривать как составную часть более широкой проблемы взаимовлияния группы и личности. В российской социальной психологии можно выделить несколько основных теоретических подходов по теме взаимовлияния группы и личности.

Н.Н. Обозов предлагает свою условную классификацию уровней взаимосвязанности членов группы:

1. Изолированность (физическая и социальная).

2. Уровень предполагаемой взаимосвязанности, существующей в сознании индивида.

3. Уровень взаимосвязанности – «присутствие других людей» (молчаливое).

4. Уровень взаимосвязанности «влияние и взаимовлияние» определяет изменение поведения и характеристик психики членов группы в зависимости от мнений, оценок, высказываемых другими участниками; подразделяется на подуровни: а) соревновательный (определяющийся не только взаимовлиянием, присутствием других, но и личным целевым различием участников, при внешней одинаковости цели); б) уровень условной взаимосвязанности (определяется инструкцией, обязывающей в той или иной мере действовать совместно). «Влияние» – подставная группа, оказывает целенаправленное давление на одного члена. «Взаимовлияние» – наличие общего стимула, задачи, на которые должны параллельно реагировать члены группы.

5. Уровень действительной взаимосвязанности (через средства реализации действий) вплоть до полной (максимальной) взаимосвязанности, когда действия одного члена группы невозможны без предшествующего действия других.

6. Уровень коллективистской взаимосвязанности может включать все остальные. Эта взаимосвязанность позволяет различать группы по степени их развития (от диффузной до коллектива).

С точки зрения Н.Н. Обозова, уровень взаимосвязанности членов группы является главным фактором, определяющим взаимовлияние группы и личности. Исследования, посвященные сравнительному анализу индивидуальной и групповой деятельности, следует четко разграничивать с учетом уровня взаимосвязанности членов группы [177, с. 131–140].

Н.Н. Обозов также проанализировал и обобщил исследования социальных психологов, проведенные на двух уровнях: «присутствие других» и «влияние и взаимовлияние».

Анализ результатов исследований Н.Н. Обозова, М. Шерифа, П. Зоди, О. Богарда, В.М. Бехтерева, С.Г. Геллерштейна, Г. Мюнстерберга показал наличие следующей общей тенденции: а) при высокой определенности стимула (задачи) и малой их сложности – лучшая точность восприятия и худшие конвергенция оценок восприятия и нормообразование; б) при высокой неопределенности и большой сложности – худшая точность восприятия и лучшие конвергенция оценок восприятия и нормообразование. Таким образом, в условиях группы улучшаются точность восприятия пространственных свойств объекта и времени, определение сходства, а ухудшаются в условиях группы определение различий, качество идей (но это не касается конструкторских, технических задач).

Общий сравнительный анализ индивидуальной и групповой эффективности по двум уровням взаимосвязанности свидетельствует о преимуществе групповой работы по количественно-временным параметрам [177, с. 141–149].

С нашей точки зрения, в изложенном выше подходе к проблеме взаимовлияния группы и личности наиболее уязвимым является отнесение соревновательных отношений лишь к уровню взаимосвязанности «влияние и взаимо-

влияние». Если понимать соревновательные отношения широко (как *состязательность*, по нашей терминологии. – *В.Л.*), то их необходимо рассматривать на всех уровнях взаимосвязанности членов группы с выделением ведущего типа состязательности на каждом уровне. В узком же смысле соревновательные отношения (*сотрудничество*, по нашей терминологии. – *В.Л.*) должны быть отнесены для специального анализа на уровень коллективистской взаимосвязанности (поэтому не удивительно, что в дальнейшем у автора при анализе уровня «влияние и взаимовлияние» соревновательные отношения не рассматриваются).

Еще один интересный подход к проблеме взаимовлияния группы и личности предложен Н.Ю. Хрящевой. Все исследования, посвященные проблеме сравнения индивидуальной и групповой деятельности, автор условно делит на: 1) исследование того, как изменяются поведение и психическая деятельность в группе; 2) исследования повышения групповой эффективности в ходе взаимодействия людей по сравнению с простым суммированием результатов их деятельности. Все исследования первого типа Н.Ю. Хрящева разделила на три подгруппы в зависимости от особенностей экспериментальной ситуации: 1а) сравнение деятельности изолированного индивида и индивида в присутствии пассивной группы; 1б) работа индивидов над одной задачей в одном помещении, но самостоятельно (при этом все знали, что каждый решает ту же задачу, что и другие); 1в) испытуемые были взаимосвязаны в ходе выполнения поставленной задачи.

Анализируя работы Dachiell (1а), Ф. Олпорта (1б), В. Меде (1б), В.М. Бехтерева (1в) и других, Н.Ю. Хрящева приходит к тем же выводам по первому типу исследований, что и Н.Н. Обозов: в группе, как правило, увеличиваются скоростные характеристики деятельности индивида с одновременным снижением точности выполнения заданий. Влияние группы на индивида увеличивается (то есть происходят еще большие изменения психической деятельности) от одних условий эксперимента (1а) к другим (1б и особенно 1в).

Наибольший интерес в подходе Н.Ю. Хрящевой представляет анализ исследований повышения групповой эффективности по сравнению с простым суммированием результатов деятельности индивидов. В качестве основных критериев эффективности групповой деятельности предлагается использовать продуктивность деятельности, удовлетворенность членов группы и общественно-политическую активность членов группы. Выделяются два источника повышения групповой активности в ходе взаимодействия людей по сравнению с простым суммированием результатов их деятельности: 1) возрастание индивидуальной продуктивности в результате соревнования; 2) возникновение новой производительной силы («массовой силы»). В работе проанализирован в основном второй источник повышения продуктивности трудовой деятельности – «массовая сила» [152, с. 96–101]. Отмечается, что основным условием и механизмом появления новой производительной силы являются кооперация и координация усилий всех членов группы. Выделяются три формы организации (кооперации и координации) совместной деятельности: совместно-индивидуальная, совместно-последовательная и совместно-взаимодействующая [193, с. 57–58]. Совместно-взаимодействующая форма организации групповой деятельности быстрее всего способствует формированию «эффекта группы», который понимается как «производительный эффект (в физической и умственной деятельности группы) и как эффект воспитательный, повышающий общественную активность группы в целом и каждой личности в отдельности… Форма организации контактной группы ускоряет или замедляет процесс формирования «эффекта группы» и в конечном результате (при прочих равных условиях) ускоряет или замедляет процесс развития контактной группы как единой психологической структуры, как коллектива» [193, с. 61–62].

Кооперация и координация деятельности не сами по себе создают «массовую силу» («эффект группы»). Они облегчают формирование таких отношений между *людьми*, в результате которых возникает новая производительная сила. Ведь координация и кооперация неодушевленных предметов (автоматов) не приводят к созданию «группового эффекта». А, с другой стороны, коопера-

ция и координация облегчают формирование прежде всего состязательных отношений (наряду с отношениями совместности; см., например, данные Н.В. Гришиной [29, с. 111; 30, с. 411–412 и др.]) между членами группы, так как при совместно взаимодействующей форме организации труда создаются наилучшие необходимые предпосылки для реализации основных принципов состязательности: возможность сравнимости результатов деятельности [135, с. 93], гласность и возможность повторения опыта.

Таким образом, один из основных источников возникновения новой производительной силы – это те же состязательные отношения, появление которых облегчается благодаря кооперации и координации групповых действий. В целом это свидетельствует о том, что одним из главных источников повышения групповой продуктивности в ходе взаимодействия людей по сравнению с простым суммированием результатов их деятельности является в первую очередь состязательность, которая может развиваться или тормозиться рядом объективных условий деятельности, в том числе кооперацией и координацией членов группы.

Помимо эффектов состязательности, отражающихся на продуктивности совместной деятельности, в социальной психологии постоянно фиксировалась информация, касающаяся влияния (последствий) состязательности на непосредственные межличностные отношения. Одним из наиболее распространенных в 1970–80-х гг. среди советских исследователей интегральных показателей социально-психологической ситуации в реальной малой группе был «социально-психологических климат группы» [181; и др.].

В советской социально-психологической литературе имеется немало данных в основном о положительном влиянии такой формы состязательности, как кооперация, на социально-психологический климат (СПК) коллектива. Выше уже приводились, например, данные прикладных исследований, проведенных под руководством Е.С. Кузьмина, свидетельствующие о том, что участие в соревновании способствовало развитию неформальных отношений в группе [87; 88]. При этом соревнование выступало в качестве универсального фактора

и создающего, и регулирующего социально-психологический климат в конкретном производственном коллективе [134, с. 165]. По данной проблеме см. также работы Ю.С. Касюлиса [58, с. 158], Б.Д. Парыгина [139, с. 80], И. Косева [76, 77], В.А. Кольцовой [75], В.А. Мальцева [115, с. 106–134] и др.

В заключение отметим также, что имеется ряд исследований как в социологии, так и в социальной психологии, посвященных отдельным сторонам социалистического соревнования, в частности, влиянию социалистического соревнования на трудовой энтузиазм, развитие личности [175, с. 176–184; 126, с. 40–49; и др.], дисциплину [115, с. 135–145], отношение к труду [175, с. 184–196], образ жизни [175, с. 239–351] и т.д. Можно найти обширную литературу по социально-экономическим, социальным и социально-психологическим проблемам организации социалистического соревнования (основные работы по этим вопросам приведены в списке литературы).

1.2.7. СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП ИЗУЧЕНИЯ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ

Устранение социалистического соревнования в конце 80-х гг. XX столетия у нас в стране из практики общественной жизнедеятельности привело фактически к прекращению социально-психологических исследований феномена состязательности. В последние несколько лет в связи с возросшими потребностями практики и социальной психологии (стихийное развитие конкуренции в экономической сфере, увеличение конфликтности и развитие конфликтологии, запросы прикладных психологических наук и т.п.) положение начало меняться в лучшую сторону: стали выделять данное явление на теоретическом уровне (Гришина, 2001; Почебут, Чикер, 2000), было осуществлено несколько исследований, непосредственно связанных с изучением тех или иных проблем состязательности. Например, влияние отношения к конкуренции на удовлетворенность предпринимательской деятельностью изучалось на протяжении нескольких лет (были проведены опросы предпринимателей) сотрудниками институтам психологии РАН В.П. Позняковым, О.И. Титовой и Е.Б. Филинковой. Ими было установлено, что развитие ры-

ночных отношений и появление острой конкуренции (к 1998 г.) привели к изменению психологического отношения к конкуренции. Господствовавшее первоначально (в начале 1990-х гг.) положительное отношение изменилось (к 1998 г.) на неоднозначное. При этом уменьшилось влияние на удовлетворенность предпринимательской деятельностью психологического отношения предпринимателя к конкуренции. В условиях реальной конкуренции фактором, влияющим на удовлетворенность результатами предпринимательской деятельности, стало не отношение к конкуренции как таковой, а оценка собственной конкурентоспособности. В целом, как свидетельствуют результаты их опросов, большая удовлетворенность предпринимательством связана с позитивным отношением к конкуренции и высокой оценкой собственной конкурентоспособности [45; 144; 145].

В дипломной работе, выполненной в МГУ в 1998 г. И.И. Серовой (научный руководитель – А.А. Донцов), изучалась взаимосвязь самоотношения личности и стилей поведения в конфликтной (остросостязательной) ситуации. Было выявлено, что наиболее популярными стратегиями поведения в острых ситуациях у старшеклассников были *приспособление* и *избегание*. Для юношей в большей степени характерна стратегия *конкуренции*; девушки чаще выбирали *кооперативные* формы взаимодействия (компромисс и сотрудничество). Обнаружена взаимосвязь между особенностями самоотношения и предпочитаемой стратегией поведения:

а) *соперничество* – повышенная самоуверенность, представление о себе как об основном источнике собственной успешности в жизни, переживание своей необыкновенности, уникальности, сверхличности для окружающих, отсутствие обвинительных, уничижающих реакций в адрес собственного Я;

б) *компромисс* – ощущение ценности собственной личности, глубокое чувство симпатии по отношению к себе, отсутствие внутренней конфликтности, наличие уверенности в собственных силах;

в) *сотрудничество* – неуверенность, наличие сильно выраженных самообвинительных тенденций, низкий уровень самопринятия и самопривязанности;

г) *приспособление* – внутренняя конфликтность личности (наличие сильных агрессивных реакций на себя, «альтруистическое подчинение»), низкие показатели по шкале саморуководство, проявление конформного поведения;

д) *избегание* (защитная реакция личности при столкновении со сложной ситуацией) – отрицательная корреляция со шкалой «внутренняя честность» (что свидетельствует о низком уровне рефлексии, самосознания) [166, с. 86–87].

Своеобразная попытка исследования кооперативно-конфликтных установок личности была предпринята во второй половине 1990-х гг. М.А. Джериевской [33]. Основной акцент автором сделан на методических вопросах обеспечения валидности и надежности целостной диагностики и экспертизы установок коммуникативного поведения личности с позиции системно-деятельностного подхода, в частности, совместном использовании игрового, психосемантического и стандартизированного опросникового методов исследования. «Ценность данного подхода состоит в возможности анализа сознания и поведения в единстве коммуникаций субъекта, раскрывающего особенности невербализованных смысловых образований, воплощающихся в реальном поведении. Поэтому целью исследования было установление функциональной взаимосвязи категориальных структур семантических пространств межличностного восприятия и кооперативно-конфликтных установок личности с целью прогноза коммуникативного поведения субъекта» [33, с. 65]. Но, к сожалению, в данном фундаментальном исследовании кооперативно-конфликтные установки оказались, скорее, фоном для построения «косвенных индикаторов коммуникативных установок на основе специфики трансформации семантических пространств для прогноза и коррекции поведения субъектов и определения диагностического потенциала используемых в эксперимента фотоизображений человеческих лиц с целью последующего создания оригинального психодиагностического средства для оценки кооперативно-конфликтных установок» [33, с. 66, 155].

Л.М. Митина, анализируя психологические аспекты конкурентоспособной личности [127], отмечала, что «кооперативное обучение представляет со-

бой такую форму обучения, при которой учащиеся работают в группе для достижения какой-то определенной цели или для выполнения какого-либо задания. Преимущества такой формы работы, на наш взгляд, неоспоримы:

1. Модель кооперативного обучения является альтернативой модели, основанной на соперничестве (конкуренции).

2. Кооперативное обучение улучшает академическую успеваемость.

3. Учащиеся могут учиться друг у друга.

4. Кооперативная модель также используется для улучшения взаимоотношений между различными группировками в классе [127, с. 269–270].

Существуют многочисленные доказательства в поддержку использования моделей коллективного (кооперативного) обучения с целью улучшения познавательных процессов, эмоциональных и межличностных взаимоотношений в классе. И поэтому автор приходит к заключению, что кооперативное обучение представляет собой мощный инструмент развития человека и улучшения качества обучения [127, с. 272].

Как видно из проделанного обзора по данной проблеме, в последнее десятилетие исследования по данной проблематике фактически отсутствуют. Слабым утешением являются: обращение к феномену состязательности как составной части межличностного конфликтного взаимодействия Н.В. Гришиной [30, с. 276–278; 107], использование состязательности для описания групповой деятельности с позиций организационной социальной психологии Л.Г. Почебут и В.А. Чикер [149], экспериментальное изучение в дипломной работе взаимосвязи между особенностями самоотношения личности и предпочитаемой стратегии состязательного поведения И.И. Серовой [166], исследование на протяжении нескольких лет психологического отношения к конкуренции как одной из характеристик предпринимательства психологами института психологии РАН [45; 144]. На этом небольшом перечне работ интерес к данной проблематике российских социальных психологов фактически исчерпывается.

Подводя итоги анализа проблемы состязательности отечественными исследователями, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, изучение данного явления в России (СССР) имело определенные общие черты с общенаучной мировой традицией. Это и начало истории исследований состязательности с конца XIX столетия, и одновременное внедрение метода эксперимента с первых десятилетий XX в. для изучения данной проблемы (В.М. Бехтерев), и явное предпочтение (и даже ограничение области исследования) двух форм состязательности (кооперации и конкуренции) в теоретическом и эмпирическом исследовании, и рассмотрение состязательности как одного из основных источников возникновения сверхнормативной активности субъектов взаимодействия, и анализ состязательности или в отрыве от процесса совместности, или, в лучшем случае, как внешнего фактора развития совместности, и преобладание изучения данной проблематики (состязательности) как производной (периферийной) составной части изучения других социальных и психологических явлений (конфликтов, стратегий поведения, мотивации, социального и психологического влияния, коллектива, личности и др.).

С другой стороны, российский опыт исследования состязательности имел и ряд неповторимых особенностей. Прежде всего, необходимо отметить, что в России при изучении состязательности явно преобладали или марксистский (П. Кропоткин, В.И. Ленин и др.), или естественнонаучный подходы (В.М. Бехтерев и его последователи). Во-вторых, исследование данной проблемы в социальной психологии прерывалось на длительные временные отрезки (первый раз – с середины 1930-х до конца 1950-х гг., второй раз – с конца 80-х до конца 90-х гг. XX в.). В-третьих, сильное идеологическое давление и доминирование марксистской методологии при изучении состязательности в СССР вылились в то, что практически все исследователи, начиная с П. Кропоткина, выделяли кооперацию (сотрудничество) в качестве приоритетного вида состязательности, и именно советские ученые стали пионерами в разработке и обосновании сущности такого нового социального и социально-психологического явления (новой категории), как *социалистическое соревнование*. К со-

жалению, в силу все того же идеологического влияния большинство советских социальных психологов ограничивало предмет своего анализа рамками только одного из видов состязательности – социалистического соревнования, практически игнорируя (не используя) при этом такое мощное средство научного анализа, как сравнение его с другими видами состязательности. По этой же причине в социально-психологических исследованиях соревнования явно преобладал акцент на изучение прикладных сторон соревнования.

1.3. ОСНОВНЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ТРУДНОСТИ АНАЛИЗА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В ЗАРУБЕЖНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

1.3.1. ПРЕОБЛАДАЮЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ В ИЗУЧЕНИИ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ

Западная классическая социальная психология первой половины XX в. предложила несколько вариантов понимания сущности состязательности:

а) как явления, возникновение и особенности которого определяются через интрапсихические процессы;

б) как явления, природа которого детерминируется прежде всего ситуацией;

в) как явления, для постижения которого необходим не только учет личностных особенностей и объективной ситуации, но и понимание субъективной интерпретации человеком происходящего.

Разные направления классической психологии предложили не только различные подходы к пониманию природы состязательности, но и многообразные средства изучения этого явления. Представители интрапсихической ориентации обогатили своими идеями и опытом исследования то, что может быть условно обозначено как эмоциональная (мотивационная) сторона состязательности (то есть то, что связано с чувствами, переживаниями и желаниями субъектов взаимодействия). Сторонниками ситуационного подхода был тщательно проанализирован и изучен «поведенческий» компонент состязательно-

сти. Когнитивисты выделили когнитивную сторону, объединили ее с эмоциональным и поведенческим компонентами и заставили взглянуть на социально-психологические явления (в том числе и на состязательность), как на более субъективные феномены, чем это предполагалось другими теоретическими ориентациями. К сожалению, чаще всего различные теоретические подходы к исследованию состязательности не только отстаивали право на свое существование в споре с другими направлениями, но и претендовали на универсальность (на право быть единственно верной) предложенной ими объяснительно-описательной модели. Для современной социальной психологии характерен более взвешенный, интегрированный, системный подход, учитывающий все стороны психологического явления, нередко тем не менее делающий осознанный акцент на изучение одного из компонентов состязательности и отдающий приоритет практической направленности исследований данного феномена. Особое место в психологической теории состязательности принадлежит М. Дойчу. Теория кооперации и конкуренции М. Дойча, являясь разновидностью ситуационного подхода, опирается на модель мотивационной ориентации «двойной интерес» («свой интерес» – «интерес другого») и описывает состязательность как следствие объективного столкновения интересов *субъектов* взаимодействия. В ней наиболее полно представлены и тщательно проанализированы основные типы состязательности (в разные периоды он выделял от 2 до 16 типов состязательности). Сделанные М. Дойчем теоретические обобщения и выводы опираются на богатейшие эмпирические данные. Это касается, в первую очередь, описания основных стратегий состязательного взаимодействия, детерминирующих их факторов и последствий использования различных типов состязательности. И несмотря на некоторую методологическую, теоретическую и методическую ограниченность данного подхода, характерную для своего времени, Мортон Дойч является, безусловно, до сих пор наиболее почитаемым авторитетом среди исследователей проблем состязательности. Теоретическая позиция М. Дойча была продолжена и в дальнейшем стала традиционной для подавляющего большинства современных иссле-

дователей состязательности, а некоторые закономерности, выделенные им, превратились в своеобразные аксиомы изучения состязательности. Широта распространения и долговечность идей М. Дойча в области состязательности опираются на удачное сочетание исследователем психологического, социально-психологического и социологического подходов при изучении данного явления. Более того, конкурентно-кооперативную теорию межличностного взаимодействия М. Дойча можно представить как своеобразную теоретическую вершину в данной области, на которую подавляющее большинство исследователей пока вынуждено любоваться снизу.

Современные исследования состязательности имеют несколько ярко выраженных особенностей:

– подавляющее большинство работ посвящено изучению *отдельных* проблем состязательности *прикладного* характера;

– по-прежнему не ослабевает интерес к исследованию данного феномена с использованием игровых экспериментальных процедур (типа «Дилемма узника»);

– преобладает изучение состязательности как одной из сторон или проявлений проблемы конфликтов;

– широко распространен междисциплинарный подход (на стыке таких наук, как психология, социальная психология, социология, экономика, теория управления, биология и др.).

К сожалению, не наблюдалось особых прорывов, после М. Дойча, в области методологии и теории состязательности. Исследователи фактически не выходят за пределы тех обобщений и выводов, касающихся сущности состязательности, которые сделаны в работах ведущих представителей ситуационистского и когнитивистского направлений. Тем не менее современными исследователями получен целый ряд интересных эмпирических фактов, затрагивающих и природу состязательности, и отдельные ее проблемы (механизмы, типы, факторы, эффекты и др.).

Так, Б. Бонту и его коллегам удалось уточнить механизмы функционирования кооперативно-конкурентных процессов, получить факты об определенном приоритете кооперации перед конкуренцией, дополнить эмпирическими результатами многочисленные обобщения о последствиях различных видов состязательности.

Большое внимание уделяется изучению взаимозависимости межличностных и межгрупповых состязательных взаимоотношений. J. Rabbie уточняет гипотезу «эффекта разрыва–прерывности» G. Schopler и C. Insko, утверждающую, что группы обладают большей конкурентностью, чем индивиды, предложив рассматривать ее как частный случай более общей кооперативной гипотезы взаимного обмена (взаимозависимости), в соответствии с которой группы могут взаимодействовать и более кооперативно, чем индивиды. Аксельродовская эволюционная модель развития кооперации также занимает заметное место как пример достаточно удачного междисциплинарного анализа состязательности. Причем эта линия (исследование состязательности как эволюционного процесса с использованием игровой экспериментальной методики социальной дилеммы) получила наибольшее распространение в социальной психологии. Именно в русле данной ориентации выполнено большое количество работ, посвященных изучению взаимосвязи между интергрупповой и интрагрупповой состязательностью, способам (средствам) оптимизации переговорного процесса и конструктивного разрешения конфликтного (острого) взаимодействия, выявлению основных детерминант состязательности, эффектов конкуренции-кооперации.

В современных исследованиях состязательности достаточно большое внимание практически всеми авторами уделяется анализу различных детерминант данного социально-психологического феномена. Традиция такого повышенного внимания к этому аспекту состязательности была заложена еще М. Дойчем. Сейчас в объяснении состязательного поведения доминирует подход, в рамках которого закономерности этого поведения рассматриваются в терминах взаимодействия, реципрокного влияния, субъективного восприятия

этих процессов, вклада и ситуационных, и диспозиционных детерминант. Традиционно эти детерминанты разделяются на несколько основных блоков:

– факторы макросреды (социальные, социально-экономические, социально-политические, социокультурные, этнические условия и др.);

– факторы микросреды (условия непосредственного взаимодействия, взаимосвязь интер- и интрагруппового взаимодействия, влияние системы вознаграждений и «приобретений–потерь», структуры впечатлений, субъективный образ ситуации, способ передачи информации и др.);

– индивидуально-психологические (в том числе индивидные и генетические) факторы.

В социально-психологической литературе состязательность чаще всего и прежде всего рассматривается в контексте общей системы взаимодействий, акцентируя внимание на системе непосредственных интеракций, отличающихся содержанием, направленностью, интенсивностью, глубиной контактов и другими характеристиками. При этом необходимо отметить, что именно при изучении состязательности социальные психологи раньше всего и чаще всего выходили за рамки более привычного для них объекта экспериментального исследования – малой группы (диады), а начиная с М. Шерифа, внимание исследователей редко сужается ниже уровня анализа взаимосвязи межличностных и межгрупповых состязательных отношений. Вклад современных исследователей состоит в достаточно детальном и значительном уточнении действия отдельных компонентов микросреды на формирование и функционирование состязательности (можно, например, напомнить фундаментальную уточняющую гипотезу взаимодополнительности J. Rabbie, которая превратила «гипотезу разрыва» J. Schopler и C. Insko в свой частный случай, и многое другое).

Современные исследователи состязательности, не переоценивая роль и значение интрапсихических факторов, тем не менее достаточно много внимания им уделяют, чаще всего связывая выбор (предпочтение) того или иного вида состязательности с такими индивидуально-психологическими характеристи-

ками, как установки, ценностные ориентации участников состязания, когнитивные и эмоциональные компоненты доверия и т.д.

В 80–90-е гг. XX в. в связи с широким распространением когнитивистской парадигмы в социальной психологии увеличилось количество исследований отдельных компонентов когнитивного процесса состязательности. Выдвигая в качестве главных детерминант состязательности процессы социальной перцепции, когнитивисты предложили и экспериментально подтвердили ряд практических рекомендаций по регулированию остроты состязательных отношений в реальных жизненных условиях: через механизм снижения категоризационных границ и организацию восприятия большего сходства с аутгруппой.

Комплексный подход к изучению состязательности также потребовал от исследователей учета индивидных (пол, возраст и т.п.) и генетических детерминант.

Но наибольшее внимание практически всех без исключения исследователей привлекали и привлекают разнообразные *последствия* состязательности. Большая часть исследователей чаще всего получала эмпирические данные, свидетельствующие о более положительных последствиях кооперативного взаимодействия по сравнению с конкурентным в различных сферах жизнедеятельности. Но не намного меньше получено эмпирических фактов, доказывающих негативные эффекты кооперации и более высокую продуктивность конкурентности. В целом результаты многочисленных исследований различных авторов свидетельствуют о достаточно неоднозначных последствиях того или иного вида состязательности. Хотя нельзя не отметить тем не менее, что позитивные эффекты кооперации более ярко выражены, особенно в той области, которая связана с социальной и межличностной сторонами нашей жизнедеятельности. И почти никто из авторов не отвергает ни конкуренцию, ни кооперацию как полезные (эффективные) в определенное время и в определенной ситуации (социальной, межличностной, проблемной и т.д.) виды состязательности.

Нужно также отметить, что с годами предмет исследования эффектов состязательности постепенно углублялся и усложнялся, происходил постепенный пе-

реход от изучения отдельных проблем, сторон последствий кооперации–конкуренции к комплексному изучению эффектов интергрупповой-интрагрупповой состязательности с учетом влияния более широкого социального окружения и интрапсихических факторов. Основными же причинами неоднозначности (определенной противоречивости) результатов эмпирических исследований западных социальных психологов проблемы влияния состязательности на эффективность деятельности индивида и группы можно выделить следующие:

– традиционное доминирование при изучении данного феномена метода лабораторного эксперимента (прежде всего игровых методов типа «Дилемма узника») с вытекающими отсюда слабостями и ограничениями;

– слабая связь проводимых исследований с более широким социальным окружением, ограниченность целей деятельности (в том числе и содержанием выполняемой деятельности);

– практически отсутствие четкого, устоявшегося понятия состязательности, следствием чего является или ограничение предмета исследования лишь двумя ведущими видами состязательности (конкуренцией и кооперацией), или смешение (путаница) основных видов состязательности;

– анализ феномена состязательности фактически в отрыве от процессов групповой динамики (использование состязательности в качестве одного из критериев совместности, в значительной степени детерминирующего «изнутри» качественное своеобразие развития социальных групп, в этих исследованиях отсутствует).

Осуществленный обзор основных теоретических подходов, результатов эмпирических исследований феномена состязательности, краткий исторический анализ развития основных форм состязательности подтверждают правильность выбранного нами направления изучения данной проблемы. Основными формами (типами) состязательности чаще всего (традиционно) выделяются конкурентность и сотрудничество (кооперация), очень редко – индивидуалистичность (избегание), и фактически выпала из поля зрения исследователей такая форма состязательности, как альтруистичность (подчинение). Также

необходимо отметить, что во всех без исключения подходах анализируется только одна сторона (вектор) состязательности – направленность (на себя, на других, на проблему и т.д.) и отсутствует второй обязательный вектор – интенсивность, который конкретизирует, уточняет, придает объем (рельефность) изучаемому явлению (но и усложняет его анализ). Это одна из общих типичных черт изучения состязательности всеми исследователями независимо от их географической принадлежности или теоретической ориентации. Кроме того, общими чертами, объединяющими зарубежные и отечественные подходы к состязательности, являются:

а) явно доминирующий интерес к отдельным проблемам данного явления (чаще всего в поле зрения ученых попадали проблемы или факторы, обусловливающие динамику состязательных процессов, или эффекты состязательности; значительно реже их внимание привлекали механизмы, структура состязательности и тем более – целостное, системное рассмотрение данного феномена);

б) преобладание прикладных исследований (исключение составляют лишь несколько работ и, прежде всего, – теоретические обобщения М. Дойча);

в) анализ состязательности как одного из основных источников повышения активности субъектов взаимодействия и игнорирование внутренней взаимосвязи данного явления с процессами совместности (своеобразный параллелизм процессов состязательности и совместности);

г) преимущественное распространение изучения проблематики состязательности как составной части других социальных и психологических явлений (конфликтов, переговорных процессов, стратегий поведения и др.).

Кроме того, зарубежные исследования отличаются более последовательным, устойчивым (непрерывным) и взвешенным подходом к состязательности как дихотомическому процессу (во всех без исключения работах состязательность рассматривается как кооперативно-конкурентное явление). Поэтому неудивительно, что им удалось сделать определенные уточнения закономерностей функционирования данного феномена (например, закономерность взаимосвязи интергрупповой и интрагрупповой состязательности, обозначенная от-

крывшими ее авторами J. Schopler и C. Insko как гипотеза «разрыва», была уточнена J. Rabbie и превратилась в частный случай более фундаментальной гипотезы «взаимодополнительности») и прийти к выводу о том, что, несмотря на более ярковыраженные позитивные эффекты какого-то одного типа состязательности (чаще – кооперации), тем не менее оптимальным вариантом повышения эффективности благодаря состязательности является адекватное использование всех без исключения типов и видов состязательности в соответствии с требованиями времени, ситуации и потребностями личности (то есть ни один из видов состязательности не отвергается в качестве полезного).

Традиционным для зарубежной социальной психологии является, с одной стороны, методологическое и теоретическое многообразие при изучении состязательности, с другой – явное доминирование в исследованиях метода лабораторного эксперимента (и, прежде всего, игровых методов типа «Дилемма узника»). Зарубежными авторами также значительно чаще использовался междисциплинарный подход к изучению состязательности (то есть они чаще привлекали данные из области социологии, экономики, теории управления, биологии и т.д.).

Отечественные (российские и советские) исследования состязательности отличают:

– теоретико-методологическая ограниченность в изучении данного явления лишь двумя ориентациями – марксистской (доминирующей) и естественнонаучной;

– временная прерывистость исследований (по независящим от социальных психологов причинам);

– излишнее доминирование интереса (исследований) только к одному полюсу состязательности – кооперации (и фактически был наложен запрет в советское время на изучение других типов состязательности, прежде всего конкуренции), привело, с одной стороны, к выделению и обоснованию сущности нового социального и социально-психологического типа состязательности – социалистического соревнования, с другой – в данной новой кате-

гории фактически произошло совмещение (смешение) двух типов состязательности – кооперации и подчинения («альтруистичности»), что в значительной степени снизило последствия (эффективность) данного явления как в реальной жизни, так и в эмпирических исследованиях и резко негативно сказалось на теоретическом анализе такого целостного феномена, как состязательность.

Необходимо также особо отметить, что рассмотрение всей, более широкой проблемы сравнения индивидуальной и групповой деятельности сквозь призму состязательности позволит: а) включить все эти исследования состязательности в систему «личность–группа–общество» с указанием конкретного места каждого социально-психологического явления в данной системе; б) объяснить и уточнить причину неоднозначности (противоречивости) полученных эмпирических фактов о взаимовлиянии субъектов взаимодействия (индивид–индивид, индивид–группа, группа–группа и т.д.); в) целенаправленно формировать и прогнозировать эффективность взаимовлияния субъектов в зависимости от сложившихся форм состязательности и от уровня развития отношений совместности (коммюнитарно-коллективистских отношений в группе).

В целом, по результатам осущетвленного историко-теоретического анализа можно сделать заключение, что представления о феномене состязательности достаточно расплывчаты и аморфны, а выявленные закономерности – противоречивы. И только в одном все исследователи состязательности единодушны – в значимости данного явления для различных сторон социальной реальности.

1.3.2. ПРЕПЯТСТВИЯ И СЛОЖНОСТИ В ИССЛЕДОВАНИИ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ

Таким образом, выше были рассмотрены основные результаты и представления по проблеме состязательности, имеющиеся к настоящему времени в социальной психологии как с точки зрения их становления и развития, так и в аспекте их современного состояния. Обобщая результаты осуществленного

анализа, необходимо подчеркнуть, что в этих подходах и теоретических представлениях данная проблема получила значительное и многоплановое развитие. В них установлены разнообразные и достаточно значимые результаты как теоретического, так и эмпирико-феноменологического плана, осуществлено несколько обобщений концептуального масштаба (М. Дойч, R. Axelrod, B. Bonta, Ю. Касюлис, М. Кекелия, В. Костюшев и др.). Все это составляет благодатную концептуальную основу дальнейшего изучения данного феномена и должно выступать в качестве исходного материала для продолжения и углубления таких исследований. Наряду с этим и для того, чтобы корректно и обоснованно уточнить вытекающие из общей логики развития проблемы состязательности направления ее приоритетной разработки (определить общую стратегию исследования данного феномена), необходимо все эти результаты и особенности обобщить и подвергнуть анализу несколько в ином, критическом, ракурсе. Иначе говоря, следует сместить акцент рассмотрения феномена состязательности с преимущественно "позитивной", результативной составляющей на в основном "проблемную", критическую сторону анализа. Другими словами, требуется выделить те особенности, которые, оформившись исторически и выступая как основные, в настоящее время оказывают не вполне позитивное влияние на разработку социальной психологии состязательности, сдерживают ее развитие. Эти трудности и проблемы должны быть подвергнуты критическому анализу как необходимому и адекватному средству их конструктивного преодоления.

На основе осуществленного ранее анализа можно сделать заключение, что современное состояние проблемы состязательности характеризуется следующей совокупностью ключевых особенностей: выраженная аспектность ее разработки, аналитичность большинства подходов к ее изучению, фрагментарность и мозаичность представлений о данном феномене, нерешенность центрального вопроса психологии состязательности связанного с определением метасистемы по отношению к состязательности, преобладание эмпирических (прикладных) исследований над теоретическими (концептуальными), феноме-

нологизм в ее анализе, преобладание описательных схем и подходов, эклектизм в общем подходе к рассмотрению состязательности.

Как известно из методологии научного исследования в целом и психологического исследования, в частности, все отмеченные выше особенности представляют собой своеобразные индикаторы преимущественно аналитического подхода к разработке той или иной проблемы, аналитической стадии развития представлений по данному феномену [56]. Именно аналитический подход, в силу атрибутивно присущих ему методологических установок и его общей исследовательской ориентации, обусловливает все те черты, которые присущи в настоящее время разработке феномена состязательности.

Отсюда следует вполне обоснованный и значимый для общей характеристики современного состояния проблемы состязательности и определения перспектив ее дальнейшего развития вывод, что данная проблема находится на аналитической стадии своего развития и в ее разработке преобладает аналитический подход. Собственно доминированием аналитического подхода как ведущей парадигмы современного состояния проблемы состязательности возникают и объясняются те особенности этого состояния, которые были отмечены ранее по отношению к изучению состязательности. Необходимо при этом учитывать, что аналитическая стадия развития любой проблемы и аналитический подход к ее разработке - это вполне закономерная фаза развития всех научных проблем, направлений и дисциплин [56, с.130]. Но как и любая стадия, аналитическая стадия неизбежно должна быть преодолена, а вместе с ней преодолены и свойственные ей трудности гносеологического плана. На смену этой стадии должен прийти следующий, более современный и изобилующий более высокими эвристическими возможностями подход, свидетельствующий о переходе к следующей стадии разработки, к другой методологии. Как известно в методологии научного познания таким подходом является принципиально иной по отношению к аналитическому - системный подход [56, с.131]. Отсюда следует, что наиболее общей перспективой и направлением дальнейшего анализа феномена состязательности выступает необходимость изменения общей пара-

дигмы ее исследования с аналитического подхода на преимущественно системный. Потребность в таком переходе вытекает из отмеченных выше ключевых особенностей, характерных для современного состояния анализа состязательности и которые существенно затрудняют ее дальнейшее конструктивное развитие.

Подчеркнем также, что доминирование аналитического подхода над системным является наиболее важной причиной не только отсутствия целостной, обобщающей концепции состязательности, но и причиной фактического отсутствия попыток разработки такой обобщающей теории. И это закономерно, так как аналитический подход, вследствие своей методологической ориентации и эвристических возможностей, не дает обобщенного и целостного раскрытия предмета изучения и не может представлять адекватную основу для разработки целостной концепции.

Необходимо также учесть еще одну особенность сложившихся представлений по проблеме состязательности. Она состоит в том, что к настоящему моменту существует определенное число частных, парциальных концепций состязательности или еще более редукционистских локальных представлений, связанных с одной из сторон проблемы состязательности, но по существу отсутствует обобщающая концепция состязательности. Отсюда следует, что преобладающим является не только аналитический подход к исследованию проблемы состязательности, но и сама эта проблема находится фактически на предтеоретической стадии своего развития. Более того, нахождение данной проблемы на предтеоретической стадии является главным следствием превалирования аналитической методологии в ее изучении. Именно данная методология формирует те особенности изучения феномена состязательности, которые отмечались ранее (фрагментарность, описательность, эклектизм и др.). Отсюда объективно необходимым представляется решение двуединой задачи исследования феномена состязательности:

- перехода от аналитической методологии изучения состязательности к системной;

- перевода проблемы состязательности с предтеоретической стадии развития на теоретическую (концептуальную).

Осуществленный обзор основных теоретических подходов, результатов прикладных исследований феномена состязательности, краткий анализ развития основных форм состязательности и совместности в филогенезе и онтогенезе позволили, с одной стороны, выявить наиболее слабые места в изучении данного явления, с другой – предложить конкретный вариант выхода из сложившейся ситуации. Как большинство эмпирических проблем, исследование состязательности претерпевает в своем развитии два этапа. Первый этап, на котором данная проблема фактически остается, - аналитическая стадия, заключающаяся в рассмотрении отдельных видов и сторон состязательности, факторов их обусловливающих, последствий. Эта аналитическая (предтеоретическая) фаза рано или поздно должна быть сменена на более зрелую, системную, концептуальную фазу, когда доминирует уже не аналитическое, а структурное, системное исследование, то есть целостный охват данного явления. Аналитическая фаза, на которой длительное время разрабатывалась данная тема подошла к своему исчерпанию и в силу обилия материала, и вследствие недостаточности объяснительных схем (их малой мощности). Этим была обусловлена необходимость поиска новых подходов, которые представляют собой прежде всего переход с аналитической фазы на системную. Таким образом, актуальность настоящего исследования получает, помимо предметного и методологическое обоснование, заключающееся в переводе анализа состязательности на иной уровень развития - с начального, аналитического уровня исследования на целостный, системный. Особо отмечается, что природа (сущностные характеристики) феномена состязательности пока размыта и с трудом «улавливается» при анализе данного явления с позиций традиционного системного подхода, так как этот феномен представляет собой универсальное средство, один из способов функционирования, выживания, адаптированности социального субъекта (личности) в социальной среде в процессе социального взаимодействия. Уловить содержательную сущность состязательности и выделить ее тяжело, но возможно.

В процессе изучения состязательности, при переходе с аналитической фазы анализа феномена состязательности на теоретическую, возникает определенная проблема, состоящей в своеобразном парадоксе "растворения" предмета исследования. Создавшаяся проблемная ситуация во многом была обусловлена первоначальным использованием не совсем адекватного варианта системного подхода в анализе феномена состязательности.

Как отмечается рядом исследователей (В.А. Барабанщиков [7], А.В. Карпов [57], В.А. Лекторский [105] и др.), существуют по крайней мере два варианта системного подхода - онтологический и гносеологический. Онтологический вариант системного подхода применим тогда, когда предмет исследования является истинной системой.

Наш же объект исследования (состязательность) не является таковым. Феномен состязательности не есть онтологическая система, это нечто такое, что имеет меньшую степень жесткости организации, там нет целостности, но есть единство, там есть организация, но нет онтологической завершенности. Поэтому мы сталкиваемся вроде бы с противоречием, заявляя, что реализуем системный подход к этому объекту (состязательности), а сам объект не системен. Но это не означает, что не может быть реализован системный подход к таким объектам, которые не являются системами, но которые могут быть рассмотрены как система. А это уже означает, что необходимо использовать гносеологический вариант системного подхода. Наш объект (состязательность) не является истинной системой, а мы пытаемся на него "наложить" системный (и метасистемный) подход. Если действовать формально и прямолинейно, то ничего хорошего не получается, кроме аморфности и "растворения" предмета исследования, вследствие некорректности использования вариантов системного подхода: объект анализа диссипативен, а мы пытаемся рассмотреть его как истинную систему. Но существующий второй - гносеологический - вариант системного подхода помогает преодолеть это противоречие. Именно гносеологический вариант анализа системного подхода предполагает реализацию системного подхода к таким неистинным, диссипативным объектам как состязатель-

ность, которые могут быть только рассмотрены как система. То есть гносеологический, концептуальный подход к таким неистинным системам предполагает их рассмотрение всесторонне, комплексно в соответствии со структурно-системным подходом.

Выводы по главе 1

Данная глава знакомит с результатами теоретических и эмпирических исследований социально-психологической феноменологии состязательности, ее структурных элементов, особенностей, факторов, последствий, осуществленных в социальной психологии за последние полтора столетия.

В зарубежной социальной психологии выделено несколько основных этапов изучения состязательности и отдельных ее видов. Отмечается, что состязательность как предмет научного анализа уже длительное время (более полутора столетий) находится в поле непосредственного внимания исследователей, начиная, по крайней мере, с ранних социалистов-утопистов. Представители «органического направления» в ранней социологической мысли, К. Маркс с диалектическим подходом, сторонники конфликтологического направления внесли неоценимый вклад в постановку и развитие предмета состязательности. Но психологическая, и особенно социально-психологическая, традиция изучения состязательных отношений является наиболее богатой и развитой. Начиная с ранних работ, в которых субъект наделялся либо «социальными инстинктами», обеспечивающими стремление к кооперации с другими людьми, либо, напротив, конкурентными (враждебными) и эгоистическими интересами, психологи занимались поиском основ согласия и вражды, сотрудничества и конкуренции между людьми. Западная классическая психология первой половины XX в. предложила несколько вариантов понимания сущности состязательности:

а) как явления, возникновение и особенности которого определяются через интрапсихические процессы (психоаналитическое направление);

б) как явления, природа которого детерминируется прежде всего ситуацией (ситуационный подход);

в) как явления, для постижения которого необходим не только учет личностных особенностей и объективной ситуации, но и понимание субъективной интерпретации человеком происходящего (К. Левин и когнитивисты).

Подчеркивается, что чаще всего различные теоретические подходы к исследованию состязательности не только отстаивали право на свое существование в споре с другими направлениями, но и претендовали на универсальность предложенной ими объяснительно-описательной модели. Отмечается, что для социальной психологии середины XX столетия характерен более взвешенный подход, учитывающий разные стороны психологического явления, чаще всего, тем не менее, делающий осознанный акцент на изучении одного из компонентов состязательности и отдающий приоритет практической направленности исследований данного феномена. Отмечается, что хотя современные исследователи фактически не выходят за пределы тех обобщений и выводов, касающихся сущности состязательности, которые сделаны в работах ведущих представителей ситуационистского и когнитивистского направлений, тем не менее, ими получен целый ряд интересных эмпирических фактов, затрагивающих и природу состязательности, и отдельные ее проблемы (механизмы, типы, факторы, эффекты и др.).

Но наибольшее внимание практически всех исследователей привлекали и продолжают привлекать разнообразные последствия состязательности. Показано, что большая часть исследователей чаще всего получала эмпирические данные, свидетельствующие о более положительных последствиях кооперативного взаимодействия по сравнению с конкурентным в различных сферах жизнедеятельности Ненамного меньше получено эмпирических фактов, доказывающих негативные эффекты кооперации и более высокую продуктивность конкурентности.

Отмечается, что основными причинами неоднозначности (противоречивости) результатов эмпирических исследований проблемы влияния состязательности на эффективность деятельности индивида и группы западных социальных психологов выступают:

– традиционное доминирование при изучении данного феномена метода лабораторного эксперимента (прежде всего игровых методов типа «дилемма узника») с вытекающими отсюда слабостями и ограничениями;

– слабая связь проводимых исследований с более широким социальным окружением, ограниченность целей деятельности (в том числе содержанием выполняемой деятельности);

– практически отсутствие четкого, устоявшегося понятия состязательности, следствием чего является или ограничение предмета исследования лишь двумя ведущими видами состязательности (конкуренцией и кооперацией), или смешение (путаница) основных видов состязательности;

– анализ феномена состязательности фактически в отрыве от процессов групповой динамики.

Изучение данного явления в России (СССР) имело определенные общие черты с общенаучной мировой традицией: это начало истории исследований состязательности с конца XIX столетия; и одновременное внедрение метода эксперимента с первых десятилетий XX в. для изучения данной проблемы; явное предпочтение (и даже ограничение области исследования) двух форм состязательности (кооперации и конкуренции) в теоретическом и эмпирическом исследовании; и рассмотрение состязательности как одного из основных источников возникновения сверхнормативной активности субъектов взаимодействия; анализ состязательности или в отрыве от процесса совместности, или, в лучшем случае, как внешнего фактора развития совместности; преобладание изучения данной проблематики (состязательности) как производной (периферийной) составной части изучения других социальных и психологических явлений (конфликтов, стратегий поведения, мотивации, социального и психологического влияния, коллектива, личности и др.).

С другой стороны, российский опыт исследования состязательности имел и ряд неповторимых особенностей: в России при изучении состязательности явно преобладал или марксистский, или естественнонаучный подход; исследование данной проблемы в социальной психологии прерывалось на длитель-

ные временные отрезки (первый раз – с середины 1930-х до конца 1950-х гг., второй раз – с конца 80-х до конца 90-х гг. XX в.); сильное идеологическое давление и доминирование марксистской методологии при изучении состязательности в СССР вылилось в то, что практически все исследователи, выделяли кооперацию (сотрудничество) в качестве приоритетного вида состязательности, и именно советские ученые стали пионерами в разработке и обосновании сущности такого нового социального и социально-психологического явления как *социалистическое соревнование*; в силу все того же идеологического влияния большинство советских социальных психологов ограничивали предмет своего анализа рамками только одного из видов состязательности – социалистического соревнования, по этой же причине в социально-психологических исследованиях соревнования явно преобладал акцент на изучение его прикладных сторон.

Анализ основных подходов к сущности состязательности в 60–80-е гг. позволил вполне обоснованно сделать выводы о том, что социально-психологическая природа состязательности изучена у нас в стране еще недостаточно полно и что до настоящего времени нет общепринятого определения такого социально-психологического понятия, как состязательность. Особо отмечается, что введение в советскую социальную психологию новой категории «социалистическое соревнование» сыграло не только положительную роль (значительно стимулировало интерес социальных психологов к данной проблеме, увеличило социальный заказ на разработку данной проблемы), но и негативную: а) ограничило анализ состязательности в лучшем случае изучением традиционной дихотомии кооперация-конкуренция (при игнорировании других видов состязательности: индивидуалистичности, альтруизма и др.); б) чрезмерно акцентировало внимание исследователей лишь на одной важнейшей функции состязательности – создании новой сверхнормативной активности субъектов состязательных отношений – и парадоксальным образом устранило из поля зрения исследователей взаимосвязь состязательности и совместности; в) ограничило изучение состязательности одной сферой жизнедеятельности – трудовой; г) достаточно жесткая и прямая связь категории «социалистическое сорев-

нование» с социальной реальностью привела к тому, что устранение из социальной практики социалистического соревнования (конец 1980-х гг.) фактически повлекло за собой прекращение научных исследований самого феномена состязательности на всем постсоветском пространстве.

В целом опыт изучения состязательности в зарубежной и отечественной социальной психологии позволил сделать следующие выводы. Социально-психологический анализ состязательности как разновидности взаимодействия и особой формы соактивности людей показал возможность выделения разных видов этого феномена: конкурентности, сотрудничества и др. Выявлено, что изучение состязательности осуществляется в основном в рамках традиционного дихотомического анализа ее внутренней феноменологии, нацелено на поиск детерминант формирования отдельных ее видов и их эффектов, содержательных характеристик и параметров состязательности. Выделены основные достижения и ограничения при изучении данного феномена на каждом из этапов. Отмечается, что в качестве основных форм состязательности чаще всего выделяют конкурентность и сотрудничество, очень редко – индивидуалистичность, и фактически выпала из поля зрения исследователей такая форма состязательности, как альтруистичность. Подчеркивается, что во всех без исключения подходах анализируется только одна сторона (вектор) состязательности – направленность (на себя, на других, на проблему и т.д.) и отсутствует второй обязательный вектор – интенсивность, который позволяет конкретизировать, уточнить, придать объем изучаемому явлению. Это одна из общих типичных черт изучения состязательности всеми исследователями независимо от их географической принадлежности или теоретической ориентации.

Показано, что в целом, по результатам историко-теоретического анализа можно сделать заключение о том, что представления о феномене состязательности достаточно расплывчаты и аморфны, а выявленные закономерности – противоречивы. И только в одном все исследователи состязательности единодушны – в значимости данного явления для различных сторон социальной реальности.

Осуществленный обзор основных теоретических подходов, результатов прикладных исследований феномена состязательности, краткий анализ развития основных форм состязательности и совместности в филогенезе и онтогенезе позволили, с одной стороны, выявить наиболее слабые места в изучении данного явления, с другой – предложить конкретный вариант выхода из сложившейся ситуации. Как большинство эмпирических проблем, исследование состязательности претерпевает в своем развитии два этапа. Первый этап, на котором данная проблема фактически остается, - аналитическая стадия, заключающаяся в рассмотрении отдельных видов и сторон состязательности, факторов их обусловливающих, последствий. Эта аналитическая (предтеоретическая) фаза рано или поздно должна быть сменена на более зрелую, системную, концептуальную фазу, когда доминирует уже не аналитическое, а структурное, системное исследование, то есть целостный охват данного явления. Аналитическая фаза, на которой длительное время разрабатывалась данная тема подошла к своему исчерпанию и в силу обилия материала, и вследствие недостаточности объяснительных схем (их малой мощности). Этим была обусловлена необходимость поиска новых подходов, которые представляют собой прежде всего переход с аналитической фазы на системную. Таким образом, актуальность настоящего исследования получает, помимо предметного и методологическое обоснование, заключающееся в переводе анализа состязательности на иной уровень развития - с начального, аналитического уровня исследования на целостный, системный. Особо отмечается, что природа (сущностные характеристики) феномена состязательности пока размыта и с трудом «улавливается» при анализе данного явления с позиций традиционного системного подхода, так как этот феномен представляет собой универсальное средство, один из способов функционирования, выживания, адаптированности социального субъекта (личности) в социальной среде в процессе социального взаимодействия. Уловить содержательную сущность состязательности и выделить ее тяжело, но возможно, что нашло свое отражение в последующих главах.

ГЛАВА 2. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ

2.1. МЕТОДОЛОГИЯ РАССМОТРЕНИЯ ФЕНОМЕНА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ

2.1.1. ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ

Как видно из осуществленного анализа исследований состязательности за рубежом и в России (СССР), роль и значение данного феномена для любого субъекта (от личности до общества в целом) не оспариваются практически никем и чаще всего сводятся к признанию за состязательностью: во-первых (и безусловно!), главного внутреннего источника дополнительной («сверхнормативной») активности субъекта (шире – данная закономерность описывается как изменение активности субъекта при вступлении его в тот или иной вид состязательных отношений); во-вторых, одного из основных критериев совместности, детерминирующего качественное своеобразие развития той или иной социальной общности (к сожалению, у большинства исследователей состязательность выступает в качестве не внутреннего признака, а внешнего фактора, обусловливающего развитие социальных групп). Но в дальнейшем взгляды (точки зрения) на содержание (сущность) отдельных видов состязательности, детерминирующие их факторы, механизмы функционирования, последствия (эффекты) состязательности, начиная с утопистов-социалистов, К. Маркса и Г. Лебона, чаще всего расходятся, чем совпадают.

Попытаемся внести определенную системную упорядоченность в данную проблему, которая обеспечит не только объемность и конкретизацию понятия состязательности, но и даст возможность сравнить результаты конкретных эмпирических исследований данного явления, осуществленных с различных методологических, теоретических и методических позиций. В своем анализе мы опираемся на более чем столетний опыт изучения данной проблемы как за рубежом (утописты-социалисты; ранняя социологическая

и социально-психологическая мысль, включая «органическое направление» У. Самнера, Л. Гумпловича, А. Смолла и др.; марксистский подход; конфликтологическое направление Г. Зиммеля, Р. Дарендорфа, Л. Козера и др.; психоаналитическая ориентация З. Фрейда, К. Хорни и др.; теория поля и групповая динамика К. Левина; ситуационный подход, включая представителей бихевиористской ориентации Дж. Долларда, Н. Миллера, А. Бандуру, Л. Берковица и др., «реалистической теории конфликтов» Т. Ньюкома, М. Шерифа и др., с теоретической вершиной изучения состязательности в виде «конкурентно-кооперативной теории межличностного взаимодействия» Мортона Дойча; когнитивистский подход Г. Тэжфела, Дж. Тэрнера и др.; современные исследования природы состязательности, факторов, детерминирующих процесс состязательности, последствий состязательности M. Argyle, B. Bonta, R. Axelrod, J. Schopler и C. Insko, Y.M. Rabbie, D. Johnson, R. Johnson, G. Maruyama, M. Brewer и N. Miller, B. Bettencourt, G. Bornstein и т.д.), так и в отечественной (марксистская ориентация П. Кропоткина, В.И. Ленина и др.; взгляды социологов и экономистов на природу состязательности И.И. Чангли, В.А. Мальцева, Л.С. Бляхмана, В.К. Фединина, А.Г. Симакова, Г.Я. Муравьева и др.; изучение социально-психологических аспектов состязательности В.М. Бехтеревым и его последователями, А.С. Макаренко, Е.С. Кузьминым, Б.Д. Парыгиным, Е.В. Шороховой, В.В. Новиковым, О.И. Зотовой, А.А. Ершовым, А.Л. Журавлевым, Ю.С. Касюлисом, М.И. Кекелия, Е.С. Махлах, В.А. Богдановым, В.В. Костюшевым, Т.В. Эленурм, А.В. Рыжовым и др.; обширные исследования состязательных процессов в структуре социалистического соревнования [17, 34, 68, 183, 197, 6, 37, 157, 187, 79, 77, 178, 167; и др.]; анализ состязательных отношений в рамках коллективистского подхода [156, 64, 74, 182, 82; и др.]) социологии и социальной психологии.

Методологическую базу исследования составили :

Системный подход (Р.Л. Акоф, П.К. Анохин, Л. фон Берталанфи, В.А. Лекторский, Г.П. Щедровицкий , Э.Г. Юдин). В том числе методология сис-

темного подхода в психологии и социальной психологии (Б.Г. Ананьев, К.А. Абульханова-Славская, Л.И. Анциферова, А.Г. Асмолов, В.А. Барабанщиков, В.М. Бехтерев, А.В. Брушлинский, В.Н. Дружинин, А.Л. Журавлев, Б.Ф. Ломов, С.Л. Рубинштейн, Е.В. Шорохова и др.), согласно которому состязательность может быть исследована как система, анализируемая в терминах элементов и структуры, части и целого, развития, иерархии, измерений и уровней.

Метасистемный подход к исследованию психологических явлений (А.В. Карпов), позволяющий рассмотреть состязательность как особую, качественно специфическую систему со встроенным метасистемным уровнем.

Принцип развития, а также принципы системогенеза и метасистемогенеза психологических систем (Л.С. Выготский ,) (Л.И. Анциферова, В.Г. Асеев, А.В. Брушлинский, Л.С. Выготский, А.Л. Журавлев, А.В. Карпов, В.Д. Шадриков), раскрывающие проблемы стадиальности в формировании и становлении состязательности и отдельных ее видов.

Принцип детерминизма (А.В. Петровский, С.Л. Рубинштейн, М.Г. Ярошевский), который лег в основу описания механизмов детерминации формирования состязательности в определенных условиях, а также описания круга детерминационных воздействий самой состязательности на эффективность поведения в заданных условиях среды.

Принцип единства сознания и деятельности (К.А. Абульханова-Славская, Б.Г. Ананьев, А.Г. Асмолов, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, С.Л. Рубинштейн и др.), раскрываемый в социальной психологии через понимание деятельности как совместной социальной деятельности (Г.М. Андреева, А.И. Донцов, А.Л. Журавлев, Е.С. Кузьмин, А.В. Петровский, В.Е. Семенов, Л.И. Уманский, Е.В. Шорохова и др.).

Принцип субъектности (Б.Г. Ананьев, К.А. Абульханова-Славская, А.Г. Асмолов, А.В. Брушлинский, А.А. Деркач, Е.А. Климов, А.Н. Леонтьев, А.В. Петровский, С.Л. Рубинштейн, В.Д. Шадриков и др.), конкретизируемый в социальной психологии через введение идеи коллективного субъекта деятель-

ности (Г.М. Андреева, А.И. Донцов, А.Л. Журавлев, Н.Н. Обозов, В.П. Позняков, А.С. Чернышев, П.Н. Шихирев, В.А. Ядов и др.).

Интегративный подход, объединяющий современные парадигмы социальной психологии (деятельностную, социально-когнитивно-бихевиоральную, гуманистичскую, социально-конструкционистскую) и основные положения методологии отечественной социальной психологии (Г.М. Андреева, А.И. Донцов, В.Н. Дружинин, А.Л. Журавлев, А.В. Петровский, А.Л. Свенцицкий, В.А. Ядов).

Теоретической основой исследования выступили работы отечественных и зарубежных исследователей.

Социально-психологические концептуальные представления о социальном и межличностном взаимодействии и основных его формах (Г.М. Андреевой, А.Л. Журавлева, Е.С. Кузьмина, В.Н. Куницыной, Н.И. Леонова, В.В. Новикова, А.В. Петровского, В.П. Познякова, М.В. Сапоровской, А.Л. Свенцицкого, Л.И. Уманского, Э. Холландера, Я. Щепаньского и др.).

Концептуальные психологические представления об активности и ее основных формах К.А. Абульхановой-Славской, Л.Ф. Алексеевой, А.Г. Асмолова, Н.А. Бернштейна, В.М. Бехтерева, А.В. Брушлинского, Л.С. Выготского, И.А. Джидарьян, А.И. Донцова, А.А. Ершова, А.Л. Журавлева, А.Н. Леонтьева, Б.Ф. Ломова, Р.С. Немова, А.В. Петровского, В.А. Петровского, В.П. Познякова, С.Л. Рубинштейна, Л.И. Уманского, В.Л. Хайкина, Р.М. Шамионова и др.

Результаты теоретических исследований состязательности и отдельных ее видов, изложенные в работах M. Argyle, R. Axelrod, B. Bettencourt, B. Bonta, G. Bornstein, M. Brewer, C. Insko, D. Johnson, R. Johnson, G. Maruyama, M. Pemberton, J. Rabbie, J. Schopler, D. Tjosvold, Р. Дарендорфа, Г. Зиммеля, Л. Козера, К. Хорни, К. Левина, М. Шерифа, М. Дойча, Г. Тэжфела, Дж. Тэрнера, В.М. Бехтерева, В.А. Богданова, А.А. Ершова, А.Л. Журавлева, О.И. Зотовой, Ю.С. Касюлиса, М.И. Кекелия, В.В. Костюшева, Е.С. Кузьмина, А.С. Макаренко, Е.С.

Махлах, В.В. Новикова, Б.Д. Парыгина, Л.Г. Почебут, А.Л. Свенцицкого, В.А. Чикер, Е.В. Шороховой и др.).

Результаты теоретических и эмпирических исследований отдельных проблем состязательности:

- взаимосвязи между интергрупповой и интрагрупповой состязательностью (B. Bettencourt, G. Bornstein, M. Brewer, W. Dois et al., I. Erev, A. Gouldner, C. Insko, N. Miller, C. Nemeth, M. Pemberton, D. Pruitt, J. Rabbie, G. Schopler, S. Worchel);

- оптимизации переговорного процесса (D. Tjosvold, C. De-Dreu, G. Bornstein, P. Carneval, P. Smith, D. Pruitt, S. Komorita, C. Stevens);

- выделение типов и форм состязательности (А.А. Ершов, В.А. Сафронов, А.С. Бляхман, Н.В. Гришина, Л.Г. Почебут, В.А. Чикер, Т.В. Эленурм и др.);

- исследование состязательных установок (В.А. Богданов, А.А. Ершов, Ю.М. Жуков, А.Л. Журавлев, О.И. Зотова, Е.С. Кузьмин, В.В. Новиков и др.);

- включенность личности в состязательные отношения (И.Ф. Беляева, Е.Е. Бочарова, А.А. Ершов, Ю.М. Жуков, О.И. Зотова, Ю.С. Касюлис, А.И. Левина, Б.Д. Парыгин, В.П. Позняков, А.А. Русалинова, Г.В. Слуцкий, Б.Г. Тукумцев, Т. Эленурм, Е.В. Шорохова и др.);

- влияния различных факторов на формирование и развитие состязательности (R. Axelrod, B. Bettencourt, B. Bonta, G. Bornstein, M. Brewer, C. De-Dreu, S. Fiske, N. Friedland, C. Insko, N. Miller, A. Montagu, S. Neuberg, J. Rabbie, J. Schopler, N. Segal, М. Дойч, И.Ф. Беляева, В.М. Бехтерев, В.А. Богданов, Р.Б. Гительмахер, Н.Ф. Добрынин, А.А. Ершов, А.Л. Журавлев, О.И. Зотова, Ю.С. Касюлис, П.М. Кацура, В.М. Коган, Е.С. Кузьмин, А.С. Макаренко, В.А. Мальцев, М. Маро-Левитина, Н.П. Острянский, В.А. Палицын, Б.Д. Парыгин, А.В. Рыжов, А.Л. Свенцицкий, А.Г. Симаков, О.А. Черникова, И.И. Чангли, Е.В. Шорохова и др.);

- анализ последствий состязательности в работах Э. Аронсона, М. Дойча, П. Кинан, У. Хэгстрома, М. Шерифа, B. Bettencourt, B. Bonta, B. Brewer, P. Carnevall, M. Goldman, D. Johnson, R. Johnson, J. Julian, F. Perry, T. Pettigrew, B.

Schlenker, D. Tjosvold, R. Vonk, A. Workie, В.А. Богданова, А.Л. Журавлева, О.И. Зотовой, В.В. Костюшева, Е.С. Кузьмина, Е.С. Махлах, Л.М. Митиной, Т.М. Мишиной, В.В. Новикова, Н.П. Острянского, В.П. Познякова, В.А. Полторака, А.Г. Симакова, Е.С. Шороховой и др.

– Социально-психологические концептуальные представления о состязательности как составной части проблемы взаимовлияния группы и личности, изложенные в работах Г.М. Андреевой, Р. Бэрона, Р. Зайенса, Н. Коттрелла, Е.С. Кузьмина, А. Манстеда, Д. Мура, Р.С. Немова, Н.Н. Обозова, А.В. Петровского, Дж. Сандерса, Л. Санна, Дж. Симина, Х. Уилка и Э. ван Книппенберга, Н.Ю. Хрящевой и др.

2.1.2. ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В РАМКАХ МЕТАСИСТЕМНОГО ПОДХОДА

Прежде всего определимся с основными дефинициями данного явления, охватывающими весь спектр определений (понятий) и видов состязательности, использовавшихся различными авторами на протяжении последних ста лет и укладывающихся в теоретическую схему анализа состязательности, предлагаемую в настоящем исследовании.

Состязательность – это разновидность взаимодействия и особая форма «соактивности» людей, осуществляющаяся благодаря реализации механизмов сравнения, валидизации и регуляции субъектом своей деятельности в процессе обмена с окружающей средой, являющаяся основой изменения его активности и качества взаимосвязанности с другими субъектами (отношений совместности) и представляющая собой следствие двух амбивалентных свойств, изначально присущих социальному субъекту: свойства, выражающегося в стремлении к выделению себя (обособлению) и свойства, проявляющегося в стремлении к взаимодействию (интеграции).

Особо необходимо отметить, что природа (сущностные характеристики) феномена состязательности пока размыта и с трудом «улавливается» при анализе данного явления с позиций традиционного системного подхода, так как этот феномен представляет собой универсальное средство, один из способов

функционирования, выживания, адаптированности социального субъекта (личности) в социальной среде в процессе социального взаимодействия.

Как отмечалось выше (см. раздел 1.3.), доминирование аналитического подхода над системным выступает наиболее важной причиной не только отсутствия целостной, обобщающей концепции состязательности, но и причиной фактического отсутствия попыток разработки такой обобщающей теории. И это закономерно, так как аналитический подход, вследствие своей методологической ориентации и эвристических возможностей, не дает обобщенного и целостного раскрытия предмета изучения и не может представлять адекватную основу для разработки целостной концепции.

Необходимо также учесть еще одну особенность сложившихся представлений по проблеме состязательности. Она состоит в том, что к настоящему моменту существует определенное число частных, парциальных концепций состязательности или еще более редукционистских локальных представлений, связанных с одной из сторон проблемы состязательности, но по существу отсутствует обобщающая концепция состязательности. Отсюда следует, что преобладающим является не только аналитический подход к исследованию проблемы состязательности, но и сама эта проблема находится фактически на предтеоретической стадии своего развития. Более того, нахождение данной проблемы на предтеоретической стадии является главным следствием превалирования аналитической методологии в ее изучении. Именно данная методология формирует те особенности изучения феномена состязательности, которые отмечались ранее (фрагментарность, описательность, эклектизм и др.). Отсюда объективно необходимым представляется решение двуединой задачи исследования феномена состязательности:

- перехода от аналитической методологии изучения состязательности к системной;

- перевода проблемы состязательности с предтеоретической стадии развития на теоретическую (концептуальную).

В процессе изучения состязательности, при переходе с аналитической фазы анализа феномена состязательности на теоретическую, возникла определенная проблема, состоящей в своеобразном парадоксе "растворения" предмета исследования. Создавшаяся проблемная ситуация во многом была обусловлена первоначальным использованием не совсем адекватного варианта системного подхода в анализе феномена состязательности.

"Мир систем" не исчерпывается лишь системами онтологического плана. Отображение этих онтологических образований в познании ведет к становлению, по крайней мере, еще одного класса - систем гносеологического плана, которые и принимают вид целостных теорий [57, с. 520]. Как отмечается, "знание достигает уровня теории и становится теорией в строгом смысле этого понятия тогда, когда оно само становится системой. То есть, теория - это знание, удовлетворяющее атрибутам системной организации; знание, достигшее ступени системной организации" [57, с. 412-413]. Поэтому научные концепции не только могут, но и должны быть проинтерпретированы действительно как системы специфического типа - как гносеологические системы [57, с. 414].

Кроме того, ряд исследователей отмечает, что существуют два варианта системного подхода - онтологический и гносеологический (см. В.А. Барабанщиков [7], А.В. Карпов [57], В.А. Лекторский [105] и др.). Онтологический вариант системного подхода применим тогда, когда предмет исследования является истинной системой, онтологически замкнутой самостоятельной системой, когда мы имеем дело с объектом, который является объективной системой и это не нужно доказывать.

Наш же объект исследования (состязательность) не является таковым. Феномен состязательности не есть онтологическая система, это нечто такое, что имеет меньшую степень жесткости организации, там нет целостности, но есть единство, там есть организация, но нет онтологической завершенности. Поэтому мы сталкиваемся вроде бы с противоречием, заявляя, что реализуем системный подход к этому объекту (состязательности), а сам объект не системен. Если бы объектом исследования выступали, например, личность, интел-

лект, мышление, - то есть истинные системы, то к ним можно напрямую реализовывать онтологический вариант системного подхода. Но это не означает, что не может быть реализован системный подход к таким объектам, которые не являются системами, но которые могут быть рассмотрены как система. А это уже означает, что необходимо использовать гносеологический вариант системного подхода. Наш объект (состязательность) не является истинной системой, а мы пытаемся на него "наложить" системный (и метасистемный) подход. Если действовать формально и прямолинейно, то ничего хорошего не получается, кроме аморфности и "растворения" предмета исследования, вследствие некорректности использования вариантов системного подхода: объект анализа диссипативен, а мы пытаемся рассмотреть его как истинную систему. Но существующий второй - гносеологический - вариант системного подхода помогает преодолеть это противоречие. Онтологический вариант анализа системного подхода - это когда объект не может быть проанализирован иначе как система. А вот гносеологический вариант анализа системного подхода предполагает реализацию системного подхода к таким неистинным, диссипативным объектам как состязательность, которые могут быть только рассмотрены как система. То есть гносеологический, концептуальный подход к таким неистинным системам предполагает их рассмотрение всесторонне, комплексно в соответствии со структурно-системным подходом.

При этом необходимо отметить, что подавляющее большинство объектов (прежде всего - социальных и социально-психологических) научного исследования не являются истинными системами, но их рассматривают как системы, используя гносеологический вариант системного подхода. Это своеобразная "гносеологическая призма" научного системного анализа, когда накладывается определенная гносеологическая схема системного анализа на такие "неистинные" объекты и концептуализируют их как систему.

Если состязательность рассматривать как истинную систему, каковой она не является, практически ничего не получается. С этим пришлось столкнуться в нашем исследовании состязательности, этим "переболеть" и в конце концов

прийти к адекватному разрешению данной проблемы: состязательность не принадлежит к числу истинных систем, это диссипативная неистинная система, это некий объект, который может быть рассмотрен как система в гносеологическом варианте системного подхода. Если же пытаться реализовывать онтологический вариант системного подхода, то необходимо в первую очередь выделить самостоятельную цель объекта исследования ("истинной системой является то, что имеет самостоятельную цель" - П.К. Анохин [3]). У феномена же состязательности самостоятельной цели фактически нет, она многовариантна и флексибильна, так как состязательность как система со встроенными метасистемными уровнями социальной реальности (социума), деятельности (взаимодействия), личности, включена куда угодно и выступает своеобразным функциональном органом. Это отсутствие самостоятельной цели является типичным признаком неистинных систем, вследствие чего они носят диссипативный характер. Что, в свою очередь, обусловливает целесообразность использования не онтологического варианта системного подхода, а гносеологического. Состязательность как раз и представляет собой некий феномен условно могущий быть рассмотрен как система в гносеологическом варианте системного подхода.

Следует также отметить, что структура состязательности принципиально диссипативна. Но это не означает, что не могут быть выделены ее структурные уровни. Хотя это даже не уровни онтологического существования данного феномена, это уровни гносеологического анализа: метасистемный, структурный, функциональный, генетический, интегративный.

Истинная система - это нечто такое, что не может быть рассмотрено никак иначе как система, и если мы будем рассматривать иначе, мы нарушаем природу самого объекта. А гносеологический вариант системного подхода - это когда гносеологическая (концептуальная) призма видения накладывается на нечто такое, что объективно не является системой, но познание которого через призму системности является конструктивным. Такой (гносеологический) подход представляет собой мощнейший вариант системного (и метасистемного) анализа диссипативного, "неистинного" объекта (см. В.А. Барабанщиков [7],

А.В. Карпов [57], В.А. Лекторский [105] и др.). А когда подменяется гносеологический вариант системного подхода онтологическим при анализе неистинной системы, происходит "растворение" предмета исследования. Вот почему именно гносеологический вариант системного подхода снимает многие проблемы исследования состязательности. Например, один из традиционных вопросов об излишне широкой трактовке предмета состязательности. С позиции же гносеологического варианта системного подхода можно уверенно констатировать природу такой широты: ведь сам по себе предмет состязательности как объект диссипативен и его необходимо рассматривать не как онтологически истинную систему, а как нечто такое, что может быть рассмотрено гносеологически, концептуально как система. И такой подход позволяет выделить достаточно однозначно действительно широкую, но реальную, предметную область состязательности: рассмотрение феномена состязательности как системы со встроенными метасистемными уровнями социальной реальности (социума), деятельности (взаимодействия), личности указывает на то, что состязательность не только имеет общие с социальной реальностью, деятельностью (взаимодействием), личностью черты, но и, в свою очередь, своеобразным образом влияет на структуру и функционирование социальной реальности (социума), деятельности (взаимодействия), личности, то есть реально участвует в их изменении.

В методологии системного подхода сформулированы представления о некотором инварианте основных «призм» ви́дения предмета, синтез которых необходим для его полной, то есть собственно системной, характеристики. Иными словами, одним из основных ее императивов является необходимость раскрытия предмета во взаимодополняющей последовательности ряда основных планов (которые и составляют основу «алгоритма системного исследования»). Ими выступают следующие гносеологические планы:

– *Определение метасистемы* по отношению к изучаемому предмету. Она является более широкой и онтологически представленной целостностью, в которой содержатся основания и детерминанты для его «внутрисистемного», то

есть истинного бытия, а также заложены необходимые гносеологические средства для его изучения.

– Раскрытие предмета в плане выявления его *качественной определенности,* в относительной автономности от более общей системы, то есть в аспекте его собственного содержания.

– Установление закономерностей *соотношения* предмета с более общей целостностью и выявление тех *качественных спецификаций,* которые он обретает в ней.

– Раскрытие закономерностей *структурной* организации предмета исследования.

– Раскрытие закономерностей *функциональной* организации предмета исследования.

– Установление и интерпретация особенностей и закономерностей *генезиса,* развития предмета исследования.

– Определение и интерпретация интегративных свойств предмета исследования – его *системных качеств* [56].

Описаннная выше общая стратегия исследования, отражающая содержание и специфику научных концепций, должны быть положены, по нашему мнению, в основу дальнейшей разработки проблемы состязательности. Данная стратегия, базирующаяся на всей логике предшествующего развития принципа системности, а также воплощая в себе его основные принципы и императивы, позволяет дать многоаспектное и, в то же время, целостное раскрытие изучаемого предмета. При этом следует, конечно, специально подчеркнуть, что *полная* реализация данной стратегии по отношению к проблеме состязательности – это, безусловно, предельно комплексная и чрезвычайно объемная исследовательская задача. Она может рассматриваться, скорее, как общая перспектива разработки проблемы состязательности, определяет ее общие направления и главные задачи. Поэтому в своем полном объеме она не может быть, по-видимому, реализована в рамках одного, отдельно взятого исследования, в том числе, разумеется, и представленного в данной работе. Вместе с тем, она все же

должна быть положена в основу разработки данной проблемы, а сама эта проблема должна быть подвергнута приоритетному изучению именно в тех гносеологических планах, которые образуют содержание данной стратегии. Таким образом, уловить содержательную сущность состязательности и выделить ее тяжело, но возможно. Этому во многом способствует рассмотрение состязательности с позиций метасистемного подхода [56] как системы со встроенным метасистемным уровнем. При этом нужно отметить, что встраивание метасистемы в систему состязательности осуществляется не с «морфологических» позиций, а носит функциональный характер и всегда предусматривает качественные преобразования компонентов метасистемы при их встраивании в систему.

Точне сказать, состязательность можно рассматривать как некую приспособительную систему функционального типа, одно из универсальных средств изменения эффективности деятельности (взаимодействия) социального субъекта (прежде всего – личности) в условиях социальной реальности (социума). Отсюда вытекает полисистемный характер феномена состязательности, то есть состязательность представляет собой систему функционального типа со встроенным не одним, а несколькими метасистемными уровнями. Таким образом, состязательность можно представить как полисистемный «функциональный орган», включенный сразу минимум в три базовые (для состязательности) метасистемы: метасистему социальной реальности (социума), метасистему деятельности (взаимодействия), метасистему личности. Другими словами, состязательность представляет собой наложенную систему, потому что она (состязательность) везде и нигде, она мультиплицирует в себя эти три метасистемы (социум, деятельность, личность). Таким образом, предлагается придерживаться постнеклассической методологии анализа состязательности, которая требует пересмотра понятия системы как таковой. Ранее, в классической методологии, считалось, что чем более система самодостаточна, изолирована, тем лучше для ее анализа. С точки зрения постнеклассической методологии - все наоборот: чем больше система эксплуатирует другие системы, когда она их накладывает, мультиплицирует, вбирает, тем лучше. С позиции метасистемного подхода тре-

буется определить более широкий контекст, в который включен изучаемый феномен состязательности, то есть «охарактеризовать ту систему, которая выступает метасистемой по отношению к предмету исследования» и очертить взаимосвязи состязательности с метасистемой, в которую она включена, а также определить специфику изучаемого феномена с наиболее близкими психологическими системами, включенными в метасистему [56, с.208-308].

Метасистема социальной реальности, обеспечивающая состязательные действия субъекта теми или иными социальными нормами, эталонами, ценностями, и тем самым формирует содержательные элементы состязательности (то есть – это содержательня часть состязательности, раскрывающая во многом состязательность как социально-психологический феномен). Взаимосвязь социальной реальности и состязательности не ограничивается обычными связями между более узкой и более широкой системами, а представляет отношения, характерные для взаимосвязи метасистемы и системы со встроенным метасистемным уровнем. С одной стороны состязательность отображает некоторые важнейшие характеристики социальной реальности (сверхсложный и иерархический характер отношений между различного рода структурами и подсистемами, целостность, противоречия как основа развития социальной общности, самодостаточность, произвольность и др.). Но при этом черты состязательности не сводятся лишь к этим, общим с социальной реальностью параметрам, а включают и отличительные от нее характеристики (особые состязательные формы социальной реальности, состязательные подструктуры общности, внутреннее противоречие, заложенное в состязательности, отличительные свойства состязательности и др.), изменяя и дополняя, тем самым, содержание самой социальной реальности. Кроме того, что включенность состязательности как системы в метасистему социальной реальности дает возможность лучше раскрыть ключевые, важнейшие закономерности организации самой состязательности, вместе с тем, имеет место и «встречный» процесс своеобразного включения самой метасистемы социальной реальности в систему состязательности, благодаря чему возникает группа явлений, когда социальная реальность, как метаси-

стема для состязательности, встраиваясь в систему состязательности, сама начинает выступать как ее подсистема. Социальная реальность поэтому обретает в феномене состязательности (но уже в целостности по отношению к состязательности) новые черты, и тем самым качественно измененяется. Можно сказать, что социальная реальность, репрезентируясь в состязательности, возникает в своей превращенной форме – в виде состязательного отношения как одного из основных параметров социальной общности. Таким образом, своеобразное "переворачивание" механизма включения системы в метасистему порождает сам феномен состязательной общности и тем самым, в значительной степени, выстраивает предмет исследования состязательности как таковой.

«Полиметасистемность» по отношению к состязательности означает также, что данный феномен является системой, одновременно включенной и в метасистему деятельности, главным образом – совместной деятельности, процессы социального и межличностного взаимодействия, включая и метасистему активности (прежде всего – социально-психологической активности, «соактивности»). При этом метасистема деятельности (взаимодействия) представляет собой технологическуя составляющуя состязательности, деятельностные, поведенческие формы состязательности, поведенческий, процессуальный компонент состязательности. Нужно подчеркнуть, что деятельность в психологии обычно рассматривается как активное взаимодействие живого существа с окружающим миром, в ходе которого субъект «целенаправленно воздействует на объект и за счет этого удовлетворяет свои потребности» [171]. При этом в структуре деятельности чаще всего выделяются такие элементы как: мотивы, побуждающие субъекта к деятельности (в том числе – кооперативные, конкурентные, альтруистические); цели, как прогнозируемые результаты этой деятельности (в том числе – индивидуалистические, коммюнитаристские и т.д.); операции, с помощью которых деятельность выполняется (включая и состязательные средства). Традиционно состязательность рассматривается прежде всего как одна из разновидностей взаимодействия людей. Взаимодействие представляет собой вид непосредственного или опосредованного, внешнего или

внутреннего отношения, связи» [203]. Взаимодействие в социально-психологическом плане – это чаще всего, сторона общения, проявляющаяся в организации людьми взаимных действий, направленных на реализацию совместной деятельности, достижение определенной цели [2; 42; и др.]. В социальной психологии одним из наиболее распространенных является «дихотомическое деление всех возможных видов взаимодействия на два противоположных вида: *кооперация* и *конкуренция*» [2, с. 117]. Взаимосвязь этих двух социально-психологических образований (состязательности и взаимодействия) не ограничивается обычными связями между более узкой и более широкой системами. В контексте этих связей состязательность отражает некоторые основные характеристики взаимодействия (организация взаимных действий, направленных на реализацию совместной деятельности, достижение определенной цели, воздействие различных объектов друг на друга, взаимная обусловленность, изменение состояния субъектов, осмысленность, мотивированность и др.). При этом характеристики состязательности не сводятся лишь к этим, общим с интеракцией, параметрам, а включают и отличительные от взаимодействия в целом черты («готовность помериться силами с другими людьми в определенных видах деятельности для того, чтобы улучшить личные и коллективные достижения», направленность изменения его активности и качества взаимосвязанности с другими субъектами, интенсификация своих основных характеристик, надситуативность и др.), преобразуя, дополняя, тем самым, содержание самого взаимодействия. То есть между интеракцией и состязательностью существуют отношения, характерные для взаимосвязи метасистемы и системы со встроенным метасистемным уровнем [56].

Для уточнения сущности состязательности также необходимо рассматривать состязательность не только как одну из форм деятельности или взаимодействия, но и как разновидность активности, а точнее – как особую форму «соактивности» людей, так как согласно А. Н. Леонтьеву, деятельность — это форма активности. Потребность осмысления активности как специфического свойства социального мира подчеркивается уже тем вниманием, которое реально

уделяется в психологических исследованиях ее роли и месту в становлении личности, коллективного субъекта и определении субъекта действия (К.А. Абульханова-Славская, Л.Ф. Алексеева, А.Г. Асмолов, Н.А. Бернштейн, А.В. Брушлинский, И.А. Джидарьян, А.И. Донцов, А.А. Ершов, А.Л. Журавлев, А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, Ш.А. Надирашвили, Р.С. Немов, А.В. Петровский, В.А. Петровский, В.П. Позняков, Л.И. Уманский, В.Л. Хайкин и др.). Не случайно понятие активность – одно из наиболее часто употребляемых в литературе разного рода (психологической, философской, социологической, исторической, экономической и др.) в разных сочетаниях и связях – активность как деятельность, активность поведения, активность личности, активная деятельность, психическая активность, интеллектуальная, творческая, социальная активность, активная личностная позиция, активность общества и т.д.

Во всех имеющихся определениях активности выделяется своего рода «фундаментальное смысловое ядро», заложенное в общепринятое понимание и существующую терминологическую трактовку ее как всеобщей характеристики живых существ, условия осуществления ими «жизненно значимых» связей с окружающим миром. И при рассмотрении активности человека она определяется как свойство, присущее всему живому, как необходимое условие адаптации к среде, обменных со средой процессов и т.д.. Активность – это основное свойство и в то же время постоянное состояние любого живого организма, в том числе и человека, обеспечивающее жизнедеятельность организма, психики и сознания путем непрерывного изменения внутренних и внешних функций индивида в соответствии с ситуативной и личностной диспозициями (Л.Ф. Алексеева, И.А. Джидарьян, А.Н. Леонтьев, В.А. Петровский, В.Л. Хайкин и др.). Понимание активности как деятельного состояния живых существ обосновывает активность как основное условие их существования в мире, обеспечивающее функционирование и развитие живых существ. Активное существо содержит в себе источник движения, то есть является причиной самого себя и своего воспроизводства в мире. Такое понимание активности совпадает с кантовским определением активности как

«причинности причины». Именно внутренняя локализация источника движения обусловливает понимание активности как причинности. Активность, философски понимаемая как всеобщее свойство и атрибут материи, выражается в способности системы изменять другие объекты, в способности к самодвижению, а также в способности развивать определенные внутренние состояния, актуализирующие природу объекта, под влиянием внешних воздействий (Е.А. Белан). Большинство исследователей данного феномена (А.В. Петровский, В.А. Петровский, М.Г. Ярошевский, В.Н. Кругликов и др.) утверждают, что активность личности – особый вид деятельности или особая деятельность отличающаяся *интенсификацией* своих основных характеристик (целенаправленности, мотивации, осознанности, владения способами и приёмами действий, эмоциональности), а также наличием таких свойств как *спонтанность*, то есть обусловленность производимых актов спецификой внутренних состояний индивида в момент действования, в отличие от реактивности как их обусловленности предшествующей ситуацией; *произвольность*, то есть обусловленность того, что совершается, актуальной целью субъекта, в отличие от полевого поведения (полезависимости), *надситуативность*, то есть выход за границы предустановленного, в отличие от приспособительности как ограниченности действий рамками заданного; *действенность*, то есть устойчивость по отношению к реализуемой цели, в отличие от пассивности как тенденции непротивления обстоятельствам, с которыми надлежит встретиться в будущем. Следовательно, активность человека – это всегда целенаправленное действие внутренних сил человека для изменения или сохранения объекта воздействия, будь то все окружающее или он сам; это выбор целей, объектов, способов, средств, ценностей, вида деятельности; это не столько реакция на воздействие извне, сколько самоорганизуемая, самосозидающая и самопобуждающая акция (А.А. Ершов). Необходимо также отметить, что при анализе активности чаще всего выделяется следующая своеобразная цепь уровней данного феномена: активность как всеобщее свойство всех живых организмов; активность личности; социально-психологическая

активность (соактивность, совместная активность). А.Л. Журавлев, обобщая идеи С.Л. Рубинштейна, подчеркивает, что активность фактически выступает генеральным, атрибутивным, неотъемлемым качеством (признаком) как индивидуального, так и коллективного субъекта [46, с.74].

Некоторая сложность использования понятия «активность» в социальной психологии заключается в существовании ее различных смыслов. Как отмечает А.Л. Журавлев, «во-первых, имеется в виду свойство, качество, то есть конкретная, одна из многих, хотя и очень важная характеристика личности, группы, действия, поведения, деятельности и т.д. Во-вторых, понимается как способ существования социального субъекта, как некоторая общая способность субъекта к совместной активности. Это, второе, и есть критериальное качество социального субъекта» [46, с.74].

А.А. Ершов и А.Л. Журавлев считают, что соактивность (совместная активность), социально-психологическая активность представляют собой разновидности активности социального субъекта [46, с.74]. «Соактивность – это взаимосвязь, сопряженность или совпадение деятельности, поведения и отношений двух или более субъектов. Социально-психологическая активность – это соактивность субъектов, обладающих внутренне и внешне направленной активностью. Первая содержит в себе самопостановку задачи, выбор цели, саморегуляцию, формирование отношения, установки, осмысление ситуации, самооценку и оценку окружающих, прогноз их поведения и мотивации, эмпатию, мысленное проигрывание предстоящей ситуации общения, совместной деятельности и ее результатов. Внешне направленная активность – это демонстрация внутренней активности» (А.А. Ершов, 1991, с.6). Среди видов соактивности людей чаще всего в психологической литературе выделяются: групповые действия, общение и взаимодействие в группе, совместная деятельность, групповые отношения, групповое поведение, межгрупповые отношения и взаимодействия, организация людей (лидерство – руководство – подчинение), состязательность (соперничество), конфликт и др. (А.А. Ершов, А.Л. Журавлев, Н.И. Леонов, Б.Ф. Ломов,

Ш.А. Надирашвили, Р.С. Немов, А.В. Петровский, В.А. Петровский, В.П. Позняков, Л.И. Уманский, В.Л. Хайкин и др.). При этом, как отмечает А.А. Ершов, направленностями взаимодействующих субъектов определяется характер форм их соактивности [А.А. Ершов, 1991, с.6].

Третья метасистема (личность) придает личностную окрашенность состязательности благодаря таким личностным свойствам и состояниям как совокупность выработанных привычек и предпочтений, психический настрой и тонус, социокультурный опыт, приобретённые знания, набор психофизических особенностей человека, определяющих повседневное поведение и связь с обществом и природой, личностное проявления «поведенческих масок», выработанных для разных ситуаций и социальных групп взаимодействия и т.д., и тем самым лежит в основе своеобразия состояний субъектов состязательного взаимодействия. То есть, благодаря встроенности метасистемы личности в систему состязательности феномен состязательности приобретает целый ряд своих важнейших черт, в частности, свойства или состояния произвольности, надситуативности, направленности и т.д. Состязательность оказывается в состоянии использовать характеристики личности в своих собственных целях, что существенно расширяет сам потенциал состязательности, арсенал средств состязательности. В свою очередь, “установка на состязание, готовность помериться силами с другими людьми в определенных видах деятельности для того, чтобы улучшить личные и коллективные достижения [58, с. 157] оказывает существенное влияние на формирование и развитие самой личности как метасистемы, добавляя ей дополнительные особенности (альтруистичность, агрессивность и т.д.). Следовательно, тот факт, что рассматриваемый нами предмет принадлежит к нескольким метасистемам, накладывает своеобразие на его природу и сущностные характеристики.

Таким образом, состязательность - это система со встроенными метасистемными уровнями, то есть это наложенная система. В любом случае - это система. Любая система должна иметь определенный системообразующий фактор, то есть каждая система порождается под влиянием некоторой цели, для ко-

торой она и служит. Иначе говоря, любая система имеет функциональный характер. И состязательность как система - не исключение. Что же является системообразующим фактором для состязательности? Цель? Нет, у состязательности нет цели, у нее есть метацель, то есть способность генерировать цели в любой ситуации, направленные на преодоление этой конкретной ситуации. Так вот специфика состязательности как системы со встроенными метасистемными уровнями и состоит в том, что унее нет предзаданой цели. Ее организует некоторая метацель как способность к целеобразованию. Причем эта цель в каждой конкретной ситуации будет своя и представляет средство в борьбе за выживание, адаптацию. В конечном итоге - это нечто, коренящееся в филогенетических истоках состязательности как формы соактивности, которая как раз и выступает одним из универсальных средств выживания, оптимизации приспособления к среде (в том числе - к социальной среде). И в современных условиях - то же самое: состязательность развертывается, используется субъектом для того, чтобы достичь своих целей.

Остановимся более подробно на анализе состязательных форм соактивности, взяв за основу *интенсивность* как одно из главных свойств активности – всеобщего свойства всех живых организмов, и *направленность* как одно из главных свойств социально-псхологической активности. В своей работе мы исходим также из того, что именно в состязательности через феномены взаимодействия и взаимоотношения наиболее полно реализуются и раскрываются важнейшие закономерности и взаимосвязи социально-психологических явлений [42, с. 44–45]. Но при этом мы отдаем отчет и в том, что в состязательности реализуется не вся система взаимодействия и взаимоотношения с реальной действительностью, а, прежде всего, субъект-субъектные отношения. Таким образом, можно сказать, что состязательность выступает одной из важнейших форм «субъективной стороны отражения действительности», как результат субъект-субъектного взаимодействия со средой [171, с. 376–377].

Субъектом состязательности может быть как отдельный индивид, так и та или иная общность людей (от малой группы до общества в целом). Причем состязательность охватывает все процессы, в которые включен человек, от внутриличностных до межгрупповых включительно. Состязательность пронизывает также все сферы жизнедеятельности человека: экономическую, социальную, политическую, социокультурную и др.

Состязательность как разновидность взаимодействия и форма соактивности обладает такими свойствами, как *интенсификация* своих основных характеристик (спонтанности, произвольности, надситуативности, действенности, эмоциональности) и *направленность*. Направленность в субъект-субъектных отношениях выражается в наличии нескольких векторов процесса состязания («на себя», «на других», «на себя и на других», «ни на кого»). Первый вектор можно условно обозначить как конкурентность. ***«Конкурентность»*** является выражением одной из двух тенденций, присущих субъекту, – демонстрацией частного интереса субъекта «на себя» (когда субъект преследует индивидуальные цели, обычно в ущерб интересам других субъектов) в процессе сравнения, оценивания и регуляции своей деятельности. Второй (противоположный по направленности) вектор состязательности, который представляет собой также одностороннее проявление, но уже второй тенденции, присущей субъекту (тенденции к интеграции, подчинению группе, нередко в ущерб себе и своим интересам), можно условно обозначить как ***альтруистичность***. Теоретически оптимальным видом состязательности выступает ***сотрудничество***, которое представляет собой механизм взаимного стимулирования активности субъектов в процессе сравнения, оценивания и регуляции ими своей деятельности, когда происходит максимально возможная (но не обязательно одинаковая) одновременная реализация двух противоположных тенденций, присущих субъекту в отношениях состязания: самореализация субъекта (выделение себя) и реализация общих интересов (тенденция к интеграции). Другими словами, субъекты достигают своих целей, только когда другие участники также их добиваются (при этом имеет место максимизация обоюдных

выигрышей, а не их равенство). Еще одним видом состязательности выступает ***индивидуалистичность***, когда субъект достигает своих целей без связи с достижениями других («ни на кого»).

Формирование того или иного вида состязательности зависит от целого ряда личностных и ситуационных факторов, а переход от одного вида состязательности к другому всегда протекает в форме диалектического отрицания [195, с. 23] и является относительно длительным процессом (единство непрерывности и прерывности социального процесса, или «эффект единства прерывности и взаимности в состязательных отношениях» J. Rabbie), при этом отрицаемое всегда входит в снятом и преобразованном виде в отрицающее (сохранение непрерывности в прерывном) [337, 339].

Неполнота описания состязательности проявляется в нескольких аспектах: количественный анализ видов, неразличение (смешивание) видов состязательности, игнорирование уровня развития каждого из видов. Есть расхождения по количеству видов. Большинство исследователей выделяют обычно два вида состязательности – конкуренцию и кооперацию. Реже к ним добавляется третий вид – индивидуалистичность. Есть отождествление (неразличение) видов состязательности. Чаще всего отождествляют (не дифференцируют) такие два вида состязательности, как сотрудничество и альтруистичность. И почти никто не фиксирует уровень развития различных видов состязательности (фактически подразумевая, что состязательность или есть, или отсутствует, без рассмотрения динамики промежуточных состояний данного явления).

Одним из наиболее сложных и наименее изученных аспектов состязательности остается проблема выделения и функционирования основных психологических механизмов данного явления. Тем не менее необходимо выделить в качестве ведущего механизма состязательности внутреннее противоречие между двумя основными свойствами состязательности: стремление к обособлению и тенденция к интеграции. Как известно, именно противоречие и самопротиворечие являются всеобщей и обязательной основой

развития любого явления природы и общества [24, с. 265]. Противоречивое единство парных категорий должно быть асимметрично, поскольку в реальном процессе самодвижения одна из противоположностей всегда доминирует. Именно асимметрия противоречия выступает одним из главнейших факторов, определяющих становление нового [125, с. 5]. Внутреннее противоречие состязательности также имеет постоянную асимметрию. Кроме того, в число механизмов состязательности традиционно включают весь набор основных механизмов регуляции социального поведения: мотивационно-диспозиционные механизмы, психологический обмен, валидизацию, идентификацию, категоризацию, стереотипизацию, атрибуцию, ингрупповой фаворитизм и др.

Предложенные выше теоретические положения можно использовать в качестве методологической основы для анализа и систематизации накопленного на протяжении нескольких столетий эмпирического материала исследования состязательности.

В разрабатываемой нами теоретической схеме предлагается выделять четыре основных вида состязательности (***конкурентность, индивидуалистичность, альтруистичность, сотрудничество***) с регистрацией в каждом из них, в зависимости от степени их интенсивности, диапазона видов состязательности от нулевого состояния (потенциал состязательных возможностей) через промежуточные (реактивные) состояния (типа вступления в состязательные отношения после «подталкивания извне») до высшей стадии интенсивности (спонтанности, произвольности) того или иного вида состязательности. Следовательно, можно учитывать не только качественные особенности (виды), но и количественные (уровень), объединить анализ качественных и количественных характеристик состязательности. Таким образом, появляется возможность дифференцированно описывать проявления состязательности (структуру состязательности), выделяя 12 вариаций ее проявления:

1 – *«потенциальная конкурентность»* – выраженная направленность субъекта на себя при практически нулевой его интенсивности (то есть состояние ожидания субъекта, что его «вовлекут» в отношения конкурентности);

2 – *«реактивная конкурентность»* – вступление субъекта в отношения конкурентности после внешнего по отношению к нему подталкивания;

3 – *«активная конкурентность»* – произвольное и интенсивное вступление в отношения конкурентности и участие в них;

4 – *«потенциальная индивидуалистичность»*;

5 – *«реактивная индивидуалистичность»*;

6 – *«активная индивидуалистичность»*;

7 – *«потенциальная альтруистичность»*;

8 – *«реактивная альтруистичность»*;

9 – *«активная альтруистичность»*;

10 – *«потенциальное сотрудничество»*;

11 – *«реактивное сотрудничество»*;

12–*«активное сотрудничество»*.

Объемный образ структуры состязательности представлен на рисунке 2.

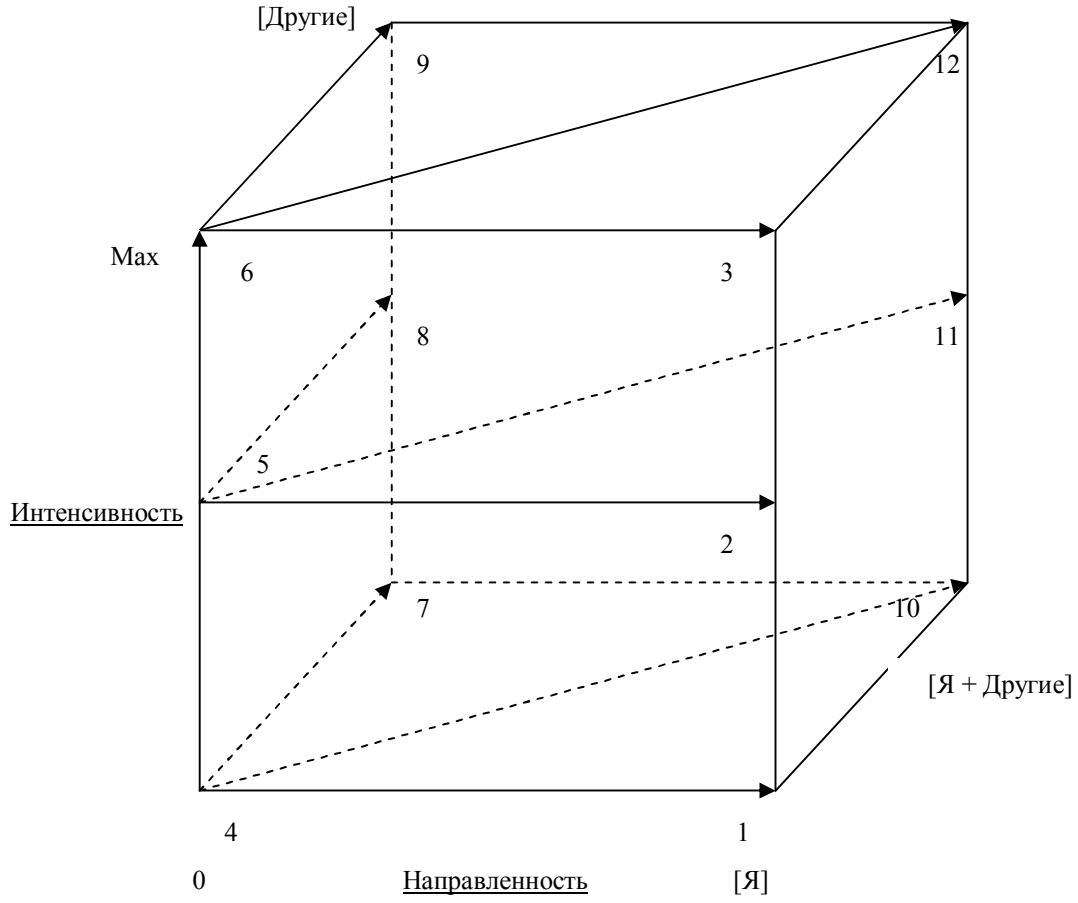

Рисунок 2. Схема основных видов состязательности:
1 – потенциальная конкурентность; *2* – реактивная конкурентность; *3* – активная конкурентность; *4* – потенциальная индивидуалистичность; *5* – реактивная индивидуалистичность; *6* – активная индивидуалистичность; *7* – потенциальная альтруистичность; *8* – реактивная альтруистичность; *9* – активная альтруистичность; *10* – потенциальное сотрудничество; *11* – реактивное сотрудничество; *12* – активное сотрудничество

2.2. МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ

Исходя из вышеизложенного, в качестве основных задач исследования были выдвинуты: фиксация (выделение) основных видов состязательности на практике, разработка и проверка на надежность, валидность и точность эмпирической методики по выявлению видов состязательности, определение связи состязательности с некоторыми факторами макро- и микросреды, подтверждение гипотез о том, что состязательность выступает в качестве одного из основных и обязательных признаков отношений совместности и что имеет место существенное влияние состязательности на эффективность деятельности субъекта.

Для реализации цели, проверки гипотез и решения поставленных задач использован комплекс методов, дополняющих друг друга и обеспечивающих проверку достоверности результатов.

Теоретические методы применялись для получения информации по изучаемой проблеме и включали в себя : анализ, синтез, сравнение, обобщение, систематизацию, классификацию, типологизацию, аналитический обзор общепсихологической, социально-психологической, социологической литературы по исследуемой проблеме, моделирование , абстрагирование.

Эмпирические методы представлены двумя группами методов. В первую группу вошли хорошо известные и зарекомендовавшие себя в социальной психологии и психологии методы эмпирического исследования: опрос (полустандартизированное интервью, анкетирование), метод социометрических измерений, анализ документов (документальные источники результативности деятельности), социально-психологические и личностные опросники (модифицированная форма В опросника FPI, шкала социально-психологической адаптированности К. Роджерса и Р. Даймонд, методика диагностики предрасположенности личности к конфликтному поведению К. Томаса, «определитель личностных предпочтений» А. Эдвардса (EPPS), методика диагностики направленности личности Б. Басса, методика самооценки Т.В. Дембо – С.Я. Рубинштейн, опросник определения уровня мотивации достижения успеха А. Мехрабяна, ме-

тодики определения активности и направленности личности А.В. Петровского), наблюдение.

Особое место в исследовании занимала методика, представляющая собой специально разработанный опросник «Состязательность в различных сферах социальной деятельности», прошедший проверку на валидность и надежность и включающий в себя две шкалы, которые позволяли фиксировать внутренний субъективный ряд (Questionnaire data), говорящий о двух ведущих тенденциях состязательности – направленности («на себя – на других» или «уход») и интенсивности (от полного безразличия до максимального самостоятельного проявления интенсивности). Выход на интегральный показатель состязательности обеспечивался процедурами классификации и типологизации двух главных составных частей состязательности – направленности и интенсивности.

Математико-статистические методы обработки эмпирических данных включали: процедуры описательной статистики, корреляционный анализ (коэффициент ранговой корреляции Спирмена, коэффициент линейной корреляции Пирсона), критерии значимости отличий (t-критерий Стьюдента, U-критерий Манна -Уитни), коэффициент α-Кронбаха, кластерный, регрессионный виды анализа. Статистическая обработка данных была выполнена с помощью стандартных пакетов прикладных программ SPSS v.22.0.

Исследованиями, проводившимися на базе кафедры и лаборатории социологии ПНИПУ регулярно с 1979 по 2013 г., было охвачено более 12 000 человек. Изучалась состязательность в различных сферах жизнедеятельности (социально-политической, социокультурной, досуговой и др.), но основное внимание было уделено выделению особенностей состязательности в трудовой сфере. Основными объектами исследований были первичные производственные группы предприятий и организаций г. Перми, Пермской области, Крымской области, г. Норильска. Основная методика исследования – специально разработанный опросник, включающий две шкалы, позволяющие фиксировать внутренний субъективный ряд, самооценку (Questionnaire data) о двух ведущих тенденциях состязательности – направленности

(на себя – на других или «уход») и интенсивности (от полного безразличия до максимального самостоятельного проявления активности). Выход на интегральный показатель состязательности обеспечивался относительно несложными процедурами классификации (сравнения) и типологизации (сведения) двух главных сторон (тенденций) состязательности – направленности («на себя – на других») и уровня интенсивности.

Надежность (устойчивость) методики проверялась процедурой повторного измерения и использованием нескольких лиц для измерения состязательности с последующим сравнением результатов. Валидность опросника определялась как теоретическим способом (валидность по содержанию, валидность теоретической концепции), так и эмпирически – сопоставлением результатов измерения с мнением судей (экспертов), с данными других методик для измерения данного качества на этой же выборке. Данные по апробации методики (N=435, средний возраст - 25 лет, 41% -мужчин, 61% - женщин): а Кронбаха = 0,665, M = 4,03, SD = 0,87.

Как уже отмечалось ранее (в теоретическом анализе), наиболее близкими к «состязательности» психологическими феноменами различными исследователями рассматривались «конфликт» (К. Левин [99; 100], представители бихевиористской ориентации [7; 238; 273], М. Шериф [354; 355; 356], М. Дойч [35; 269] и др.), «агрессия» (М. Шериф [354], сторонники концепции «фрустрации-агрессии» [238], Акофф, Эмери [63], Б. Бонта [243] и др), «мотивация достижений» (Б. Бонта [359], R. Smither, J. Houston [363], Ю.М. Жуков [41], А.А. Ершов [37], В.А. Богданов [15] и др.) и некоторые другие. С целью проверки предложенной схемы анализа данного феномена на надежность и валидность была осуществлена процедура сопоставления с наиболее близкими к состязательности по содержанию психологическими феноменами: мотивационной сферой личности (прежде всего, с мотивацией достижений), конфликтом, уровнем притязаний, агрессией, показателями активности и т.д. («психологическими коррелятами состязательности»).

В данной процедуре были использованы следующие надежные и адаптированные к условиям России методики: методика диагностики предрасположенности личности к конфликтному поведению К. Томаса, «определитель личностных предпочтений» А. Эдвардса (EPPS), методика диагностики направленности личности Б. Басса, методика самооценки Т.В. Дембо – С.Я. Рубинштейн, опросник определения уровня мотивации достижения успеха А. Мехрабяна, методики определения активности и направленности личности А.В. Петровского, документальные источники результативности деятельности. В исследовании приняли участие более 300 человек из различных возрастных и профессиональных групп. Были выявлены следующие значимые связи видов состязательности с мотивационными тенденциями (шкалами опросника А. Эдвардса), показателями разрешения конфликтных ситуаций (К. Томаса), направленностью и активностью личности, уровнем притязаний личности.

Корреляционный анализ показал, что «*конкурентность*» имела положительную связь с показателями «мотивация (индивидуального) достижения» ($r = 0{,}712$ при $p<0{,}001$), «доминирование» ($r = 0{,}752$ при $p<0{,}001$), «агрессивность» ($r = 0{,}672$ при $p<0{,}001$), «готовность к риску» ($r = 0{,}656$ при $p<0{,}001$), «выносливость или стойкость в достижении целей» ($r = 0{,}512$ при $p=0{,}004$), «соперничество» ($r = 0{,}812$ при $p<0{,}001$), «направленность на себя» ($r = 0{,}734$ при $p<0{,}001$), «активность», «высокий и очень высокий уровень притязаний» ($r = 0{,}544$ при $p=0{,}006$), «продуктивность (результативность) деятельности» ($r = 0{,}448$ при $p=0{,}010$), «стремление (мотивация) к успеху» ($r = 0{,}512$ при $p=0{,}004$), и отрицательную связь – с уровнем «самопознания» ($r = -0{,}342$ при $p=0{,}026$), «принятием авторитетов» ($r = -0{,}413$ при $p=0{,}006$), «принятием опеки» ($r = -0{,}440$ при $p=0{,}006$), «оказанием опеки» ($r = -0{,}532$ при $p<0{,}001$), «подчинением» ($r = -0{,}644$ при $p<0{,}001$), «мотивом избежания неудачи» ($r = -0{,}311$ при $p=0{,}036$).

«*Сотрудничество*» имело положительную связь с показателями «мотивация достижения» ($r = 0{,}637$ при $p<0{,}001$), «аффилиация» ($r = 0{,}516$ при $p<0{,}001$), «выносливость в достижении целей» ($r = 0{,}532$ при $p<0{,}001$), «самопознание» ($r = 0{,}566$ при $p<0{,}001$), «оказание опеки» ($r = 0{,}518$ при $p<0{,}001$), «со-

трудничество» (r = 0,767 при p<0,001), «подчинение» (r = 0,273 при p=0,065), «направленность на общение» (r = 0,562 при p<0,001), «направленность на дело» (r = 0,433 при p<0,001), «мотивация к успеху» (r = 0,353 при p=0,042), «активность, результативность деятельности» (r = 0,332 при p=0,042), «коллективистское самоопределение» (r = 0,443 при p=0,012), «оптимально-высокий уровень притязаний» (r = 0,373 при p=0,045) и отрицательную связь – с «агрессией» (r = -0,467 при p=0,004), «доминированием» (r = -0,443 при p=0,004).

«*Альтруистичность*» имела положительную связь с показателями «почтение» («принятие авторитетов») (r = 0,632 при p<0,001), «аффилиация» (r = 0,627 при p<0,001), «подчинение» (r = 0,723 при p<0,001), «оказание опеки» (r = 0,614 при p<0,001), «самопознание» (r = 0,354 при p=0,006), «приспособление, подчинение» (r = 0,745 при p<0,001), «направленность на общение» (r = 0,610 при p<0,001), «конформность» (r = 0,410 при p=0,006), «средненизкий уровень притязания» (r = -0,265 при p=0,054) и отрицательную связь – с «доминированием» (r = -0,530 при p<0,001), «мотивацией достижения» (r = -0,563 при p<0,001), «агрессивностью» (r = -0,671 при p<0,001), «автономией» (r = -0,544 при p<0,001), «соперничеством» (r = -0,482 при p=0,006), «направленностью на себя» (r = -0,331 при p=0,032), «стремлением к успеху» (r = -0,416 при p=0,006), «ориентацией на личностные ценности» (r = -0,354 при p=0,034).

«*Индивидуалистичность*» имела положительную связь с «автономией» (r = 0,634 при p<0,001), «чувством виновности» (r = 0,344 при p=0,006), «толерантностью к новому (радикализмом)» (r = 0,532 при p<0,001), «избеганием» (r = 0,664 при p<0,001), «направленностью на дело» (r = 0,452 при p=0,014), «направленностью на себя» (r = 0,291 при p=0,053), «мотивацией избегания неудачи» (r = 0,362 при p=0,034), «ориентацией на личностные ценности» (r = 0,381 при p=0,050), и отрицательную связь – с «доминированием» (r = -0,323 при p=0,006), «принятием опеки» (r = -0,372 при p=0,006), «оказанием опеки» (r = -0,514 при p<0,001), «подчинением» (r = -0,321 при p=0,036), «результативностью совместной (производственной) деятельности» (r = -0,310 при p=0,044). (см. таблицы 2, 3, 4).

Таблица 2

Степень выраженности мотивационных тенденций (шкалы опросника А. Эдвардса)
у респондентов с различными видами состязательности (N=344, уровень корреляции по Спирмену)

Виды состязательности	Шкалы опросника личностных предпочтений А. Эдвардса											
	Мотивация достижения	Принятие авторитетов	Автономия, независимость	Аффилиация	Самопознание	Принятие опеки, ожидание помощи	Доминирование	Подчинение, чувство виновности	Оказание опеки	Толерантность к новому, радикализм	Выносливость, стойкость в достижении целей	Агрессия
Конкурентность	0,712 (p<0,001)	-0,413 (p=0,006)			-0,342 (p=0,026)	-0,440 (p=0,004)	0,752 (p<0,001)		-0,532 (p<0,001)	0,656 (p<0,001)	0,512 (p=0,004)	0,672 (p<0,001)
Сотрудничество	0,637 (p<0,001)			0,516 (p<0,001)	0,566 (p<0,001)		-0,443 (p=0,004)		0,518 (p<0,001)		0,531 (p<0,001)	-0,467 (p=0,004)
Альтруистичность	-0,563 (p<0,001)	0,632 (p<0,001)	-0,544 (p<0,001)	0,627 (p<0,001)	0,354 (p=0,006)		-0,530 (p<0,001)	0,723 (p<0,001)	0,614 (p<0,001)			-0,671 (p<0,001)
Индивидуалистичность			0,634 (p<0,001)			-0,371 (p=0,006)	-0,323 (p=0,006)	0,344 (p=0,006)	-0,514 (p<0,001)	0,532 (p<0,001)		

Таблица 3

Степень выраженности предрасположенности личности к конфликтному поведению (К. Томас) и направленности личности (Б. Басс) у респондентов с различными видами состязательности (N=344, уровень корреляции по Спирмену)

Виды состязательности	Тест К. Томаса				Направленность личности		
	Соперничество	Сотрудничество	Подчинение	Избегание	"На себя"	"На общение"	"На дело"
Конкурентность	0,812 (p<0,001)		-0,644 (p<0,001)		0,734 (p<0,001)		
Сотрудничество		0,767 (p<0,001)	0,273 (p=0,065)			0,562 (p<0,001)	0,433 (p=0,012)
Альтруистичность	-0,482 (p=0,006)		0,745 (p<0,001)		-0,331 (p=0,032)	0,610 (p<0,001)	
Индивидуалистичность			-0,321 (p=0,036)	0,664 (p<0,001)	0,291 (p=0,056)		0,452 (p=0,014)

Таблица 4

Степень выраженности мотивации достижения (А. Мехрабиан), уровня притязаний (Т.В. Дембо – С.Я. Рубинштейн), направленности и активности личности (А.В. Петровский) у респондентов с различными видами состязательности (N=344, уровень корреляции по Спирмену)

Виды состязательности	Мотивация достижения		Самооценка	А.В. Петровский			
				Активность	Направленность личности		
	Стремление к успеху	Избегание неудачи	Уровень притязаний		"Личностные ценности"	"Конформность"	"Коллективистское самоопределение"
Конкурентность	0,432 (p=0,022)	-0,311 (p=0,036)	0,544 (p=0,006)	0,448 (p=0,010)			
Сотрудничество	0,353 (p=0,042)		0,373 (p=0,045)	0,332 (p=0,042)			0,443 (p=0,012)
Альтруистичность	-0,416 (p=0,006)		-0,265 (p=0,054)		-0,354 (p=0,034)	0,410 (p=0,006)	
Индивидуалистичность		0,362 (p=0,034)		-0,310 (p=0,044)	0,381 (p=0,050)		

Таким образом, полученные в исследовании результаты подтверждают надежность и валидность основных показателей состязательности, расширяют и уточняют содержательный психологический смысл выделенных видов состязательности и эмпирических способов их фиксации

Необходимо также отметить отличие феномена «состязательность» от выделенных выше психологических явлений. Так, например, «состязательность» в отличие от «мотивации достижения» включает в себя два хорошо структурированных вектора: направленность и интенсивность. «Мотивация достижений» имеет фактически четко выделенную одну ось – успех (интенсивность). Следовательно, мотивацию достижений можно рассматривать как составную часть (сторону) состязательности, непосредственно связанную с вектором интенсивности. Индивидуалистичность как один из видов состязательности имеет наиболее непосредственную и ярко выраженную связь с мотивацией достижений (вектор интенсивности), не теряя при этом второго вектора – направленности (хотя и в потенциальном виде). А вот «конкурентность» уже не имеет такой прямой непосредственной связи с «мотивацией достижений». Мало того, как показано в ряде экспериментов Б. Бонта [243], C. Simmons et al. [359], R. Smither et al. [363], состязательность (конкурентность или кооперация) и мотивация достижения не обязательно являются связанными переменными – вполне возможно иметь сильное желание к достижению без высокой потребности в соперничестве или кооперации. Поэтому эти авторы приходят к выводу, что необходимо и важно отделять мотивацию к достижению от ориентации на сотрудничество или конкуренцию.

Взаимосвязь между «состязательностью» и «конфликтом» (конфликтностью) противоположна связи «состязательности» с «мотивацией достижений»: имеет место четко выраженное совпадение этих явлений по вектору направленности и фактическое отсутствие в феномене «конфликт» вектора интенсивности. И поэтому конфликт «как обострившееся противоречие» можно рассматривать крайней формой проявления состязательности (фактически такая точка зрения присуща, например, и Мортону Дойчу).

«Уровень притязаний» также имеет отношение к состязательности как свойству субъекта и выступает важнейшей его фоновой характеристикой, фиксируемой при изучении состязательности в векторе интенсивности субъекта, а также при изучении жизненных и трудовых ценностей респондентов. Еще одной важнейшей «фоновой психологической коррелятой» состязательности выступает «потребность». Состязательность и ее виды следует рассматривать как своеобразные и конкретные формы опредмечивания социогенных потребностей индивида. Это во многом проясняет важнейшие сущностные свойства состязательности как источника активности и развития. Ведь «живое существо есть сложная, более или менее расчлененная в подструктурах функциональная система, важнейшей формой (свойством) существования которой выступает самоактивность. Эта самоактивность в каждом конкретном случае принимает структуру, соответствующую условиям существования субъекта. Потребность (в той или иной конкретной форме) производится из этой активности. Она возникает на почве торможения, задержки, вызванной какой-либо конкретной нехваткой в одной из подструктур данной активности, и удовлетворяется с помощью тех объективных обстоятельств, которые обеспечивают снятие этого торможения и нормальное развитие заторможенной активности. Функциональные подструктуры, в которых конкретизируется и приобретает определенность самоактивность индивида, формируются во взаимосвязи с внешней действительностью» (Чхартишвили Ш.Н., 1974) и по своей направленности могут приобретать тот или иной вид или подвид состязательности.

Выявленные связи состязательности с различными психологическими явлениями («психологическими коррелятами» состязательности) позволили выдвинуть предположение о том, что они образуют своеобразное психологическое пространство состязательности, которое, в свою очередь, структурируется по таким нескольким ведущим (определяющим) индивидуально-психологическим параметрам как доминирование, независимость и актив-

ность, которые могут быть положены в основу описания (анализа) «состязательной личности».

Кластерный анализ методом к-средних позволил выделить восемь основных типов «состязательной личности» (см. таблицы 5, 6).

Таблица 5

Психологические типы «состязательной личности» (N=344)

Личностные психологические феномены («психологические корреляты состязательности»)	Типы «состязательной личности»							
	«конформно-подчиняющийся» (N=31)	«конформно-доминантный» (N=18)	«подчиненно-успешный» (N=47)	«доминантно-успешный» (N=72)	«незасимо-подчиняющийся» (N=11)	«независимо-доминантный» (N=57)	«успешный с элементами независимости-подчинения» (N=48)	«успешный с элементами независти и доминирования» (N=60)
Мотивация достижения*	4,2	5,6	6,7	7,9	6,1	6,5	7,6	8,1
Принятие авторитетов*	8,7	6,2	7,8	5,5	6,1	4,5	5,6	4,7
Автономия, независимость*	4,1	5,4	5,2	6,3	6,0	8,7	6,8	8,5
Принятие опеки, ожидание помощи*	8,2	6,1	8,1	3,5	6,4	3,2	5,8	3,4
Доминирование*	3,4	6,6	4,5	8,3	4,7	8,7	7,2	8,8
Подчинение, чувство виновности*	8,6	7,6	7,2	3,6	6,4	3,1	6,3	3,0
Оказание опеки*	4,8	7,8	5,2	7,6	3,5	6,7	6,4	7,1
Выносливость, стойкость в достижении целей*	4,4	5.9	6.6	8,1	5,3	8,0	7,8	8,2
Мотивация достижения успеха**	2,5	4,0	4,7	6,4	3,3	5.9	6,2	6,5
Активность***	1,5	2,7	3,9	4,7	2,3	3,6	4,1	4,7

Прим.: * - 9-балльная шкала; ** - 7-балльная шкала; *** - 5-балльная шкала

Таблица 6

Симптомокомплексы личностных качеств основных типов «состязательной личности» (N=344)

Свойства личности	Типы «состязательной личности»								Значимость различий по критерию Крускалла-Уоллиса
	«конформно-подчиняющийся» (N=31)	«конформно-доминантный» (N=18)	«подчиненно-успешный» (N=47)	«доминантно-успешный» (N=72)	«независимо-подчиняющийся» (N=11)	«независимо-доминантный» (N=57)	«успешный с элементами независимости-подчинения» (N=48)	«успешный с элементами независимости и доминирования» (N=60)	
Общительность*	1,8	1,9	2,0	2,6	1,2	1,3	1,5	2,6	<0,01
Застенчивость*	2,5	1,8	2,1	1,2	2,5	1,9	2,1	1,2	<0,001
Маскулинность*	1,2	2,0	1,4	2,6	1,4	2,2	1,9	2,7	<0,001
Потребность в достижении*	1,1	1,3	1,8	2,7	1,2	1,5	1,8	2,6	<0,001
Раздражительность*	1,3	2,4	1,2	1,7	1,4	2,6	1,4	1,8	<0,01
Невротичность*	2,3	1,7	2,0	1,2	2,7	1,9	1,8	1,1	<0,01
Спонтанная агрессивность*	1,7	2,1	1,3	1,4	2,6	1,7	1,2	1,3	<0,01
Реактивная агрессивность*	1,2	2,0	1,4	2,7	1,5	2,1	1,2	2,6	<0,001
Ригидность*	2,1	2,0	1,8	1,6	1,7	1,6	1,8	1,5	>0,05
Уравновешенность*	1,8	1,8	2,1	2,5	1,3	1,4	2,5	2,5	<0,01
Уровень притязаний*	1,3	1,9	1,7	2,6	1,2	2,1	1,8	2,6	<0,001

Прим.: * - 3-балльная шкала

В нашем исследовании для выявления свойств личности использовались отдельные шкалы многофакторного личностного опросника FPI (модифицированная форма В), созданного главным образом для прикладных исследований и адаптированного на факультете психологии СПбГУ (см. Прак-

тикум по экспериментальной и прикладной психологии. СПб., 2005. С. 51–60).

Всего было использовано 10 шкал:

- «общительность» (социальная активность). Высокие оценки свидетельствуют о наличии выраженной потребности в общении, постоянной готовности к удовлетворению этой потребности;

- «застенчивость» характеризует предрасположенность к стрессовому реагированию на обычные жизненные ситуации, протекающие по пассивно-оборонительному типу;

- «маскулинность»;

- «потребность в достижении»;

- «раздражительность» (эмоциональная устойчивость). Высокие оценки свидетельствуют о неустойчивом эмоциональном состоянии со склонностью к бурному реагированию, переменчивости, неустойчивости в интересах, легкой возбудимости;

- «невротичность». Высокие оценки соответствуют выраженному невротическому синдрому астенического типа со значительными психосоматическими нарушениями, то есть об эмоциональной неустойчивости, тревожности, мнительности, сопровождающимися повышенной утомляемостью, истощаемостью, неустойчивостью настроения, нарушениями сна и здоровья из-за переживаний (сердце, желудок и т.п.);

- «спонтанная агрессивность». Высокие оценки шкалы свидетельствуют о внутренней дисгармонии, глубокой неудовлетворенности жизнью, своим социальным положением, конфликтности (брюзжание, хуление и т.п.), замкнутости, нерешительности, неуверенности в себе;

- «реактивная агрессивность». Высокие оценки шкалы характеризуют агрессивное отношение к социальному окружению, ярко выраженное стремление к доминированию, к конфликтам, уверенность в себе и т.д.;

- «ригидность». Высокие оценки шкалы свидетельствуют о трудностях (неспособности) к изменению намеченной человеком программы поведения в условиях, объективно требующих ее изменения;

- «уравновешенность» (устойчивость к стрессу). Высокие оценки свидетельствуют о хорошей защищенности к воздействию стресс-факторов обычных жизненных ситуаций, базирующейся на уверенности в себе, оптимистичности и активности.

Первый тип «состязательной личности» (9% респондентов), обозначенный как «конформно-подчиняющийся» отличается наиболее высокими оценками «принятия авторитетов», «принятия опеки, ожидания помощи», «подчинения, чувства виновности» и одними из самых низких показателей «мотивации достижения», «автономии, независимости», «выносливости, стойкости в достижении целей», «мотивации достижения успеха», «активности». Кроме того, как видно из таблицы 6, представители этого типа «состязательной личности» выделяются высоким уровнем «застенчивости», «невротичности», и низкими оценками «маскулинности», «потребности в достижении», «раздражительности», «реактивной агрессивности».

Второй тип «состязательной личности» (5% респондентов), получивший название «конформно-доминантный», характеризуется высокими показателями «оказания опеки», «подчинения, чувства виновности», а его представители (таблица 6) отличаются в основном средними оценками практически всех свойств личности (исключение составляет высокий уровень «раздражительности»).

Третий тип «состязательной личности» (14% респондентов), получил название «подчиненно-успешный». Для него характерен высокий уровень «принятия опеки, ожидания помощи», «принятия авторитетов», а его представители (таблица 6) выделяются низкими оценками «раздражительности», «маскулинности», «спонтанной агрессивности», «реактивной агрессивности».

Четвертый тип «состязательной личности» (21% респондентов), обозначенный как «доминантно-успешный» оказался самым многочисленным и от-

личается наиболее высокими оценками «активности», «мотивации достижения», «выносливости, стойкости в достижении целей», «оказания опеки», «доминирования», «мотивации достижения успеха» и одними из самых низких показателей «подчинения, чувства виновности», «принятия опеки, ожидания помощи». Как видно из таблицы 6, представители этого типа «состязательной личности» выделяются высоким уровнем «потребности в достижении», «общительности», «маскулинности», «реактивной агрессивности», «уравновешенности», «притязаний», и низкими оценками «застенчивости», «невротичности», «спонтанной агрессивности».

Пятый тип «состязательной личности» (3% респондентов), получивший условное название «незасисимо-подчиняющийся», оказался самым малочисленным из-за своей внутренней противоречивости, характеризуется средними показателями своих «базовых» качеств, а его представители (таблица 6) отличаются высоким уровнем «застенчивости», «невротичности», «спонтанной агрессивности» и низкими оценками «потребности в достижении», «общительности», «маскулинности», «раздражительности», «уравновешенности».

Шестой тип «состязательной личности» (16% респондентов), получил название «независимо-доминантный». Для него характерен высокий уровень «доминирования», «автономии, независимости», «выносливости, стойкости в достижении целей», «активности» и ниже среднего уровня оценки «принятия опеки, ожидания помощи», «подчинения, чувства виновности», а его представители (таблица 6) выделяются высоким показателем «раздражительности» и низкими оценками «общительности», «уравновешенности».

Седьмой тип «состязательной личности» (14% респондентов), обозначенный как «успешный с элементами независимости-подчинения» отличается достаточно высокими оценками «мотивации достижения», «выносливости, стойкости в достижении целей», «активности», «доминирования», «мотивации достижения успеха». Представители этого типа «состязательной личности» выделяются высоким уровнем «уравновешенности» и низкими оценками «раздражительности», «реактивной агрессивности», «спонтанной агрессивности».

Наконец, восьмой тип «состязательной личности» (18% респондентов), получивший название «успешный с элементами независимости и доминирования», оказался достаточно представительным и отличается наиболее высокими оценками «активности», «мотивации достижения», «выносливости, стойкости в достижении целей», «автономии, независимости», «доминирования», «мотивации достижения успеха» «оказания опеки» и одними из самых низких показателей «подчинения, чувства виновности», «принятия опеки, ожидания помощи». Также представители этого типа «состязательной личности» выделяются высоким уровнем «потребности в достижении», «общительности», «маскулинности», «реактивной агрессивности», «уравновешенности», «притязаний», и одними из самых низких оценок «застенчивости», «невротичности», «спонтанной агрессивности».

Кроме того, процедура проверки опросника на надежность и валидность вынудила частично ограничить изучение состязательности в основном экономической (трудовой) сферой, так как эмпирические показатели состязательности в социально-политической и социокультурных областях, к сожалению, не всегда отвечали требованиям надежности и статистической валидности. Неплохие дифференцирующие способности опросника определяются дробностью его метрики (в процессе обработки результатов фактически осуществляется выход на интервальную шкалу) и достаточно высокой чувствительностью инструмента как к измеряемому качеству (опросник позволяет выявить не только крайние, явные проявления состязательности, но и скрытые, промежуточные), так и к влиянию макро- и микросреды.

2.3. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ СТРУКТУРНО-КОМПОЗИЦИОННОЙ КОНЦЕПЦИИ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ

Разрабатываемая социально-психологическая концепция состязательности рассматривает состязательность с позиций метасистемного подхода как полисистемный «функциональный орган» со встроенными системными

уровнями социальной реальности (социума), деятельности (взаимодействия), личности. Кроме того, предлагаемая социально-психологическая концепция состязательности является структурно-композиционной, так как в ней феномен состязательности рассматривается как явление целостностное, с четкой организованностью, структурированностью, согласованностью и логической связанностью на всех уровнях. С этих позиций состязательность представляет собой разновидность взаимодействия и особую форма «соактивности» людей, отличающаюся от предшествующей традиционной дихотомической (конкурентно-кооперативной) схемы анализа состязательности выделением более полного набора параметров состязательности, поддающихся измерению (сотрудничество, конкурентность, индивидуалистичность, альтруистичность), объемностью, развернутостью, более высокой дифференцированностью, и раскрывающая социально-психологическую основу изменения (повышения) активности субъектов совместной деятельности и качественного своеобразия развития социальной и межличностной интеракции. Это значительно расширяет традиционные рамки социально-психологического анализа состязательности, соактивности людей, развития социальной группы (формирования отношений совместности, коллективности). Кроме того, предлагаемая структурно-композиционная концепция состязательности способствует становлению социально-психологической теории состязательности в качестве теории среднего ранга, что вносит определенный вклад в развитие теории социального взаимодействия, расширяя понимание особенностей формирования социально-психологической активности субъектов, углубляя представление о механизмах формирования и развития отношений совместности (коллективности). Результаты исследования способствуют уточнению понятий конкурентность, сотрудничество, соревновательность, коллективность (совместность), эффекты отношений сотрудничества-конкурентности. Разработанная социально-психологическая концепция состязательности открывает возможность для становления и развития нового научного направления – изучение формирования, функционирования и оптимизации в обществе состязательно-

сти и отдельных ее видов как форм социально-психологической активности.

Предлагаемая структурно-композиционная концепция состязательности может быть использована в качестве психологической основы для оптимизации процесса регулирования социального взаимодействия на всех уровнях (от межличностного до межгосударственного) и во всех сферах совместной деятельности. Результаты исследования могут иметь практическое значение для самого широкого спектра экономических, социальных и социально-психологических процессов, так как состязательность выступает одним из основных непосредственных источников повышения эффективности деятельности субъектов и оказывает существенное опосредующее влияние на совместную деятельности в качестве одного из главных индикаторов развития отношений совместности. Учет специфики каждого из видов состязательности позволит более точно и дифференцированно подойти к проблеме совершенствования организации совместной деятельности на разных уровнях. Использование состязательности как критерия определения уровня развития отношений совместности в различных социальных группах может представлять собой основу оптимизации процесса управления и руководства ими. Знание и учет особенностей различных видов состязательности облегчат осознанный выбор наиболее подходящего для конкретных условий совместной деятельности вида состязательности.

Полученные данные можно использовать в практике консультативной работы в организации, в том числе по проблемам управления трудовой и инновационной деятельностью с органами государственного управления, научно-техническими и производственными организациями, государственными и частными корпорациями, заинтересованными в современных технологиях управления.

Выводы по главе 2

Во **второй главе** выявлены методологическая база и теоретические основы изучения состязательности, в состав которых включены принципы, подходы, концепции и понятия, релевантные цели, предмету и задачам исследования.

Приведены результаты эмпирических исследований проверки основных методических средств на надежность (устойчивость) и валидность. Выявленны связи состязательности с различными психологическими явлениями («психологическими коррелятами» состязательности), что позволило выдвинуть предположение о том, что они образуют своеобразное психологическое пространство состязательности, которое, в свою очередь, структурируется по таким нескольким ведущим (определяющим) индивидуально-психологическим параметрам как доминирование, независимость и активность, которые могут быть положены в основу описания (анализа) «состязательной личности». Кластерный анализ методом к-средних позволил выделить восемь основных типов «состязательной личности».

В данной главе были проанализировали возможности системного и метасистемного подходов относительно исследования состязательности. Было показано, что метасистемный подход обладает значительными возможностями в данном отношении и в частности позволяет преодолеть многие ограничения системного подхода в исследовании данного явления.

Отмечается, что качественная специфика феномена состязательности пока размыта и с трудом «улавливается» исследователями данного явления с позиций традиционного системного подхода, так как данный феномен представляет собой универсальное средство, один из способов функционирования, выживания, адаптированности социального субъекта (личности) в социальной среде в процессе социального взаимодействия. Уловить содержательную сущность состязательности и выделить ее тяжело, но возможно. Этому во многом способствует рассмотрение состязательности с позиций метасистемного подхода как системы со встроенным метасистемным уровнем. При этом нужно отметить, что встраивание метасистемы в систему состязательности осуществляется

не с «морфологических» позиций, а носит функциональный характер и всегда предусматривает качественные преобразования компонентов метасистемы при их встраивании в систему. То есть, состязательность рассматривается как приспособительная система функционального типа, как одно из универсальных средств изменения эффективности деятельности (взаимодействия) социального субъекта (прежде всего – личности) в условиях социальной реальности (социума). Отсюда вытекает полисистемный характер феномена состязательности, то есть состязательность представляет собой систему функционального типа со встроенным не одним, а несколькими метасистемными уровнями. Иначе говоря, состязательность представляет собой наложенную систему, потому что она (состязательность) везде и нигде, она мультиплицирует в себя эти три метасистемы (социум, деятельность, личность). Таким образом, предлагается придерживаться постнеклассической методологии анализа состязательности, которая требует пересмотра понятия системы как таковой.

Показано, что с позиций метасистемного подхода по отношению к феномену состязательности впервые оказалось возможным разработать целостную, структурно-композиционную концепцию состязательности (и рассмотреть состязательность как особую, качественно специфическую систему со встроенными метасистемными уровнями социальной реальности, деятельности, личности). Состязательность, как разновидность взаимодействия и особая форма социально-психологической активности, являющаяся следствием одновременной реализации двух амбивалентных стремлений, изначально присущих социальному субъекту: к выделению себя (обособлению) и к взаимодействию (интеграции), – представляет собой целостную структуру, включающую два равноценных основания («направленность» и «интенсивность»), которая позволяет перейти от традиционной упрощенной дихотомической схемы изучения состязательности («конкуренция – кооперация») к более дифференцированной шкале.

Отмечается, что разрабатываемая социально-психологическая концепция состязательности рассматривает состязательность с позиций метаси-

стемного подхода как полисистемный «функциональный орган» со встроенными системными уровнями социальной реальности (социума), деятельности (взаимодействия), личности. Кроме того, предлагаемая социально-психологическая концепция состязательности является структурно-композиционной, так как в ней феномен состязательности рассматривается как явление целостностное, с четкой организованностью, структурированностью, согласованностью и логической связанностью на всех уровнях. С этих позиций состязательность представляет собой разновидность взаимодействия и особую форма «соактивности» людей, отличающаюся от предшествующей традиционной дихотомической (конкурентно-кооперативной) схемы анализа состязательности выделением более полного набора параметров состязательности, поддающихся измерению (сотрудничество, конкурентность, индивидуалистичность, альтруистичность), объемностью, развернутостью, более высокой дифференцированностью, и раскрывающая социально-психологическую основу изменения (повышения) активности субъектов совместной деятельности и качественного своеобразия развития социальной и межличностной интеракции. Это значительно расширяет традиционные рамки социально-психологического анализа состязательности, соактивности людей, развития социальной группы (формирования отношений совместности, коллективности).

ГЛАВА 3. ДИНАМИКА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ И ФАКТОРЫ ЕЕ ОБУСЛОВЛИВАЮЩИЕ

3.1. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИЙ ИЗМЕНЕНИЯ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Исследованиями, проводившимися на базе кафедры и лаборатории социологии Пермского национального исследовательского политехнического университета регулярно с 1979 по 2013 г., было охвачено более 12 000 человек. Изучалась состязательность в различных сферах жизнедеятельности (социально-политической, социокультурной, досуговой и др.), но основное внимание было уделено выделению особенностей состязательности в трудовой сфере. Основными объектами исследований были первичные производственные группы предприятий и организаций г. Перми, Пермской области, Крымской области, г. Норильска.

Рассмотрим основные результаты эмпирических исследований. Начнем с анализа тенденций изменения состязательности за последние три десятилетия в нашей стране. Прежде всего необходимо отметить, что на протяжении почти 30 лет удавалось постоянно фиксировать практически все виды состязательности. Если обобщить все данные за указанный период времени, то распределение состязательности в производственных группах имеет следующий вид (рисунок 3, 6).

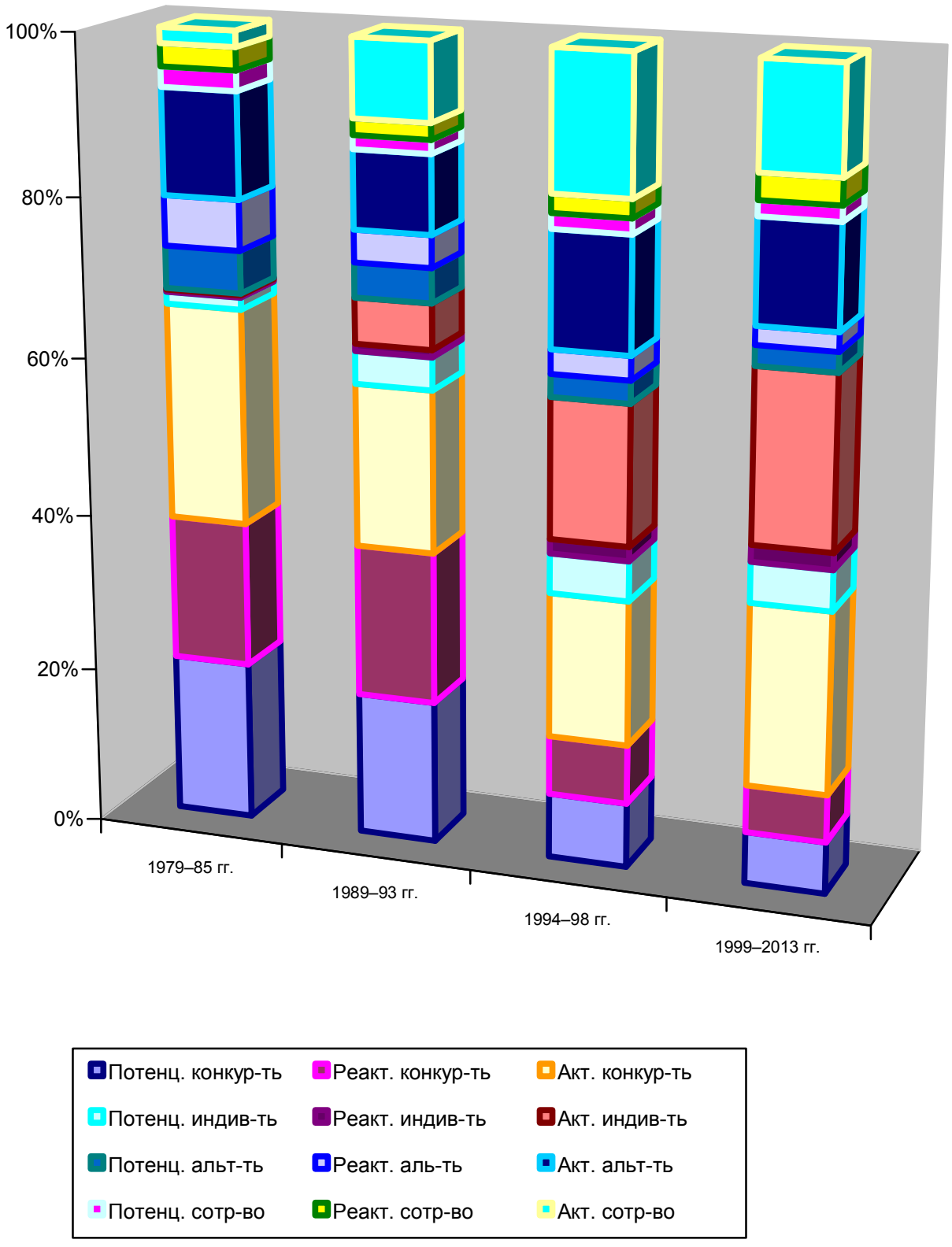

Рисунок 3. Динамика состязательности в современном российском обществе с 1979 по 2013 г., %

С целью уточнения тенденций изменения состязательности за последние годы автором данной работы, совместно с А.С. Тонковым, в 2013 году было проведено исследование, посвященное изучению состязательности у работников медицинских учреждений Пермского края. В этом исследовании также зафиксированы практически все виды состязательности, но были выявлены и некоторые отличия: медицинские работники отличались более высокими показателями альтруистичности и небольшим снижением активных видов состязательности (что скорее всего обусловлено содержанием их профессиональной деятельности) [рисунок 4, 5].

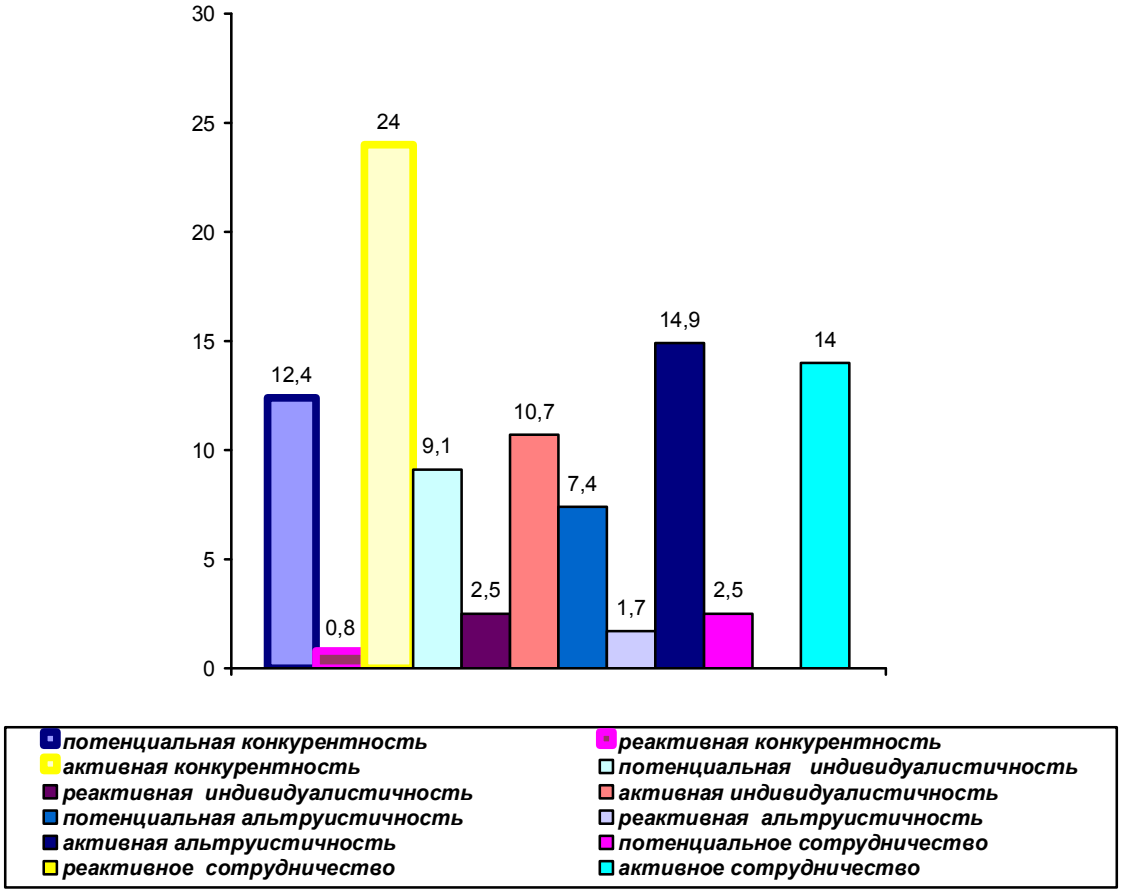

Рисунок 4. Типы состязательности у медицинских работников Пермского края (2013 г., N=121,% от числа порошенных)

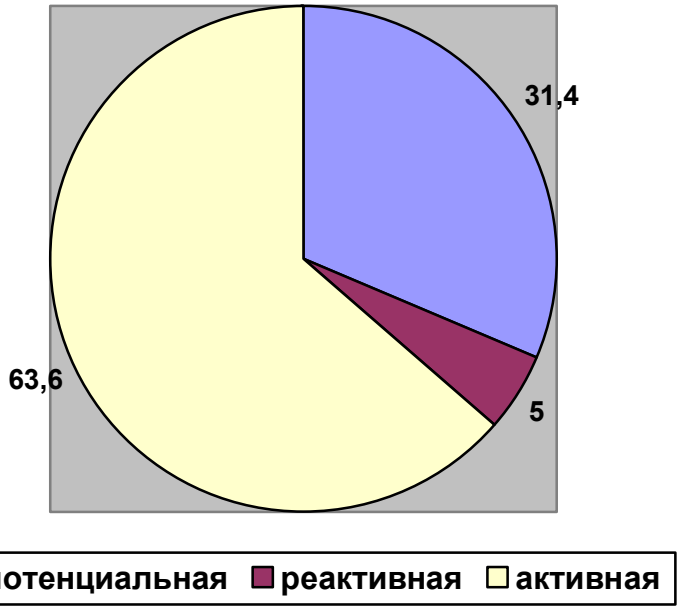

Рисунок 5. Распределение медицинских работников по степени активности субъектов состязательности (2013 г., N=121,% от числа порошенных)

О валидности и надежности полученных нами данных (и используемого методического аппарата) также свидетельствуют результаты, хотя и достаточно редких исследований взаимоотношений, аналогичных по содержанию отношениям состязательности. Так, например, Г.Э. Белицкая в 1992 г. [8] получила распределение отношений состязательности в российском обществе, используя собственную методику исследования типов сознания социальных проблем (или субъектности, соотношения позиций индивида и общности), в целом соответствующих уровню развития состязательности, установленному по результатам наших исследований в период с 1989 по 1993 г. (рисунок 3 и таблица 7).

Таблица 7

Типы личностного конструкта «Я–общность» (типы состязательности) в российском обществе в 1992 г. (по данным Г.Э. Белицкой), %

Параметры	%
Отношения конкурентности («Я – субъект» – «общество – объект»)	44
Отношения избегания, ухода («Я – объект» – «общество – объект»)	6
Отношения подчинения, альтруизма («Я – объект» – «общество – субъект»)	23
Отношения сотрудничества («Я – субъект» – «общество – субъект»)	27

Кроме того, сравнительный анализ результатов наших исследований и Г.Э. Белицкой [8] свидетельствует о более высокой чувствительности критериев по определению позиций респондентов в социальном пространстве, используемых в нашем инструментарии, по сравнению с подходом Г.Э. Белицкой.

Используемый методический аппарат также достаточно чувствителен и к конкретным условиям жизнедеятельности, в том числе к условиям микросреды. Так, например, в процессе исследования социальной и социально-психологической обстановки в первичных коллективах (подразделениях) ГУВД г. Перми (исследованием были охвачены практически все сотрудники 22 первичных коллективов; всего 196 сотрудников) не было впервые зафиксировано преобладания в них позиции «конструктивного сотрудничества» («Я – субъект» – «общество – субъект»), так как социальные группы имели жесткую, объективно заданную, иерархическую структуру управления, фактически существенно ограничивающую (или даже исключающую) возможность полной самореализации субъекта состязательности (прежде всего, лимитировалась возможность для выделения своего «Я» или для развития такого личностного конструкта, как «Я – субъект») [более подробно: 103, 104].

В определенной степени методика достаточно чувствительна и к изменениям широкого социального окружения (влиянию макросреды). Как видно из рисунка 4, с 1979 по 2013 г. происходили существенные изменения в динамике состязательности. Причем переломным периодом (то есть когда имели место наиболее значимые изменения в развитии состязательности) можно считать время с 1994 по 1998 г. А с 1999 г. происходит определенная стабилизация в состоянии (уровне развития) состязательности. И как это не покажется странным, но именно эти периоды в развитии российского общества принято считать: один переломным – начало и середина 1990-х гг., а другой – началом стабилизации (начало XXI в.). Таким образом, критерий состязательности вполне может претендовать на роль одного из наиболее точных (чувствительных) и универсальных критериев социального развития.

Если анализировать конкретные изменения за данный период, то следует особо отметить: снижение уровня конкурентности (в первую очередь, потенциальной и реактивной конкурентности), определенное уменьшение реактивных форм альтруистичности, некоторое повышение активного сотрудничества и достаточно резкое увеличение числа респондентов, занимающих позиции активной индивидуалистичности (избегания). И еще одна тенденция изменения состязательности явно бросается в глаза – значительное увеличение активных форм состязательности (рисунок 6).

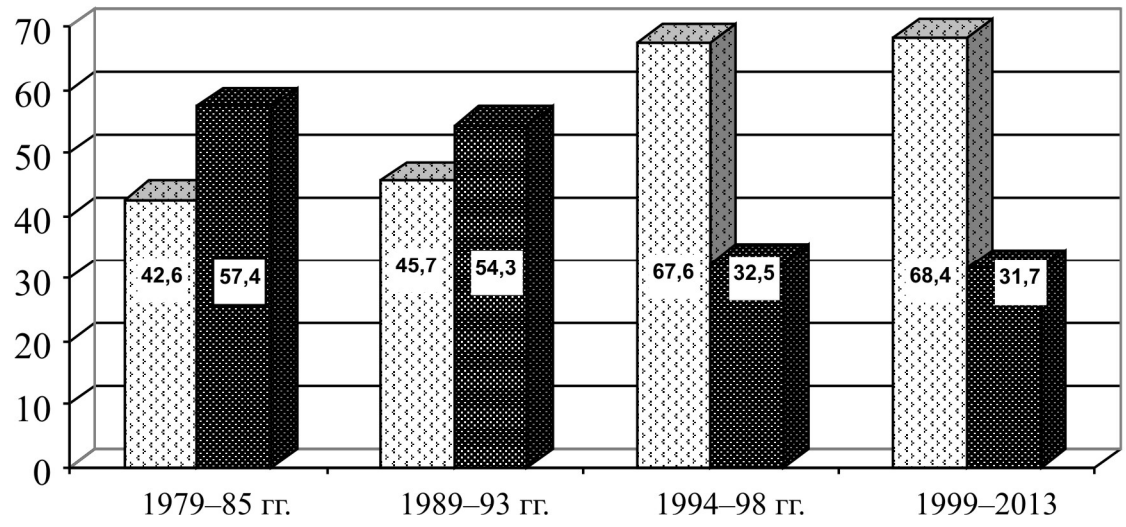

Рисунок 6. Распределение активных и пассивных форм состязательности с 1979 по 2013 г., %:
– активные формы состязательности,
– пассивные формы состязательности

Выявленные тенденции изменения состязательности уточняют и конкретизируют многие выводы о происходящих изменениях в современном российском обществе. Так, Я. Рейковски отмечает, что в современном обществе (польском, российском и других бывших стран «социалистической ориентации») намечается тенденция к полному разрушению коллективистской ориентации и прогрессу индивидуализации. «Развитие рыночных отношений, которые отрывают людей от первичных коллективов и способствуют кооперации, основанной в большей степени на выгоде, чем на эмоциональных связях, неизбежно ведет к прогрессу индивидуализации… Другими словами, переход

к рынку и другие перемены в социальной жизни будут форсировать развитие индивидуализма» [158, с. 29–32]. Нужно отметить, что Я. Рейковски в понятии «индивидуализация», к сожалению, смешивает (не дифференцирует) такие два типа состязательности, как конкурентность и индивидуалистичность.

Г.Э. Белицкая, в свою очередь, выделяет в современных российских условиях как преобладающий тип личностного сознания социальных проблем конкурентность («Я–субъект» – «общество–объект») и называет его «деятельным, эмпирическим, оптимальным типом» с преобладанием индивидуальных ценностей [8, с. 60–62].

Результаты же исследований лаборатории социологии ПНИПУ, с одной стороны, отчасти подтверждают преобладание в современном российском обществе конкурентности (но с существенным уточнением – имеет место ярко выраженная тенденция уменьшения конкурентности, особенно ее пассивных форм), сокращение («разрушение») альтруистичности, с другой стороны, уточняют основные тенденции изменений состязательности – отмечаются значительный рост активных форм состязательности, существенное увеличение такой формы состязательности, как «избегание», «неопределенность» в направленности своей активности (что естественно для любого переходного периода, для этапа переструктурирования социальных отношений), постоянный рост конструктивного сотрудничества (как основной тенденции прогрессивного развития состязательности).

Разрабатываемый авторский подход к анализу феномена состязательности как формы соактивности, отличающаяся от предшествующей традиционной дихотомической (конкурентно-кооперативной) схемы анализа состязательности выделением более полного набора параметров состязательности, поддающихся измерению (сотрудничество, конкурентность, индивидуалистичность, альтруистичность), позволяет более адекватно раскрыть социально-психологическую основу изменения (повышения) активности субъектов совместной деятельности. Это значительно расширяет традиционные рамки социально-психологического анализа состязательности, соактивности людей, развития

социальных субъектов.

Тем самым, предлагаемый подход к рассмотрению феномена состязательности может быть использован в качестве более надежной психологической основы для оптимизации процесса регулирования социального взаимодействия на всех уровнях (от межличностного до межгосударственного) и во всех сферах совместной деятельности (учет специфики каждого из видов состязательности позволит более точно и дифференцированно подойти к проблеме совершенствования организации совместной деятельности).

3.2. ФАКТОРЫ, ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЕ ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ

Используемый инструментарий также оказался чувствительным к влиянию различных факторов (индивидно-личностных, микро- и макросреды) не только на уровне общества в целом, но и на уровне отдельной социальной группы, то есть состязательность выступает достаточно тонким индикатором внутригрупповой дифференциации. Использование регрессионного анализа позволило выявить целый ряд факторов, обусловливающих формирование и развитие различных видов состязательности.

3.2.1. ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ

В частности, было эмпирически установлено влияние форм собственности на состязательность (см. таблицы 8 и 9). За период с 2000 по 2013 гг. были проведены исследования состязательности в организациях с разной формой собственности: в организациях с государственной формой собственности было опрошено около 1500 респондентов, с акционерной формой собственности – 375 человек, с частной формой собственности – 98 работников. Было выявлено достаточно сильное и своеобразное влияние данного фактора (собственности) на состязательность (таблица 8). В частности, наиболее существенные отличия по уровню развития состязательности зафиксированы между работниками организаций с государственной и акционерной формой собст-

венности. Работники организаций с частной формой собственности занимали промежуточное положение. Эмпирические данные свидетельствуют о том, что респонденты государственных организаций отличаются самым высоким уровнем конкурентности (48,1 %)(β = 0,260) и индивидуалистичности (31,5 %)(β = 0,241), а также самыми низкими показателями сотрудничества (9,4 %)(β = -0,155) и альтруистичности (9,5 %)(β = -0,158). Работники акционерных организаций выделяются наиболее высокими (по сравнению с работниками организаций с иными формами собственности) показателями сотрудничества (31,1 %)(β = 0,342), альтруистичности (25,8 %)(β = 0,278) и наиболее низким уровнем конкурентности (16,3 %)(β = -0,177). Несколько парадоксально выглядит явное преобладание «направленности на себя» у работников государственных организаций (β = 0,241). Но одним из объяснений сложившейся ситуации может служить, скорее всего, более высокий уровень отчужденности работников этих организаций, что отчасти косвенно подтверждается совпадением уровня развития состязательности работников государственных организаций в 2000–2013 гг. с уровнем развития состязательности до 1985г. (рисунок 3 и таблица 9).

Таблица 8

Уровень развития состязательности у работников организаций разных форм собственности (2000–2013 гг.), (коэффициенты линейной регрессии)

Зависимые переменные	Предикторы, β			R^2
Виды состязательности	Форма собственности			
	Государственная (N=1480)	Акционерная (N=375)	Частная (N=98)	
Конкурентность	0,260***	-0,177*	0,166*	0,212
Индивидуалистичность	0,241***			0,157
Альтруистичность	-0,158*	0,278***	0,158*	0,230
Сотрудничество	-0,155*	0,342***		0,196

* p<0,05; ** p<0,01; *** p<0,001; β - стандартизированные коэффициенты регрессии; R^2 - доля дисперсии.

Наиболее высокий уровень развития сотрудничества у работников акционерных организаций, скорее всего, является следствием более высокой (мнимой и реальной) их включенности в дела своей организации и, возможно,

более высоким уровнем развития именно в акционерных организациях корпоративной культуры. В частности, было установлено, что участие в управлениисущественно влияет на развитие состязательности: респонденты, участвующие в управлении предприятием или имеющие в своем подчинении ра ботников, отличаются более высоким уровнем развития сотрудничества

Таблица 9

Уровень развития состязательности у работников организаций разных форм собственности (2000–2013 гг.), %

Виды состязательности	Форма собственности		
	Государственная	Акционерная	Частная
Потенциальная конкурентность	9,2	6,2	5,5
Реактивная конкурентность	5,9	1,1	10,5
Активная конкурентность	33,0	9,0	17,3
Потенциальная индивидуалистичность	4,6	10,6	5,4
Реактивная индивидуалистичность	2,3	2,0	1,7
Активная индивидуалистичность	24,6	14,3	17,3
Потенциальная альтруистичность	1,1	5,9	1,3
Реактивная альтруистичность	0,9	1,4	6,2
Активная альтруистичность	7,5	18,5	14,5
Потенциальное сотрудничество	0,2	5,9	0,6
Реактивное сотрудничество	1,0	3,6	6,9
Активное сотрудничество	8,2	21,6	13,2

(более 35 %)(β = 0,324) и альтруистичностью (31 %)(β = 0,288). В то же время наиболее высокий уровень индивидуалистичности установлен у респондентов, пока еще сомневающихся в необходимости участия в управлении организацией (42,4 %)(β = 0,398) [более подробно см. таблицы 10, 11]. Но выявленные закономерности требуют еще дополнительной более тщательной проверки.

Таблица 10

Влияние участия работников организаций в управления на уровень развития состязательности (N = 375), (коэффициенты линейной регрессии)

Зависимые переменные	Предикторы, β			R^2
Виды состязательности	Участие в управлении организацией			
	Да	Нет	Затрудняюсь ответить	
Конкурентность			-0,157*	0,122
Индивидуалистичность			0,398***	0,117
Альтруистичность	0,288**	0,166*		0,243
Сотрудничество	0,324***	0,171*		0,256

* p<0,05; ** p<0,01; *** p<0,001; β - стандартизированные коэффициенты регрессии; R^2 - доля дисперсии.

Таблица 11

Уровень развития состязательности в различных социально-профессиональных группах ($N = 375$), %

Виды состязательности	Факторы								
	Профессия			Наличие подчиненных			Участие в управлении		
	Рабочий	Служащий	Специалист	Руководитель	Нет	Есть	Да	Нет	Затруднились ответить
Потенциальная конкурентность	7,5	13,3	4,7	1,8	7,4	2,3	2,8	7,8	7,1
Реактивная конкурентность	1,0	0	2,3	0	1,5	0	0,9	1,2	1,2
Активная конкурентность	11,5	13,3	4,7	5,4	10,0	5,7	12,3	9,0	4,7
Потенциальная индивидуалистичность	16,0	13,3	3,5	1,8	11,5	8,0	10,4	6,6	18,8
Реактивная индивидуалистичность	3,0	6,7	0	0	2,2	1,1	0	3,6	1,2
Активная индивидуалистичность	17,5	6,7	9,3	12,5	14,9	12,5	7,5	14,5	22,4
Потенциальная альтруистичность	6,5	0	8,1	1,8	5,6	6,8	4,7	6,0	7,1
Реактивная альтруистичность	1,0	0	2,3	1,8	1,5	1,1	0,9	1,8	1,2
Активная альтруистичность	13,5	33,3	19,8	30,4	16,7	23,9	25,5	16,3	14,1
Потенциальное сотрудничество	7,0	6,7	4,7	3,6	6,7	3,4	7,5	5,4	4,7
Реактивное сотрудничество	3,5	0	5,8	1,8	4,1	2,3	0,9	5,4	3,5
Активное сотрудничество	12,0	6,7	34,9	39,3	17,8	33,0	26,4	22,3	14,1

Как отмечалось выше, социально-профессиональный статус оказывает более сильное влияние на особенности формирования состязательности в трудовой сфере. Для рабочих (по сравнению со служащими, специалистами и руководителями) более характерна индивидуалистичность (36,5 против 26,7 % у служащих и 13–14 % у специалистов и руководителей) (β = 0,254) и в наименьшей степени у них развита альтруистичность (21 против 31–34 % в других группах) (β = -0,167). Служащие отличаются от других профессиональных групп более ярко выраженной конкурентностью (26,6 против 20 % – у рабочих, 11,7 % – у специалистов и 7,2 % – у руководителей) (β = 0,185), активной альтруистичностью (33,3 % против 14–20 % у рабочих и специалистов) (β = 0,198) и наименее развитым сотрудничеством (13,4 % против 45 % у специалистов и руководителей) (β = -0,184). У специалистов оказалось наиболее развито сотрудничество (45,4 против 13–22 % у служащих и рабочих) (β = 0,276) и слабо представлена конкурентность (11,7 против 20–27 % у рабочих и служащих) (β = -0,076) и индивидуалистичность (12,8 против 27–37 % у служащих и рабочих) (β = -0,086). Руководителей же отличают более высокий уровень развития сотрудничества (β = 0,297) и альтруистичности (β = 0,248), незначительное развитие конкурентности (7,2 против 20–27 % у рабочих и служащих) (β = -0,112) и индивидуалистичности (14,3 против 27–37 % у служащих и рабочих) (β = -0,073) (см. таблицы 11 и 12).

Таблица 12

Влияние социально-профессионального статуса на уровень развития состязательности (2012 г., N=375, коэффициенты линейной регрессии)

Зависимые переменные	Предикторы, β				R^2
Виды состязательности	Профессия				
	рабочий	служащий	специалист	руководитель	
Конкурентность		0,185*	-0,076	-0,112	0,223
Индивидуалистичность	0,254**		-0,086	-0,073	0,267
Альтруистичность	-0,167*	0,198*		0,248**	0,373
Сотрудничество		-0,184*	0,276**	0,297**	0,442

* p<0,05; ** p<0,01; *** p<0,001; β - стандартизированные коэффициенты регрессии; R^2 - доля дисперсии.

Особо необходимо отметить различия между этими профессиональными группами в уровне развития активных форм состязательности. Самая высокая активность состязательности (значительно выше, чем в других группах) выявлена у руководителей (87,6 %). Самый низкий уровень активности установлен в группе рабочих (54,5 %). Промежуточное положение по развитию активных форм состязательности занимают служащие (60,0 %) и специалисты (68,7 %).

В группе медицинских работников такой фактор как социально-профессиональный статус оказывает менее однозначное влияние на уровень развития состязательности: у руководителей медицинских учреждений чаще встречаются такие виды состязательности как сотрудничество (β = 0,126) и альтруистичность (β = 0,107); у врачей примерно в равной степени представлены все основные типы состязательности, хотя несколько чаще наблюдается такой вид состязательности как индивидуалистичность (β = 0,108); младший медперсонал более предрасположен к таким видам состязательности как конкурентность (β = 0,083), индивидуалистичность (β = 0,106) и альтруистичность (β = 0,085) (см. таблицу 13).

Таблица 13

Влияние социально-профессиональный статус работников медицинских учреждений на уровень развития состязательности (2013 г., N=121,коэффициенты линейной регрессии)

Зависимые переменные	Предикторы, β			R^2
Виды состязательности	Социально-профессиональный статус			
	руководители	врачи	младший медперсонал	
Конкурентность	0,065	0,068	0,083*	0,203
Индивидуалистичность		0,108*	0,106*	0,124
Альтруистичность	0,107*	0,065	0,085*	0,167
Сотрудничество	0,126*	0,046		0,145

* p<0,05; ** p<0,01; *** p<0,001; β - стандартизированные коэффициенты регрессии; R^2 - доля дисперсии.

Участие в управлении также влияет на развитие состязательности: участвующие в управлении предприятием или имеющие в своем подчинении работ-

ников отличаются более высоким уровнем развития активного сотрудничества(β = 0,326 и 0,308) и активной альтруистичности (β = 0,235 и 0,126), у неучаствующих в управлении оказались более развитыми индивидуалистичность (β = 0,133, 0,114 и 0,243) и конкурентность (β = 0,124). (см. таблицы 11 и 14).

Таблица 14

Влияние участия в управлении и наличия подчиненных на уровень развития состязательности (2012 г., N=375, коэффициенты линейной регрессии)

Зависимые переменные	Предикторы, β						
Виды состязательности	Наличие подчиненных			Участие в управлении			
	нет	есть	R2	да	нет	затруднились ответить	R^2
Конкурентность	0,124*		0,118				0,026
Индивидуалистичность	0,133*		0,124		0,114*	0,243*	0,244
Альтруистичность		0,235**	0,346	0,126*			0,133
Сотрудничество		0,326**	0,421	0,308**		-0,037	0,228

* p<0,05; ** p<0,01; *** p<0,001; β - стандартизированные коэффициенты регрессии; R^2 - доля дисперсии.

В дальнейшем с целью хотя бы частичного устранения взаимного опосредующего влияния отдельных факторов друг на друга и выделения роли (значения) каждого из конкретных факторов на развитие состязательности была предпринята попытка анализа основных детерминант состязательности на примере одной типичной и достаточно большой социальной группы. В качестве такой группы была выбрана группа учителей, широко представленная в социальной структуре российского общества и по ряду основных стратификационных критериев относящаяся к одному из слоев среднего класса[1] (то есть являющаяся типичной и в определенной степени стабилизирующей развитие всего общества группой). Кроме того, как было установлено, уровень развития состязательности в данной группе в наибольшей степени соответствовал средним показателям развития состязательности с 1999 по 2013 г. (см. рисунок 3 и таблицу 15).

[1] Тенденции и факторы формирования российского среднего класса / ПГТУ. – Пермь, 2001. – 140 с.

В выборочную совокупность, сформированную по квотному принципу, были включены учителя основных типов учебных заведений г. Перми. Всего было опрошено 1594 чел., около 45 % из них преподают в общеобразовательных средних школах, почти 25 % – в специализированных школах старого типа (с углубленным изучением отдельных предметов), около 30 % – в спецшколах нового типа (лицеях, гимназиях, колледжах). В выборке были представлены все районы города с учетом социальной географии (центр, промышленные районные, «спальные» районы). Средний возраст опрошенных – 38 лет. Подавляющее число респондентов – женщины (около 95 %), что соответствует генеральной совокупности. В выборку попали учителя начальных классов, преподаватели гуманитарного, физико-математического и естественно-научного циклов, учителя, преподающие факультативы и спецкурсы, а также представители школьных администраций. В 2013 году с аналогичной целью (уточнение основных детерминант состязательности на примере одной типичной и достаточно большой социальной группы) было подготовлено и осуществлено (совместно с А.С. Тонковым) исследование факторов состязательности на примере другой типичной социальной группы - медицинских работниках. В выборочную совокупность, сформированную неслучайным целевым методом, вошли от 30% до 100% медицинских работников различных государственных учреждений здравоохранения (ГБУЗ, МБУЗ, МАУЗ, а также МОУ*)[2] в г.Лысьва (Пермский край) и порядка 10% медработников одного из государственных учреждений здравоохранения в г.Пермь.

Всего были опрошены 9 первичных коллективов медицинских работников (численностью от 4 до 25 человек), общей численностью 121 человек. Порядка 48% респондентов работают в ГБУЗ, почти 21% - в МАУЗ, около 20% - в МБУЗ, а 12% - в МОУ. Средний возраст опрощенных респондентов составляет

[2] Аббревиатуры:
ГБУЗ - государственное бюджетное учреждение здравоохранения;
МБУЗ - муниципальное бюджетное учреждение здравоохранения;
МАУЗ - муниципальное автономное учреждение здравоохранения;

40 лет. Подавляющее число респондентов - женщины (85%). В исследовании были задействованы руководители медицинских учреждений - порядка 8%, врачи - педиатры и врачи - терапевты - 34% (с различной специализацией), зубные техники - 5%. Также в исследовании принял участие младший медицинский персонал (медсестры, лаборанты) - 47%, опрошены специалисты психолого-педагогического профиля - около 12% и специалисты не медицинского профиля - порядка 3%. В результате этих достаточно представительных исследований были выявлены следующие особенности развития состязательности в социальных группах учителей и медицинских работников (таблица 15, 16).

Таблица 15

Динамика состязательности среди учителей средних школ г. Перми в период с 1996 по 2000 г., %

Виды состязательности	1996 г. (863 чел.)				2000 г. (731 чел.)			
	Общеобраз. школы	Спецшколы старого типа	Спецшколы нового типа	Всего по всем типам школ	Общеобраз. школы	Спецшколы старого типа	Спецшколы нового типа	Всего по всем типам школ
Потенциальная конкурентность	8,2	8,2	5,7	7,3	11,1	9,1	7,6	9,0
Реактивная конкурентность	4,2	4,1	2,8	4,0	9,1	5,4	3,3	6,0
Активная конкурентность	28,5	28,5	19,7	26,0	32,3	34,9	32,9	31,7
Потенциальная индивидуалистичность	5,6	5,7	7,7	6,2	4,4	5,9	3,8	4,4
Реактивная индивидуалистичность	2,8	2,9	3,9	3,1	1,7	2,2	3,3	2,2
Активная индивидуалистичность	19,6	19,9	27,0	21,6	23,9	23,1	27,6	23,7
Потенциальная альтруистичность	2,1	2,2	2,6	2,2	1,0	1,1	1,4	1,1
Реактивная альтруистичность	1,0	1,1	1,3	1,2	0,7	0,5	1,4	0,8
Активная альтруистичность	7,2	7,9	9,3	7,8	6,4	8,1	8,1	7,3
Потенциальное сотрудничество	2,8	2,7	3,1	2,8	1,3	0	0	0,5
Реактивное со-	1,4	1,4	1,5	1,4	1,0	1,1	1,0	1,0

МОУ - муниципальное образовательное учреждении (*МОУ «Центр психолого-медико-социальной помощи г.Лысьвы»; муниципальное образовательное учреждение для детей, нуждающихся в психолго-педагогической и медико-социальной помощи).

трудничество								
Активное сотрудничество	9,6	9,6	10,8	9,9	7,1	8,6	9,5	7,8

Среди учителей ведущую роль играют такие виды состязательности, как конкурентность и индивидуалистичность, что в целом совпадает с основными тенденциями развития состязательности в российском обществе в данный период времени (см. рисунок 3 и таблицу 15). Отличительными же особенностями современного учительства являются: явное преобладание конкурентности и более низкая доля альтруистичности и сотрудничества.Если сравнивать динамику развития состязательности у учителей в 1996 и 2000 гг., то можно отметить следующие особенности (см. таблицы 15, 16).

Таблица 16

Влияние типа средних школ на уровень развития состязательности (коэффициенты линейной регрессии)

Зависимые переменные	Предикторы, β							
Виды состязательности	Типы школ, 1996 г. (N=863)				Типы школ, 2000 г. (N=731)			
	Общеобраз. школы	Спецшколы старого типа	Спецшколы нового типа	R^2	Общеобраз. школы	Спецшколы старого типа	Спецшколы нового типа	R^2
Конкурентность	0,288**	0,286**		0,413	0,154*	0,058	0,054	0,376
Индивидуалистичность			0,346***	0,276			0,132*	0,254
Альтруистичность	-0,036			0,132	-0,027			0,178
Сотрудничество			0,054	0,212			0,034	0,123

* $p<0,05$; ** $p<0,01$; *** $p<0,001$; β - стандартизированные коэффициенты регрессии; R^2 - доля дисперсии.

Во-первых, в середине 90-х гг. (период расслоения и становления школ разного типа) качество состязательности учителей спецшкол нового типа значительно отличалось от состязательности учителей двух других типов школ: в спецшколах нового типа преобладали отношения активной индивидуалистичности (27% против 19–20 % индивидуалистичности в других типах школ, возможно, вследствие более широкого привлечения более отчужденных от проблем данной организации преподавателей-совместителей) (β =

0,346), были более высоко развиты такие виды состязательности, как сотрудничество (β = 0,054) и альтруистичность, и резко снижен уровень конкурентности по сравнению с учителями общеобразовательных школ (β = 0,288) и спецшкол старого типа (β = 0,286) (28,2 против 41 % в школах других типов). К 2000 г. (периоду определенной стабилизации ситуации в школах г. Перми) развитие состязательности выровнялось и уже практически не отличалось у учителей школ разного типа (можно отметить лишь по-прежнему некоторый более высокий уровень развития индивидуалистичности у учителей спецшкол нового типа (β = 0,132) по сравнению с преподавателями общеобразовательных школ и спецшкол старого типа). За этот же период у учителей общеобразовательных школ и спецшкол старого типа несколько повысился уровень конкурентности (β = 0,154 и β = 0,058 - соответственно) и индивидуалистичности, в общеобразовательных школах в определенной степени ослабли альтруистичность (β = -0,027) и сотрудничество, а в спецшколах нового типа резко повысился уровень конкурентности (с 19,7 до 32,9 %) (β = 0,054), и во всех типах школ в определенной степени увеличилась доля активных форм состязательности (с 65,3 % в 1996 г. до 70,5 % в 2000 г.). Своеобразием развития состязательности в группе учителей является тенденция общего повышения доли конкурентности и снижения роли сотрудничества.

В группе медицинских работников также был установлен факт влияния такого фактора, как тип медицинского учреждения (ГБУЗ, МБУЗ, МАУЗ). При этом необходимо отметить, что наиболее положительное влияние государственные бюджетные учреждения здравоохранения (ГБУЗ) оказывают на такой вид состязательности как сотрудничество (β = 0,134). Коллективы муниципальных бюджетных учреждений здравоохранения (МБУЗ) наиболее сильное влияние оказывают на такие виды состязательности как индивидуалистичность (β = 0,086) и альтруистичность (β = 0,065). Муниципальные автономные учреждения здравоохранения (МАУЗ - учреждения находящиеся на «самоокупаемости») наиболее тесно связаны с таким видом состязательности как конкурентность (β = 0,103). Однако, отметим, что говорить об однозначном влиянии дан-

ного фактора не представляется возможным в силу того, что группы (по типу медицинского учреждения) слишком неравномерны (см. таблицу 17).

Таблица 17

Влияние типа медицинского учреждения на уровень развития состязательности (2013 г., N=121, коэффициенты линейной регрессии)

Зависимые переменные	Предикторы, β			R^2
Виды состязательности	Тип медицинского учреждения			
	ГБУЗ	МБУЗ	МАУЗ	
Конкурентность			0,103*	0,112
Индивидуалистичность		0,086	0,068	0,119
Альтруистичность	0,078	0,065		0,096
Сотрудничество	0,134*			0,167

* p<0,05; ** p<0,01; *** p<0,001; β - стандартизированные коэффициенты регрессии; R^2 - доля дисперсии.

Аналогичные различия форм состязательности были выявлены в этих же исследованиях у учителей разных предметных циклов, категорий, различного пола, материального положения и др. (еще раз подчеркиваем определенное снижение различий между видами состязательности внутри социальной группы учителей).

Формированию того или иного вида состязательности способствует продолжительность (стаж) работы в медицинском учреждении: у медработников с большим стажем чаще встречаются такие виды состязательности как конкурентность (β = 0,144) и индивидуалистичность (β = 0,137), у работников со средним стажем - индивидуалистичность (β = 0,103), у работников с небольшим стажем - альтруистичность (β = 0,102) (таблица 18).

Таблица 18

Влияние стажа работы в данном медицинском учреждении на уровень развития состязательности (2013 г., N=121,коэффициенты линейной регрессии)

Зависимые переменные	Предикторы, β			R^2
Виды состязательности	Стаж работы в медицинском учреждении			
	от 1 до 5 лет	от 5 до 15 лет	свыше 15 лет	
Конкурентность	0,064	0,078	0,144*	0,256
Индивидуалистичность	0,053	0,103*	0,137*	0,187
Альтруистичность	0,102*	0,065	0,021	0,136
Сотрудничество	0,032	0,035	0,018	0,279

* p<0,05; ** p<0,01; *** p<0,001; β - стандартизированные коэффициенты регрессии; R^2 - доля дисперсии.

При изучении группы медицинских работников было также выявлено, что определенно сильное влияние на формирование видов состязательности оказывает величина (численность) производственной группы: в малочисленных коллективах чаще встречаются такие виды состязательности как сотрудничество (β = 0,433) и альтруистичность (β = 0,146), в группах средней величины (10-20 человек) - альтруистичность (β = 0,178) и индивидуалистичность (β = 0,145), а в группах свыше 20 человек - конкурентность (β = 0,441) и индивидуалистичность (β = 0,124) (см. таблицы 19, 20). Но установленная закономерность требует дополнительной проверки, так как количество производственных групп, попавших в исследование, было, к сожалению, немногочисленным.

Таблица 19

Взаимосвязь численности коллектива медицинских работников и уровня развития состязательности (2013 г., N=121, в %)

Виды состязательности	Численность коллектива медработников		
	до 10 человек	10-20 человек	свыше 20 человек
Конкурентность	-	22,7	51,0
Индивидуалистичность	14,0	33,3	29,7
Альтруистичность	32,4	44,0	19,3
Сотрудничество	53,6	-	-

Таблица 20

Влияние численности коллектива медицинских работников на уровень развития состязательности (2013 г., N=121,коэффициенты линейной регрессии)

Зависимые переменные	Предикторы, β			R^2
Виды состязательности	Численность коллектива медработников			
	до 10 человек	10-20 человек	свыше 20 человек	
Конкурентность	-	0,074	0,441**	0,243
Индивидуалистичность	0,034	0,145*	0,124*	0,367
Альтруистичность	0,146*	0,178*	0,021	0,453
Сотрудничество	0,433**	-	-	0,279

* p<0,05; ** p<0,01; *** p<0,001; β - стандартизированные коэффициенты регрессии; R^2 - доля дисперсии.

3.2.2. РОЛЬ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В РАЗВИТИИ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ

Влияние социально-демографических факторов на состязательность оказалось не таким сильным. Тем не менее, например, анализируя результаты исследований, начиная с 2000 г. (таблицы 21 и 23), можно отметить, что мужчинам несколько в большей степени по сравнению с женщинами присущи такие виды состязательности, как альтруистичность (β = 0,194) и сотрудничество (β = 0,067), а женщины чаще вступают в отношения конкурентности (β = 0,186) и индивидуалистичности (β = 0,245) (но отметим, что данные различия в большей степени проявляются в гомогенной профессиональной группе [таблица 23], так как влияние такого фактора, как профессиональная принадлежность, оказалось одним из наиболее существенных).

Таблица 21

Влияние пола на уровень развития состязательности (2000 г., N=731, коэффициенты линейной регрессии)

Зависимые переменные	Предикторы, β		R^2
Виды состязательности	Пол		
	Муж.	Жен.	
Конкурентность		0,186*	0,123
Индивидуалистичность		0,245**	0,266
Альтруистичность	0,194*		0,128
Сотрудничество	0,067		0,093

* p<0,05; ** p<0,01; *** p<0,001; β - стандартизированные коэффициенты регрессии; R^2 - доля дисперсии.

Тем не менее в группе медицинских работников гендерное влияние оказалось почти аналогичным: у мужчин чаще по сравнению с женщинами встречаются такие виды состязательности как альтруистичность (β = 0,091) и сотрудничество (β = 0,065), а женщинам более присущи отношения индивидуалистичности (β = 0,124) конкурентности (β = 0,046) и альтруистичности (β = 0,087) (см. таблицу 22).

Таблица 22

Влияние половой принадлежности работников медицинских учреждений на уровень развития состязательности (2013 г., N=121,коэф. линейной регрессии)

Зависимые переменные	Предикторы, β		R^2
Виды состязательности	Пол		
	Муж.	Жен.	
Конкурентность	0,043	0,046	0,109
Индивидуалистичность		0,124**	0,089
Альтруистичность	0,091*	0,087*	0,132
Сотрудничество	0,065		0,096

* p<0,05; ** p<0,01; *** p<0,001; β - стандартизированные коэффициенты регрессии; R^2 - доля дисперсии.

Влияние возраста на состязательность относительно слабое, но можно отметить преобладание у молодежи (до 30 лет) активной индивидуалистичности (21,1 против 9,6 %) (β = 0,189), альтруистичности (49,0 против 24,7 %) (β = 0,276) и сотрудничества (35,8 против 29,9 %) (β =0,224), а у респондентов старшего возраста (свыше 46 лет) – активной альтруистичности (25,0 против 13,7 %) (β = 0,156) (таблицы 23, 24).

Вместе с тем при проведении исследования в лицее № 1 г. Перми (было опрошено около 100 преподавателей и 415 учащихся, причем исследованием были охвачены около 50 % преподавателей и учащихся только двух старших классов всех циклов и направлений лицея) нами было уточнено влияние этого фактора и зафиксированы более значимые различия в структуре состязательности между двумя возрастными группами и двумя основными

Таблица 23[2]

Развитие состязательности в различных социально-демографических группах, %

Виды Состязательности	Факторы												
	Пол				Возраст (2012 г.)			Образование (2012 г.)			Семейное положение (2000 г.)		
	2000 г.		2012 г.		До 30 лет	31–45 лет	46 лет и более	Среднее общее	Среднее спец.	Высшее	Холост	Женат	Разведен, неполная семья
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.									
Потенциальная конкурентность	13,8	9,3	6,4	5,7	4,2	7,6	5,8	11,1	6,8	3,9	12,4	10,8	11,3
Реактивная конкурентность	0	6,6	1,6	0	0	2,5	0	1,9	0,7	1,3	7,4	6,0	7,8
Активная конкурентность	24,1	33,4	8,8	9,4	11,6	8,2	7,7	11,1	11,6	5,9	28,9	33,1	38,9
Потенциальная индивидуалистичность	0	4,7	10,8	10,4	6,3	11,4	13,5	18,5	16,3	2,6	5,0	2,8	1,1
Реактивная индивидуалистичность	3,4	2,3	2,4	0,9	3,2	1,9	1,0	1,9	4,1	0	4,1	1,1	0,8
Активная индивидуалистичность	13,8	25,5	14,3	14,2	21,1	13,3	9,6	14,8	15,6	12,0	24,8	28,6	24,8
Потенциальная альтруистичность	3,4	1,1	4,0	10,4	33,2	5,7	8,7	9,3	6,1	4,9	1,7	0,8	0
Реактивная альтруистичность	3,4	0,8	2,0	0	2,1	1,9	0	0	0,7	2,6	0,8	0,5	0,1
Активная альтруистичность	24,1	6,8	19,1	17,0	13,7	17,1	25,0	9,3	17,0	22,9	4,1	5,8	6,2
Потенциальное сотрудничество	0	0,6	6,0	5,7	6,3	7,6	2,9	3,7	6,8	5,2	0,8	0,3	0,1
Реактивное сотрудничество	0	1,1	4,0	2,8	3,2	4,4	2,9	5,6	2,7	3,9	1,7	3,2	0
Активное сотрудничество	13,8	8,0	20,7	23,6	25,3	18,4	23,1	13,0	11,6	34,6	8,3	8,3	7,3

[2] Результаты исследований группы учителей в 2000 г. (731 чел.) и работников одного из промышленных предприятий (ЗАО «Сибур-Химпром») г. Перми в октябре 2012 г. (выборочная совокупность составила 375 чел., является квотной, репрезентативной относительно социально-профессиональной и половой структур генеральной совокупности).

Таблица 24

Влияние возраста на уровень развития состязательности (2012 г., N=375, коэффициенты линейной регрессии)

Зависимые переменные	Предикторы, β			R^2
Виды состязательности	Возраст			
	До 30 лет	31-45 лет	46 лет и более	
Конкурентность			-0,057	0,022
Индивидуалистичность	0,189*		-0,038	0,117
Альтруистичность	0,276**		0,156*	0,243
Сотрудничество	0,224**			0,145

* p<0,05; ** p<0,01; *** p<0,001; β - стандартизированные коэффициенты регрессии; R^2 - доля дисперсии.

Таблица 25

Сравнительный анализ развития состязательности
у преподавателей и учащихся лицея № 1 г. Перми, % от опрошенных

Виды состязательности	Преподаватели (98 чел.)	Учащиеся (415 чел.)
Потенциальная конкурентность	1,1	7,2
Реактивная конкурентность	3,4	10,4
Активная конкурентность	14,8	15,7
Потенциальная индивидуалистичность	2,3	5,5
Реактивная индивидуалистичность	3,4	1,5
Активная индивидуалистичность	31,8	17,3
Потенциальная альтруистичность	4,5	1,5
Реактивная альтруистичность	0	6,0
Активная альтруистичность	22,7	14,5
Потенциальное сотрудничество	2,3	0,5
Реактивное сотрудничество	1,1	7,0
Активное сотрудничество	12,5	13,0

субъектами образовательного процесса – преподавателями и учащимися (таблица 25). Как видно из таблицы 25, учащиеся 10–11-х классов лицея № 1 отличаются от своих преподавателей более низким уровнем развития активной индивидуалистичности (17,3 против 31,8 %) и активной альтруистичности (14,5 против 22,7 %), более развитой конкурентностью (33,3 против 19,3 %). Но наиболее значимые отличия между этими двумя социальными

(и возрастными) группами связаны с явным преобладанием у преподавателей лицея (по сравнению с учащимися) активных видов состязательности (81,8 против 60,5 %).

Также была проанализирована взаимосвязь возрастных характеристик медицинских работников и уровня развития состязательности. Оказалось, что влияние имеет место быть, однако, характер данного влияния может быть определен как неоднозначный. Так в группе работников среднего возраста (30-39 лет) преобладает такой вид состязательности как сотрудничество (β = 0,164), у работников в возрасте 40-49 лет чаще встречается такой вид состязательности как конкурентность (β = 0,098). В свою очередь у молодых медработников (до 30 лет) превалируют такие виды состязательности как индивидуалистичность (β = 0,223) и альтруистичность (β = 0,145). У медработников старше 50 лет не было выявлено явно доминирующего вида состязательности (см. таблицу 26).

Таблица 26

Влияние возраста работников медицинских учреждений на уровень развития состязательности (2013 г., N=121, коэффициенты линейной регрессии)

Зависимые переменные	Предикторы, β				R^2
Виды состязательности	Возраст				
	до 30 лет	30-39 лет	40-49 лет	старше 50	
Конкурентность		0,035	0,098*	0,042	0,132
Индивидуалистичность	0,223*	0,074	0,066	0,073	0,278
Альтруистичность	0,145*	0,056		0,065	0,156
Сотрудничество	0,043	0,164*			0,113

* p<0,05; ** p<0,01; *** p<0,001; β - стандартизированные коэффициенты регрессии; R^2 - доля дисперсии.

Влияние образования имеет следующие закономерности: респонденты с высшим образованием значительно чаще вступают в отношения активного сотрудничества (34,6 против 11–13 %) (β = 0,224) и активной альтруистичности (22,9 против 9,3 % у работников с общим средним образованием) (β = 0,144), а для работников с общим средним образованием более характерны конкурент-

ность (24,1 против 11,1 % у работников с высшим образованием) (β = 0,145), потенциальная индивидуалистичность (18,5 против 2,6 %) (β = 0,169) и потенциальная альтруистичность. Кроме того, чем выше уровень образования, тем чаще встречаются активные формы состязательности: у 48,2 % респондентов со средним общим образованием, у 55,8 % – со средним специальным, и у 75,4 % – с высшим (см. таблицы 23 и 27).

Таблица 27

Влияние образования на уровень развития состязательности (2012 г., N=375, коэффициенты линейной регрессии)

Зависимые переменные	Предикторы, β			R^2
Виды состязательности	Образование			
	Среднее общее	Среднее спец.	Высшее	
Конкурентность	0,145*		-0,088	0,132
Индивидуалистичность	0,169*	0,122*	-0,056	0,298
Альтруистичность	-0,027		0,144*	0,173
Сотрудничество			0,224**	0,144

* p<0,05; ** p<0,01; *** p<0,001; β - стандартизированные коэффициенты регрессии; R^2 - доля дисперсии.

Уровень образования работников медицинских учреждений оказывает хотя и более слабое, но аналогичное влияние на развитие состязательности: медработники с высшим образованием несколько чаще вступают в отношения альтруистичности (β = 0,069), индивидуалистичности (β = 0,073) и сотрудничества (β = 0,047); у респондентов со средним профессиональным образованием в равной степени представлены все основные виды состязательности, но при этом чаще (по сравнению с работниками с другим уровнем профессионального образования) встречаются конкурентность (β = 0,075) и сотрудничество (β = 0,054). Кроме того, чем выше уровень образования, тем чаще встречаются активные формы состязательности: у 48,2 % респондентов со средним общим образованием, у 55,8 % – со средним специальным, и у 75,4 % – с высшим (см. таблицу 28).

Таблица 28

Влияние образования работников медицинских учреждений на уровень развития состязательности (2013 г., N=121,коэффициенты линейной регрессии)

Зависимые переменные	Предикторы, β			R^2
Виды состязательности	Образование			
	Начальное профессиональное	Среднее профессиональное	Высшее	
Конкурентность		0,075		0,093
Индивидуалистичность	0,045	0,057	0,069	0,123
Альтруистичность	0,056	0,047	0,073	0,117
Сотрудничество		0,054	0,047	0,105

* p<0,05; ** p<0,01; *** p<0,001; β - стандартизированные коэффициенты регрессии; R^2 - доля дисперсии.

Воздействие семейного положения слабее: выявлено лишь преобладание конкурентности у респондентов из проблемных семей (разведенных и неполных семей) (58 против 48 %) (β = 0,312), и более низкая представленность активных форм состязательности у несемейных респондентов (66,1 против 76–77 % % у респондентов с другим типом семейного положения) (см. таблицы 23 и 29).

Таблица 29

Влияние семейного положения на уровень развития состязательности (2000 г., N=731, коэффициенты линейной регрессии)

Зависимые переменные	Предикторы, β			R^2
Виды состязательности	Семейное положение			
	холост	женат	Разведен, неполная семья	
Конкурентность	0,111*	0,123*	0,312**	0,344
Индивидуалистичность	0,089			0,058
Альтруистичность				0,013
Сотрудничество				0,014

* p<0,05; ** p<0,01; *** p<0,001; β - стандартизированные коэффициенты регрессии; R^2 - доля дисперсии.

В группе медработников влияние семейного положения также оказалось незначительным: зафиксировано лишь незначительное преобладание конку-

рентности (β = 0,074) и индивидуалистичности (β = 0,066) у респондентов из проблемных семей (разведенных и неполных семей), сотрудничества (β = 0,071) и альтруистичности (β = 0,056) - у женатых, и индивидуалистичности (β = 0,067) - у холостых (см. таблицу 30).

Таблица 30

Влияние семейного положения работников медицинских учреждений на уровень развития состязательности (2013 г., N=121,коэффициенты линейной регрессии)

Зависимые переменные	Предикторы, β			R^2
Виды состязательности	Семейное положение			
	Холост	Женат	Разведен, неполная семья	
Конкурентность			0,074	0,106
Индивидуалистичность	0,067		0,066	0,113
Альтруистичность		0,056		0,087
Сотрудничество		0,071		0,101

* p<0,05; ** p<0,01; *** p<0,001; β - стандартизированные коэффициенты регрессии; R^2 - доля дисперсии.

3.2.3. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ

Своеобразное воздействие на формирование состязательности оказывают жизненные ценности респондентов. Из традиционно использованного лабораторией социологии ПНИПУ набора, включающего 13–15 жизненных ценностей, лишь половина дает дифференцирующий эффект (таблица 31).

Таблица 31

Влияние жизненных ценностей респондентов на уровень развития состязательности (2012 г., N=375, коэффициенты линейной регрессии)

Зависимые переменные	Предикторы, β											R^2
Виды состязательности	Жизненные ценности											
	Семья	Любимая работа	Высокие доходы	Уважение окружающих	Культурные потребности	Материальный достаток	Должность, власть	Реализация способностей	Любовь	Здоровье	Уверенность в завтр. дне	
Конкурентность	0,112*	-0,065	0,143*			0,203**	0,118*	0,157*		0,093*		0,234
Индивидуалистичность		0,089*										0,038
Альтруистичность				0,171*			0,106*		0,205**			0,115
Сотрудничество		0,165*	-0,097*		0,178*	-0,076		0,173*			0,087	0,325

* p<0,05; ** p<0,01; *** p<0,001; β - стандартизированные коэффициенты регрессии; R^2 - доля дисперсии.

Так, работники, ориентирующиеся прежде всего на деньги, заработок, владение собственностью, значительно чаще (по сравнению с работниками с «другими ценностными ориентациями») вступают в отношения конкуренции (β = 0,143 и 0,203) и реже – в отношения сотрудничества (β = -0,097 и -0,076). Также конкурентность оказалась более развитой (хотя и не так сильно, как у респондентов с предыдущей ценностной ориентацией) у респондентов с ориентацией на семью (β = 0,112), здоровье (β = 0,093). У работников же, ориентирующихся на квалификацию, профессию, содержание труда, чаще фиксируются такие виды состязательности, как сотрудничество (β = 0,165) и индивидуалистичность (β = 0,089), и реже – конкурентность (β = 0,065). Также сотрудничество преобладает у опрошенных, считающих залогом жизненного успеха в современном обществе культуру и воспитание (β = 0,178) и уверенность в завтрашнем дне, стабильность (β = 0,087). Ориетация на «уважение окружающих» (β = 0,171) и «любовь на всю жизнь» (β = 0,205) позитивно влияет на формирование альтруистичности. Установка на «должность в системе управления» повышает развитие конкурентности (β = 0,118) и альтруистичности (β = 0,106). А ориентация на «личные деловые качества» способствует развитию таких амбивалентных форм состязательности, как сотрудничество (β = 0,173) и конкурентность (β = 0,157).

Еще более узкий спектр влияния жизненных ценностей был установлен в группе медработников. Жизненные ценности медицинских работников с разными формами состязательности имеют схожую (по крайней мере, по пяти основным жизненным ценностям) структуру: основными ценностями медицинских работников являются «общераспространенные» человеческие ценности - крепкая семья, хорошее здоровье, любимая работа, материальный достаток, образование. И фактически значимый уровень воздействия жизненных ценностей на развитие состязательности зафиксирован только для таких ценностей как любимая работа, материальный достаток и образование.

У медработников, ориентирующихся на любимую работу, чаще фиксируются такие виды состязательности, как сотрудничество (β = 0,205) и аль-

труистичность (β = 0,124), и реже – конкурентность (β = -0,097) и индивидуалистичность (β = 0,023). Работники, ориентирующиеся прежде всего на материальный достаток (деньги, заработок, владение собственностью), значительно чаще вступают в отношения конкуренции (β = 0,173) и индивидуалистичности (β = 0,123), и реже – в отношения сотрудничества (β = -0,078) и альтруистичности (β = 0,021). Ориентация на «образование» способствует развитию таких амбивалентных форм состязательности, как сотрудничество (β = 0,131) и конкурентность (β = 0,144) (таблица 32).

Таблица 32

Влияние жизненных ценностей работников медицинских учреждений на уровень развития состязательности (2013 г., N=121,коэффициенты линейной регрессии)

Зависимые переменные	Предикторы, β			R^2
Виды состязательности	Жизненные ценности			
	Любимая работа	Материальный достаток	Образование	
Конкурентность	-0,097*	0,178*	0,144*	0,256
Индивидуалистичность	0,023	0,123*	0,056	0,187
Альтруистичность	0,124*	0,021	0,032	0,136
Сотрудничество	0,205*	-0,078*	0,131*	0,279

* p<0,05; ** p<0,01; *** p<0,001; β - стандартизированные коэффициенты регрессии; R^2 - доля дисперсии.

Среди тех опрошенных, кто считает, что человек «должен полагаться прежде всего на себя, а не надеяться на государство», значительно чаще встречается сотрудничество (β = 0,143); а респонденты, предполагающие, что «государство должно помогать людям, прежде всего нуждающимся», чаще предпочитают индивидуалистичность (β = 0,112) (таблица 33). Определенное влияние на развитие состязательности оказывает и политическая активность личности (таблицы 34 и 35). Приверженцы более традиционных, легитимных форм политической активности (участие в избирательных кампаниях, политической партии или движении) чаще вступают в такие виды состязательности, как сотрудничество (β = 0,135 и 0,187) и альтруистичность (β = 0,206 и

Таблица 33

Влияние "патерналистских ориентаций" на уровень развития состязательности (2012 г., N=375, коэффициенты линейной регрессии)

Зависимые переменные	Предикторы, β		R^2
Виды состязательности	"Патерналистские ориентации"		
	"Полагаться на себя, а не надеяться на государство"	"Государство должно помогать нуждающимся"	
Конкурентность			0,008
Индивидуалистичность		0,112*	0,137
Альтруистичность			0,015
Сотрудничество	0,143*		0,158

* p<0,05; ** p<0,01; *** p<0,001; β - стандартизированные коэффициенты регрессии; R^2 - доля дисперсии.

0,109), и значительно реже выбирают конкурентность (β = -0,065 и -0,113). Участники более радикальных форм политической активности (митингов, демонстраций, пикетов, забастовок, голодовок и т.п.), наоборот, чаще используют конкурентность (β = 0,179 и 0,223) и реже сотрудничество (β = -0,113 и -0,134) и индивидуалистичность (β = -0,122 и -0,135).

А вот респонденты, не участвующие в политической деятельности, значительно чаще других используют такую форму состязательности, как индивидуалистичность (β = 0,198) (36,4 против 23–28 % в других формах политической активности), и реже других предпочитают альтруистичность (5,9 против 10–15 % у других) (β = -0,096). Форма политической активности оказывает относительно слабое влияние на развитие активных форм состязательности. Хотя нельзя не отметить выявленную закономерность их связи: чем выше политическая активность, тем выше уровень развития активных форм состязательности (см. таблицу 34).

Таблица 34

Развитие состязательности у респондентов с различной политической активностью, % (N = 375)

Виды состязательности	Формы политической активности				
	Избиратель-ная кампания	Митинги, демонстра-ции, пикеты	Забастовки, голодовки	Политические партии, дви-жения	Не участвуют
Потенциальная конку-рентность	15,0	7,8	5,6	14,3	11,9
Реактивная конкурент-ность	3,3	7,8	8,5	0	4,2
Активная конкурент-ность	25,0	40,8	42,6	14,3	33,1
Потенциальная инди-видуалистичность	6,7	1,9	0	14,3	5,9
Реактивная индивидуа-листичность	0	1,9	2,8	0	2,5
Активная индивидуа-листичность	21,7	19,4	25,4	14,3	28,0
Потенциальная аль-труистичность	1,7	1,0	0	0	0
Реактивная альтруи-стичность	0	1,0	2,8	0	0
Активная альтруистич-ность	11,7	7,8	9,9	14,3	5,9
Потенциальное со-трудничество	0	1,0	0	0	1,7
Реакт. сотрудничество	5,0	1,9	0	0	0
Актив. сотрудни-чество	10,0	7,8	2,8	28,6	6,8
Примечание: ассимптотическая двухсторонняя значимость критерия Хи-квадрат Пирсо-на = 0,034 свидетельствует о статистической значимости полученной связи между политиче-ской активностью и уровнем развития состязательности.					

Таблица 35

Влияние политической активности респондентов на уровень развития состяза-тельности (2012 г., N=375, коэффициенты линейной регрессии)

Зависимые переменные	Предикторы, β					R^2
Виды состязательности	Формы политической активности					
	Избират. кампания	Митинг, демонст-рации, пикет	Забас-товки, голо-довки	Поли-тиче-ские партии	Не уча-ствуют	
Конкурентность	-0,065	0,179**	0,223**	-0,113*		0,245
Индивидуалистичность		-0,122*	-0,135*		0,198*	0,169
Альтруистичность	0,206**			0,109*	-0,096*	0,124
Сотрудничество	0,135*	-0,113*	-0,134*	0,187**		0,325

* p<0,05; ** p<0,01; *** p<0,001; β - стандартизированные коэффициенты регрессии; R^2 - доля дисперсии.

Также на формирование состязательности оказывают влияние личностные качества субъектов. В нашем исследовании для выявления свойств личности использовались отдельные шкалы многофакторного личностного опросника FPI (модифицированная форма В), созданного главным образом для прикладных исследований и адаптированного на факультете психологии СПбГУ (см. Практикум по экспериментальной и прикладной психологии. СПб., 2005. С. 51–60).

Всего было использовано 10 шкал, которые предъявлялись опрашиваемым в виде высказываний в анкете «О жизни, о работе, о себе».

Шкала «Общительность» характеризует потенциальные и реальные проявления социальной активности. Высокие оценки свидетельствуют о наличии выраженной потребности в общении, постоянной готовности к удовлетворению этой потребности.

Шкала «Застенчивость» характеризует предрасположенность к стрессовому реагированию на обычные жизненные ситуации, протекающие по пассивно-оборонительному типу. Высокие оценки по шкале свидетельствуют о трудности в выражении своего мнения, скованности, неуверенности, неумении представить себя, излишней сдержанности, следствием чего являются трудности в социальных контактах.

Высокие оценки шкалы «Мужской тип психической деятельности» свидетельствуют о протекании психической деятельности преимущественно по мужскому типу, для которого характерны активно-творческое начало, уверенность в себе, сила, независимость, предприимчивость, решительность и т.п.; низкие – по женскому типу (пассивно-репродуктивное, природное начало, тонкая чувствительность, сентиментальность, отрицание грубости, эмоциональная экспрессивность и т.п.).

Шкала «Потребность в достижении» характеризует стремление к улучшению результатов, неудовлетворенность достигнутым, настойчивость в достижении своих целей. Высокие оценки по шкале свидетельствуют о высокой мотивации достижения.

Шкала «Раздражительность» позволяет судить об эмоциональной устойчивости. Высокие оценки свидетельствуют о неустойчивом эмоциональном состоянии со склонностью к бурному реагированию, переменчивости, неустойчивости в интересах, легкой возбудимости.

Шкала «Невротичность» характеризует уровень невротизации личности. Высокие оценки соответствуют выраженному невротическому синдрому астенического типа со значительными психосоматическими нарушениями, то есть об эмоциональной неустойчивости, тревожности, мнительности, сопровождающимися повышенной утомляемостью, истощаемостью, неустойчивостью настроения, нарушениями сна и здоровья из-за переживаний (сердце, желудок и т.п.).

Высокие оценки шкалы «Спонтанная агрессивность» свидетельствуют о внутренней дисгармонии, глубокой неудовлетворенности жизнью, своим социальным положением, конфликтности (брюзжание, хуление и т.п.), замкнутости, нерешительности, неуверенности в себе.

Высокие оценки шкалы «Реактивная агрессивность» характеризуют агрессивное отношение к социальному окружению, ярко выраженное стремление к доминированию, к конфликтам, уверенность в себе и т.д.

Высокие оценки шкалы «Ригидность–пластичность» свидетельствуют о трудностях (неспособности) к изменению намеченной человеком программы поведения в условиях, объективно требующих ее изменения.

Шкала «Уравновешенность» отражает устойчивость к стрессу. Высокие оценки свидетельствуют о хорошей защищенности к воздействию стресс-факторов обычных жизненных ситуаций, базирующейся на уверенности в себе, оптимистичности и активности.

Полученные результаты свидетельствуют о существенном дифференцирующем эффекте данного фактора и о следующих тенденциях влияния свойств личности на состязательность:

– низкий уровень «невротичности» способствует развитию сотрудничества ($\beta = -0{,}345$) и альтруистичности ($\beta = -0{,}231$);

– низкий уровень «спонтанной агрессивности» повышает индивидуалистичность (β = -0,156), а средний уровень благоприятствует развитию конкурентности (β = 0,108);

– высокая «реактивная агрессивность» снижает долю сотрудничества (β = -0,289) и альтруистичности (β = -0,316);

– низкая «раздражительность» обеспечивает более высокий уровень развития сотрудничества (β = -0,245) и альтруистичности (β = -0,105), а высокая «раздражительность» повышает конкурентность (β = 0,267) и снижает долю альтруистичности (β = -0,105);

– высокий уровень «общительности» положительно влияет на развитие конкурентности (β = 0,142) и негативно – на развитие сотрудничества (β = -0,098) и альтруистичности (β = -0,112);

– высокий уровень развития «уравновешенности» более благоприятен для формирования конкурентности (β = 0,142) и сотрудничества (β = 0,243);

– респонденты с высокими оценками по шкале «маскулинность» («мужской тип психической деятельности») чаще демонстрируют готовность к сотрудничеству (β = 0,184) и альтруистичности (β = 0,087), и реже – к конкурентности (β = -0,102);

– опрошенные с низким уровнем «застенчивости» чаще (по сравнению с респондентами со средними и высокими оценками «застенчивости») вступают в отношения конкурентности (β = -0,323) и чаще используют индивидуалистские формы состязательности (β = 0,042);

– для респондентов с высоким уровнем потребности в достижении более характерны конкурентность (β = 0,265) и сотрудничество (β = 0,211); и у них значительно реже других фиксируется индивидуалистичность (β = -0,135) [таблица 36].

Осуществленный анализ влияния различных факторов позволяет в определенной степени уточнить систему основных детерминант каждого из видов состязательности.

Таблица 36

Влияние личностных качеств респондента на уровень развития состязательности (2012 г., N=375, коэффициенты линейной регрессии)

Зависимые переменные	Предикторы, β										R^2
Виды состязательности	Свойства личности										
	Общительность	Застенчивость	Маскулинность	Потребность в достижении	Раздражительность	Невротичность	Спонтанная агрессивность	Реактивная агрессивность	Ригидность	Уравновешенность	
Конкурентность	0,142*	-0,323**	-0,102*	0,265**	0,267**		0,108*		-0,051	0,122*	0,443
Индивидуалистичность		0,042		-0,135*			-0,156*				0,148
Альтруистичность	-0,112*		0,087*		-0,105*	-0,231**		-0,316**	0,023		0,321
Сотрудничество	-0,098*		0,184*	0,211**	-0,245**	-0,345**		-0,289**		0,243**	0,378

p<0,05; ** p<0,01; *** p<0,001; β - стандартизированные коэффициенты регрессии; R^2 - доля дисперсии

Установленные тенденции влияния отдельных факторов на развитие состязательности позволяют оптимизировать процессы прогнозирования, управления и коррекции данного феномена (состязательности).

Выводы по главе 3

Данная глава знакомит с результатами осуществленных диссертантом эмпирических исследований динамики различных видов состязательности в современной России и факторов, их обусловливающих. Состязательность изучалась в естественных условиях совместной деятельности на протяжении трех десятилетий, в общей сложности более чем в 800 первичных производственных группах (более 12 000 опрошенных). Удалось в значительной степени уточнить и раскрыть закономерности развития видов состязательности в современном российском обществе: 1) подтверждено преобладание такого вида состязательности, как конкурентность, но с существенным уточнением – имеет место ярко выраженная тенденция к уменьшению доли конкурентности (прежде всего, пассивных форм конкурентности) и сокращению альтруистических подвидов состязательности; 2) уточнены основные тенденции изменения отдельных видов состязательности – выявлен значительный рост активных форм состязательности, существенное увеличение доли индивидуалистических видов состязательности и постоянный (хотя и достаточно медленный) рост такого вида состязательности, как сотрудничество, представляющего собой основную прогрессивную тенденцию развития форм состязательности.

Детально проанализировано воздействие различных факторов макросреды, микросреды, внутриличностных факторов на формирование и динамику состязательности. Осуществленный анализ влияния различных факторов позволил в определенной степени уточнить систему основных детерминант каждого из видов состязательности. В частности, *конкурентность* наиболее интенсивно формируется и развивается у работников организаций государственной собственности (в сравнении с организациями других форм собственности), у женщин (в сравнении с мужчинами), у молодежи (в сравнении с более старшими возрас-

тными группами), у работников с общим средним образованием (в сравнении работниками с более высоким образованием), у респондентов с неблагоприятным семейным положением (разведенных, неполные семьи и т.п.), при преобладании таких жизненных ценностей, как «карьера» и «личные деловые качества», у респондентов с радикальными формами политической активности и такими свойствами личности, как высокая «раздражительность», высокая «общительность», высокий уровень «уравновешенности», отсутствие «застенчивости», высокий уровень «потребности в достижении». Негативно влияют на развитие конкурентности акционерная форма собственности, профессиональная принадлежность к группе специалистов или руководителей, преобладание ориентации на работу или профессию, традиционные легитимные формы политической активности и такое свойство личности, как «маскулинность».

На формирование *индивидуалистичности* положительное воздействие оказывают: государственная форма собственности предприятия, неопределенная позиция участия в управлении (по месту деятельности), принадлежность к группе женщин-рабочих со средним общим образованием, повышенная ориентация «на помощь государства нуждающимся», аполитичность, низкий уровень «спонтанной агрессивности». Негативно влияют на развитие индивидуалистичности: принадлежность к профессиональной группе специалистов или руководителей, радикальные формы политической активности, высокий уровень «потребности в достижении».

Для *альтруистичности* положительный эффект имеют: акционерная форма собственности предприятия, участие в управлении, принадлежность к группе мужчин старшего возраста со средним общим или высшим образованием, служащих или руководителей, преобладание ориентаций на «работу, профессию» или «карьеру», легитимные формы политической активности, ярко выраженная «маскулинность», низкий уровень «невротичности» и «раздражительности». Негативно влияют на формирование альтруистичности: государственная форма собственности предприятия, молодой возраст (до 30 лет), принадлежность к профессиональной группе рабочих, политическая пассивность, не-

которые свойства личности (высокая «реактивная агрессивность», «раздражительность», «общительность»).

На развитие *конструктивного сотрудничества* положительно влияют: акционерная форма собственности, участие в управлении своей организации, принадлежность к социальной группе мужчин, специалистов или руководителей с высшим образованием, ориентация на «работу, профессию», «культуру, воспитание», «личные деловые качества», расчет «на свои собственные силы (а не на помощь государства)», легитимные формы политической активности, высокий уровень таких свойств личности, как «уравновешенность», «маскулинность», «потребность в достижении», низкий уровень «невротичности», «раздражительности». Негативное воздействие на формирование сотрудничества оказывают следующие факторы: государственная форма собственности, принадлежность к профессиональной группе служащих, радикальные формы политической активности, высокий уровень «реактивной агрессивности», «общительности».

Анализ развития состязательности в различных социальных группах (в частности, в социально-профессиональных группах рабочих, служащих, специалистов, руководителей, или, например, в социальной группе учителей в сравнении с другими социальными группами, включенными, как и учителя, в образовательный процесс) позволяет сделать вывод о том, что состязательность можно рассматривать в качестве значимого и достаточно чувствительного к влиянию различных факторов (от факторов макросреды до внутриличностных) дифференцирующего критерия внутригруппового структурирования. Причем необходимо отметить, что наиболее существенное влияние на формирование состязательности оказывают такие объективные и субъективные факторы, как: состояние широкого социального окружения на уровне общества в целом, форма собственности организации, социально-профессиональный статус (содержание труда, профессия), уровень образования, включенность во властные отношения (участие в управлении, политическая активность и т.п.), ценностные ориентации субъектов, свойства личности и некоторые другие.

ГЛАВА 4. СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ КАК ПРИЗНАК РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ СОВМЕСТНОСТИ

4.1. ФИЛОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВЗАИМОСВЯЗИ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ С ОТНОШЕНИЯМИ СОВМЕСТНОСТИ

Одной из основных задач наших исследований, особенно на первых (ранних) этапах (в 1980-е гг.), было подтверждение выдвинутой нами гипотезы о состязательности как обязательном основном признаке развития отношений совместности. Точнее, что состязательность выступает одним из факторов формирования определенных качеств совместности (то есть группообразующим признаком), так как является одним из внутренних противоречий совместности, источником активности индивида и группы (одной из основных причин возникновения «новой» дополнительной силы в процессе совместной деятельности), причиной преимуществ совместных форм деятельности в сравнении с индивидуальными.

Кратко рассмотрим необходимое для дальнейшего анализа проблемы состязательности и близкое к ней понятия совместности. *Совместность*, как отмечают многие авторы (см. 42, с. 44; 153; 182, с. 6–10; 195, с. 120–121; и др.), представляет собой «системный социальный и социально-психологический феномен, характеризующий основы (ядро) любого группового существования, проявляющегося в том или ином взаимодействии или взаимоотношении. В качестве универсальных признаков совместности чаще всего выделяют: наличие единой цели и общей мотивации, определенную функциональную взаимозависимость, объединение индивидуальных деятельностей и согласованное их выполнение, единое пространство и одновременность выполнения разными участниками и др.» (более подробно и точно см.: 42, с. 49–57; 182, с. 8–9; и др.). Совместность выступает родовым понятием по отношению к видовой категории *«коллективность» (коммюнитарность)*. Совместность становится коллективностью только при определенных условиях, на определенной стадии своего развития. Следовательно, совместность – более широкое понятие, чем коллек-

тивность. *Коллективность (коммюнитарность)* есть специфическая и наиболее развитая форма совместности, один из полюсов (одна из форм) совместности. Противоположным коллективности (коммюнитарности) полюсом совместности является *обособление* (в философской литературе для обозначения этой стороны совместности используется также термин «отчужденность», а К. Маркс и Ф. Энгельс применяли понятие «мнимой, иллюзорной» коллективности).

Уточним, что под совместностью (коллективностью-обособлением) подразумевается *тип взаимоотношений и взаимодействия* между людьми, а под группой (коллективом) – *общность людей*, основанная на данном типе взаимоотношений. Группа представляет собой такую ассоциацию, такой целостный организм, который возникает и функционирует на различных уровнях общества – от низовой контактной социальной ячейки до общества в целом.

Краткий анализ исторического развития форм совместности и состязательности (развернутое и аргументированное рассмотрение взаимосвязи совместности и состязательности в филогенезе осуществлено ранее автором в своем предыдущем диссертационном исследовании[3]) показывает, что человек возник не просто благодаря труду, а благодаря *совместной деятельности* с другими людьми, так как в совместной деятельности возникает «новая сила», и индивид получает те «преимущества», которые позволяют ему не только выжить, но и развиваться. Одной из основных причин возникновения этой «новой силы» в процессе совместной деятельности (то есть причиной активности индивида) являются отношения состязания между субъектами. Первая форма этих отношений – примитивная состязательность («альтруистичность»), в которой получает развитие в силу, прежде всего, объективных условий существования человека, лишь одна тенденция, присущая личности, – тенденция к интеграции с себе подобными. Развитие тенденции к обособлению в этот период привело бы к гибели человека из-за его слабости. В этих

[3] Левченко В.В. Соревновательность как коллективообразующий фактор: Дисс....канд. психол. наук. Ленинград: ЛГУ, 1985.

же условиях и во многом благодаря примитивной форме состязательности (подчинение общему интересу, альтруистичности) формируется и развивается «естественная (примитивная, грубая) коллективность». По своей сущности (полное доминирование тенденции к объединению в человеке) примитивная форма состязательности полностью соответствует «естественной (грубой) коллективности» и поэтому способствует развитию последней.

Повышение производительности труда, появление излишков, частной собственности и социального разделения труда вызывают развитие в индивиде тенденции к обособлению (выделению себя), что влечет за собой появление новой формы состязательности – конкурентности. Превращение состязательности в форму конкурентности одновременно сопровождается процессом разложения естественного (грубого) коллектива и развития индивидуализма и эгоизма («мнимой коллективности», обособления).

Дальнейший прогресс производства и общества создает экономические и социальные условия для диалектического развития обеих тенденций, свойственных человеку, то есть для развития отношений конструктивного сотрудничества. Кооперация (сотрудничество) – это одновременное активное проявление двух противоречивых тенденций в человеке, что по своему содержанию более всего соответствует природе личности и поэтому в наибольшей степени обеспечивает ее всестороннее развитие, которое личность получает в наиболее развитой форме группового существования («подлинном коллективе») и через него.

Таким образом, краткий анализ развития форм совместности и состязательности позволяет предположить, что состязательность выступает одним из обязательных и естественных внутренних источников формирования определенных качеств совместности (а сотрудничество, или кооперация, как одна из сторон состязательности – коллективообразующим показателем), так как является одним из внутренних противоречий совместности, одним из основных источников сверхнормативной активности, развития личности и группы. Как известно, именно противоречие и самопротиворе-

чие являются всеобщей и обязательной основой развития любого явления природы и общества, состязательность же – это постоянная борьба двух противоположных тенденций в человеке: тенденции к интеграции и тенденции к обособлению.

К сожалению, в социальной психологии и социологии большинство исследователей рассматривает состязательность как явление внешнее по отношению к процессу структурирования группы, а не присущее ему. Анализ состязательности в отрыве от такого целостного, объединяющего феномена, как совместность, влечет за собой невосполнимые потери как при исследовании социальной группы (теряется источник активности, становится завуалированной основная причина преимуществ совместной деятельности, анализ социальной группы упрощается и становится односторонним и т.д.), так и при изучении состязательности (чаще всего применяется излишне общий, абстрактный подход к проблеме состязательности, происходит смешение понятий «сотрудничество», «состязательность» и «конкурентность», имеет место чрезмерная противоречивость результатов исследования состязательности, преобладают частные прикладные исследования состязательности и т.д.).

4.2. АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ НА РАЗВИТИЕ ОТНОШЕНИЙ СОВМЕСТНОСТИ В ПЕРВИЧНЫХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ГРУППАХ

4.2.1. ПРОГРАММА ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ВЛИЯНИЯ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ НА РАЗВИТИЕ ОТНОШЕНИЙ СОВМЕСТНОСТИ

Одновременно с демонстрацией особенностей взаимосвязи между состязательностью и совместностью, для наглядной иллюстрации «внутренней профессиональной кухни» всех наших исследований, кратко опишем процедуру проведения и примерный вариант системного анализа основных понятий, использовавшихся в одном из наших первых исследований, осуществленном на базе лаборатории социологии ПНИПУ.

Целью данного исследования было выявление роли (значения) состязательности для развития отношений совместности в первичных производствен-

ных группах (в том числе «сотрудничества как коллективообразующего фактора»), а также уточнение степени влияния различных видов состязательности на эффективность групповой совместной деятельности.

Предмет изучения – взаимоотношения и взаимодействия (прежде всего, внутригрупповые состязательность и отношения совместности) членов первичных производственных групп в процессе их совместной деятельности.

Объектом исследования были 145 первичных (контактных) производственных групп (численностью от 3 до 22 человек) одного из горно-металлургических комбинатов, имеющих одного непосредственного руководителя (звеньевого или бригадира) и работающих в одну смену (всего исследованием было охвачено 920 человек).

Основными задачами данного исследования были:

1. Изучение уровня развития состязательности в первичных производственных группах.

2. Изучение уровня развития отношений совместности в первичных производственных группах.

3. Определение места и роли состязательности среди основных признаков развития отношений совместности.

4. Изучение влияния уровня развития отношений совместности в первичной производственной группе на эффективность ее деятельности.

5. Изучение влияния состязательности в производственном коллективе на эффективность его деятельности.

6. Сравнительный анализ влияния различных признаков развития отношений совместности на эффективность групповой деятельности.

7. Изучение влияния уровня развития совместности и состязательности на социально-психологический климат первичного производственного коллектива.

Исходя из теоретического анализа и задач исследования, были выдвинуты следующие гипотезы:

1. Если состязательность является одной из основных детерминант развития отношений совместности, то в группах с более высоким уровнем развития отношений совместности конструктивное сотрудничество будет развито в большей степени, чем в менее развитых группах.

2. Если состязательность не является основным признаком развития отношений совместности, то отношения сотрудничества или будут развиты в равной степени в группах разного уровня развития, или, по крайней мере, не будут преобладать в группах с более высоким уровнем развития отношений совместности.

3. Если состязательность является признаком развития отношений совместности, то связь между эффективностью деятельности группы (как основным экономическим признаком развития производственного коллектива) и сотрудничеством (как оптимальным видом состязательности) будет прямой (положительной).

4. Если состязательность не является фактором развития отношений совместности, то связь между эффективностью деятельности группы и сотрудничеством будет или обратной (отрицательной), или будет отсутствовать.

5. Если состязательность является основным признаком развития отношений совместности, то связь между эффективностью групповой деятельности (как основным экономическим признаком уровня развития совместности) и состязательностью, не должна уступать взаимосвязи между другими основными признаками развития отношений совместности и эффективностью деятельности.

6. Если состязательность не является основным признаком развития отношений совместности, то прямая связь между эффективностью деятельности группы и состязательными отношениями в ней будет менее выраженная, по сравнению с взаимосвязью между другими основными признаками развития отношений совместности и эффективностью деятельности.

7. Если активное сотрудничество выступает наиболее прогрессивной формой состязательности, то наибольшей эффективностью и наиболее благоприятным социально-психологическим климатом будет отличаться активное

сотрудничество по сравнению с другими видами состязательности (конкурентностью, альтруистичностью, индивидуалистичностью, пассивными формами состязательности).

Если активное сотрудничество не является оптимальной формой состязательности, то наибольшей эффективностью деятельности и наиболее благоприятным социально-психологическим климатом будет отличаться любой другой вид состязательности (но только не активное сотрудничество).

Методы сбора и анализа данных:

1) наблюдение (для предварительной ориентировки в объекте исследования);

2) полустандартизированное интервью (для выявления специфических проблем данного объекта, связанных, прежде всего, с обнаружением специфики состязательных отношений);

3) пробное (пилотажное) анкетирование на ограниченной выборке (для окончательной «шлифовки» основного инструмента исследования и вопросов, направленных на выявление состязательности и уровня развития отношений совместности в первичных производственных группах; для проверки методики на надежность: обоснованность, устойчивость, точность. Обоснованность (валидность) методики проверялась логическим рассуждением, на основе опыта и здравого смысла, и при помощи компетентных судей (специалистов по данной проблеме). Другими словами, валидность методики определялась как теоретическим способом (валидность по содержанию, валидность теоретической концепции), так и эмпирически – сопоставлением результатов измерения с мнением судей (экспертов), с данными других методик для измерения данного качества на этой же выборке. Данные по апробации методики (N=435, средний возраст - 25 лет, 41% -мужчин, 61% - женщин): а Кронбаха = 0,665, M = 4,03, SD = 0,870. Устойчивость методики выявлялась повторным опросом (через значительный интервал времени). Точность методики определялась теоретическими посылками, заложенными в программе исследования [227, с. 82–90].

Результатом проведенной работы на данном этапе стало создание основных методик исследования:

1. Документ А – карточка для сбора социально-экономической объективной информации о деятельности первичной производственной группы.

2. Документ В – анкета «Человек в производственном коллективе» со специально разработанными вопросами по выявлению особенностей состязательности в группе, включающих две шкалы самооценки («направленность» и «активность»). Проводилось очное индивидуальное анкетирование.

3. Документ АВ – приложение к анкете «Человек в производственном коллективе» (для звеньевого) для непосредственного руководителя группы.

4. Документ С – социометрическая карточка (с ограничением до трех социометрических выборов).

Математическая обработка полученных результатов: подсчитывалось распределение ответов (%) по каждому из вопросов, процентное соотношение ответов в зависимостях одного признака от другого. Обработка материалов исследования проводилась на ПЭВМ по программе SPSS. Для обработки полученных материалов по социально-психологическому климату коллектива использовался также метод групповой оценки (помимо подсчета процентного соотношения ответов по каждому из вопросов), разработанный в лаборатории социальной психологии НИИКСИ [163, с. 22–27].

Обработка данных, касающихся оценки уровня развития малой группы как коллектива, проводилась следующим образом. Вначале по каждому показателю давалась дифференцированная оценка уровня развития малой группы. Затем проводилась интегральная оценка степени развитости малой группы по всем критериям, вместе взятым. Делалось это таким образом. Если по тому или иному показателю группа считалась достигшей высокого уровня развития, то она оценивалась в 3 балла; если она относилась к среднему уровню, то оценивалась в 2 балла; если же она считалась группой низкого уровня – в 1 балл. В дальнейшем все баллы, полученные соответствующей группой, суммировались, и на основе общей суммы баллов делался вывод об уровне развития малой группы.

Вопросы, связанные с выявлением состязательности, обрабатывались аналогичным образом (через типологизацию и сопоставление двух основных шкал – направленности и активности). При этом все производственные группы были условно отнесены к «сотрудничающим», «конкурирующим» или «альтруистическим» в зависимости от преобладания у их членов (более чем у 60 % от численного состава) соответствующих видов состязательности.

Рассмотрим социально-психологические, социальные и экономические показатели, которые были использованы в исследовании.

Социально-психологические признаки развития отношений совместности в первичной производственной группе

В качестве эмпирических показателей развития отношений совместности были взяты наиболее отработанные другими исследователями, на данном историческом отрезке времени, критерии с целью дальнейшего их сопоставления с предлагаемым нами таким коллективообразующим параметром, как состязательность. Для определения уровня развития отношений совместности в группах использовались следующие эмпирические показатели:

– опосредованность межличностного восприятия целями и задачами совместной деятельности, то есть свойство (способность) совместной групповой деятельности направлять внимание группы на оценку тех качеств личности ее членов, которые определены содержанием этой деятельности [19, с. 64–73];

– сплоченность как ценностно-ориентационное единство (ЦОЕ) [153, с. 43–65]; это интегральная характеристика системы внутригрупповых связей, показывающая уровень или степень совпадения мнений, оценок, установок и позиций группы по отношению к объектам (целям деятельности, лицам, идеям, событиям), наиболее значимым для группы в целом;

– идентификация ценностного эталона личности с ценностями группы, членом которой она является, что выражается в сближении оценок, даваемых членами группы группе в целом по важнейшим аспектам ее жизни и деятельности, с оценками эталонной для них группы [153, с. 74–94].

Условно можно назвать три вышеперечисленных критерия уровня развития группы «показателями коллективности по теории деятельностного опосредования»;

– наличие лидеров в каждой сфере деятельности группы и органическое совмещение формальных и неформальных лидеров; выявление лидеров необходимо для активизации деятельности других членов группы в каждой из сфер ее деятельности, а в целом – для более эффективного решения групповых задач. Лидерство можно рассматривать и как один из видов самоопределения личности в группе;

– состязательность, проявляющиеся в сфере основной (трудовой) деятельности, в общественной работе, в сфере досуга и т.д. Уровень развития состязательности определялся сопоставлением специально разработанных шкал, выявляющих два основных вектора состязательности: а) степень активности (от «нулевой» через «пассивное подталкивание извне» к максимальному проявлению самоактивности) и б) направленность субъектов взаимодействия (на себя или на группу). Сопоставление этих двух шкал позволяло выйти на двенадцать видов состязательности, которые были подробно описаны в начале данной главы.

Следует особо подчеркнуть, что только наличие, единство и высокий уровень развития *всех* основных (частных) социально-психологических характеристик развития совместности свидетельствуют о высоком уровне развития отношений совместности в конкретной производственной группе. А перечисленные выше показатели и являются непосредственными (основными) социально-психологическими индикаторами уровня развития отношений совместности в первичной производственной группе.

Эмпирические показатели социально-психологического климата

1. Эмпирически приемлемыми характеристиками *отношения членов группы к выполняемой деятельности* являются:

– удовлетворенность работой в целом;

– удовлетворенность специальностью;

– установки членов коллектива на продолжение работы в данном коллективе (потенциальная текучесть);

– самочувствие рабочего на рабочем месте;

– информированность о делах коллектива.

2. К критериям *отношения членов группы к комплексу факторов социально-производственной обстановки*, в условиях которой протекает трудовая деятельность, относятся:

– удовлетворенность санитарно-гигиеническими условиями труда;

– удовлетворенность организацией труда (состоянием оборудования, техники, рабочим местом, уровнем механизации и автоматизации труда, ритмичностью работы и т.п.);

– удовлетворенность режимом работы (сменностью);

– удовлетворенность профессиональным ростом;

– удовлетворенность размером заработной платы;

– удовлетворенность системой премирования;

– удовлетворенность распределением отпусков;

– удовлетворенность обеспеченностью местами в детских дошкольных учреждениях (ясли, детсад);

– удовлетворенность своими жилищными условиями;

– удовлетворенность тем, как приходится добираться до места работы;

– удовлетворенность организацией совместного отдыха членов группы;

– удовлетворенность климатическими условиями.

3. Эмпирическими характеристиками *взаимоотношений между равными членами группы (отношения по горизонтали)* являются:

а) личностные деловые отношения:

– отношения взаимной ответственности;

– отношения взаимной требовательности;

– отношения взаимосвязанности;

б) личные фоновые отношения:

– взаимная доброжелательность;

– взаимная симпатия;

– уважение друг к другу;

– удовлетворенность отношениями в группе;

в) личные избирательные отношения между членами группы: эти отношения проявляются как в сфере делового, так и свободного общения; выявляется неформальная структура группы;

г) интенсивность и направленность межличностных контактов в производственной группе.

4. Эмпирическими показателями *взаимоотношений между руководителями и подчиненными (отношения по вертикали)* являются:

– удовлетворенность взаимоотношениями по вертикали;

– отношение подчиненных к руководителю;

– отношение руководителя к подчиненным;

– давление и поддержка, оказываемые подчиненными на своего непосредственного руководителя;

– включенность руководителя в лидерские процессы в группе.

Объективные показатели эффективности деятельности группы:

1. Выполнение группой основной общественной функции, то есть продуктивность деятельности группы:

а) количество выпускаемой продукции (за последние 6 месяцев);

б) производительность труда (за 6 месяцев);

в) качество выпускаемой продукции (за 6 месяцев).

2. Соответствие поведения социальным нормам как общим, так и специфически профессиональным:

а) трудовая дисциплина (количество нарушений за 6 месяцев);

б) нарушение общественного порядка (количество за 6 месяцев);

в) нарушение техники безопасности (количество за 6 месяцев);

г) травматизм, несчастные случаи (количественные данные за 6 месяцев).

3. Творческая активность личности:

а) количество рацпредложений (за 1 год);

б) количество изобретений (за 1 год).

4. Реальная стабильность коллектива.

5. Способность группы обеспечить каждому ее члену возможность для полноценного гармонического развития личности:

а) данные по повышению разрядов;

б) данные по профессионально-техническому и общему образованию.

На основании всех вышеперечисленных критериев составляется общий интегральный показатель эффективности группы.

Факторы, детерминирующие развитие межличностных отношений (в том числе – развитие состязательности) в первичной производственной группе

Динамику развития межличностных отношений в первичной производственной группе, в том числе развитие состязательности, определяет также ряд объективных и субъективных факторов, способствуя либо ограничивая такое развитие:

1. Форма организации совместной деятельности (по Л.И. Уманскому):

а) совместно-индивидуальная (СИ);

б) совместно-последовательная деятельность (СП);

в) совместно-взаимодействующая деятельность (СВ).

2. Характер производства по отношению к профилю предприятия:

а) основное производство;

б) вспомогательное производство.

3. Степень связи участка с выпуском конечной продукции данного предприятия:

а) участок занят выпуском конечной продукции;

б) участок тесно связан с выпуском конечной продукции;

в) участок непосредственно не связан с выпуском конечной продукции.

4. Форма оплаты труда.

5. Социально-демографические характеристики членов группы: пол, возраст, образование, жилищные условия, семейное положение, социальное происхождение, профессия, уровень профессиональной подготовки, разряд, зарплата, стаж работы и т.п.

6. Мотивы трудовой деятельности.

4.2.2. МЕСТО СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ СРЕДИ ПРИЗНАКОВ РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ СОВМЕСТНОСТИ (ПАРАМЕТРОВ УРОВНЯ РАЗВИТИЯ МАЛОЙ ГРУППЫ)

С целью уменьшения влияния количественного состава на социально-психологическое состояние группы мы ограничились рассмотрением звеньев численностью от 4 до 13 человек. Таких звеньев оказалось 106 (733 человека).

Для того чтобы более выпукло и отчетливо представить степень взаимосвязи каждого из видов состязательности с уровнем развития малой группы, из анализа результатов пришлось исключить индивидуалистический вид состязательности (вследствие их малочисленности в данном исследовании) и рассматривать оставшиеся формы состязательности в нерасчлененном (по степени их активности) виде.

В проведенном исследовании были получены следующие результаты. По уровню развития в группе отношений совместности и состязательности производственные группы распределились следующим образом (таблица 37).

Таблица 37

Взаимосвязь общего показателя совместности
с частными критериями отношений совместности и состязательности
в первичных производственных группах [$N = 733$]

Показатели совместности (частные) и состязательности		Общий показатель уровня развития совместности					
		Низкий (45 групп)		Средний (55 групп)		Высокий (3 группы)	
		Кол-во групп	%	Кол-во групп	%	Кол-во групп	%
Уровень развития совместности по «теории деятельностного опосредования»	низкий (I)	6	13,3	2	3,6	0	0
	средний (II)	24	53,3	39	70,9	3	50,0
	высокий (III)	15	33,3	14	25,5	3	50,6
Всего		45	100	55	100	6	100
Уровень развития совместности по «наличию лидеров в группе»	низкий (I)	34	75,6	13	23,6	0	0
	средний (II)	8	17,8	28	50,9	2	33,3
	высокий (III)	3	6,7	14	25,5	4	66,7
Всего		45	100	55	100	6	100
Преобладающий в группе вид состязательности	конкурентность	37	82,2	15	27,3	0	0
	Альтруист-сть	7	15,6	39	70,1	1	16,7
	Сотруд-чество	1	2,2	1	1,8	5	83,3
Всего		45	100	55	100	6	100

Как видно из таблицы 37, наиболее высокие показатели уровня развития отношений совместности получены по «показателям теории деятельностного опосредования». Эти данные совпадают в значительной степени, например, с результатами исследований Р.С. Вайсмана [19, с. 71], применившего примерно те же показатели развития совместности (что свидетельствует о валидности используемых в нашем исследовании показателей совместности по «теории деятельностного опосредования», то есть наши показатели «теории деятельностного опосредования» соответствуют методикам, применяющимся в стратометрическом подходе к изучению коллектива). Наименее высокий уровень развития совместности был установлен с помощью такого показателя, как состязательность.

Таблица 38

Взаимосвязь общего показателя совместности
с частными критериями отношений совместности и состязательности
в первичных производственных группах [N = 733, уровень корреляции по Спирмену]

Показатели совместности (частные) и состязательности		Общий показатель уровня развития совместности		
		Низкий (45 групп)	Средний (55 групп)	Высокий (3 группы)
Уровень развития совместности по «теории деятельностного опосредствования»	низкий (I)	0,173	0,238	0,012
	средний (II)	0,313*	0,723***	0,321*
	высокий (III)	0,254	0,219	0,515**
Уровень развития совместности по «наличию лидеров в группе»	низкий (I)	0,731***	0,089	-
	средний (II)	0,057	0,326*	0,185
	высокий (III)	0,009	0,074	0,634**
Преобладающий в группе вид состязательности	конкурентность	0,864***	0,013	-
	альтруистичность	0,023	0,712***	0,016
	сотрудничество	0,008	0,007	0,753***

* $p<0,05$; ** $p<0,01$; *** $p<0,001$

Большинство исследователей, анализируя отношения совместности, особо подчеркивают, что только *единство* и высокий уровень развития всех

основных качеств совместности превращают совместно работающих людей в высокоразвитый с социально-психологической точки зрения коллектив. Поэтому степень совпадения (близости) отдельных критериев развития отношений совместности с его суммарным показателем может быть свидетельством надежности применяемого критерия. Из полученных результатов (см. таблицы 37, 38) видно, что все отдельные (частные) показатели совместности в той или иной степени отражают общую тенденцию развития отношений совместности в первичных производственных группах.

Причем индикаторы развития отношений совместности, по «теории деятельностного опосредования» А.В. Петровского, наиболее точно отражают средний уровень развития отношений совместности ($r = 0{,}723$ при $p<0{,}001$) и слабо фиксируют низкий уровень развития этих отношений в малой группе ($r = 0{,}173$ при $p=0{,}543$). Наибольшее же соответствие суммарному (интегральному) показателю уровня развития отношений совместности выявлено по такому ее частному критерию, как «состязательность»: в большинстве групп с низким уровнем развития отношений совместности (в 82,2 %) определяемому по интегральному показателю преобладал такой вид состязательности, как конкурентность ($r = 0{,}864$ при $p<0{,}001$); в большинстве групп со средним уровнем развития отношений совместности (70,1 %) доминировал такой вид состязательности, как альтруистичность ($r = 0{,}712$ при $p<0{,}001$); в подавляющем большинстве групп с высоким уровнем развития отношений совместности (83,3 %) преобладал такой вид состязательности, как сотрудничество ($r = 0{,}753$ при $p<0{,}001$). Таким образом, состязательность вполне может быть отнесена к группе основных коллективообразующих признаков.

Аналогичные результаты и закономерности, свидетельствующие о достаточно тесной взаимосвязи между состязательностью и отношениями совместности, регулярно фиксировались в периодически проводившихся лабораторией социологии ПНИПУ прикладных исследованиях на протяжении последующих 30 лет в различных регионах страны: в пермском объединении

«Пермнефтеоргсинтез» (исследованием было охвачено 67 бригад или 823 человека), в г. Красноперекопске на Крымском содовом заводе (34 бригады, или 541 работник), на Соликамском целлюлозно-бумажном комбинате (38 бригад, или 596 работника), в г. Перми в ПЭУ ППО «Моторостроитель» (32 первичных коллектива, 239 рабочих), в г. Перми в ОКБ «Темп» (20 первичных коллективов, или 331 работник), в г. Перми в Пермском ГПУ ГМ (16 первичных коллективов, или 237 работников).

4.2.3. ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬЮ И ОТНОШЕНИЯМИ СОВМЕСТНОСТИ В КОЛЛЕКТИВАХ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ

В частности, в исследовании, осуществленном в 2013 году в медицинских учреждениях Пермского края, основой определения «уровни группового развития» послужили следующие критерии: групповая сплоченность (степень совпадения оценок членов группы относительно основных жизненных ценностей), оценка отношений сложившихся между членами коллектива и эффективность групповой деятельности. На основании данных частных критериев рассчитывался интегральный показатель уровня развития (ИПР) коллективов медицинский работников. Подсчет данного показателя производился следующим образом:

1 - рассчитывается коэффициент совпадения оценок членов коллектива относительно основных жизненных ценностей[4], в зависимости от степени совпадения оценок коллективу присваивается числовое (балльное) значение: низ-

[4]Коэффициент совпадения оценок членов коллектива относительно основных жизненных ценностей (КСЦ) рассчитан по следующей формуле: $КСЦ = \frac{\Sigma a_i - \Sigma a_j}{N * n_{max}}$, [0 ; 1];

N - количество членов коллектива;

n_{max} - максимально возможное число выборов в расчете на одного респондента;

Σa_i - сумма выборов пяти наиболее популярных ответов;

Σa_j - сумма выборов пяти наименее популярных ответов.

Коэффициент КСЦ	*Степень совпадения оценок (характеристика уровня группового развития)*	*Балл*
КСЦ < 0,4	низкая	0
0,4 ≤ КСЦ < 0,7	средняя	0,5
КСЦ ≥ 0,7	высокая	1

кая степень совпадения - 0 баллов, средняя степень совпадения - 0,5 балла, а высокая - 1 балл;

2 - определяется характер взаимоотношений сложившихся между членами группы (определяющим является мнение большинства членов группы - более 50%), в зависимости от него (характера взаимоотношений) группе присваивается числовое (балльное) значение:

- в группе сложились безразличные, равнодушные или конфликтные отношения, все время возникают ссоры и разногласия - 0 баллов;
- в группе нет сплоченного ядра, все держатся особняком или разделились на небольшие группы, однако проблем в коллективе нет - 0,5 балла;
- большую часть составляет дружный, сплоченный коллектив (некоторые члены группы могут держаться особняком) - 1 балл.

3 - оценивается эффективность групповой деятельности (через субъективную оценку эффективности индивидуальной деятельности; определяющим является мнение большинства членов коллектива - более 50%), в зависимости от степени эффективности деятельности коллективу присваивается числовое (балльное) значение:

- члены коллектива не всегда справляются со своей работой - 0 баллов;
- члены коллектива справляются со своей работой - 0,5 балла;
- члены коллектива справляются со своей работой, делают больше, чем требуется - 1 балл.

В дальнейшем все баллы, полученные соответствующим коллективом, суммируются, и на основе общей суммы баллов (ИПР может варьироваться в диапазоне от 0 до 3-х баллов) делается вывод об уровне развития малой группы:

1) «Низкий уровень развития группы»: интегральный показатель группового развития находится в диапазоне 0 - 1,5 баллов;

2) «Средний уровень развития группы»: интегральный показатель группового развития равен 2 баллам;

3) «Высокий уровень развития группы»: интегральный показатель группового развития находится в диапазоне 2,5 - 3 балла.

Большинство медицинских коллективов - 56% относятся к среднему уровню развития, в то время как на высоком находятся 22% коллективов, столько же коллективов имеют низкий уровень развития.

В данном исследовании были получены следующие результаты. По уровню развития в группе отношений совместности и состязательности производственные группы медицинских учреждениях распределились следующим образом (таблица 39).

Таблица 39

Взаимосвязь внутригрупповых состязательных отношений и интегрального показателя уровня развития (ИПР) коллективов медицинский работников (2013 г., N=121,в % от числа опрошенных в каждой группе по типу состязательности)

Тип состязательности	Уровень развития коллектива (ИПР)			Итого
	низкий	средний	высокий	
потенциальная конкурентность	33,3	66,7	-	100,0
реактивная конкурентность	-	100,0	-	100,0
активная конкурентность	24,1	72,4	3,4	100,0
потенциальная индивидуалистичность	54,5	45,5	-	100,0
реактивная индивидуалистичность	-	100,0	-	100,0
активная индивидуалистичность	45,4	38,5	16,2	100,0
потенциальная альтруистичность	22,2	77,8	-	100,0
реактивная альтруистичность	25,0	50,0	25,0	100,0
активная альтруистичность	33,3	44,4	22,2	100,0
потенциальное сотрудничество		66,7	33,3	100,0
реактивное сотрудничество	-	-	-	-
активное сотрудничество	17,6	47,1	35,3	100,0

В результате анализа влияния состязательности на интегральный показатель уровня развития (ИПР) совместности в первичных производственных группах медицинский работников (см. таблицы 39, 40) можно сделать следующие выводы:

- во-первых, в целом подтвердились ранее установленные закономерности о наиболее тесной связи групп с низким уровнем развития отношений совместности определяемому по интегральному показателю с таким видом со-

Таблица 40

Взаимосвязь интегрального показателя уровня развития (ИПР) совместности с видами состязательности в первичных производственных группах медицинский работников [2013 г., *N* = 121, уровень корреляции по Спирмену]

Тип состязательности	Уровень развития коллектива (ИПР)		
	низкий	средний	высокий
потенциальная конкурентность	0,224	0,313*	-
реактивная конкурентность	-	0,856***	-
активная конкурентность	0,309*	0,425*	0,008
потенциальная индивидуалистичность	0,324*	0,309*	-
реактивная индивидуалистичность	-	0,879***	-
активная индивидуалистичность	0,365*	0,327*	0,024
потенциальная альтруистичность	0,121	0,764***	-
реактивная альтруистичность	0,223	0,543**	0,305*
активная альтруистичность	0,267	0,478**	0,316*
потенциальное сотрудничество		0,469*	0,357*
реактивное сотрудничество	-	-	-
активное сотрудничество	0,054	0,308*	0,524**

* p<0,05; ** p<0,01; *** p<0,001

стязательности, как конкурентность, групп со средним уровнем развития отношений совместности - с альтруистичностью, групп с высоким уровнем развития отношений совместности -с таким видом состязательности, как сотрудничество (таблица 40);

– во-вторых, эта связь интегрального показателя уровня развития (ИПР) совместности с видами состязательности в первичных производственных группах медицинский работников не такая однозначная: группы с низким уровнем развития отношений совместности помимо связи с конкурентностью имели значимую корреляцию с таким видом состязательности, как индивидуалистичность; группы со средним уровнем развития отношений совместности

несмотря на наиболее тесную взаимосвязь с альтруистичностью, также имели значимые корреляции и с другими видами состязательности; группы с высоким уровнем развития отношений совместности кроме близкой взаимосвязи с таким видом состязательности, как сотрудничество, имели значимую корреляцию с альтруистичностью;

- в-третьих, было зафиксировано, что реактивные формы состязательности в основном присутствуют в группах со средним уровнем развития отношений совместности и практически отсутствуют в первичных производственных группах медицинский работников, находящихся на других уровнях развития отношений совместности.

И во всех этих исследованиях состязательность имела наиболее тесную связь (по сравнению с другими частными индикаторами совместности) с общим интегральным показателем совместности. Следовательно, результаты этих исследований свидетельствуют о том, что состязательность выступает не просто одним из показателей совместности, а является одним из наиболее точных и чувствительных индикаторов данного социального (и социально-психологического) явления.

Критерий состязательности может даже в определенной степени использоваться в прикладных исследованиях и в качестве единственного индикатора развития отношений совместности, так как его применение менее трудоемко как на стадии сбора эмпирических фактов, так и на стадии обработки полученной информации, а используемая для определения состязательности двухкомпонентная (двухвекторная) шкала (шкала направленности и шкала активности), с одной стороны, снижает в значительной степени искажающий эффект субъективности респондентов (делает завуалированным основной смысл – цель каждой из шкал, создавая эффект их равноценности), с другой – повышает точность измерения отношений совместности благодаря большей дробности шкалы состязательности.

Все вышеизложенное (теоретико-методологический анализ отношений совместности и видов состязательности, сравнительный анализ многочислен-

ных результатов эмпирических исследований на протяжении многих лет и на различных объектах) позволяет сделать вывод о том, что состязательность является одним из основных источников саморазвития и одним из наиболее точных и надежных индикаторов развития отношений совместности. Напоминаем, что именно противоречие и самопротиворечие представляют собой всеобщую и обязательную основу развития (и саморазвития) любого явления природы и общества. В основе саморазвития всегда лежит асимметричное противоречие (то есть в процессе самодвижения одна из противоположностей всегда доминирует). Состязательность же – это постоянная борьба двух противоположных тенденций: тенденции к обособлению и тенденции к интеграции (данное «внутреннее» противоречие состязательности является производным от основного, стержневого противоречия отношений совместности – противоречия общественного и индивидуального).

Имеющаяся социальная практика (филогенез и онтогенез как общества, так и отдельного индивида) свидетельствует, с одной стороны, о том, что внутреннее противоречие состязательности имеет постоянную «асимметрию», а с другой стороны, – об основной направленности прогрессивного развития форм состязательности. Так, в историческом развитии общества и индивида имели место (последовательно) следующие формы совместности: «естественная (примитивная) коллективность», «мнимая коллективность», «действительная коллективность». В основе развития данных форм совместности всегда находились соответствующие формы состязательности: «примитивная состязательность» или «альтруистичность» (абсолютное доминирование тенденции к интеграции над тенденцией к обособлению), «конкурентность» (доминирование тенденции к обособлению), «конструктивное сотрудничество» (одновременное активное проявление обеих противоречивых тенденций).

Сегодня (в современном обществе) также имеют место различные формы отношений совместности, обусловленные, кроме прочего (а по результатам наших исследований – прежде всего), различным уровнем развития состязательности. Результаты исследований, осуществленных лабораторией социологии

ПНИПУ, свидетельствуют о том, что на низшей стадии развития отношений совместности в малых группах явно доминирует такой вид состязательности, как конкурентность, на средней стадии преобладает альтруистичность, а в малых группах с наиболее высоким уровнем развития отношений совместности доминирует такая форма состязательности, как сотрудничество (кооперация). С нашей точки зрения, преимущество сотрудничества перед другими формами состязательности (альтруистичностью, конкурентностью, индивидуалистичностью) обеспечивается более полным вовлечением сущностных свойств субъекта состязательности (то есть одновременным развитием обеих тенденций, присущих субъекту состязательности) в отличие от односторонности развития сущностных тенденций у субъекта в других видах состязательности. В свою очередь, такая более высокая целостность развития субъекта в таком виде состязательности, как сотрудничество (по сравнению с другими видами состязательности), во многом определяет и более высокий уровень развития (формирования) отношений совместности.

Таким образом, внутреннее противоречие состязательности, имеющее постоянную асимметрию, выступает в качестве одного из основных источников саморазвития совместности.

Выводы по главе 4

В данной главе отражены результаты изучения влияния состязательности на формирование отношений совместности в малой группе (теоретико-методологический анализ отношений совместности и видов состязательности, сравнительный анализ многочисленных результатов эмпирических исследований на протяжении многих лет и на различных объектах).

Показано, что в филогенезе и онтогенезе, с одной стороны, внутреннее противоречие состязательности имеет постоянную «асимметрию», а с другой стороны, состязательность имеет определенную основную направленность прогрессивного развития своих форм. Так, в историческом развитии общества и индивида имели место (последовательно) следующие формы совместности: «естественная (примитивная) коллективность», «мнимая коллективность», «действительная коллективность». В основе развития данных форм совместности всегда находились соответствующие формы состязательности: «примитивная состязательность» или «альтруистичность» (абсолютное доминирование тенденции к интеграции над тенденцией к обособлению), «конкурентность» (доминирование тенденции к обособлению), «конструктивное сотрудничество» (одновременное активное проявление обеих противоречивых тенденций).

Сегодня (в современном обществе) также имеют место различные формы отношений совместности, обусловленные, кроме прочего (а по результатам наших исследований – прежде всего), различным уровнем развития состязательности.

Кроме того, во всех наших исследованиях состязательность имела наиболее тесную связь (по сравнению с другими частными индикаторами совместности) с общим интегральным показателем совместности. Следовательно, результаты этих исследований свидетельствуют о том, что состязательность выступает не просто одним из показателей совместности, а является одним из наиболее точных и чувствительных индикаторов данного социального (и социально-психологического) явления. Было установлено, что состязательность

представляет собой одну из ведущих детерминант группового структурирования. Более того, состязательность является одновременно и одним из главных источников развития отношений совместности (вследствие заложенного в ней внутреннего противоречия), и одним из наиболее точных и надежных индикаторов уровня развития отношений совместности.

На низшей стадии развития отношений совместности (стадии «диффузной группы» или несформировавшихся межличностных отношений) преобладает такой вид состязательности, как конкурентность, на среднем уровне развития отношений совместности (стадия «ассоциации») доминирует такой вид состязательности, как альтруистичность, на высшей стадии развития отношений совместности (в высокосплоченной группе) преобладает такой вид состязательности, как сотрудничество. Более высокий уровень развития отношений совместности обусловливается, прежде всего, более высокой целостностью функционирования субъектов такого вида состязательности, как сотрудничество, то есть более полным вовлечением сущностных свойств субъекта состязательности – одновременным максимальным вовлечением не одной, а обеих тенденций, присущих субъекту сотрудничества. Таким образом, внутреннее противоречие состязательности, имеющее постоянную асимметрию, выступает в качестве одного из основных источников саморазвития отношений совместности. А наиболее прогрессивная форма состязательности – сотрудничество – во многом обусловливает развитие наиболее прогрессивной формы совместности – «действительной коллективности», коммюнитарности, высшей стадии развития межличностных отношений в малой группе.

ГЛАВА 5. ЭФФЕКТЫ (ПОСЛЕДСТВИЯ) РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ

5.1. ЗАРУБЕЖНЫЕ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ О ПОСЛЕДСТВИЯХ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ

Как отмечалось ранее, в зарубежных и отечественных исследованиях состязательности наибольшее внимание подавляющего большинства исследователей привлекала проблема последствий данного явления. Вокруг вопроса о самом эффективном виде состязательности споры ведутся до настоящего времени. Ведь значимость состязательности как главного внутреннего источника дополнительной активности (сверхактивности) личности и социальной группы признается всеми. Но в дальнейшем взгляды на эффективность отдельных видов состязательности чаще всего расходятся, чем совпадают. Большинство результатов эмпирических исследований посвящено сравнению двух основных видов состязательности – конкуренции и кооперации. Другие виды состязательности (пассивные формы конкурентности и сотрудничества, индивидуалистичность, альтруистичность) очень редко попадали в поле зрения исследователей.

Многими западными исследователями получены эмпирические факты, доказывающие негативные эффекты кооперации, и поэтому они делают вывод о том, что конкуренция, основывающаяся на дарвиновских процессах естественного отбора, способствует наивысшим достижениям во всех сферах жизнедеятельности, включая производство, искусство, спорт, науку и т.д. [268; 302; 213; 326; 275; 228; 363; и др.]. Тем не менее подавляющее большинство результатов исследований, особенно в последние три десятилетия, свидетельствует о достаточно убедительном преимуществе сотрудничества в сравнении с другими видами состязательности, и о том, что позитивные эффекты кооперации, проявляющиеся в различных сферах деятельности, более ярко выражены, особенно в той области, которая связана с социальной и межличностной сторонами жизнедеятельности [243; 269;

234; 258; 295; 360; 293; 4; 367; и др.]. В целом же результаты многочисленных западных исследований различных авторов свидетельствуют о достаточно неоднозначных последствиях того или иного вида состязательности.

Нужно также отметить, что с годами предмет исследования эффектов состязательности углублялся и усложнялся, происходил постепенный переход от изучения отдельных проблем, сторон последствий кооперации–конкуренции к системному исследованию эффектов интергрупповой–интрагрупповой состязательности все с большим учетом влияния более широкого социального окружения и внутриличностных факторов.

Особенностью советских исследований эффектов состязательности можно считать то, что во многом под мощным идеологическим давлением большая часть эмпирических фактов (вроде бы) указывала на повышение эффективности деятельности коллектива в условиях социалистического соревнования, причем наиболее значительное и однозначное повышение продуктивности деятельности производственного коллектива фиксировалось, когда социалистическое соревнование осуществлялось в условиях бригадной формы организации труда. Вместе с тем имелось немало эмпирических данных (начиная с В.М. Бехтерева), свидетельствующих о неоднозначности влияния состязательности на эффективность деятельности.

Основными же причинами определенной противоречивости результатов эмпирических исследований влияния состязательности на эффективность деятельности индивида и группы, полученных западными и советскими социальными психологами (более подробный анализ результатов этих исследований осуществлен ранее в соответствующих параграфах первых двух глав), являются:

– практически отсутствие четко устоявшихся понятий о состязательности и ее видах, следствием чего является или ограничение предмета исследования лишь двумя ведущими видами состязательности (конкурентностью и сотрудничеством), или смешение (путаница) основных видов состязательности (например, в понятии «социалистическое соревнование» чаще всего или

смешивались такие виды состязательности, как сотрудничество и альтруистичность, или происходила подмена отношений сотрудничества отношениями альтруизма);

– традиционное доминирование при изучении данного феномена на Западе метода лабораторного эксперимента с вытекающими отсюда слабостями и ограничениями, а в советской социальной психологии – достаточно жесткие идеологические ограничения на изучение состязательности привело фактически к изучению не всего спектра этих отношений, а лишь одного из ее видов – социалистического соревнования;

– слабая связь проводимых исследований с более широким социальным окружением, с содержанием выполняемой деятельности;

– анализ феномена состязательности фактически в отрыве от процессов групповой динамики.

5.2. ВЛИЯНИЕ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ НА МАЛУЮ СОЦИАЛЬНУЮ ГРУППУ И ЛИЧНОСТЬ

5.2.1. ВОЗДЕЙСТВИЕ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГРУППОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

С целью внесения определенной упорядоченности и снижения негативного влияния отмеченных недостатков по данной проблеме осуществим сравнительный анализ результатов конкретных эмпирических исследований, выполненных автором на базе лаборатории социологии ПНИПУ на протяжении более 30 лет, с многочисленными исследованиями состязательности в смежных социальных науках (социальной психологии, социологии, экономике и др.). При этом основной задачей такого анализа представляется внесение определенности в дифференцирующее влияние состязательности на эффективность групповой деятельности и социально-психологическую ситуацию в малых социальных группах. Начнем с анализа результатов исследования состязательности на Норильском горно-металлургическом комбинате, осуществленном в лаборатории социологии ПНИПУ (в представительную выборочную совокупность вошло

145 первичных, контактных, производственных групп, или 920 работников). В проведенном нами исследовании виды состязательности распределились (в соответствии с предложенной ранее схемой анализа состязательности, см. рисунок 2) следующим образом:

– потенциальная конкурентность	64 чел.	7,6 %
– реактивная конкурентность	266 чел.	31,4 %
– активная конкурентность	201 чел.	23,7 %
– потенциальная индивидуалистичность	7 чел.	0,8 %
– реактивная индивидуалистичность	7 чел.	0,8 %
– активная индивидуалистичность	3 чел.	0,3 %
– потенциальная альтруистичность	31 чел.	3,6 %
– реактивная альтруистичность	84 чел.	9,9 %
– активная альтруистичность	112 чел.	13,2 %
– потенциальное сотрудничество	15 чел.	1,8 %
– реактивное сотрудничество	28 чел.	3,3 %
– активное сотрудничество	29 чел.	3,4 %

Из дальнейшего анализа результатов пришлось исключить респондентов с индивидуалистическими ориентациями вследствие их малочисленности и объединить потенциальные и реактивные формы состязательности для удобства выделения основных тенденций и закономерностей. Были получены следующие значимые различия между видами состязательности по отдельным показателям групповой эффективности (таблица 41). По остальным показателям эффективности групповой деятельности различий между видами состязательности не было установлено. Как видно из приведенных результатов, работники с преобладанием активного сотрудничества имели самые высокие показатели по большинству критериев групповой эффективности. Исключение составили лишь показатели качества продукции, творческой активности (которые были выше у респондентов с активной конкурентностью), общественной активности (наиболее высокие у работников с активной альтруистичностью). Наиболее

низкие показатели эффективности деятельности оказались у работников с реактивной конкурентностью и реактивной альтруистичностью.

Для того чтобы более наглядно и отчетливо представить степень влияния каждого из видов состязательности на эффективность групповой деятельности, была проделана операция ранжирования каждого отдельного показателя эффективности деятельности. Причем ранжирование заканчивалось условным присвоением порядкового номера каждому виду состязательности в зависимости от порядкового места по данному критерию эффективности деятельности: первое место (1) присваивалось наиболее эффективному виду состязательности, второе место (2) присваивалось наиболее эффективному, после первого, виду состязательности и т.д. Производилось ранжирование только тех показателей эффективности групповой деятельности, по которым были обнаружены значимые отличия между видами состязательности. Затем все ранговые места суммировались (по каждому виду состязательности отдельно) и подсчитывался средний балл (таблица 41).

Первое ранговое место (ср. балл = 1,4) занимает такой вид состязательности, как активное сотрудничество, то есть этот вид состязательности оказывает наибольшее положительное влияние на эффективность групповой деятельности. Второе ранговое место (ср. балл = 2,3) занимает такой вид состязательности, как активная конкурентность, то есть она имеет второе по величине (после сотрудничества) воздействие на групповую эффективность. Третье ранговое место (ср. балл = 2,8) занимает активная альтруистичность. Четвертое ранговое место (ср. балл = 3,0) занимает реактивное сотрудничество, то есть данный вид состязательности оказывает еще более слабое влияние на эффективность групповой деятельности. Пятое место по силе влияния оказалось у реактивной конкурентности (ср. балл = 4,2), а последнее – шестое место (ср. балл = 4,4) – у реактивной альтруистичности. Выявленные закономерности также свидетельствуют, с одной стороны, о явном доминировании активных форм состязательности над пассивными по степени их воздействия на групповую эффективность,

с другой – о том, что наиболее продуктивным видом состязательности является сотрудничество, а наименее продуктивным – альтруистичность.

Таблица 41

Ранжирование показателей эффективности деятельности у групп работников с разными видами состязательности (ранжированный ряд) ($N = 920$)

Показатели эффективности деятельности	Виды состязательности					
	Реактивн. конкурентность	Активная конкурентность	Реакт. альтруистичность	Активн. альтруистичность	Реакт. сотрудничество	Активное сотрудничество
Выполнение плана (объективный показатель)	5	3	4	3	2	1
Выполнение плана (самооценка)	4	2	5	3	4	1
Производительность труда	4	3	4	2	2	1
Качество продукции	3	1	4	4	4	2
Трудовая дисциплина	3	2	6	5	4	1
Общественная дисциплина	4	3	3	2	2	1
Соблюдение правил ТБ	3	2	5	4	3	1
Реальная стабильность состава групп	6	5	4	3	1	2
Профессиональный рост (разряды)	5	2	6	4	3	1
Повышение образования	5	2	4	1	3	1
Социальная активность	5	2	3	1	4	3
Творческая активность (рацпредложения)	3	1	5	2	4	2
Сумма ранговых мест	50	28	53	34	36	17
Средний балл (порядковое место)	4,2	2,3	4,4	2,8	3,0	1,4

Примечание: цифры в таблице обозначают: 1 – наиболее эффективный вид состязательности; 2, 3, 4, 5 – промежуточные оценки эффективности деятельности; 6 – наименее эффективный вид состязательности.

Результаты исследования работников промышленного предприятия ЗАО «Сибур-Химпром» ($N = 375$, таблица 43) и социальной группы учителей ($N = 731$, таблица 42) свидетельствуют о том, что субъективные оценки своего профессионального успеха (профессиональной и должностной карьеры) работниками с различными состязательными установками в основном совпадают с объективными показателями эффективности деятельности, но имеются и некоторые отличительные черты (см. таблицы 42, 43, 44, 45).

Таблица 42

Профессиональная (должностная) карьера респондентов (самооценка) с разными видами состязательности, в абс. цифрах и %

Виды состязательности	Как сложилась профессиональная карьера							
	Добились всего		Что-то осуществилось, а что-то нет		Мало чего удалось добиться		Итого	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Потенциальная конкурентность	12	18,2	44	66,7	10	15,2	66	100
Реактивная конкурентность	8	18,2	32	72,7	4	9,1	44	100
Активная конкуретность	29	12,6	191	82,7	11	4,8	231	100
Потенциальная индивидуалистичность	3	10,0	24	80,0	3	10,0	30	100
Реактивная индивидуалистичность	2	14,3	12	85,7	0	0	14	100
Активная индивидуалистичность	20	11,8	140	82,4	10	5,9	170	100
Потенциальная альтруистичность	1	12,5	6	75,0	1	12,5	8	100
Реактивная альтруистичность	0	0	4	66,7	2	33,3	6	100
Активная альтруистичность	12	22,6	40	75,5	1	1,9	53	100
Потенциальное сотрудничество	1	25,0	2	50,0	1	25,0	4	100
Реактивное сотрудничество	0	0	6	85,7	1	14,3	7	100
Активное сотрудничество	18	28,1	43	67,2	3	4,7	64	100
Примечание: ассимптотическая двухсторонняя значимость критерия Хи-квадрат Пирсона = 0,041 свидетельствует о статистической значимости полученной связи между профессиональной карьерой респондентов и видами состязательности.								

Субъективные ощущения совпадают с объективными показателями у респондентов с активным сотрудничеством [они и субъективно оценивают свою профессиональную карьеру (28,1 %)(β = 0,122 и 0,134), инициативность(β = 0,153) – наиболее высоко]. Субъективные оценки у работников с активной альтруистичностью явно выше их объективных показателей (22,6 %)(β = 0,098), а у респондентов с активной конкурентностью, наоборот, субъективные оценки продуктивности деятельности несколько ниже объективных показателей (12,6 %)(β = 0,007), но при этом - самый высокий показатель "стремления к достижению лучших результатов"(β = 0,246).

Таблица 43

Показатели эффективности деятельности (самооценка) работников ЗАО «Сибур-Химпром» с разными видами состязательности, % (N = 375)

Показатели эффективности деятельности (самооценка)	Виды состязательности							
	Реактивная конкурентность	Активная конкурентность	Реактивн. индивидуалистичность	Активная индивидуалистичность	Реактивная альтруистичность	Активная альтруистичность	Реактивное сотрудничество	Активное сотрудничество
Профессиональная карьера								
Добились всего	17,1	18,8	7,9	16,0	7,1	13,8	9,0	18,8
Что-то осуществилось, а что-то – нет	61,4	65,6	62,7	60,0	75,7	75,4	82,3	68,2
Мало что удалось добиться	21,5	15,6	29,4	24,0	17,2	10,8	8,7	13,1
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100
Оценка качества своего труда								
Высокое качество	63,6	71,9	60,0	55,6	70,5	60,7	71,3	65,6
Непостоянное качество	36,4	28,1	40,0	44,4	29,5	37,7	28,7	34,4
Низкое качество	0	0	0	0	0	16,6	0	0
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100
Проявление инициативы в работе								
Почти всегда	45,7	34,4	20,2	47,1	35,0	56,3	48,4	57,9
Не всегда	54,3	59,4	72,6	45,1	65,0	42,2	51,6	42,1
Почти никогда	0	6,3	7,2	7,8	0	1,6	0	0
Итого	100	100	100		100		100	100
Стремление к достижению лучших результатов								
Почти всегда	80,7	93,8	81,8	90,2	92,3	86,2	70,6	92,8
Не всегда	15,4	6,3	18,2	7,8	7,7	13,8	29,4	7,2
Почти никогда	3,9	0	0	2,0	0	0	0	0
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100

Примечания: 1. В анализе результатов объединены потенциальная и реактивная формы состязательных отношений в силу малочисленности реактивных форм состязательности.
2. Ассимптотическая двухсторонняя значимость критерия Хи-квадрат Пирсона = 0,024 свидетельствует о статистической значимости полученной связи между эффективностью деятельности респондентов и видами состязательности.

Таблица 44

Влияние уровня развития состязательности на самооценку профессиональной (должностной) карьеры респондентам (N=731, коэффициенты линейной регрессии)

Зависимые переменные	Предикторы, β										R^2
	Виды состязательности										
	Потенц. конкурентность	Реактивная конкурентность	Активная конкурентность	Потенц. индивидуалистичность	Реактив. индивидуалистичность	Актив. индивидуалистичность	Реактивная альтруистичность	Активная альтруистичность	Реактивное сотрудничество	Активное сотрудничество	
Профессиональная (должностная) карьера (самооценка)			0,007					0,098*		0,122*	0,132

Примечания: 1. В анализе результатов объединены такие виды состязательности, как потенциальная и реактивная альтруистичность, а также потенциальное и реактивное сотрудничество, в силу их малочисленности. 2. * $p<0,05$; ** $p<0,01$; *** $p<0,001$; β - стандартизированные коэффициенты регрессии; R^2 - доля дисперсии

Таблица 45

Влияние уровня развития состязательности на самооценку эффективности деятельности респондентами (2012 г., N=375, коэффициенты линейной регрессии)

Зависимые переменные	Предикторы, β								R^2
Показатели эффективности деятельности (самооценка)	Виды состязательности								
	Реактивная конкурентность	Активная конкурентность	Реактивн. индивидуалистичность	Активная индивидуалистичность	Реактивная альтруистичность	Активная альтруистичность	Реактивное сотрудничество	Активное сотрудничество	
Профессиональная карьера (самооценка)	0,123*	0,131*	-0,071	0,107*				0,134*	0,124
Оценка качества своего труда	0,095*	0,112*	0,033	0,024	0,106*	0,009	0,113*	0,097*	0,243
Проявление инициативы в работе	0,017		-0,034	0,008		0,131*	0,112*	0,153*	0,167
Стремление к достижению лучших результатов	0,065	0,246*	0,066	0,173*	0,208*	0,118*	0,036	0,224*	0,365

Примечания: 1. В анализе результатов объединены потенциальная и реактивная формы состязательных отношений в силу малочисленности реактивных форм состязательности. 2. * $p<0,05$; ** $p<0,01$; *** $p<0,001$; β - стандартизированные коэффициенты регрессии; R^2 - доля дисперсии.

При этом выявлено, что респонденты с установкой на активное сотрудничество считают (самооценка), что им больше всего удалось достичь в работе (по сравнению с другими видами состязательности): найти и заниматься интересной, самостоятельной работой (β = 0,254); завести хороших, надежных друзей (β = 0,243); добиться высокого должностного статуса (β = 0,267) и стабильности в жизни (β = 0,154).

Респонденты с активной альтруистичностью выставили самые высокие оценки по следующим параметрам своего профессионального успеха: удалось достичь высокой квалификации (β = 0,179); интересной, самостоятельной работы (β = 0,286); высокого авторитета, положения в коллективе (β

= 0,145). Но эта же группа опрошенных – с активной альтруистичностью – имеет наиболее низкие оценки параметров стабильности в жизни (β = -0,048) и наличия хороших, надежных друзей (β = 0,046). Респонденты с активными индивидуалистическими установками считают, что им удалось лучше других добиться стабильности в жизни (β = 0,142) и высокой квалификации(β = 0,184). Респонденты с активной конкурентностью отличались от субъектов с

Таблица 46

Влияние уровня развития состязательности на самооценку респондентами своих достижений в работе (2012 г., N=375, коэффициенты линейной регрессии)

Зависимые переменные	Предикторы, β								R^2
Что удалось достичь в работе	Виды состязательности								
	Реактивная конкурентность	Активная конкурентность	Реактивн. индивидуалистичность	Активная индивидуалистичность	Реактивная альтруистичность	Активная альтруистичность	Реактивное сотрудничество	Активное сотрудничество	
Высокого должностного статуса	0,123*	0,131*	0,027					0,267*	0,128
Материального достатка	0,095*	0,097*	0,033		-0,006				0,102
Высокой квалификации	0,017	0,008		0,184*		0,179*			0,146
Интересной, самостоятельной работы	0,065	0,045	0,066			0,286*		0,254*	0,267
Связей, знакомств в деловом мире			-0,034		0,035	0,054	0,064		0,059
Стабильности в жизни				0,142*		-0,048	0,114*	0,154*	0,165
Высокого авторитета, положения в коллективе		0,132*				0,145*	0,045		0,104
Завести хороших, надежных друзей						0,046	0,114*	0,243*	0,123

Примечания: 1. В анализе результатов объединены потенциальная и реактивная формы состязательных отношений в силу малочисленности реактивных форм состязательности. 2. * p<0,05; ** p<0,01; *** p<0,001; β - стандартизированные коэффициенты регрессии; R^2 - доля дисперсии.

другими видами состязательности более высокими оценками достигнутого авторитета, положения в коллективе (β = 0,132), высокого должностного статуса (β = 0,131) и самыми низкими оценками своей квалификации (β = 0,008) (таблица 46).

И еще одну закономерность необходимо отметить: не выявлено значимых различий в субъективных оценках своего профессионального успеха между реактивными и активными формами состязательности (по сравнению с теми отличиями, которые имеют место по объективным показателям).

В первичных производственных группах медицинский работников (см. таблицу 47) были выявлены примерно такие же особенности влияния состязательности на самооценку своей профессиональной (должностной) карьеры: наиболее благоприятное воздействие на оценку своей профессиональной карьеры оказывало активное сотрудничество (β = 0,113) и активная конкурентность (β = 0,097), наиболее негативное - потенциальная индивидуалистичность (β = -0,026). Подтверждается и тенденция более позитивного влияния активных видов состязательности на эффективность деятельности медицинских работников. То есть, в целом активные формы состязательности имеют более позитивный эффект для показателей эффективности деятельности, нежели пассивные и потенциальные виды состязательности.

Анализ полученных в лаборатории социологии ПНИПУ эмпирических данных на протяжении последних трех десятилетий позволяет сделать вывод о достаточно сильном дифференцирующем влиянии такого критерия, как состязательность, на эффективность групповой деятельности. При этом наиболее благоприятное (оптимизирующее) воздействие и по объективным, и по субъективным показателям оказывает такой вид состязательности, как активное сотрудничество. Также нужно отметить, что по объективным показателям эффективности деятельности на втором месте (после активного сотрудничества) находится активная конкурентность, а все активные виды состязательности оказались более продуктивными по сравнению с аналогичными пассивными формами состязательности.

Таблица 47

Влияние уровня развития состязательности на самооценку профессиональной (должностной) карьеры медицинскими работниками (2013 г., *N* = 121, коэффициенты линейной регрессии)

Зависимые переменные	Предикторы, β										R^2
	Виды состязательности										
	Потенц.конкурентность	Реактивная конкурентность	Активная конкурентность	Потенц.индивидуалистичность	Актив. индивидуалистичность	Потенц.альтруистичность	Реактивная альтруистичность	Активная альтруистичность	Потенц. сотрудничество	Активное сотрудничество	
Профессиональная (должностная) карьера (самооценка)	0,008	0,012	0,097*	-0,026	0,056			0,043	0,074	0,113*	0,145

Примечания: 1. В анализе результатов объединены такие виды состязательности, как потенциальная и реактивная альтруистичность, а также потенциальное и реактивное сотрудничество, в силу их малочисленности. 2. * p<0,05; ** p<0,01; *** p<0,001; β - стандартизированные коэффициенты регрессии; R^2 - доля дисперсии

Субъективные последствия влияния состязательности на эффективность деятельности несколько отличаются от объективных показателей:

а) респонденты с активными альтруистическими установками оценивают продуктивность своей деятельности значительно выше по сравнению с лицами с другими состязательными установками (кроме работников с установкой на активное сотрудничество) и по сравнению со своими объективными показателями эффективности деятельности;

б) различия в последствиях влияния состязательности на эффективность деятельности между активными и реактивными формами состязательности по субъективной самооценке несколько сглаживаются (снижаются) по сравнению с установленными и достаточно значимыми отличиями между этими видами состязательности по объективным параметрам эффективности деятельности.

5.2.2. ВЛИЯНИЕ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ НА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ В МАЛОЙ ГРУППЕ

В исследовании также было установлено значительное влияние различных видов состязательности на один из традиционных параметров состояния социально-психологической ситуации в малой организованной группе – на состояние ее социально-психологического климата (СПК). Для большей наглядности влияния различных видов состязательности на СПК снова использовалась операция ранжирования каждого отдельного показателя СПК: первое место (1) присваивалось наиболее высокому показателю СПК, второе место (2) – наиболее высокому показателю СПК после первого и т.д. Производилось ранжирование только тех показателей СПК, по которым были обнаружены значимые различия между видами состязательности. Затем все ранговые места суммировались по каждому виду состязательности отдельно и подсчитывался средний балл, то есть ранговое (порядковое) место каждого вида состязательности (таблица 48). Первое ранговое место (ср. балл = 1,3) занимает такой вид состязательности, как активное сотрудничество, то есть этот вид состязательности оказывает наиболее благоприятное влияние на состояние СПК

Таблица 48

Ранжирование показателей социально-психологического климата у групп работников с разными видами состязательности [$N = 920$]

Показатели СПК	Виды состязательности					
	Реактивная конкурентность	Активная конкурентность	Реактивная альтруистичность	Активная альтруистичность	Реактивное сотрудничество	Активное сотрудничество
Удовлетворенность специальностью	6	3	5	2	4	1
Потенциальная текучесть	4	3	3	1	2	1
Настроение на работе	5	3	6	4	2	1
Информированность о делах в звене	5	2	4	2	3	1
Информированность о делах бригады	6	3	5	2	4	1
Информированность о делах на участке	5	3	4	2	5	1
Информированность о делах предприятия	5	3	6	2	4	1
Взаимоотношения в коллективе	6	5	4	1	2	3
Взаимная требовательность	5	4	5	1	2	3
Взаимопомощь в звене	6	5	4	1	3	2
Обсуждение в звене производственных вопросов	6	3	5	2	4	1
Обсуждение в звене непроизводственных вопросов	5	4	5	1	3	2
Отношение руководства цеха к рабочим	5	4	4	3	2	1
Отношение рабочих к звеньевому	5	4	3	1	3	2
Отношение рабочих к распоряжениям звеньевого	5	3	4	2	3	1
Удовлетворенность условиями труда	5	4	4	2	3	1
Удовлетворенность организацией труда	5	3	4	2	2	1
Удовлетворенность режимом работы	4	5	3	2	4	1
Удовлетворенность профессиональным ростом	4	2	3	2	3	1
Удовлетворенность размером зарплаты	4	4	2	2	3	1
Удовлетворенность системой премирования	3	4	1	1	2	2
Удовлетворенность распределением отпусков	6	4	5	2	3	1
Удовлетворенность работой общественных организаций	6	5	4	2	3	1
Удовлетворенность организацией совместного отдыха членов звена	5	2	4	3	3	1
Сумма ранговых мест	121	85	97	45	72	32
Ср. балл (порядковое место)	5,1	3,5	4,0	1,9	3,0	1,3

Примечание: цифры в таблице обозначают: 1 – наиболее высокий показатель СПК среди видов состязательности; 2, 3, 4, 5 – промежуточные оценки состояния СПК; 6 – наименее высокий показатель СПК среди видов состязательности.

первичных производственных групп. Второе ранговое место (ср. балл = 1,9) занимает такой вид состязательности, как активная альтруистичность, то есть он име ет второе по величине (после активного сотрудничества) воздействие на состояние СПК.

Третье ранговое место (ср. балл = 3,0) занимает такой вид состязательности, как реактивное сотрудничество. Четвертое ранговое место (ср. балл = 3,5) принадлежит активной конкурентности. Пятое место (ср. балл = 4,0) занимает реактивная альтруистичность. Последнее, шестое ранговое место (ср.балл = 5,1) занимает реактивная конкурентность, то есть этот вид состязательности оказывает наименее благоприятное влияние на состояние СПК первичной производственной группы.

Результаты исследования состязательности в группе учителей в основном подтверждают ранее выявленные тенденции и свидетельствуют о том, что наиболее высокие показатели практически всех сторон социально-психологического климата выявлены у респондентов с таким видом состязательности, как активное сотрудничество. В частности, активное сотрудничество оказывает наиболее сильное позитивное влияние на потенциальную стабильность производственной группы (β = 0,435), удовлетворенность профессией (β = 0,573), настроение у членов группы на работе (β = 0,442), практически на все оценки внутригрупповой атмосферы. Второе место по степени оптимизирующего влияния занимает такой вид состязательности, как активная альтруистичность. Наименее слабое (и наименее благоприятное) влияние на состояние социально-психологического климата оказывают такие виды состязательности, как реактивная индивидуалистичность, реактивная конкурентность и реактивная альтрустичность. Другие виды состязательности занимают промежуточное положение (таблицы 49, 50, 51). Эмпирические данные исследования, проведенного на одном из пермских промышленных предприятий (ЗАО «Сибур-Химпром») (таблицы 52, 53, 54), показывают, что наиболее благоприятные оценки различных сторон социально-психологической обстановки на предприятии зафиксированы также у работников с установкой на активное сотрудничество

Таблица 49

Отношение к своей деятельности респондентов с разными видами состязательности, % [*N* = 731]

Показатели отношения к труду	Виды состязательности									
	Потенц. конку-рентность	Реактивная конку-рентность	Активная конку-рентность	Потенц. индиви-дуали-стичность	Реактив. индиви-дуали-стичность	Актив. ин-дивидуали-стичность	Реактивная альтруи-стичность	Активная альтруи-стичность	Реактивное сотрудни-чество	Активное сотрудни-чество
Желание сменить место работы:										
Нет	43,9	22,7	40,1	34,4	6,3	48,0	50,0	62,3	19,8	65,0
Есть	28,8	36,4	25,0	21,9	25,0	13,9	35,2	17,0	33,9	5,3
затруднились ответить	25,8	38,6	34,9	43,8	68,8	37,6	14,8	20,8	45,3	29,8
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Удовлетворенность профессией:										
Удовлетворены	68,2	70,5	84,9	71,9	81,3	86,7	56,8	92,3	92,7	25,0
Безразличны	3,0	2,3	0	0	6,3	0	10,0	0	0	0
Не удовлетворены	28,8	27,3	15,1	28,1	12,5	13,3	33,2	7,7	7,3	5,0
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Настроение на работе:										
Плохое	6,1	4,5	3,0	0	0	3,5	18,8	2,9	7,1	3,5
Когда как	47,0	56,8	38,4	53,1	43,8	27,2	45,7	18,9	46,4	20,8
Хорошее	47,0	38,6	58,6	46,9	56,3	68,8	35,5	78,2	46,4	75,7
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Примечания: 1. В анализе результатов объединены такие виды состязательности, как потенциальная и реактивная альтруистичность, а также потенциальное и реактивное сотрудничество, в силу их малочисленности. 2. Ассимптотическая двухсторонняя значимость критерия Хи-квадрат Пирсона свидетельствует о статистической значимости полученной связи между желанием сменить место работы [Хи-квадрат Пирсона = 0,000], удовлетворенностью профессией [Хи-квадрат Пирсона = 0,041], настроением [Хи-квадрат Пирсона = 0,045] на работе и видами состязательности

Таблица 50

Оценка состояния социально-психологического климата группы респондентами с различными видами состязательности, средний балл [*N* = 731]

Показатели социально-психологического климата	Виды состязательности									
	Потенц. конкурентность	Реактивная конкурентность	Активная конкурентность	Потенц. индивидуалистичность	Реакт. индивидуалистичность	Активная индивидуалистичность	Реактивная альтруистичность	Активная альтруистичность	Реактивное сотрудничество	Активное сотрудничество
Бодрый настрой в коллективе	4,0	4,2	3,9	4,1	3,2	3,9	3,4	3,0	3,2	2,4
Доброжелательность в отношениях	4,5	4,9	4,5	4,5	4,9	4,5	3,2	2,9	3,0	2,5
Нравится вместе проводить время	4,4	4,8	4,4	4,7	4,5	4,8	3,6	2,4	3,0	2,9
Отношения сопереживания	4,8	5,2	4,9	4,6	4,6	4,9	3,5	2,7	3,2	3,0
Взаимное уважение	4,3	4,7	4,5	4,6	4,4	4,5	3,5	2,8	2,7	2,2
Достижения коллектива переживаются, как свои	4,1	4,9	4,8	4,4	4,3	4,8	3,6	2,6	2,9	2,8
Эмоциональное единение в трудные минуты	4,3	4,8	4,5	4,6	4,2	4,6	3,8	3,7	3,2	3,0
Чувство гордости за коллектив	4,6	4,8	4,8	4,8	4,4	4,8	3,7	3,0	3,5	3,2
Коллектив энергичен, полон энергии	4,3	4,9	4,5	4,4	4,3	4,6	3,9	3,7	3,6	2,9
Доброжелательное отношение к новичкам	4,9	5,2	5,0	4,5	4,3	4,6	3,8	3,7	3,6	3,2
Желание работать вместе	4,6	4,9	4,7	4,3	4,0	4,3	4,0	3,0	3,6	3,3
В коллективе справедливое отношение ко всем	4,7	4,8	4,8	3,8	3,9	4,0	3,6	3,2	3,2	2,9

Примечание: в анализе результатов объединены такие виды состязательности, как потенциальная и реактивная альтруистичность, а также потенциальное и реактивное сотрудничество, в силу их малочисленности; цифры в таблице обозначают: *1* – наиболее высокий показатель СПК; *7* – низший уровень развития СПК.

Таблица 51

Влияние уровня развития состязательности на отношение респондентов к своей деятельности (N=731, коэффициенты линейной регрессии)

Зависимые переменные	Предикторы, β										R^2
Показатели отношения к труду	Виды состязательности										
	Потенц. конкурентность	Реактивная конкурентность	Активная конкурентность	Потенц. индивидуалистичность	Реактив. индивидуалистичность	Актив. индивидуалистичность	Реактивная альтруистичность	Активная альтруистичность	Реактивное сотрудничество	Активное сотрудничество	
Отсутствие желания сменить место работы		-0,086*			-0,048	0,056	0,127*	0,376*		0,435**	0,243
Удовлетворенность профессией	0,057	0,078*	0,335*	0,094*	0,312*	0,341*		0,566***	0,478**	0,573***	0,354
Настроение на работе	0,048	-0,067*	0,124*	0,056		0,142*	-0,043	0,431**	0,233*	0,442***	0,278

Примечания: 1. В анализе результатов объединены такие виды состязательности, как потенциальная и реактивная альтруистичность, а также потенциальное и реактивное сотрудничество, в силу их малочисленности. 2. * $p<0,05$; ** $p<0,01$; *** $p<0,001$; β - стандартизированные коэффициенты регрессии; R^2 - доля дисперсии

(девять самых высоких показателей СПК и ни одного самого низкого). В том числе, активное сотрудничество оказывает наиболее сильное позитивное влияние на удовлетворенность работой (β = 0,656), потенциальную стабильность производственной группы (β = 0,643), отношения в коллективе (β = 0,671), удовлетворенность отношениями с начальством (β = 0,413), удовлетворенность возможностями профессионального роста (β = 0,347). Второе место по степени положительного влияния на социально-психологический климат производственной группы прочно занимают показатели «активная альтруистичность» (пять самых высоких оценок отдельных сторон СПК и одна – самая низкая) и «реактивная альтруистичность» (четыре самых высоких показателя СПК и один – наиболеенизкий).

Наиболее неблагоприятное влияние на социально-психологическую ситуацию в первичном коллективе оказывает реактивная конкурентность (одиннадцать самых низких показателей СПК). Также нужно отметить, что у работников с активной конкурентностью, реактивной и активной индивидуалистичностью зафиксировано, скорее, слабое негативное влияние на социально-психологическую ситуацию в производственном коллективе (они имеют по две самые низкие оценки сторон СПК и ни одной самой высокой).

В исследовании работников медицинских учреждений в основном подтвердились ранее выявленные закономерности влияния различных видов состязательности на состояние социально-психологического климата (но с определенными уточнениями для этих социальных групп). Вновь использовалась операция ранжирования каждого отдельного показателя СПК: первое место (1) присваивалось наиболее высокому показателю СПК, второе место (2) – наиболее высокому показателю СПК после первого и т.д. Производи лось ранжирование только тех показателей СПК, по которым были обнаружены значимые различия между видами состязательности. Затем все ранговые места суммировались по каждому виду состязательности отдельно и

Таблица 52

Оценка состояния СПК производственной группы работниками с разными видами состязательности (ЗАО «Сибур-Химпром»), [*N* = 375]

Показатели СПК	Виды состязательности, %							
	Реактивная конкурентность	Активная конкурентность	Реактивная индивидуалистичность	Активная индивидуалистичность	Реактивная альтруистичность	Активная альтруистичность	Реактивное сотрудничество	Активное сотрудничество
Удовлетворенность работой:								
Удовлетворены	82,1	84,4	85,5	88,2	90,5	95,5	90,4	97,4
Безразличны	10,2	9,4	7,3	0	4,8	0	4,8	1,3
Не удовлетворены	7,9	6,3	7,3	11,8	4,8	4,5	4,8	1,3
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100
Потенциальная текучесть:								
Нет желания уйти	54,4	68,8	69,8	64,7	70,2	60,6	64,8	74,5
Хотят уйти	41,1	15,6	15,7	17,7	17,4	30,3	13,6	8,6
Не знают	4,5	15,6	14,5	17,6	12,4	9,1	22,6	16,9
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100
Отношения в коллективе:								
Плохие	27,3	12,9	8,6	14,6	9,0	7,8	8,6	7,2
Средние	18,2	6,5	8,6	6,3	6,0	1,6	6,8	2,0
Хорошие	54,5	80,6	82,8	79,2	85,0	90,6	84,6	90,8
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100
Отношения с руководителем:								
Плохие	17,0	9,4	10,5	7,8	12,5	9,2	8,3	9,5
Средние	61,4	34,4	60,0	35,3	50,0	36,9	49,1	39,8
Хорошие	2,3	28,1	23,3	29,4	20,0	40,0	26,8	36,0
Затруднил. ответить	19,3	28,1	6,2	27,5	17,5	3,8	13,8	17,7
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100
Удовлетворенность отношениями с начальством:								
Не устраивают	11,5	12,5	4,8	8,0	9,2	10,6	12,6	7,8
Не знают точно	15,4	15,6	23,8	14,0	9,2	10,6	11,8	10,4
Устраивают	71,1	71,9	71,4	78,0	81,7	78,8	75,6	81,8
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100
Конфликты между работниками:								
Есть	71,6	34,4	39,1	39,2	36,2	36,4	39,8	35,0
Нет	23,8	53,1	36,1	54,9	61,4	48,5	45,4	57,1
Не могут сказать	4,6	12,5	24,8	5,9	2,4	19,4	14,8	7,9
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100
Конфликты между работниками и руководителем:								
Есть	52,3	53,1	46,9	54,9	33,8	45,5	39,2	42,4
Нет	26,1	43,8	25,5	29,4	63,8	40,9	32,9	45,8
Не могут сказать	21,6	3,1	27,5	15,7	2,4	13,6	27,9	11,8
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100

Примечания: 1. В анализе результатов объединены потенциальная и реактивная формы состязательности в силу малочисленности пассивных форм состязательности. 2. Ассимптотическая двухсторонняя значимость критерия Хи-квадрат Пирсона свидетельствует о статистической значимости полученной связи между потенциальной текучестью [Хи-квадрат = 0,008], удовлетворенностью работой [Хи-квадрат = 0,028], отношениями в коллективе [Хи-квадрат = 0,040], отношениями с руководством [Хи-квадрат = 0,045 и 0,032], конфликтами [Хи-квадрат = 0,047 и 0,038] и видами состязательности

Таблица 53

Удовлетворенность различными сторонами производственной обстановки работников «Сибур-Химпром» с разными видами состязательности,[*N* = 375]

Уровень удовлетворенности	Виды состязательности							
	Реактивная конкурентность	Активная конкурентность	Реактивная индивидуалистичность	Активная индивидуалистичность	Реактивная альтруистичность	Активная альтруистичность	Реактивное сотрудничество	Активное сотрудничество
Содержание труда:								
Не устраивает	11,5	9,4	7,2	10,2	0	3,1	4,8	8,0
Точно не знают	15,4	3,1	21,4	12,2	4,0	12,5	9,5	7,8
Устраивает	73,1	87,5	71,4	77,6	96,0	84,4	85,7	84,2
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100
Условия труда:								
Не устраивают	30,8	31,3	21,4	18,0	16,0	13,6	17,6	17,3
Точно не знают	15,4	15,6	21,4	24,0	4,0	16,7	17,6	11,7
Устраивают	53,8	53,1	57,2	58,0	80,0	69,7	64,8	71,0
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100
Возможности профессионального роста:								
Не устраивают	52,0	31,3	26,2	30,0	28,0	30,3	20,6	26,4
Точно не знают	20,0	18,8	31,0	20,0	24,0	18,2	35,3	18,2
Устраивают	28,0	50,0	42,8	50,0	48,0	51,5	44,1	55,5
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100
Уровень оплаты труда:								
Не устраивает	68,0	46,9	46,5	48,0	52,0	39,4	41,2	40,2
Точно не знают	4,0	15,6	18,6	14,0	20,0	10,6	11,7	11,7
Устраивает	28,0	37,5	34,9	38,0	28,0	50,0	47,1	48,2
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100

Примечания: 1. В анализе результатов объединены потенциальная и реактивная формы состязательности в силу малочисленных пассивных форм состязательности. 2. Ассимптотическая двухсторонняя значимость критерия Хи-квадрат Пирсона свидетельствует о статистической значимости полученной связи между удовлетворенностью содержанием труда [Хи-квадрат = 0,038], удовлетворенностью условиями труда [Хи-квадрат = 0,027], удовлетворенностью возможностями профессионального роста [Хи-квадрат = 0,045], удовлетворенностью уровнем оплаты труда [Хи-квадрат = 0,017] и видами состязательности

Таблица 54

Влияние уровня развития состязательности на оценку респондентами состояния социально-психологического климата своей производственной группы (2012 г., N=375, коэффициенты линейной регрессии)

Зависимые переменные	Предикторы, β								R^2
Показатели СПК	Виды состязательности								
	Реактивная конкурентность	Активная конкурентность	Реактивн. индивидуалистичность	Активная индивидуалистичность	Реактивная альтруистичность	Активная альтруистичность	Реактивное сотрудничество	Активное сотрудничество	
Удовлетворенность работой	0,287*	0,301*	0,322*	0,378*	0,441**	0,643***	0,457**	0,656***	0,658
Потенциальная стабильность	0,096	0,364*	0,389*	0,325*	0,438**	0,373*	0,416**	0,643***	0,569
Отношения в коллективе	0,067	0,411**	0,406**	0,344*	0,454**	0,545**	0,463**	0,671***	0,467
Отношения с руководителем	0,065	0,045	0,066			0,286*		0,254*	0,269
Удовлетворенность отношениями с начальством	0,124*	0,164*	0,203*	0,317*	0,366*	0,324*	0,354*	0,413**	0,465
Отсутствие конфликтов между работниками	-0,121*	0,124*	0,089	0,143*	0,263*	0,135*	0,133*	0,212*	0,471
Отсутствие конфликтов между работниками и руководителем	0,018	0,078	0,029	0,019	0,232*	0,118*	0,114*	0,154*	0,279
Удовлетворенность содержанием труда	0,317**	0,534**	0,314**	0,334**	0,654***	0,557***	0,546***	0,543***	0,526
Удовлетворенность условиями труда	0,078	0,081	0,144*	0,163*	0,476**	0,413**	0,403**	0,418**	0,435
Удовлетворенность возможностями профессионального роста	-0,041	0,146*	0,122*	0,138*	0,137*	0,154*	0,141*	0,347*	0,243
Удовлетворенность уровнем оплаты труда	-0,076	0,097	0,087	0,098	0,079	0,144*	0,123*	0,136*	0,227

Примечания: 1. В анализе результатов объединены потенциальная и реактивная формы состязательных отношений в силу малочисленности реактивных форм состязательности. 2. * $p<0,05$; ** $p<0,01$; *** $p<0,001$; β - стандартизированные коэффициенты регрессии; R^2 - доля дисперсии.

подсчитывался средний балл, то есть ранговое (порядковое) место каждого вида состязательности (таблица 55).

Первое ранговое место здесь также занимает такой вид состязательности, как активное сотрудничество, то есть этот вид состязательности оказывает наиболее благоприятное влияние на состояние СПК (ср. балл = 2,2) и психологическую атмосферу (ср. балл = 1,0) первичных производственных групп. Второе ранговое место по воздействию на состояние СПК (ср. балл = 2,6) и психологическую атмосферу (ср. балл = 2,5) занимает такой вид состязательности, как активная альтруистичность. А вот третье ранговое место по воздействию на состояние СПК (ср. балл = 3,8) в группах медработников занимает такой вид состязательности, как активная индивидуалистичность. Последние ранговые места занимают потенциальная и реактивная конкурентность (то есть эти виды состязательности оказывают наименее благоприятное влияние на состояние СПК первичной производственной группы и в медицинских учреждениях). Таким образом, к особенностям влияния состязательности на состояние социально-психологического климата в этих группах относятся: значительный рост влияния на состояние социально-психологического климата такого вида состязательности, как активная индивидуалистичность, значительное снижение позитивной роли всех видов конкурентности, и усиление различий последствий между пассивными и активными формами состязательности (см. таблицы 55, 56, 57). Также необходимо отметить увеличение дифференцирующего однозначного воздействия видов состязательности на отдельные показатели психологической атмосферы в первичных производственных группах медицинских работников (таблица 58).

Таблица 55

Ранжирование показателей социально-психологического климата
у групп медицинских работников с разными видами состязательности [2013 г., $N = 121$]

Показатели социально-психологического климата	Виды состязательности									
	Потенц. конкурент-ность	Реактивная конкурент-ность	Активная конкурент-ность	Потенц. индивидуа-листичность	Активная индивидуа-листичность	Потенц. аль-труистич-ность	Реактивная альтруистич-ность	Активная альтруи-стичность	По-тенц.сотруд ничество	Активное сотрудниче-ство
Желание сменить место работы	10	9	7	8	4	5	3	1	6	2
Удовлетворенность работой	10	9	8	5	1	7	6	3	4	2
Удовлетворенность профессией	9	7	3	5	1	8	6	2	10	4
Уд-сть орг-цией труд. процесса	10	8	7	9	5	6	4	1	3	2
Удовлетворенность зар.платой	9	10	7	8	5	6	4	2	3	1
Уд-сть системой премирования	10	9	4	5	1	7	6	2	8	3
Уд-ность системой отпусков	5	4	2	10	9	8	7	6	3	1
Уд-ность проездом до работы	9	10	5	4	2	8	7	6	3	1
Уд-ность орг. совм. отдыха	10	9	8	5	3	4	2	1	7	6
Уд-ность отн-ми в коллективе	10	9	7	8	6	5	4	2	3	1
Уд-ность условиями труда	9	10	7	8	5	6	4	3	2	1
Средний балл (порядковое место)	9,2	8,5	5,9	6,8	3,8	6,4	4,8	2,6	4,7	2,2

Примечание: цифры в таблице обозначают: 1 – наиболее высокий показатель СПК среди видов состязательности; 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 – промежуточные оценки состояния СПК; 10 – наименее высокий показатель СПК среди видов состязательности.

Таблица 56

Влияние уровня развития состязательности на оценку медицинскими работниками состояния социально-психологического климата своей производственной группы (2013 г., $N = 121$, коэффициенты линейной регрессии)

Зависимые переменные: показатели СПК	Предикторы, β										R^2
	Виды состязательности										
	Потенц.конкурентность	Реактивная конкурентность	Актив. конкурентность	Потенц.индивидуалистичность	Актив. индивидуалистичность	Потенц.альтруистичность	Реактив. альтруистичность	Актив. альтруистичность	Потенц. сотрудничество	Актив. сотрудничество	
Потенциальная текучесть	-0,091*	-0,086*			0,089*		0,115*	0,164*		0,147*	0,254
Уд-сть работой	-0,079*	-0,066	-0,053		0,152*			0,117*		0,133*	0,198
Уд-сть профессией	-0,071		0,109*		0,167*			0,145*	-0,064		0,265
Уд-сть орг-цией труда	-0,111*			-0,083*				0,208*	0,114*	0,165*	0,302
Уд-сть зар.платой	-0,098*	-0,084*						0,167*	0,112*	0,241*	0,178
Уд-сть сист. премирования	-0,057	-0,043			0,204*			0,165*		0,124*	0,165
Уд-ность отн-ми в группе	-0,121*	-0,087*				0,064	0,096*	0,149*	0,121*	0,218*	0,314
Уд-ность условиями труда	-0,056	-0,065					0,111*	0,143*	0,154*	0,178*	0,194

Примечания: 1. В анализе результатов объединены такие виды состязательности, как потенциальная и реактивная альтруистичность, а также потенциальное и реактивное сотрудничество, в силу их малочисленности. 2. * $p<0,05$; ** $p<0,01$; *** $p<0,001$; β - стандартизированные коэффициенты регрессии; R^2 - доля дисперсии

Таблица 57

Ранжирование показателей групповой атмосферы у медицинских работников с разными видами состязательности [2013 г., $N = 121$]

Показатели групповой атмосферы	Виды состязательности									
	Потенц. конкурентность	Реактивная конкурентность	Активная конкурентность	Потенц. индивидуалистичность	Активная индивидуалистичность	Потенц. альтруистичность	Реактивная альтруистичность	Активная альтруистичность	Потенц.сотрудничество	Активное сотрудничество
Бодрый настрой в коллективе	10	9	7	8	4	6	5	2	3	1
Доброжелательность	10	9	8	7	5	6	4	2	3	1
Нрав. вместе проводить время	9	10	8	7	6	5	4	3	2	1
Отношения сопереживания	6	7	5	10	9	8	4	3	2	1
Взаимное уважение	9	10	7	8	6	5	4	2	3	1
Достижения коллектива переживаются, как свои	10	9	8	7	3	6	5	4	2	1
Эмоц. единение в трудн.минуты	9	10	7	8	6	5	4	2	3	1
Чувство гордости за коллектив	9	10	6	8	7	5	4	2	3	1
Желание работать вместе	10	9	8	6	7	5	4	2	3	1
Справедливое отн-ние ко всем	10	9	7	8	6	5	4	3	2	1
Средний балл (порядковое место)	9,2	9,2	7,1	7,7	5,9	5,6	4,2	2,5	2,6	1,0

Примечание: цифры в таблице обозначают: 1 – наиболее высокий показатель СПК среди видов состязательности; 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 – промежуточные оценки состояния СПК; 10 – наименее высокий показатель СПК среди видов состязательности.

Таблица 58

Влияние уровня развития состязательности на оценку медицинскими работниками показателей групповой атмосферы своей производственной группы (2013 г., *N* = 121, коэффициенты линейной регрессии)

Зависимые переменные: показатели СПК	Предикторы, β										R^2
	Виды состязательности										
	Потенц.конкурентность	Реактивная конкурентность	Актив. конкурентность	Потенц.индивидуалистичность	Актив. индивидуалистичность	Потенц.альтруистичность	Реактив. альтруистичность	Актив. альтруистичность	Потенц. сотрудничество	Актив. сотрудничество	
Бодрый настрой в группе	-0,098*	-0,067	0,032	-0,013	0,089*	0,034	0,065	0,217*	0,121*	0,356**	0,452
Доброжелательность	-0,113*	-0,054	-0,052	0,011	0,064	0,027	0,109*	0,178*	0,117*	0,408**	0,367
Вместе проводим время	-0,132*		-0,100*	0,009	0,053	0,037	0,123*	0,196*	0,223*	0,435**	0,482
Взаимное уважение	-0,111*		0,023	-0,025	0,047	0,043	0,102*	0,204*	0,116*	0,362**	0,390
Эмоциональное единение	-0,077*	-0,084*	0,037	-0,008	0,035	0,019	0,115*	0,235*	0,117*	0,334**	0,453
Гордость за группу	-0,023	-0,043	0,044	-0,017	0,014	0,045	0,108*	0,197*	0,135*	0,298**	0,397
Желание работать вместе	-0,143*	-0,087*	-0,019	0,045	0,023	0,054	0,087*	0,183*	0,122*	0,313**	0,438
Справедл. отн-ние ко всем	-0,202*	-0,065	0,005	-0,021	0,056	0,061	0,109*	0,191*	0,231*	0,354**	0,398

Примечания: 1. В анализе результатов объединены такие виды состязательности, как потенциальная и реактивная альтруистичность, а также потенциальное и реактивное сотрудничество, в силу их малочисленности. 2. * $p<0,05$; ** $p<0,01$; *** $p<0,001$; β - стандартизированные коэффициенты регрессии; R^2 - доля дисперсии

В исследовании работников медицинских учреждений также было установлено определенное влияние состязательности на сплоченность группы (см. таблицы 59, 60). Характер влияние состязательных отношений на отдельные показатели сплоченности оказался менее однозначным, нежели влияние видов состязательности на социально-психологический климат. Однако, все также прослеживается тенденция наиболее позитивного влияния отношений активного сотрудничества (ср. балл = 3,5) по сравнению с другими видами состязательности, при это отношения активной альтруистичности совсем незначительно уступают им (отношениям сотрудничества) - ср. балл = 3,6. Наименьшее же положительное влияние оказывают отношения потенциальной конкурентности (ср. балл = 8,0.) (см. таблицы 59, 60).

Прослеживается тенденция и более позитивного влияния активных видов состязательности на сплоченность первичного коллектива медицинских работников (см. таблицы 58, 59). Также активные виды состязательности (ср. балл = 4,0) в целом превосходят по положительному воздействию на сплоченность группы потенциальные (ср. балл = 6,7) и реактивные виды состязательности (ср. балл = 5,9) (см. таблицы 59, 60).

Кроме того в исследовании работников медицинских учреждений зафиксировано влияние состязательности на мотивы их трудовой деятельности (см. таблицу 61). Характер этого влияния оказался не таким однозначным, как влияние видов состязательности на социально-психологический климат и достаточно своеобразным. Прослеживается тенденция наиболее позитивного влияния отношений активной альтруистичности ($\beta = 0{,}234$) по сравнению с другими видами состязательности: респонденты с активной альтруистичностью в наибольшей степени ориентированы на содержание своего труда («работа - цель, а не средство их жизнедеятельности»). Мотивы работников с преобладанием активного сотрудничества несколько уступают им (отношениям альтруистичности) - ($\beta = 0{,}136$). Самые низкие показатели ориентации на работу как «цель, а не средство» оказались у пассивных видов состязательности (см. таблицу 61).

Таблица 59

Ранжирование показателей групповой сплоченности у медицинских работников с разными видами состязательности [2013 г., $N = 121$]

Показатели групповой сплоченности (степень совпадения оценок)	Виды состязательности									
	Потенц. конкурентность	Реактивная конкурентность	Активная конкурентность	Потенц. индивидуалистичность	Активная индивидуалистичность	Потенц. альтруистичность	Реактивная альтруистичность	Активная альтруистичность	Потенц.сотрудничество	Активное сотрудничество
престижа профессии	5	2	1	10	8	9	7	4	6	3
удовл. профессией	9	8	2	4	1	6	5	3	10	5
мотивов трудовой деятельности	8	7	4	10	9	5	3	1	6	2
удовлетворенности трудом	10	9	8	2	1	7	6	5	4	3
уд-сти орг-цией труда	9	10	7	8	6	4	3	1	5	2
уд-сти условиями труда	10	9	8	7	5	6	4	3	2	1
удовлетворенности з/п	4	2	1	5	3	9	7	6	10	8
уд-сти сист. премирования	7	6	3	2	1	7	5	3	10	9
уд-ности системой отпусков	8	4	3	10	9	7	6	5	2	1
уд-ности проездом до работы	10	9	8	4	3	7	6	5	2	1
Средний балл (порядковое место)	8,0	6,6	4,5	6,2	4,6	6,7	5,2	3,6	5,7	3,5

Примечание: цифры в таблице обозначают: 1 – наиболее высокий показатель СПК среди видов состязательности; 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 – промежуточные оценки состояния СПК; 10 – наименее высокий показатель СПК среди видов состязательности.

Таблица 60

Влияние уровня развития состязательности на оценку медицинскими работниками показателей групповой сплоченности (2013 г., *N* = 121, коэффициенты линейной регрессии)

Зависимые переменные: показатели групповой сплоченности (степень совпадения оценок)	Предикторы, β										R^2
	Виды состязательности										
	Потенц.конкурентность	Реактивная конкурентность	Актив. конкурентность	Потенц.индивидуалистичность	Актив. индивидуалистичность	Потенц.альтруистичность	Реактив. альтруистичность	Актив. альтруистичность	Потенц. сотрудничество	Актив. сотрудничество	
престиж профессии		0,096*	0,135*	-0,101*		-0,065					0,123
удовл. профессией	-0,069		0,082*		0,132*			0,053	-0,078		0,098
мотивов трудовой деятельности				-0,114*	-0,063		0,113*	0,134*			0,134
удовлетворенности трудом	-0,143*	-0,067		0,080*	0,112*						0,087
уд-сти условиями труда	-0,117*	-0,078*							0,103*	0,116*	0,165
удовлетворенности з/п		0,079*	0,104*			-0,043			-0,107*		0,097
уд-ности системой отпусков				-0,087*	-0,044				0,065	0,098*	0,114
уд-ности проездом до работы	-0,085*	-0,054							0,054	0,087*	0,121

Примечания: 1. В анализе результатов объединены такие виды состязательности, как потенциальная и реактивная альтруистичность, а также потенциальное и реактивное сотрудничество, в силу их малочисленности. 2. * $p<0,05$; ** $p<0,01$; *** $p<0,001$; β - стандартизированные коэффициенты регрессии; R^2 - доля дисперсии

Таблица 61

Влияние уровня развития состязательности на мотивы трудовой деятельности медицинскими работниками (2013 г., *N* = 121, коэффициенты линейной регрессии)

Зависимые переменные: мотивы трудовой деятельности	Предикторы, β										R^2
	Виды состязательности										
	Потенц.конкурентность	Реактивная конкурентность	Актив. конкурентность	Потенц.индивидуалистичность	Актив. индивидуалистичность	Потенц.альтруистичность	Реактив. альтруистичность	Актив. альтруистичность	Потенц. сотрудничество	Актив. сотрудничество	
работа для меня интересна и важна само по себе							0,113*	0,234**		0,146*	0,145
работа - дело важное, но есть вещи, занимающие меня гораздо больше, чем работа			0,158*		0,071	0,023		0,123*	0,107*		0,167
работа для меня лишь инструмент заработка	0,064	0,047		0,032							0,104
работа для меня - неприятная обязанность, если было бы можно, я бы вообще не работал(а)											
Примечания: 1. В анализе результатов объединены такие виды состязательности, как потенциальная и реактивная альтруистичность, а также потенциальное и реактивное сотрудничество, в силу их малочисленности. 2. * p<0,05; ** p<0,01; *** p<0,001; β - стандартизированные коэффициенты регрессии; R^2 - доля дисперсии											

5.2.3. ВЛИЯНИЕ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ НА ИНТЕГРАЛЬНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ («САМООЦЕНКА СВОЕГО ЖИЗНЕННОГО ПУТИ», «ДИНАМИКА ЖИЗНЕННЫХ ОЩУЩЕНИЙ», «СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТИРОВАННОСТЬ ЛИЧНОСТИ»)

При изучении состязательности в группе учителей также использовались такие интегральные показатели эффективности индивидуальной деятельности, как «самооценка своего жизненного пути» («жизненных успехов»), «динамика жизненных ощущений за последние пять лет» и «социально-психологическая адаптированность личности».

Для определения *социально-психологической адаптированности личности* применялись отдельные части шкалы психологической адаптированности, разработанной американскими психологами К. Роджерсом и Р. Даймонд и адаптированной сотрудником Института возрастной и педагогической психологии АПН СССР Т.В. Снегиревой[3]. В нашем исследовании использованы суждения данной шкалы, половина которых соответствует критериям психологической адаптированности личности (приятие себя, чувство собственного достоинства, приятие других, умение уважать других, эмоциональный комфорт, уравновешенность, оптимизм, акцент на личную ответственность и компетентность, ориентация на то, что достижение жизненных целей зависит от себя самого, доминирование, независимость от других, стремление решать проблему); остальные суждения соответствуют критериям дезадаптированности (неприятие других и себя, конфликт с другими, эмоциональный дискомфорт, тревожность, беспокойство, пассивность в решении жизненных задач, расчет на толчок и поддержку извне, ведомость, зависимость от других, «уход» от проблем).

Шкала предъявлялась опрашиваемым в виде высказываний анкеты «О жизни, о работе, о себе», каждое из которых оценивалось респондентомпо

[3] Снегирева Т.В. Методика изучения особенностей личностной саморегуляции // Диагностическая и коррекционная работа школьного психолога. – М., 1987. – С. 80–89.

5-балльной шкале. Коэффициент социально-психологической адаптированности вычислялся по сумме позитивных высказываний и негативных, но взятых с обратным знаком.

Было установлено (см. таблицы 62, 63, 64, 65), что наиболее сильное положительное влияние на «жизненный успех» (β = 0,134), «самочувствие» индивида (β = 0,144), «социально-психологическую адаптированность личности» [принятие себя, чувство собственного достоинства (β = 0,134), принятие других (β = 0,107), эмоциональный комфорт (β = 0,131), самостоятельность (β = 0,154), независимость от других, доминирование (β = 0,125), стремление решать проблему (β = 0,167)] оказывает такой вид состязательности, как активное сотрудничество (другими словами, у респондентов с установкой на активное сотрудничество зафиксированы самые высокие оценки своих жизненных успехов, динамики жизненных ощущений, социально-психологической адаптированности по сравнению с другими видами состязательности). Также стабильно второе место по степени оптимизирующего воздействия на эти интегральные личностные характеристики эффективности деятельности оказывал такой вид состязательности, как активная альтруистичность [на «жизненный успех» (β = 0,123), динамику жизненных ощущений индивида (β = 0,034), «социально-психологическую адаптированность личности»: принятие себя, чувство собственного достоинства (β = 0,125), принятие других (β = 0,098), эмоциональный комфорт (β = 0,101), самостоятельность (β = 0,047), независимость от других, доминирование (β = 0,087), стремление решать проблему (β = 0,115)]. На уровень социально-психологической адаптированности индивидов также достаточно благоприятное влияние оказывало и реактивное сотрудничество [принятие себя, чувство собственного достоинства (β = 0,116), принятие других (β = 0,086), независимость от других, доминирование (β = 0,091)].

У респондентов с установкой на реактивную альтруистичность выявлены промежуточные и противоречивые показатели воздействия состязательности на личностную эффективность: с одной стороны, у них оказались

Таблица 62

Оценка показателей «жизненные успехи» и «жизненные ощущения» респондентами с различными видами состязательности, % [$N = 731$]

Как сложилась Ваша жизнь? Ваши жизненные ощущения	Виды состязательности									
	Потенц. конкурентность	Реактив. конкурентность	Активная конкурентность	Потенц. индивидуалистичность	Реактив. индивидуалистичность	Активная индивидуалистичность	Реактивная альтруистичность	Активная альтруистичность	Реактив. сотрудничество	Актив. сотрудничество
Добились того, к чему стремились	7,6	6,8	3,9	9,4	8,8	5,2	6,3	13,1	0	14,5
Что-то осуществилось, а что-то нет	65,2	72,7	78,0	71,9	75,0	85,6	64,6	79,2	88,1	74,7
Мало чего удалось добиться	25,8	20,5	16,4	18,8	16,3	9,2	29,1	7,7	11,9	10,3
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Динамика жизненных ощущений за 5 лет										
Стали чувствовать себя увереннее	12,1	9,1	11,6	9,4	6,3	5,8	12,4	13,2	10,0	19,3
Ощущения не изменились	25,8	22,7	19,4	9,4	25,0	31,2	16,8	15,1	23,5	22,5
Ощущают себя менее уверенно, стало тревожнее	62,1	68,2	69,0	81,3	68,8	62,4	70,8	71,7	66,5	58,2
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Примечания: 1. В анализе результатов объединены позиции потенциальной и реактивной альтруистичности, а также потенциального и реактивного сотрудничества в силу их малочисленности. 2. Ассимптотическая двухсторонняя значимость критерия Хи-квадрат Пирсона свидетельствует о статистической значимости полученной связи между оценкой жизненных успехов [Хи-квадрат = 0,021], динамикой жизненных ощущений за 5 лет [Хи-квадрат = 0,029] и видами состязательности									

Таблица 63

Влияние уровня развития состязательности на оценку респондентами показателей «жизненные успехи» и «жизненные ощущения» (N=731, коэффициенты линейной регрессии)

Зависимые переменные	Предикторы, β										R^2
Показатели жизненных успехов и «жизненных ощущений»	Виды состязательности										
	Потенц. конкурентность	Реактивная конкурентность	Активная конкурентность	Потенц. индивидуалистичнос	Реактив. индивидуалистичнос	Актив. индивидуалистичность	Реактивная альтруистичность	Активная альтруистичность	Реактивное сотрудничество	Активное сотрудничество	
Оценка своих жизненных успехов	-0,057	-0,017	-0,043	0,035	0,051		-0,065	0,123*		0,134*	0,103
Динамика жизненных ощущений	0,053			-0,131*	-0,065	-0,034	-0,026	0,034		0,144*	0,124

Примечания: 1. В анализе результатов объединены такие виды состязательности, как потенциальная и реактивная альтруистичность, а также потенциальное и реактивное сотрудничество, в силу их малочисленности. 2. * p<0,05; ** p<0,01; *** p<0,001; β - стандартизированные коэффициенты регрессии; R^2 - доля дисперсии

одни из самых высоких оценок такого индикатора адаптированности личности, как стремление решать проблемы (β = 0,129), независимость от других, доминирование (β = 0,088), с другой – достаточно низкие оценки своих жизненных успехов (β = -0,065), «динамики жизненных ощущений» (β = -0,026) эмоционального комфорта (β = -0,084).

Наиболее негативные последствия влияния состязательности на эффективность деятельности на личностном уровне выявлены у конкурентных и индивидуалистических видов состязательности. Если условно проранжировать только эти виды состязательности с точки зрения их негативных последствий (от наименьшего негативного влияния до наиболее сильного), то можно выстроить следующий ряд:

а) активная конкурентность [зафиксированы достаточно низкие оценки таких показателей адаптированности, как «жизненные успехи» (β = -0,043), «принятие себя» (β = 0,023), «принятие других» (β = 0,039) и «стремление проявить инициативу» (β = -0,101)];

б) активная индивидуалистичность [ниже среднего уровня такие индикаторы социально-психологической адаптированности, как «принятие других» (β = -0,044), «стремление доминировать» (β = -0,106), «стремление решать проблемы» (β = -0,073)];

в) реактивная конкурентность [низкие показатели индикаторов: «жизненные успехи» (β = -0,017), «принятие себя» (β = -0,046), «эмоциональная комфортность» (β = -0,024), «стремление доминировать» (β = -0,068), «стремление решать проблемы» (β = -0,094)];

г) потенциальная конкурентность [ниже среднего уровня оценки показателей «свои жизненные успехи» (β = -0,057), «принятие себя» (β = -0,024), «эмоциональная комфортность» (β = -0,043), «самостоятельность» (β = -0,089), «стремление решать проблемы» (β = -0,110)];

д) реактивная индивидуалистичность [ниже среднего уровня показатели индикаторов «жизненные успехи» (β = 0,051), «принятие других» (β = -0,095),

Таблица 64

Уровень социально-психологической адаптированности респондентов с различными видами состязательности, % [$N = 731$]

Показатели социально-психологической адаптации	Виды состязательности									
	Потенц. конкурентность	Реактивная конкурентность	Активная конкурентность	Потенциальная индивидуалистичость	Реактивная индивидуалистичность	Активная индивидуалистичность	Реактивная альтруистичность	Активная альтруистичность	Реактивное сотрудничество	Активное сотрудничество
Принятие себя										
Низкий уровень	16,7	22,7	16,8	16,4	18,8	19,4	14,9	13,2	14,4	10,5
Средний уровень	69,7	62,3	62,0	59,8	59,8	59,4	73,0	58,6	59,4	56,2
Высокий уровень	13,6	15,0	21,1	17,8	18,8	18,8	12,1	28,2	26,2	33,3
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Принятие других										
Низкий уровень	40,9	45,4	41,4	46,9	50,1	45,1	34,5	24,5	33,5	22,8
Средний уровень	45,5	40,9	4,4	43,8	43,8	45,7	56,0	54,7	45,4	54,9
Высокий уровень	13,6	13,6	16,4	9,4	6,3	9,2	12,5	20,8	21,1	22,3
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Эмоциональный комфорт										
Низкий уровень	31,8	34,0	24,6	46,9	25,1	23,2	41,7	16,9	26,8	14,0
Средний уровень	54,5	40,9	45,3	37,5	50,0	51,4	37,4	56,6	52,7	54,4
Высокий уровень	13,6	25,0	30,2	15,6	25,0	25,4	20,9	26,4	20,5	31,6
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Самостоятельность										
Низкий уровень	45,4	34,1	35,4	50,0	43,8	32,9	27,5	23,8	30,2	17,5
Средний уровень	31,8	38,6	32,8	34,4	37,5	42,8	49,8	47,8	42,3	45,6

Окончание таблицы 64

Показатели социально-психологической адаптации	Виды состязательности									
	Потенц. конкурентность	Реактивная конкурентность	Активная конкурентность	Потенциальная индивидуалистичость	Реактивная индивидуалистичность	Активная индивидуалистичность	Реактивная альтруистичность	Активная альтруистичность	Реактивное сотрудничество	Активное сотрудничество
Высокий уровень	22,7	27,3	31,9	15,6	18,8	24,3	22,7	28,4	27,5	36,9
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Независимость от других, стремление доминировать										
Низкий уровень	65,7	76,7	82,4	87,1	89,0	81,3	68,3	69,0	66,7	54,5
Высокий уровень	34,3	23,3	17,6	12,9	11,0	18,7	31,7	31,0	33,3	45,4
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Стремление решать проблемы										
Низкий уровень	81,0	75,8	64,5	73,7	77,8	73,5	60,0	63,3	71,4	58,8
Высокий уровень	19,0	24,2	35,5	26,3	22,2	26,5	40,0	36,7	29,6	41,2
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Примечание. Ассимптотическая двухсторонняя значимость критерия Хи-квадрат Пирсона свидетельствует о статистической значимости полученной связи между показателями социально-психологической адаптации: принятие себя [Хи-квадрат = 0,048], принятие других [Хи-квадрат = 0,021], эмоциональная комфортность [Хи-квадрат = 0,045], самостоятельность [Хи-квадрат = 0,037], стремление доминировать [Хи-квадрат = 0,003], стремление решать проблемы [Хи-квадрат = 0,046] и видами состязательности.

Таблица 65

Влияние уровня развития состязательности на уровень социально-психологической адаптированности респондентов (N=731, коэффициенты линейной регрессии)

Зависимые переменные	Предикторы, β										R^2
Показатели социально-психологической адаптации	Виды состязательности										
	Потенц. конкурентность	Реактивная конкурентность	Активная конкурентность	Потенц. индивидуалистичность	Реактив. индивидуалистичность	Актив. индивидуалистичность	Реактивная альтруистичность	Активная альтруистичность	Реактивное сотрудничество	Активное сотрудничество	
Принятие себя	-0,024	-0,046	0,023				0,033	0,125*	0,116*	0,134*	0,157
Принятие других	0,055	0,042	0,039	-0,031	-0,095*	-0,044		0,098*	0,086*	0,107*	0,232
Эмоциональный комфорт	-0,043	-0,024	0,103*	-0,108*	0,065	0,078	-0,084*	0,101*		0,131*	0,198
Самостоятельность	-0,089*		0,054	-0,112*	-0,101*			0,047		0,154*	0,127
Независимость от других, стремление доминировать	0,076	-0,068	-0,113*	-0,198*	-0,202*	-0,106*	0,088*	0,087*	0,091*	0,125*	0,210
Стремление решать проблемы	-0,110*	-0,094*	0,108*	-0,083*	-0,102*	-0,073	0,129*	0,115*		0,167*	0,197

Примечания: 1. В анализе результатов объединены такие виды состязательности, как потенциальная и реактивная альтруистичность, а также потенциальное и реактивное сотрудничество, в силу их малочисленности. 2. * $p<0,05$; ** $p<0,01$; *** $p<0,001$; β - стандартизированные коэффициенты регрессии; R^2 - доля дисперсии

«самостоятельность» (β = -0,101), «стремление доминировать» (β = -0,202), «стремление решать проблемы» (β = -0,102)];

е) потенциальная индивидуалистичность [выявлены самые низкие оценки показателей «свои жизненные ощущения» (β = -0,131), «жизненные успехи» (β = 0,035), «принятие себя», «принятие других» (β = -0,031), «эмоциональная комфортность» (β = -0,108), «самостоятельность» (β = -0,112), «стремление доминировать» (β = -0,198), «стремление решать проблемы» (β = -0,083)].

Анализ влияния отношений состязательности на самооценку показателей «жизненные успехи» медицинских работников в целом подтвердил ранее установленные особенности. В этих социальных группах также наиболее положительное влияние на показатели своих «жизненных успехов» оказывают отношения активного сотрудничества (β = 0,134). Следом идут отношения активной конкурентности, которые оказывают второе по силе позитивное влияние на оценку «жизненных успехов» (β = 0,107). Среди новых тенденций влияния состязательности на оценку «жизненных успехов» можно отметить повышение роли такой формы состязательности как индивидуалистичность и понижение воздействия альтруистичности. В частности, отношения активной индивидуалистичности (β = 0,065) оказывают влияние, несколько уступающее влиянию активных видов сотрудничества и конкурентности. А наименее позитивный эффект для оценки «жизненных успехов» медицинских работников несут с собой пассивные формы альтруистичности (см .таблицу 66).

Подтверждается и тенденция более позитивного влияния активных видов состязательности на оценку «жизненных успехов» медицинских работников. То есть, в целом активные формы состязательности имеют более позитивный эффект для показателей оценки «жизненных успехов», нежели пассивные и потенциальные виды состязательности.

Таблица 66

Влияние уровня развития состязательности на оценку
медицинскими работниками своих «жизненных успехов» (2013 г., *N* = 121, коэффициенты линейной регрессии)

Зависимые переменные: показатели жизненных успехов	Предикторы, β										R^2
	Виды состязательности										
	Потенц.конкурентность	Реактивная конкурентность	Актив. конкурентность	Потенц.индивидуалистичность	Актив. индивидуалистичность	Потенц.альтруистичность	Реактив. альтруистичность	Актив. альтруистичность	Потенц. сотрудничество	Актив. сотрудничество	
Оценка своих жизненных успехов	0,006	0,023	0,107*	0,021	0,065	-0,102*	-0,017	0,010	0,032	0,134*	0,143

Примечания: 1. В анализе результатов объединены такие виды состязательности, как потенциальная и реактивная альтруистичность, а также потенциальное и реактивное сотрудничество, в силу их малочисленности. 2. * p<0,05; ** p<0,01; *** p<0,001; β - стандартизированные коэффициенты регрессии; R^2 - доля дисперсии

Таким образом, наиболее негативные последствия для интегральных показателей личностной эффективности выявлены у такой формы состязательности, как потенциальная индивидуалистичность. И еще одну закономерность следует отметить: положительный личностный эффект влияния состязательности возрастает при переходе от такого вида состязательности, как индивидуалистичность (через конкурентность и альтруистичность), к такому виду состязательности, как сотрудничество, и при переходе от потенциальных (через реактивные) к активным формам состязательности (таблицы 62, 63, 64, 65).

5.3. ОСНОВНЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ЭФФЕКТОВ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ

В целом же приведенные результаты исследований за более чем 30-летний период (см. таблицы 41–66) свидетельствуют о том, что активное сотрудничество оказывает наиболее сильное положительное (оптимизирующее) воздействие на деятельность как производственной группы (объективные и субъективные показатели эффективности деятельности, ее социально-психологическое состояние), так и составляющих ее индивидов(интегральные личностные показатели своих жизненных ощущений, социально-психологическая адаптированность личности). Следовательно, активное сотрудничество вполне обоснованно может быть определено как оптимальный и самый прогрессивный вид состязательности.

Другие же виды состязательности имеют не такие однозначные последствия. Так, активная конкурентность оказывает второе по величине и силе (после активного сотрудничества) влияние на групповую эффективность по объективным показателям продуктивности деятельности (субъективные оценки эффективности деятельности несколько ниже и занимают обычно промежуточное положение) и четвертые–пятые места по степени воздействия (после таких видов-состязательности, как активное сотрудничество, активная альтруистичность и реактивное сотрудничество) на состояние социально-психологического кли-

мата первичной группы и на эффективность деятельности на личностном уровне (самооценку «своего жизненного успеха», «самооценку динамики своего самочувствия», «социально-психологическую адаптированность»).

Другими словами, активная конкурентность оптимизирует результативность деятельности, но субъективное восприятие этих эффектов (на социально-психологическом и индивидуально-психологическом уровнях) несколько уступает субъективным показателям респондентов с установками на сотрудничество и альтруистичность.

Активная альтруистичность, уступая по степени воздействия на объективные показатели групповой эффективности активному сотрудничеству и активной конкурентности, тем не менее стабильно занимает второе место после активного сотрудничества по силе благоприятного влияния на состояние социально-психологического климата первичного производственного коллектива и на показатели «личностной эффективности» («жизненный успех», социально-психологическая адаптированность). Таким образом, работники с активной альтруистической установкой, хотя и объективно уступают в результативности своей деятельности работникам с активной конкурентностью, тем не менее субъективно воспринимают себя более оптимистично по сравнению с индивидами практически со всеми остальными видами состязательности (кроме активного сотрудничества).

Наиболее противоречивым видом состязательности по своим последствиям оказалась «реактивная альтруистичность». С одной стороны, работники с реактивными альтруистическими установками имеют наиболее низкие (по сравнению с другими видами состязательности) объективные и некоторые субъективные показатели эффективности групповой деятельности, отдельные показатели социально-психологического климата (удовлетворенность своей профессией, настроение на работе, отдельные признаки взаимоотношений между равными членами группы, удовлетворенность оплатой труда), самооценку своего «жизненного успеха», один из индикаторов личностной адаптированности (эмоциональную комфортность); с другой стороны, они субъективно оце-

нили наиболее высоко качество своего труда, имеют наиболее высокие показатели некоторых сторон СПК производственной группы (удовлетворенность системой премирования, восприятие своей группы как энергичной, удовлетворенность отношениями с начальством, низкий уровень конфликтности с другими работниками и с руководством, удовлетворенность содержанием труда) и даже один из критериев личностной адаптированности («стремление решать проблемы»).

Такой вид состязательности, как реактивное сотрудничество, занимает маргинальное (промежуточное) положение по силе влияния на эффективность групповой деятельности и на оценку своего жизненного пути, чаще всего уступая таким видам состязательности, как активное сотрудничество, активная конкурентность и активная альтруистичность (но обычно опережая последствия различных пассивных форм состязательности). А вот его последствия для социально-психологического климата производственного коллектива и для социально-психологической адаптированности личности работника более весомы и благоприятны (уступая по силе воздействия лишь активному сотрудничеству и активной альтруистичности).

Влияние активной индивидуалистичности на групповую эффективность и социально-психологический климат относительно слабое (здесь в основном преобладают средние, промежуточные оценки за исключением отдельных показателей: самая низкая самооценка качества своего труда, самая высокая конфликтность с руководителем, ниже среднего уровня удовлетворенность условиями своего труда). Последствия же этого вида состязательности для личностной адаптированности скорее негативные: у работников с активной индивидуалистичностью зафиксированы ниже среднего уровня такие индикаторы социально-психологической адаптированности, как «принятие других», «принятие себя», «стремление доминировать», «стремление решать проблемы».

Наиболее негативные эффекты зафиксированы для двух реактивных форм состязательности – реактивной конкурентности и реактивной индивидуалистичности. В целом у работников с данными типами состязательности

преобладают самые низкие показатели групповой и индивидуальной эффективности:

– такой вид состязательности, как реактивная конкурентность, характеризуется низкими объективными оценками эффективности групповой деятельности, наиболее (!) неблагоприятным состоянием практически всех сторон социально-психологического климата (нужно особо подчеркнуть, что пассивная конкурентность оказывает наиболее сильное отрицательное влияние по сравнению с другими видами состязательности на СПК производственного коллектива), низкими оценками показателя «свои жизненные успехи» и большинства критериев личностной адаптированности («принятие себя», «принятие других», «эмоциональная комфортность», «стремление к независимости, самостоятельности», «стремление решать проблемы»);

– такой вид состязательности, как реактивная индивидуалистичность, отличается наиболее низкими субъективными показателями эффективности групповой и индивидуальной деятельности (для него характерны самые низкие оценки таких критериев, как «изменение своего самочувствия за последние годы», «свои жизненные успехи», самый низкий уровень социально-психологической адаптированности личности), отдельными сторонами социально-психологического климата.

Подводя итоги, можно заключить, что такой вид состязательности, как активное сотрудничество, оказывает наиболее сильное положительное влияние на все стороны жизнедеятельности: на деятельность (работу), межличностные отношения (СПК), развитие личности. Конкурентность более благоприятно воздействует на продуктивность групповой деятельности (уступая здесь только сотрудничеству). А альтруистичность оказывает достаточно положительное влияние на межличностные отношения и развитие личности (уступая по силе воздействия только сотрудничеству), проигрывая по силе влияния на результативность деятельности не только сотрудничеству, но и конкурентности. Наиболее слабые последствия характерны для такого вида состязательности, как индивидуалистичность.

Кроме того, необходимо отметить, что активные формы состязательности имеют более сильный положительный эффект для работы, для непосредственных межличностных отношений и для личности по сравнению с влиянием аналогичных пассивных видов состязательности. При этом реактивная конкурентность имеет наиболее сильное негативное влияние (по сравнению с другими видами состязательности) на состояние социально-психологического климата первичного производственного коллектива; реактивная индивидуалистичность наиболее негативно воздействует на индивидуально-личностную сторону эффективности деятельности; а реактивная альтруистичность – на результативность групповой деятельности. Другими словами, реактивная конкурентность имеет самые большие негативные последствия для межличностных отношений, реактивная индивидуалистичность – для личности (ее самочувствия и адаптации), реактивная альтруистичность – для продуктивности работы.

Таким образом, на основании полученных эмпирических данных мы имеем полное право констатировать достаточно сильный и четко выраженный дифференцирующий эффект для деятельности, группы, личности выделенных нами основных видов состязательности.

Данный вывод получил еще одно частное подтверждение в одном из прикладных исследований лаборатории социологии ПНИПУ в 1979–80 гг. Сравнительный анализ последствий отдельных видов состязательности с последствиями официального соревнования для производственной деятельности и межличностных отношений выявил следующую картину.

Воздействие официального соревнования на эффективность деятельности первичной производственной группы оказалось неоднозначным. С одной стороны, у участвующих в соревновании были выше (по сравнению с неучаствующими в нем) самооценка выполнения плановых заданий, качество выпускаемой продукции, лучше трудовая и общественная дисциплина, выше общественная активность. С другой стороны, у неучаствующих в соцсоревновании были выше объективные показатели выполнения плановых заданий, производи-

тельность труда, больше количество работников, повышающих свое образование в настоящее время.

В то же время участие в соревновании оказывало существенное благоприятное влияние на состояние социально-психологического климата в первичных производственных группах. Принимающие участие в соцсоревновании отличались от неучаствующих в нем значительно более высокими показателями:

а) отношения к труду: большей удовлетворенностью своей работой и своей специальностью, меньшей потенциальной текучестью, лучшим самочувствием на работе и после нее, большей информированностью о производственных показателях звена, бригады, участка, предприятия;

б) «отношений по горизонтали»: более высокой сплоченностью группы, большей удовлетворенностью отношениями с товарищами по звену, большей взаимной требовательностью, взаимной ответственностью, взаимной доброжелательностью, взаимной симпатией, уважением друг к другу, большей интенсивностью общения на работе и после нее;

в) «отношений по вертикали»: большей удовлетворенностью отношениями со звеньевыми, бригадиром, мастером и руководством цеха;

г) удовлетворенности почти всеми факторами производственной обстановки: условиями и организацией труда, режимом работы, профессиональным ростом, размером зарплаты, системой премирования, распределением отпусков, работой общественных организаций, обеспеченностью местами в детских дошкольных учреждениях, транспортом, организацией совместного отдыха членов звена, климатическими условиями.

Таким образом, официальное соревнование довольно благоприятно воздействовало на все стороны социально-психологического климата первичного производственного коллектива. Вместе с тем на эффективность групповой деятельности было выявлено неоднозначное влияние соцсоревнования (данный факт должен был особенно настораживать, так как одна из функций соцсоревнования как раз и состояла в повышении эффективности производства).

Сегодня мы можем констатировать, что официальное соцсоревнование по своей сущности и по последствиям (функциям) в наибольшей степени совпадало с таким видом состязательности, как активная альтруистичность («подчинение»), который, как было установлено в конкретных социально-психологических исследованиях, является отнюдь не самым оптимальным видом состязательности как с точки зрения внутренней сущности (доминирующее развитие только одной из тенденций, присущих субъекту состязательности – тенденции к интеграции, объединению), так и с точки зрения последствий. Учитывая же наиболее сильный оптимизирующий эффект такого вида состязательности, как активное сотрудничество (а не активной альтруистичности), для уровня развития совместности, социально-психологического состояния группы и эффективности групповой деятельности, а также принимая во внимание наличие определенной положительной взаимосвязи между официальным соцсоревнованием и состязательностью, можно предположить, что все слабые и сильные стороны такого вида состязательности, как альтруистичность, не могли не проявиться и в официальном соцсоревновании (помимо негативных последствий излишней «заформализованности» и «принудительности» данного вида состязательности на практике в СССР в тот период времени). А правильное понимание и учет природы (сущности) состязательности в целом и отдельных ее видов, в первую очередь – сотрудничества, при организации даже официального социалистического соревнования могли бы способствовать улучшению его организации, повышению воздействия соревнования на эффективность деятельности и социально-психологическое состояние первичной производственной группы.

Такой достаточно однозначный дифференцированный оптимизирующий эффект различных видов состязательности в наших исследованиях (по сравнению с противоречивостью эффектов состязательности у исследователей, использовавших традиционную дихотомическую схему изучения «конкуренция–кооперация») становится вполне объяснимым с точки зрения предложенной нами ранее теоретической схемы.

Конструктивное сотрудничество: вследствие одновременной реализации у субъекта состязательности общего и частного интересов (тенденций) происходит максимальная реализация сил и возможностей личности и группы. Причем максимальная индивидуальная активность личности в отношениях сотрудничества в группах с высоким уровнем развития отношений совместности увеличивается еще больше за счет контакта, сравнения себя с другими («фасилицирующий эффект»). Совпадение общего и частного интересов не может не оказать положительного влияния и на межличностные отношения (улучшение СПК в группе), и на развитие личности (самочувствие, адаптация).

Конкурентность и альтруистичность: получает развитие только одна из тенденций, присущих субъекту, актуализируются (мобилизуются) не все возможности субъекта, поэтому в целом индивидуальный и групповой эффекты несколько ниже, чем от такого вида состязательности, как сотрудничество. Кроме того, преобладающий частный интерес в таком виде состязательности, как конкурентность, нередко противоречит общегрупповому, повышает противоречия (конфликтность) в группе, что отрицательно сказывается на состоянии СПК в ней. Преобладающая тенденция к интеграции в таком виде состязательности, как альтруистичность, часто противоречит интересам личности, что негативно сказывается на мотивационной ее сфере, а в конце концов – на результативности деятельности группы и личности.

Индивидуалистичность: вследствие значительного ограничения (фактически отсутствия) возможностей сравнения резко снижается «эффект фасилитации», что приводит к потерям на групповом и индивидуальном уровнях.

Потенциальные и реактивные виды состязательности: снижение активности субъектов ведет к ослаблению их последствий, то есть к снижению групповой и индивидуальной эффективности.

Таким образом, эмпирические данные получают и теоретическое подтверждение (объяснение).

Таким образом, в данном разделе реализована попытка системного теоретико-эмпирического анализа феномена состязательности как разновидности взаимо-

действия и одной из форм соактивности людей с целью внесения ясности в многочисленные и в основном противоречивые результаты исследования данного явления. Был осуществлен переход от традиционной (наиболее распространенной) дихотомической (достаточно общей и поэтому более грубой и неточной для измерения) шкалы («конкуренция–кооперация») изучения состязательности к более дробной, точной (более чувствительной) шкале, содержащей в себе минимум четыре градации. В своих эмпирических исследованиях мы чаще всего использовали шкалу состязательности из 12 пунктов (хотя это и создавало определенные технические трудности для обработки результатов и сравнительного анализа).

Предложенная теоретическая схема состязательности была подтверждена эмпирически в многочисленных исследованиях, проводившихся на базе кафедры социологии и лаборатории социологии ПНИПУ регулярно с 1979 по 2013 г., которыми было охвачено более 12 000 человек, в основном работников промышленных предприятия и организаций г. Перми, Пермской области, Крымской области, г. Норильска.

Анализ динамики состязательности в различных социальных группах и в разные исторические отрезки времени позволяет сделать вполне обоснованный вывод о том, что состязательность можно рассматривать в качестве значимого и достаточно чувствительного к влиянию различных факторов (от факторов макросреды до внутриличностных) дифференцирующего критерия внутригруппового структурирования, одного из наиболее точных и универсальных индикаторов как внутригруппового, так и межгруппового взаимодействия (и развития).

Предложенная нами классификация видов состязательности, как показали результаты прикладных исследований лаборатории социологии ПНИПУ, позволила внести определенную ясность по одной из наиболее изучаемых и наиболее запутанных проблем состязательности – вопросу о последствиях (эффектах) состязательности (то есть по одному из наиболее «жизненных вопросов» – какой вид состязательности лучше). Результаты прикладных исследований ла-

боратории социологии ПНИПУ за более чем 30-летний период [103, 104]* свидетельствуют о том, что состязательность обладает достаточно сильным, относительно стабильным и четко выраженным дифференцирующим эффектом для субъектов взаимодействия, если учитывать определенный минимум необходимых требований: направленность состязательности, уровень ее активности, основные сферы приложения.

---

* Доп. см.: Левченко В.В. Соревновательность как социально-психологический фактор коллективности // Регионально-отраслевые проблемы социалистического соревнования. – Л., 1983. – С.126–128; Левченко В.В. Состязательность как фактор повышения эффективности деятельности производственных коллективов // Социально-экономические проблемы ускорения НТП. – Красноярск, 1986.– С.71–73; Левченко В.В. Модели состязательных отношений в производственных коллективах // Моделирование соревновательных процессов. Ч. I. – Таллин, 1987.– С.160–163; Левченко В.В. Состязательность как качественная характеристика совместной деятельности // Общефилософские проблемы теории и методологии качества деятельности. – Омск, 1990.– С.59–61; Проблемы стратификации российского общества в переходный к рынку период. – Пермь, 1995.– С.56–72; Левченко В.В. Системный подход к изучению состязательных отношений // Принцип системности в современной психологической науке и практике. – М., 1996.– С.22–25; Левченко В.В. К проблеме изучения состязательных отношений // Социологические исследования.– 1998.– №5. – С.49–54; Левченко В.В. Динамика форм состязательности в современном российском обществе // Психология и практика. Т.4. Вып. 5. – М., 1998.– С.13–17; Тенденции и факторы формирования российского среднего класса. – Пермь, 2001.– С.89–106; Левченко В.В. Психологические аспекты социальной напряженности //Анализ социальной напряженности в ЗАТО как необходимое условие обеспечения социальной защиты населения в ходе реформирования вооруженных сил (РВСН). – Пермь: АНО Независимый институт социальной политики – ПГТУ, 2002. – С. 175-205; Левченко В. В. Состязательность и ее основные детерминанты // Вестник Южно-уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2006. – № 2 (57), вып. 5. – С.26–29; Левченко В. В. Эффект состязательности и проблема конкурентности // Социология. – 2007. – № 1. – С. 20–33; Левченко В. В. Состязательность и социально-трудовые отношения // Проблемы труда, трудовых отношений и качества жизни: материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Самара: Универс групп, 2007. – С. 208–212; Левченко В. В. Динамика форм социального партнерства в современной России // Социальные проблемы труда в условиях перехода к инновационному развитию общества: материалы Всерос. науч.-практ. конф. – СПб., 2008. – С. 505–509; Левченко В.В. Состязательные отношения и экономический кризис // Вестник ПГТУ. Серия «Социально-экономические науки». – Пермь: Изд-во ПГТУ, 2009. – № 4 (22). – С. 31–42; Левченко В. В. Феномен состязательности: сущность, структура, особенности и детерминанты развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Психология и педагогика». – 2010. – № 2. – С. 32–37; Левченко В. В. Состязательные формы соактивности людей // Вестник Государственного университета управления. – 2010. – № 17. – С. 68–71; Левченко В. В. Анализ последствий состязательности как составной части проблемы взаимовлияния субъектов взаимодействия // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Серия «Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика». – 2011. – Т. 17, № 4. – С. 189–193; Левченко В. В. Детерминанты состязательных форм соактивности людей // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Психология. – 2012. Т. 5, № 4. – С. 120–127; Левченко В. В. Социально-психологический анализ взаимосвязи состязательности и совместности // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Серия «Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика». – 2012. – Т. 18, № 4. – С. 43–46; Левченко В.В. Эффекты состязательных форм соактивности // Седьмая волна психологии. Вып.9. – Ярославль: 2012. – С. 174-179; Левченко В. В. Состязательные детерминанты межличностных отношений в коллективах медицинских работников // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Психология и педагогика». – 2014. – № 1. – С. 91–98.

Выводы по главе 5

Данная глава посвящена результатам изучения влияния состязательности на основные сферы жизнедеятельности (результативность деятельности, межличностные отношения, развитие личности). В данном разделе реализована попытка системного теоретико-эмпирического анализа феномена состязательности как разновидности взаимодействия и одной из форм соактивности людей с целью внесения ясности в многочисленные и в основном противоречивые результаты исследования данного явления. Был осуществлен переход от традиционной (наиболее распространенной) дихотомической (достаточно общей и поэтому более грубой и неточной для измерения) шкалы («конкуренция–кооперация») изучения состязательности к более дробной, точной (более чувствительной) шкале, содержащей в себе минимум четыре градации. Предложенная теоретическая схема анализа состязательности (классификация видов состязательности) позволила не только внести определенную ясность по одной из наиболее запутанных проблем состязательности – по вопросу о последствиях (эффектах) состязательности, но и в значительной степени уточнить дифференцирующий эффект каждого из двенадцати подвидов состязательности в различных сферах жизнедеятельности: для продуктивности деятельности, для совместного группового существования, для личностного развития.

Показано, что такой вид состязательности, как *активное сотрудничество*, отличается наиболее сильным оптимизирующим и однозначным положительным влиянием на все стороны жизнедеятельности субъекта: на результативность его деятельности, межличностные отношения, состояние личности. Другие подвиды состязательности не только уступают активному сотрудничеству по силе своего воздействия, но и не имеют таких однозначных последствий в различных сферах жизнедеятельности. Так, *активная конкурентность* оказывает обычно достаточно сильный, хотя и второй по величине после активного сотрудничества, оптимизирующий эффект на объективные показатели продуктивности деятельности, а вот субъективная оценка этих последствий, а также влияние на социально-психологическое состояние группы и личностный уровень адаптированности не-

сколько ниже аналогичных показателей у субъектов с установкой на сотрудничество или альтруистичность. В свою очередь такой вид состязательности, как *активная альтруистичность*, уступая по силе воздействия на объективные показатели результативности деятельности активному сотрудничеству и активной конкурентности, тем не менее стабильно занимает второе место по уровню благоприятного влияния (после активного сотрудничества, даже иногда опережая его по отдельным критериям) на состояние социально-психологического климата, межличностные отношения, развитие личности в целом. Другими словами, для субъектов с установкой на активную альтруистичность характерен более оптимистический взгляд (субъективная оценка) на свою деятельность, социальное окружение, самого себя. Воздействие (положительное и негативное) такого вида состязательности, как *активная индивидуалистичность*, на продуктивность деятельности и социально-психологическое состояние группы относительно слабое (уступает силе влияния других видов состязательности). Необходимо отметить определенное усиление негативного влияния активной индивидуалистичности на личностную адаптированность.

Активные формы состязательности имеют более сильный положительный эффект для результативности деятельности, межличностных отношений и личности по сравнению с влиянием аналогичных пассивных видов состязательности. Наиболее противоречивым по своим последствиям подвидом состязательности является реактивная альтруистичность. Наиболее же негативные эффекты характерны для двух других реактивных форм состязательности – реактивной конкурентности и реактивной индивидуалистичности. Но при этом реактивная конкурентность наиболее негативно влияет на социально-психологическое состояние группы, а реактивная индивидуалистичность – на состояние личности. Установленный дифференцирующий эффект различных видов и подвидов состязательности объясняется их особенностями: степенью реализации (всех или частичных) сущностных свойств субъекта состязательности и уровнем их интенсивности.

Таким образом, состязательность, являясь одним из дифференцирующих признаков внутригруппового структурирования и развития, который, с одной стороны, чутко реагирует на влияние макро- и микроусловий, с другой стороны – оказывает сильное и достаточно однозначное воздействие на основные сферы жизнедеятельности (результативность деятельности, межличностные отношения, развитие личности), вполне обоснованно претендует на роль одного из показательных и универсальных индикаторов социального и социально-психологического развития того или иного субъекта (группы, личности) взаимодействия. Впервые не только на теоретическом, но и на эмпирическом уровне рассмотрена и получила аргументированное объяснение и подтверждение гипотеза о том, что состязательность выступает одним из ведущих индикаторов развития отношений совместности и одним из основных источников активности субъектов совместной деятельности.

ГЛАВА 6. ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ СТРУКТУРНО-КОМПОЗИЦИОННОЙ КОНЦЕПЦИИ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ

6.1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗРАБОТКИ КОНЦЕПЦИИ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ

Целями настоящей работы были разработка социально-психологической концепции состязательности как разновидности взаимодействия и особой формы соактивности людей, и рассмотрение ее в онтологическом, структурном, функциональном, генетическом и интегративном аспектах.

Одной из фундаментальных тем социального и гуманитарного знания является проблема социального взаимодействия. Ключевым аспектом этой фундаментальной проблемы выступает состязательное (конурентно-кооперативное) взаимодействие как атрибутивная черта рода Homo Sapiens. Не удивительно, что одной из наиболее распространенных в социальной психологии классификаций социального взаимодействия является рассмотрение его сквозь призму состязательных форм (кооперацию и конкуренцию) [2, с. 117]. Как видно из осуществленного анализа исследований состязательности за рубежом (см. гл.1, §1.1.] и в России (см. гл.1, §1.2.), роль и значение данного феномена для любого субъекта (от личности до общества в целом) не оспариваются практически никем и чаще всего сводятся к признанию за состязательностью: во-первых, главного внутреннего источника дополнительной («сверхнормативной») активности субъекта; во-вторых, одного из основных факторов совместности, детерминирующего качественное своеобразие развития той или иной социальной общности (к сожалению, у большинства исследователей состязательность выступает в качестве не внутреннего признака, а внешнего фактора, обусловливающего развитие социальных групп). Это понятие активно используется для описания качественного своеобразия видов социального взаимодействия. Но в дальнейшем взгляды на содержание отдельных видов состязательности, детерминирующие их факторы, механизмы функционирования, последствия (эффекты) состязательности, на-

чиная с утопистов-социалистов, К. Маркса и Г. Лебона, чаще всего расходятся, чем совпадают.

Попытаемся внести определенную системную упорядоченность в данную проблему, которая обеспечит не только объемность и конкретизацию понятия состязательности, но и даст возможность сравнить результаты конкретных эмпирических исследований данного явления, осуществленных с различных методологических, теоретических и методических позиций. В своем анализе мы опирались на более чем столетний опыт изучения данной проблемы как за рубежом, так и в отечественной социальной психологии [см. гл.1] .

Сразу же бросается в глаза определенная терминологическая путаница в обозначении состязательных видов взаимодействия. Разными авторами в различные периоды времени предлагались следующие термины для обозначения данных феноменов: трудовое состязание («cooperation») и соревнование («competition») [Т. Мор], соперничество («rivalry») [Т. Кампанелла], состязание («rivalry») как одна из ведущих ролей, сближающих людей, вызывающих их энтузиазм [Ш. Фурье], конкуренция («competition») и соревнование («socialist emulation») [Р. Оуэн], враждебность (конкурентность) [Г. Зиммель], социальный конфликт [К. Левин] и др. Чаще всего исследователями использовались понятия «конкуренция» (это форма социального взаимодействия, в основе которой лежит борьба за существование, обеспечивающая выживание наиболее приспособленных особей) и «кооперация-сотрудничество» (это форма социального взаимодействия, в основе которой лежат взаимная помощь и ее последовательное развитие).

В России чаще всего данная проблематика (состязательность) разрабатывалась как составная часть изучения каких-либо социальных и психологических явлений (таких как конфликты, стратегии поведения, проблемы мотивации, социальное и психологическое влияние, проблемы коллектива, личности и др.). Наиболее употребляемыми понятиями в российской (советской) социальной психологии были «соревнование», «соперничество», «соревновательность», «сотрудничество», «кооперативность», «конкуренция», «социалистическое со-

ревнование». Но даже в монографии «Социально-психологические аспекты социалистического соревнования», опубликованной в 1977 г. и подводящей итоги почти 20-летних исследований данного феномена, определив социалистическое соревнование как трудовое состязание, соперничество, в основе которого лежат солидарность в труде и взаимопомощь, авторы прямо указывают, что «до сих пор нет однозначных определений содержания соревнования» [178, с. 40].

Помимо терминологической пестроты в описании феномена состязательности, анализ истории его изучения позволил выявить также неполноту его описания. Она проявляется в следующих аспектах: 1) в количестве выделяемых отдельных его (феномена) видов, 2) недостаточной дифференциации (смешивании) различных видов состязательности, 3) игнорировании того, что каждый из видов развивается и в постановке проблемы измерения уровня развития каждого из видов состязательности. Так, по **количеству видов** есть следующие расхождения. Диапазон количества выделяемых видов традиционно составляет от двух до трех. Большинство исследователей выделяют обычно два вида состязательности – конкуренцию и кооперацию (полный же набор должен включать в себя, с нашей точки зрения, не менее четырех основных видов – конкурентность, индивидуалистичность, альтруистичность, сотрудничество). По поводу **отождествления** (смешивания) видов состязательности можно отметить, что чаще всего отождествляют (не дифференцируют) такие два вида состязательности, как сотрудничество и альтруистичность. Относительно третьего аспекта можно заметить, что практически не принимается во внимание **уровень развития** различных видов состязательности (фактически подразумевается, что состязательность или есть, или отсутствует, без рассмотрения динамики промежуточных состояний данного явления).

Осуществленный краткий обзор основных проблем в рассмотрении дефиниций данного феномена выявил определенную пестроту и противоречивость имеющихся подходов, что заставило ввести в качестве рабочего

концепта понятие «состязательность» как наиболее автономное, не вызывающее ассоциации со сложившимися вариантами анализа данных видов социального взаимодействия и соактивности (то есть свободное от устоявшейся смысловой нагрузки у представителей различных теоретических подходов).

Кроме того, необходимо отметить, что качественная специфика феномена состязательности пока размыта и с трудом «улавливается» исследователями данного явления, так как данный феномен представляет собой универсальное средство, один из способов функционирования, выживания, адаптированности социального субъекта (личности) в социальной среде в процессе социального взаимодействия. Как показал историко-теоретический анализ исследования данного феномена (см. гл. 1), уловить содержательную сущность состязательности и выделить ее тяжело с позиций традиционного системного подхода, но возможно. Этому во многом способствует рассмотрение состязательности с позиций метасистемного подхода [56] как системы со встроенным метасистемным уровнем.

Как отмечалось выше (см. раздел 1.3., Гл. 2) доминирование аналитического подхода над системным выступает наиболее важной причиной не только отсутствия целостной, обобщающей концепции состязательности, но и причиной фактического отсутствия попыток разработки такой обобщающей теории. И это логично, так как аналитический подход, вследствие своей методологической ориентации и эвристических возможностей, не дает обобщенного и целостного раскрытия предмета изучения и не может представлять адекватную основу для разработки целостной концепции.

Следует также учесть, что к настоящему моменту существует определенное число частных, парциальных концепций состязательности или еще более редукционистских локальных представлений, связанных с одной из сторон проблемы состязательности, но по существу отсутствует обобщающая концепция состязательности. Отсюда вытекает вывод, что преобладающим является не только аналитический подход к исследованию проблемы состязательности, но и сама эта проблема находится фактически на предтеоретической стадии своего

развития. Более того, нахождение данной проблемы на предтеоретической стадии является главным следствием превалирования аналитической методологии в ее изучении. Именно данная методология формирует те особенности изучения феномена состязательности, которые отмечались ранее (фрагментарность, описательность, эклектизм и др.). Отсюда объективно необходимым представляется решение двуединой задачи исследования феномена состязательности:

- перехода от аналитической методологии изучения состязательности к системной;

- перевода проблемы состязательности с предтеоретической стадии развития на теоретическую (концептуальную).

6.2. ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ МЕТАСИСТЕМНОГО ПОДХОДА РАЗРАБОТКИ КОНЦЕПЦИИ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ

В свете этих задач возникает достаточно принципиальный вопрос – вопрос о том, что именно составляет суть собственно теоретической фазы развития? Что представляют атрибутами этой фазы и каковы основные признаки теории как таковой, какова ее гносеологическая структура?

Особенно актуальна данная проблема в тех научных дисциплинах, которые развиваются по эмпирическому пути, поскольку они (а также входящие в них направления) рано или поздно сталкиваются с фундаментальной по своему статусу задачей. Это, как известно, задача трансформации эмпирической стадии развития в собственно теоретическую, концептуальную стадию, то есть задача перевода совокупности знаний с предтеоретической фазы их развития на собственно теоретическую.

В процессе изучения состязательности, при переходе с аналитической фазы анализа феномена состязательности на теоретическую, возникла определенная проблема, состоящей в своеобразном парадоксе "растворения" предмета исследования. Создавшаяся проблемная ситуация во многом была обусловлена первоначальным использованием не совсем адекватного варианта системного подхода в анализе феномена состязательности.

Ведь "мир систем" не исчерпывается лишь системами онтологического плана. Отображение этих онтологических образований в познании ведет к становлению, по крайней мере, еще одного класса - систем гносеологического плана, которые и принимают вид целостных теорий [57, с. 520]. Как отмечается, "знание достигает уровня теории и становится теорией в строгом смысле этого понятия тогда, когда оно само становится системой. То есть, теория - это знание, удовлетворяющее атрибутам системной организации; знание, достигшее ступени системной организации" [57, с. 412-413]. Поэтому научные концепции не только могут, но и должны быть проинтерпретированы действительно как системы специфического типа - как гносеологические системы [57, с. 414].

Кроме того, ряд исследователей отмечает, что существуют два варианта системного подхода - онтологический и гносеологический (см. В.А. Барабанщиков [7], А.В. Карпов [57], В.А. Лекторский [105] и др.). Онтологический вариант системного подхода применим тогда, когда предмет исследования является истинной системой, онтологически замкнутой самостоятельной системой, когда мы имеем дело с объектом, который является объективной системой и это не нужно доказывать.

Наш же объект исследования (состязательность) не является таковым. Феномен состязательности не есть онтологическая система, это нечто такое, что имеет меньшую степень жесткости организации, там нет целостности, но есть единство, там есть организация, но нет онтологической завершенности. Поэтому мы сталкиваемся вроде бы с противоречием, заявляя, что реализуем системный подход к этому объекту (состязательности), а сам объект не системен. Если бы объектом исследования выступали, например, личность, интеллект, мышление, - то есть истинные системы, то к ним можно напрямую реализовывать онтологический вариант системного подхода. Но это не означает, что не может быть реализован системный подход к таким объектам, которые не являются системами, но которые могут быть рассмотрены как система. А это уже означает, что необходимо использовать гносеологический вариант системного подхода. Наш объект (состязательность) не является истинной системой, а мы пыта-

емся на него "наложить" системный (и метасистемный) подход. Если действовать формально и прямолинейно, то ничего хорошего не получается, кроме аморфности и "растворения" предмета исследования, вследствие некорректности использования вариантов системного подхода: объект анализа диссипативен, а мы пытаемся рассмотреть его как истинную систему. Но существующий второй - гносеологический - вариант системного подхода помогает преодолеть это противоречие. Онтологический вариант анализа системного подхода - это когда объект не может быть проанализирован иначе как система. А вот гносеологический вариант анализа системного подхода предполагает реализацию системного подхода к таким неистинным, диссипативным объектам как состязательность, которые могут быть только рассмотрены как система. То есть гносеологический, концептуальный подход к таким неистинным системам предполагает их рассмотрение всесторонне, комплексно в соответствии со структурно-системным подходом.

При этом необходимо отметить, что подавляющее большинство объектов (прежде всего - социальных и социально-психологических) научного исследования не являются истинными системами, но их рассматривают как системы, используя гносеологический вариант системного подхода. Это своеобразная "гносеологическая призма" научного системного анализа, когда накладывается определенная гносеологическая схема системного анализа на такие "неистинные" объекты и концептуализируют их как систему.

Если состязательность рассматривать как истинную систему, каковой она не является, практически ничего не получается. С этим пришлось столкнуться в нашем исследовании состязательности, этим "переболеть" и в конце концов прийти к адекватному разрешению данной проблемы: состязательность не принадлежит к числу истинных систем, это диссипативная неистинная система, это некий объект, который может быть рассмотрен как система в гносеологическом варианте системного подхода. Если же пытаться реализовывать онтологический вариант системного подхода, то необходимо в первую очередь выделить самостоятельную цель объекта исследования ("истинной системой является то,

что имеет самостоятельную цель" - П.К. Анохин [3]). У феномена же состязательности самостоятельной цели фактически нет, она многовариантна и флексибильна, так как состязательность как система со встроенными метасистемными уровнями социальной реальности (социума), деятельности (взаимодействия), личности, включена куда угодно и выступает своеобразным функциональном органом. Это отсутствие самостоятельной цели является типичным признаком неистинных систем, вследствие чего они носят диссипативный характер. Что, в свою очередь, обусловливает целесообразность использования не онтологического варианта системного подхода, а гносеологического. Состязательность как раз и представляет собой некий феномен условно могущий быть рассмотрен как система в гносеологическом варианте системного подхода.

Следует также отметить, что структура состязательности принципиально диссипативна. Но это не означает, что не могут быть выделены ее структурные уровни. Хотя это даже не уровни онтологического существования данного феномена, это уровни гносеологического анализа: метасистемный, структурный, функциональный, генетический, интегративный.

Истинная система - это нечто такое, что не может быть рассмотрено никак иначе как система, и если мы будем рассматривать иначе, мы нарушаем природу самого объекта. А гносеологический вариант системного подхода - это когда гносеологическая (концептуальная) призма видения накладывается на нечто такое, что объективно не является системой, но познание которого через призму системности является конструктивным. Такой (гносеологический) подход представляет собой мощнейший вариант системного (и метасистемного) анализа диссипативного, "неистинного" объекта (см. В.А. Барабанщиков [7], А.В. Карпов [57], В.А. Лекторский [105] и др.). А когда подменяется гносеологический вариант системного подхода онтологическим при анализе неистинной системы, происходит "растворение" предмета исследования. Вот почему именно гносеологический вариант системного подхода снимает многие проблемы исследования состязательности. Например, один из традиционных вопросов об излишне широкой трактовке предмета состязательности. С позиции же гносео-

логического варианта системного подхода можно уверенно констатировать природу такой широты: ведь сам по себе предмет состязательности как объект диссипативен и его необходимо рассматривать не как онтологически истинную систему, а как нечто такое, что может быть рассмотрено гносеологически, концептуально как система. И такой подход позволяет выделить достаточно однозначно действительно широкую, но реальную, предметную область состязательности: рассмотрение феномена состязательности как системы со встроенными метасистемными уровнями социальной реальности (социума), деятельности (взаимодействия), личности указывает на то, что состязательность не только имеет общие с социальной реальностью (социумом), деятельностью (взаимодействием), личностью черты, но и, в свою очередь, своеобразным образом влияет на структуру и функционирование социальной реальности (социума), деятельности (взаимодействия), личности, то есть реально участвует в их изменении.

В большинстве случаев развитие тех или иных психологических проблем (состязательности - в частности) и направлений приводит к постановке очень сходной группы вопросов имеющих принципиальное значение:

- в чем состоит качественная *определенность* и качественная *специфичность* изучаемого предмета?

- какой *статус* он имеет в качестве видового образования в пределах того или иного рода сходных с ним явлений?

- его содержание – состав компонентов и их *структура?*

- особенности его динамики – *функциональной* организации?

- закономерности его возникновения и развития – *генезиса?*

- что из себя представляют наиболее обобщенные, важные и определяющие его свойства – интегративные по своей сути, то есть *системные качества?*

Совокупность отмеченных проблем (вопросов) воспроизводит *общий гносеологический инвариант* основных планов исследования, который выступает императивом любого собственно теоретического исследования. И наоборот, лишь при раскрытии предмета изучения во всех планах этого инварианта мож-

но считать, что знание о предмете достигло уровня своей теоретической зрелости; преодолело свою изначальную мозаичность и аспектность [56].

В методологии системного подхода сформулированы представления о некотором инварианте основных «призм» рассмотрения предмета, синтез которых необходим для его полной, то есть собственно системной, характеристики. Иными словами, одним из основных ее принципов выступает необходимость раскрытия предмета во взаимодополняющей последовательности ряда основных планов (которые и составляют основу описанного выше «алгоритма системного исследования»). Ими являются следующие гносеологические планы:

– *определение метасистемы* по отношению к изучаемому предмету. Она является более широкой и онтологически представленной целостностью, в которой содержатся основания и детерминанты для его «внутрисистемного», то есть истинного бытия, а также заложены необходимые гносеологические средства для его изучения;

– раскрытие предмета в плане выявления его *качественной определенности,* в относительной автономности от более общей системы, то есть в аспекте его собственного содержания;

– установление закономерностей *соотношения* предмета с более общей целостностью и выявление тех *качественных спецификаций,* которые он обретает в ней;

– раскрытие закономерностей *структурной* организации предмета исследования;

– раскрытие закономерностей *функциональной* организации предмета исследования;

– установление и интерпретация особенностей и закономерностей *генезиса,* развития предмета исследования;

– определение и интерпретация интегративных свойств предмета исследования – его *системных качеств.*

При этом необходимо учитывать, что само представление о предмете (состязательности) уже как система, а не случайный набор отдельных граней, ста-

новится теорией в том случае, когда это знание отображает в своей организации все основные атрибуты системной организации самого объекта (в нашем случае - состязательности). Другими словами, знание достигает уровня теории и становится теорией в строгом смысле этого понятия тогда, когда оно само становится системой. Или еще проще: теория – это знание, удовлетворяющее атрибутам системной организации; знание, достигшее ступени системной организации [56].

Представленные выше ступени осуществления «алгоритма системного исследования», выступая одновременно основными сторонами исследования любого объекта, в совокупности – через интеграцию получаемых при их реализации результатов позволяют дать достаточно полное представление об объекте (в нашем случае - состязательности), преодолеть односторонность мозаичного его изучения. Одновременно через них предмет (в нашем случае - состязательность) получает и необходимые основания для каузального объяснения выявляемых в нем закономерностей в аспекте структурной, функциональной, генетической причинности. Такое – системно-организованное знание о предмете (состязательности) является необходимым условием для его перевода с уровня эмпирико-феноменологических представлений на уровень собственно теоретического знания; условием придания развиваемым теоретическим представлениям свойства концептуальной полноты и завершенности.

Общий план изучения, построенный на основе выделенных принципов, способствует переводу имеющихся знаний на уровень системной организованности, что в концептуальном плане равнозначно их переводу с предтеоретического уровня развития на собственно теоретический уровень. Теоретический уровень тем и отличается от первого, что знания на нем приобретают черты системности, переставая быть просто их набором или конгломератом. Объект же вскрывается в них пусть и неполно, но целостно, всесторонне, во всех его основных измерениях. И именно такое, целостное, интегративное рассмотрение, наиболее адекватно как собственно концептуальным задачам, связанных с

разработкой обобщающих теорий, так и практическим задачам, на решение которых, в конечном итоге, направлено развитие самих теорий [56].

Другими словами, концептуальный уровень развития представлений о предмете исследования, научная концепция как таковая тем и отличается от «простой» суммы знаний, что в них воплощены и воспроизведены базовые закономерности, принципы и особенности, вообще – атрибуты системной организации. Сама же концепция обретает при этом черты, присущие системам в целом и, прежде всего, черты целостности, завершенности. Поэтому и сами знания, их комплекс лишь тогда обретают статус концепции, *становятся* ей, когда они обретают именно эти черты – черты и закономерности системной организации [56]. В силу этого, и следует считать, что знания лишь тогда становятся концепцией, когда они обретают статус системы, становятся системой, хотя, конечно, и весьма специфического типа.

Иначе говоря, концепция - это согласованная система взглядов на объект. При этом мы берем объект исследования независимо. В системном подходе показано, что существует пять основных категорий закономерностей по которым этот объект организован ("живет"): онтологические, структурные, функциональные, генетические, интегративные. И объекту безразлично - познается он или нет. Он (объект) просто по ним (основным категориям) живет. В то же время, благодаря тому, что эти категории и закономерности в нем (объекте) представлены целостно он и выступает как система. Он (объект) образует благодаря наличию в нем этих закономерностей систему как таковую. Когда же знания о нем (объекте) превращаются из простого нагромождения рядоположенной суммы фактов (информации) в некоторую целостную концепцию? Это происходит тогда, когда эти категории и закономерности, по которым он живет будут отображены на гносеологическом уровне. Что мы и осуществляем в своем исследовании. В данном исследовании состязательности мы вскрываем это, и тогда получается, что теория (в частности - теория состязательности) - это знания, приобретшие черты системности. То есть, мы онтологическую организацию объекта переносим на структуру гносеологического отображения о нем. И то-

гда теория, по-определению, становится таковой лишь в том случае, когда она сама становится также системно организованной как ее объект. Именно в этом заключается ключевое зерно, стержень любой теории и концепции состязательности - в частности. Вот почему пять основных категорий (онтологическая, структурная, функциональная, генетическая, интегративная), которые мы рассматриваем, представляют собой базовые фрагменты концептуального отображения объекта исследования. С этой точки зрения, теория тогда становится теорией как системно организованным знанием, когда она как зеркало отображает системное строение объекта исследования.

Описанная выше общая стратегия исследования, равно как и сформулированные ранее представления о содержании и специфике научных концепций как таковых, должны быть положены, по нашему мнению, в основу дальнейшей разработки проблемы состязательности. Данная стратегия, опирающаяся на логику предшествующего развития принципа системности, а также воплощая в себе его основные принципы и императивы, позволяет дать многовариантное и, в то же время, целостное раскрытие изучаемого предмета. При этом следует подчеркнуть, что *полная* реализация данной стратегии по отношению к проблеме состязательности – это, безусловно, предельно комплексная и чрезвычайно объемная исследовательская задача. Она может рассматриваться, скорее, как общая перспектива разработки проблемы состязательности, определяет ее общие направления и главные задачи. Поэтому в своем полном объеме она не может быть, по-видимому, реализована в рамках одного, отдельно взятого исследования, в том числе, разумеется, и представленного в данной работе [56]. Вместе с тем, она все же должна быть положена в основу разработки данной проблемы, а сама эта проблема должна быть подвергнута приоритетному изучению именно в тех гносеологических планах, которые образуют содержание данной стратегии (см. табл. 67).

Таблица 67

Структура концепции

Основные гносеологические планы (аспекты)				
Онтологический	*Структурный*	*Функциональный*	*Генетический*	*Интегративный*
-определение метасистемы по отношению к системе; -закономерности взаимодействия метасистемы с системой; -характеристики системы, которые она обретает в метасистеме.	-содержание, состав, компоненты системы; -уровни организации; -межуровневые взаимодействия.	-закономерности функционирования; -новообразования; -зависимости.	-закономерности развития; -принципы системогенеза; -развитие системности как механизма саморегуляции (метасистемогенез).	-установление обобщенных особенностей предмета; -системные и метасистемные качества изучаемого объекта.

Таким образом, обращение к метасистемному подходу обеспечивает достаточно эффективное средство выхода из своеобразного тупика теоретического анализа феномена состязательности. Кроме того, так как «материально», «морфологически» феномен состязательности практически не «дается» исследователям данного явления (см. Гл.1, 2), метасистемный подход подсказывает конструктивный выход, преодоление этой трудности, предлагая рассматривать состязательность как наложенную систему. А это уже уже принципиально иной тип построения феномена состязательности. При этом нужно отметить, что встраивание метасистемы в систему состязательности осуществляется не с «морфологических» (материальных) позиций, а носит функциональный характер и всегда предусматривает качественные преобразования компонентов метасистемы при их встраивании в систему.

Опираясь на метасистемный подход, рассмотрим изучаемый феномен в онтологическом, структурном, функциональном, генетическом и интегративном аспектах.

6.3. ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СТРУКТУРНО-КОМПОЗИЦИОННОЙ КОНЦЕПЦИИ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ

Прежде всего определим более широкий контекст, в который включен

изучаемый феномен состязательности, то есть «охарактеризуем ту систему, которая выступает метасистемой по отношению к предмету исследования» и охарактеризуем взаимосвязи состязательности с метасистемой, в которую она включена, а также определим специфику изучаемого феномена с наиболее близкими психологическими системами, включенными в метасистему [56, с.208-308]. Как следует из осуществленного ранее анализа, состязательность можно и необходимо рассматривать как некую приспособительную систему функционального типа, как одно из универсальных средств изменения эффективности деятельности (взаимодействия) социального субъекта (прежде всего – личности) в условиях социальной реальности (социума). Отсюда вытекает полисистемный характер феномена состязательности. То есть состязательность представляет собой систему функционального типа со встроенным не одним, а несколькими метасистемными уровнями. Другими словами, состязательность – это полисистемный «функциональный орган» [56, с.276-279], включенный сразу минимум в три базовые (для состязательности) метасистемы: метасистему социальной реальности (социума), метасистему деятельности (взаимодействия), метасистему личности. Метасистема социальной реальности (социума), обеспечивающая состязательные действия субъекта теми или иными социальными нормами, эталонами, ценностями, и тем самым формирует содержательные элементы состязательности (то есть – это содержательня часть состязательности, раскрывающая во многом состязательность как социально-психологический феномен). Метасистема деятельности (взаимодействия) – это технологическая составляющая состязательности, это деятельностные, поведенческие формы состязательности (то есть – это поведенческий, процессуальный компонент состязательности). Третья метасистема (личность) придает личностную окрашенность состязательности и тем самым лежит в основе своеобразия состояний субъектов состязательного взаимодействия.

Таким образом, учитывая, что рассматриваемый нами предмет принадлежит к нескольким метасистемам, и это накладывает своеобразие на

его сущность и «бытийные» характеристики.

Социальная реальность (социум), являясь итогом взаимодействия между субъектами (индивидами, группами), представляет собой сложноорганизованную саморазвивающаюся открытуя систему, составные части которой объединенны различными согласованными связями и процессами саморегуляции, самоструктурирования и самовоспроизведения, включая все виды и формы состязательности (кооперацию, конкуренцию и т.д). При этом социальная реальность как сложноорганизованная, саморазвивающаяся система обладает такими специфическими чертами как: наличие сверхсложного и иерархического характера отношений между различного рода структурами и подсистемами (включая состязательные подструктуры и подсистемы); это не механическая сумма субъектов, а целостная система межсубъектных и надиндивидуальных форм, связей и отношений, которые субъект формирует своей активной деятельностью вместе с другими людьми (в том числе – состязательной деятельностью); самодостаточность, то есть, способность своей активной совместной деятельностью (включая состязательные виды активности) формировать и воссоздавать необходимые условия собственного существования; динамичность, незавершенность и альтернативность социального (в том числе – состязательного) развития, осуществляемая самим субъектом; основой развития социума и его подсистем (включая состязательность) выступает противостояние, противоречие (в том числе – в состязательных формах) субъектов, идей, норм, стереотипов, потребностей, интересов, целей, идеологий, установок, традиции, устремлений; относительная произвольность, нелинейность развития в сочетании с возможностью прогнозирования и саморегуляции (также проявляющихся в таких свойствах состязательности как спонтанность, произвольность). Как видно даже из этого краткого анализа взаимосвязь этих двух образований (социальной реальности и состязательности) не ограничивается обычными связями между более узкой и более широкой системами, а представляет отношения, характерные для

взаимосвязи метасистемы и системы со встроенным метасистемным уровнем. С одной стороны состязательность отражает некоторые основные характеристики социальной реальности (сверхсложный и иерархический характер отношений между различного рода структурами и подсистемами, целостность, противоречия как основа развития, самодостаточность, произвольность и др.). При этом характеристики состязательности не сводятся лишь к этим, общим с социальной реальностью параметрам, а включают и отличительные от нее черты (специфические состязательные формы социальной реальности, состязательные подструктуры социума, внутреннее противоречие, заложенное в состязательности, отличительные свойства состязательности и др.), преобразуя, дополняя, тем самым, содержание самой социальной реальности. То есть между социальной реальностью и состязательностью существуют отношения, характерные для взаимосвязи метасистемы и системы со встроенным метасистемным уровнем [56]. Помимо того, что включенность состязательности как системы в метасистему социальной реальности позволяет лучше раскрыть базовые, основополагающие закономерности организации самой состязательности, вместе с тем, имеет место и «встречный» процесс своеобразного включения самой метасистемы (социальной реальности) в систему (состязательность), и таким образом возникает группа явлений, когда социальная реальность, как метасистема для состязательности, в определенной форме и степени встраивается в систему состязательности, сама начинает выступать как ее подсистема (как ее уровень или компонент). Социальная реальность поэтому обретает в состязательности (но уже в целостности по отношению к состязательности) новые черты и параметры, и таким образом подвергается качественным изменениям. Это ведет к тому, что социальная реальность, репрезентируясь в состязательности, возникает в своей превращенной форме – в виде состязательного отношения (одного из основных параметров социальной общности). То есть, инверсия механизма включения системы в метасистему [56] порождает сам феномен состязательной общности и тем самым, в определенной степени, конституирует предмет исследования

состязательности как таковой.

«Полиметасистемность» по отношению к состязательности означает также, что данный феномен является системой, одновременно включенной и в метасистему деятельности, главным образом – совместной деятельности, процессы социального и межличностного взаимодействия, включая и метасистему активности (прежде всего – социально-психологической активности, «соактивности»). Деятельность в психологии обычно рассматривается как активное взаимодействие живого существа с окружающим миром, в ходе которого субъект «целенаправленно воздействует на объект и за счет этого удовлетворяет свои потребности» [171]. При этом в структуре деятельности чаще всего выделяются такие элементы как: мотивы, побуждающие субъекта к деятельности (в том числе – кооперативные, конкурентные, альтруистические); цели, как прогнозируемые результаты этой деятельности (в том числе – индивидуалистические, коммюнитаристские и т.д.); операции, с помощью которых деятельность выполняется (включая и состязательные средства).

Традиционно же в социальной психологии состязательность рассматривается прежде всего как одна из разновидностей взаимодействия людей. В философии «взаимодействие» – это категория, «отражающая процессы воздействия различных объектов друг на друга, их взаимную обусловленность, изменение состояния, взаимопереход, а также порождение одним объектом другого. Взаимодействие представляет собой вид непосредственного или опосредованного, внешнего или внутреннего отношения, связи» [201; 202; 203]. Взаимодействие (интеракция) в социально-психологическом плане – это чаще всего, сторона общения, проявляющаяся в организации людьми взаимных действий, направленных на реализацию совместной деятельности, достижение определенной цели [2; 42; и др.]. Человек, взаимодействуя с другими людьми, одновременно вступает в определенные конкретные связи и отношения с ними, с различными социальными группами, обществом в целом. Как отмечается Г.М.Андреевой, в социальной психологии одним из наиболее распространен-

ных является «дихотомическое деление всех возможных видов взаимодействия на два противоположных вида: *кооперация* и *конкуренция*» [2, с. 117] (отметим, что оба приведенных термина являются частными по отношению к более общему понятию состязательность и обозначают виды состязательного взаимодействия). По мнению многих исследователей, чрезвычайно важным для характеристики состязательности вообще является то, что “человек по природе своей существо не просто биологическое, но и социальное. Стремление его к состязательности, к соперничеству в ходе исторического развития общества стало чисто социальным образованием. Следовательно, состязательность – это весьма характерное и неотъемлемое свойство сущности человека” [178, с. 24]. При этом отмечается, что состязательность нельзя отождествлять с каким-либо видом деятельности, “она есть специфическое многогранное отношение, складывающееся между людьми в процессе совместной деятельности” [46, с. 178] или “установка на состязание, готовность помериться силами с другими людьми в определенных видах деятельности для того, чтобы улучшить личные и коллективные достижения [58, с. 157].

Таким образом взаимосвязь этих двух социально-психологических образований не ограничивается обычными связями между более узкой и более широкой системами. В контексте этих связей состязательность отражает некоторые основные характеристики деятельности, взаимодействия (организация взаимных действий, направленных на реализацию совместной деятельности, достижение определенной цели, воздействие различных объектов друг на друга, взаимная обусловленность, изменение состояния субъектов, осмысленность, мотивированность и др.). При этом характеристики состязательности не сводятся лишь к этим, общим с интеракцией, параметрам, а включают и отличительные от взаимодействия в целом черты («готовность помериться силами с другими людьми в определенных видах деятельности для того, чтобы улучшить личные и коллективные достижения», направленность изменения его активности и качества взаимосвязанности с другими субъектами, интенсификация своих основных характеристик, надситуативность и др.),

преобразуя, дополняя, тем самым, содержание самой деятельности (взаимодействия). То есть между деятельностью и состязательностью существуют отношения, характерные для взаимосвязи метасистемы и системы со встроенным метасистемным уровнем [56]. Включенность состязательности как системы в метасистему социального и межличностного взаимодействия позволяет лучше раскрыть базовые, основополагающие закономерности организации самой состязательности. Но вместе с тем, так как по отношению к состязательности имеет место и «встречный» процесс [56] – процесс своеобразного включения самой метасистемы (деятельности, интеракции) в систему (состязательность), то возникает группа явлений, когда деятельность, как метасистема для состязательности, в определенной форме и степени встраивается в систему состязательности, сама начинает выступать как ее подсистема (как ее уровень или компонент). Взаимодействие, деятельность поэтому обретает в состязательности (но уже в целостности по отношению к состязательности) новые черты и параметры, и таким образом подвергается качественным изменениям. Это ведет к тому, что деятельность, интеракция, репрезентируясь в состязательности, возникает в своей превращенной форме – в виде состязательной деятельности, состязательного взаимодействия. То есть, инверсия механизма включения системы в метасистему [56] порождает сам феномен состязательной деятельности и тем самым, в определенной степени, конституирует предмет исследования состязательности как таковой.

Для уточнения сущности данного феномена, с нашей точки зрения, также необходимо рассматривать состязательность не только как разновидность деятельности (взаимодействия), но и как разновидность активности, а точнее – как особую форму «соактивности» людей, так как согласно А. Н. Леонтьеву, деятельность – это форма активности. Таким образом, ***состязательность*** **–** это особая форма соактивности людей, реализуемая механизмами сравнения, валидизации и регуляции субъектной деятельности, являющаяся основой изменения его активности и качества взаимосвязанности с другими субъектами, и представляющая собой следствие

двух амбивалентных свойств, изначально присущих социальному субъекту: стремления к выделению себя (обособлению) и к взаимодействию (интеграции). Потребность осмысления активности как специфического свойства социального мира подчеркивается уже тем вниманием, которое реально уделяется в психологических исследованиях ее роли и месту в становлении личности, коллективного субъекта и определении субъекта действия. Не случайно понятие активность – одно из наиболее часто употребляемых в литературе разного рода (психологической, философской, социологической, экономической и др.) в разных сочетаниях и связях – активность как деятельность, активность поведения, активность личности, активная деятельность, психическая активность, интеллектуальная, творческая, социальная активность, активная личностная позиция, активность общества и т.д.

Во всех имеющихся определениях активности выделяется своего рода «фундаментальное смысловое ядро», заложенное в общепринятое понимание и существующую терминологическую трактовку ее как всеобщей характеристики живых существ, условия осуществления ими «жизненнозначимых» связей с окружающим миром. И, при рассмотрении активности человека, она определяется как свойство, присущее всему живому, как необходимое условие адаптации к среде, обменных со средой процессов и т.д.. Активность, понимаемая как всеобщее свойство и атрибут материи, выражается в способности системы изменять другие объекты, в способности к самодвижению, а также в способности развивать определенные внутренние состояния, актуализирующие природу объекта, под влиянием внешних воздействий (Е.А.Белан). Большинство исследователей данного феномена (А. В. Петровский, В.А. Петровский, М. Г. Ярошевский, В. Н. Кругликов и др.) утверждают, что активность личности – особый вид деятельности или особая деятельность отличающаяся *интенсификацией* своих основных характеристик (целенаправленности, мотивации, осознанности, владения способами и приёмами действий, эмоциональности), а также наличием таких свойств как *спонтанность*, *произвольность*, *надситуативность*,

действенность. То есть, активность человека – это всегда целенаправленное действие внутренних сил человека для изменения или сохранения объекта воздействия, будь то все окружающее или он сам; это выбор целей, объектов, способов, средств, ценностей, вида деятельности; это не столько реакция на воздействие извне, сколько самоорганизуемая, самосозидающая и самопобуждающая акция (А.А. Ершов). Необходимо также отметить, что при анализе активности чаще всего выделяется следующая своеобразная цепь уровней данного феномена: активность как всеобщее свойство всех живых организмов → активность личности → социально-психологическая активность (соактивность, совместная активность). А.Л. Журавлев, обобщая идеи С.Л. Рубинштейна, подчеркивает, что активность фактически выступает генеральным, атрибутивным, неотъемлемым качеством (признаком) как индивидуального, так и коллективного субъекта [46, с. 74].

Некоторая сложность использования понятия «активность» в социальной психологии заключается в существовании ее различных смыслов. Как отмечает А.Л. Журавлев, «во-первых, имеется в виду свойство, качество, т.е. конкретная, одна из многих, хотя и очень важная характеристика личности, группы, действия, поведения, деятельности и т.д. Во-вторых, понимается как способ существования социального субъекта, как некоторая общая способность субъекта к совместной активности. Это, второе, и есть критериальное качество социального субъекта» [46, с. 74].

А.А. Ершов и А.Л. Журавлев считают, что соактивность (совместная активность), социально-психологическая активность представляют собой разновидности активности социального субъекта [46, с.74]. «Соактивность – это взаимосвязь, сопряженность или совпадение деятельности, поведения и отношений двух или более субъектов. Социально-психологическая активность – это соактивность субъектов, обладающих внутренне и внешне направленной активностью. Первая содержит в себе самопостановку задачи, выбор цели, саморегуляцию, формирование отношения, установки, осмысление ситуации, самооценку и оценку окружающих, прогноз их поведения и мотивации, эмпатию,

мысленное проигрывание предстоящей ситуации общения, совместной деятельности и ее результатов. Внешне направленная активность – это демонстрация внутренней активности» (А.А. Ершов, 1991, с.6). Среди видов соактивности людей чаще всего в психологической литературе выделяются: групповые действия, общение и взаимодействие в группе, совместная деятельность, групповые отношения, групповое поведение, межгрупповые отношения и взаимодействия, организация людей (лидерство-руководство-подчинение), состязательность (соперничество), конфликт и др.. При этом, как отмечает А.А. Ершов, направленностями взаимодействующих субъектов определяется характер форм их соактивности [А.А. Ершов, 1991, с. 6].

В анализе состязательных форм соактивности были взяты за основу два параметра: *интенсивность* как одно из главных свойств активности как всеобщего свойства всех живых организмов, и *направленность* как одно из главных свойств социально-психологической активности. В своем анализе мы исходим также из того, что именно в состязательности через феномены взаимодействия и взаимоотношения во многом осуществляются важнейшие закономерности многих социально-психологических явлений. Но при этом мы отдаем отчет и в том, что в состязательности реализуется не вся система взаимодействия и взаимоотношения с реальной действительностью, а, прежде всего, субъект-субъектные отношения. Таким образом, можно сказать, что состязательность выступает как одна из важнейших форм “субъективной стороны отражения действительности”, как результат субъект-субъектного взаимодействия со средой.

Субъектом состязательности может быть как отдельный индивид, так и та или иная общность людей (от малой группы до общества в целом). Причем состязательность охватывает все процессы, в которые включен человек, от внутриличностных до межгрупповых включительно. Состязательность пронизывает также все сферы жизнедеятельности человека: экономическую, социальную, политическую, социокультурную и др.

Таким образом, состязательность как форма соактивности обладает такими свойствами, как *интенсификация* своих основных характеристик (спонтанности, произвольности, надситуативности, действенности, эмоциональности) и *направленность*. Направленность в субъект-субъектных отношениях выражается в наличии нескольких векторов процесса состязания («на себя», «на других», «на себя и на других», «ни на кого»). Необходимо особо подчеркнуть, что в предлагаемом нами подходе состязательность, как общее стремление субъекта проявить себя в сочетании со стремлением помочь другому, рассматривается не просто как форма социального (межличностного) взаимодействия, имеющая два основных вида (нередко – противоположных) – *кооперацию* и *конкуренцию* – и, в свою очередь, формирующая особый вид активности («соревновательную активность») субъекта [2; 38; 45; 149; 178 и др.], но она (состязательность) включает в качестве основных равнозначных свойств не только направленность, но и интенсивность.

Как отмечалось ранее, «полиметасистемный» характер состязательности означает также, что данный феномен является системой, одновременно включенной и в метасистему личности, что придает состязательности своеобразие, личностную окрашенность благодаря таким личностным (интегральным) свойствам и состояниям как совокупность выработанных привычек и предпочтений, психический настрой и тонус, социокультурный опыт и приобретённые знания, набор психофизических особенностей человека, определяющих повседневное поведение и связь с обществом и природой, личностное проявления «поведенческих масок», выработанных для разных ситуаций и социальных групп взаимодействия и т.д. То есть, благодаря встроенности метасистемы личности в систему состязательности состязательность обретает целый ряд своих важнейших черт, в частности, свойства (состояния) произвольности, надситуативности, направленности и т.д. Состязательность оказывается в состоянии использовать свойства личности в своих собственных целях, что существенно расширяет сам потенциал состязательности, арсенал средств состязательности. В свою очередь,“установка на состязание, готовность помериться силами с дру-

гими людьми в определенных видах деятельности для того, чтобы улучшить личные и коллективные достижения [58, с. 157] оказывает существенное влияние на формирование и развитие самой личности как мегасистемы, добавляя ей дополнительные особенности (альтруистичность, агрессивность и т.д.).

Такое рассмотрение состязательности как «системы со встроенными метасистемными уровнями» [56] означает, что состязательность не только имеет общие с социальной реальностью, деятельностью (взаимодействием, активностью) и личностью черты, но и своеобразным образом влияет на структуру, формирование и функционирование этих метасистемных образований. Кроме того, благодаря тому, что состязательность является «системой со встроенными метасистемными уровнями», социальная реальность, деятельность (взаимодействие, активность) и личность являются открытыми для своего обогащения и изменения.

Осуществленный выше анализ состязательности как «системы со встроенными метасистемными уровнями» позволяет во многом объяснить причины трудностей в раскрытии (улавливании) содержательной сущности данного феномена. Можно отметить, что состязательность не только не имеет своего инвариантного (морфологического) содержания, но и не должно его иметь. Состязательность представляет собой определенную форму, средство, состояние, реализующиеся и наполняющиеся каждый раз конкретным содержанием, то есть состязательность – это система с принципиально переменным составом и структурой. Состязательность, можно сказать, является в своей качественной определенности изначально как бы «пустой», но именно по этой причине всегда требующей избавления от этой неопределенности за счет ее наполнения конкретным содержанием, детерминируемым как объективно-ситуационными, так и субъективными всегда конкретными факторами. Поэтому в аспекте сущностных, содержательных характеристик и в плане ситуационной наполненности состязательность всегда предстает как определенная актуализация части содержания исходного целого – социальной реальности, деятельности (взаимодействия, активности), личности, то есть всегда, в каждый конкретный момент

создается, строится. При этом это созидание осуществляется не с нулевой отметки, а по типу мультиплицирования, то есть встраивания метасистем (социальной реальности, деятельности, личности) в одну из важнейших своих систем (состязательность). Таким образом, состязательность в своих атрибутивный характеристиках и в своей качественной определенности представляет собой своеобразную наложенную систему, формирующуюся в процессе онтогенеза в общей структуре социальной реальности, деятельности, личности под детерминирующим влиянием фундаментального противоречия – противоречия между гигантским информационно-содержательным объемом социальной реальности, деятельности, личности в целом и довольно ограниченными возможностями актуального использования всего этого объема в каждом конкретном акте состязательности. И если бы такой «функциональный орган» не формировался, то тогда в каждом состязательном действии его организация должна была бы строиться на основе всего содержания, заложенного в социальной реальности, деятельности, личности. А это объективно невозможно (а если бы и было возможным, то являлось невыгодным, заведомо избыточным). Поэтому состязательность как «функциональный орган» является одним из средств своеобразной борьбы с практически неограниченной содержательной емкостью метасистем социальной реальности, деятельности, личности и тем самым состязательность раскрывается как часть социальной реальности, деятельности, личности, как их орган. Но это только одна – объективная – сторона соотношения состязательности и социальной реальности, деятельности, личности. Истинная специфичность состязательности как наложенной системы гораздо сложнее, так как с позиций конкретного субъекта состязательности, то есть субъективно, социальная реальность, деятельность, личностное состояние являются уже не частью, а таким образованием, в котором субъективно дано все целое (больше того, это одна из возможностей в которой и через которую социальная реальность, деятельность, личностное состояние "дается" субъекту, обретает для него статус реальности, "существует-для-него"), а точнее, такая мультиплицированная форма репрезентирует субъекту всю социальную реальность, деятель-

ность, личностное состояние в целом (в данный момент). Другими словами, существуя как система со встроенными метасистемными уровнями и выступая объективно в качестве части социальной реальности, деятельности, личности, состязательность одновременно выступает и как такая часть, которая в определенном смысле приводит к тому, что все остальное содержание целого, кроме состязательности, перестает существовать как субъективная реальность для субъекта состязательности. Но при этом нужно подчеркнуть, что состязательность, являясь системой со встроенными метасистемными уровнями и выступая объективно как некая составляющая подсистема более общих метасистем (социальной реальности, деятельности, личности), всегда, несмотря на иллюзию автономности и самодостаточности, производна и вторична по отношению к этим метасистемам. Состязательность всегда возникает по принципу встраивания социальной реальности, деятельности, личности в определенный «функциональный орган», репрезентирующийся субъективно и лежащий в основе феномена состязательности. Причем состязательность всегда представляет собой определенный результат встраивания метасистем в систему, мультиплицирования первых во второй.

Кроме того, рассмотрение состязательности как системы со встроенными метасистемными уровнями социальной реальности, деятельности, личности доказывает, что в структурно-функциональной организации данного феномена представлены в нерасторжимом единстве все основные компоненты психического явления, которые здесь выступают в достаточно развернутой и интегрированной форме, подтверждая тезис о том, что суть состязательности заключается в том, что она (состязательность), будучи и свойством (в наибольшей степени реализующимся при встраивании с метасистемой социальной реальности), и процессом (прежде всего – через метасистему деятельности), и состоянием (преимущественно – через метасистему личности), предстает не просто как их агрегативная совокупность, а как системное качество их синтеза.

Другими словами, состязательность представляет собой наложенную

систему, потому что она (состязательность) везде и нигде, она мультиплицирует в себя эти три метасистемы (социум, деятельность, личность). Таким образом, предлагается придерживаться постнеклассической методологии анализа состязательности, которая требует пересмотра понятия системы как таковой. Ранее, в классической методологии, считалось, что чем более система самодостаточна, изолирована, тем лучше для ее анализа. С точки зрения постнеклассической методологии - все наоборот: чем больше система эксплуатирует другие системы, когда она их накладывает, мультиплицирует, вбирает, тем лучше.

Таким образом, состязательность - это система со встроенными метасистемными уровнями, то есть это наложенная система. В любом случае - это система. Любая система должна иметь определенный системообразующий фактор, то есть каждая система порождается под влиянием некоторой цели, для которой она и служит. Иначе говоря, любая система имеет функциональный характер. И состязательность как система - не исключение. Что же является системообразующим фактором для состязательности? Цель? Нет, у состязательности нет цели, у нее есть метацель, то есть способность генерировать цели в любой ситуации, направленные на преодоление этой конкретной ситуации. Так вот специфика состязательности как системы со встроенными метасистемными уровнями и состоит в том, что унее нет предзаданой цели. Ее организует некоторая метацель как способность к целеобразованию. Причем эта цель в каждой конкретной ситуации будет своя и представляет средство в борьбе за выживание, адаптацию. В конечном итоге - это нечто, коренящееся в филогенетических истоках состязательности как формы соактивности, которая как раз и выступает одним из универсальных средств выживания, оптимизации приспособления к среде (в том числе - к социальной среде). И в современных условиях - то же самое: состязательность развертывается, используется субъектом для того, чтобы достичь своих целей.

В рамках онтологического аспекта анализа состязательности рассмотрим также особенности данного феномена по сравнению с другими (но наиболее

близкими к состязательности с точки зрения большинства исследователей) компонентами социальных отношений, социального (межличностного) взаимодействия, социально-психологической активности, личностных свойств.

Как отмечалось в главах 1 и 2 (теоретический анализ), наиболее близкими к «состязательности» психологическими феноменами различными исследователями рассматривались «конфликт», «агрессия», «мотивация достижений» и некоторые другие. С целью проверки предложенной теоретической схемы на надежность и валидность была осуществлена процедура сопоставления с наиболее близкими к состязательности по содержанию психологическими феноменами: мотивационной сферой личности (прежде всего, с мотивацией достижений), конфликтом, уровнем притязаний, агрессией, показателями активности и т.д. («психологическими коррелятами состязательности»).

Были выявлены значимые связи видов состязательности с мотивационными тенденциями (шкалами опросника А.Эдвардса), показателями разрешения конфликтных ситуаций (К. Томаса), направленностью и активностью личности, уровнем притязаний личности (таблица 68).

Таким образом, полученные в исследовании результаты (см. главу 2) подтверждают надежность и валидность основных показателей состязательности, расширяют и уточняют содержательный психологический смысл выделенных видов состязательности и эмпирических способов их фиксации.

Необходимо также отметить отличие феномена «состязательности» от выделенных выше психологических явлений. Так, например, «состязательность» в отличие от «мотивации достижения» включает в себя в развернутом виде два вектора: направленность и интенсивность, что позволяет оценивать явление как качественно, так и количественно. «Мотивация достижения» имеет фактически четко выделенную одну ось – интенсивность, предполагающую количественный анализ, и в свернутом виде представлен вектор направленности

Таблица 68

Степень выраженности мотивационных тенденций (шкалы опросника А. Эдвардса), показатели разрешения конфликтных ситуаций (К. Томас), направленности и активности личности, уровня притязаний личности у респондентов с различными видами состязательности

Виды состязательности	Шкалы опросника личностных предпочтений А. Эдвардса	Тест Томаса	Тест направленности личности Б. Басса	Опросник мотивации достижений успеха	Методика самооценки Дембо-Рубинштейн	Методики определения активности и направленности личности А.В. Петровского
Конкурентность	Высокие показатели *мотивации достижения, доминирования, агрессивности, готовности к риску, выносливости (стойкости в достижении целей).* Низкие показатели *уровня самопознания, принятия авторитетов, принятия и оказания опеки*	Высокий уровень *соперничества*, низкий уровень *подчинения*	*Направленность на себя*	Высокое *стремление (мотивация) к успеху,* низкий уровень *избежания неудачи*	Высокий и очень высокий уровень *притязаний*	*Высокая активность*
Сотрудничество	Высокие показатели *мотивации достижений, аффилиации, выносливости в достижении целей, рациональности, самопознания, оказания опеки.* Низкие показатели *агрессивности, доминирования, импульсивности*	Высокий уровень *сотрудничества*	*Направленность на общение и на дело*	Высокий уровень *стремления к успеху*	Оптимально высокий уровень *притязаний*	*Высокая активность. Коллективистское самоопределение*

Окончание таблицы 68

Виды состязательности	Шкалы опросника личностных предпочтений А. Эдвардса	Тест Томаса	Тест направленности личности Б. Басса	Опросник мотивации достижений успеха	Методика самооценки Дембо-Рубинштейн	Методики определения активности и направленности личности А.В. Петровского
Альтруистичность	Высокий уровень *почтения (принятия авторитетов), аффилиации, подчинения, оказания опеки, самопознания.* Низкий уровень *доминирования, мотивации достижений, агрессивности, автономии*	Высокий уровень *подчинения (приспособления)*	*Направленность на общение*	Низкий уровень *мотивации достижения*	Средне-низкий уровень *притязаний*	*Высокая конформность*
Индивидуалистичность	Высокие показатели *автономии, чувства виновности, толерантности к новому (радикализму).* Низкий уровень *доминирования, принятия и оказания опеки*	Высокий уровень *избегания*, низкий уровень *подчинения*	*Направленность на дело*	Высокий уровень *избегания неудачи*		*Ориентации на личностные ценности*

(одна из четырех субъект-субъектных направленностей – «ни на кого», только на «успех»). Следовательно, мотивацию достижения можно рассматривать как составную часть (сторону) состязательности, непосредственно связанную в основном с вектором интенсивности. Индивидуалистичность как один из видов состязательности имеет наиболее непосредственную и ярко выраженную связь с мотивацией достижения (вектор интенсивности), не теряя при этом второго вектора – направленности (хотя и в потенциальном виде предполагающую качественный анализ). А вот «конкурентность» уже не имеет такой прямой непосредственной связи с «мотивацией достижений». Мало того, как показано в ряде экспериментов Б. Бонта [243], C. Simmons et al. [359], R. Smither et al. [363], такие виды состязательности, как конкурентность или кооперация и мотивация достижения, не обязательно являются связанными переменными – вполне возможно иметь сильное желание к достижению без высокой потребности в соперничестве или кооперации. Поэтому эти авторы также приходят к выводу, что необходимо и важно отделять мотивацию к достижению от ориентации на сотрудничество или конкуренцию. Взаимосвязь между «состязательностью» и «конфликтом» противоположна связи «состязательности» с «мотивацией достижения»: имеет место четко выраженное совпадение этих явлений по вектору направленности и фактическое отсутствие в феномене «конфликт» вектора интенсивности. И поэтому конфликт «как обострившееся противоречие» можно рассматривать как крайнюю форму проявления состязательности (фактически такая же точка зрения присуща, например, и М. Дойчу). «Уровень притязаний» также имеет отношение к состязательности как свойству субъекта и выступает важнейшей его фоновой характеристикой, фиксируемой при изучении состязательности в векторе интенсивности субъекта, а также при изучении жизненных и трудовых ценностей респондентов. В целом можно отметить, что в предлагаемом анализе состязательности заложена возможность учета как количественных (интенсивность), так и качественных (направленность) параметров анализа, в то время как

имеется отчетливый крен в сторону одного из параметров в инструментарии, использованном при изучении других отмеченных (близких к феномену состязательности) психологических явлений.

6.4. СТРУКТУРНЫЙ АСПЕКТ КОНЦЕПЦИИ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ

Состязательность как разновидность взаимодействия – это особая форма соактивности людей, реализуемая механизмами сравнения, валидизации и регуляции субъектной деятельности, являющаяся основой изменения его активности и качества взаимосвязанности с другими субъектами и представляющая собой следствие двух амбивалентных свойств, изначально присущих социальному субъекту: стремления к выделению себя (обособлению) и к взаимодействию (интеграции). Состязательность как форма соактивности обладает такими свойствами, как *интенсификация* своих основных характеристик (спонтанности, произвольности, надситуативности, действенности, эмоциональности) и *направленность*. Направленность в субъект-субъектных отношениях выражается в наличии нескольких векторов процесса состязания («на себя», «на других», «на себя и на других», «ни на кого»). Необходимо особо подчеркнуть, что в предлагаемом нами подходе состязательность, как общее стремление субъекта проявить себя в сочетании со стремлением помочь другому, рассматривается не просто как форма социального (межличностного) взаимодействия, имеющая два основных вида (нередко – противоположных) – *кооперацию* и *конкуренцию* – и, в свою очередь, формирующая особый вид активности («соревновательную активность») субъекта, но состязательность, с нашей точки зрения, включает в качестве основных равнозначных свойств не только направленность, но и интенсивность.

Первый вектор состязательности можно обозначить как конкурентность. ***Конкурентность*** является выражением одной из двух тенденций, присущих субъекту, – демонстрацией частного интереса субъекта «на себя» (когда субъект преследует индивидуальные цели, обычно в ущерб интересам других субъектов) в процессе сравнения, оценивания и регуляции своей

деятельности. Второй (противоположный по направленности) вектор состязательности, который представляет собой также одностороннее проявление, но уже второй тенденции, присущей субъекту (тенденции к интеграции, подчинению группе, нередко в ущерб себе и своим интересам), можно обозначить как ***альтруистичность***. Теоретически оптимальным видом состязательности выступает ***сотрудничество***, которое представляет собой механизм взаимного стимулирования активности субъектов в процессе сравнения, оценивания и регуляции ими своей деятельности, когда происходит максимально возможная (но не обязательно одинаковая) одновременная реализация двух противоположных тенденций, присущих субъекту в отношениях состязания: самореализация субъекта (выделение себя) и реализация общих интересов (тенденция к интеграции). Другими словами, субъекты достигают своих целей, только когда другие участники также их добиваются (при этом имеет место максимизация обоюдных выигрышей, а не их равенство). Еще одним видом состязательности выступает ***индивидуалистичность***, когда субъект достигает своих целей без связи с достижениями других («ни на кого»).

В разрабатываемой нами теоретической схеме предлагается выделять четыре основных вида состязательности (***конкурентность, индивидуалистичность, альтруистичность, сотрудничество***) с регистрацией в каждом из них, в зависимости от степени их интенсивности, диапазона видов состязательности от нулевого состояния (потенциал состязательных возможностей) через промежуточные (реактивные) состояния (типа вступления в состязательные отношения после «подталкивания извне») до высшей стадии интенсивности того или иного вида состязательности. Следовательно, предлагается учитывать не только качественные особенности (виды), но и количественные (уровни), объединить анализ качественных и количественных характеристик состязательности. Таким образом, появляется возможность дифференцированно описывать проявления состязательности (структуру состязательности), выделяя 12 вариаций ее проявления:

1 – *«потенциальная конкурентность»* – выраженная направленность субъекта на себя при практически нулевой его интенсивности (то есть состояние ожидания субъекта, что его «вовлекут» в отношения конкурентности);

2 – *«реактивная конкурентность»* – вступление субъекта в отношения конкурентности после внешнего по отношению к нему подталкивания;

3 – *«активная конкурентность»* – произвольное и интенсивное вступление в отношения конкурентности и участие в них;

4 – *«потенциальная индивидуалистичность»*;

5 – *«реактивная индивидуалистичность»*;

6 – *«активная индивидуалистичность»*;

7 – *«потенциальная альтруистичность»*;

8 – *«реактивная альтруистичность»*;

9 – *«активная альтруистичность»*;

10 – *«потенциальное сотрудничество»*;

11 – *« реактивное сотрудничество»*;

12 – *«активное сотрудничество»*.

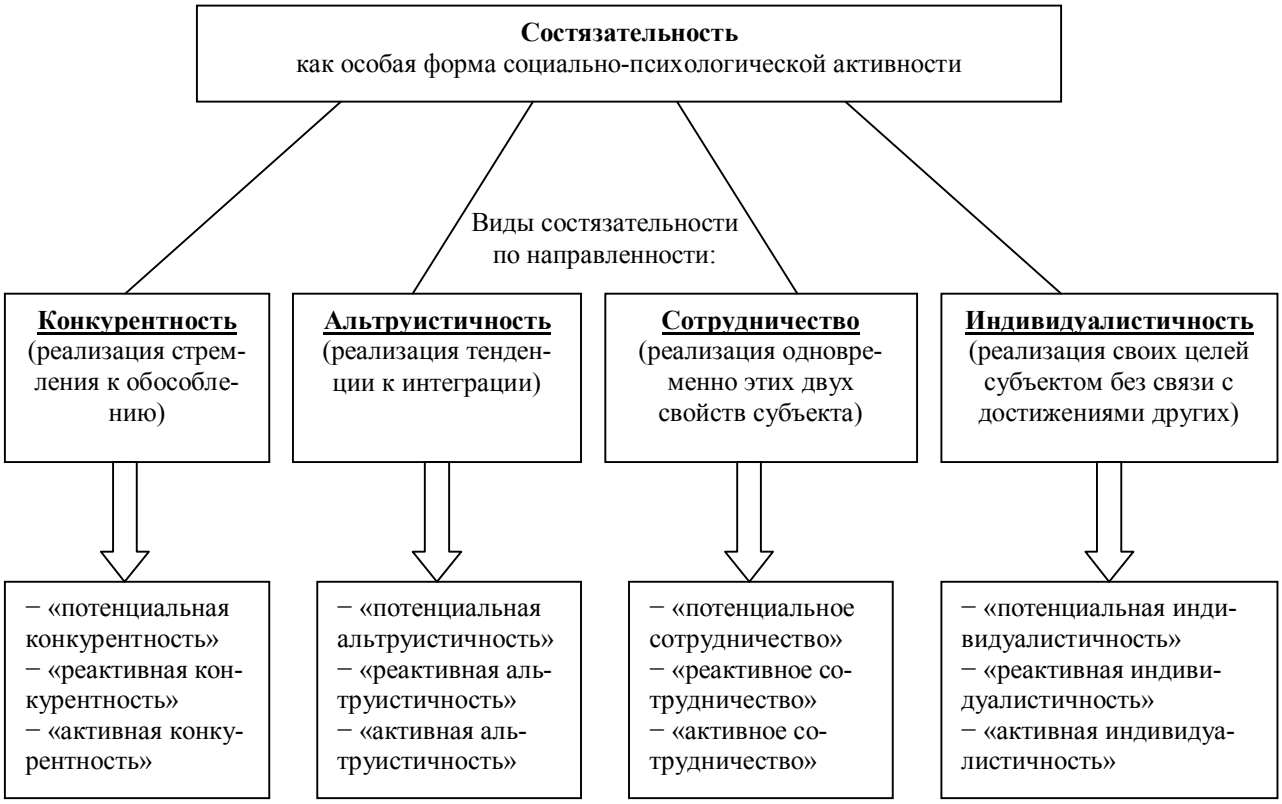

Рисунок 7. Структура состязательности

Как видно из осуществленного анализа (рисунок 7), состязательность имеет горизонтально-вертикальное строение. Горизонтальная ось определяется основными *направленностями* состязательных форм взаимодействия («на себя», «на других», «на себя и на других», «ни на кого»). Вертикальная ось образуется уровнем *интенсификации* основных характеристик состязательной соактивности (спонтанности, произвольности, надситуативности, действенности, эмоциональности): от потенциального состояния состязательности – через промежуточное (реактивное) – к максимально возможной интенсивности (спонтанности, произвольности) того или иного вида состязательности.

Анализируя качественный аспект структуры изучаемого феномена, можно выделить общие и специфические механизмы состязательности. В число *универсальных* механизмов состязательности необходимо включить весь набор основных механизмов регуляции социального поведения: мотивационно-диспозиционные механизмы, психологический обмен, валидизацию, идентификацию, категоризацию, стереотипизацию, рефлексию, атрибуцию, ингрупповой фаворитизм и др. В качестве ведущего *специфического* механизма состязательности выступает внутреннее противоречие между двумя основными свойствами субъекта состязательности – стремлением к обособлению и влечением к интеграции, к тому же имеющее постоянную асимметрию. Как известно, именно противоречие и самопротиворечие являются всеобщей и обязательной основой развития любого явления природы и общества [24, с. 265]. Противоречивое единство парных категорий должно быть асимметрично, поскольку в реальном процессе самодвижения одна из противоположностей всегда доминирует. Именно асимметрия противоречия выступает одним из главнейших факторов, определяющих становление нового [125, с. 5]. А внутреннее противоречие состязательности также имеет постоянную асимметрию.

Поскольку состязательность трактуется нами как особая, качественно специфическая система со встроенными метасистемными уровнями, то в ее структурно-уровневой организации можно выделить пять основных уровней:

метасистемный, общесистемный, субсистемный, компонентный и элементный [56, с.224-237].

С позиции метасистемного подхода в общей структурной организации состязательности можно выделить очень специфический уровень – метасистемный. По отношению к состязательности данный структурный уровень фиксирует тот факт, что в общей структурной организации состязательности отдельные ее составляющие представлены не только в своей исходной и основной форме (то есть в процессуальном статусе), но и в аспекте их результативных проявлений и эффектов, проявляющихся в конкретных формах социальной реальности, прежде всего в виде специфических состязательных форм социальной общности, совместности (конкурентной, кооперативной, альтруистической и т.д.), состязательных подструктур социума (индивидуалистической, коллективистско-коммюнитарной, агрессивной, мирной и т.д.), видах социального партнерства (сотрудничестве, конкуренции, альтруизме и др.) (см. выше Глава 1). Специфика данного метасистемного уровня заключается еще и в том, что локализуясь в нем, обретая статус уровня и входя в общую структуру уровней, социальная реальность оказывается в состоянии управлять самой структурой состязательности, так как социальная реальность не просто включается в структуру состязательности, а входит в высший метасистемный уровень, благодаря чему и появляется возможность самого этого управления.

Общесистемный уровень структурной организации данного феномена совершенно естественно и исчерпывающе соотносится с наиболее обобщенным процессуально-психологическим проявлением, обозначаемым понятием состязательности как деятельности, поведения, соактивности людей. Другими словами, это технологическая составляющая состязательности, это деятельностные, поведенческие формы состязательности, включающие в себя организацию взаимных действий, направленных на реализацию совместной деятельности, достижение определенной цели, воздействие различных субъектов друг на друга, взаимную обусловленность, изменение состояния субъектов, осмысленность, мотивированность взаимодействия в целом, так и «готовность померить-

ся силами с другими людьми в определенных видах деятельности для того, чтобы улучшить личные и коллективные достижения», направленность изменения его активности и качества взаимосвязанности с другими субъектами, интенсификацию своих основных характеристик, надситуативность и др.

На субсистемном уровне структурной организации состязательности локализованы не отдельные компоненты, а их функциональные синтезы, являющиеся продуктами комплексионирования частных компонентов феномена состязательности со встроенными метасистемами социальной реальности, деятельности, личности. На субсистемном уровне состязательность представляет собой определенную форму, средство, состояние, которые реализуются и наполняются каждый раз конкретным содержанием. То есть субсистемный уровень представляет собой систему с принципиально переменным составом и структурой, наполняющимся в каждом отдельном случае конкретным содержанием, детерминируемым как объективно-ситуационными, так и субъективными, всегда конкретными факторами. Поэтому в аспекте сущностных, содержательных характеристик и в плане ситуационной наполненности субсистемный уровень состязательности всегда предстает как определенная актуализация части содержания исходного целого – социальной реальности, деятельности (взаимодействия, активности), личности, то есть всегда, в каждый конкретный момент создается, строится. При этом это созидание осуществляется не с нулевой отметки, а по типу мультиплицирования, то есть встраивания метасистем (социальной реальности, деятельности, личности) в одну из важнейших своих систем (состязательность), предсталенную тем или иным основным видом состязательности: конкурентностью, индивидуалистичностью, альтруистичностью, сотрудничеством.

Компонентный уровень состязательности образуют подвиды состязательности, которые представляют собой объединения отдельных элементов данного феномена в виде обобщений первого уровня: “потенциальная конкурентность” – выраженная направленность субъекта на себя при практически нулевой его интенсивности; “реактивная конкурентность” – вступление субъекта в отноше-

ния конкурентности после внешнего по отношению к нему подталкивания; “активная конкурентность” – произвольное и интенсивное вступление в отношения конкурентности и участие в них; “потенциальная индивидуалистичность”; “реактивная индивидуалистичность”; “активная индивидуалистичность”; “потенциальная альтруистичность”; “реактивная альтруистичность”; “активная альтруистичность”; “потенциальное сотрудничество”; “ реактивное сотрудничество”; “активное сотрудничество”. Необходимо отметить, что именно эти подвиды состязательности воплощают в себе все основные черты качественной определенности. присущей самому анализируемому "целому" феномену состязательности, хотя и являются его составными частями.

Элементный уровень состязательности составляют такие базовые параметры состязательных форм взаимодействия как *направленность* (направленность «на себя», «на других», «на себя и на других», «ни на кого») и *интенсификация* основных характеристик состязательной соактивности (спонтанности, произвольности, надситуативности, действенности, эмоциональности): от потенциального состояния состязательности – через промежуточное (реактивное) – к максимально возможной интенсивности (спонтанности, произвольности) того или иного вида состязательности.

В этой иерархии уровней состязательности олицетворяется еще одно объективное условие существования любой иерархической, структурно-уровневой организации – наличие закономерных межуровневых переходов и взаимодействий между основными уровнями, механизмы согласования и координации. При этом главным является то, что каждый вышележащий уровень выступает по отношению к нижележащему как продукт и результат внесения в него дополнительной организации, как эффект интеграции его собственного содержания посредством реализации по отношению к нему дополнительных операционных средств. В целом, смысл механизмов межуровневых переходов состоит в том, что в собственно структурном аспекте все уровни подчиняются принципу "расширяющейся", прогрессирующей интеграции, а каждый из вышележащих

уровней выступает как закономерный продукт и результат действия интеграционных механизмов по отношению к нижележащему уровню [56, с.508-515].

6.5. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ КОНЦЕПЦИИ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ

Функциональный аспект анализа состоит в выявлении основных закономерностей собственно функционального типа, раскрывающих основные особенности временной организации состязательности, ее «бытия во времени». В частности, такой анализ предполагает выделение тех функций, которые состязательность реализует в контексте более общей целостности, выступающей по отношению к ней (состязательности) метасистемой. Также функциональный аспект анализа включает развертывание собственных закономерностей функциональной организации состязательности в своем результативном проявлении к становлению различных функциональных новообразований и новых качественных характеристик.

Аналитическая функция. Разработанная концепция состязательности позволяет уточнить закономерности социального состязательного взаимодействия в реальных производственных условиях. В процессе состязания его субъекты более четко видят цели и задачи своей деятельности, а главное – результаты своего труда и имеют возможность постоянно оценивать эти результаты, корректировать свои цели, нормы, совершенствовать средства и способы деятельности. Кроме того, предложенная теоретическая схема вводит новые понятия, развивающие и в значительной степени уточняющие представление о состязательной стороне социального взаимодействия. Впервые детально проанализированы основные двенадцать видов и подвидов состязательности, выделены их отличительные черты и особенности. В наших исследованиях состязательность изучалась в естественных условиях совместной деятельности на протяжении почти 30 лет в общей сложности более чем в 800 первичных производственных группах (более 12 000 опрошенных). Прежде всего необходимо отметить, что на протяжении почти 30 лет удавалось постоянно фиксировать практически все виды состязательности. Если

анализировать конкретные изменения за данный период, то следует особо отметить: снижение уровня конкурентности (в первую очередь потенциальной и реактивной конкурентности), определенное уменьшение реактивных форм альтруистичности, некоторое повышение активного сотрудничества и достаточно резкое увеличение числа респондентов, занимающих позиции активной индивидуалистичности. И еще одна тенденция изменения состязательности явно бросается в глаза – в целом значительное увеличение активных форм состязательности. Выявленные тенденции изменения состязательности уточняют и конкретизируют многие выводы о происходящих изменениях в современном российском обществе, сделанные как зарубежными (Я. Рейковски) [158], так и отечественными (Г.Э. Белицкая) [8] исследователями.

Результаты наших исследований, с одной стороны, отчасти подтверждают преобладание в современном российском обществе конкурентности (но с существенным уточнением – имеет место ярко выраженная тенденция уменьшения конкурентности, особенно ее пассивных форм), сокращение (разрушение) альтруистичности, с другой стороны, уточняют основные тенденции изменений состязательности – отмечаются значительный рост активных форм состязательности, существенное увеличение такой формы состязательности, как индивидуалистичность (ведь неопределенность в направленности своей активности вполне естественна для любого переходного периода, для этапа перестуктурирования социальных и межличностных отношений), постоянный рост сотрудничества (как основной тенденции прогрессивного развития состязательности) (см. выше главу 3).

Объяснительная функция. Состязательность выступает одной из ведущих детерминант группового структурирования. Более того, состязательность является одновременно и одним из главных источников развития отношений совместности (вследствие заложенного в ней внутреннего противоречия), и одним из наиболее точных и надежных индикаторов уровня развития этих отношений совместности.

Как следует из результатов наших эмпирических исследований (см. выше главу 4), на низшей стадии развития отношений совместности (стадии «диффузной группы» или несформировавшихся межличностных отношений) преобладает такой вид состязательности, как конкурентность, на среднем уровне развития отношений совместности (стадия «ассоциации») доминирует такой вид состязательности, как альтруистичность, на высшей стадии развития отношений совместности (в высокосплоченной группе) преобладает такой вид состязательности, как сотрудничество. Более высокий уровень развития отношений совместности обусловливается, прежде всего, более высокой целостностью функционирования субъектов такого вида состязательности, как сотрудничество, то есть более полным вовлечением сущностных свойств субъекта состязательности – одновременным максимальным вовлечением не одной, а обеих тенденций, присущих субъекту сотрудничества. Таким образом, внутреннее противоречие состязательности, имеющее постоянную асимметрию, выступает в качестве одного из основных источников саморазвития отношений совместности. А наиболее прогрессивная форма состязательности – сотрудничество – во многом обусловливает развитие наиболее прогрессивной формы совместности – «действительной коллективности», коммюнитарности, высшей стадии развития межличностных отношений в малой группе.

Предложенная теоретическая схема анализа состязательности позволила не только внести определенную ясность по одной из наиболее запутанных проблем состязательности – по вопросу о последствиях (эффектах) состязательности, но и в значительной степени уточнить и объяснить дифференцирующий эффект каждого из двенадцати подвидов состязательности в различных сферах жизнедеятельности: для продуктивности деятельности, для совместного группового существования, для личностного развития (см. выше главу 5).

Такой вид состязательности, как активное сотрудничество, отличается наиболее сильным оптимизирующим и однозначным положительным влияни-

ем на все стороны жизнедеятельности субъекта: на результативность его деятельности, межличностные отношения, состояние личности. Другие подвиды состязательности не только уступают активному сотрудничеству по силе своего воздействия, но и не имеют таких однозначных последствий в различных сферах жизнедеятельности. Так, активная конкурентность оказывает обычно достаточно сильный, хотя и второй по величине после активного сотрудничества, оптимизирующий эффект на объективные показатели продуктивности деятельности, а вот субъективная оценка этих последствий, а также влияние на социально-психологическое состояние группы и личностный уровень несколько ниже аналогичных показателей субъектов с установкой на сотрудничество или альтруистичность. В свою очередь, такой вид состязательности, как активная альтруистичность, уступая по силе воздействия на объективные показатели результативности деятельности активному сотрудничеству и активной конкурентности, тем не менее, стабильно занимает второе место (после активного сотрудничества, даже иногда опережая его по отдельным критериям) по уровню благоприятного влияния на межличностные отношения, развитие личности в целом. Воздействие (положительное и негативное) такого вида состязательности, как активная индивидуалистичность, на продуктивность деятельности и социально-психологическое состояние группы относительно слабое (уступает силе влияния других видов состязательности). Необходимо отметить определенное усиление негативного влияния активной индивидуалистичности на личностном уровне.

Активные формы состязательности имеют более сильный положительный эффект для результативности деятельности, межличностных отношений и личности, по сравнению с влиянием аналогичных пассивных видов состязательности. Наиболее противоречивым по своим последствиям подвидом состязательности является реактивная альтруистичность. Наиболее же негативные эффекты характерны для двух других реактивных форм состязательности – реактивной конкурентности и реактивной индивидуалистичности. Но при этом реактивная конкурентность наиболее негативно влияет на соци-

ально-психологическое состояние группы, а реактивная индивидуалистичность – на состояние личности. Установленный дифференцирующий эффект различных видов и подвидов состязательности объясняется их особенностями: степенью реализации (всех или частичных) сущностных свойств субъекта состязательности и уровнем их интенсивности. Мотивирующая функция состязательности основывается на сопоставлении результатов деятельности. В процессе состязательности важное значение имеет принцип сравнимости целей и результатов, поскольку для того, чтобы стать мотиваторами деятельности, цели и результаты должны быть выражены в понятной и сопоставимой форме. Процесс состязательности является источником индивидуальной и групповой активности.

Такой достаточно однозначный дифференцированный оптимизирующий эффект различных видов состязательности в наших исследованиях (по сравнению с противоречивостью эффектов состязательности у исследователей, использовавших традиционную дихотомическую схему изучения «конкуренция – кооперация») становится вполне объяснимым с точки зрения предложенной нами ранее теоретической схемы. ***Конструктивное сотрудничество***: вследствие одновременной реализации у субъекта состязательности общего и частного интересов (тенденций) происходит максимальная реализация сил и возможностей личности и группы. Причем максимальная индивидуальная активность личности в отношениях сотрудничества в группах с высоким уровнем развития отношений совместности увеличивается еще больше за счет контакта, сравнения себя с другими («фасилицирующий эффект»). Совпадение общего и частного интересов не может не оказать положительного влияния и на межличностные отношения (улучшение СПК в группе), и на развитие личности (самочувствие, адаптацию). ***Конкурентность и альтруистичность:*** получает развитие только одна из тенденций, присущих субъекту, актуализируются (мобилизуются) не все возможности субъекта, поэтому в целом индивидуальный и групповой эффекты несколько ниже, чем от такого вида состязательности, как сотрудничество. Кроме того, преобладающий частный интерес в таком виде состяза-

тельности, как конкурентность, нередко противоречит общегрупповому, повышает противоречия (конфликтность) в группе, что отрицательно отражается на состоянии СПК в ней. Преобладающая тенденция к интеграции в таком виде состязательности, как альтруистичность, часто противоречит интересам личности, что негативно сказывается на мотивационной ее сфере, а в конце концов – на результативности деятельности группы и личности. ***Индивидуалистичность:*** вследствие значительного ограничения (фактически отсутствия) возможностей сравнения резко снижается «эффект фасилитации», что приводит к потерям на групповом и индивидуальном уровнях. ***Потенциальные и реактивные виды состязательности:*** снижение активности субъектов ведет к ослаблению их последствий, то есть снижению групповой и индивидуальной эффективности. Таким образом, эмпирические данные получают и теоретическое объяснение.

Практическая (адаптационная) функция. Активное сотрудничество отличается наиболее сильным адаптирующим положительным влиянием на все стороны жизнедеятельности субъекта: на трудовую деятельность, межличностные отношения, адаптацию личности. Активная альтруистичность стабильно занимает второе место по уровню благоприятного влияния (после активного сотрудничества, даже иногда опережая его по отдельным критериям) на состояние социально-психологического климата, межличностные отношения, личностную адаптацию. Другими словами, для субъектов с установкой на активную альтруистичность характерен более оптимистический взгляд (субъективная оценка) на свою деятельность, социальное окружение, самого себя. Воздействие такого вида состязательности, как активная индивидуалистичность, на профессиональную адаптацию и социально-психологическое состояние группы относительно слабое (уступает силе влияния других видов состязательности). Необходимо отметить определенное усиление негативного влияния активной индивидуалистичности на личностную адаптированность. Реактивная конкурентность наиболее негативно влияет на социально-психологическое состояние группы, а реактивная индивидуалистичность – на личностный уровень адаптации (см. выше главу 5).

Прогностическая функция. Рассмотрение всей, более широкой проблемы сравнения индивидуальной и групповой деятельности сквозь призму состязательности позволяет: а) включить все эти исследования состязательности в систему «личность–группа–общество» с указанием конкретного места каждого социально-психологического явления в данной системе (см. выше главу 1); б) объяснить и уточнить причину неоднозначности (противоречивости) полученных эмпирических фактов о взаимовлиянии субъектов взаимодействия (индивид–индивид, индивид–группа, группа–группа и т.д.) (см. выше главы 1, 4); в) целенаправленно формировать и прогнозировать эффективность взаимовлияния субъектов в зависимости от сложившихся форм состязательности (см. выше главу 5) и от уровня развития отношений совместности (коммунитарно-коллективистских отношений в группе) (см. выше главы 1, 4).

Состязательности свойственна также *формирующая* функция, поскольку, как было выявлено в многочисленных эмпирических исследованиях, осуществленных как различными учеными на протяжении последних ста лет (см. главу 1), так и самим автором (см. главы 4 и 5), свойства состязательности лежат в основе формирования (развития) как индивидуального (развитие личности, личностная адаптированность), так и коллективного (отношения совместности, социально-психологический климат группы) субъекта социального (межличностного) взаимодействия. В частности, именно состязательность находится в основе эффекта фацилитации в совместной деятельности, источника создания новой производительной силы, жизненной энергии, повышения продуктивности и мотивации деятельности (см. выше главы 1, 4, 5). Отдельные виды и подвиды состязательности оказывают, кроме того, особое формирующее влияние. Так, «однобокие» виды состязательности (конкурентность, альтруистичность) формируют«личность невротического типа» (см. выше главу 1, с. 39), конкурентность повышает агрессивные наклонности социального субъекта, конфликтность (см. выше главы 1, 5), межгрупповая конкурентность улучшает внутригрупповые межличностные отношения (см. главу 1), кооперация (сотрудничество) и альтруистичность способствуют

выработке навыков общения, положительной установке на других людей, повышению самооценки, росту аттракции, улучшению групповой атмосферы (см. выше главы 1, 5), а кооперация (сотрудничество) максимизирует продуктивность деятельности, самореализацию личности, развитие социальной общности, улучшение социальных отношений, снижение предрассудков, самоуважение, познавательные, творческие и коммуникативные процессы (см. выше главы 1, 4, 5).

Перечисленные выше функции состязательности можно рассматривать как основные. Помимо них необходимо отметить и ряд дополнительных функций. Так, для состязательности характерна функция *подтверждения,* которая обеспечивает людям возможность познать, утвердить и подтвердить себя. *Трансляционная* функция – через состязательные формы взаимодействия происходит включение субъектов в различные формы деятельности, в процессе чего происходит передача данному субъекту умений, способов деятельности, оценочных критериев, эмоций (см. выше главу 1).

Как отмечалось выше, функциональный аспект анализа включает также развертывание собственных закономерностей функциональной организации состязательности в своем результативном проявлении к становлению различных функциональных качественных образований и связей. Эти функциональные закономерности состязательности проявляются:

а) в динамике развития форм и видов данного феномена на протяжении последних трех десятилетий в современном российском обществе (снижении конкурентных видов состязательности при продолжающемся в целом их доминировании, уменьшении реактивных форм альтруистичности, повышении активного сотрудничества, значительном увеличении активной индивидуалистичности, а в целом – в существенном росте активных форм состязательности);

б) в достаточно ярко выраженной связи видов и подвидов состязательности с метасистемой социальной реальности (состязательность выступает одной из ведущих детерминант группового структурирования и одним из наиболее

точных и надежных индикаторов уровня развития отношений совместности: на низшей стадии развития отношений совместности преобладает такой вид состязательности, как конкурентность, на среднем уровне развития отношений совместности доминирует такой вид состязательности, как альтруистичность, на высшей стадии развития отношений совместности превалирует такой вид состязательности, как сотрудничество), метасистемой деятельности (активные формы состязательности имеют более сильный положительный эффект для результативности деятельности, по сравнению с влиянием аналогичных пассивных видов состязательности, активное сотрудничество отличается наиболее сильным оптимизирующим и однозначным положительным влиянием), метасистемой личности (активные формы состязательности и здесь имеют более сильный положительный эффект для личности по сравнению с влиянием аналогичных пассивных видов состязательности; при этом активное сотрудничество наиболее сильно положительно влияет на состояние личности, а наиболее негативные последствия для личности характерны для такого подвида состязательности как реактивная индивидуалистичность) (см. выше глава 5).

Но наиболее ярко функциональный аспект анализа данного феномена проявляется в формировании особенностей личностных качеств субъекта состязательности. В частности, в наших исследованиях были выявлены следующие своеобразные симптомокомлексы "состязательной личности".

Так «конкурентная личность» отличается более высокими показателями «мотивация (индивидуального) достижения», «доминирования», «агрессивности», «готовности к риску», «соперничества», «направленности на себя», «активности», «уровня притязаний», «продуктивности (результативности) деятельности», «стремления (мотивации) к успеху», «выносливости или стойкости в достижении целей», «раздражительности», «общительности», «уравновешенности» и низкими оценками уровня «самопознания», «принятия авторитетов», «принятия и оказания опеки», «подчинения», «застенчивости», «мотива избежания неудачи», «маскулинности». Кроме того, необходимо отметить отличительные социальными черты «конкурентной личности», ее социальный порт-

рет. «Конкурентная личность» чаще встречается у работников организаций государственной собственности (в сравнении с другими формами собственности), у женщин (в сравнении с мужчинами), у молодежи (в сравнении с более возрастными группами), у работников с общим средним образованием (в сравнении с более высоким образованием), у респондентов с неблагоприятным семейным положением (разведенных, неполные семьи и т.п.), при преобладании таких жизненных ценностей как «карьера» и «личные деловые качества», у респондентов с радикальными формами политической активности. Реже всего свойства конкурентной личности встречаются у работников организаций с акционернай формой собственности, в профессиональных группах специалистов или руководителей, при преобладании у субъекта ориентации на работу или профессию, предпочтении традиционных легитимных форм политической активности.

Личность, ориентированная на «сотрудничество», имеет положительную связь с показателями «активность», «мотивация достижения», «направленность на общение и на дело», «аффилиация», «выносливость в достижении целей», «рациональность», «самопознание», «оказание опеки», «коллективистское самоопределение», «результативность деятельности», «оптимально-высокий уровень притязаний», «уравновешенность», «маскулинность» и отрицательную связь – с «импульсивностью», «склонностью к риску», «агрессией», «доминированием», «невротичностью», «раздражительностью», «реактивной агрессивностью». Социальный портрет субъекта с ориентацией на «сотрудничество» отличает: принадлежность к организации с акционерной формой собственности, участие в управлении своей организацией, принадлежность к социальной группе мужчин, специалистов или руководителей с высшим образованием, ценностные ориентации на «работу, профессию», «культуру, воспитание», «личные деловые качества», «на свои собственные силы (а не на помощь государства)», использование легитимных форм политической активности и отрицание радикальных форм политической активности.

«Альтруистическую личность» отличают более высокие показатели «почтения» («принятия авторитетов»), «аффилиации», «подчинения», «оказания опе-

ки», «самопознания», «направленности на общение», «приспособления», «конформности», «маскулинности», средненизкий «уровень притязания» и низкие оценки «доминирования», «мотивации достижения», «агрессивности», «автономии», «невротичности», «раздражительности», «реактивной агрессивности», «раздражительности». Также «альтруистический» тип личности чаще встречается у субъектов работающих в организациях с акционерной формой собственности, участвующих в управлении своей организацией, мужчин старшего возраста со средним общим или высшим образованием служащих или руководителей, с преобладанием ценностных ориентаций на «работу, профессию» или «карьеру», предпочитающих легитимные формы политической активности. Реже всего «альтруистический» тип личности наблюдается у работников организаций государственной формы собственности, рабочих молодого возраста (до 30 лет) с низкой политическая активностью.

«Индивидуалистически ориентированная личность» характеризуется более высокой «автономией», «чувством виновности», «избеганием», «направленностью на дело», «мотивацией избегания неудачи», «ориентацией на личностные ценности», «толерантностью к новому (радикализмом)» и низкими показателями «результативности совместной (производственной) деятельности», «доминирования», «принятия и оказания опеки», «подчинения», «спонтанной агрессивности», «потребности в достижении». «Индивидуалистически ориентированную личность» также отличают следующие социальные характеристики: работа в организациях с государственной формой собственности, неопределенная позиция участия в управлении (по месту деятельности), принадлежность к группе женщин-рабочих со средним общим образованием, повышенная ориентация «на помощь государства нуждающимся», аполитичность, отрицание радикальных форм политической активности (см. выше глава 3).

Кроме того, функциональный аспект анализа связан с решением вопроса о том, как и по каким закономерностям и на основе каких механизмов функционирует данный феномен.

В основе функциональной организации состязательности как специфической системы со встроенным метасистемным уровнем лежит взаимодействие двух качественно различных форм репрезентации ее содержания – актуальной и потенциальной, а также их взаимообратимые переводы и трансформации в условиях конкретной интеракции [56, с.531–560]. Такими формами выступают отдельный вид (или подвид) состязательности и метасистемная форма состязательного взаимодействия. Это означает, что в конкретном акте состязательности функционирование систем со встроенным метасистемным уровнем не сводится лишь к тем компонентам, которые реально (актуально) вовлечены в него. Всегда имеет место «нечто», что скрыто и образует фон, потенциальную форму состязательности. Но для того, чтобы компонентный состав системы сохранялся в ней, не будучи вовлеченным в ее актуальное содержание, нужны соответствующие механизмы. Данная закономерность функциональной организации систем со встроенным метасистемным уровнем представлена по отношению к состязательности в существовании и взаимодействии двух форм, двух способов организации состязательного взаимодействия – актуального вида (подвида) состязательности и состязательности как формы социальной реальности, социального взаимодействия (соактивности), состояния субъекта. Реально (актуально) ее содержание репрезентируется как конкретный вид или подвид состязательности, составляющий лишь незначительную часть всего состязательного социума, состязательного взаимодействия, состязательного состояния субъекта. То есть, реально (актуально) состязательность всегда представлена и субъективно репрезентируется в соответствии с принципом конечности ресурсов системы и дана как конкретный вид (как часть) состязательности. Потенциально же состязательность как социально-психологический феномен значительно богаче. И это потенциальное содержание данного феномена всегда открыто для доступа и в любой момент может быть переведено в ту или иную актуальную форму (вид) состязательности. Другими словами, сам механизм взаимообратимого перевода по линии этих двух форм состояния состязательности может быть представлен как уникальный способ, позволяющий любому компоненту

системы (состязательности) и быть и не быть в ее составе одновременно. Этот же механизм выступает ведущим условием, позволяющим включить в систему с ограниченными собственными ресурсами (конкретном проявлении вида состязательности) практически безграничное содержание репрезентаций социальной реальности, социальных и межличностных интеракций, личностных состояний, с которыми эта система взаимодействует. Отметим также, что в соответствии с этим механизмом само "бытие" или "небытие" какого-либо компонента системы (включающей различные этапы развертывания состязательности: от потенциального через реактивный к активному) не является абсолютным, оно относительно вдоль оси времени – то, чего нет сейчас, может быть в иной интервал времени, и наоборот [56]. Также нужно отметить, что латентное (потенциальное) содержание состязательности всегда намного богаче и шире по сравнению с ее актуальным содержанием. Это латентное содержание феномена состязательности сохраняет свое существование в какой-то иной форме, а затем – при необходимости воспроизводится. То есть системы со встроенным метасистемным уровнем – это всегда системы, предполагающие в качестве обязательного механизм фиксации и сохранения информации обо всех своих компонентах, это обязательно "системы с памятью" [56, с.541-560]. При этом, если сам механизм обратимого перевода двух основных форм существования состязательности атрибутивно включает в себя "временную координату" и предполагает саму временную обратимость как необходимое операционное средство, то этот механизм фактически оказывается источником возникновения собственного внутреннего времени систем. Вследствие этого становится возможной более успешная адаптация к параметру времени и даже управление им. Можно сказать, что системы со встроенным метасистемным уровнем не только функционируют во времени, но и порождают свое собственное время, которое является средством репрезентации "объективного времени", способом включения "временной координаты" реальности в функциональную организацию состязательности. Тем самым состязательность приобретает способность распределять свой функциональный ресурс вдоль "оси времени", осуществлять его времен-

ное структурирование, что, во многом обеспечивает более высокую организованность и структурированность системы, повышает ее продуктивность. Это подтверждается результатами наших исследований состязательности как одного из главных источников развития отношений совместности (вследствие заложенного в ней внутреннего противоречия), и одного из наиболее точных и надежных индикаторов уровня развития этих социальных общностей (отношений совместности) (см. выше глава 4), установленным дифференцирующим эффектом различных видов и подвидов состязательности для продуктивности совместной деятельности, межличностных отношений, развития личности, который во многом объясняется их внуренними структурными и функциональными (временными) особенностями, в том числе – степенью реализации (всех или частичных) сущностных свойств субъекта состязательности и уровнем их интенсивности (см. выше Глава 5).

Таким образом, состязательность как система со встроенными метасистемными уровнями оказывается в состоянии использовать в качестве механизма своей функциональной организации не только структурно-содержательную, но и особый тип системности – временную системность.

6.6. ГЕНЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КОНЦЕПЦИИ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ

В общей структуре проблемы генезиса состязательности можно и необходимо дифференцировать две важные и относительно самостоятельные стороны. Одна из них связана с проблемой детерминант и оснований возникновения и развития феномена состязательности в плане филогенетической эволюции. Другая сторона связана с выявлением и объяснением закономерностей и факторов формирования состязательности в аспекте его онтогенетической эволюции. Необходимо также учитывать, что эти эволюционные планы анализа, несмотря на свою специфичность, объективно взаимосвязаны. Поэтому есть основания предполагать, что состязательность в ходе своего онтогенетического развития во многом копирует филогенетическое развитие. Следовательно, адекватное понимание и объяснение онтогенеза состязательности возможны лишь на осно-

ве раскрытия закономерностей ее филогенеза. В связи с этим необходимо хотя бы в общих чертах кратко рассмотреть те основания, в силу которых состязательность возникает и эволюционирует как система со встроенным метасистемным уровнем [56]. Обращаясь к рассмотрению филогенетической стороны проблемы состязательности, необходимо учитывать сложность, комплексность и трудность данной задачи, так как в ней взаимосвязаны и переплетены многочисленные линии генетического развития, детерминанты и закономерности общеэволюционного плана, а сам анализ выходит за рамки собственно социально-психологической проблематики, включая элементы междисциплинарного и культурно-исторического плана. При этом необходимо отметить, что «потенциал действия» любой системы, ее функциональные возможности накладывают значительные ограничения на актуальную реализацию всего ее содержания, то есть актуальное функционирование состязательности чаще всего не пропорционально ее истинному потенциалу, поскольку в каждый конкретный момент времени материальные, личностные, социальные и другие ограничения состязательности обладают меньшим и ограниченным диапазоном и филогенетического и онтогенетического развития. Развертывание отмеченного противоречия приводит к тому, что эволюция живых систем в целом и видов состязательности в частности приводит к становлению и развитию особого способа их функционирования, принципа их функциональной организации, обозначенного А.В. Карповым как функционально-системный принцип: «В каждый конкретный момент времени, то есть актуально, система взаимодействует со средой не во всей полноте своего содержания, а лишь в определенной его части, которая не выходит за пределы ее функциональных ограничений. Как необходимое следствие данного принципа, все содержание систем объективно дифференцируется на две формы – актуальную и потенциальную» [56, с.700–704]. Обретая потенциальную форму, состязательные виды взаимодействия получают возможность одновременно и «быть», и «не быть» в системе, в ее актуальном взаимодействии со средой. Тем самым она, сохраняясь, никак не нарушает присущие системе ее объективные ограничения функционального, ресурсного пла-

на. Кроме того, как отмечает А.В. Карпов, система распределяет свой функциональный ресурс вдоль «оси времени»: она делает результаты каждого предыдущего «акта» функционирования содержательными посылками для всех последующих «актов» и тем самым повышает свои функциональные возможности. Все это достигается за счет того, что внутри системы складывается и эволюционирует «функциональный орган», позволяющий, не нарушая объективных ограничений, получать тот или иной актуальный результат, который, в свою очередь, используется ею для последующего функционирования [56, с.663–698]. По отношению к состязательности отмеченная дифференциация потенциальной и актуальной ее форм представляется в функциональной дифференциации двух основных тенденций, присущих состязательности, и поэтому лежит в основе становления и функционирования состязательных видов взаимодействия. Филогенетический анализ состязательности способствует пониманию и объяснению закономерностей генезиса и структурно-функциональной организации данного феномена. Помимо этого те закономерности, которые отмечены в филогенетическом анализе, во многом воспроизводятся в процессе онтогенетического развития состязательности (хотя и в значительно трансформированном виде). При этом сохраняется общий принцип эволюционного развития, заключающийся в формировании состязательности как системы со встроенными метасистемными уровнями.

Рассмотрим подробнее филогенетический и онтогенетический аспекты развития состязательности. Краткий анализ исторического развития форм совместности и состязательности (см. выше главы 1 и 4) показывает, что человек возник не просто благодаря труду, а благодаря *совместной деятельности* с другими людьми, так как в совместной деятельности возникает «новая сила», и индивид получает те «преимущества», которые позволяют ему не только выжить, но и развиваться. Одной из основных причин возникновения этой «новой силы» в процессе совместной деятельности (то есть причиной активности индивида) являются отношения состязания между субъектами. Первая форма этих отношений – примитивная состязательность («альтруистичность»), в которой

получает развитие, в силу, прежде всего, объективных условий существования человека и особенностей его развития, лишь одна тенденция, присущая субъекту, – тенденция к интеграции с себе подобными. Развитие тенденции к обособлению в этот период привело бы к гибели человека из-за его слабости. В этих же условиях и во многом благодаря примитивной форме состязательности (подчинение общему интересу, альтруистичности) формируется и развивается «естественная (примитивная, грубая) коллективность». По своей сущности (полное доминирование тенденции к объединению в человеке) примитивная форма состязательности полностью соответствует «естественной (грубой) коллективности» и поэтому способствует развитию последней.

Повышение производительности труда, появление излишков, частной собственности и социального разделения труда вызывают развитие в индивиде тенденции к обособлению (выделению себя), что влечет за собой появление новой формы состязательности – конкурентности. Превращение состязательности в форму конкурентности одновременно сопровождается процессом разложения естественного (грубого) коллектива и развития индивидуализма и эгоизма («мнимой коллективности», обособления) (см. выше главы 1, 4).

Дальнейший прогресс производства и общества создает экономические и социальные условия для диалектического развития обеих тенденций, свойственных человеку, то есть для развития отношений конструктивного сотрудничества. Кооперация (сотрудничество) – это одновременное активное проявление двух противоречивых тенденций в субъекте, что по своему содержанию более всего соответствует природе личности и поэтому в наибольшей степени обеспечивает ее всестороннее развитие, которое личность получает в наиболее развитой форме группового существования («подлинном коллективе») и через него.

Таким образом, краткий анализ развития форм совместности и состязательности позволяет предположить, что состязательность выступает одним из обязательных и естественных внутренних источников формирования определенных качеств совместности (а сотрудничество, или кооперация, как

одна из сторон состязательности – коллективообразующим показателем), так как является одним из внутренних противоречий совместности, одним из основных источников сверхнормативной активности, развития личности и группы. Как известно, именно противоречие и самопротиворечие являются всеобщей и обязательной основой развития любого явления природы и общества, состязательность же – это постоянная борьба двух противоположных тенденций в человеке: тенденции к интеграции и тенденции к обособлению.

Результаты наших исследований (см. выше главу 3) свидетельствуют о том, что развитие состязательных форм соактивности в естественных условиях совместной деятельности в современной России на протяжении почти 30 лет выражается в следующих тенденциях:

– преобладание в современном российском обществе конкурентных форм состязательного взаимодействия;

– уменьшение конкурентных видов состязательного взаимодействия, особенно его пассивных форм (в первую очередь, потенциальной и реактивной конкурентности);

– сокращение альтруистичности, прежде всего – уменьшение реактивных форм альтруистичности;

– постоянный, хотя и медленный, рост такого вида состязательности, как активное сотрудничество (как основная тенденция прогрессивного развития состязательных форм социально-психологической активности);

– достаточно резкое увеличение активной индивидуалистичности (что естественно для любого переходного периода, для этапа переструктурирования социальных и межличностных отношений);

– значительное увеличение активных форм состязательности.

Причем необходимо отметить, что результаты этих исследований в значительной степени уточняют и конкретизируют тенденции развития состязательного взаимодействия в современном российском обществе, выяв-

ленные другими исследователями (Я. Рейковски [158], Г.Э. Белицкой [8] и др.).

Формирование того или иного вида состязательности в онтогенезе зависит от целого ряда личностных и ситуационных детерминант (факторов макро- и микросреды), а переход от одного вида состязательности к другому всегда протекает в форме диалектического отрицания и является относительно длительным процессом (единство непрерывности и прерывности социального процесса, или «эффект единства прерывности и взаимности в состязательных отношениях» J. Rabbie), при этом отрицаемое всегда входит в снятом и преобразованном виде в отрицающее (сохранение непрерывности в прерывном) (см. выше главы 1, 3). Осуществленный анализ влияния различных факторов (см. выше главу 3) позволяет в определенной степени уточнить систему основных детерминант каждого из видов состязательности. В частности, *конкурентность* наиболее интенсивно формируется и развивается у работников организаций государственной собственности (в сравнении с другими формами собственности), у женщин (в сравнении с мужчинами), у молодежи (в сравнении с более возрастными группами), у работников с общим средним образованием (в сравнении с более высоким образованием), у респондентов с неблагоприятным семейным положением (разведенных, из неполных семей и т.п.), при преобладании таких жизненных ценностей, как «карьера» и «личные деловые качества», у респондентов с радикальными формами политической активности и такими свойствами личности, как высокая «раздражительность», высокая «общительность», высокий уровень «уравновешенности», отсутствие «застенчивости», высокий уровень «потребности в достижении». Негативно влияют на развитие конкурентности акционерная форма собственности, профессиональная принадлежность к группе специалистов или руководителей, преобладание ориентации на работу или профессию, традиционные легитимные формы политической активности и такое свойство личности, как «маскулинность».

На формирование *индивидуалистичности* положительное воздействие оказывают: государственная собственность, неопределенная позиция участия в управлении (по месту деятельности), принадлежность к группе женщин-рабочих со средним общим образованием, повышенная ориентация «на помощь государства нуждающимся», аполитичность, низкий уровень «спонтанной агрессивности». Негативно влияют на развитие индивидуалистичности: принадлежность к профессиональной группе специалистов или руководителей, радикальные формы политической активности, высокий уровень «потребности в достижении».

Для *альтруистичности* положительный эффект имеют: акционерная форма собственности, участие в управлении, принадлежность к группе мужчин старшего возраста со средним общим или высшим образованием, служащих или руководителей, преобладание ориентаций на «работу, профессию» или «карьеру», легитимные формы политической активности, ярко выраженная «маскулинность», низкий уровень «невротичности» и «раздражительности». Негативно влияют на формирование альтруистичности: государственная форма собственности, молодой возраст (до 30 лет), принадлежность к профессиональной группе рабочих, политическая пассивность, некоторые свойства личности (высокая «реактивная агрессивность», «раздражительность», «общительность»).

На развитие *конструктивного сотрудничества* положительно влияют: акционерная форма собственности, участие в управлении своей организации, принадлежность к социальной группе мужчин, специалистов или руководителей с высшим образованием, ориентация на «работу, профессию», «культуру, воспитание», «личные деловые качества», расчет «на свои собственные силы (а не на помощь государства)», легитимные формы политической активности, высокий уровень таких свойств личности, как «уравновешенность», «маскулинность», «потребность в достижении», низкий уровень «невротичности», «раздражительности». Негативное воздействие на формирование сотрудничества оказывают следующие факторы: государственная форма собственности,

принадлежность к профессиональной группе служащих, радикальные формы политической активности, высокий уровень «реактивной агрессивности», «общительности».

Анализ развития состязательности в различных социальных группах (в частности, в социально-профессиональных группах рабочих, служащих, специалистов, руководителей, учителей) позволяет сделать вывод о том, что состязательность можно рассматривать в качестве значимого и достаточно чувствительного к влиянию различных детерминант дифференцирующего критерия внутригруппового структурирования. Причем необходимо отметить, что наиболее существенное влияние на формирование состязательности оказывают такие объективные и субъективные факторы, как состояние широкого социального окружения на уровне общества в целом, форма собственности, социально-профессиональный статус (содержание труда, профессия), уровень образования, включенность во властные отношения (участие в управлении, политическая активность и т.п.), ценностные ориентации субъектов, свойства личности и некоторые другие.

В целом приведенные факты (см. выше главу 3) свидетельствуют о динамике особенностей состязательных форм взаимодействия, характерных для современного российского общества на протяжении последних трех десятилетий, а также подтверждают выдвинутое выше предположение о том, что те закономерности, которые были отмечены в филогенетическом анализе развития состязательности, во многом воспроизводятся в процессе онтогенетического развития состязательности (хотя и в определенном трансформированном и конкретизированном виде), тем самым удостоверяя общий принцип эволюционного развития, заключающийся в формировании состязательности как системы со встроенными метасистемными уровнями.

6.7. ИНТЕГРАТИВНЫЙ АСПЕКТ КОНЦЕПЦИИ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ

Интегративный аспект анализа состязательности, осуществленный на основе структурно-уровневого подхода, подразумевает не только выявление наи-

более обобщенных, системных качеств данного феномена, но и направлен на концептуальное обобщение данных, полученных на предыдущих этапах исследования [56, с.946-949]. Кроме того, при таком подходе состязательность рассматривается как многоуровневая иерархически организованная система, где у каждого из структурных уровней имеется своя качественная определенность. То есть, различия уровней – это и различия качественных определенностей. Таким образом, между пятью выделенными ранее структурными уровнями организации состязательности и основными категориями качеств существует закономерное соответствие. Метасистемный уровень структурной организации состязательности соотносится с категорией метасистемных качеств, а точнее – качествами состязательных форм социальной общности, совместности (конкурентной, кооперативной, альтруистической и т.д.), качествами состязательных подструктур социума (индивидуалистической, коллективистско-коммюнитарной, агрессивной, мирной и т.д.), качествами видов социального партнерства (сотрудничества, конкуренции, альтруизма и др.), общесистемный уровень – с категорией системных качеств (качествами состязательного взаимодействия и состязательной соактивности в виде деятельностных, поведенческих форм состязательности, включающих в себя организацию взаимных действий, направленных на реализацию совместной деятельности, достижение определенной цели, воздействие различных субъектов друг на друга, взаимную обусловленность, изменение состояния субъектов, осмысленность, мотивированность взаимодействия в целом, так и «готовность помериться силами с другими людьми в определенных видах деятельности для того, чтобы улучшить личные и коллективные достижения», направленность изменения его активности и качества взаимосвязанности с другими субъектами, интенсификацию своих основных характеристик и др.), субсистемный уровень – с категорией функциональных качеств, являющихся следствием мультиплицирования, встраивания метасистем социальной реальности, деятельности, личности в одну из важнейших своих систем – состязательность (предсталенных качествами основных форм состязательности: конкурентностью, индивидуалистичностью, альтруи-

стичностью, сотрудничеством), компонентный уровень – с категорией материальных (субстанциональных) качеств (качествами подвидов состязательности), элементный уровень – с категорией виртуальных качеств (качествами направленности и интенсификации психических состязательных свойств, процессов и состояний). Выявленные для каждого из уровней структурной организации состязательности категории качеств закономерно обусловлены их природой, составляют их неотъемлемую часть, и в силу этого образуют их качественную определенность. Поэтому, каждая, соответствующая определенному структурному уровню, категория качеств представляет собой действенное эвристическое средство для раскрытия психологического содержания состязательности. И аналогично тому, как структурные уровни организации состязательности характеризуются закономерными межуровневыми взаимодействиями и взаимопереходами, категории качеств состязательности обнаружили подобную же закономерную упорядоченность, основанную на иерархической организации самих уровней. Что, в свою очередь, указывает на онтологическую взаимосвязь данных категорий качеств состязательности.

Также, осуществленный анализ, выявивший определенное соответствие категорий качеств состязательности определенным структурным уровням организации данного феномена, свидетельствует, с одной стороны, об обоснованности дифференцирования структурных уровней, с другой, – о степени полноты выделенных категорий качеств состязательности. Таким образом, можно сделать вывод, что основной предмет исследования – состязательность, благодаря использованию методологии качественного анализа как основы для системного изучения данного феномена, раскрывается в своих важнейших интегративных характеристиках, в базовых типах качеств, которые составляют качественную определенность состязательности, ее реальное содержание.

Кроме того необходимо отметить, что интегрирующая функция состязательных форм взаимодействия как составной части социальных и социально-психологических феноменов является важнейшей характеристикой субъектов этого взаимодействия. Она состоит в организации в целостность внутренних

условий и их соотнесение с внешними условиями состязательных форм социальной реальности, деятельности (соактивности) в субъект-субъектных отношениях. Заложенное в состязательности противоречивое единство двух тенденций (к выделению себя и к интеграции с другими) выступает одним из универсальных средств объединения людей на основе оптимизации их взаимопонимания. Это подтверждается результатами эмпирических исследований взаимосвязи состязательных видов взаимодействия с уровнем развития отношений совместности в малых социальных группах (см. главу 3). Как отмечалось выше, на низшей стадии развития отношений совместности (стадии несформировавшихся межличностных отношений) преобладает такой вид состязательности как конкурентность, на среднем уровне развития отношений совместности доминирует такой вид состязательности как альтруистичность, на высшей стадии развития отношений совместности (в высоко сплоченной группе) преобладает такой вид состязательности как сотрудничество. Более высокий уровень развития отношений совместности обусловливается, прежде всего, более высокой целостностью функционирования субъектов такого вида состязательности как сотрудничество, то есть более полным вовлечением сущностных свойств субъекта состязательности – одновременным максимальным вовлечением не одной, а обеих тенденций, присущих субъекту сотрудничества. Таким образом, внутреннее противоречие состязательности, имеющее постоянную асимметрию, выступает в качестве одного из основных источников саморазвития отношений совместности, то есть выполняет интегрирующую функцию в реальных производственных условиях.

Также необходимо отметить, что описанную ранее адаптационную функцию состязательности можно рассматривать как интегральную, так как состязательность во многом обеспечивает оптимизацию и успешность практически всех сторон жизнедеятельности субъекта: трудовой деятельности, межличностных отношений, личностной адаптированности (см. выше главы 1, 2, 5).

Еще одним проявлением интегративного аспекта состязательности выступает синтетическая функция разрабатываемой концепции состязательности

(функция объединения отдельных достоверных знаний в единую, целостную систему). Предложенные выше теоретические положения концепции состязательности можно использовать и в качестве методологической основы для анализа, систематизации и объяснения накопленного на протяжении нескольких столетий теоретического и эмпирического материала (нередко противоречивого) исследования различных видов состязательности: трудового состязания, соревнования, соперничества, состязания, конкуренции, враждебности (конкурентности), социального конфликта, кооперации (сотрудничества), социалистического соревнования и др. (см. Гл. 1).

Кроме того, состязательность нами рассматривается как система со встроенными метасистемными уровнями. С позиций такого подхода состязательность, являясь системой, включенной в более общие и широкие (онтологически представленные и объективно существующие) метасистемы социальной реальности, деятельности, личности, в своем содержании и структурно-функциональной организации мультиплицирует (в определенным смысле – включает в себя) эти метасистемы. Тем самым эти метасистемы (социальной реальности, деятельности, личности), оставаясь таковыми по отношению к состязательности, встраиваются в систему состязательности, становятся ее внутренними составляющими, образуют ее собственное содержание. Более того, сама психологическая природа состязательности такова, что она должна быть «пустой» (и является таковой, о чем косвенно свидетельствуют огромные трудности в фиксации ее характеристик исследователями данного явления), но именно в силу этого допускать свое постоянное наполнение тем или иным содержанием. То есть, сама состязательность (конкретная ее форма) всякий раз создается, наполняется тем содержанием, которое уже представлено в социальной реальности, деятельности, личности. Можно сказать, что состязательность не просто является системой со встроенными метасистемными уровнями, но только такой и может быть, так как она всегда конституируется как встраивание определенного содержания, уже имеющегося в социальной реальности, деятельности, личности, в собственное содержание состязательности. То есть

состязательность можно представить как полисистемный «функциональный орган», включенный (включающий) в метасисиемы социальной реальности, деятельности, личности. Таким образом, метасистемный подход к анализу состязательности позволяет устранить «размытость» представлений о сущности состязательности, наполнить ее содержательными и процессуальными характеристиками. Это означает, что в состязательности оказываются представленными основные, хотя и специфические (состязательные), как результативные, итоговые параметры социальной реальности, деятельности, личности, так и их процессуальные средства. Более того, состязательность можно и нужно рассматривать как своеобразную «распределенную» или «наложенную» систему, когда свойства, присущие встроенным в состязательность метасистемам распределяют свои характеристики на состязательность и тем самым образуют ее сущность и позволяют «ухватить» ее содержательную природу (сущность), но, в свою очередь, и состязательность «накладывается» на встроенные в нее метасистемы, преобразуя уже их параметры.

В качестве интегративных эффектов состязательности выступают своеобразные типы «состязательной личности». «Состязательную личность» для удобства анализа можно представить в виде трехмерной пространственной модели (Ю. Козелецкий, 1979), ведущими параметрами (плоскостями) которой выступают такие личностные свойства как доминирование, мотивация достижения (активность), независимость. То есть, другими словами, как установлено в наших исследованиях (см. главу 2), состязательная личность во многом характеризуется, во-первых, той или иной степенью доминирования-подчинения в процессе взаимодействия. Во-вторых, ей присуща та или иная степень независимости или конформности. В-третьих, для нее характерна определенная степень активновности в виде мотивации достижения или показателей успеха. Взяв за основу данную модель пространства личности, можно дать следующую классификацию интегративных типов состязательной личности (рисунок 8). Каждый тип состязательной личности можно представить как точку в пространстве трехмерной модели, то есть как упорядоченную тройку чисел (X,

Y, Z). Отдельные числа X, Y, Z представляют собой координаты точки (X, Y, Z) и означают: степень независимости-конформности (X), степень доминирования-подчинения (Y) и степень мотивации достижения, активности (Z) каждого конкретного субъекта состязательного взаимодействия. Для наглядности рассматриваемой классификации каждый тип состязательной личности изображен в виде вершины куба. В частности, вершины 1, 2, 3, 4 – это «мотивационно-доминантные» типы состязательной личности, в поведении которых ослаблены (или практически отсутствуют) нормативные детерминанты, а субъекты состязательных отношений руководствуются в первую очередь мотивацией достижения и/или установкой на доминирование-подчинение. Эти мотивационно-доминантные типы состязательной лично-

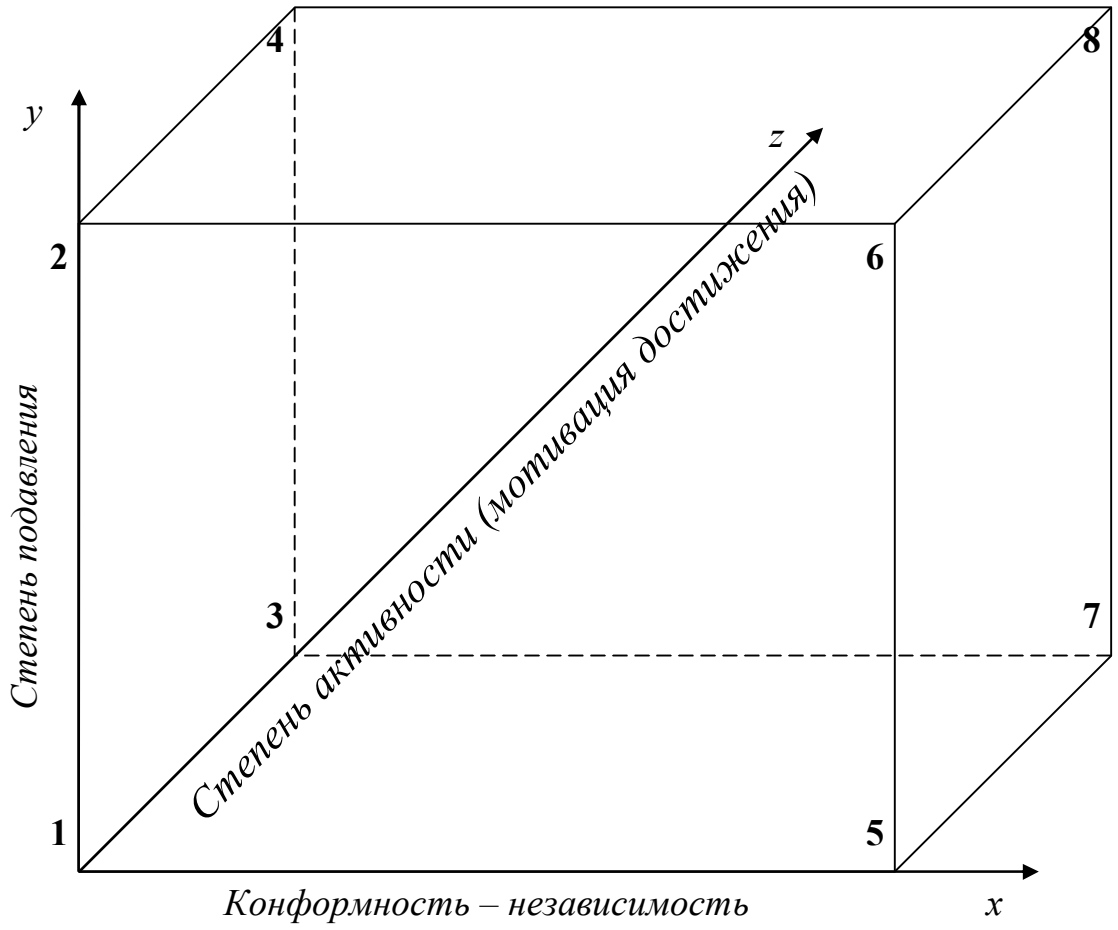

Рисунок 8. Трехмерная модель состязательной личности

сти могут приобретать «конформно-подчиняющийся» вид (вершина 1), «конформно-доминантный» вид (вершина 2), «подчиненно-успешный» вид (вершина 3), «доминантно-успешный» вид (вершина 4). Вершина 5 представляет относительно редко встречающийся, вследствие своей внутренней противоречивости, «незасисимо-подчиняющийся» тип состязательной личности. «Независимо-доминантный» тип состязательной личности обозначен вершиной 6. Вершина 7 – это «успешный с элементами незасисимости и подчинения» тип состязательной личности, вершина 8 – «успешный с элементами незасисимости и доминирования» тип состязательной личности. Все эти типы состязательной личности постоянно фиксировались в ходе многочисленных исследований на протяжении последних трех десятилетий (см. главы 2 и 3). Также в этих исследованиях были выявлены своеобразные симптомокомплексы личностных качеств каждого из выделенных типов состязательной личности. Так «конформно-подчиняющемуся» типу состязательной личности в большей степени свойственны: высокий уровень "невротичности" и "застенчивости"; средний уровень "спонтанной агрессивности", "общительности", "уравновешенности"; низкий уровень "реактивной агрессивности", "раздражительности", "маскулинности", "притязаний", "потребности в достижении"; направленность на общение. "Конформно-доминантный" тип состязательной личности отличается следующими свойствами личности: высоким уровнем "раздражительности"; средним уровнем "реактивной агрессивности", "спонтанной агрессивности", "общительности", "уравновешенности", "маскулинности", "застенчивости", "притязаний", "направленности на общение"; низким уровнем "потребности в достижении". "Подчиненно-успешному " типу состязательной личности характерны: средний уровень "невротичности", "застенчивости", "общительности", "уравновешенности", "потребности в достижении", "притязаний"; низкий уровень "спонтанной агрессивности", "реактивной агрессивности", "раздражительности", "маскулинности"; направленность на общение. "Доминантно-успешный" тип состязательной личности отличается следующими

свойствами личности: высоким уровнем "реактивной агрессивности", "общительности", "уравновешенности", "маскулинности", "потребности в достижении", "притязаний"; средним уровнем "раздражительности"; низким уровнем "невротичности", "спонтанной агрессивности", "застенчивости"; "направленностью на себя"."Независимо-подчиняющемуся" типу состязательной личности свойственны: высокий уровень "невротичности", "спонтанной агрессивности", "застенчивости"; низкий уровень "реактивной агрессивности", "раздражительности", "общительности", "уравновешенности", "маскулинности", "притязаний", "потребности в достижении"; направленность на дело. "Независимо-доминантный" тип состязательной личности выделяется следующими свойствами личности: высоким уровнем "раздражительности"; средним уровнем "невротичности", "реактивной агрессивности", "спонтанной агрессивности", "маскулинности", "застенчивости", "притязаний", "направленности на дело"; низким уровнем "общительности", "уравновешенности", "потребности в достижении". "Успешному с элементами незасисимости и подчинения" типу состязательной личности свойственны: высокий уровень "уравновешенности"; средний уровень "невротичности", "маскулинности", "застенчивости", "потребности в достижении", "притязаний"; низкий уровень "спонтанной агрессивности", "реактивной агрессивности", "раздражительности", "общительности"; направленность на дело и общение. "Успешный с элементами незасисимости и доминирования" тип состязательной личности выделяется: высоким уровнем "реактивной агрессивности", "общительности", "уравновешенности", "маскулинности", "потребности в достижении", "притязаний"; средним уровнем "раздражительности"; низким уровнем "невротичности", "застенчивости", "спонтанной агрессивности"; направленностью на дело и на себя (см. гл. 3).

Подводя итоги можно сделать заключение, что разработанная социально-психологическая концепция состязательности является структурно-композиционной, так как в ней феномен состязательности рассматривается как явление целостностное, с четкой организованностью, структурированностью,

согласованностью, логической связанностью на всех уровнях, композиционной цельностью, нерасчленимым единством его формы и содержания. Почему остановились именно на этом термине - структурно-композиционная концепция? Многие термины оказались заняты, семантически нагружены (например - интегральная). Поэтому предлагается в качестве рабочего обозначения концепции состязательности относительно нейтральный, но, в то же время, релевантный термин - структурно-композиционная, как синоним целостного, структурированного охвата данного явления. Разработанная же структурно-композиционная концепция состязательности как формы соактивности, отличается от предшествующей традиционной дихотомической (конкурентно-кооперативной) схемы анализа состязательности выделением более полного набора параметров состязательности, поддающихся измерению (сотрудничество, конкурентность, индивидуалистичность, альтруистичность), объемностью, развернутостью, более высокой дифференцированностью, и раскрывает социально-психологическую основу изменения активности субъектов совместной деятельности, социального взаимодействия и качественного своеобразия развития социальной общности и личности. Это значительно расширяет традиционные рамки социально-психологического анализа состязательности, соактивности людей, развития социальной группы (формирования отношений совместности). Кроме того, предлагаемая структурно-композиционная концепция состязательности способствует становлению социально-психологической концепции состязательности в качестве теории среднего ранга, что вносит определенный вклад в развитие теории социального взаимодействия, расширяя понимание особенностей формирования социально-психологической активности субъектов, углубляя представление о механизмах формирования и развития отношений совместности. Результаты исследования способствуют уточнению понятий конкурентность, сотрудничество, соревновательность, коллективность (совместность), эффекты отношений сотрудничества-конкурентности. Разработанная структурно-композиционная концепция состязательности открывает возможность для становления и развития нового научного направления – изучение формирования,

функционирования и оптимизации в обществе состязательности и отдельных ее видов как форм социально-психологической активности.

Предлагаемая структурно-композиционная концепция состязательности может быть использована в качестве психологической основы для оптимизации процесса регулирования развития той или иной социальной общности, социального взаимодействия на всех уровнях (от межличностного до межгосударственного) и во всех сферах совместной деятельности. Результаты исследования могут иметь практическое значение для самого широкого спектра экономических, социальных и социально-психологических процессов, так как состязательность выступает как одним из основных непосредственных источников повышения эффективности деятельности субъектов, так и оказывает существенное опосредующее влияние на совместную деятельности в качестве одного из главных индикаторов развития отношений совместности. Учет специфики каждого из видов состязательности позволит более точно и дифференцированно подойти к проблеме совершенствования организации совместной деятельности на разных уровнях. Использование состязательности как критерия определения уровня развития отношений совместности в различных социальных группах может представлять собой основу оптимизации процесса управления и руководства ими. Знание и учет особенностей различных видов состязательности облегчит осознанный выбор наиболее подходящего для конкретных условий совместной деятельности вида состязательности.

Полученные данные можно использовать в практике консультативной работы в организации, в том числе по проблемам управления трудовой и инновационной деятельностью с органами государственного управления, научно-техническими и производственными организациями, государственными и частными корпорациями, заинтересованными в современных технологиях управления.

Выводы по главе 6

В данной главе представлены основные результаты разработки структурно-композиционной концепции состязательности. Основной целью выступало адекватное раскрытие сущности феномена состязательности , что возможно только с позиций метасистемного подхода, поскольку сама система состязательности – система специфического класса, со встроенными метасистемными уровнями . Соответственно, и разработка структурно-композиционной концепции состязательности возможна именно в данном методологическом русле. В связи с этим реализована и другая задача , стоявшая перед отечественной и зарубежной социальной психологией состязательности, – переход с аналитического , эмпирического уровня на концептуальный , теоретический.

Аргументирована необходимость введения основного понятия диссертационной работы, раскрыты онтологический, структурный, функциональный, генетический и интегративный аспекты социально-психологической концепции состязательности (в соответствии с общей структурой научной концепции) как разновидности взаимодействия и особой формы соактивности людей.

Обосновывается, что основные кризисные моменты современного состояния теоретического анализа феномена состязательности допускают свою конструктивную реализацию (преодоление кризисного состояния) на основе метасистемного подхода. Отмечается, что онтологическая специфичность состязательности заключается в ее принадлежности к качественно особому классу систем, рассматривающих состязательность как «функциональный орган» (то есть встраивание метасистемы в систему состязательности осуществляется не с «морфологических» позиций, а носит функциональный характер и всегда предусматривает качественные преобразования компонентов метасистемы при их встраивании в систему), что позволяет разработать целостную социально-психологическую концепцию состязательности (рассмотреть состязательность как особую, качественно специфическую систему со встроенными метасистемными уровнями социальной реальности,

деятельности, личности), отличающуюся от предшествующей традиционной (аналитической) дихотомической (конкурентно-кооперативной) схемы анализа состязательности выделением более полного набора параметров состязательности, поддающихся измерению (сотрудничество, конкурентность, индивидуалистичность, альтруистичность), объемностью, имеющей горизонтально-вертикальное строение, которая раскрывает социально-психологическую основу изменения активности субъектов совместной деятельности и качественного своеобразия развития социального и межличностного взаимодействия. Кроме того, рассмотрение состязательности как системы со встроенными метасистемными уровнями социальной реальности, деятельности, личности доказывает, что в структурно-функциональной организации данного феномена представлены в нерасторжимом единстве все основные компоненты психического явления, которые здесь выступают в достаточно развернутой и интегрированной форме, подтверждая тезис о том, что суть состязательности заключается в том, что она (состязательность), будучи и свойством (в наибольшей степени реализующимся при встраивании с метасистемой социальной реальности), и процессом (прежде всего – через метасистему деятельности), и состоянием (преимущественно – через метасистему личности), предстает не просто как их агрегативная совокупность, а как системное качество их синтеза. Также в рамках онтологического аспекта анализа состязательности рассмотрены особенности данного феномена по сравнению с другими (наиболее близкими к состязательности с точки зрения большинства исследователей) компонентами социальных отношений, социального взаимодействия, социально-психологической активности, личностных свойств («конфликтом», «агрессией», «мотивацией достижений» и некоторыми другими).

Показано, что состязательность как социально-психологический феномен, организованный на основе принципа структурно-уровнего подхода, в своем конкретном выражении содержит пять основных уровней: метасистемный, общесистемный, субсистемный, компонентный и элементный (выделена и

описана сущность каждого из этих структурных уровней). В этой иерархии уровней состязательности олицетворяется еще одно объективное условие существования любой иерархической, структурно-уровневой организации – наличие закономерных межуровневых переходов и взаимодействий между основными уровнями, механизмы согласования и координации. При этом главным является то, что каждый вышележащий уровень выступает по отношению к нижележащему как продукт и результат внесения в него дополнительной организации, как эффект интеграции его собственного содержания посредством реализации по отношению к нему дополнительных операционных средств. В целом, смысл механизмов межуровневых переходов состоит в том, что в собственно структурном аспекте все уровни подчиняются принципу "расширяющейся", прогрессирующей интеграции, а каждый из вышележащих уровней выступает как закономерный продукт и результат действия интеграционных механизмов по отношению к нижележащему уровню.

Отмечается, что в основе функциональной организации состязательности как специфической системы со встроенным метасистемным уровнем лежит взаимодействие двух качественно различных форм репрезентации ее содержания – актуальной и потенциальной, а также их взаимообратимые переводы и трансформации в условиях конкретной интеракции. Тем самым обосновывается, что состязательность оказывается в состоянии использовать в качестве механизма своей функциональной организации не только структурно-содержательную системность, но и особый тип системности – временную системность. Функциональный аспект анализа состязательности позволил выделить те функции, которые состязательность реализует в контексте более общей целостности, выступающей по отношению к ней (состязательности) метасистемой: аналитическую, объяснительную, практическую (адаптационную), прогностическую, формирующую и др.; рассмотреть развертывание собственных закономерностей функциональной организации состязательности в своем результативном проявлении к становлению различных функциональных качест-

венных образований и связей, проявляющихся в динамике развития форм и видов данного феномена на протяжении последних трех десятилетий в современном российском обществе, в выраженной связи видов и подвидов состязательности с метасистемами социальной реальности, деятельности, личности; выявить своеобразные симптомокомлексы, социальные портреты "состязательной личности".

Обосновано, что закономерности филогенетического развития состязательности во многом воспроизводятся в процессе онтогенетического ее развития (хотя и в определенном трансформированном и конкретизированном виде), тем самым удостоверяя общий принцип эволюционного развития, заключающийся в формировании состязательности как системы со встроенными метасистемными уровнями.

Интегративный аспект анализа состязательности, осуществленный на основе структурно-уровневого подхода, позволил рассмотреть состязательность как многоуровневую иерархически организованную систему, где у каждого из структурных уровней имеется своя качественная определенность. При этом каждая соответствующая определенному структурному уровню категория качеств представляет собой действенное эвристическое средство для раскрытия психологического содержания состязательности. Еще одним проявлением интегративного аспекта состязательности выступает синтетическая функция разрабатываемой концепции состязательности (функция объединения отдельных достоверных знаний в единую, целостную систему). Предложенные выше теоретические положения концепции состязательности можно использовать и в качестве методологической основы для анализа, систематизации и объяснения накопленного на протяжении нескольких столетий теоретического и эмпирического материала (нередко противоречивого) исследования различных видов состязательности: трудового состязания, соревнования, соперничества, состязания, конкуренции, враждебности (конкурентности), социального конфликта, кооперации (сотрудничества), социалистического соревнования и др.

Показано, что в качестве интегративных эффектов состязательности выступают своеобразные типы «состязательной личности», в основе выделения которых «лежат» такие личностные свойства как доминирование, мотивация достижения (активность), независимость. При этом каждый из выделенных типов состязательной личности обладает своеобразным симптомокомплекс личностных качеств.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе была предпринята попытка теоретико-методологического и эмпирического изучения феномена состязательности. Теоретической и экспериментальной базой такого анализа послужил, с одной стороны, более чем полуторавековой опыт исследования данного явления зарубежными и отечественными социальными психологами, социологами, экономистами, философами, представителями других наук, а также, с другой стороны, теоретическая позиция автора, подкрепленная многочисленными результатами прикладных исследований, осуществленных в основном на базе кафедры и лаборатории социологии ПНИПУ.

Состязательность как предмет научного анализа уже длительное время находится в поле непосредственного внимания исследователей, начиная, по крайней мере, с ранних социалистов-утопистов. «Органическое направление» в ранней социологической мысли, диалектический подход К. Маркса, конфликтологическое направление (с такими яркими его представителями, как Г. Зиммель, Р. Дарендорф, Л. Козер и др.) внесли неоценимый вклад в постановку и развитие предмета состязательности. Но социально-психологическая традиция изучения состязательности является наиболее богатой и развитой. Начиная с ранних работ, в которых субъект наделялся либо «социальными инстинктами», обеспечивающими стремление к кооперации с другими людьми, либо, напротив, конкурентными и эгоистическими интересами, психологи занимались поиском основ согласия и вражды, сотрудничества и конкуренции между людьми.

Классическая психология первой половины XX столетия предложила несколько вариантов понимания состязательности: как явления, возникновение и особенности которого определяются прежде всего ситуацией; как явления, природа которого детерминируется прежде всего интрапсихическими процессами; как явления, для понимания которого необходим не только учет личностных особенностей и объективной ситуации, но и понимание субъективной интерпретации человеком происходящего.

К сожалению, чаще всего различные теоретические подходы к исследованию состязательности не только отстаивали право на свое существование в споре с другими направлениями, но и претендовали на универсальность (на право быть единственно правильной) предложенной ими объяснительно-описательной модели. Для современной социальной психологии характерен более взвешенный, интегральный (системный) подход, учитывающий все стороны психологического явления, нередко, тем не менее, делающий осознанно акцент на изучении одного из компонентов состязательности и отдающий приоритет практической направленности исследований.

Вклад российских (советских) исследователей в изучение феномена состязательности заключается, прежде всего, в том, что они выделили и ввели в практику изучения состязательности новую научную категорию «социалистическое соревнование» (по нашей классификации «социалистическое соревнование» представляет собой определенную смесь двух подвидов состязательности – «альтруистичности» и «сотрудничества». – *Л.В.*) и собрали, опираясь в основном на системный (естественнонаучный и марксистский) научный подход, богатый эмпирический материал по различным проблемам социалистического соревнования, прежде всего, по прикладным вопросам организации соревнования.

Современные исследования состязательности имеют также несколько ярко выраженных особенностей:

– подавляющее большинство работ посвящено изучению отдельных проблем состязательности прикладного характера;

– по-прежнему не ослабевает интерес к исследованию данного феномена с использованием игровых экспериментальных процедур (типа «Дилемма узника»);

– преобладает изучение состязательности как одной из сторон или проявлений проблемы конфликтов;

– широко распространен междисциплинарный подход.

И, к сожалению, не наблюдалось особых прорывов, после М. Дойча, в области методологии и теории состязательности. Исследователи фактически не выходят за пределы тех обобщений и выводов, касающихся сущности состязательности, которые сделаны в работах ведущих представителей ситуационистского

и когнитивного направлений. Тем не менее, современными исследователями получен целый ряд интересных эмпирических фактов, касающихся и природы состязательности, и отдельных ее проблем.

Но наибольший интерес практически всех без исключения исследователей привлекали и привлекают разнообразные последствия состязательности. В целом результаты многочисленных исследований свидетельствуют о достаточно неоднозначных последствиях того или иного вида состязательности. Хотя можно отметить, что позитивные эффекты отношений сотрудничества более ярко выражены, особенно в той области, которая связана с социальной и межличностной сторонами нашей жизнедеятельности. С годами предмет исследования эффектов состязательности постепенно углублялся и усложнялся, происходил постепенный переход от изучения отдельных проблем (сторон) последствий кооперации–конкуренции к комплексному (системному) изучению эффектов интергрупповой–интрагрупповой состязательности с учетом влияния более широкого социального окружения и интрапсихических факторов. Основными же причинами неоднозначности (определенной противоречивости) результатов эмпирических исследований западных социальных психологов проблемы влияния состязательности на эффективность деятельности индивида и группы можно назвать следующие:

– традиционное доминирование при изучении данного феномена метода лабораторного эксперимента (прежде всего, игровых методов типа «Дилемма узника») с вытекающими отсюда слабостями и ограничениями;

– слабая связь проводимых исследований с более широким социальным окружением, ограниченность целей деятельности (в том числе и содержанием выполняемой деятельности);

– практически отсутствие четкого, устоявшегося понятия состязательности, следствием чего является или ограничение предмета исследования лишь двумя ведущими видами состязательности – конкуренцией и кооперацией – и игнорирование других ее видов (альтруистичности, индивидуалистичности) и подвидов (активных, пассивных, потенциальных), или смешение (путаница) основных видов состязательности (например, альтруистичности и сотрудничества в кооперации).

Осуществленный обзор основных теоретических подходов, результатов прикладных исследований феномена состязательности (показателей состязательности, ее детерминант и ее последствий), краткий анализ развития основных форм состязательности и совместности в филогенезе и онтогенезе позволили, с одной стороны, выявить наиболее слабые места в изучении данного явления, с другой – предложить конкретный вариант выхода из сложившейся ситуации.

Основными же недостатками изучения состязательности зарубежными и отечественными исследователями являются:

– ограничение анализа состязательности двумя основными видами (конкуренцией и кооперацией) и практически полное устранение из анализа второго (кроме направленности) обязательного вектора состязательности – активности;

– рассмотрение состязательности как одного из основных источников повышения активности субъектов взаимодействия и игнорирование наличия внутренней взаимосвязи состязательности с отношениями совместности (своеобразный параллелизм процессов состязательности и совместности);

– явно доминирующий интерес к отдельным проблемам данного явления и фактически отсутствие (после М. Дойча) целостного системного рассмотрения данного феномена;

– преобладание прикладных исследований и отсутствие попыток теоретических обобщений;

– преимущественное распространение изучения состязательности в качестве составной части других социальных и психологических явлений (конфликтов, переговорных процессов, стратегий поведения и др.).

Доминирование аналитического подхода над системным выступает наиболее важной причиной не только отсутствия целостной, обобщающей концепции состязательности, но и причиной фактического отсутствия попыток разработки такой обобщающей теории. И это закономерно, так как аналитический подход, вследствие своей методологической ориентации и эвристических возможностей, не дает обобщенного и целостного раскрытия предмета изучения и не может представлять адекватную основу для разработки целостной концепции.

Также необходимо отметить, что качественная специфика феномена состязательности пока размыта и с трудом «улавливается» исследователями данного явления с позиций традиционного системного подхода, так как данный феномен представляет собой универсальное средство, один из способов функционирования, выживания, адаптированности социального субъекта (личности) в социальной среде в процессе социального взаимодействия. Уловить содержательную сущность состязательности и выделить ее тяжело, но возможно. Этому во многом способствует рассмотрение состязательности с позиций метасистемного подхода как системы со встроенным метасистемным уровнем. При этом нужно отметить, что встраивание метасистемы в систему состязательности осуществляется не с «морфологических» позиций, а носит функциональный характер и всегда предусматривает качественные преобразования компонентов метасистемы при их встраивании в систему. То есть, состязательность рассматривается как приспособительная система функционального типа, как одно из универсальных средств изменения эффективности деятельности (взаимодействия) социального субъекта (прежде всего – личности) в условиях социальной реальности (социума). Отсюда вытекает полисистемный характер феномена состязательности, то есть состязательность представляет собой систему функционального типа со встроенным не одним, а несколькими метасистемными уровнями. Другими словами, состязательность – это полисистемный «функциональный орган», включенный сразу минимум в три базовые (для состязательности) метасистемы: метасистему социальной реальности (социума), метасистему деятельности (взаимодействия), метасистему личности. Метасистема социальной реальности обеспечивает состязательные действия субъекта теми или иными социальными нормами, эталонами, ценностями, и тем самым формирует содержательные элементы состязательности (то есть – это содержательня часть состязательности, раскрывающая во многом состязательность как социально-психологический феномен). Метасистема деятельности – это технологическая составляющая состязательности, это деятельностные, поведенческие формы состязательности, поведенческий, процессуальный компонент состязательности.

Третья метасистема (личность) придает личностную окрашенность состязательности и тем самым лежит в основе своеобразия состояний субъектов состязательного взаимодействия. Таким образом, рассматриваемый нами предмет принадлежит к нескольким метасистемам, и это накладывает своеобразие на его сущность и «бытийные» характеристики.

С позиций метасистемного подхода по отношению к феномену состязательности впервые оказалось возможным разработать целостную, структурно-композиционную концепцию состязательности (и рассмотреть состязательность как особую, качественно специфическую систему со встроенными метасистемными уровнями социальной реальности социума, деятельности, личности), отличающуюся от предшествующей традиционной дихотомической (конкурентно-кооперативной) схемы анализа состязательности выделением более полного набора параметров состязательности, поддающихся измерению (сотрудничество, конкурентность, индивидуалистичность, альтруистичность), объемностью, развернутостью, более высокой дифференцированностью, и раскрывающей социально-психологическую основу изменения (повышения) активности субъектов совместной деятельности и качественного своеобразия развития социальной и межличностной интеракции. Это значительно расширяет традиционные рамки социально-психологического анализа состязательности, социального и межличностного взаимодействия, соактивности людей, развития социальной группы (формирования отношений совместности, коллективности). Состязательность, как разновидность взаимодействия и особая форма социально-психологической активности, являющаяся следствием одновременной реализации двух амбивалентных стремлений, изначально присущих социальному субъекту: к выделению себя (обособлению) и к взаимодействию (интеграции), – представляет собой целостную структуру, включающую два равноценных основания («направленность» и «интенсивность»), которая позволяет перейти от традиционной упрощенной дихотомической схемы изучения состязательности («конкуренция – кооперация») к более дифференцированной шкале. По такому основанию, как направленность состязательность делится на 4 вида: 1) конку-

рентность (реализация стремления к обособлению); 2) альтруистичность (реализация тенденции к интеграции); 3) сотрудничество (реализация одновременно этих двух свойств субъекта); 4) индивидуалистичность (реализация своих целей субъектом без связи с достижениями других). В свою очередь, каждый из видов состязательности может дифференцироваться в зависимости от уровня интенсивности его проявления.

Состязательность как особая система со встроенными метасистемными уровнями социальной реальности (социума), деятельности (взаимодействия), личности содержит в своей структурно-уровневой организации пять основных уровней: метасистемный, общесистемный, субсистемный, компонентный и элементный.

Метасистемный структурный уровень фиксирует тот факт, что в общей структурной организации состязательности отдельные ее составляющие представлены не только в своей исходной и основной форме (то есть в процессуальном статусе), но и в аспекте их результативных проявлений и эффектов, проявляющихся в конкретных формах социальной реальности, прежде всего в виде специфических состязательных форм социальной общности, совместности (конкурентной, кооперативной, альтруистической и т.д.), состязательных подструктур социума (индивидуалистической, коллективистско-коммюнитарной, агрессивной, мирной и т.д.), видах социального партнерства (сотрудничестве, конкуренции, альтруизме и др.). Специфика данного метасистемного уровня заключается еще и в том, что локализуясь в нем, обретая статус уровня и входя в общую структуру уровней, социальная реальность оказывается в состоянии управлять самой структурой состязательности, так как социальная реальность не просто включается в структуру состязательности, а входит в высший метасистемный уровень, благодаря чему и появляется возможность самого этого управления.

Общесистемный уровень структурной организации данного феномена совершенно естественно и исчерпывающе соотносится с наиболее обобщенным процессуально-психологическим проявлением, обозначаемым понятием состя-

зательности как деятельности, поведения, соактивности людей. Другими словами, это технологическая составляющая состязательности, это деятельностные, поведенческие формы состязательности, включающие в себя как организацию взаимных действий, направленных на реализацию совместной деятельности, достижение определенной цели, воздействие различных субъектов друг на друга, взаимную обусловленность, изменение состояния субъектов, осмысленность, мотивированность взаимодействия в целом, так и «готовность помериться силами с другими людьми в определенных видах деятельности для того, чтобы улучшить личные и коллективные достижения», направленность изменения его активности и качества взаимосвязанности с другими субъектами, интенсификацию своих основных характеристик, надситуативность и др.

На субсистемном уровне состязательности локализованы не отдельные компоненты, а их функциональные синтезы, являющиеся продуктами комплексионирования частных компонентов феномена состязательности со встроенными метасистемами социальной реальности, деятельности, личности. То есть субсистемный уровень представляет собой систему с принципиально переменным составом и структурой, наполняющимся в каждом отдельном случае конкретным содержанием, детерминируемым как объективно-ситуационными, так и субъективными, всегда конкретными факторами. Поэтому в аспекте сущностных, содержательных характеристик и в плане ситуационной наполненности субсистемный уровень состязательности всегда предстает как определенная актуализация части содержания исходного целого – социальной реальности, деятельности (взаимодействия, активности), личности, то есть всегда, в каждый конкретный момент создается, строится. При этом это созидание осуществляется не с нулевой отметки, а по типу мультиплицирования, то есть встраивания метасистем (социальной реальности, деятельности, личности) в одну из важнейших своих систем (состязательность), представленную тем или иным основным видом состязательности: конкурентностью, индивидуалистичностью, альтруистичностью, сотрудничеством.

Компонентный уровень состязательности образуют подвиды состязательности, которые представляют собой объединения отдельных элементов данного феномена в виде обобщений первого уровня (12 подвидов состязательности). Необходимо отметить, что именно эти подвиды состязательности воплощают в себе все основные черты качественной определенности. присущей самому анализируемому "целому" феномену состязательности, хотя и являются его составными частями.

Элементный уровень состязательности составляют такие базовые параметры состязательных форм взаимодействия как *направленность* (направленность «на себя», «на других», «на себя и на других», «ни на кого») и *интенсификация* основных характеристик состязательной соактивности: от потенциального состояния состязательности – через промежуточное (реактивное) – к максимально возможной интенсивности того или иного вида состязательности.

Кроме того, состязательность выступает многоуровневой иерархически организованной системой, каждый из структурных уровней которой имеет свою качественную определенность. При этом каждая соответствующая определенному структурному уровню категория качеств представляет собой действенное эвристическое средство для раскрытия психологического содержания состязательности.

В основе функциональной организации состязательности, как специфической системы со встроенным метасистемным уровнем, лежит взаимодействие двух качественно различных форм репрезентации ее содержания – актуальной и потенциальной, а также их взаимообратимые переводы и трансформации в условиях конкретной интеракции. Тем самым обосновывается, что состязательность оказывается в состоянии использовать в качестве механизма своей функциональной организации не только структурно-содержательную, но и особый тип системности – временную системность.

Таким образом, уже на стадии теоретического анализа нами предложено перейти от традиционной дихотомической схемы («конкуренция–кооперация») изучения состязательности к более точной и более чувствительной шкале, со-

держащей в себе 12 пунктов. Поэтому и практически во всех своих прикладных исследованиях мы опирались на эти 12 подвидов состязательности.

Предложенная теоретическая схема анализа получила подтверждение в многочисленных прикладных исследованиях на протяжении трех десятилетий, в которых постоянно удавалось фиксировать все 12 подвидов состязательности. Кроме того, используемая нами шкала состязательности оказалась более точной и чувствительной в определении позиций респондентов в социальном пространстве (по критериям направленности и интенсивности) по сравнению со шкалами других авторов.

В частности, нами были выявлены следующие основные тенденции динамики состязательности в современном российском обществе (по крайней мере, тенденции, характерные для Уральского региона России):

– постепенно снижается доля (доминирующих на протяжении всего времени изучения) конкурентности (прежде всего, ее пассивных форм);

– сокращается такой вид состязательности, как альтруистичность;

– имеет место значительный рост активных форм состязательности;

– существенно увеличилась роль индивидуалистических подвидов состязательности (в первую очередь, активной индивидуалистичности), что естественно для переходного состояния социальных отношений;

– отмечается также стабильный (хотя и относительно медленный) рост такого вида состязательности, как сотрудничество (оптимальной ветви состязательности).

Полученные эмпирические факты в многочисленных социальных группах и в различные исторические периоды позволяют вполне обоснованно рассматривать состязательность в качестве одного из ведущих критериев внутригруппового структурирования, чутко реагирующего на влияние разнообразных факторов макросреды, микросреды, внутриличностных (в первую очередь, испытывающего воздействие широкого социального окружения на уровне общества в целом, формы собственности, содержания труда, ценностных ориентаций и др.). Более того, состязательность выступает одним из глав-

ных источников саморазвития (вследствие заложенного в ней внутреннего противоречия) и одним из наиболее точных и надежных индикаторов уровня развития отношений совместности. Так, результаты исследований лаборатории социологии ПНИПУ свидетельствуют о том, что на низшей стадии развития отношений совместности («стадия диффузной группы», или не сформировавшихся межличностных отношений) преобладает такой вид состязательности, как конкурентность, на среднем уровне развития отношений совместности («стадия ассоциации») доминирует такой вид состязательности, как альтруистичность, на высшей же стадии развития отношений совместности (в высокосплоченной группе) преобладает такой вид состязательности, как сотрудничество. Более высокий уровень развития отношений совместности обусловливается, прежде всего, более высокой целостностью функционирования субъектов сотрудничества (то есть более полным вовлечением сущностных свойств субъекта состязательности – одновременным максимальным развитием не одной, а обеих тенденций, присущих субъекту этого вида состязательности).

Реализованный в наших исследованиях подход к состязательности также позволил внести существенную ясность и определенность по одному из наиболее жизненно важных (но и наиболее запутанному) вопросов – о последствиях состязательности («эффектах состязательности»). Результаты прикладных исследований, осуществленных лабораторией социологии ПНИПУ за более чем 30-летний период в различных сферах трудовой деятельности, в социальных группах, занятых социально полезными видами деятельности, свидетельствуют о достаточно ярко выраженном, относительно стабильном и однозначном дифференцирующем эффекте различных видов и подвидов состязательности. В наших исследованиях зафиксировано наиболее сильное оптимизирующее и однозначное влияние такого вида состязательности, как *активное сотрудничество*, на все основные стороны жизнедеятельности: на результативность деятельности, межличностные отношения, состояние личности. Остальные подвиды состязательности не только уступали активному сотрудничеству по силе своего воздействия, но и не имели таких однозначных последствий в различных

сферах жизнедеятельности. Так, *активная конкурентность* оказывает обычно достаточно сильный, хотя и второй по величине после активного сотрудничества, оптимизирующий эффект на объективные показатели продуктивности деятельности, а вот субъективная оценка этих последствий, а также влияние на социально-психологическое состояние группы и личностный уровень адаптированности несколько ниже аналогичных показателей субъектов с установкой на сотрудничество или альтруистичность. В свою очередь, *активная альтруистичность*, уступая по силе воздействия на объективные показатели результативности деятельности таким видам состязательности, как активное сотрудничество и активная конкурентность, тем не менее стабильно занимает второе место по уровню благоприятного влияния (после активного сотрудничества, даже иногда опережая их по отдельным критериям) на состояние социально-психологического климата, межличностные отношения, развитие личности в целом. Другими словами, для субъектов с установкой на активную альтруистичность характерен более оптимистический взгляд (субъективная оценка) на свою деятельность, социальное окружение, самого себя. Воздействие (положительное и негативное) такого вида состязательности, как *активная индивидуалистичность*, на продуктивность деятельности и социально-психологическое состояние группы относительно слабое (уступает силе влияния других видов состязательности). Необходимо отметить определенное усиление негативного влияния активной индивидуалистичности на личностную адаптированность. Также было установлено, что *активные формы состязательности* имеют более сильный положительный эффект для результативности деятельности, межличностных отношений и личности по сравнению с влиянием аналогичных *реактивных видов состязательности*. Наиболее противоречивым по своим последствиям подвидом состязательности оказалась *реактивная альтруистичность*. Самые сильные негативные эффекты зафиксированы для двух реактивных форм состязательности – *реактивной конкурентности и реактивной индивидуалистичности.* Но при этом реактивная конкурентность наиболее негативно влияет на социально-психологическое состояние группы, а реактивная индивидуалистичность – на состояние личности.

Установленный дифференцирующий эффект различных видов и подвидов состязательности объясняется их особенностями: степенью реализации всех (или частичных) сущностных свойств субъекта состязательности и уровнем их активности.

Функциональный аспект анализа состязательности позволил выделить те функции, которые состязательность реализует в контексте более общей целостности, выступающей по отношению к ней (состязательности) метасистемой: аналитическую, объяснительную, практическую (адаптационную), прогностическую, формирующую.

Функциональный аспект анализа включает также развертывание собственных закономерностей функциональной организации состязательности в своем результативном проявлении к становлению различных функциональных качественных образований и связей. Эти функциональные закономерности состязательности проявляются:

а) в динамике развития форм и видов данного феномена на протяжении последних трех десятилетий в современном российском обществе;

б) в достаточно ярко выраженной связи видов и подвидов состязательности с метасистемой социальной реальности (состязательность выступает одной из ведущих детерминант группового структурирования и одним из наиболее точных и надежных индикаторов уровня развития отношений совместности: на низшей стадии развития отношений совместности преобладает такой вид состязательности, как конкурентность, на среднем уровне развития отношений совместности доминирует такой вид состязательности, как альтруистичность, на высшей стадии развития отношений совместности превалирует такой вид состязательности, как сотрудничество), метасистемой деятельности (активные формы состязательности имеют более сильный положительный эффект для результативности деятельности, по сравнению с влиянием аналогичных пассивных видов состязательности, активное сотрудничество отличается наиболее сильным оптимизирующим и однозначным положительным влиянием), метасистемой личности (активные формы состязательности и здесь имеют более силь-

ный положительный эффект для личности по сравнению с влиянием аналогичных пассивных видов состязательности; при этом активное сотрудничество наиболее сильно положительно влияет на состояние личности, а наиболее негативные последствия для личности характерны для такого подвида состязательности как реактивная индивидуалистичность).

Но наиболее ярко функциональный аспект анализа данного феномена проявился в формировании особенностей личностных качеств субъекта состязательности. В частности, в наших исследованиях были выявлены своеобразные симптомокомлексы, социальные портреты «состязательной личности»: «конкурентная личность»; личность, ориентированная на «сотрудничество»; «альтруистическую личность»; «индивидуалистически ориентированная личность».

Также было установлено, что закономерности филогенетического развития состязательности во многом воспроизводятся в процессе онтогенетического ее развития (хотя и в определенном трансформированном и конкретизированном виде), тем самым удостоверяя общий принцип эволюционного развития, заключающийся в формировании состязательности как системы со встроенными метасистемными уровнями.

Еще одним проявлением интегративного аспекта состязательности выступает синтетическая функция разрабатываемой концепции состязательности (функция объединения отдельных достоверных знаний в единую, целостную систему). Предложенные выше теоретические положения структурно-композиционной концепции состязательности можно использовать и в качестве методологической основы для анализа, систематизации и объяснения накопленного на протяжении нескольких столетий теоретического и эмпирического материала (нередко противоречивого) исследования различных видов состязательности: трудового состязания, соревнования, соперничества, состязания, конкуренции, враждебности (конкурентности), социального конфликта, кооперации (сотрудничества), социалистического соревнования и др.

Кроме того, состязательность нами рассматривается как система со встроенными метасистемными уровнями. С позиций такого подхода состязательность, являясь системой, включенной в более общие и широкие (онтологически представленные и объективно существующие) метасистемы социальной реальности, деятельности, личности, в своем содержании и структурно-функциональной организации мультиплицирует (в определенным смысле – включает в себя) эти метасистемы. Тем самым эти метасистемы (социальной реальности, деятельности, личности), оставаясь таковыми по отношению к состязательности, встраиваются в систему состязательности, становятся ее внутренними составляющими, образуют ее собственное содержание. Более того, сама психологическая природа состязательности такова, что она должна быть «пустой» (и является таковой, о чем косвенно свидетельствуют огромные трудности в фиксации ее характеристик исследователями данного явления), но именно в силу этого допускать свое постоянное наполнение тем или иным содержанием. То есть, сама состязательность (конкретная ее форма) всякий раз создается, наполняется тем содержанием, которое уже представлено в социальной реальности, деятельности, личности. Можно сказать, что состязательность не просто является системой со встроенными метасистемными уровнями, но только такой и может быть, так как она всегда конституируется как встраивание определенного содержания, уже имеющегося в социальной реальности, деятельности, личности, в собственное содержание состязательности. То есть состязательность можно представить как полисистемный «функциональный орган», включенный (включающий) в метасисиемы социальной реальности, деятельности, личности. Таким образом метасистемный подход к анализу состязательности позволяет устранить «размытость» представлений о сущности состязательности, наполнить ее содержательными и процессуальными характеристиками. Это означает, что в состязательности оказываются представленными основные, хотя и специфические (состязательные), как результативные, итоговые параметры социальной реальности, деятельности, личности, так и их процессуальные средства. Более того, состязательность можно и нужно рассматривать

как своеобразную «распределенную» или «наложенную» систему, когда свойства, присущие встроенным в состязательность метасистемам распределяют свои характеристики на состязательность и тем самым образуют ее сущность и позволяют «ухватить» ее содержательную природу (сущность), но, в свою очередь, и состязательность «накладывается» на встроенные в нее метасистемы, преобразуя уже их параметры.

В качестве интегративных эффектов состязательности выступают своеобразные типы «состязательной личности», в основе выделения которых «лежат» такие личностные свойства, как доминирование, мотивация достижения (активность), независимость: мотивационно-доминантные типы состязательной личности («конформно-подчиняющийся» тип, «конформно-доминантный» тип, «подчиненно-успешный» тип, «доминантно-успешный» тип), «незасисимо-подчиняющийся» тип, «независимо-доминантный» тип, «успешный с элементами незасисимости и подчинения» тип, «успешный с элементами незасисимости и доминирования» тип состязательной личности.

Таким образом, подытоживая в целом результаты проведенного исследования феномена состязательности можно сформулировать следующие основные ВЫВОДЫ по нему:

1. Осуществленный обзор основных теоретических подходов, результатов прикладных исследований феномена состязательности, краткий анализ развития основных форм состязательности и совместности в филогенезе и онтогенезе позволили, с одной стороны, выявить наиболее слабые места в изучении данного явления, с другой – предложить конкретный вариант выхода из сложившейся ситуации. Как большинство эмпирических проблем, исследование состязательности претерпевает в своем развитии два этапа. Первый этап, на котором данная проблема фактически остается, - аналитическая стадия, заключающаяся в рассмотрении отдельных видов и сторон состязательности, факторов их обусловливающих, последствий. Эта аналитическая (предтеоретическая) фаза рано или поздно должна быть сменена на более зрелую, системную, концептуальную фазу, когда доминирует уже не аналитическое, а структурное, системное исследо-

вание, то есть целостный охват данного явления. Аналитическая фаза, на которой длительное время разрабатывалась данная тема подошла к своему исчерпанию и в силу обилия материала, и вследствие недостаточности объяснительных схем (их малой мощности). Этим была обусловлена необходимость поиска новых подходов, которые представляют собой прежде всего переход с аналитической фазы на системную. Таким образом, актуальность настоящего исследования получает, помимо предметного и методологическое обоснование, заключающееся в переводе анализа состязательности на иной уровень развития - с начального, аналитического уровня исследования на целостный, системный. Особо отмечается, что природа (сущностные характеристики) феномена состязательности пока размыта и с трудом «улавливается» при анализе данного явления с позиций традиционного системного подхода, так как этот феномен представляет собой универсальное средство, один из способов функционирования, выживания, адаптированности социального субъекта (личности) в социальной среде в процессе социального взаимодействия. Уловить содержательную сущность состязательности и выделить ее тяжело, но возможно.

2. Адекватной и наиболее конструктивной основой для разработки социально-психологической концепции состязательности является системный подход. Но он является таковым (адекватным и конструктивным) не в кассическом варианте, а лишь при необходимости трансформации его в метасистемный вариант, поскольку он позволяет раскрыть данный феномен в объективно главных гносеологических планах: метасистемном, структурном, функциональном, генетическом и интегративном. Иначе говоря, собственно этот метасистемный вариант системного подхода раскрывает объект исследования в его основных, сущностных аспектах. Именно такая концепция состязательности, раскрывающая этот феномен в объективно главных гносеологических планах, и была методологически, теоретически обоснована и эмпирически верифицирована в данной работе.

3. Показано, что основные кризисные моменты современного состояния изучения феномена состязательности связаны с исчерпаемостью аналитической

стадии разработки данной проблемы, которая характеризуется такими чертами как: выраженная аспектность ее разработки, аналитичность большинства подходов к ее изучению, фрагментарность и мозаичность представлений о данном феномене, преобладание эмпирических (прикладных) исследований над теоретическими (концептуальными), феноменологизм в ее анализе, преобладание описательных схем и подходов, эклектизм в общем подходе к рассмотрению состязательности. Данное обстоятельство свидетельствует о необходимости коренной трансформации данной парадигмы в системную. Другими словами, именно основные кризисные моменты современного состояния теоретического анализа феномена состязательности допускают свою конструктивную реализацию (преодоление кризисного состояния) в первую очередь на основе метасистемного подхода.

4. Онтологическая специфичность состязательности заключается в ее принадлежности к качественно особому классу систем, рассматривающих состязательность как «функциональный орган» (то есть встраивание метасистемы в систему состязательности осуществляется не с «морфологических» позиций, а носит функциональный характер и всегда предусматривает качественные преобразования компонентов метасистемы при их встраивании в систему), что позволяет разработать целостную структурно-композиционная концепцию состязательности (рассмотреть состязательность как особую, качественно специфическую систему со встроенными метасистемными уровнями социальной реальности, деятельности, личности), отличающуюся от предшествующей традиционной (аналитической) дихотомической (конкурентно-кооперативной) схемы анализа состязательности выделением более полного набора параметров состязательности, поддающихся измерению (сотрудничество, конкурентность, индивидуалистичность, альтруистичность), объемностью, имеющей горизонтально-вертикальное строение, которая раскрывает социально-психологическую основу изменения активности субъектов совместной деятельности и качественного своеобразия развития социального и межличностного взаимодействия.

5. Обосновано положение согласно которому структурная организация состязательности подчиняется общему принципу структурно-уровневого устройства психологического явления. Впервые доказано, что состязательность как социально-психологический феномен, организована на основе принципа структурно-уровневого подхода и включает в себя целостную иерархию из пяти структурных уровней: метасистемного, общесистемного, субсистемного, компонентного и элементного.

6. Данная целостная иерархия структурно-уровневой организации состязательности содержит пять основных уровней: метасистемный, общесистемный, субсистемный, компонентный и элементный. Сущность первого из них - метасистемного структурного уровня - фиксирует тот факт, что в общей структурной организации состязательности отдельные ее составляющие представлены не только в своей исходной и основной форме (в процессуальном статусе), но и в аспекте их результативных проявлений и эффектов, проявляющихся в конкретных формах социальной реальности, прежде всего в виде специфических состязательных форм социальной общности, совместности (конкурентной, кооперативной, альтруистической и т.д.), состязательных подструктур социума (индивидуалистической, коллективистско-коммюнитарной, агрессивной, мирной и т.д.), видах социального партнерства (сотрудничестве, конкуренции, альтруизме и др.). Специфика данного метасистемного уровня заключается еще и в том, что локализуясь в нем, обретая статус уровня и входя в общую структуру уровней, социальная реальность оказывается в состоянии управлять самой структурой состязательности, так как социальная реальность не просто включается в структуру состязательности, а входит в высший метасистемный уровень, благодаря чему и появляется возможность самого этого управления. Общесистемный уровень структурной организации данного феномена совершенно естественно и исчерпывающе соотносится с наиболее обобщенным процессуально-психологическим проявлением, обозначаемым понятием состязательности как деятельности, поведения, соактивности людей. Другими словами, это технологическая составляющая состязательности, это деятельностные, поведенческие

формы состязательности, включающие в себя как организацию взаимных действий, направленных на реализацию совместной деятельности, достижение определенной цели, воздействие различных субъектов друг на друга, взаимную обусловленность, изменение состояния субъектов, осмысленность, мотивированность взаимодействия в целом, так и «готовность помериться силами с другими людьми в определенных видах деятельности для того, чтобы улучшить личные и коллективные достижения», направленность изменения его активности и качества взаимосвязанности с другими субъектами, интенсификацию своих основных характеристик, надситуативность и др. На субсистемном уровне локализованы не отдельные компоненты состязательности, а их функциональные синтезы, являющиеся продуктами комплексионирования частных компонентов феномена состязательности со встроенными метасистемами социальной реальности, деятельности, личности. На субсистемном уровне состязательность представляет собой определенную форму, средство, состояние, которые реализуются и наполняются каждый раз конкретным содержанием. Компонентный уровень состязательности образуют подвиды состязательности, которые представляют собой объединения отдельных элементов данного феномена в виде обобщений первого уровня (12 подвидов состязательности). Необходимо отметить, что именно эти подвиды состязательности воплощают в себе все основные черты качественной определенности, присущей самому анализируемому "целому" феномену состязательности, хотя и являются его составными частями. Элементный уровень состязательности составляют такие базовые параметры состязательных форм взаимодействия как *направленность* (направленность «на себя», «на других», «на себя и на других», «ни на кого») и *интенсификация* основных характеристик состязательной соактивности: от потенциального состояния состязательности – через промежуточное (реактивное) – к максимально возможной интенсивности того или иного вида состязательности.

7. Состязательность рассматривается как многоуровневая иерархически организованная система, где у каждого из структурных уровней имеется своя качественная определенность. При этом каждая соответствующая определен-

ному структурному уровню категория качеств представляет собой действенное эвристическое средство для раскрытия психологического содержания состязательности.

8. Особую, центральную роль в целостной иерархии структурно-уровневой организации состязательности играет субсистемный уровень, что согласуется с выполненными ранее исследованиями различных психологических феноменов. Точнее сказать субсистемный уровень представляет собой систему с принципиально переменным составом и структурой, наполняющимися в каждом отдельном случае конкретным содержанием, детерминируемым как объективно-ситуационными, так и субъективными, всегда конкретными факторами. Поэтому в аспекте сущностных, содержательных характеристик и в плане ситуационной наполненности субсистемный уровень состязательности всегда предстает как определенная актуализация части содержания исходного целого – социальной реальности, деятельности (взаимодействия, активности), личности, то есть всегда, в каждый конкретный момент создается, строится. При этом это созидание осуществляется не с нулевой отметки, а по типу мультиплицирования, так сказать встраивания метасистем (социальной реальности, деятельности, личности) в одну из важнейших своих систем (состязательность), представленную тем или иным основным видом состязательности: конкурентностью, индивидуалистичностью, альтруистичностью, сотрудничеством.

9. В основе функциональной организации состязательности как специфической системы со встроенным метасистемным уровнем лежит взаимодействие двух качественно различных форм репрезентации ее содержания – актуальной и потенциальной, а также их взаимообратимые переводы и трансформации в условиях конкретной интеракции. Тем самым обосновывается, что состязательность оказывается в состоянии использовать в качестве механизма своей функциональной организации не только структурно-содержательную системность, но и особый тип системности – временную системность.

10. Функциональный аспект анализа состязательности позволил выделить те функции, которые состязательность реализует в контексте более общей це-

лостности, выступающей по отношению к ней (состязательности) метасистемой: аналитическую, объяснительную, практическую (адаптационную), прогностическую, формирующую и др.; рассмотреть развертывание собственных закономерностей функциональной организации состязательности в своем результативном проявлении к становлению различных функциональных качественных образований и связей, проявляющихся в динамике развития форм и видов данного феномена на протяжении последних трех десятилетий в современном российском обществе, в выраженной связи видов и подвидов состязательности с метасистемой социальной реальности (состязательность выступает одной из ведущих детерминант группового структурирования и одним из наиболее точных и надежных индикаторов уровня развития отношений совместности), метасистемой деятельности (активные формы состязательности имеют более сильный положительный эффект для результативности деятельности, по сравнению с влиянием аналогичных пассивных видов состязательности, активное сотрудничество отличается наиболее сильным оптимизирующим и однозначным положительным влиянием), метасистемой личности (активные формы состязательности и здесь имеют более сильный положительный эффект для личности по сравнению с влиянием аналогичных пассивных видов состязательности; при этом активное сотрудничество наиболее сильно положительно влияет на состояние личности, а наиболее негативные последствия для личности характерны для такого подвида состязательности как реактивная индивидуалистичность); выявить своеобразные симптомокомлексы, социальные портреты "состязательной личности".

11. Закономерности филогенетического развития состязательности во многом воспроизводятся в процессе онтогенетического ее развития (хотя и в определенном трансформированном и конкретизированном виде), тем самым удостоверяя общий принцип эволюционного развития, заключающийся в формировании состязательности как системы со встроенными метасистемными уровнями.

12. В качестве интегративных эффектов состязательности выступают своеобразные типы «состязательной личности», в основе выделения которых «лежат» такие личностные свойства как доминирование, мотивация достижения (активность), независимость: мотивационно-доминантные типы состязательной личности («конформно-подчиняющийся» тип, «конформно-доминантный» тип, «подчиненно-успешный» тип, «доминантно-успешный» тип), «незасисимо-подчиняющийся» тип, «независимо-доминантный» тип, «успешный с элементами незасисимости и подчинения» тип, «успешный с элементами незасисимости и доминирования» тип состязательной личности. При этом каждый из выделенных типов состязательной личности обладает своеобразным симптомокомплекс личностных качеств.

13. Состязательность как разновидность взаимодействия и особая форма социально-психологической активности, являющаяся следствием одновременной реализации двух амбивалентных стремлений, изначально присущих социальному субъекту: к выделению себя (обособлению) и к взаимодействию (интеграции), представляет собой целостную структуру, включающую два равноценных основания («направленность» и «интенсивность»), которая позволяет перейти от традиционной упрощенной дихотомической схемы изучения состязательности («конкуренция – кооперация») к более дифференцированной шкале. По такому основанию, как *направленность*, состязательность делится на четыре вида: 1) конкурентность (реализация стремления к обособлению); 2) альтруистичность (реализация тенденции к интеграции); 3) сотрудничество (реализация одновременно этих двух свойств субъекта); 4) индивидуалистичность (реализация своих целей субъектом без связи с достижениями других). В свою очередь, каждый из видов состязательности может дифференцироваться в зависимости от уровня интенсивности его проявления.

14. Теоретические положения структурно-композиционной концепции состязательности можно использовать в качестве методологической основы для анализа, систематизации и объяснения накопленного на протяжении нескольких столетий теоретического и эмпирического материала (нередко противоре-

чивого) исследования различных видов состязательности: трудового состязания, соревнования, соперничества, состязания, конкуренции, враждебности, социального конфликта, кооперации (сотрудничества), социалистического соревнования и др.

15. Конструктивность сформулированных основных теоретико-методологических положений прелагаемой социально-психологической концепции состязательности проявляется в том, что на ее основе удалось получить целую систему эмпирических данных, характеризующих особенности развития и функционирования состязательности в реальных условиях российского общества. Основными тенденциями динамики состязательности в современном российском обществе (по крайней мере – тенденциями, характерными для Уральского региона России) на протяжении последних трех десятилетий являются:

– постепенное снижение доли доминирующих на протяжении всего времени изучения конкурентных видов состязательности (прежде всего – уменьшение реактивных видов конкурентности);

– сокращение альтруистических видов состязательности;

– значительный рост активных форм состязательности;

– существенное увеличение роли индивидуалистических подвидов состязательности (что естественно для любого переходного состояния социальных отношений);

– стабильный (хотя и относительно медленный) рост такого вида состязательности, как сотрудничество.

16. Состязательность можно рассматривать в качестве значимого и достаточно чувствительного к влиянию различных факторов (от факторов макросреды до внутриличностных) дифференцирующего критерия внутригруппового структурирования. Причем необходимо отметить, что наиболее существенное влияние на формирование состязательности оказывают такие объективные и субъективные факторы, как состояние широкого социального окружения на уровне общества в целом, форма собственности, социально-профессиональный

статус (содержание труда, профессия), уровень образования, включенность во властные отношения (участие в управлении, политическая активность и т.п.), ценностные ориентации субъектов, свойства личности и некоторые другие.

17. Состязательность выступает одной из ведущих детерминант группового структурирования и одним из наиболее точных и надежных индикаторов уровня развития отношений совместности. На низшей стадии развития отношений совместности (стадии «диффузной группы» или несформировавшихся межличностных отношений) преобладает такой вид состязательности, как конкурентность, на среднем уровне развития отношений совместности (стадия «ассоциации») доминирует такой вид состязательности, как альтруистичность, на высшей стадии развития отношений совместности (в высоко сплоченной группе) преобладает такой вид состязательности, как сотрудничество.

18. Состязательность определяет изменение активности субъектов совместной деятельности. Имеет место достаточно ярко выраженный, относительно стабильный и однозначный дифференцирующий эффект различных видов и подвидов состязательности. Активное сотрудничество отличается наиболее сильным оптимизирующим и однозначным положительным влиянием на все стороны жизнедеятельности субъекта: на результативность его деятельности, межличностные отношения, состояние личности. Другие подвиды состязательности не только уступают активному сотрудничеству по силе своего воздействия, но и не имеют таких однозначных последствий в различных сферах жизнедеятельности. Активные формы состязательности имеют более сильный положительный эффект для результативности деятельности, межличностных отношений и личности по сравнению с влиянием аналогичных пассивных видов состязательности. Самым противоречивым по своим последствиям подвидом состязательности является реактивная альтруистичность. Наиболее негативные эффекты характерны для реактивной конкурентности и реактивной индивидуалистичности. Но при этом реактивная конкурентность наиболее негативно влияет на социально-психологическое состояние группы, а реактивная индивидуалистичность – на состояние личности.

19. Состязательность, как система со встроенными метасистемными уровнями социальной реальности, деятельности, личности, являясь одним из наиболее надежных и точных дифференцирующих признаков внутригруппового структурирования и развития, который, с одной стороны, чутко реагирует на влияние макро- и микроусловий, с другой стороны, оказывает сильное и достаточно однозначное воздействие на основные сферы жизнедеятельности (результативность деятельности, межличностные отношения, развитие личности), вполне обоснованно претендует на роль одного из надежных и устойчивых универсальных индикаторов социального и социально-психологического развития того или иного субъекта (группы, личности) взаимодействия.

С П И С О К Л И Т Е Р А Т У Р Ы

1. Агеев, В.С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы / В.С. Агеев. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1990. – 240 с.

2. Андреева, Г.М. Социальная психология / Г.М. Андреева. – М.: Аспект-Пресс, 2009. – 362 с.

3. Анохин, П.К. Философские аспекты теории функциональных систем / П.К. Анохин. – М.: Наука, 1978. – 400 с.

4. Аронсон, Э. Общественное животное. Введение в социальную психологию / Э. Аронсон. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2006. – 416 с.

5. Арчер, Дж. Эволюционная социальная психология / Дж. Арчер // Перспективы социальной психологии. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – С. 45–66.

6. Бадмаев, Б.Ц. Социально-психологические особенности социалистического соревнования / Б.Ц. Бадмаев, Б.Н. Бочков. – М.: Профиздат, 1977. – 128 с.

7. Барабанщиков, В.А. Системная организация и развитие психики / В.А. Барабанщиков // Психологический журнал. – 2003. – Т. 24. – № 1. – С. 29–46.

8. Белицкая, Г.Э. О роли субъектности в формировании социально-политических ориентаций / Г.Э. Белицкая // Психологический журнал. – 1994. – Т. 15. – № 4. – С. 54–63.

9. Беляева, И.Ф. Выбор показателей социалистического соревнования: социальные и социально-психологические аспекты / И.Ф. Беляева // Социальные и социально-психологические аспекты управления соревновательными и кооперативными процессами в трудовом коллективе: препринт. – Л.: Изд-во ЛНЦ, ИСЭП АН СССР, 1986. – С. 32–39.

10. Бехтерев, В.М. (с участием М.В. Ланге). Данные эксперимента в области коллективной рефлексологии / В.М. Бехтерев // Новое в рефлексологии и физиологии нервной системы / под общ. ред. акад. В.М. Бехтерева. – М.-Л.: Госиздат, 1925. – С. 306–337.

11. Бехтерев, В.М. Коллективная рефлексология / В.М. Бехтерев. – Петроград: Колос, 1921. – 432 с.

12. Бехтерев, В.М. Предмет и задачи общественной психологии как объективной науки / В.М. Бехтерев // Психологический журнал. – 1981. – Т. 2. – № 6. – С. 142–152.

13. Бехтерев, В.М. Влияние коллектива на личность // Педология и воспитание / В.М. Бехтерев, М.В. Ланге. – М.: Работник просвещения, 1928. – С. 41–73.

14. Бляхман, Л.С. Мощный ускоритель: соревнование и эффективность производства / Л.С. Бляхман. – М.: Политиздат, 1983. – 191 с.

15. Богданов, В.А. Два подхода к изучению соревновательных явлений / В.А. Богданов // Регионально-отраслевые проблемы социалистического соревнования: тез. докл. всесоюз. совещ.; Ленинград, 27–29 сентября 1983 г. – Л., 1983. – С. 109–111.

16. Бочарова, Е.Е. Личностная конкурентоспособность и субъективное благополучие у представителей юношества / Е.Е. Бочарова // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. - 2015. - № 1 (25). - С. 87-95.

17. Брайцева, Л.И. Опыт исследования ударников листопрокатного цеха завода «Серп и молот» / Л.И. Брайцева, С.Л. Немцова, С.М. Пинскер // На психотехническом фронте: матер. к I съезду Всесоюз. общества психотехники и прикладной психофизиологии; 22–25 мая 1931 г., Ленинград. Ч. II. – М.-Л.: Изд-во оргбюро съезда, 1931. – С. 26–27.

18. Вагапова, А.Р. Социально-психологические характеристики конфликтного взаимодействия в супружеских парах / А.Р. Вагапова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. - 2014. - Т. 1. - С. 77-85.

19. Вайсман, Р.С. Связь межличностных отношений с групповой эффективностью деятельности / Р.С. Вайсман // Вопросы психологии. – 1977. – № 4. – С. 64–73.

20. Валитов, М.Г. Развитие соревнования и совершенствование социалистических производственных отношений / М.Г. Валитов. – М.: Экономика, 1978. – 119 с. (Проблемы соревнования на современном этапе).

21. Владыченко, И.М. Стахановское движение и развитие социалистического соревнования в современных условиях / И.М. Владыченко // Социалистическое соревнование: опыт, проблемы. – М.: Профиздат, 1976. – С. 16–29.

22. Гарбер, И.Е. Метаподход к психологии / И.Е. Гарбер. - Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2010. - 266 с.

23. Гарбер, И.Е. Командообразование в кросс-культурной психологии / И.Е. Гарбер // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. - 2010. - Т.10. - Вып.1. - С. 74-78.

24. Гегель, Г.В.Ф. Об орбитах планет: Философская диссертация / Г.В.Ф. Гегель // Работы разных лет. Т. 1. – М.: Мысль, 1970. – С. 235–265.

25. Гибш, Г. Введение в марксистскую социальную психологию / Г. Гибш, М. Форверг. – М.: Прогресс, 1972. – 296 с.

26. Гительмахер, Р.Б. Социально-психологические проблемы бригадной формы организации труда / Р.Б. Гительмахер // Психологический журнал. – 1984. – Т. 5. – № 4. – С. 37–45.

27. Гольд-Губер, Е. Ошибок не следует повторять / Е. Гольд-Губер // Социалистическое соревнование ФЗС. – 1931. – № 5. – С. 8–10.

28. Горчаков, В.М. Соревнование и бригадная организация труда: Калужский вариант / В.М. Горчаков, В.В. Пряхин. – М.: Профиздат, 1980. – 64 с. (Библиотечка профсоюзного активиста. – № 29).

29. Гришина, Н.В. Производственные конфликты и их регулирование / Н.В. Гришина // Промышленная социальная психология / под ред. Е.С. Кузьмина, А.Л. Свенцицкого. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1982. – С. 108–124.

30. Гришина, Н.В. Психология конфликта / Н.В. Гришина. – СПб.: Питер, 2008. – 544 с.

31. Гумплович, Л. Основы социологии / Л. Гумплович. – СПб.: Изд-во О.Н. Поповой, 1899.

32. Дарендорф, Р. Элементы теории социального конфликта / Р. Дарендорф // Социологические исследования. – 1994. – № 5. – С. 142–147.

33. Джерелиевская, М.А. Установки коммуникативного поведения: диагностика и прогноз в конкретных ситуациях / М.А. Джерелиевская. – М.: Смысл, 2000. – 191 с.

34. Добрынин, Н.Ф. Изучение ударных бригад как новой формы труда / Н.Ф. Добрынин // Психоневрологические науки в СССР. – М.-Л.: Госмедиздат, 1930. – С. 231–232.

35. Дойч, М. Конструктивное разрешение конфликтов: принципы, обучение и исследования / М. Дойч // Психология конфликта. – СПб.: Питер, 2001. – С. 173–198.

36. Дойч, М. Конфликт: социально-психологическая перспектива / М. Дойч, С. Шикман // Социальный конфликт: современные исследования: реферат. сб. – М.: ИСАН, 1991. – С. 70–74.

37. Ершов, А.А. Мастер и социалистическое соревнование / А.А. Ершов // Экономика и организация промышленного производства. – 1980. – № 9. – С. 146–149.

38. Ершов, А.А. Типология соревновательных отношений в трудовом коллективе / А.А. Ершов, А.А. Русалинова // Социально-психологические проблемы в условиях развитого социалистического общества: тез. докл. V Всесоюз. съезда психологов СССР. – М., 1977. – С. 101–102.

39. Жавнерович, Н.М. Организация социалистического соревнования в первичных коллективах / Н.М. Жавнерович, Д.Г. Ротман // Первичный производственный коллектив: формирование, управление, эффективность. – М.: Изд-во ИСИ АН СССР, 1980. – С. 144–159.

40. Жолкевич, А.Е. Совершенствование организации соревнования рабочих в условиях бригадной формы организации труда / А.Е. Жолкевич, С.Д. Царик // Повышение эффективности социалистического соревнования: материалы сем. – М.: МДНТП, 1982. – С. 110–116.

41. Жуков, Ю.М. Включенность личности в трудовую деятельность и социалистическое соревнование / Ю.М. Жуков // Социально-психологические аспекты социалистического соревнования. – М.: Наука, 1977. – С. 64–71.

42. Журавлев, А.Л. Психология совместной деятельности в условиях организационно-экономических изменений: дис. … д-ра психол. наук / Журавлев А.Л. – М., 1999. – 132 с.

43. Журавлев, А.Л. Стиль руководства и организация соревнования / А.Л. Журавлев // Социально-психологические аспекты социалистического соревнования: сб. ст. / отв. ред. д-р филос. наук Е.В. Шорохова; АН СССР, Ин-т психологии. – М.: Наука, 1977. – С. 112–148.

44. Журавлев, А.Л. Некоторые социально-психологические аспекты организации социалистического соревнования на промышленном предприятии / А.Л. Журавлев, О.И. Зотова // Психологический журнал. – 1981. – № 2. – С. 94–103.

45. Журавлев, А.Л. Психологические отношения российских предпринимателей к конкуренции и партнерству: гендерный аспект / А.Л. Журавлев, В.П. Позняков, О.И. Титова // Психологические исследования проблем современного российского общества. Сер. "Труды Института психологии РАН". М.: Изд-во: Институт психологии РАН, 2013. - С. 287-310.

46. Журавлев, А.Л. Коллективный субъект: основные признаки, уровни и психологические типы / А.Л. Журавлев // Психологический журнал. – 2009. – № 5. – С. 72–80.

47. Залкинд, А.Б. Психоневрологические науки и социалистическое строительство / А.Б. Залкинд // Стенографический отчет I Всесоюз. съезда по изучению поведения человека / под ред. А.Б. Залкинда. – Л.-М.: Гос. мед. изд-во, 1930. – С. 78–127.

48. Зейгарник, Б.В. Теория личности К. Левина / Б.В. Зейгарник. – М.: Изд-во МГУ, 1981. – 132 с.

49. Зиммель, Г. Человек как враг / Г. Зиммель // Социологический журнал. – 1994. – № 2. – С. 114–119.

50. Зотова, О.И. Направленность коллектива и социалистическое соревнование / О.И. Зотова // Социально-психологические аспекты социалистического соревнования: сб. ст. / АН СССР, Ин-т психологии; под. ред. д-ра филос. наук Е.В. Шорохова. – М.: Наука, 1977. – С. 79–90.

51. Зотова, О.И. Развитие теории коллектива в советской науке / О.И. Зотова // Коллектив и личность. – М.: Наука, 1975. – С. 28–42.

52. Зотова, О.И. Социально-психологические проблемы совершенствования движения за коммунистическое отношение к труду / О.И. Зотова, В.В. Новиков // Вопросы психологии. – 1982. – № 3. – С. 94–98.

53. Иванов, В.П. От истоков до наших дней / В.П. Иванов, И.П. Костюченко // Социалистическое соревнование. – 1982. – № 3. – С. 75–79.

54. Казаков, В.П. Из истории исследования социально-психологического климата и социалистического соревнования в производственных коллективах в психологии 20–30-х гг. / В.П. Казаков // Социально-психологические проблемы повышения эффективности деятельности производственных коллективов. – Курган, 1977. – С. 126–132.

55. Кампанелла, Т. Город Солнца / Т. Кампанелла. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954. – 228 с.

56. Карпов, А.В. Психология сознания: метасистемный подход / А.В. Карпов. – М.: Изд-во РАО, 2011. – 1088 с.

57. Карпов, А.В. Психология деятельности. В 5 т. Т.1: Метасистемный подход / А.В. Карпов. – М.: Изд-во РАО, 2015. – 546 с.

58. Касюлис, Ю.С. Влияние соревновательности на трудовую активность личности: автореф. дис. … канд. психол. наук / Касюлис Ю.С. – М., 1977а. – 20 с.

59. Касюлис, Ю.С. Соревновательность как социально-психологическая особенность личности в коллективе / Ю.С. Касюлис // Психология возрастных коллективов: тез. докл. к всесоюз. симпоз. 27–29 сентября 1978 г.; Кострома. – М., 1978. – С. 72–73.

60. Кацура, П.М. Бригадная организация труда (опыт ВАЗа) / П.М. Кацура. – М.: Экономика, 1984. – 80 с. (Экон. жизнь страны).

61. Кекелия, М.И. Влияние результата соревнования на межличностные отношения / М.И. Кекелия // Вопросы инженерной и социальной психологии: сб. статей / АН ГССР, Ин-т психологии им. Д.Н. Узнадзе; под ред. Ш.А. Надирашвили. – Тбилиси: Мецниереба, 1979. – С. 98–104.

62. Кекелия, М.И. Соревнование и его влияние на активность личности / М.И. Кекелия // Всесоюз. конф. по проблемам эргономического и психологического проектирования среды человеческой деятельности на промышленных предприятиях: тез. докл. – Тбилиси, 1983. – С. 149–150.

63. Кекелия, М.И. Соревнование и его влияние на активность личности: автореф. дис. … канд. психол. наук / Кекелия М.И. – Тбилиси, 1985. – 25 с.

64. Ковалев, А.Г. Коллектив и социально-психологические проблемы руководства / А.Г. Ковалев. – 2-е изд., доп. – М.: Политиздат, 1978. – 279 с.

65. Коваль, И.В. Методологические и методические аспекты повышения эффективности социалистического соревнования / И.В. Коваль. – Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1982. – 179 с.

66. Коваль, И.В. Роль социалистического соревнования в развитии активности производственного коллектива: автореф. дис. … канд. филос. наук / Коваль И.В. – Новосибирск, 1979. – 22 с.

67. Коган, В.М. Изучение ударничества с психологической точки зрения / В.М. Коган // На психотехническом фронте: матер. к I съезду Всесоюз. общества психотехники и прикладной психофизиологии: тез. докл. 22–25 мая 1931 г., Ленинград. Ч. II. – М.-Л.: Изд-во оргбюро съезда, 1931. – С. 67–68.

68. Коган, В.М. Новые социалистические формы труда и психотехника / В.М. Коган // 7-я Междунар. психотехн. конф. – М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1931. – С. 25–29.

69. Когер, К.Э. О научном подходе к исследованию соревнования / К.Э. Когер // Соревнование в производственном коллективе. Научная организация и управление: матер. конф. – Тарту: Изд-во Тартус. гос. ун-та, 1978. – С. 12–31.

70. Когер, К.Э. Об истории развития взглядов К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина на соревнование / К.Э. Когер // Соревнование в производственном коллективе. Научная организация и управление: матер. конф. – Тарту: Изд-во Тартус. гос. ун-та, 1978. – С. 3–11.

71. Козер, Л.А. Завершение конфликта / Л.А. Козер // Социальный конфликт: современные исследования: реферат. сб. – М.: Изд-во ИСАН, 1991. – С. 27–35.

72. Козер, Л.А. Функции социального конфликта / Л.А. Козер // Социальный конфликт: современные исследования: реферат. сб. – М.: Изд-во ИСАН, 1991. – С. 22–26.

73. Кокарев, В.П. ИТР в социалистическом соревновании / В.П. Кокарев // Экономика и организация промышленного производства. – 1980. – № 9. – С. 149–151.

74. Коллективность, экономическое поведение работника и закона о трудовых коллективах: тез. науч.-практ. конф. – Пермь, 1984. – 132 с.

75. Кольцова, В.А. Социально-психологический климат коллектива и социалистическое соревнование / В.А. Кольцова // Социально-психологический климат коллектива: теория и методы изучения. – М.: Наука, 1979. – С. 68–76.

76. Косев, И. Влияние оценки и гласности результатов социалистического соревнования на социально-психологический климат коллектива / И. Косев // Социально-психологический климат коллектива: теория и методы изучения. – М.: Наука, 1979. – С. 76–82.

77. Косев, И. Психология и съревнование. Социално психологически и организационно-управленчески проблемы / И. Косев. – С.: Профиздат, 1976. – 207 с.

78. Костюшев, В.В. Влияние соревновательных и кооперативных процессов на трудовое поведение работников / В.В. Костюшев // Социальные и социально-психологические аспекты управления соревновательными и кооперативными процессами в трудовом коллективе: препринт. – Л.: Изд-во ЛНЦ, ИСЭП АН СССР, 1986б. – С. 17–26.

79. Костюшев, В.В. Влияние социалистического соревнования на трудовое поведение работников: автореф. дис. … канд. филос. наук / Костюшев В.В. – Минск, 1987. – 20 с.

80. Костюшев, В.В. К вопросу о социально-психологической природе трудовой состязательности / В.В. Костюшев // Проблемы повышения эффективности социалистического соревнования. – М.: Изд-во ВШПД, 1983. – С. 89–92.

81. Костюшев, В.В. Соревновательное общение и экономическое поведение работников / В.В. Костюшев // Коллективность, экономическое поведение работника и закон о трудовых коллективах: тез. науч.-практ. конф. – Пермь, 1984. – С. 73–74.

82. Костюшев, В.В. Соревновательные и кооперативные процессы в трудовом коллективе (проблемы исследования и управления): препринт / В.В. Костюшев. – Л.: Изд-во ЛНЦ, ИСЭП АН СССР, 1986а. – 35 с.

83. Костюшев, В.В. Социалистическое соревнование в трудовом коллективе как предмет социально-психологического исследования (вопросы методологии и теории) / В.В. Костюшев // Регионально-отраслевые проблемы социалистического соревнования: тез. докл. всесоюз. совещ.; Ленинград, 27–29 сентября 1983 г. – Л., 1983. – С. 123–125.

84. Кричевский, Р.Л. Социальная психология малой группы / Р.Л. Кричевский, Е.М. Дубовская. – М.: Аспект-Пресс, 2001. – 318 с.

85. Кропоткин, П.А. Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса / П.А. Кропоткин. – СПб.: Знание, 1907. – 83 с.

86. Кузьмин, Е.С. Вопросы социальной психологии руководства / Е.С. Кузьмин // Психология – производству и воспитанию. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1977а. – С. 3–12.

87. Кузьмин, Е.С. Из опыта изучения производственных коллективов / Е.С. Кузьмин // Проблемы общественной психологии. – М.: Мысль, 1965. – С. 402–425.

88. Кузьмин, Е.С. Основы социальной психологии / Е.С. Кузьмин. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1967. – 173 с.

89. Кузьмин, Е.С. Развитие прикладной социальной психологии / Е.С. Кузьмин // Социально-психологические проблемы в условиях развитого социалистического общества: тез. докл. V Всесоюз. съезда психологов СССР. – М., 1977б. – С. 12.

90. Кузьмин, Е.С. Соревнование и социальная психология / Е.С. Кузьмин // Социалистическое соревнование: опыт, проблемы: матер. всесоюз. науч.-практ. конф., посв. 40-летию стахан. движения (23–25 сентября 1975 г.) / сост. М.Г. Валитов [и др.]. – М.: Профиздат, 1976. – С. 141–142.

91. Кузьмин, Е.С. Конкретные исследования социально-психологических проблем социалистического соревнования / Е.С. Кузьмин, В.А. Богданов // Регионально-отраслевые проблемы социалистического соревнования: тез. докл. всесоюзн. совещания. Ленинград, 27–29 сент. 1983 г. – Л., 1983. – С. 103–107.

92. Кузьмин, Е.С. Сравнительная роль социально-психологических факторов эффективности социалистического соревнования / Е.С. Кузьмин, В.А. Богданов // Вестник ЛГУ. Сер. Экономика. Философия. Право. – 1980. – № 23. – С. 36–41.

93. Кузьмин, Е.С. Руководитель и коллектив / Е.С. Кузьмин, И.П. Волков, Ю.Н. Емельянов – Л.: Лениздат, 1974. – 167 с.

94. Кузьмин, Е.С. Совершенствование социально-психологических отношений в коллективе / Е.С. Кузьмин, И.П. Волков, А.А. Русалинова, А.Л. Свенцицкий // Планирование социального развития коллектива предприятия: метод. рекомендации. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Профиздат, 1975. – С. 139–150.

95. Кузьмин, Е.С. О социально-психологическом изучении социалистического соревнования / Е.С. Кузьмин, А.А. Ершов // Социально-психологические факторы повышения производительности труда и эффективности деятельности промышленных предприятий. – Николаев, 1978. – С. 100–104.

96. Кузьмин, Е.С. Социальная психология и социальное планирование в промышленности / Е.С. Кузьмин, А.Л. Свенцицкий // Прикладные проблемы социальной психологии. – М.: Наука, 1983. – С. 189–203.

97. Кяярик, Х.Э. К вопросу генезиса теории соревнования / Х.Э. Кяярик // Соревнование в производственном коллективе. Научная организация и управление: матер. конф. – Тарту: Изд-во Тартус. гос. ун-та, 1978. – С. 32–42.

98. Лебон, Г. Психология народов и масс / Г. Лебон. – СПб.: Макет, 1995. – 313 с.

99. Левин, К. Разрешение социальных конфликтов / К. Левин. – СПб.: Речь, 2000. – 408 с.

100. Левин, К. Типы конфликтов / К. Левин // Психология личности. Тексты. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – С. 93–96.

101. Левина, А.И. Критерии успешности в социалистическом соревновании / А.И. Левина // Социально-психологические аспекты социалистического соревнования. – М.: Наука, 1977. – С. 100–112.

102. Левина, А.И. Социально-психологические показатели социалистического соревнования производственных коллективов: автореф. дис. … канд. психол. наук / Левина А.И.. – М., 1979. – 24 с.

103. Левченко, В. В. Психология состязательности / В. В. Левченко. – Пермь, 2005. – 272 с.

104. Левченко, В. В. Активность социальных субъектов и ее состязательные виды / В. В. Левченко // Бюллетень Пермской социологии. Исследования 2009–2010 гг. / под ред. М. А. Слюсарянского. – Пермь: Меркурий, 2010. – С. 34–39.

105. Лекторский, В.А. Реализм, антиреализм, конструктивизм и конструктивный реализм в современной эпистемологии и науке / В.А. Лекторский // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / Институт философии РАН; под ред. В.А. Лекторского. – М.: Изд-во Канон+, 2009. – С. 5-40.

106. Ленин, В.И. Очередные задачи Советской власти / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. / В.И. Ленин. – Т. 36. – С. 165–208.

107. Леонов, Н.И. Конфликт, конфликтность и поведение в конфликте / Н.И. Леонов. - Ижевск: Изд-во Удмуртский государственный университет, 2002. - 254 с.

108. Ломов, Б.Ф. Задачи психологической науки в свете решений XXVI съезда КПСС и июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС / Б.Ф. Ломов // Психологический журнал. – 1983. – Т. 4. – №. 6. – С. 3–19.

109. Ломов, Б.Ф. Категории общения и деятельности в психологии / Б.Ф. Ломов // Вопросы философии. – 1979. – № 8. – С. 34–47.

110. Ломов, Б.Ф. Психология и управление / Б.Ф. Ломов, А.Л. Журавлев. – М.: Знание, 1978. – 64 с. (Новое в жизни, науке, технике. Сер. Наука упр. – № 7).

111. Майерс, Д. Социальная психология / Д. Майерс. – СПб.: Питер, 2011. – 793 с.

112. Макаренко, А.С. Методика организации воспитательного процесса / А.С. Макаренко // Избранные педагогические сочинения: в 2 т. Т. 1 / под ред. И.А. Каирова (отв. ред.) [и др.]. – М.: Педагогика, 1977. – С. 177–255.

113. Макаренко, А.С. О личности и обществе / А.С. Макаренко // Сочинения / А.С. Макаренко. Т. 7. – М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1952. – С. 14–20.

114. Макаренко, А.С. Проблемы школьного советского воспитания / А.С. Макаренко // Избранные педагогические сочинения: в 2 т. / под ред. В.Н. Столетова [и др.]. Т. 1. – М.: Педагогика, 1977. – С. 256–359.

115. Мальцев, В.А. Соревнование и личность (опыт социологического анализа) / В.А. Мальцев. – М.: Мысль, 1983. – 157 с.

116. Маркс, К. К критике политической экономии. Предисловие / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 13. – С. 5–9.

117. Маркс, К. Капитал. Т. 1 / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 2. – С. 43–784.

118. Маркс, К. Критика Готской программы / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 19. – С. 9–32.

119. Маркс, К. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»). Приложения / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 26. Ч. I. – С. 355–426.

120. Маркс, К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 46. Ч. I. – С. 3–553.

121. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. – М.: Госполитиздат, 1956. – С. 517–642.

122. Маркс, К. Манифест Коммунистической партии / К. Маркс // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. – 2-е изд. – Т. 4. – С. 419–459.

123. Маркс, К. Немецкая идеология / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 3. – С. 9–454.

124. Маро-Левитина, М. Социальные стимулы в эпоху построения социализма / М. Маро-Левитина // 7-я Междунар. психотехническая конф. – М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1931. – С. 44–45.

125. Матвеев, С.Н. Асимметрия противоречия – внутренний импульс развития / С.Н. Матвеев // Вестник Моск. гос. ун-та. Сер. VIII. Философия. – М.: Изд-во МГУ, 1974. – № 5. – С. 3–13.

126. Махлах, Е.С. Соревнование как условие эффективной самореализации личности в коллективе / Е.С. Махлах // Социально-психологические аспекты со-

циалистического соревнования: сб. статей / АН СССР, Ин-т психологии; под ред. д-ра филос. наук Е.В. Шороховой. – М.: Наука, 1977. – С. 40–49.

127. Митина, Л.М. Психология развития конкурентоспособной личности / Л.М. Митина. – М.: Изд-во Моск. психол.-социал. ин-та, Воронеж: МОДЭК, 2002. – 400 с. (Сер. Биб-чка психолога).

128. Мишина, Т.М. Психологическое исследование супружеских отношений при неврозах / Т.М. Мишина // Семейная психотерапия при нервных и психических заболеваниях / под ред. В.К. Мягер, Р.А. Зачепицкого. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. – С. 54–71.

129. Мор, Т. Утопия / Т. Мор. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953. – 296 с.

130. Муравьев, Г.Я. Производственное соревнование / Г.Я. Муравьев. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1970. – 286 с.

131. Надирашвили, Ш.А. Психология соревнования / Ш.А. Надирашвили. – Тбилиси: Мецниереба, 1976. – 30 с.

132. Научный коммунизм: словарь / под ред. А.М. Румянцева. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1975. – 399 с.

133. Немов, Р.С. Социально-психологический анализ эффективности деятельности коллектива / Р.С. Немов; Науч.-исслед. ин-т общ. и пед. психологии Акад. пед. наук СССР. – М.: Педагогика, 1984. – 200 с.

134. Новиков, В.В. Роль социалистического соревнования в формировании благоприятного социально-психологического климата в производственном коллективе / В.В. Новиков // Социально-психологические проблемы в условиях развитого социалистического общества: тез. докл. V Всесоюз. съезда психологов СССР. – М., 1977. – С. 165.

135. Острянский, Н.П. Соревновательные мотивы как факторы формирования коллективности / Н.П. Острянский // Коллективность, экономическое поведение работника и закон о трудовых коллективах: тез. науч.-практ. конф. – Пермь, 1984. – С. 92–93.

136. Оуэн, Р. Книга о новом нравственном мире / Р. Оуэн // Избранные сочинения. Т. 2. – М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. – С. 5–115.

137. Палицын, В.А. Что может бригада / В.А. Палицын. – М.: Политиздат, 1983. – 77 с. (Резервы эффективности).

138. Парыгин, Б.Д. XXVI съезд КПСС и актуальные проблемы социальной психологии / Б.Д. Парыгин // Вопросы психологии. – 1981. – № 6. – С. 3–12.

139. Парыгин, Б.Д. Пути и методы исследования социально-психологических аспектов социалистического соревнования / Б.Д. Парыгин // Повышение эффективности социалистического соревнования: материалы семинара. – М.: МДНТП, 1982. – С. 78–81.

140. Парыгин, Б.Д. Социально-психологический климат трудового коллектива как фактор соревнования / Б.Д. Парыгин // Проблемы повышения эффективности социалистического соревнования. – М.: Изд-во ВШПД, 1983б. – С. 86–89.

141. Парыгин, Б.Д. Социалистическое соревнование в большой социальной общности: социально-психологические аспекты / Б.Д. Парыгин, В.В. Костюшев // Регионально-отраслевые проблемы социалистического соревнования: тез. докл. всесоюз. совещ.; Ленинград, 27–29 сентября 1983 г. – Л., 1983. – С. 99–102.

142. Перспективы социальной психологии: пер. с англ. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 688 с.

143. Повышение эффективности социалистического соревнования: матер. семинара. – М.: МДНТП, 1982. – 136 с.

144. Позняков, В.П. Особенности отношений предпринимателей мужчин и женщин к конкуренции и партнерству в деловом взаимодействии / В.П. Позняков, О.И. Титова // Психологический журнал. – 2014. – № 4. – С. 5-17.

145. Позняков, В.П. Психологические отношения индивидуальных и групповых субъектов совместной жизнедеятельности / В.П. Позняков // Психологический журнал. – 2012. – № 5. – С. 5-15.

146. Поршнев, Б.Ф. Контрсуггестия и история / Б.Ф. Поршнев // История и психология. – М.: Наука, 1971. – С. 7–35.

147. Поршнев, Б.Ф. О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии) / Б.Ф. Поршнев. – СПб.: Алетейя: Историческая кн., 2007. – 713 с.

148. Поршнев, Б.Ф. Социальная психология и история / Б.Ф. Поршнев. – 2-е изд., доп. и испр. – М.: Наука, 1979. – 232 с.

149. Почебут, Л.Г. Организационная социальная психология / Л.Г. Почебут, В.А. Чикер. – СПб.: Речь, 2002. – 298 с.

150. Пранов, П.С. Психологические аспекты бригадной организации труда / П.С. Пранов // Психологический журнал. – 1984. – Т. 5. – № 4. – С. 46–50.

151. Приваленко, Л.В. Развитие творческой инициативы советского рабочего в процессе социалистического соревнования: дис. … канд. филос. наук / Приваленко Л.В. – М.: Изд-во Ин-та философии АН СССР, 1950. – 218 с.

152. Промышленная социальная психология / под ред. Е.С. Кузьмина, А.Л. Свенцицкого. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1982. – 205 с.

153. Психологическая теория коллектива / под ред. А.В. Петровского. – М.: Педагогика, 1979. – 240 с.

154. Психологические проблемы повышения эффективности деятельности производственных коллективов: тез. докл. науч.-практ. конф. / под ред. О.И. Зотовой, Е.В. Таранова, Е.В. Шороховой. – Курган: Сов. Зауралье, 1981. – 271 с.

155. Ратанова, Т.А. Психодиагностические методы изучения личности / Т.А. Ратанова, Н.Ф. Шляхта – М.: Изд-во Моск. психол.-пед. ин-та: Флинта, 2003. – С. 102–106.

156. Ратников, В.П. Коллектив как социальная общность / В.П. Ратников. – М.: Изд-во МГУ, 1978. – 216 с.

157. Регионально-отраслевые проблемы социалистического соревнования: тез. докл. всесоюз. совещ.; Ленинград, 27–29 сентября 1983 г. – Л., 1983. – 167 с.

158. Рейковски, Я. Движение от коллективизма / Я. Рейковски // Психологический журнал. – 1993. – Т. 14. – № 5. – С. 23–34.

159. Рогачевская, Л.С. Социалистическое соревнование в СССР: исторические очерки 1917–1970 гг. / Л.С. Рогачевская. – М.: Наука, 1977. – 352 с.

160. Рогачевская, Л.С. Этапы развития социалистического соревнования / Л.С. Рогачевская. – М.: Знание, 1978. – 64 с.

161. Росс, Л. Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии / Л. Росс, Р. Нисбетт. – М.: Аспект-Пресс, 1999. – 429 с.

162. Рубанец, Н.Л. Источник саморазвития соревнования / Н.Л. Рубанец // Социалистическое соревнование. – 1984. – № 2. – С. 25–27.

163. Русалинова, А.А. Применение метода групповых оценок в социально-психологических исследованиях / А.А. Русалинова // Эксперим. и прикладная психология. Ученые записки ЛГУ. – № 365, вып. 4. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1971. – С. 22–27.

164. Рыжов, А.В. Механизм сравнения в управлении социалистическим соревнованием: социально-психологический анализ / А.В. Рыжов // Социальные и социально-психологические аспекты управления соревновательными и кооперативными процессами в трудовом коллективе: препринт. – Л.: Изд-во ЛНЦ, ИСЭП АН СССР, 1986. – С. 26–32.

165. Сапоровская, М.В. Психология межпоколенных отношений в семье: диссертация ... доктора психологических наук / Сапоровская М.В. - Кострома, 2013 - 613с.

166. Серова, И.И. Самоотношение личности и стиля поведения в конфликтных ситуациях / И.И. Серова // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. – 1999. – № 1. – С. 86–87.

167. Симаков, А.Г. Социалистическое соревнование в промышленности: социально-психологические аспекты / А.Г. Симаков. – М.: Знание, 1980. – 64 с. (Новое в жизни, науке, технике. Сер. Научный коммунизм. – № 8).

168. Симаков, А.Г. Традиции и реальность / А.Г. Симаков // Социалистическое соревнование. – 1982. – № 3. – С. 40–43.

169. Симонян, Р.Х. Начальник цеха: методы и практика руководства. Социологический очерк / Р.Х. Симонян. – М.: Сов. Россия, 1981. – 192 с.

170. Симонян, Р.Х. Социалистическое соревнование: методы и практика управления / Р.Х. Симонян. – М.: Знание, 1979. – 64 с. (Новое в жизни, науке, технике. Сер. Наука и техника управления. – № 6).

171. Словарь практического психолога / сост. С.Ю. Головин. – Минск: Харвест, 2003. – 800 с.

172. Слуцкий, Г.В. Управление соревнованием в трудовом коллективе / Г.В. Слуцкий, И.Ф. Беляева, А.В. Молчанов. – М.: Экономика, 1979. – 56 с. (Передовой опыт организации соревнования – народному хозяйству).

173. Соревнование в производственном коллективе. Научная организация и управление: матер. конф. – Тарту: Изд-во Тартус. гос. ун-та, 1978. – 163 с.

174. Соревнование и конкуренция. Критика антимарксистских взглядов. – М.: Политиздат, 1983. – 256 с.

175. Социалистическое соревнование. Вопросы теории и практики организации / под ред. И.И. Чангли. – М.: Наука, 1978. – 280 с.

176. Социалистическое соревнование: опыт, проблемы: материалы всесоюз. науч.-практ. конф., посв. 40-летию стахан. движения (23–25 сентяюря 1975 г.). – М.: Профиздат, 1976. – 478 с.

177. Социальная психология. История. Теория. Эмпирические исследования / под ред. Е.С. Кузьмина, В.Е. Семенова. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1979. – 288 с.

178. Социально-психологические аспекты социалистического соревнования: сб. статей / АН СССР, Ин-т психологии; под ред. д-ра филос. наук Е.В. Шороховой. – М.: Наука, 1977. – 175 с.

179. Социально-психологические проблемы повышения эффективности деятельности производственных коллективов: тез. докл. науч.-практ. конф. / под ред. О.И. Зотовой, Е.В. Таранова, С.К. Рощина. – Курган, 1977. – 255 с.

180. Социально-психологические проблемы производственного коллектива. – М.: Наука, 1983. – 239 с.

181. Социально-психологический климат коллектива: теория и методы изучения. – М.: Наука, 1979. – 176 с.

182. Социология социалистического производственного коллектива / под ред. З.И. Файнбурга (отв. ред.), В.Г. Веретенникова, Е.С. Шайдаровой. – М.: Профиздат, 1982. – 168 с.

183. Стенографический отчет I Всесоюз. съезда по изучению поведения человека / под ред. А.Б. Залкинда. – М.-Л.: Гос. мед. изд-во, 1930. – 422 с.

184. Стогний, В.И. Социалистическое соревнование: социально-психологический аспект / В.И. Стогний. – Киев: Политиздат Украины, 1983. – 134 с.

185. Сушков, И.Р. Самокатегоризационная теория и групповые феномены / И.Р. Сушков // Психологический журнал. – 1994. – Т. 15. – № 1. – С. 158–167.

186. Сушков, И.Р. Социально-психологическая теория Джона Тернера / И.Р. Сушков // Психологический журнал. – 1993. – Т. 14. – № 3. – С. 115–125.

187. Теоретические проблемы социалистического соревнования: материалы конф. / под ред. Е.Н. Капустина. – М.: Наука, 1980. – 280 с.

188. Тернер, Дж. Структура социологической теории / Дж.. Тернер. – М.: Прогресс, 1985. – 471 с.

189. Тукумцев, Б.Г. Показатели включенности в социалистическое соревнование / Б.Г. Тукумцев // Социологические исследования. – 1981. – № 1. – С. 155–157.

190. Тэрнер, Дж.С. Социальная идентичность, самокатегоризация и группа / Дж.С. Тэрнер, П.Дж. Оукс, С.А. Хэслен, В. Дэвид // Иностранная психология. – Т. 2. – № 2(4). – 1994. – С. 8–17.

191. Тюренков, А.Е. Коллективная стахановская работа в забое / А.Е. Тюренков. – М.: Профиздат, 1948. – 48 с.

192. Уилк, Х. Групповое действие / Х. Уилк, Э. ван Книппенберг // Перспективы социальной психологии. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – С. 454–503.

193. Уманский, Л.И. Методы экспериментального исследования социально-психологических феноменов / Л.И. Уманский // Методология и методы социальной психологии. – М.: Наука, 1977. – С. 54–71.

194. Уманский, Л.И. Психология организаторской деятельности школьников / Л.И. Уманский. – М.: Просвещение, 1980. – 160 с.

195. Файнбург, З.И. Диалектическая логика политической экономии социализма / З.И. Файнбург, Г.П. Козлова. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 1982. – 138 с.

196. Фединин, В.К. Трудовое соревнование: опыт и проблемы организации / В.К. Фединин. – М.: Сов. Россия, 1982. – 224 с.

197. Феофанов, М. Социалистическое соревнование и ударничество – основной метод коммунистического воспитания / М. Феофанов // Социалистическое соревнование ФЗС. – 1931. – № 5. – С. 5–8.

198. Филатов, В.С. О влиянии труда на формирование характера человека / В.С. Филатов. – М.: Профтехиздат, 1960. – 45 с.

199. Филатов, В.С. Формирование личности в труде / В.С. Филатов. – Ярославль, 1962. – 78 с.

200. Филиппов, А.В. Психологические аспекты организации социалистического соревнования / А.В. Филиппов, В.В. Новиков – М.: Знание, 1976. – 64 с. (Новое в жизни, науке, технике. Сер. Наука и управление. 1976. – № 6).

201. Философская энциклопедия / под ред. Ф.В. Константинова. – М.: Советская энциклопедия, 1970. – Т. 5. – 740 с.

202. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 4-е изд. – М.: Политиздат, 1980. – 444 с.

203. Философский энциклопедический словарь / под ред. Л.Ф. Ильичева [и др.]. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.

204. Фрейд, З. Психология масс и анализ человеческого «Я» / З. Фрейд // Фрейд З. «Я» и «Оно». Труды разных лет. Кн. 1. – Тбилиси: Мерини, 1991. – С. 71–139.

205. Фурье, Ш. Новый хозяйственный и социетарный мир, или открытие способа привлекательного и природосообразного труда, распределенного в сериях по страсти / Ш. Фурье // Избранные сочинения. Т. 3. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954. – С. 5–595.

206. Хекхаузен, Х. Мотивация и деятельность / Х. Хекхаузен. – СПб.: Питер; М.: Смысл, 2003. – 860 с.

207. Хейзинга, И. Homo ludens. В тени завтрашнего дня / И. Хейзинга. – М.: Прогресс, 1992. – 464 с.

208. Холл, К.С. Теории личности / К.С. Холл, Г. Линдсей. – М.: Эксмо-Пресс, 2000. – 591 с.

209. Хоманс, Дж. Социальное поведение как обмен / Дж. Хоманс // Современная зарубежная социальная психология. Тексты / под ред. Г.М. Андреевой, Н.Н. Богомоловой, Л.А. Петровской. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – С. 82–91.

210. Хорни, К. Наши внутренние конфликты / К. Хорни // Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. – М.: Смысл, 1997. – С. 6–234.

211. Хорни, К. Неврозы и развитие личности / К. Хорни // Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. – М.: Смысл, 1997. – С. 236–684.

212. Хорни, К. Невротическая личность нашего времени / К. Хорни // Собр. соч.: в 3 т. Т. 1. – М.: Смысл, 1997. – С. 272–488.

213. Хэгстром, У. Соперничество в науке / У. Хэгстром // Научная деятельность: структура и институты. – М.: Прогресс, 1980. – С. 324–359.

214. Чангли, И.И. Актуальность идей марксизма о соревновании и конкуренции / И.И. Чангли // Социалистическое соревнование. – 1983. – № 3. – С. 23–28.

215. Черникова, О.А. Соперничество, риск, самообладание в спорте / О.А. Черникова. – М.: Физкультура и спорт, 1980. – 104 с.

216. Шамионов, Р.М. Психология социальной активности молодежи: проблемы и риски / Р.М. Шамионов, М.В. Григорьева . – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2012. – 384 с.

217. Шихирев, П.Н. Современная социальная психология / П.Н. Шихирев. – М.: ИП РАН: КСП+: Академический проект, 1999. – 448 с.

218. Шорохова, Е.В. Социально-психологическое исследование деятельности соревнующихся коллективов / Е.В. Шорохова, О.И. Зотова, А.И. Левина, К.К. Платонов // Прикладные проблемы социальной психологии. – М.: Наука, 1983. – С. 69–87.

219. Шорохова, Е.В. Социально-психологические проблемы социалистического соревнования / Е.В. Шорохова, К.К. Платонов, О.И. Зотова, В.В. Новиков // Социально-психологические аспекты социалистического соревнования. – М.: Наука, 1977. – С. 23–40.

220. Эленурм, Т.В. Ситуации соревнования: проблема диагностики и регуляции / Т.В. Эленурм // Социальные и социально-психологические аспекты управления соревновательными и кооперативными процессами в трудовом коллективе: препринт. – Л.: Изд-во ЛНЦ, ИСЭП АН СССР, 1986. – С. 10–17.

221. Эленурм, Т.В. О некоторых социально-психологических аспектах при устройстве трудового соревнования / Т.В. Эленурм, Л.Р. Блюм, Р.А. Лая // Регионально-отраслевые проблемы социалистического соревнования: тез. докл. всесоюз. совещ.; Ленинград, 27–29 сентября 1983 г. – Л., 1983. – С. 131–133.

222. Энгельс, Ф. Наброски к критике политической экономии / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 1. – С. 544–571.

223. Энгельс, Ф. Принципы коммунизма / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 4. – С. 322–339.

224. Энгельс, Ф.. Происхождение семьи, частной собственности и государства / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 21. – С. 23–178.

225. Энгельс, Ф. Эльберфельдские речи / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 2 – С. 532–554.

226. Юнг, К. Конфликты детской души: собр. соч. / К. Юнг. – М.: Канон, 1994. – С. 6–20.

227. Ядов, В.А. Стратегия социологического исследования: описание, объяснение, понимание социальной реальности / В.А. Ядов. – М.: ОМЕГА-Л, 2009. - 567 с.

228. Abra, J. Competition: Creativity's vilified motive / J. Abra // Genetic, Social and General Psychology Monographs. – 1993. – Vol. 119. – P. 289–342.

229. Alper, S. Interdependency and controversy in group decision making: Antecedents to effective self-managing teams / S. Alper, D. Tjosvold, K.S. Law // Organizational behavior and human decision processes. – 1998. – Apr. – Vol. 74 (1). – P. 33–52.

230. Anderson, C.A. Competitive aggression without in interaction: Effects of competitive versus cooperative instructions on aggressive behavior in video games / C.A. Anderson, M. Morrow // Personality and Social Psychology Bulletin. – 1995. – Vol. 21. – P. 1020–1030.

231. Argyle, M. Cooperation / M. Argyle. – London, 1991. – 276 p. (XI).

232. Argyle, M. Social situations / M. Argyle, A. Furnham, J. Graham. – London: Cambridge University Press, 1981.

233. Axelrod, R. The further evolution of cooperation / R. Axelrod, D. Dion // Science. 1998. – № 242. – P. 1385–1390.

234. Axelrod, R. The evolution of cooperation // R. Axelrod. – New York, Perseus Books Group, 2006.

235. Axelrod, R.M. The complexity of cooperation: Agent-based models of competition and collaboration / R.M. Axelrod. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997. – 232 p.

236. Bay-Hinitz, A.K. Cooperative games: A way to modify aggressive and cooperative behaviors in young children / A.K. Bay-Hinitz, R.F. Peterson, H.R. Quilitch // Journal of Applied Behavior Analysis. – 1994. – Vol. 27. – P. 435–446.

237. Beck, D. An intergroup perspective on small group processes: Interaction analysis of intergroup cooperation / D. Beck, R. Fish // Revue internationale de Psychologie sociale. – 1994. – Vol. 7. – P. 63–80.

238. Berkowitz, L. Agression: a social psychological analysis / L. Berkowitz. – New York: McGraw Hill, 1962.

239. Berkowitz, L. Social norms, feeling and other factors affecting helping and altruism / L. Berkowitz (Ed.) // Advances in experimental social psychology. – New York: Academic Press, 1972. – Vol. 6. – P. 63–108.

240. Bettencourt, B.A. Cooperation and the reduction of intergroup bias: The role of reward structure and social orientation / B.A. Bettencourt, M.B. Brewer, M.R. Croak, N. Miller // Journal of experimental social psychology. – 1992. – Vol. 28. – P. 301–319.

241. Bierhoff, H.W. Sozialpsychologische Aspect der Kooperation / H.W. Bierhoff // Spiess E. (Ed.). Formen der Kooperation. Bedingungen und Perspektiven. Verlag fuer Angewandte Psychologie, Goettingen, 1998. – S. 21–35.

242. Blake, R.R. Overvaluation of own group's product in intergroup competition / R.R. Blake, J.S. Mouton // Journal of abnormal and social psychology. – 1962. – Vol. 64. – № 3. – P. 237–238.

243. Bonta, B.D. Cooperation and competition in peaceful societies / B.D. Bonta // Psychological Bulletin. – 1997. – Vol. 121. – № 2. – P.299–320.

244. Bonta, B.D. Peaceful peoples: An annotated bibliography / B.D. Bonta. – Metuchen, NY: Scarectrow Press, 1993.

245. Bornstein, G. Cooperation in intergroup, N-person and two person games of chicken / G. Bornstein, D. Budescu, S. Zamir // Journal of conflict resolution. – 1997. – Vol. 41 (3). – P. 384–406.

246. Bornstein, G. The enhancing effect of intergroup competition on group performance / G. Bornstein, I. Erev // International journal of conflict management. – 1994. – Jul. – Vol. 5 (3). – P. 271–283.

247. Bornstein, G. The enhancing effect of intergroup competition on group performance / G. Bornstein, I. Erev // Using conflict in organizations / De Dreu C.K.W. [et al.] (Eds.). – London: Sage publications. 1997. – P. 116–128.

248. Bornstein, G. Intergroup competition as a structural solution to social dilemmas / G. Bornstein, I. Erev, O. Rosen // Social behavior. – 1990. – Vol. 5. – P. 247–260.

249. Bornstein, G. Intergroup competition for the provision of step-level public goods: effects of preplay communication / G. Bornstein, A. Rapoport // European Journal of Social Psychology. – 1988. – Vol.18. – P. 125–144.

250. Bornstein, G. Within- and between-group communication in intergroup competition for public goods / G. Bornstein, A. Rapoport, L. Kerpel, T. Katz // Journal of Experimental Social Psychology. – 1989. – Vol. 25. – P. 422–431.

251. Brewer, M.B. In-group bias in the minimal intergroup situation: A cognitive-motivational analysis / M.B. Brewer // Psychological bulletin. – 1979. – Vol. 86. – P. 307–327.

252. Brewer, M.B. Beyond the contact hypothesis: Theoretical perspectives on desegregation / N. Miller, M.B. Brewer // Groups in contact: The psychology of desegregation. – Orlando, FL: Academic Press, 1984. – P. 281–302.

253. Brown, R.J. Group processes: dynamics within and between groups / R.J. Brown. – Oxford: Blackwell, 1988.

254. Bunker, B.B. Conflict, cooperation and justice / B.B. Bunker, J.Z. Rubin. – San Francisco: Jossey-Bass, 1995.

255. Carneval, P.J. Good news about competitive people / P.J. Carneval, T.M. Brobst // De Dreu C.K.W. [et al.]. Using conflict in organizations. – London: Sage publications, 1997. – P. 129–146.

256. Charlesworth, W.R. Co-operation and competition: Contributions to an evolutionary and developmental model / W.R. Charlesworth // International journal of behavioral development. – 1996. – Vol. 19 (1). – P. 25–38.

257. Cook, S.W. Cooperation in multiethnic context / S.W. Cook // Miller N., Brewer M.B. Groups in Contact: The Psychology of Desegregation. – Orlando, FL: Academic, 1984. – P. 155–185.

258. Cosier, R.A. Competition and cooperation effects of value dissensus and predisposition to help / R.A. Cosier, D.R. Dalton // Human relations. – 1988. – Vol. 41. – P. 823–839.

259. Cottrell, N.B. Social facilitation / N.B. Cottrell // McClintock C.G. Experimental Social Psychology. – New York : Holt, Rinehart and Winsron, 1972. – P. 185–236.

260. Dahrendorf, R. Sozial Klassen und Klassenkonflict in der industriellen Gesellschaft / R. Dahrendorf. – Stuttgart, 1957.

261. Daws, R.M. Not me or they but we: the importance of group identity in eliciting cooperation in dilemma situations / R.M. Daws, A.J.C. van de Kragt, J.M. Orbell // Acta Psychology. – 1988. – Vol. 68. – P. 83–97.

262. De Bruin, E.N.M. Impression formation and cooperative behavior / E.N.M. De Bruin, P.A.M. van Lange // European Journal of Social Psychology. – 1999. – Vol. 29 (2–3). – P. 305–328.

263. De-Dreu, C.-K.-W. Share and share alike or winner take all?: The influence of social value orientation upon choice and recall of negotiation heuristics / C.-K.-W. De-Dreu, T.L. Boles // Organizational behavior and human decision processes. – 1998. – Dec. – Vol. 76 (3). – P. 253–276.

264. De-Dreu, C.K.W. Gain-loss frames and cooperation in two-person social dilemmas: A transformational analysis / C.K.W. De-Dreu, C. McCusker // Journal of personality and social psychology. – 1997. – Vol. 72 (5). – P. 1093–1106.

265. Derlega, V.J., Grzelak J. Cooperation and helping behavior: Theories and research / V.J. Derlega, J. Grzelak. – New York: Academic Press, 1982.

266. Desforges, D.M. Effects of structured cooperative contact on changing negative attitudes towards stigmatized social groups / D.M. Desforges, C.G. Lord, S.L. Ramsey, J.A. Mason, M.D. van Leenwen, S.C. West, M.R. Lepper // Journal of Personality and Social Psychology. – 1991. – Vol. 60. – P. 531–544.

267. Deutsch, M. A theory of cooperation and competition / M. Deutsch // Human Relations. – 1949. – № 2. – P. 129–151.

268. Deutsch, M. An experimental study of the effects of cooperation and competition upon group process / M. Deutsch // Human Relations. – 1949. – № 2. – P. 199–231.

269. Deutsch, M. Distribute justice. A social-psychological perspective / M. Deutsch. – New Haven and London, 1985.

270. Deutsch, M. Cooperation, competition and conflict / M. Deutsch // The Handbook of Conflict Resolution: Theory and practice, 3rd Edition / Ed. by M. Deutsch, P. T. Coleman, & E. C. Marcus . – San Francisco: Jossey-Bass, 2014. – P. 3–28.

271. Deutsch, M. The resolution of conflict: constructive and destructive process / M. Deutsch. – New Haven, CT: Yale University Press, 1973.

272. Doise, W. An experimental investigation into the formation of intergroup representations / W. Doise, G. Csepeli, H.D. Dann, C. Gouge, K. Larsen, A. Ostell // European journal of social psychology. – 1972. – Vol. 2. – P. 202–204.

273. Dollard, J. Frustration and aggression / J. Dollard, L.W. Doob, N.E. Miller, O.H. Mowrer, R.R. Sears. – New Haven, 1939.

274. Drigotas, S.M. Mere categorization and competition: A closer look at social identity theory and the discontinuity effect / S.M. Drigotas, C. Insko, J. Schopler // Worchel S., Morales J.F. (Eds.): [et al.] Social identity: International perspectives. – London, England UK: Sage Publications, 1998. – P. 180–198.

275. Epstein, J.A. Winning is not enough: The effects of competition and achievement orientation on intrinsic interest / J.A. Epstein, J.M. Harackiewicz // Personality and Social Psychology Bulletin. – 1992. – Vol. 18. – P. 128–138.

276. Erber, R. Outcome dependency and attention to inconsistent information / R. Erber, S.T. Fiske // Journal of personality and social psychology. – 1984. – Vol. 47. – P. 709–726.

277. Fengler, J. Konkurrenz und Kooperation in Gruppe, Team und Partnerschaft / J. Fengler. – Pfeiffer, Muenchen: Universitaet Koeln, 1996. – 272 s.

278. Ferguson, C.K. Significant factors in overvaluation of own-group's product / C.K. Ferguson, H.H. Kelly // Journal of abnormal and social psychology. – 1964. – Vol. 69. – P. 223–228.

279. Fiske, S.T. Category-based and individuating processes as a function of information and motivation: Evidence from our laboratory / S.T. Fiske, S.L. Neuberg // Bar-Tal D., Graumann C.F. Kruglanski A.W., Stroebe W. (Eds.). Stereotyping and prejudice: Changing conceptions. – New York: Springer-Verlag, 1989. – P. 83–104.

280. Friedland, N. Attribution of control as a determinant of cooperation in exchange interactions / N. Friedland // Journal of Applied Social Psychology. – 1990. – Vol. 20 (4). – P. 303–320.

281. Gaertner, S.L. How does cooperation reduce intergroup bias? / S.L. Gaertner, J.A. Mann, J.F. Dovidio, A.J. Murrell, M. Pomare // Journal of Personality and Social Psychology. – 1990. – Vol. 59. – P. 692–704.

282. Gambetta, D. Trust: Making and breaking cooperative relations / D. Gambetta. – Cambridge, MA: Oxford University Press. – 1988.

283. Goldman, M. Intragroup and intergroup competition and cooperation / M. Goldman, J.W. Stockbauer, T. MCauliffe // Journal of Experimental Social Psychology. – 1977. – Vol. 13 (1). – P. 81–88.

284. Gouldner, A.W. The norm of reciprocity: A preliminary statement / A.W. Gouldner // American sociological review. – 1960. – Vol. 25. – P. 161–178.

285. Hertel, G. Fair and dependent versus egoistic and free: Effects of semantic and evaluative priming on the «Ring Measure of social values» / G. Hertel, K. Fidler // European journal of social psychology. – 1998. – Vol. 28 (1). – P. 49–70.

286. Hinde, R.A. Cooperation and prosocial behavior / R.A. Hinde, J. Groebel. – New York: Cambridge University Press, 1991. – 411 p.

287. Homans, G. Social behavior: Its elementary forms / G. Homans. – New York: Harcourt, Brace and World. 1961.

288. Insko, C.A. Categorization, competition and collectivity / C.A. Insko, J. Schopler // Revue of Personality and Social Psychology. – 1987. – Vol. 8. – P. 213–251.

289. Insko, C.A. Individual-intergroup discontinuity in the prisoner's dilemma game / C.A. Insko, G. Schopler, K.A. Graetz, S.M. Drigotas, D.P. Currey, S.L. Smith, D. Brazil, G. Bornstein // Journal of conflict resolution. – 1994. – Vol. 38. – P. 87–116.

290. Insko, C.A. Long-term outcome maximization and the reduction of interindividual-intergroup discontinuity / C.A. Insko, J. Schopler, M.B. Pemberton, J. Wieselquist, S. McIlraith, D.P. Currey, L. Gaertner // Journal of personality and social psychology. – 1998. – Sep., Vol. 75 (3). – P. 695–711.

291. Janssen, O. Concern for the other's goals: Key to (de)-escalation of conflict / O. Janssen, E. van de Vliert // International journal of conflict management. – 1996. – Vol. 7 (2). – P. 99–120.

292. Johnson, D.W. Goal interdependence and interpersonal attraction in heterogeneous classrooms: A meta-analysis / D.W. Johnson, R. Johnson, G. Maruyama // Miller N., Brewer M. Groups in contact: The psychology of desegregation. – Orlando, FL: Academic Press, 1984. – P. 187–212.

293. Johnson, D.W. Cooperative learning: The power of positive goal interdependence / D.W. Johnson, R.T. Johnson // Chasnoff R.E. Structuring cooperative learning experience in the classroom: The 1979 handbook. – Minneapolis, MN: Cooperative Network, 1979.

294. Johnson, D.W. Relationships between black and white students in intergroup cooperation and competition / D.W. Johnson, R.T. Johnson // Journal of social psychology. – 1985. – Vol. 125. – P. 421–428.

295. Johnson, D.W. The socialization and achievement crises: Are cooperative learning experiences the solution? / D.W. Johnson, R.T. Johnson // Applied social psychology annual. – 1983. – № 4. – P. 119–164.

296. Johnson, D.W. Effects of cooperative, competitive and individualistic goal structures on achievement: A meta-analysis / D.W. Johnson, G. Maruyama, R. Johnson, D. Nelson, L. Skon // Psychological Bulletin. – 1981. – Vol. 89. – P. 47–62.

297. Judd, C.M. Outgroup homogeneteity: Judgments of variability at the individual and group levels / C.M. Judd, B. Park // Journal of Personality and Social Psychology. – 1988. – Vol. 54. – P. 778–788.

298. Julian, J.W. Cooperation contrasted with intragroup and intergroup competition / J.W. Julian, F.A. Perry // Sociometry. – 1967. – Vol. 30 (1). – P. 34–51.

299. Keenan, P. Positive effects of within-group competition on between-group negotiation / P. Keenan, P. Carnevale // Journal of Applied Social Psychology. – 1989. – Vol. 19. – P. 977–992.

300. Kennedy, J. The effects of cooperation and competition on ingroup-outgroup bias / J. Kennedy, L. Stephan // Journal of applied social psychology. – 1977. – Vol. 7. – P. 115–130.

301. Kerr, N.L. The jury trial / N.L. Kerr // The Criminal Justice System: a social-psychological analysis. – San Francisco: Freeman, 1982.

302. Kline, T.J.B. Cooperativeness as competitiveness: Initial findings regarding effects on the performance of individual and group problem solving / T.J.B. Kline, Y.P. Sell // Psychological reports. – 1996. – Vol. 79 (2). – P. 355–365.

303. Komorita, S.S. Cooperative choice in decomposed social dilemmas / S.S. Komorita // Personality and Social Psychology Bulletin. – 1987. – Vol. 13. – P. 53–63.

304. Komorita, S.S. Frequency of reciprocated concessions in bargaining / S.S. Komorita, J.K. Esser // Journal of Personality and Social Psychology. – 1975. – Vol. 32. – P. 699–705.

305. Kullman, D.M. Individual differences in game motivation as motivators of preprogrammed strategy effects in prisoner's dilemma / D.M. Kullman, A.F.J. Mashello // Journal of Personality and Social Psychology. – 1975. – Vol. 32. – P. 922–931.

306. Kumbruck, A. Tele-Kooperation und Hintergrundkooperation / A. Kumbruck // Spiess E. (Ed.). Formen der Kooperation. Bedingungen und Perspektiven. Verlag fuer Angewandte Psychologie, Goettingen, 1998. – S. 231–246.

307. La Freniere, P.J. Cooperation as a conditional strategy among peers: Influence of social ecology and kin relations / P.J. La Freniere // International journal of behavioral development. – 1996. – Vol. 19 (1). – P. 39–52.

308. Lichbach, M.I. When is an arms rivalry a prisoner's dilemma? Richardson's models and 2x2 games / M.I. Lichbach // Journal of Conflict Resolution. – 1990. – Vol. 34. – P. 29–56.

309. Lindskold, S. Styles of announcing conciliation / S. Lindskold, M.L. Finch // Journal of Conflict Resolution. – 1981. – Vol. 25. – P. 704–714.

310. Lodewijkse, H.F.M. Discontinuity in competition between groups and individuals / H.F.M. Lodewijkse, T. Wildschut // N. de Vries [et al.] (Eds.). Fundamental social psychology (in Dutch). – Delft: Eburon, 1996.

311. Loh, C.Y. Cooperation and competition as a function of zygosity in 7- to 9-year-old twins / C.Y. Loh, J.M. Elliott // Evolution and Human behavior. – 1998. – Nov. – Vol. 19 (6). – P. 397–411.

312. Lundgren, D.C. Member's changes in attitude toward cooperative and antagonistic leaders in competitive intergroup situation / D.C. Lundgren // Psychological reports. – 1998. – Feb. – Vol. 82 (1). – P. 254.

313. Manstead, A.S. Social facilitation effects: mere enhancement of dominant responses? / A.S. Manstead, G.R. Semin // British Journal of Social and Clinical Psychology. – 1980. – Vol. 19. – P. 119–136.

314. McAlister, D.J. Affect- and cognition based trust as foundations for interpersonal cooperation in organizations / D.J. McAlister // Academy of Management Journal. – 1995. – Vol. 38. – P. 24–59.

315. McCallum, D.M. Competition and cooperation between groups and between individuals / D.M. McCallum, K. Harring, R. Gilmore, S. Drenan, J.P. Chase, C.A. Insko, J. Tribault // Journal of experimental social psychology. – 1985. – Vol. 21. – P. 301–320.

316. McGillicuddy, N.B. Perceptions of firmness and strength in negotiation / N.B. McGillicuddy, D.G. Pruitt, H. Syna // Personality and Social Psychology Bulletin. – 1984. – Vol. 10. – P. 402–409.

317. Menninger, W. Recreation and mental health / W. Menninger // Recreation. – 1948. – Vol. 42. – P. 340–346.

318. Messick, D.M. Individual heuristics and the dynamics of cooperation in large groups / D.M. Messick, W.G. Liebrand // Psychological Revue. – 1995. – Vol. 102. – P. 131–145.

319. Mints, A. Non-adaptive group behavior / A. Mints // Journal of Abnormal and Social Psychology. – 1951. – Vol. 46. – P. 216–229.

320. Montagu, A. The nature of human aggression / A. Montagu. – New York: Oxford University Press, 1976.

321. Nalebuff, B. Co-opetition / B. Nalebuff, A.M. Brandenburger. – London, 2013. – 308 p.

322. Nemeth, C. A critical analysis of research utilizing the prisoner's dilemma paradigm for the study of bargaining / C. Nemeth // Berkowitz L. Advances in experimental social psychology. – New York: American Press, 1972. – Vol. 6. – P. 203–234.

323. Neuberg, S.L. Motivational influences on impression formation: Outcome dependency, accuracy-driven attention and individuating processes / S.L. Neuberg, S.T. Fiske // Journal of personality and social psychology. – 1987. – Vol. 53. – P. 431–444.

324. Newcomb, T.M. Personality and social change / T.M. Newcomb. – New York: Dryden, 1943.

325. Nowicki, S.J. The impact of cooperative and competitive instructions on the performance of friendly and hostile complementary mixed-sex dyads / S.J. Nowicki, L. Fost, M. Naik // Journal of research in personality. – 1997. – Vol. 31 (4). – P. 512–522.

326. Okebukola, P.A. Cooperative, competitive and individualistic science laboratory interaction patterns – effects on students' achievement and acquisition of practical skills / P.A. Okebukola, M.B. Ogunniyi // Journal of Research in Science Teaching. – 1984. – Vol. 21. – P. 875–884.

327. Olekalns, M. Social value orientations and negotiator outcomes / M. Olekalns, P.L. Smith, R. Kibby // European journal of social psychology. – 1996. – Vol. 26 (2). – P. 299–313.

328. Oskamp, S. Effects of programmed strategies on cooperation in the prisoner's dilemma and other mixed-motive games / S. Oskamp // Journal of Conflict Resolution. – 1971. – Vol. 15. – P. 225–259.

329. Parks, C.D. Trust and reactions to messages of intent in social dilemmas / C.D. Parks, R.F. Henager, S.D. Scamahorn // Journal of Conflict Resolution. – 1996. – Vol. 40 (1). – P. 134–151.

330. Pemberton, M.B. Memory for and experience of differential competitive behavior of individuals and groups / M.B. Pemberton, C.A. Insko, J. Schopler // Journal of personality and social psychology. – 1996. – Nov. – Vol. 71 (5). – P. 953–966.

331. Pettigrew, T.F. Intergroup contact theory / T.F. Pettigrew // Annual Revue of Psychology. – 1998. – Vol. 49. – P. 65–85.

332. Pruitt, D.G. Twenty years of experimental gaming: critique, synthesis and suggestions for the future / D.G. Pruitt, M.J. Kimmel // Annual review of psychology. – 1977. – Vol. 28. – P. 363–392.

333. Pruitt, D.G. Social conflict: escalation, stalemate and settlement / D.G. Pruitt, J.Z. Rubin. – New York: Random House, 1986.

334. Pruitt, D.G. Negotiation behavior / D.G. Pruitt. – New York: Academic Press, 2013. – 278 p.

335. Punch, K.F. Cooperative and competitive learning environments and their effects on behavior, self-efficacy and achievement / K.F. Punch, B. Moriarty // Alberta journal of educational research. – 1997. – Vol. 43 (2–3). – P. 158–160.

336. Rabbie, J. Arousal of ingroup-outgroup bias by a chance win or loss / J. Rabbie, M. Horwitz // Journal of personal and social psychology. – 1969. – Vol. 13. – P. 269–277.

337. Rabbie, J.M. A behavioral interaction model: towards an integrative framework for studying intra- and intergroup relations / J.M. Rabbie // Larson K. Conflict and social psychology. – Beverley Hills, CA: PRIO/Sage, 1993. – P. 86–108.

338. Rabbie, J.M. Determinants of ingroup cohesion and outgroup hostility / J.M. Rabbie // International journal of group tensions. – 1993. – Vol. 23 (4). – P. 309–328.

339. Rabbie, J.M. Is there a discontinuity or reciprocity effect in cooperation and competition between individuals and groups? / J.M. Rabbie // European Journal of Social Psychology. – 1998. – Vol. 28. – P. 483–507.

340. Rabbie, J.M. Differential power and effects of expected competitive and cooperative intergroup interaction upon and outgroup attitudes / J.M. Rabbie, F. Benoist, H. Oosterban, L. Visser // Journal of Personality and Social Psychology. – 1974. – Vol. 30. – P. 46–56.

341. Rabbie, J.M. Intergroup competition and its effects on intragroup and intergroup relations / J.M. Rabbie, G. Wilkens // European Journal of Social Psychology. – 1971. – Vol. 1. – P. 215–234.

342. Raven, B.H. Cooperation and competition in means interdependents triad / B.H. Raven, H.T. Eachus // Journal of Abnormal and Social Psychology. – 1963. – Vol. 67 (4). – P. 307–316.

343. Roos, V. Effect of cooperative and competitive outcome dependency of attention and impression preferences / V. Roos // Journal of Experimental social psychology. – 1998. – Vol. 34 (3). – P. 265–288.

344. Rosen, J. Facilitating cooperation in a social dilemma: A persuasion approach / J. Rosen, D.A.F. Haaga // Journal of psychology. – 1998. – Mar. – Vol. 132 (2). – P. 143–153.

345. Salewski, C. Raemlicher Abstand in dyadischen Interaktionen / C. Salewski // Gruppendynamik. – 1993. – № 24 (1). – S. 5–21.

346. Sanders, G.S. Distraction and social comparison as mediators of social facilitation effects / G.S. Sanders, R.S. Baron, D.L. Moore // Journal of Experimental Social Psychology. – 1978. – Vol. 14. – P. 291–303.

347. Sanna, L.J. Self-efficacy theory: implications for social facilitation and social loafing / L.J. Sanna // Journal of Personality and Social Psychology. – 1992. – Vol. 62. – P. 774–786.

348. Sattler, D.N. The need principle in social dilemmas / D.N. Sattler // Journal of social behavior and personality. – 1998. – Dec. – Vol. 13 (4). – P. 667–678.

349. Schlenker, B. Cooperators and competitors in conflict / B. Schlenker, H. Goldman // Journal of Conflict Resolution. – 1978. – Vol. 22 (3). – P. 393–410.

350. Schopler, J. The discontinuity effect in interpersonal and intergroup relations: generality and mediation / J. Schopler, C.A. Jnsko // European review of social psychology. – 1992. – Vol. 3. – P. 121–151.

351. Segal, N.L. Twin children with unfamiliar partners: Genotypic and gender influences on cooperation / N.L. Segal, S.L. Connelly, T.D. Topoloski // Journal of Child psychology and psychiatry and allied disciplines. – 1996. – Vol. 37 (6). – P. 731–735.

352. Segal, N.L. Cooperation and competition between twins: Findings from a prisoner's dilemma game / N.L. Segal, S.L. Hershberger // Evolution and human behavior. – 1999. – Jan. – Vol. 20 (1). – P. 29–51.

353. Seta, J.J. Effects of group size and proximity under cooperative and competitive conditions / J.J. Seta, J.K. Schkade // Journal of Personality and Social Psychology. – 1976. – Vol. 34 (1). – P. 111–125.

354. Sherif, M. Group conflict and cooperation / M. Sherif. – London: Routledge and Kegan Paul, 1966.

355. Sherif, M. Intergroup conflict and cooperation: The Robbers Cave experiment / M. Sherif, O.J. Harvey, B.J. White, W.R. Hood, C.W. Sherif. – Norman: University of Oklahoma Book Exchange, 1961.

356. Sherif, M. Groups in harmony and tension / M. Sherif, C.W. Sherif. – New York: Harper & Row, 1953.

357. Sherman, L.W. Cooperative versus competitive educational psychology classroom: A comparative study / L.W. Sherman // Teaching and Teacher Education. – 1986. – Vol. 2. – P. 283–295.

358. Simmons, C.H. Success strategies: Winning through cooperation or competition / C.H. Simmons, C.S. King, S.S. Tucker, E.A. Wehner // Journal of Social Psychology. – 1986. – Vol. 126. – P. 437–444.

359. Simmons, C.H. The cooperative/competitive strategy scale: A measure of motivation to use cooperative or competitive strategies for success / C.H. Simmons, E.A. Wehner, S.S. Tucker, C.S. King // Journal of social psychology. – 1988. – Vol. 128. – P. 199–205.

360. Slawin, R.E. Cooperative learning / R.E. Slawin. – New York: Longman, 1994. – 194 p.

361. Smith, J.M. Environmental concern and cooperative-competitive behavior in simulated commons dilemma / J.M. Smith, P.A. Bell // Journal of Social Psychology. – 1992. – Vol. 132. – P. 461–468.

362. Smith, P.K. Strategies of co-operation: A commentary / P.K. Smith // International journal of behavioral development. – 1996. – Vol. 19 (1). – P. 81–87.

363. Smither, R.D. The nature of competitiveness: The development and validation of the competitiveness index / R.D. Smither, J.M. Houston // Educational and Psychological Measurement. – 1992. – Vol. 52. – P. 407–418.

364. Snyder, M. Personality and social behavior / M. Snyder, W. Ickes // Lindzey G., Aronson E. The handbook of social psychology: Vol. II: Special fields and applications. – New York: Random House, 1985. – P. 883–947.

365. Stanne, M.B. Does competition enhance or inhibit motor performance: A meta-analysis / M.B. Stanne, D.W. Johnson, R.T. Johnson // Psychological bulletin. – 1999. – Jan. – Vol. 125 (1). – P. 133–154.

366. Steiner, I.D. Group processes and productivity / I.D. Steiner. – New York: Academic Press, 1972.

367. Stephan, W. An experimental study of interethnic competition in segregated schools / W. Stephan // Journal of Social Psychology. – 1975. – Vol. 13. – P. 234–247.

368. Stevens, C.M. Strategy and collective bargaining negotiation / C.M. Stevens. – New York: McGraw-Hill, 1963.

369. Stone, B. Response of cooperators and competitors in simulated arms race / B. Stone, C. Jones, B. Betz // Psychological reports. – 1996. – Vol. 79 (3, Pt. 2). – P. 1101–1102.

370. Strack, F. Priming and communication: Social determinants of information use in judgments of life satisfaction / F. Strack, L.L. Martin, N. Schwarz // European journal of social psychology. – 1988. – Vol. 18. – P. 429–442.

371. Sumner, W.G. Folkways. – New York: Ginn and Co, 1906.

372. Tajfel, H. The social identity theory of intergroup behavior / H. Tajfel, J.C. Turner // Worchel S., Austin W.G. Psychology of intergroup relations. – Chicago: Nelson-Hall, 1986. – P. 7–24.

373. Tajfel, H. The «New Look» and Social differentiations: a semi-brunerian perspective / H. Tajfel // The social foundations of language and thought / Ed. by Olson D. – N.Y. – I., 1980. – P. 74–89.

374. Taylor, S.E. Adjustment to threatening events: A theory of cognitive adaptation / S.E. Taylor // American psychologist. – 1983. – Vol. 41. – P. 1161–1173.

375. Tesser, A. Self-esteem maintenance in family dynamics / A. Tesser // Journal of Personality and social psychology. – 1980. – Vol. 39. – P. 77–91.

376. Tjosvold, D. Networking by professionals to manage change: Dentists' co-operation and competition to develop their business / D. Tjosvold // Journal of organizational behavior. – 1997. – Vol. 18 (6). – P. 745–752.

377. Tjosvold, D. Managing conflict in Dutch organizations: A test of the relevance of Deutsch's cooperation theory / D. Tjosvold, C. De-Dreu // Journal of applied social Psychology. – 1997. – Dec. Vol. 27 (24). – P. 2213–2227.

378. Tjosvold, D. Developing commitment in Japanese organizations in Hong Kong: Interdependence, interaction, relationship and productivity / D. Tjosvold, S. Sasaki, J.W. Moy // Small group research. – 1998. – Oct. – Vol. 29 (5). – P. 560–582.

379. Turner, J.C. Social categorization and self-concept: a social cognitive theory of group behavior / J.C. Turner // Lawler E.J. (Ed.) Advances in group processes. – Greenwich, CT: JAS Press, 1985. – Vol. 2. – P. 77–122.

380. Turner, J.C. Intergroup behavior / J.C. Turner, H. Giles. – Oxford: Blackwell; Chicago: University of Chicago Press, 1981. – P. 66–101.

381. Van Audenhoven, J.P. Cooperation, ethnic salience and generalization of interethnic attitudes / J.P. van Audenhoven, J.T. Groenewond, M. Hewstone // European Journal of Social Psychology. – 1996. – Vol. 24. – P. 649–661.

382. Van-Lange, P.A.M. Development of prosocial, individualistic and competitive orientations: Theory and preliminary evidence / P.A.M. Van-Lange, E.M.N. De-Bruin, W. Otten, J.A. Joireman // Journal of personality and social psychology. – 1997. – Vol. 73 (4). – P. 733–746.

383. Von-Rosentiel, L. Wertewandel und Kooperation / L. von-Rosentiel // Spiess E. (Ed.) Formen der Kooperation. Bedingungen und Perspektiven. – Verlag fuer Angewandte Psychologie, Goettingen, 1998. – S. 279–294.

384. Walters, S. The importance of mate attraction for intrasexual competition in men and women / S. Walters, C.B. Crawford // Ethnology and Sociobiology. – 1994. – Vol. 15. – P. 5–30.

385. Wehner, T. Zusammenarbeet als Ereignis und Prozess / T. Wehner, C. Clases, Endres E., A. Raeithel // Spiess E. (Ed.). Formen der Kooperation. Bedingungen und Perspektiven. – Verlag fuer Angewandte Psychologie, Goettingen, 1998. – S. 95–124.

386. Wilder, D.A. A role of competition induced anxiety in limiting the beneficial impact of positive behavior by an outgroup member / D.A. Wilder, P.N. Shapiro // Journal of Personality and Social Psychology. – 1989. – Vol. 56. – P. 60–69.

387. Wilson, W. Reciprocation and other techniques for inducing cooperation in the prisoner's dilemma game / W. Wilson // Journal of conflict resolution. – 1971. – Vol. 15. – P. 167–195.

388. Wit, A.P. The effects of social categorization on cooperation in three types of social dilemmas / A.P. Wit, H.A.M. Wilke // Journal Econ. Psychology. – 1992. – Vol. 13. – P. 135–151.

389. Worchel, S. Co-operation and reduction of intergroup conflict: some determining factors / S. Worchel // Worchel S., Austin W.G. (Eds.). The social psychology of intergroup relations. – Monterey CA: Brooks; Cole, 1979. – P. 262–273.

390. Worchel, S. The role of cooperation in reducing intergroup conflict / S. Worchel // Worchel S., Austin W.G. (Eds.). Psychology of intergroup relations. – Chicago, IL: Nelson-Hall, 1986. – P. 288–304.

391. Workie, A. The relative productivity of cooperation and competition / A. Workie // Journal of Social Psychology. – 1973. – Vol. 92 (2). – P. 231–246.

392. Wrightsman, L.S. Cooperation and competition: Reading in mixed-motive games / Wrightsman L.S., O'Connor J., Baker N.J. (Eds.). – Belmont, CA: Wadsworth, 1972.

393. Yamagishi, T. The structural goal/expectation theory of cooperation in social dilemmas / T. Yamagishi // Advantage of Group Process. – 1986. – Vol. 3. – P. 51–87.

394. Zajonc, R.B. Social facilitation / R.B. Zajonc // Science. – 1965. – Vol. 149. – P. 269–274.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А.

Тест FPI. Фрайбургский многофакторный личностный опросник.

Опросник FPI содержит 12 шкал, диагностирующих невротичность, спонтанную агрессивность, депрессивность, раздражительность, общительность, уравновешенность, реактивную агрессивность, застенчивость, открытость, экстраверсию-интроверсию, эмоциональную лабильность, маскулинность-феминность. Общее количество вопросов в опроснике – 114 (форма В).

Инструкция.

Вам предлагается ряд утверждений, каждое из которых подразумевает относящийся к вам вопрос о том, соответствует или не соответствует данное утверждение каким-то особенностям вашего поведения, отдельных поступков, отношения к людям, взглядам на жизнь и т.д. Если вы считаете, что такое соответствие имеет место, то дайте ответ "Да", в противном случае – ответ "Нет". Свой ответ зафиксируйте в имеющемся у вас ответном листе, поставив крестик или любой другой знак в клеточку, соответствующую номеру утверждения в опроснике и виду вашего ответа. Ответы необходимо дать на все вопросы. Успешность исследования во многом зависит от того, насколько внимательно выполняется задание. Стремиться своими ответами произвести на кого-то лучшее впечатление не имеет смысла, так как ни один ответ не оценивается как хороший или плохой. Не размышляйте над каждым вопросом, а старайтесь как можно быстрее решить, какой из двух ответов, пусть весьма относительно, но все-таки кажется вам ближе к истине. Вас не должно смущать, если некоторые из вопросов покажутся слишком личными, поскольку исследование не предусматривает анализа каждого вопроса и ответа, а опирается лишь на количество ответов одного и другого вида. Кроме того, вы должны знать, что результаты индивидуально-психологических исследований, как и медицинских, не подлежат широкому обсуждению.

Стимульный материал.

1. Я внимательно прочел инструкцию и готов откровенно ответить на все вопросы анкеты.
2. По вечерам я предпочитаю развлекаться в веселой компании (гости, дискотека, кафе и т.п.).
3. Моему желанию познакомиться с кем-либо всегда мешает то, что мне трудно найти подходящую тему для разговора.
4. У меня часто болит голова.
5. Иногда я ощущаю стук в висках и пульсацию в области шеи.
6. Я быстро теряю самообладание, но и так же быстро беру себя в руки.
7. Бывает, что я смеюсь над неприличным анекдотом.
8. Я избегаю о чем-либо расспрашивать и предпочитаю узнавать то, что мне нужно, другим путем.
9. Я предпочитаю не входить в комнату, если не уверен, что мое появление пройдет незамеченным.
10. Могу так вспылить, что готов разбить все, что попадет под руку.
11. Чувствую себя неловко, если окружающие почему-то начинают обращать на меня внимание.
12. Я иногда чувствую, что сердце начинает работать с перебоями или начинает биться так, что, кажется, готово выскочить из груди.
13. Не думаю, что можно было бы простить обиду.
14. Не считаю, что на зло надо отвечать злом, и всегда следую этому.
15. Если я сидел, а потом резко встал, то у меня темнеет в глазах и кружится голова.
16. Я почти ежедневно думаю о том, насколько лучше была бы моя жизнь, если бы меня не преследовали неудачи.
17. В своих поступках я никогда не исхожу из того, что людям можно полностью доверять.

18. Могу прибегнуть к физической силе, если требуется отстоять свои интересы.
19. Легко могу развеселить самую скучную компанию.
20. Я легко смущаюсь.
21. Меня ничуть не обижает, если делаются замечания относительно моей работы или меня лично.
22. Нередко чувствую, как у меня немеют или холодеют руки и ноги.
23. Бываю неловким в общении с другими людьми.
24. Иногда без видимой причины чувствую себя подавленным, несчастным.
25. Иногда нет никакого желания чем-либо заняться.
26. Порой я чувствую, что мне не хватает воздуху, будто бы я выполнял очень тяжелую работу.
27. Мне кажется, что в своей жизни я очень многое делал неправильно.
28. Мне кажется, что другие нередко смеются надо мной.
29. Люблю такие задания, когда можно действовать без долгих размышлений.
30. Я считаю, что у меня предостаточно оснований быть не очень-то довольным своей судьбой.
31. Часто у меня нет аппетита.
32. В детстве я радовался, если родители или учителя наказывали других детей.
33. Обычно я решителен и действую быстро.
34. Я не всегда говорю правду.
35. С интересом наблюдаю, когда кто-то пытается выпутаться из неприятной истории.
36. Считаю, что все средства хороши, если надо настоять на своем.
37. То, что прошло, меня мало волнует.
38. Не могу представить ничего такого, что стоило бы доказывать кулаками.
39. Я не избегаю встреч с людьми, которые, как мне кажется, ищут ссоры со мной.

40. Иногда кажется, что я вообще ни на что не годен.
41. Мне кажется, что я постоянно нахожусь в каком-то напряжении и мне трудно расслабиться.
42. Нередко у меня возникают боли «под ложечкой» и различные неприятные ощущения в животе.
43. Если обидят моего друга, я стараюсь отомстить обидчику.
44. Бывало, я опаздывал к назначенному времени.
45. В моей жизни было так, что я почему-то позволил себе мучить животное.
46. При встрече со старым знакомым от радости я готов броситься ему на шею.
47. Когда я чего-то боюсь, у меня пересыхает во рту, дрожат руки и ноги.
48. Частенько у меня бывает такое настроение, что с удовольствием бы ничего не видел и не слышал.
49. Когда ложусь спать, то обычно засыпаю уже через несколько минут.
50. Мне доставляет удовольствие, как говорится, ткнуть носом других в их ошибки.
51. Иногда могу похвастаться.
52. Активно участвую в организации общественных мероприятий.
53. Нередко бывает так, что приходится смотреть в другую сторону, чтобы избежать нежелательной встречи.
54. В свое оправдание я иногда кое-что выдумывал.
55. Я почти всегда подвижен и активен.
56. Нередко сомневаюсь, действительно ли интересно моим собеседникам то, что я говорю.
57. Иногда вдруг чувствую, что весь покрываюсь потом.
58. Если сильно разозлюсь на кого-то, то могу его и ударить.
59. Меня мало волнует, что кто-то плохо ко мне относится.
60. Обычно мне трудно возражать моим знакомым.
61. Я волнуюсь и переживаю даже при мысли о возможной неудаче.
62. Я люблю не всех своих знакомых.

63. У меня бывают мысли, которых следовало бы стыдиться.
64. Не знаю почему, но иногда появляется желание испортить то, чем восхищаются.
65. Я предпочитаю заставить любого человека сделать то, что мне нужно, чем просить его об этом.
66. Я нередко беспокойно двигаю рукой или ногой.
67. Предпочитаю провести свободный вечер, занимаясь любимым делом, а не развлекаясь в веселой компании.
68. В компании я веду себя не так, как дома.
69. Иногда, не подумав, скажу такое, о чем лучше бы помолчать.
70. Боюсь стать центром внимания даже в знакомой компании.
71. Хороших знакомых у меня очень немного.
72. Иногда бывают такие периоды, когда яркий свет, яркие краски, сильный шум вызывают у меня болезненно неприятные ощущения, хотя я вижу, что на других людей это так не действует.
73. В компании у меня нередко возникает желание кого-нибудь обидеть или разозлить.
74. Иногда думаю, что лучше бы не родиться на свет, как только представлю себе, сколько всяких неприятностей, возможно, придется испытать в жизни.
75. Если кто-то меня серьезно обидит, то получит свое сполна.
76. Я не стесняюсь в выражениях, если меня выведут из себя.
77. Мне нравится так задать вопрос или так ответить, чтобы собеседник растерялся.
78. Бывало, откладывал то, что требовалось сделать немедленно.
79. Не люблю рассказывать анекдоты или забавные истории.
80. Повседневные трудности и заботы часто выводят меня из равновесия.
81. Не знаю, куда деться при встрече с человеком, который был в компании, где я вел себя неловко.

82. К сожалению, отношусь к людям, которые бурно реагируют даже на жизненные мелочи.
83. Я робею при выступлении перед большой аудиторией.
84. У меня довольно часто меняется настроение.
85. Я устаю быстрее, чем большинство окружающих меня людей.
86. Если я чем-то сильно взволнован или раздражен, то чувствую это как бы всем телом.
87. Мне докучают неприятные мысли, которые назойливо лезут в голову.
88. К сожалению, меня не понимают ни в семье, ни в кругу моих знакомых.
89. Если сегодня я посплю меньше обычного, то завтра не буду чувствовать себя отдохнувшим.
90. Стараюсь вести себя так, чтобы окружающие опасались вызвать мое неудовольствие.
91. Я уверен в своем будущем.
92. Иногда я оказывался причиной плохого настроения кого-нибудь из окружающих.
93. Я не прочь посмеяться над другими.
94. Я отношусь к людям, которые «за словом в карман не лезут».
95. Я принадлежу к людям, которые ко всему относятся достаточно легко.
96. Подростком я проявлял интерес к запретным темам.
97. Иногда зачем-то причинял боль любимым людям.
98. У меня нередки конфликты с окружающими из-за их упрямства.
99. Часто испытываю угрызения совести в связи со своими поступками.
100. Я нередко бываю рассеянным.
101. Не помню, чтобы меня особенно опечалили неудачи человека, которого я не могу терпеть.
102. Часто я слишком быстро начинаю досадовать на других.
103. Иногда неожиданно для себя начинаю уверенно говорить о таких вещах, в которых на самом деле мало что смыслю.

104. Часто у меня такое настроение, что я готов взорваться по любому поводу.

105. Нередко чувствую себя вялым и усталым.

106. Я люблю беседовать с людьми и всегда готов поговорить и со знакомыми и с незнакомыми.

107. К сожалению, я зачастую слишком поспешно оцениваю других людей.

108. Утром я обычно встаю в хорошем настроении и нередко начинаю насвистывать или напевать.

109. Не чувствую себя уверенно в решении важных вопросов даже после длительных размышлений.

110. Получается так, что в споре я почему-то стараюсь говорить громче своего оппонента.

111. Разочарования не вызывают у меня сколь-либо сильных и длительных переживаний.

112. Бывает, что я вдруг начинаю кусать губы или грызть ногти.

113. Наиболее счастливым я чувствую себя тогда, когда бываю один.

114. Иногда одолевает такая скука, что хочется, чтобы все перессорились друг с другом.

Проверьте, пожалуйста, на все ли вопросы даны ответы.

Приложение Б.

Методика "Шкала социально-психологической адаптированности".

Шкала социально-психологической адаптированности (шкала СПА) разработана К. Роджерсом и Р. Даймондом и адаптирована Т.В.Снегиревой.

Инструкция. На следующих страницах напечатаны высказывания о поведении человека, его мыслях, переживаниях.

При чтении каждого высказывания подумайте, насколько оно может быть отнесено к вам, и обведите кружком одну из цифр, напечатанных под высказыванием: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 — в зависимости от того, в какой степени оно характерно для вас.

Если содержание высказывания совершенно к вам не относится, обведите кружком цифру 1. Если то, о чем в нем говорится, не похоже на вас, обведите цифру 2. Если вам кажется, что вы не можете отнести высказывание к себе, но сомневаетесь в этом, обведите цифру 3. В тех случаях когда вы не можете решить, относится ли к вам то, о чем говорится в высказывании, или нет, обведите цифру 4. Если вы считаете, что это похоже на вас, но вы не уверены, обведите цифру 5. Если то, о чем говорится в высказывании, похоже на вас, обведите цифру 6. И наконец, в тех случаях когда, прочитав высказывание, вы можете сказать: «Это точно про меня. Очень на меня похоже», — обведите цифру 7.

Что означает каждая цифра, напечатано вверху на каждой из следующих страниц. Совершенно ко мне не относится — 1

Не похоже на меня — 2

Пожалуй, не похоже на меня — 3

Не знаю — 4

Пожалуй, похоже на меня — 5

Похоже на меня — 6

Точно про меня — 7

ТЕКСТ МЕТОДИКИ

1. Я испытываю внутреннюю неловкость, когда с кем-нибудь разговариваю.

2. Мне не хочется, чтобы окружающие догадывались, какой я, что у меня на душе, и я представляюсь перед ними, прячу свое лицо под маской.

3. Я во всем люблю состязание, соревнование, борьбу.

4. Я предъявляю к себе большие требования.

5. Я часто сам ругаю себя за то, что делаю.

6. Я часто чувствую себя униженным.

7. Я сомневаюсь в том, что могу понравиться кому-нибудь.

8. Я всегда сдерживаю свои обещания.

9. У меня теплые, хорошие отношения с окружающими.

10. Я сдержанный, замкнутый, держусь ото всех чуть в стороне.

11. Я сам виноват в своих неудачах.

12. Я ответственный человек. На меня можно положиться.

13. У меня чувство безнадежности. Все напрасно.

14. Я во многом живу взглядами, правилами и убеждениями моих сверстников.

15. Я принимаю большую часть тех правил и требований, которые должны следовать люди.

16. У меня мало своих собственных убеждений и правил.

17. Я люблю мечтать — иногда прямо среди дня. Трудно возвращаться от мечты к действительности.

18. У меня такое чувство, будто я зол на весь мир: на всех нападаю огрызаюсь, никому не даю спуску. А то вдруг «застряну» на какой-нибудь обиде и мысленно мщу обидчику... Трудно сдерживать себя в таких вещах

19. Я умею управлять собой и своими поступками — заставлять себя, разрешать себе, запрещать. Самоконтроль для меня — не проблема.

20. У меня часто портится настроение: вдруг находит уныние, хандра.

21. Меня не очень волнует то, что касается других. Я сосредоточен на себе, занят самим собой.

22. Люди, как правило, нравятся мне.

23. Я легко, свободно, непринужденно выражаю то, что чувствую.

24. Если я оказываюсь среди большого количества людей, мне бывает немножко одиноко.

25. Мне сейчас очень не по себе. Хочется все бросить, куда-нибудь спрятаться.

26. Обычно я легко лажу с окружающими.

27. Мои самые тяжелые битвы — «с самим собой».

28. Я склонен быть настороже с теми, кто почему-то обходится со мною более приятельски, чем я ожидаю.

29. В душе я оптимист и верю в лучшее.

30. Я неподатливый, упрямый. Таких, как я, называют трудными людьми.

31. Я критичен к людям и всегда сужу их, если, с моей точки зрения, они этого заслуживают.

32. Я чувствую себя не ведущим, а ведомым: мне еще не всегда удается мыслить и действовать самостоятельно.

33. Большинство тех, кто знает меня, хорошо ко мне относятся, я нравлюсь им.

34. Иногда у меня бывают такие мысли, которыми я ни с кем не хотел бы делиться.

35. У меня красивая фигура. Я привлекателен (привлекательна).

36. Я чувствую беспомощность. Мне нужно, чтобы кто-нибудь был рядом.

37. Обычно я могу принять решение и твердо следовать ему.

38. Мои решения — не мои собственные. Даже тогда, когда мне кажется, что я решаю самостоятельно, они все же приняты под влиянием других людей.

39. Я часто испытываю чувство вины — даже тогда, когда как будто ни в чем не виноват.

40. Я чувствую антипатию, неприязнь к тому, что окружает меня.

41. Я доволен.

42. Я выбит из колеи: не могу собраться, взять себя в руки, сосредоточиться, организовать себя.

43. Я чувствую вялость, апатию: все, что раньше волновало меня, стало вдруг безразличным.

44. Я уравновешен, спокоен, у меня ровное настроение.

45. Разозлившись, я нередко выхожу из себя.

46. Я часто чувствую себя обиженным.

47. Я импульсивный: порывистый, нетерпеливый, действую по первому побуждению.

48. Бывает, что я сплетничаю.

49. Я не очень доверяю своим чувствам, они подводят меня иногда.

50. Это довольно трудно — быть самим собой.

51. У меня на первом плане разум, а не чувство. Прежде чем что-либо сделать, я обдумываю свои поступки.

52. Мне кажется, я вижу происходящее со мной не совсем так, как оно есть на самом деле. Вместо того чтобы здраво взглянуть фактам в лицо, толкую их на свой лад... Словом, не отличаюсь реалистичностью.

53. Я терпим в своем отношении к людям и принимаю каждого таким, каков он есть.

54. Я стараюсь не думать о своих проблемах.

55. Я считаю себя интересным человеком — заметным, привлекательным как личность.

56. Я стеснительный, легко тушуюсь.

57. Мне обязательно нужны какие-то напоминания, подталкивания со стороны, чтобы довести дело до конца.

58. Я чувствую внутреннее превосходство над другими.

59. Я никто. Нет ничего, в чем бы я выразил себя, проявил свою индивидуальность, свое Я.

60. Я боюсь того, что подумают обо мне другие.

61. Я честолюбивый. Я не равнодушен к успехам, похвале. В том, что я считаю существенным, мне важно быть в числе лучших.

62. Я презираю себя сейчас.

63. Я деятелен, энергичен, у меня есть инициатива.

64. Мне не хватает духу встретить в лицо трудности или ситуацию, которая грозит осложнениями, неприятными переживаниями.

65. Я просто не уважаю себя.

66. Я по натуре вожак и умею влиять на других.

67. В целом я хорошо отношусь к себе.

68. Я настойчивый, напористый, уверенный в себе.

69. Я не люблю, когда у меня с кем-то портятся отношения, особенно е сли разногласия грозят стать окончательными.

70. Я долго не могу принять решение, как действовать, а потом сомневаюсь в его правильности.

71. Я в какой-то растерянности, у меня все спуталось, смешалось.

72. Я удовлетворен собой.

73. Я неудачник. Мне не везет.

74. Я приятный, симпатичный, располагающий к себе человек.

75. Я нравлюсь людям как человек, как личность.

76. Я стойкий женоненавистник (мужененавистник). Презираю всякое общение с противоположным полом.

77. Когда я должен что-то осуществить, меня охватывает страх перед провалом: а вдруг я не справлюсь, вдруг у меня не получится?

78. У меня легко, спокойно на душе. Нет ничего, что сильно тревожило бы меня.

79. Я умею упорно работать.

80. Я чувствую, что меняюсь, расту, взрослею. Мои чувства и отношения к окружающему становятся более зрелыми.

81. Случается, что я говорю о вещах, в которых совсем не разбираюсь

82. Я всегда говорю только правду.

83. Я встревожен, обеспокоен, напряжен.

84. Чтобы заставить меня что-либо сделать, надо как следует настоять, и я соглашусь, уступлю.

85. Я чувствую неуверенность в себе.

86. Я часто бываю вынужден защищать себя, строить доводы, которые меня оправдывают и делают мои поступки обоснованными.

87. Я уступчивый, податливый, мягкий в отношениях с другими.

88. Я умный.

89. Иной раз я люблю прихвастнуть.

90. Я безнадежен. Принимаю решения и тут же их нарушаю. Презираю свое бессилие, а с собой поделать ничего не могу. У меня нет воли и нет сил ее вырабатывать.

91. Я стараюсь полагаться на собственные силы, не рассчитывая ни на чью помощь.

92. Я никогда не опаздываю.

93. У меня ощущение скованности, внутренней несвободы.

94. Я отличаюсь от других.

95. Я не очень надежен, на меня нельзя положиться.

96. Мне все ясно в себе. Я себя хорошо понимаю.

97. Я общительный, открытый человек, легко схожусь с людьми.

98. Мои силы и способности вполне соответствуют тем задачам, которые ставит передо мной жизнь. Я со всем могу справиться.

99. Я ничего не стою. Меня даже не принимают всерьез. Ко мне в лучшем случае снисходительны, просто терпят меня.

100. Меня беспокоит, что женщины (мужчины) слишком занимают мои мысли.

101. Все свои привычки я считаю хорошими.

Приложение В.

Методика диагностики предрасположенности личности к конфликтному поведению К. Томаса.

Цель: определение предрасположенности личности к конфликтному поведению.

Описание. Для характеристики типов поведения людей в конфликтных ситуациях применяется двухмерная модель регулирования конфликтов, основополагающими измерениями в которой являются кооперация, связанная со вниманием человека к интересам других людей, вовлеченных в конфликт, и напористость, для которой характерен акцент на защите собственных интересов. Соответственно этим двум основным измерениям выделяются следующие способы регулирования конфликтов:

1) соревнование (конкуренция) как стремление добиться удовлетворения своих интересов в ущерб другому человеку;

2) приспособление, означающее в противоположность соперничеству, принесение в жертву собственных интересов, ради другого человека;

3) компромисс;

4) избегание, для которого характерно как отсутствие стремления к кооперации, так и отсутствие тенденции к достижению собственных целей;

5) сотрудничество, когда участники ситуации приходят к альтернативе, полностью удовлетворяющей интересы обеих сторон.

Инструкция испытуемому: Выберите из двух высказываний то, которое вам больше подходит.

Текст опросника

1. А. Иногда я предоставляю возможность другим взять на себя ответственность за решение спорного вопроса.

Б. Чем обсуждать то, в чем мы расходимся, я стараюсь обратить внимание на то, с чем мы оба согласны.

2. А. Я стараюсь найти компромиссное решение.

Б. Я пытаюсь уладить дело с учетом интересов партнера и моих собственных.

3. А. Обычно я настойчиво стремлюсь добиться своего.

Б. Я стараюсь успокоить партнера и, главным образом, сохранить наши отношения.

4. А. Я стараюсь найти компромиссное решение.

Б. Иногда я жертвую своими собственными интересами ради интересов другого человека.

5. А. Улаживая спорную ситуацию, я все время стараюсь найти поддержку у другого человека.

Б. Я стараюсь сделать все, чтобы избежать бесполезной напряженности.

6. А. Я пытаюсь избежать возникновения неприятностей для себя.

Б. Я стараюсь добиться своего.

7. А. Я стараюсь отложить решение спорного вопроса с тем, чтобы со временем решить его окончательно.

Б. Я считаю возможным в чем-то уступить, чтобы добиться другого.

8. А. Обычно я настойчиво стремлюсь добиться своего.

Б. Я первым делом стараюсь ясно определить то, в чем состоят все затронутые интересы и вопросы.

9. А. Думаю, что не всегда стоит волноваться из-за каких-то возникающих разногласий.

Б. Я предпринимаю усилия, чтобы добиться своего.

10. А. Я всегда стремлюсь достичь своего.

Б. Я пытаюсь найти компромиссное решение.

11. А. Первым делом я стараюсь ясно определить то, в чем состоят все затронутые интересы и вопросы.

Б. Я стараюсь успокоить другого человека и сохранить наши отношения.

12. А. Зачастую я избегаю занимать позицию, которая может вызвать споры.

Б. Я даю возможность другому в чем-то остаться при своем мнении, если он также идет мне навстречу.

13. А. Я предлагаю среднюю позицию.

Б. Я настаиваю, чтобы было сделано по-моему.

14. А. Я сообщаю другому человеку свою точку зрения и спрашиваю о его взглядах.

Б. Я пытаюсь показать другому логику и преимущества моих взглядов.

15. А. Я стараюсь успокоить другого и главным образом сохранить наши отношения.

Б. Я стараюсь сделать все необходимое, чтобы избежать напряженности.

16. А. Я стараюсь не задеть чувств другого.

Б. Я пытаюсь убедить другого в преимуществах моей позиции.

17. А. Обычно я настойчиво стараюсь добиться своего.

Б. Я стараюсь сделать все, чтобы избежать бесполезной напряженности.

18. А. Если это сделает другого счастливым, я дам ему возможность настоять на своем.

Б. Я даю возможность другому в чем-то остаться при своем мнении, если он также идет мне навстречу.

19. А. Первым делом я стараюсь ясно определить то, в чем состоят все затронутые интересы и спорные вопросы.

Б. Я стараюсь отложить решение спорного вопроса с тем, чтобы со временем решить его окончательно.

20. А. Я пытаюсь немедленно преодолеть наши разногласия.

Б. Я стараюсь найти наилучшее сочетание выгод и потерь для нас обоих.

21. А. Ведя переговоры, я стараюсь быть внимательным к желаниям другого.

Б. Я всегда склоняюсь к прямому обсуждению проблемы.

22. А. Я пытаюсь найти позицию, которая находится посредине между моей позицией и точкой зрения другого человека.

Б. Я отстаиваю свои желания.

23. А. Как правило, я озабочен тем, чтобы удовлетворить желания каждого из нас.

Б. Иногда я предоставляю возможность другим взять на себя ответственность за решение спорного вопроса.

24. А. Если позиция другого кажется ему очень важной, я постараюсь пойти навстречу его желаниям.

Б. Я стараюсь убедить другого прийти к компромиссу.

25. А. Я пытаюсь показать другому логику и преимущества моих взглядов.

Б. Ведя переговоры, я стараюсь быть внимательным к желаниям другого.

26. А. Я предлагаю среднюю позицию.

Б. Я почти всегда озабочен тем, чтобы удовлетворить желания каждого из нас.

27. А. Зачастую я избегаю занимать позицию, которая может вызвать споры.

Б. Если это сделает другого счастливым, я дам ему возможность настоять на своем.

28. А. Обычно я настойчиво стремлюсь добиться своего.

Б. Улаживая ситуацию, я обычно стараюсь найти поддержку у другого.

29. А. Я предлагаю среднюю позицию.

Б. Думаю, что не всегда стоит волноваться из-за каких-то возникающих разногласий.

30. А. Я стараюсь не задеть чувств другого.

Б. Я всегда занимаю такую позицию в спорном вопросе, чтобы мы, совместно с другим заинтересованным человеком, могли добиться успеха.

Приложение Г.

Методика определение направленности личности (Б. Басса)

Для определения личностной направленности используется ориентационная анкета. Анкета состоит из 27 пунктов-суждений, по каждому из которых возможны три варианта ответов, соответствующие трем видам направленности личности. Респондент должен выбрать один ответ, который в наибольшей степени выражает его мнение или соответствует реальности, и еще один, который, наоборот, наиболее далек от его мнения или же наименее соответствует реальности. Ответ "наиболее" получает 2 балла, "наименее" - 0, оставшийся невыбранным - 1 балл. Баллы, набранные по всем 27 пунктам, суммируются для каждого вида направленности отдельно.

С помощью методики выявляются следующие направленности:

1. Направленность на себя (Я) - ориентация на прямое вознаграждение и удовлетворение безотносительно работы и сотрудников, агрессивность в достижении статуса, властность, склонность к соперничеству, раздражительность, тревожность, интровертированность.

2. Направленность на общение (О) - стремление при любых условиях поддерживать отношения с людьми, ориентация на совместную деятельность, но часто в ущерб выполнению конкретных заданий или оказанию искренней помощи людям, ориентация на социальное одобрение, зависимость от группы, потребность в привязанности и эмоциональных отношениях с людьми.

3. Направленность на дело (Д) - заинтересованность в решении деловых проблем, выполнение работы как можно лучше, ориентация на деловое сотрудничество, способность отстаивать в интересах дела собственное мнение, которое полезно для достижения общей цели.

Инструкция: Опросный лист состоит из 27 пунктов. По каждому из них возможны три варианта ответов: А, Б, В.

1. Из ответов на каждый из пунктов выберите тот, который лучше всего выражает Вашу точку зрения по данному вопросу. Возможно, что какие-то из вариантов ответов покажутся Вам равноценными. Тем не менее, мы просим Вас отобрать из них только один, а именно тот, который в наибольшей степени отвечает Ваше-

му мнению и более всего ценен для Вас. Букву, которой обозначен ответ (А, Б, В), напишите на листе для записи ответов рядом с номером соответствующего пункта (1-27) под рубрикой "больше всего".

2. Затем из ответов на каждый из пунктов выберите тот, который дальше всего стоит от Вашей точки зрения, наименее для Вас ценен. Букву, которой обозначен ответ, вновь напишите на листе для записи ответов рядом с номером соответствующего пункта, в столбце под рубрикой "меньше всего".

3. Таким образом, для ответа на каждый из вопросов Вы используете две буквы, которые и запишите в соответствующие столбцы. Остальные ответы нигде не записываются. Старайтесь быть максимально правдивым. Среди вариантов ответа нет "хороших" или "плохих", поэтому не старайтесь угадать, какой из ответов является "правильным" или "лучшим" для Вас.

Текст методики:

1. Наибольшее удовлетворение я получаю от:

А. Одобрения моей работы;

Б. Сознания того, что работа сделана хорошо;

В. Сознания того, что меня окружают друзья.

2. Если бы я играл в футбол (волейбол, баскетбол), то я хотел бы быть:

А. Тренером, который разрабатывает тактику игры;

Б. Известным игроком;

В. Выбранным капитаном команды.

3. По-моему, лучшим педагогом является тот, кто:

А. Проявляет интерес к учащимся и к каждому имеет индивидуальный подход

Б. Вызывает интерес к предмету так, что учащиеся с удовольствием углубляют свои знания в этом предмете;

В. Создает в коллективе такую атмосферу, при которой никто не боится высказать свое мнение.

4. Мне нравится, когда люди:

А. Радуются выполненной работе;

Б. С удовольствием работают в коллективе;

В. Стремятся выполнить свою работу лучше других.

5. Я хотел бы, чтобы мои друзья:

А. Были отзывчивы и помогали людям, когда для этого представляются возможности

Б. Были верны и преданы мне;

В. Были умными и интересными людьми.

6. Лучшими друзьями я считаю тех:

А. С кем складываются хорошие взаимоотношения;

Б. На кого всегда можно положиться;

В. Кто может многого достичь в жизни.

7. Больше всего я не люблю:

А. Когда у меня что-то не получается;

Б. Когда портятся отношения с товарищами;

В. Когда меня критикуют.

8. По-моему, хуже всего, когда педагог:

А. Не скрывает, что некоторые учащиеся ему несимпатичны, насмехается и подшучивает над ними;

Б. Вызывает дух соперничества в коллективе;

В. Недостаточно хорошо знает свой предмет.

9. В детстве мне больше всего нравилось:

А. Проводить время с друзьями;

Б. Ощущение выполненных дел;

В. Когда меня за что-нибудь хвалили.

10. Я хотел бы быть похожим на тех, кто:

А. Добился успеха в жизни;

Б. По-настоящему увлечен своим делом;

В. Отличается дружелюбием и доброжелательностью.

11. В первую очередь школа должна:

А. Научить решать задачи, которые ставит жизнь;

Б. Развивать прежде всего индивидуальные способности ученика;

В. Воспитывать качества, помогающие взаимодействовать с людьми.

12. Если бы у меня было больше свободного времени, охотнее всего я использовал бы его:

А. Для общения с друзьями;

Б. Для отдыха и развлечений;

В. Для своих любимых дел и самообразования.

13. Наибольших успехов я добиваюсь, когда:

А. Работаю с людьми, которые мне симпатичны;

Б. У меня интересная работа;

В. Мои усилия хорошо вознаграждаются.

14. Я люблю, когда:

А. Другие люди меня ценят;

Б. Испытывать удовлетворение от выполненной работы;

В. Приятно провожу время с друзьями.

15. Если бы обо мне решили написать в газете, мне бы хотелось, чтобы:

А. Рассказали о каком-либо интересном деле, связанным с учебой, работой, спортом и т.п., в котором мне довелось участвовать;

Б. Написали о моей деятельности;

В. Обязательно рассказали о коллективе, в котором я работаю.

16. Лучше всего я учусь, если преподаватель:

А. Имеет ко мне индивидуальный подход;

Б. Сумеет вызвать у меня интерес к предмету;

В. Устраивает коллективные обсуждения изучаемых проблем.

17. Для меня нет ничего хуже, чем:

А. Оскорбление личного достоинства;

Б. Неудача при выполнении важного дела;

В. Потеря друзей.

18. Больше всего я ценю:

А. Успех;

Б. Возможности хорошей совместной работы;

В. Здравый практичный ум и смекалку.

19. Я не люблю людей, которые:

А. Считают себя хуже других;

Б. Часто ссорятся и конфликтуют;

В. Возражают против всего нового.

20. Приятно, когда:

А. Работаешь над важным для всех делом;

Б. Имеешь много друзей;

В. Вызываешь восхищение и всем нравишься.

21. По-моему, в первую очередь руководитель должен быть:

А. Доступным;

Б. Авторитетным;

В. Требовательным.

22. В свободное время я охотно прочитал бы книги:

А. О том, как заводить друзей и поддерживать хорошие отношения с людьми;

Б. О жизни знаменитых и интересных людей;

В. О последних достижениях науки и техники.

23. Если бы у меня были способности к музыке, я предпочел бы быть:

А. Дирижером;

Б. Композитором;

В. Солистом.

24. Мне бы хотелось:

А. Придумать интересный конкурс;

Б. Победить в конкурсе;

В. Организовать конкурс и руководить им.

25. Для меня важнее всего знать:

А. Что я хочу сделать;

Б. Как достичь цели;

В. Как организовать людей для достижения цели.

26. Человек должен стремиться к тому, чтобы:

А. Другие были им довольны;

Б. Прежде всего выполнить свою задачу;

В. Его не нужно было упрекать за выполненную работу.

27. Лучше всего я отдыхаю в свободное время:

А. В общении с друзьями;

Б. Просматривая развлекательные фильмы;

В. Занимаясь своим любимым делом.

Приложение Д.

Тест-опросник «изменение мотивации достижения» *(Автор: А. Мехрабиан, модификация М.Ш. Магомед-Эминов)*

Шкалы: стремление к успеху, избегание неудачи

НАЗНАЧЕНИЕ ТЕСТА

Данный тест предназначен для диагностики двух мотивов личности – стремления к успеху и избегания неудачи. Выясняется, какой из двух мотивов у человека доминирует. Тест имеет две формы – мужскую (а) и женскую (б).

Инструкция к тесту

Тест состоит из ряда утверждений, касающихся отдельных сторон характера, а также мнений и чувств по поводу некоторых жизненных ситуаций. Чтобы оценить степень вашего согласия или несогласия с каждым из утверждений, используйте следующую шкалу:

• + 3 – полностью согласен;

• +2 – согласен;

• + 1 – скорее согласен, чем не согласен;

• 0 – нейтрален;

• -1 – скорее не согласен, чем согласен;

• -2 – не согласен;

• -3 – полностью не согласен.

Прочтите утверждения теста и оцените степень своего согласия или несогласия. При этом на бланке для ответов против номера утверждения поставьте цифру, которая соответствует степени вашего согласия. Дайте тот ответ, который первым придет вам в голову. Не тратьте время на обдумывание.

Текст методики:

Тест – форма А (для мужчин)

1. Я больше думаю о получении хорошей оценки, чем опасаюсь получения плохой.

2. Если бы я должен был выполнить сложное, незнакомое мне задание, то предпочел бы сделать его вместе с кем-нибудь, чем трудиться в одиночку.

3. Я чаще берусь за трудные задачи, даже если не уверен, что смогу их решить,

чем за легкие, которые знаю, что решу.

4. Меня больше привлекает дело, которое не требует напряжения и в успехе которого я уверен, чем трудное дело, в котором возможны неожиданности.

5. Если бы у меня что-то не выходило, я скорее приложил бы все силы, чтобы с этим справиться, чем перешел бы к тому, что у меня может хорошо получиться.

6. Я предпочел бы работу, в которой мои функции хорошо определены и зарплата выше средней, работе со средней зарплатой, в которой я должен сам определить свою роль.

7. Я трачу больше времени на чтение специальной литературы, чем художественной.

8. Я предпочел бы важное и трудное дело, хотя вероятность неудачи в нем равна 50%, делу достаточно важному, но не трудному.

9. Я скорее выучу развлекательные игры, известные большинству людей, чем редкие игры, которые требуют мастерства и известны немногим.

10. Для меня очень важно делать свою работу как можно лучше, даже если из-за этого у меня возникают трения с товарищами.

11. Если бы я собирался играть в карты, то скорее сыграл бы в развлекательную игру, чем в трудную, требующую размышлений.

12. Я предпочитаю соревнования, где я сильнее других, тем, где все участники примерно равны по силам.

13. В свободное от работы время я овладеваю какой-нибудь игрой скорее для развития умений, чем для отдыха и развлечений.

14. Я скорее предпочту сделать какое-то дело так, как считаю нужным, пусть даже с 50%-ным риском ошибиться, чем делать его так, как мне советуют другие.

15. Если бы мне пришлось выбирать, то я скорее выбрал бы работу, в которой начальная зарплата будет 500 рублей и может остаться на таком уровне неопределенное время, чем работу, в которой начальная зарплата равна 300 рублей и есть гарантия, что не позднее, чем через полгода я буду получать 2000 рублей.

16. Я скорее стал бы играть в команде, чем соревноваться один с секундомером в руках.

17. Я предпочитаю работать, не щадя сил, пока полностью не удовлетворюсь полученным результатом, чем закончить дело побыстрее и с меньшим напряжением.

18. На экзамене я предпочел бы конкретные вопросы по пройденному материалу вопросам, требующим высказывания своего мнения.

19. Я скорее выбрал бы дело, в котором имеется некоторая вероятность неудачи, но есть и возможность достичь большего, чем такое, в котором мое положение не ухудшится, но и существенно не улучшится.

20. После успешного ответа на экзамене я скорее с облегчением вздохну «пронесло», чем порадуюсь хорошей оценке.

21. бы я мог вернуться к одному из незавершенных дел, то я скорее вернулся бы к трудному, чем к легкому.

22. При выполнении контрольного задания я больше беспокоюсь о том, как бы не допустить какую-нибудь ошибку, чем думаю о том, как правильно ее решить.

23. Если у меня что-то не выходит, я лучше обращусь к кому-нибудь за помощью, чем стану сам продолжать искать выход.

24. После неудачи я скорее становлюсь еще более собранным и энергичным, чем теряю всякое желание продолжать дело.

25. Если есть сомнения в успехе какого-либо начинания, то я скорее не стану рисковать, чем все-таки приму в нем активное участие.

26. Когда я берусь за трудное дело, то скорее опасаюсь, что не справлюсь с ним, чем надеюсь, что оно получится.

27. Я работаю эффективнее под чьим-то руководством, чем когда несу за свою работу личную ответственность.

28. Мне больше нравится выполнять сложное незнакомое задание, чем знакомое задание, в успехе которого я уверен.

29. Я работаю продуктивнее, когда мне конкретно указывают, что и как выпол-

нять, чем когда передо мной ставят задачу лишь в общих чертах.

30. Если бы я успешно решил какую-то задачу, то с большим удовольствием взялся бы еще раз решать аналогичную задачу, чем перешел бы к задаче другого типа.

31. Когда нужно соревноваться, у меня скорее возникает интерес и азарт, чем тревога и беспокойство.

32. Пожалуй, я больше мечтаю о своих планах на будущее, чем пытаюсь их реально осуществить.

Тест – форма Б (для женщин)

1. Я больше думаю о получении хорошей оценки, чем опасаюсь получения плохой.

2. Я чаще берусь за трудные задачи, даже если не уверена, что смогу их решить, чем за легкие, которые знаю, что решу.

3. Меня больше привлекает дело, которое не требует напряжения и в успехе которого я уверена, чем трудное дело, в котором возможны неожиданности.

4. Если бы у меня что-то не выходило, я скорее приложила бы все силы, чтобы с этим справиться, чем перешла бы к тому, что у меня может хорошо получиться.

5. Я предпочла бы работу, в которой мои функции хорошо определены и зарплата выше средней, работе со средней зарплатой, в которой я должна сама определять свою роль.

6. Более сильные переживания у меня вызывает скорее страх неудачи, чем надежда на успех.

7. Научно-популярную литературу я предпочитаю литературе развлекательного жанра.

8. Я предпочла бы важное и трудное дело, хотя вероятность неудачи в нем равна 50%, делу достаточно важному, но не трудному.

9. Я скорее выучу развлекательные игры, известные большинству людей, чем редкие игры, которые требуют мастерства и известны немногим.

10. Для меня очень важно делать свою работу как можно лучше, даже если из-

за этого у меня возникают трения с товарищами.

11. После успешного ответа на экзамене я скорее с облегчением вздохну «пронесло», чем порадуюсь хорошей оценке.

12. Если бы я собиралась играть в карты, то скорее сыграла бы в развлекательную игру, чем в трудную, требующую размышлений.

13. Я предпочитаю соревнования, где я сильнее других, тем, где все участники примерно равны по силам.

14. После неудачи я скорее становлюсь более собранной и энергичной, чем теряю всякое желание продолжать дело.

15. Неудачи отравляют мою жизнь больше, чем приносят радость успехи.

16. В новых неизвестных ситуациях у меня скорее возникает волнение и беспокойство, чем интерес и любопытство.

17. Я скорее попытаюсь приготовить новое интересное блюдо, хотя оно может плохо получиться, чем стану готовить привычное блюдо, которое обычно хорошо выходило.

18. Я скорее займусь чем-то приятным и необременительным, чем стану выполнять что-то, как мне кажется, стоящее, но не очень увлекательное.

19. Я скорее затрачу все свое время на осуществление одного дела, чем постараюсь выполнить за это же время два-три дела.

20. Если я заболела и вынуждена остаться дома, то я использую время скорее для того, чтобы расслабиться и отдохнуть, чем почитать и поработать.

21. Если бы я жила с несколькими девушками в одной комнате и мы бы решили устроить вечеринку, я предпочла бы сама организовать ее, чем предоставить сделать это кому-то другому.

22. Если у меня что-то не выходит, я лучше обращусь к кому-нибудь за помощью, чем стану сама продолжать искать выход.

23. Когда нужно соревноваться, у меня скорее возникает интерес и азарт, чем тревога и беспокойство.

24. Когда я берусь за трудное дело, то скорее опасаюсь, что не справлюсь с ним, чем надеюсь, что оно получится.

25. Я эффективнее работаю под чьим-то руководством, чем когда несу за свою работу личную ответственность.

26. Мне больше нравится выполнять сложное незнакомое задание, чем знакомое задание, в успехе которого я уверена.

27. Если бы я успешно решила какую-то задачу, то с большим удовольствием взялась бы еще раз решать аналогичную задачу, чем перешла бы к задаче другого типа.

28. Я работаю продуктивнее над заданием, когда передо мной ставят задачу в общих чертах, чем когда мне конкретно указывают на то, что и как выполнять.

29. Если при выполнении важного дела я допускаю ошибку, то чаще теряюсь и впадаю в отчаяние, чем быстро беру себя в руки и пытаюсь исправить положение.

30. Пожалуй, я больше мечтаю о своих планах на будущее, чем пытаюсь их реально осуществить.

Приложение Е.

Методика «Состязательность в различных сферах социальной деятельности» (В.В. Левченко).

Методика разработана В.В. Левченко и включает в себя две шкалы, позволяющие фиксировать внутренний субъективный ряд, самооценку (Questionnaire data) о двух ведущих тенденциях состязательности – направленности (на себя – на других или «уход») и интенсивности (от полного безразличия до максимального самостоятельного проявления активности). Выход на интегральный показатель состязательности обеспечивался процедурами классификации (сравнения) и типологизации (сведения) двух главных сторон (тенденций) состязательности – направленности («на себя – на других») и уровня интенсивности.

Состязательность в различных сферах жизнедеятельности: трудовой, сфере досуга и т.д. Уровень развития состязательности определяется сопоставлением двух шкал, выявляющих две стороны состязательности:

– направленность (на себя или на группу), имеющая четыре вектора: а) противопоставление своих интересов групповым; б) подчинение своих интересов групповым; в) одновременное стремление к локализации своих и чужих интересов; г) достижение своих интересов без связи с интересами группы);

– активность (три уровня активности): а) потенциальная активность; б) «реактивная» активность (после «внешнего подталкивания»); в) высокая активность («самоактивность»).

Выделялись виды состязательности (структура состязательности):

1. Потенциальная конкурентность (сочетание: «противопоставления своих интересов групповым» + «потенциальная активность»).
2. Реактивная конкурентность («противопоставление своих интересов групповым» + «пассивная активность»).

3. «Активная конкурентность» – самостоятельное и активное вступление и участие в отношениях конкурентности.

4. «Потенциальная индивидуалистичность».

5. «Реактивная индивидуалистичность».

6. «Активная индивидуалистичность».

7. «Потенциальная альтруистичность» (подчинение).

8. «Реактивная альтруистичность».

9. «Активная альтруистичность».

10. «Потенциальное сотрудничество».

11. «Реактивное сотрудничество».

12. «Активное сотрудничество».

Надежность (устойчивость) методики проверялась процедурой повторного измерения и использованием нескольких лиц для измерения состязательности с последующим сравнением результатов. Валидность опросника определялась как теоретическим способом (валидность по содержанию, валидность теоретической концепции), так и эмпирически – сопоставлением результатов измерения с мнением судей (экспертов), с данными других методик для измерения данного качества на этой же выборке.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВИДОВ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ

I. Шкала «Состязательность в сфере трудовых отношений».

а) Направленность:

Инструкция респондентам: Представьте себе такую ситуацию: в разгар важной (ответственной) работы один из Ваших коллег по работе получил возможность на очень выгодных условиях съездить по путевке за границу. Этот работник знал, что его отъезд приведет фактически к срыву выполнения задания (и материальным потерям), но уехал. Когда зашла речь об этом случае, были высказаны разные мнения. С каким из них Вы в большей степени согласны?

1	Он поступил правильно: такая возможность представляется не каждый день	
2	Он поступил правильно: любой поступил бы также на его месте	
3	Он поступил неправильно, так как подвел своих коллег на работе	
4	Он поступил неправильно, так как поставил свои интересы выше интересов своего родного коллектива	
5	Он поступил неправильно, так как ухудшил ситуацию на работе и свое положение здесь	
6	В конце концов пострадали и производственные и, отчасти, его личные интересы	
7	Каждый человек поступает так, как считает нужным	
8	Главное – чтобы человеку было хорошо, все остальное - приложится	

б) Активность:

Инструкция респондентам: С каким мнением Вы согласны в большей степени

1	У меня нет ни возможностей, ни желания выполнять свою работу еще лучше	
2	Я считают, что выполняю работу достаточно хорошо, лучше и не требуется	
3	Я смогу выполнять свою работу еще лучше, когда меня об этом попросят	
4	Я смогу выполнять свою работу еще лучше, когда меня хорошо попросят, убедят (материально прежде всего), прикажут, заставят и т.д.	
5	Я почти всегда стараюсь выполнять свою работу лучше, чем это делал раньше, по-другому я не могу	
6	Я выполняю свою работу лучше, если считаю это разумным, необходимым для работы и для себя	

Данные по апробации методики (N=435, средний возраст - 25 лет, 41% - мужчин, 61% - женщин): а Кронбаха = 0,665, M = 4,03, SD = 0,870.

II. Шкала «Состязательность в сфере потребительского поведения».

а) Направленность:

Инструкция респондентам: Предположим, что у работника подошла очередь на приобретение дефицитной вещи. И хотя у него не было острой необходимо-

сти в ее приобретении, он отказался поменяться очередностью с одним из членов своего коллектива, которому эта вещь была очень нужна. По этому поводу в коллективе обнаружились разные точки зрения. С какой из них Вы согласны в большей степени?

1	Он поступил правильно, так как любой сделал бы также на его месте («очередь есть очередь»)	
2	Он поступил правильно, так как это дефицитная вещь редко бывает в продаже, а в его хозяйстве она не лишняя	
3	Он поступил неправильно, так как эта вещь крайне нужна его товарищу, а ему в меньшей степени	
4	Он поступило неправильно, так как товарищи по группе так не поступают	
5	Он поступил неправильно, так как «подпортил» свои отношения с коллегой и себе испортил настроение	
6	В данной ситуации целесообразнее иметь хорошие отношения с товарищем и уважение к самому себе как к человеку	
7	Каждый человек поступает так, как он сам считает нужным поступать – это аксиома	
8	Главное, чтобы человеку было хорошо, а все остальное приложится	

б) Активность:

Инструкция респондентам: С каким мнением Вы согласны в большей степени?

1	Если у кого-нибудь из членов коллектива появляется какая-нибудь хорошая (дефицитная) вещь, я стараюсь достать что-нибудь такое же (чем я хуже других)	
2	Я стараюсь одним из первых достать ту или иную хорошую (редкую) вещь (всегда приятно быть одним из первых)	
3	Мне все равно, какие новые вещи появляются у моих товарищей, меня это не интересует	

Данные по апробации методики (N=134): а Кронбаха = 0,781, M = 3,09, SD = 0,698.

III. Шкала «Состязательность в досуговой сфере деятельности».

а) Направленность:

Инструкция респондентам: Предположим, что в отделе (бригаде) распространяли редкие билеты на престижное культурное мероприятие (концерт

«звезды», хороший спектакль, балет, концерт и т.п.). Желающих их иметь было значительно больше, чем билетов. В дальнейшем один из получивших этот билет не смог пойти на это мероприятие (его «родственники – близкие знакомые» также не смогли). Билет пропал, так как он не отдал его никому из своих коллег (хотя в принципе мог это сделать). По этому поводу были высказаны разные мнения в коллективе. С каким из них Вы согласны в большей степени?

1	Он поступил правильно, так как это его личный билет (причем здесь другие)	
2	Он поступил правильно, так как на его месте любой бы сделал так же	
3	Он поступил неправильно, так как лишил удовольствия своих товарищей	
4	Он поступил неправильно, так как товарищи так не поступают	
5	Он поступил неправильно, так как сам не пошел, и другим не дал	
6	В данной ситуации нежно было отдать билет кому-либо из коллег, так как это улучшит отношения в коллективе и повысит уважение к самому себе	
7	Каждый человек поступает так, как он сам считает нужным – это аксиома	
8	Мне трудно оценить эту ситуацию. Главное, чтобы человеку было хорошо	

б) Активность:

Инструкция респондентам: С каким мнением Вы согласны в большей степени?

1	Я интересуюсь как проводят свое свободное время мои коллеги по работе и стараюсь не пропускать те мероприятия (спектакли, фильмы, концерты и т.п.), которые они хвалят	
2	Я обычно не интересуюсь как проводят свое свободное время мои коллеги по работе, я просто отдыхаю	
3	Я почти всегда стараюсь одним из первых посетить интересные досуговые мероприятия. Мне нравится потом рассказывать об увиденном, «приобщать» к ним коллег по работе	

Данные по апробации методики (N=134): а Кронбаха = 0,675, M = 3,43, SD = 0,745.

IV. Шкала «Состязательность в сфере общественной деятельности».

а) Направленность:

Инструкция респондентам: Предположим, что в последнее время профорг Вашего коллектива несколько отстранился от своих общественных обязанностей. По этому поводу в коллективе были высказаны разные мнения. С каким из них Вы согласны в большей степени? (Отметьте только один ответ).

1	Правильно делал, так как был занят более важными делами	
2	Правильно делал, так как каждый сам должен отстаивать свои интересы	
3	Неправильно делал, так как из-за этого страдали интересы коллектива	
4	Неправильно поступил – раз избрали, должен выполнять	
5	Неправильно поступил, так как из-за этого может ухудшиться ситуация на работе и понизиться авторитет в коллективе	
6	Неправильно поступил, так как это ухудшает обычно отношения в коллективе и понимается самооценка	
7	Каждый человек поступает так, как он сам считает нужным – это аксиома	
8	Мне трудно оценить эту ситуацию. Главное, чтобы человеку было хорошо.	

б) Активность:

Инструкция респондентам: С каким мнением Вы согласны в большей степени?

1	Я не участвую в общественной работе, так как меня не привлекают	
2	Я не участвую в общественной работе, так как нет такого желания, кому это нужно?	
3	Я занимаюсь общественной работой, так как попросили (доверили)	
4	Я участвую в общественной работе, так как многие участвуют, чем я хуже?	
5	Я участвую в общественной работе с удовольствием, по-другому я не могу, это мой стиль	
6	Я занимаюсь общественной работой, так как участие влияет на рост авторитета, продвижение, самооценку	

Данные по апробации методики (N=134): а Кронбаха = 0,657, M = 3,52, SD = 0,663.

1	Он поступил правильно: такая возможность представляется не каждый день	
2	Он поступил правильно: любой поступил бы также на его месте	
3	Он поступил неправильно, так как подвел своих коллег на работе	
4	Он поступил неправильно, так как поставил свои интересы выше интересов своего родного коллектива	
5	Он поступил неправильно, так как ухудшил ситуацию на работе и свое положение здесь	
6	В конце концов пострадали и производственные и, отчасти, его личные интересы	
7	Каждый человек поступает так, как считает нужным	
8	Главное – чтобы человеку было хорошо, все остальное - приложится	

Приложение Ж. Результаты эмпирического исследование сопоставления состязательности с наиболее близкими по содержанию психологическими феноменами: мотивационной сферой личности, конфликтом, уровнем притязаний, агрессией, показателями активности.

Таблица Ж.1

Степень выраженности мотивационных тенденций (шкалы опросника А. Эдвардса)
у респондентов с различными видами состязательности (N=344, уровень корреляции по Спирмену)

Виды состязательности	Шкалы опросника личностных предпочтений А. Эдвардса											
	Мотивация достижения	Принятие авторитетов	Автономия, независимость	Аффилиация	Самопознание	Принятие опеки, ожидание помощи	Доминирование	Подчинение, чувство виновности	Оказание опеки	Толерантность к новому, радикализм	Выносливость, стойкость в достижении целей	Агрессия
Конкурентность	0,712 (p<0,001)	-0,413 (p=0,006)			-0,342 (p=0,026)	-0,440 (p=0,004)	0,752 (p<0,001)		-0,532 (p<0,001)	0,656 (p<0,001)	0,512 (p=0,004)	0,672 (p<0,001)
Сотрудничество	0,637 (p<0,001)			0,516 (p<0,001)	0,566 (p<0,001)		-0,443 (p=0,004)		0,518 (p<0,001)		0,531 (p<0,001)	-0,467 (p=0,004)
Альтруистичность	-0,563 (p<0,001)	0,632 (p<0,001)	-0,544 (p<0,001)	0,627 (p<0,001)	0,354 (p=0,006)		-0,530 (p<0,001)	0,723 (p<0,001)	0,614 (p<0,001)			-0,671 (p<0,001)
Индивидуалистичность			0,634 (p<0,001)			-0,371 (p=0,006)	-0,323 (p=0,006)	0,344 (p=0,006)	-0,514 (p<0,001)	0,532 (p<0,001)		

Таблица Ж.2

Степень выраженности предрасположенности личности к конфликтному поведению (К. Томас) и направленности личности (Б. Басс) у респондентов с различными видами состязательности (N=344, уровень корреляции по Спирмену)

Виды состязательности	Тест К. Томаса				Направленность личности		
	Соперничество	Сотрудничество	Подчинение	Избегание	"На себя"	"На общение"	"На дело"
Конкурентность	0,812 (p<0,001)		-0,644 (p<0,001)		0,734 (p<0,001)		
Сотрудничество		0,767 (p<0,001)	0,273 (p=0,065)			0,562 (p<0,001)	0,433 (p=0,012)
Альтруистичность	-0,482 (p=0,006)		0,745 (p<0,001)		-0,331 (p=0,032)	0,610 (p<0,001)	
Индивидуалистичность			-0,321 (p=0,036)	0,664 (p<0,001)	0,291 (p=0,056)		0,452 (p=0,014)

Таблица Ж.3

Степень выраженности мотивации достижения (А. Мехрабиан), уровня притязаний (Т.В. Дембо – С.Я. Рубинштейн), направленности и активности личности (А.В. Петровский) у респондентов с различными видами состязательности (N=344, уровень корреляции по Спирмену)

Виды состязательности	Мотивация достижения		Самооценка	А.В. Петровский			
				Активность	Направленность личности		
	Стремление к успеху	Избегание неудачи	Уровень притязаний		"Личностные ценности"	"Конформность"	"Коллективистское самоопределение"
Конкурентность	0,432 (p=0,022)	-0,311 (p=0,036)	0,544 (p=0,006)	0,448 (p=0,010)			
Сотрудничество	0,353 (p=0,042)		0,373 (p=0,045)	0,332 (p=0,042)			0,443 (p=0,012)
Альтруистичность	-0,416 (p=0,006)		-0,265 (p=0,054)		-0,354 (p=0,034)	0,410 (p=0,006)	
Индивидуалистичность		0,362 (p=0,034)		-0,310 (p=0,044)	0,381 (p=0,050)		

Таблица Ж.4

Психологические типы «состязательной личности» (кластерный анализ методом к-средних; N=344)

Личностные психологические феномены («психологические корреляты состязательности»)	Типы «состязательной личности»							
	«конформно-подчиняющийся» (N=31)	«конформно-доминантный» (N=18)	«подчиненно-успешный» (N=47)	«доминантно-успешный» (N=72)	«незасимо-подчиняющийся» (N=11)	«независимо-доминантный» (N=57)	«успешный с элементами независимости-подчинения» (N=48)	«успешный с элементами независти и доминирования» (N=60)
Мотивация достижения*	4,2	5,6	6,7	7,9	6,1	6,5	7,6	8,1
Принятие авторитетов*	8,7	6,2	7,8	5,5	6,1	4,5	5,6	4,7
Автономия, независимость*	4,1	5,4	5,2	6,3	6,0	8,7	6,8	8,5
Принятие опеки, ожидание помощи*	8,2	6,1	8,1	3,5	6,4	3,2	5,8	3,4
Доминирование*	3,4	6,6	4,5	8,3	4,7	8,7	7,2	8,8
Подчинение, чувство виновности*	8,6	7,6	7,2	3,6	6,4	3,1	6,3	3,0
Оказание опеки*	4,8	7,8	5,2	7,6	3,5	6,7	6,4	7,1
Выносливость, стойкость в достижении целей*	4,4	5.9	6.6	8,1	5,3	8,0	7,8	8,2
Мотивация достижения успеха**	2,5	4,0	4,7	6,4	3,3	5.9	6,2	6,5
Активность***	1,5	2,7	3,9	4,7	2,3	3,6	4,1	4,7

Прим.: * - 9-балльная шкала; ** - 7-балльная шкала; *** - 5-балльная шкала

Таблица Ж.5

Симптомокомплексы личностных качеств основных типов «состязательной личности» (кластерный анализ методом к-средних;N=344)

Свойства личности	Типы «состязательной личности»								Значимость различий по критерию Краскалла-Уоллиса
	«конформно-подчиняющийся» (N=31)	«конформно-доминантный» (N=18)	«подчиненно-успешный» (N=47)	«доминантно-успешный» (N=72)	«незасимо-подчиняющийся» (N=11)	«независимо-доминантный» (N=57)	«успешный с эл-ми независимости-подчинения» (N=48)	«успешный с элемми независти и доминирования» (N=60)	
Общительность*	1,8	1,9	2,0	2,6	1,2	1,3	1,5	2,6	<0,01
Застенчивость*	2,5	1,8	2,1	1,2	2,5	1,9	2,1	1,2	<0,001
Маскулинность*	1,2	2,0	1,4	2,6	1,4	2,2	1,9	2,7	<0,001
Потребность в достижении*	1,1	1,3	1,8	2,7	1,2	1,5	1,8	2,6	<0,001
Раздражительность*	1,3	2,4	1,2	1,7	1,4	2,6	1,4	1,8	<0,01
Невротичность*	2,3	1,7	2,0	1,2	2,7	1,9	1,8	1,1	<0,01
Спонтанная агрессивность*	1,7	2,1	1,3	1,4	2,6	1,7	1,2	1,3	<0,01
Реактивная агрессивность*	1,2	2,0	1,4	2,7	1,5	2,1	1,2	2,6	<0,001
Ригидность*	2,1	2,0	1,8	1,6	1,7	1,6	1,8	1,5	>0,05
Уравновешенность*	1,8	1,8	2,1	2,5	1,3	1,4	2,5	2,5	<0,01
Уровень притязаний*	1,3	1,9	1,7	2,6	1,2	2,1	1,8	2,6	<0,001

Прим.: * - 3-балльная шкала

Таблица Ж.6

Степень выраженности мотивационных тенденций (шкалы опросника А. Эдвардса), показатели разрешения конфликтных ситуаций (К. Томас), направленности и активности личности, уровня притязаний личности у респондентов с различными видами состязательности

Виды состязательности	Шкалы опросника личностных предпочтений А. Эдвардса	Тест Томаса	Тест направленности личности Б. Басса	Опросник мотивации достижений успеха	Методика самооценки Дембо-Рубинштейн	Методики определения активности и направленности личности А.В. Петровского
Конкурентность	Высокие показатели *мотивации достижения, доминирования, агрессивности, готовности к риску, выносливости (стойкости в достижении целей).* Низкие показатели *уровня самопознания, принятия авторитетов, принятия и оказания опеки*	Высокий уровень *соперничества*, низкий уровень *подчинения*	*Направленность на себя*	Высокое *стремление (мотивация) к успеху,* низкий уровень *избежания неудачи*	Высокий и очень высокий уровень *притязаний*	*Высокая активность*
Сотрудничество	Высокие показатели *мотивации достижений, аффилиации, выносливости в достижении целей, рациональности, самопознания, оказания опеки.* Низкие показатели *агрессивности, доминирования, импульсивности*	Высокий уровень *сотрудничества*	*Направленность на общение и на дело*	Высокий уровень *стремления к успеху*	Оптимально высокий уровень *притязаний*	*Высокая активность. Коллективистское самоопределение*

Окончание таблицы Ж.6

Виды состязательности	Шкалы опросника личностных предпочтений А. Эдвардса	Тест Томаса	Тест направленности личности Б. Басса	Опросник мотивации достижений успеха	Методика самооценки Дембо-Рубинштейн	Методики определения активности и направленности личности А.В. Петровского
Альтруистичность	Высокий уровень *почтения (принятия авторитетов), аффилиации, подчинения, оказания опеки, самопознания.* Низкий уровень *доминирования, мотивации достижений, агрессивности, автономии*	Высокий уровень *подчинения (приспособления)*	*Направленность на общение*	Низкий уровень *мотивации достижения*	Средне-низкий уровень *притязаний*	*Высокая конформность*
Индивидуалистичность	Высокие показатели *автономии, чувства виновности, толерантности к новому (радикализму).* Низкий уровень *доминирования, принятия и оказания опеки*	Высокий уровень *избегания*, низкий уровень *подчинения*	*Направленность на дело*	Высокий уровень *избегания неудачи*		*Ориентации на личностные ценности*

Приложение З. Результаты эмпирического исследования динамики состязательности в современном российском обществе с 1979 по 2013 гг

Таблица З.1

Динамика состязательности в современном российском обществе с 1979 по 2013 гг., в %

Виды состязательности	1979-85 гг.	1989-93 гг.	1994-98 гг.	1999-2013 гг.
Потенциальная конкурентность	20,3	18,1	8,2	6,6
Реактивная конкурентность	18,4	19,2	7,5	6,0
Активная конкурентность	27,3	20,4	18,3	23,0
Потенциальная индивидуалистичность	1,5	4,1	5,0	5,1
Реактивная индивидуалистичность	0,3	0,9	1,8	2,1
Активная индивидуалистичность	0,2	5,7	17,6	21,7
Потенциальная альтруистичность	5,3	4,3	2,8	2,5
Реактивная альтруистичность	6,3	4,0	3,0	2,3
Активная альтруистичность	13,3	9,7	14,5	12,9
Потенциальное сотрудничество	2,5	1,7	1,9	1,9
Реактивное сотрудничество	2,8	2,0	2,3	3,2
Активное сотрудничество	2,0	9,7	17,2	13,2

Таблица 3.2

Распределение активных и пассивных форм состязательных отношений с 1979 по 2013 г.г., в %

Уровень активности субъектов состязательных отношений	1979-85 гг.	1989-93 гг.	1994-98 гг.	1999-2013 гг.
Активные формы состязательности	42,6	45,7	67,6	68,4
Пассивные формы состязательности	57,4	54,3	32,5	31,7

Приложение И. Результаты эмпирического исследования влияния различных факторов на формирование и развитие состязательности.

Таблица И.1

Уровень развития состязательности у работников организаций разных форм собственности (2000–2013 гг.), %

Виды состязательности	Форма собственности		
	Государственная	Акционерная	Частная
Потенциальная конкурентность	9,2	6,2	5,5
Реактивная конкурентность	5,9	1,1	10,5
Активная конкурентность	33,0	9,0	17,3
Потенциальная индивидуалистичность	4,6	10,6	5,4
Реактивная индивидуалистичность	2,3	2,0	1,7
Активная индивидуалистичность	24,6	14,3	17,3
Потенциальная альтруистичность	1,1	5,9	1,3
Реактивная альтруистичность	0,9	1,4	6,2
Активная альтруистичность	7,5	18,5	14,5
Потенциальное сотрудничество	0,2	5,9	0,6
Реактивное сотрудничество	1,0	3,6	6,9
Активное сотрудничество	8,2	21,6	13,2

Таблица И.2

Уровень развития состязательности в различных социально-профессиональных группах ($N = 375$), %

Виды состязательности	Факторы								
	Профессия			Наличие подчиненных			Участие в управлении		
	Рабочий	Служащий	Специалист	Руководитель	Нет	Есть	Да	Нет	Затруднились ответить
Потенциальная конкурентность	7,5	13,3	4,7	1,8	7,4	2,3	2,8	7,8	7,1
Реактивная конкурентность	1,0	0	2,3	0	1,5	0	0,9	1,2	1,2
Активная конкурентность	11,5	13,3	4,7	5,4	10,0	5,7	12,3	9,0	4,7
Потенциальная индивидуалистичность	16,0	13,3	3,5	1,8	11,5	8,0	10,4	6,6	18,8
Реактивная индивидуалистичность	3,0	6,7	0	0	2,2	1,1	0	3,6	1,2
Активная индивидуалистичность	17,5	6,7	9,3	12,5	14,9	12,5	7,5	14,5	22,4
Потенциальная альтруистичность	6,5	0	8,1	1,8	5,6	6,8	4,7	6,0	7,1
Реактивная альтруистичность	1,0	0	2,3	1,8	1,5	1,1	0,9	1,8	1,2
Активная альтруистичность	13,5	33,3	19,8	30,4	16,7	23,9	25,5	16,3	14,1
Потенциальное сотрудничество	7,0	6,7	4,7	3,6	6,7	3,4	7,5	5,4	4,7
Реактивное сотрудничество	3,5	0	5,8	1,8	4,1	2,3	0,9	5,4	3,5
Активное сотрудничество	12,0	6,7	34,9	39,3	17,8	33,0	26,4	22,3	14,1

Таблица И.3

Динамика состязательности среди учителей средних школ г. Перми в период с 1996 по 2000 г., %

Виды состязательности	1996 г. (863 чел.)				2000 г. (731 чел.)			
	Общеобраз. школы	Спецшколы старого типа	Спецшколы нового типа	Всего по всем типам школ	Общеобраз. школы	Спецшколы старого типа	Спецшколы нового типа	Всего по всем типам школ
Потенциальная конкурентность	8,2	8,2	5,7	7,3	11,1	9,1	7,6	9,0
Реактивная конкурентность	4,2	4,1	2,8	4,0	9,1	5,4	3,3	6,0
Активная конкурентность	28,5	28,5	19,7	26,0	32,3	34,9	32,9	31,7
Потенциальная индивидуалистичность	5,6	5,7	7,7	6,2	4,4	5,9	3,8	4,4
Реактивная индивидуалистичность	2,8	2,9	3,9	3,1	1,7	2,2	3,3	2,2
Активная индивидуалистичность	19,6	19,9	27,0	21,6	23,9	23,1	27,6	23,7
Потенциальная альтруистичность	2,1	2,2	2,6	2,2	1,0	1,1	1,4	1,1
Реактивная альтруистичность	1,0	1,1	1,3	1,2	0,7	0,5	1,4	0,8
Активная альтруистичность	7,2	7,9	9,3	7,8	6,4	8,1	8,1	7,3
Потенциальное сотрудничество	2,8	2,7	3,1	2,8	1,3	0	0	0,5
Реактивное сотрудничество	1,4	1,4	1,5	1,4	1,0	1,1	1,0	1,0
Активное сотрудничество	9,6	9,6	10,8	9,9	7,1	8,6	9,5	7,8

Таблица И.4

Влияние социально-профессиональный статус работников медицинских учреждений на уровень развития состязательности (2013 г., N=121,коэффициенты линейной регрессии)

Зависимые переменные	Предикторы, β			R^2
Виды состязательности	Социально-профессиональный статус			
	руководители	врачи	младший медперсонал	
Конкурентность	0,065	0,068	0,083*	0,203
Индивидуалистичность		0,108*	0,106*	0,124
Альтруистичность	0,107*	0,065	0,085*	0,167
Сотрудничество	0,126*	0,046		0,145

* p<0,05; ** p<0,01; *** p<0,001; β - стандартизированные коэффициенты регрессии; R^2 - доля дисперсии.

Таблица И.5

Влияние типа медицинского учреждения на уровень развития состязательности (2013 г., N=121, коэффициенты линейной регрессии)

Зависимые переменные	Предикторы, β			R^2
Виды состязательности	Тип медицинского учреждения			
	ГБУЗ	МБУЗ	МАУЗ	
Конкурентность			0,103*	0,112
Индивидуалистичность		0,086	0,068	0,119
Альтруистичность	0,078	0,065		0,096
Сотрудничество	0,134*			0,167

* p<0,05; ** p<0,01; *** p<0,001; β - стандартизированные коэффициенты регрессии; R^2 - доля дисперсии.

Таблица И.6

Влияние стажа работы в данном медицинском учреждении на уровень развития состязательности (2013 г., N=121,коэффициенты линейной регрессии)

Зависимые переменные	Предикторы, β			R^2
Виды состязательности	Стаж работы в медицинском учреждении			
	от 1 до 5 лет	от 5 до 15 лет	свыше 15 лет	
Конкурентность	0,064	0,078	0,144*	0,256
Индивидуалистичность	0,053	0,103*	0,137*	0,187
Альтруистичность	0,102*	0,065	0,021	0,136
Сотрудничество	0,032	0,035	0,018	0,279

* $p<0,05$; ** $p<0,01$; *** $p<0,001$; β - стандартизированные коэффициенты регрессии; R^2 - доля дисперсии.

Таблица И.7

Взаимосвязь численности коллектива медицинских работников и уровня развития состязательности (2013 г., N=121, в %)

Виды состязательности	Численность коллектива медработников		
	до 10 человек	10-20 человек	свыше 20 человек
Конкурентность	-	22,7	51,0
Индивидуалистичность	14,0	33,3	29,7
Альтруистичность	32,4	44,0	19,3
Сотрудничество	53,6	-	-

Таблица И.8[2]

Развитие состязательности в различных социально-демографических группах, %

Виды Состязательности	Факторы												
	Пол				Возраст (2012 г.)			Образование (2012 г.)			Семейное положение (2000 г.)		
	2000 г.		2012 г.		До 30 лет	31–45 лет	46 лет и более	Среднее общее	Среднее спец.	Высшее	Холост	Женат	Разведен, неполная семья
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.									
Потенциальная конкурентность	13,8	9,3	6,4	5,7	4,2	7,6	5,8	11,1	6,8	3,9	12,4	10,8	11,3
Реактивная конкурентность	0	6,6	1,6	0	0	2,5	0	1,9	0,7	1,3	7,4	6,0	7,8
Активная конкурентность	24,1	33,4	8,8	9,4	11,6	8,2	7,7	11,1	11,6	5,9	28,9	33,1	38,9
Потенциальная индивидуалистичность	0	4,7	10,8	10,4	6,3	11,4	13,5	18,5	16,3	2,6	5,0	2,8	1,1
Реактивная индивидуалистичность	3,4	2,3	2,4	0,9	3,2	1,9	1,0	1,9	4,1	0	4,1	1,1	0,8
Активная индивидуалистичность	13,8	25,5	14,3	14,2	21,1	13,3	9,6	14,8	15,6	12,0	24,8	28,6	24,8
Потенциальная альтруистичность	3,4	1,1	4,0	10,4	33,2	5,7	8,7	9,3	6,1	4,9	1,7	0,8	0
Реактивная альтруистичность	3,4	0,8	2,0	0	2,1	1,9	0	0	0,7	2,6	0,8	0,5	0,1
Активная альтруистичность	24,1	6,8	19,1	17,0	13,7	17,1	25,0	9,3	17,0	22,9	4,1	5,8	6,2
Потенциальное сотрудничество	0	0,6	6,0	5,7	6,3	7,6	2,9	3,7	6,8	5,2	0,8	0,3	0,1
Реактивное сотрудничество	0	1,1	4,0	2,8	3,2	4,4	2,9	5,6	2,7	3,9	1,7	3,2	0

[2] Результаты исследований группы учителей в 2000 г. (731 чел.) и работников одного из промышленных предприятий (ЗАО «Сибур-Химпром») г. Перми в октябре 2012 г. (выборочная совокупность составила 375 чел., является квотной, репрезентативной относительно социально-профессиональной и половой структур генеральной совокупности).

Активное сотрудничество	13,8	8,0	20,7	23,6	25,3	18,4	23,1	13,0	11,6	34,6	8,3	8,3	7,3

Таблица И.9

Сравнительный анализ развития состязательности

у преподавателей и учащихся лицея № 1 г. Перми, % от опрошенных

Виды состязательности	Преподаватели (98 чел.)	Учащиеся (415 чел.)
Потенциальная конкурентность	1,1	7,2
Реактивная конкурентность	3,4	10,4
Активная конкурентность	14,8	15,7
Потенциальная индивидуалистичность	2,3	5,5
Реактивная индивидуалистичность	3,4	1,5
Активная индивидуалистичность	31,8	17,3
Потенциальная альтруистичность	4,5	1,5
Реактивная альтруистичность	0	6,0
Активная альтруистичность	22,7	14,5
Потенциальное сотрудничество	2,3	0,5
Реактивное сотрудничество	1,1	7,0
Активное сотрудничество	12,5	13,0

Таблица И.10

Влияние жизненных ценностей респондентов на уровень развития состязательности (2012 г., N=375, коэффициенты линейной регрессии)

Зависимые переменные	Предикторы, β											R^2
Виды состязательности	Жизненные ценности											
	Семья	Любимая работа	Высокие доходы	Уважение окружающих	Культурные потребности	Материальный достаток	Должность, власть	Реализация способностей	Любовь	Здоровье	Уверенность в завтр. дне	
Конкурентность	0,112*	-0,065	0,143*			0,203**	0,118*	0,157*		0,093*		0,234
Индивидуалистичность		0,089*										0,038
Альтруистичность				0,171*			0,106*		0,205**			0,115
Сотрудничество		0,165*	-0,097*		0,178*	-0,076		0,173*			0,087	0,325

* $p<0,05$; ** $p<0,01$; *** $p<0,001$; β - стандартизированные коэффициенты регрессии; R^2 - доля дисперсии.

Таблица И.11

Влияние жизненных ценностей работников медицинских учреждений на уровень развития состязательности (2013 г., N=121,коэффициенты линейной регрессии)

Зависимые переменные	Предикторы, β			R^2
Виды состязательности	Жизненные ценности			
	Любимая работа	Материальный достаток	Образование	
Конкурентность	-0,097*	0,178*	0,144*	0,256
Индивидуалистичность	0,023	0,123*	0,056	0,187
Альтруистичность	0,124*	0,021	0,032	0,136
Сотрудничество	0,205*	-0,078*	0,131*	0,279

* p<0,05; ** p<0,01; *** p<0,001; β - стандартизированные коэффициенты регрессии; R^2 - доля дисперсии.

Таблица И.12

Развитие состязательности у респондентов с различной политической активностью, % (*N* = 375)

Виды состязательности	Формы политической активности				
	Избирательная кампания	Митинги, демонстрации, пикеты	Забастовки, голодовки	Политические партии, движения	Не участвуют
Потенциальная конкурентность	15,0	7,8	5,6	14,3	11,9
Реактивная конкурентность	3,3	7,8	8,5	0	4,2
Активная конкурентность	25,0	40,8	42,6	14,3	33,1
Потенциальная индивидуалистичность	6,7	1,9	0	14,3	5,9
Реактивная индивидуалистичность	0	1,9	2,8	0	2,5
Активная индивидуалистичность	21,7	19,4	25,4	14,3	28,0
Потенциальная альтруистичность	1,7	1,0	0	0	0
Реактивная альтруистичность	0	1,0	2,8	0	0
Активная альтруистичность	11,7	7,8	9,9	14,3	5,9
Потенциальное сотрудничество	0	1,0	0	0	1,7
Реакт. сотрудничество	5,0	1,9	0	0	0
Актив. сотрудничество	10,0	7,8	2,8	28,6	6,8
Примечание: ассимптотическая двухсторонняя значимость критерия Хи-квадрат Пирсона = 0,034 свидетельствует о статистической значимости полученной связи между политической активностью и уровнем развития состязательности.					

Таблица И.13

Влияние личностных качеств респондента на уровень развития состязательности (2012 г., N=375, коэффициенты линейной регрессии)

Зависимые переменные	Предикторы, β										R^2
Виды состязательности	Свойства личности										
	Общительность	Застенчивость	Маскулинность	Потребность в достижении	Раздражительность	Невротичность	Спонтанная агрессивность	Реактивная агрессивность	Ригидность	Уравновешенность	
Конкурентность	0,142*	-0,323**	-0,102*	0,265**	0,267**		0,108*		-0,051	0,122*	0,443
Индивидуалистичность		0,042		-0,135*			-0,156*				0,148
Альтруистичность	-0,112*		0,087*		-0,105*	-0,231**		-0,316**	0,023		0,321
Сотрудничество	-0,098*		0,184*	0,211**	-0,245**	-0,345**		-0,289**		0,243**	0,378

p<0,05; ** p<0,01; *** p<0,001; β - стандартизированные коэффициенты регрессии; R^2 - доля дисперсии

Приложение К. Результаты эмпирического исследования взаимосвязи состязательности и совместности

Таблица К.1

Взаимосвязь общего показателя совместности
с частными критериями отношений совместности и состязательности
в первичных производственных группах [*N* = 733]

Показатели совместности (частные) и состязательности		Общий показатель уровня развития совместности					
		Низкий (45 групп)		Средний (55 групп)		Высокий (3 группы)	
		Кол-во групп	%	Кол-во групп	%	Кол-во групп	%
Уровень развития совместности по «теории деятельностного опосредования»	низкий (I)	6	13,3	2	3,6	0	0
	средний (II)	24	53,3	39	70,9	3	50,0
	высокий (III)	15	33,3	14	25,5	3	50,6
Всего		45	100	55	100	6	100
Уровень развития совместности по «наличию лидеров в группе»	низкий (I)	34	75,6	13	23,6	0	0
	средний (II)	8	17,8	28	50,9	2	33,3
	высокий (III)	3	6,7	14	25,5	4	66,7
Всего		45	100	55	100	6	100
Преобладающий в группе вид состязательности	конкурентность	37	82,2	15	27,3	0	0
	Альтруистсть	7	15,6	39	70,1	1	16,7
	Сотрудчество	1	2,2	1	1,8	5	83,3
Всего		45	100	55	100	6	100

Таблица К.2

Взаимосвязь общего показателя совместности
с частными критериями отношений совместности и состязательности
в первичных производственных группах [*N* = 733, уровень корреляции по Спирмену]

Показатели совместности (частные) и состязательности		Общий показатель уровня развития совместности		
		Низкий (45 групп)	Средний (55 групп)	Высокий (3 группы)
Уровень развития совместности по «теории деятельностного опосредствования»	низкий (I)	0,173	0,238	0,012
	средний (II)	0,313*	0,723***	0,321*
	высокий (III)	0,254	0,219	0,515**
Уровень развития совместности по «наличию лидеров в группе»	низкий (I)	0,731***	0,089	-
	средний (II)	0,057	0,326*	0,185
	высокий (III)	0,009	0,074	0,634**
Преобладающий в группе вид состязательности	конкурентность	0,864***	0,013	-
	альтруистичность	0,023	0,712***	0,016
	сотрудничество	0,008	0,007	0,753***

* p<0,05; ** p<0,01; *** p<0,001

Таблица К.3

Взаимосвязь внутригрупповых состязательных отношений и интегрального показателя уровня развития (ИПР) коллективов медицинский работников (2013 г., N=121,в % от числа опрошенных в каждой группе по типу состязательности)

Тип состязательности	Уровень развития коллектива (ИПР)			Итого
	низкий	средний	высокий	
потенциальная конкурентность	33,3	66,7	-	100,0
реактивная конкурентность	-	100,0	-	100,0
активная конкурентность	24,1	72,4	3,4	100,0
потенциальная индивидуалистичность	54,5	45,5	-	100,0
реактивная индивидуалистичность	-	100,0	-	100,0
активная индивидуалистичность	45,4	38,5	16,2	100,0
потенциальная альтруистичность	22,2	77,8	-	100,0
реактивная альтруистичность	25,0	50,0	25,0	100,0
активная альтруистичность	33,3	44,4	22,2	100,0
потенциальное сотрудничество		66,7	33,3	100,0
реактивное сотрудничество	-	-	-	-
активное сотрудничество	17,6	47,1	35,3	100,0

Таблица К.4

Взаимосвязь интегрального показателя уровня развития (ИПР) совместности с видами состязательности в первичных производственных группах медицинский работников [2013 г., *N* = 121, уровень корреляции по Спирмену]

Тип состязательности	Уровень развития коллектива (ИПР)		
	низкий	средний	высокий
потенциальная конкурентность	0,224	0,313*	-
реактивная конкурентность	-	0,856***	-
активная конкурентность	0,309*	0,425*	0,008
потенциальная индивидуалистичность	0,324*	0,309*	-
реактивная индивидуалистичность	-	0,879***	-
активная индивидуалистичность	0,365*	0,327*	0,024
потенциальная альтруистичность	0,121	0,764***	-
реактивная альтруистичность	0,223	0,543**	0,305*
активная альтруистичность	0,267	0,478**	0,316*
потенциальное сотрудничество		0,469*	0,357*
реактивное сотрудничество	-	-	-
активное сотрудничество	0,054	0,308*	0,524**

* p<0,05; ** p<0,01; *** p<0,001

Приложение Л. Результаты эмпирического исследования влияния состязательности на эффективность групповой деятельности, социально-психологическую ситуацию в малых социальных группах, состояние личности

Таблица Л.1

Ранжирование показателей эффективности деятельности у групп работников с разными видами состязательности (ранжированный ряд) (N = 920)

Показатели эффективности деятельности	Виды состязательности					
	Реактивн. конкурентность	Активная конкурентность	Реакт. альтруистичность	Активн. альтруистичность	Реакт. сотрудничество	Активное сотрудничество
Выполнение плана (объективный показатель)	5	3	4	3	2	1
Выполнение плана (самооценка)	4	2	5	3	4	1
Производительность труда	4	3	4	2	2	1
Качество продукции	3	1	4	4	4	2
Трудовая дисциплина	3	2	6	5	4	1
Общественная дисциплина	4	3	3	2	2	1
Соблюдение правил ТБ	3	2	5	4	3	1
Реальная стабильность состава групп	6	5	4	3	1	2
Профессиональный рост (разряды)	5	2	6	4	3	1
Повышение образования	5	2	4	1	3	1
Социальная активность	5	2	3	1	4	3
Творческая активность (рацпредложения)	3	1	5	2	4	2
Сумма ранговых мест	50	28	53	34	36	17
Средний балл (порядковое место)	4,2	2,3	4,4	2,8	3,0	1,4
Примечание: цифры в таблице обозначают: 1 – наиболее эффективный вид состязательности; 2, 3, 4, 5 – промежуточные оценки эффективности деятельности; 6 – наименее эффективный вид состязательности.						

Таблица Л.2

Профессиональная (должностная) карьера респондентов (самооценка) с разными видами состязательности, в абс. цифрах и %

Виды состязательности	Как сложилась профессиональная карьера							
	Добились всего		Что-то осуществилось, а что-то нет		Мало чего удалось добиться		Итого	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Потенциальная конкурентность	12	18,2	44	66,7	10	15,2	66	100
Реактивная конкурентность	8	18,2	32	72,7	4	9,1	44	100
Активная конкуретность	29	12,6	191	82,7	11	4,8	231	100
Потенциальная индивидуалистичность	3	10,0	24	80,0	3	10,0	30	100
Реактивная индивидуалистичность	2	14,3	12	85,7	0	0	14	100
Активная индивидуалистичность	20	11,8	140	82,4	10	5,9	170	100
Потенциальная альтруистичность	1	12,5	6	75,0	1	12,5	8	100
Реактивная альтруистичность	0	0	4	66,7	2	33,3	6	100
Активная альтруистичность	12	22,6	40	75,5	1	1,9	53	100
Потенциальное сотрудничество	1	25,0	2	50,0	1	25,0	4	100
Реактивное сотрудничество	0	0	6	85,7	1	14,3	7	100
Активное сотрудничество	18	28,1	43	67,2	3	4,7	64	100
Примечание: ассимптотическая двухсторонняя значимость критерия Хи-квадрат Пирсона = 0,041 свидетельствует о статистической значимости полученной связи между профессиональной карьерой респондентов и видами состязательности.								

Таблица Л.3

Показатели эффективности деятельности (самооценка) работников ЗАО «Сибур-Химпром» с разными видами состязательности, % (N = 375)

Показатели эффективности деятельности (самооценка)	Виды состязательности							
	Реактивная конкурентность	Активная конкурентность	Реактивн. индивидуалистичность	Активная индивидуалистичность	Реактивная альтруистичность	Активная альтруистичность	Реактивное сотрудничество	Активное сотрудничество
Профессиональная карьера								
Добились всего	17,1	18,8	7,9	16,0	7,1	13,8	9,0	18,8
Что-то осуществилось, а что-то – нет	61,4	65,6	62,7	60,0	75,7	75,4	82,3	68,2
Мало что удалось добиться	21,5	15,6	29,4	24,0	17,2	10,8	8,7	13,1
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100
Оценка качества своего труда								
Высокое качество	63,6	71,9	60,0	55,6	70,5	60,7	71,3	65,6
Непостоянное качество	36,4	28,1	40,0	44,4	29,5	37,7	28,7	34,4
Низкое качество	0	0	0	0	0	16,6	0	0
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100
Проявление инициативы в работе								
Почти всегда	45,7	34,4	20,2	47,1	35,0	56,3	48,4	57,9
Не всегда	54,3	59,4	72,6	45,1	65,0	42,2	51,6	42,1
Почти никогда	0	6,3	7,2	7,8	0	1,6	0	0
Итого	100	100	100		100		100	100
Стремление к достижению лучших результатов								
Почти всегда	80,7	93,8	81,8	90,2	92,3	86,2	70,6	92,8
Не всегда	15,4	6,3	18,2	7,8	7,7	13,8	29,4	7,2
Почти никогда	3,9	0	0	2,0	0	0	0	0
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100

Примечания: 1. В анализе результатов объединены потенциальная и реактивная формы состязательных отношений в силу малочисленности реактивных форм состязательности.
2. Ассимптотическая двухсторонняя значимость критерия Хи-квадрат Пирсона = 0,024 свидетельствует о статистической значимости полученной связи между эффективностью деятельности респондентов и видами состязательности.

Таблица Л.4

Влияние уровня развития состязательности на самооценку эффективности деятельности респондентами (2012 г., N=375, коэфф. линейной регрессии)

Зависимые переменные	Предикторы, β								R^2
Показатели эффективности деятельности (самооценка)	Виды состязательности								
	Реактивная конкурентность	Активная конкурентность	Реактивн. индивидуалистичность	Активная индивидуалистичность	Реактивная альтруистичность	Активная альтруистичность	Реактивное сотрудничество	Активное сотрудничество	
Профессиональная карьера (самооценка)	0,123*	0,131*	-0,071	0,107*				0,134*	0,124
Оценка качества своего труда	0,095*	0,112*	0,033	0,024	0,106*	0,009	0,113*	0,097*	0,243
Проявление инициативы в работе	0,017		-0,034	0,008		0,131*	0,112*	0,153*	0,167
Стремление к достижению лучших результатов	0,065	0,246*	0,066	0,173*	0,208*	0,118*	0,036	0,224*	0,365

Примечания: 1. В анализе результатов объединены потенциальная и реактивная формы состязательных отношений в силу малочисленности реактивных форм состязательности. 2. * $p<0,05$; ** $p<0,01$; *** $p<0,001$; β - стандартизированные коэффициенты регрессии; R^2 - доля дисперсии.

Таблица Л.5

Влияние уровня развития состязательности на самооценку респондентами своих достижений в работе (2012 г., N=375, коэффициенты линейной регрессии)

Зависимые переменные	Предикторы, β								R^2
Что удалось достичь в работе	Виды состязательности								
	Реактивная конкурентность	Активная конкурентность	Реактивн. индивидуалистичность	Активная индивидуалистичность	Реактивная альтруистичность	Активная альтруистичность	Реактивное сотрудничество	Активное сотрудничество	
Высокого должностного статуса	0,123*	0,131*	0,027					0,267*	0,128
Материального достатка	0,095*	0,097*	0,033		-0,006				0,102
Высокой квалификации	0,017	0,008		0,184*		0,179*			0,146
Интересной, самостоятельной работы	0,065	0,045	0,066			0,286*		0,254*	0,267
Связей, знакомств в деловом мире			-0,034		0,035	0,054	0,064		0,059
Стабильности в жизни				0,142*		-0,048	0,114*	0,154*	0,165
Высокого авторитета, положения в коллективе		0,132*				0,145*	0,045		0,104
Завести хороших, надежных друзей						0,046	0,114*	0,243*	0,123

Примечания: 1. В анализе результатов объединены потенциальная и реактивная формы состязательных отношений в силу малочисленности реактивных форм состязательности. 2. * $p<0,05$; ** $p<0,01$; *** $p<0,001$; β - стандартизированные коэффициенты регрессии; R^2 - доля дисперсии.

Таблица Л.6

Ранжирование показателей социально-психологического климата у групп работников с разными видами состязательности [$N = 920$]

Показатели СПК	Виды состязательности					
	Реактивная конкурентность	Активная конкурентность	Реактивная альтруистичность	Активная альтруистичность	Реактивное сотрудничество	Активное сотрудничество
Удовлетворенность специальностью	6	3	5	2	4	1
Потенциальная текучесть	4	3	3	1	2	1
Настроение на работе	5	3	6	4	2	1
Информированность о делах в звене	5	2	4	2	3	1
Информированность о делах бригады	6	3	5	2	4	1
Информированность о делах на участке	5	3	4	2	5	1
Информированность о делах предприятия	5	3	6	2	4	1
Взаимоотношения в коллективе	6	5	4	1	2	3
Взаимная требовательность	5	4	5	1	2	3
Взаимопомощь в звене	6	5	4	1	3	2
Обсуждение в звене производственных вопросов	6	3	5	2	4	1
Обсуждение в звене непроизводственных вопросов	5	4	5	1	3	2
Отношение руководства цеха к рабочим	5	4	4	3	2	1
Отношение рабочих к звеньевому	5	4	3	1	3	2
Отношение рабочих к распоряжениям звеньевого	5	3	4	2	3	1
Удовлетворенность условиями труда	5	4	4	2	3	1
Удовлетворенность организацией труда	5	3	4	2	2	1
Удовлетворенность режимом работы	4	5	3	2	4	1
Удовлетворенность профессиональным ростом	4	2	3	2	3	1
Удовлетворенность размером зарплаты	4	4	2	2	3	1
Удовлетворенность системой премирования	3	4	1	1	2	2
Удовлетворенность распределением отпусков	6	4	5	2	3	1
Удовлетворенность работой общественных организаций	6	5	4	2	3	1
Удовлетворенность организацией совместного отдыха членов звена	5	2	4	3	3	1
Сумма ранговых мест	121	85	97	45	72	32
Ср. балл (порядковое место)	5,1	3,5	4,0	1,9	3,0	1,3

Примечание: цифры в таблице обозначают: 1 – наиболее высокий показатель СПК среди видов состязательности; 2, 3, 4, 5 – промежуточные оценки состояния СПК; 6 – наименее высокий показатель СПК среди видов состязательности.

Таблица Л.7

Отношение к своей деятельности респондентов с разными видами состязательности, % [N = 731]

Показатели отношения к труду	Виды состязательности									
	Потенц. конку-рентность	Реактивная конку-рентность	Активная конку-рентность	Потенц. индиви-дуали-стичность	Реактив. индиви-дуали-стичность	Актив. ин-дивидуали-стичность	Реактивная альтруи-стичность	Активная альтруи-стичность	Реактивное сотрудни-чество	Активное сотрудни-чество
Желание сменить место работы:										
Нет	43,9	22,7	40,1	34,4	6,3	48,0	50,0	62,3	19,8	65,0
Есть	28,8	36,4	25,0	21,9	25,0	13,9	35,2	17,0	33,9	5,3
затруднились ответить	25,8	38,6	34,9	43,8	68,8	37,6	14,8	20,8	45,3	29,8
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Удовлетворенность профессией:										
Удовлетворены	68,2	70,5	84,9	71,9	81,3	86,7	56,8	92,3	92,7	25,0
Безразличны	3,0	2,3	0	0	6,3	0	10,0	0	0	0
Не удовлетворены	28,8	27,3	15,1	28,1	12,5	13,3	33,2	7,7	7,3	5,0
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Настроение на работе:										
Плохое	6,1	4,5	3,0	0	0	3,5	18,8	2,9	7,1	3,5
Когда как	47,0	56,8	38,4	53,1	43,8	27,2	45,7	18,9	46,4	20,8
Хорошее	47,0	38,6	58,6	46,9	56,3	68,8	35,5	78,2	46,4	75,7
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Примечания: 1. В анализе результатов объединены такие виды состязательности, как потенциальная и реактивная альтруистичность, а также потенциальное и реактивное сотрудничество, в силу их малочисленности. 2. Ассимптотическая двухсторонняя значимость критерия Хи-квадрат Пирсона свидетельствует о статистической значимости полученной связи между желанием сменить место работы [Хи-квадрат Пирсона = 0,000], удовлетворенностью профессией [Хи-квадрат Пирсона = 0,041], настроением [Хи-квадрат Пирсона = 0,045] на работе и видами состязательности

Таблица Л.8

Оценка состояния социально-психологического климата группы респондентами с различными видами состязательности, средний балл [$N = 731$]

Показатели социально-психологического климата	Виды состязательности									
	Потенц. конкурентность	Реактивная конкурентность	Активная конкурентность	Потенц. индивидуалистичность	Реакт. индивидуалистичность	Активная индивидуалистичность	Реактивная альтруистичность	Активная альтруистичность	Реактивное сотрудничество	Активное сотрудничество
Бодрый настрой в коллективе	4,0	4,2	3,9	4,1	3,2	3,9	3,4	3,0	3,2	2,4
Доброжелательность в отношениях	4,5	4,9	4,5	4,5	4,9	4,5	3,2	2,9	3,0	2,5
Нравится вместе проводить время	4,4	4,8	4,4	4,7	4,5	4,8	3,6	2,4	3,0	2,9
Отношения сопереживания	4,8	5,2	4,9	4,6	4,6	4,9	3,5	2,7	3,2	3,0
Взаимное уважение	4,3	4,7	4,5	4,6	4,4	4,5	3,5	2,8	2,7	2,2
Достижения коллектива переживаются, как свои	4,1	4,9	4,8	4,4	4,3	4,8	3,6	2,6	2,9	2,8
Эмоциональное единение в трудные минуты	4,3	4,8	4,5	4,6	4,2	4,6	3,8	3,7	3,2	3,0
Чувство гордости за коллектив	4,6	4,8	4,8	4,8	4,4	4,8	3,7	3,0	3,5	3,2
Коллектив энергичен, полон энергии	4,3	4,9	4,5	4,4	4,3	4,6	3,9	3,7	3,6	2,9
Доброжелательное отношение к новичкам	4,9	5,2	5,0	4,5	4,3	4,6	3,8	3,7	3,6	3,2
Желание работать вместе	4,6	4,9	4,7	4,3	4,0	4,3	4,0	3,0	3,6	3,3
В коллективе справедливое отношение ко всем	4,7	4,8	4,8	3,8	3,9	4,0	3,6	3,2	3,2	2,9

Примечание: в анализе результатов объединены такие виды состязательности, как потенциальная и реактивная альтруистичность, а также потенциальное и реактивное сотрудничество, в силу их малочисленности; цифры в таблице обозначают: *1* – наиболее высокий показатель СПК; *7* – низший уровень развития СПК.

Таблица Л.9

Зависимые переменные	Предикторы, β										R^2
Показатели отношения к труду	Виды состязательности										
	Потенц. конкурентность	Реактивная конкурентность	Активная конкурентность	Потенц. индивидуалистичность	Реактив. индивидуалистичность	Актив. индивидуалистичность	Реактивная альтруистичность	Активная альтруистичность	Реактивное сотрудничество	Активное сотрудничество	
Отсутствие желания сменить место работы		-0,086*			-0,048	0,056	0,127*	0,376*		0,435**	0,243
Удовлетворенность профессией	0,057	0,078*	0,335*	0,094*	0,312*	0,341*		0,566***	0,478**	0,573***	0,354
Настроение на работе	0,048	-0,067*	0,124*	0,056		0,142*	-0,043	0,431**	0,233*	0,442***	0,278

Примечания: 1. В анализе результатов объединены такие виды состязательности, как потенциальная и реактивная альтруистичность, а также потенциальное и реактивное сотрудничество, в силу их малочисленности. 2. * $p<0,05$; ** $p<0,01$; *** $p<0,001$; β - стандартизированные коэффициенты регрессии; R^2 - доля дисперсии

Таблица Л.10

Оценка состояния СПК производственной группы работниками с разными видами состязательности (ЗАО «Сибур-Химпром»), [*N* = 375]

Показатели СПК	Виды состязательности, %							
	Реактивная конкурентность	Активная конкурентность	Реактивная индивидуалистичность	Активная индивидуалистичность	Реактивная альтруистичность	Активная альтруистичность	Реактивное сотрудничество	Активное сотрудничество
Удовлетворенность работой:								
Удовлетворены	82,1	84,4	85,5	88,2	90,5	95,5	90,4	97,4
Безразличны	10,2	9,4	7,3	0	4,8	0	4,8	1,3
Не удовлетворены	7,9	6,3	7,3	11,8	4,8	4,5	4,8	1,3
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100
Потенциальная текучесть:								
Нет желания уйти	54,4	68,8	69,8	64,7	70,2	60,6	64,8	74,5
Хотят уйти	41,1	15,6	15,7	17,7	17,4	30,3	13,6	8,6
Не знают	4,5	15,6	14,5	17,6	12,4	9,1	22,6	16,9
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100
Отношения в коллективе:								
Плохие	27,3	12,9	8,6	14,6	9,0	7,8	8,6	7,2
Средние	18,2	6,5	8,6	6,3	6,0	1,6	6,8	2,0
Хорошие	54,5	80,6	82,8	79,2	85,0	90,6	84,6	90,8
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100
Отношения с руководителем:								
Плохие	17,0	9,4	10,5	7,8	12,5	9,2	8,3	9,5
Средние	61,4	34,4	60,0	35,3	50,0	36,9	49,1	39,8
Хорошие	2,3	28,1	23,3	29,4	20,0	40,0	26,8	36,0
Затруднил. ответить	19,3	28,1	6,2	27,5	17,5	3,8	13,8	17,7
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100
Удовлетворенность отношениями с начальством:								
Не устраивают	11,5	12,5	4,8	8,0	9,2	10,6	12,6	7,8
Не знают точно	15,4	15,6	23,8	14,0	9,2	10,6	11,8	10,4
Устраивают	71,1	71,9	71,4	78,0	81,7	78,8	75,6	81,8
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100
Конфликты между работниками:								
Есть	71,6	34,4	39,1	39,2	36,2	36,4	39,8	35,0
Нет	23,8	53,1	36,1	54,9	61,4	48,5	45,4	57,1
Не могут сказать	4,6	12,5	24,8	5,9	2,4	19,4	14,8	7,9
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100
Конфликты между работниками и руководителем:								
Есть	52,3	53,1	46,9	54,9	33,8	45,5	39,2	42,4
Нет	26,1	43,8	25,5	29,4	63,8	40,9	32,9	45,8
Не могут сказать	21,6	3,1	27,5	15,7	2,4	13,6	27,9	11,8
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100

Примечания: 1. В анализе результатов объединены потенциальная и реактивная формы состязательности в силу малочисленности пассивных форм состязательности. 2. Ассимптотическая двухсторонняя значимость критерия Хи-квадрат Пирсона свидетельствует о статистической значимости полученной связи между потенциальной текучестью [Хи-квадрат = 0,008], удовлетворенностью работой [Хи-квадрат = 0,028], отношениями в коллективе [Хи-квадрат = 0,040], отношениями с руководством [Хи-квадрат = 0,045 и 0,032], конфликтами [Хи-квадрат = 0,047 и 0,038] и видами состязательности

Таблица Л.11

Удовлетворенность различными сторонами производственной обстановки работников «Сибур-Химпром» с разными видами состязательности,[*N* = 375]

Уровень удовлетворенности	Виды состязательности							
	Реактивная конкурентность	Активная конкурентность	Реактивная индивидуалистичность	Активная индивидуалистичность	Реактивная альтруистичность	Активная альтруистичность	Реактивное сотрудничество	Активное сотрудничество
Содержание труда:								
Не устраивает	11,5	9,4	7,2	10,2	0	3,1	4,8	8,0
Точно не знают	15,4	3,1	21,4	12,2	4,0	12,5	9,5	7,8
Устраивает	73,1	87,5	71,4	77,6	96,0	84,4	85,7	84,2
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100
Условия труда:								
Не устраивают	30,8	31,3	21,4	18,0	16,0	13,6	17,6	17,3
Точно не знают	15,4	15,6	21,4	24,0	4,0	16,7	17,6	11,7
Устраивают	53,8	53,1	57,2	58,0	80,0	69,7	64,8	71,0
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100
Возможности профессионального роста:								
Не устраивают	52,0	31,3	26,2	30,0	28,0	30,3	20,6	26,4
Точно не знают	20,0	18,8	31,0	20,0	24,0	18,2	35,3	18,2
Устраивают	28,0	50,0	42,8	50,0	48,0	51,5	44,1	55,5
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100
Уровень оплаты труда:								
Не устраивает	68,0	46,9	46,5	48,0	52,0	39,4	41,2	40,2
Точно не знают	4,0	15,6	18,6	14,0	20,0	10,6	11,7	11,7
Устраивает	28,0	37,5	34,9	38,0	28,0	50,0	47,1	48,2
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100

Примечания: 1. В анализе результатов объединены потенциальная и реактивная формы состязательности в силу малочисленных пассивных форм состязательности. 2. Ассимптотическая двухсторонняя значимость критерия Хи-квадрат Пирсона свидетельствует о статистической значимости полученной связи между удовлетворенностью содержанием труда [Хи-квадрат = 0,038], удовлетворенностью условиями труда [Хи-квадрат = 0,027], удовлетворенностью возможностями профессионального роста [Хи-квадрат = 0,045], удовлетворенностью уровнем оплаты труда [Хи-квадрат = 0,017] и видами состязательности

Таблица Л.12

Влияние уровня развития состязательности на оценку респондентами состояния социально-психологического климата своей производственной группы (2012 г., N=375, коэффициенты линейной регрессии)

Зависимые переменные	Предикторы, β								R^2
Показатели СПК	Виды состязательности								
	Реактивная конкурентность	Активная конкурентность	Реактивн. индивидуалистичность	Активная индивидуалистичность	Реактивная альтруистичность	Активная альтруистичность	Реактивное сотрудничество	Активное сотрудничество	
Удовлетворенность работой	0,287*	0,301*	0,322*	0,378*	0,441**	0,643***	0,457**	0,656***	0,658
Потенциальная стабильность	0,096	0,364*	0,389*	0,325*	0,438**	0,373*	0,416***	0,643***	0,569
Отношения в коллективе	0,067	0,411**	0,406**	0,344*	0,454**	0,545**	0,463**	0,671***	0,467
Отношения с руководителем	0,065	0,045	0,066			0,286*		0,254*	0,269
Удовлетворенность отношениями с начальством	0,124*	0,164*	0,203*	0,317*	0,366*	0,324*	0,354*	0,413**	0,465
Отсутствие конфликтов между работниками	-0,121*	0,124*	0,089	0,143*	0,263*	0,135*	0,133*	0,212*	0,471
Отсутствие конфликтов между работниками и руководителем	0,018	0,078	0,029	0,019	0,232*	0,118*	0,114*	0,154*	0,279
Удовлетворенность содержанием труда	0,317**	0,534***	0,314**	0,334**	0,654***	0,557***	0,546***	0,543***	0,526
Удовлетворенность условиями труда	0,078	0,081	0,144*	0,163*	0,476**	0,413**	0,403**	0,418**	0,435
Удовлетворенность возможностями профессионального роста	-0,041	0,146*	0,122*	0,138*	0,137*	0,154*	0,141*	0,347*	0,243
Удовлетворенность уровнем оплаты труда	-0,076	0,097	0,087	0,098	0,079	0,144*	0,123*	0,136*	0,227

Примечания: 1. В анализе результатов объединены потенциальная и реактивная формы состязательных отношений в силу малочисленности реактивных форм состязательности. 2. * $p<0,05$; ** $p<0,01$; *** $p<0,001$; β - стандартизированные коэффициенты регрессии; R^2 - доля дисперсии.

Таблица Л.13

Ранжирование показателей социально-психологического климата
у групп медицинских работников с разными видами состязательности [2013 г., $N = 121$]

Показатели социально-психологического климата	Виды состязательности									
	Потенц. конкурент-ность	Реактивная конкурент-ность	Активная конкурент-ность	Потенц. индивидуа-листичность	Активная индивидуа-листичность	Потенц. аль-труистич-ность	Реактивная альтруистич-ность	Активная альтруи-стичность	По-тенц.сотруд ничество	Активное сотрудниче-ство
Желание сменить место работы	10	9	7	8	4	5	3	1	6	2
Удовлетворенность работой	10	9	8	5	1	7	6	3	4	2
Удовлетворенность профессией	9	7	3	5	1	8	6	2	10	4
Уд-сть орг-цией труд. процесса	10	8	7	9	5	6	4	1	3	2
Удовлетворенность зар.платой	9	10	7	8	5	6	4	2	3	1
Уд-сть системой премирования	10	9	4	5	1	7	6	2	8	3
Уд-ность системой отпусков	5	4	2	10	9	8	7	6	3	1
Уд-ность проездом до работы	9	10	5	4	2	8	7	6	3	1
Уд-ность орг. совм. отдыха	10	9	8	5	3	4	2	1	7	6
Уд-ность отн-ми в коллективе	10	9	7	8	6	5	4	2	3	1
Уд-ность условиями труда	9	10	7	8	5	6	4	3	2	1
Средний балл (порядковое место)	9,2	8,5	5,9	6,8	3,8	6,4	4,8	2,6	4,7	2,2

Примечание: цифры в таблице обозначают: 1 – наиболее высокий показатель СПК среди видов состязательности; 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 – промежуточные оценки состояния СПК; 10 – наименее высокий показатель СПК среди видов состязательности.

Таблица Л.14

Влияние уровня развития состязательности на оценку медицинскими работниками состояния социально-психологического климата своей производственной группы (2013 г., $N = 121$, коэффициенты линейной регрессии)

Зависимые переменные: показатели СПК	Предикторы, β										R^2
	Виды состязательности										
	Потенц.конкурентность	Реактивная конкурентность	Актив. конкурентность	Потенц.индивидуалистичность	Актив. индивидуалистичность	Потенц.альтруистичность	Реактив. альтруистичность	Актив. альтруистичность	Потенц. сотрудничество	Актив. сотрудничество	
Потенциальная текучесть	-0,091*	-0,086*			0,089*		0,115*	0,164*		0,147*	0,254
Уд-сть работой	-0,079*	-0,066	-0,053		0,152*			0,117*		0,133*	0,198
Уд-сть профессией	-0,071		0,109*		0,167*			0,145*	-0,064		0,265
Уд-сть орг-цией труда	-0,111*			-0,083*				0,208*	0,114*	0,165*	0,302
Уд-сть зар.платой	-0,098*	-0,084*						0,167*	0,112*	0,241*	0,178
Уд-сть сист. премирования	-0,057	-0,043			0,204*			0,165*		0,124*	0,165
Уд-ность отн-ми в группе	-0,121*	-0,087*				0,064	0,096*	0,149*	0,121*	0,218*	0,314
Уд-ность условиями труда	-0,056	-0,065					0,111*	0,143*	0,154*	0,178*	0,194

Примечания: 1. В анализе результатов объединены такие виды состязательности, как потенциальная и реактивная альтруистичность, а также потенциальное и реактивное сотрудничество, в силу их малочисленности. 2. * $p<0,05$; ** $p<0,01$; *** $p<0,001$; β - стандартизированные коэффициенты регрессии; R^2 - доля дисперсии

Таблица Л.15

Ранжирование показателей групповой атмосферы у медицинских работников с разными видами состязательности [2013 г., $N = 121$]

Показатели групповой атмосферы	Виды состязательности									
	Потенц. конкурентность	Реактивная конкурентность	Активная конкурентность	Потенц. индивидуалистичность	Активная индивидуалистичность	Потенц. альтруистичность	Реактивная альтруистичность	Активная альтруистичность	Потенц.сотрудничество	Активное сотрудничество
Бодрый настрой в коллективе	10	9	7	8	4	6	5	2	3	1
Доброжелательность	10	9	8	7	5	6	4	2	3	1
Нрав. вместе проводить время	9	10	8	7	6	5	4	3	2	1
Отношения сопереживания	6	7	5	10	9	8	4	3	2	1
Взаимное уважение	9	10	7	8	6	5	4	2	3	1
Достижения коллектива переживаются, как свои	10	9	8	7	3	6	5	4	2	1
Эмоц. единение в трудн.минуты	9	10	7	8	6	5	4	2	3	1
Чувство гордости за коллектив	9	10	6	8	7	5	4	2	3	1
Желание работать вместе	10	9	8	6	7	5	4	2	3	1
Справедливое отн-ние ко всем	10	9	7	8	6	5	4	3	2	1
Средний балл (порядковое место)	9,2	9,2	7,1	7,7	5,9	5,6	4,2	2,5	2,6	1,0

Примечание: цифры в таблице обозначают: 1 – наиболее высокий показатель СПК среди видов состязательности; 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 – промежуточные оценки состояния СПК; 10 – наименее высокий показатель СПК среди видов состязательности.

Таблица Л.16

Влияние уровня развития состязательности на оценку медицинскими работниками показателей групповой атмосферы своей производственной группы (2013 г., *N* = 121, коэффициенты линейной регрессии)

Зависимые переменные: показатели СПК	Предикторы, β										R^2
	Виды состязательности										
	Потенц.конкурентность	Реактивная конкурентность	Актив. конкурентность	Потенц.индивидуалистичность	Актив. индивидуалистичность	Потенц.альтруистичность	Реактив. альтруистичность	Актив. альтруистичность	Потенц. сотрудничество	Актив. сотрудничество	
Бодрый настрой в группе	-0,098*	-0,067	0,032	-0,013	0,089*	0,034	0,065	0,217*	0,121*	0,356**	0,452
Доброжелательность	-0,113*	-0,054	-0,052	0,011	0,064	0,027	0,109*	0,178*	0,117*	0,408**	0,367
Вместе проводим время	-0,132*		-0,100*	0,009	0,053	0,037	0,123*	0,196*	0,223*	0,435**	0,482
Взаимное уважение	-0,111*		0,023	-0,025	0,047	0,043	0,102*	0,204*	0,116*	0,362**	0,390
Эмоциональное единение	-0,077*	-0,084*	0,037	-0,008	0,035	0,019	0,115*	0,235*	0,117*	0,334**	0,453
Гордость за группу	-0,023	-0,043	0,044	-0,017	0,014	0,045	0,108*	0,197*	0,135*	0,298**	0,397
Желание работать вместе	-0,143*	-0,087*	-0,019	0,045	0,023	0,054	0,087*	0,183*	0,122*	0,313**	0,438
Справедл. отн-ние ко всем	-0,202*	-0,065	0,005	-0,021	0,056	0,061	0,109*	0,191*	0,231*	0,354**	0,398

Примечания: 1. В анализе результатов объединены такие виды состязательности, как потенциальная и реактивная альтруистичность, а также потенциальное и реактивное сотрудничество, в силу их малочисленности. 2. * $p<0,05$; ** $p<0,01$; *** $p<0,001$; β - стандартизированные коэффициенты регрессии; R^2 - доля дисперсии

Таблица Л.17

Ранжирование показателей групповой сплоченности у медицинских работников с разными видами состязательности [2013 г., $N = 121$]

Показатели групповой сплоченности (степень совпадения оценок)	Виды состязательности									
	Потенц. конкурентность	Реактивная конкурентность	Активная конкурентность	Потенц. индивидуалистичность	Активная индивидуалистичность	Потенц. альтруистичность	Реактивная альтруистичность	Активная альтруистичность	Потенц.сотрудничество	Активное сотрудничество
престижа профессии	5	2	1	10	8	9	7	4	6	3
удовл. профессией	9	8	2	4	1	6	5	3	10	5
мотивов трудовой деятельности	8	7	4	10	9	5	3	1	6	2
удовлетворенности трудом	10	9	8	2	1	7	6	5	4	3
уд-сти орг-цией труда	9	10	7	8	6	4	3	1	5	2
уд-сти условиями труда	10	9	8	7	5	6	4	3	2	1
удовлетворенности з/п	4	2	1	5	3	9	7	6	10	8
уд-сти сист. премирования	7	6	3	2	1	7	5	3	10	9
уд-ности системой отпусков	8	4	3	10	9	7	6	5	2	1
уд-ности проездом до работы	10	9	8	4	3	7	6	5	2	1
Средний балл (порядковое место)	8,0	6,6	4,5	6,2	4,6	6,7	5,2	3,6	5,7	3,5

Примечание: цифры в таблице обозначают: 1 – наиболее высокий показатель СПК среди видов состязательности; 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 – промежуточные оценки состояния СПК; 10 – наименее высокий показатель СПК среди видов состязательности.

Таблица Л.18

Влияние уровня развития состязательности на оценку медицинскими работниками показателей групповой сплоченности (2013 г., *N* = 121, коэффициенты линейной регрессии)

Зависимые переменные: показатели групповой сплоченности (степень совпадения оценок)	Предикторы, β										R^2
	Виды состязательности										
	Потенц.конкурентность	Реактивная конкурентность	Актив. конкурентность	Потенц.индивидуалистичность	Актив. индивидуалистичность	Потенц.альтруистичность	Реактив. альтруистичность	Актив. альтруистичность	Потенц. сотрудничество	Актив. сотрудничество	
престиж профессии		0,096*	0,135*	-0,101*		-0,065					0,123
удовл. профессией	-0,069		0,082*		0,132*			0,053	-0,078		0,098
мотивов трудовой деятельности				-0,114*	-0,063		0,113*	0,134*			0,134
удовлетворенности трудом	-0,143*	-0,067		0,080*	0,112*						0,087
уд-сти условиями труда	-0,117*	-0,078*							0,103*	0,116*	0,165
удовлетворенности з/п		0,079*	0,104*			-0,043			-0,107*		0,097
уд-ности системой отпусков				-0,087*	-0,044				0,065	0,098*	0,114
уд-ности проездом до работы	-0,085*	-0,054							0,054	0,087*	0,121

Примечания: 1. В анализе результатов объединены такие виды состязательности, как потенциальная и реактивная альтруистичность, а также потенциальное и реактивное сотрудничество, в силу их малочисленности. 2. * $p<0,05$; ** $p<0,01$; *** $p<0,001$; β - стандартизированные коэффициенты регрессии; R^2 - доля дисперсии

Таблица Л.19

Влияние уровня развития состязательности на мотивы трудовой деятельности медицинскими работниками (2013 г., *N* = 121, коэффициенты линейной регрессии)

Зависимые переменные: мотивы трудовой деятельности	Предикторы, β										R^2
	Виды состязательности										
	Потенц.конкурентность	Реактивная конкурентность	Актив. конкурентность	Потенц.индивидуалистичность	Актив. индивидуалистичность	Потенц.альтруистичность	Реактив. альтруистичность	Актив. альтруистичность	Потенц. сотрудничество	Актив. сотрудничество	
работа для меня интересна и важна само по себе							0,113*	0,234**		0,146*	0,145
работа - дело важное, но есть вещи, занимающие меня гораздо больше, чем работа			0,158*		0,071	0,023		0,123*	0,107*		0,167
работа для меня лишь инструмент заработка	0,064	0,047		0,032							0,104
работа для меня - неприятная обязанность, если было бы можно, я бы вообще не работал(а)											

Примечания: 1. В анализе результатов объединены такие виды состязательности, как потенциальная и реактивная альтруистичность, а также потенциальное и реактивное сотрудничество, в силу их малочисленности. 2. * $p<0,05$; ** $p<0,01$; *** $p<0,001$; β - стандартизированные коэффициенты регрессии; R^2 - доля дисперсии

Таблица Л.20

Оценка показателей «жизненные успехи» и «жизненные ощущения» респондентами с различными видами состязательности, % [N = 731]

Как сложилась Ваша жизнь? Ваши жизненные ощущения	Виды состязательности									
	Потенц. конкурентность	Реактив. конкурентность	Активная конкурентность	Потенц. индивидуалистичность	Реактив. индивидуалистичность	Активная индивидуалистичность	Реактивная альтруистичность	Активная альтруистичность	Реактив. сотрудничество	Актив. сотрудничество
Добились того, к чему стремились	7,6	6,8	3,9	9,4	8,8	5,2	6,3	13,1	0	14,5
Что-то осуществилось, а что-то нет	65,2	72,7	78,0	71,9	75,0	85,6	64,6	79,2	88,1	74,7
Мало чего удалось добиться	25,8	20,5	16,4	18,8	16,3	9,2	29,1	7,7	11,9	10,3
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Динамика жизненных ощущений за 5 лет										
Стали чувствовать себя увереннее	12,1	9,1	11,6	9,4	6,3	5,8	12,4	13,2	10,0	19,3
Ощущения не изменились	25,8	22,7	19,4	9,4	25,0	31,2	16,8	15,1	23,5	22,5
Ощущают себя менее уверенно, стало тревожнее	62,1	68,2	69,0	81,3	68,8	62,4	70,8	71,7	66,5	58,2
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Примечания: 1. В анализе результатов объединены позиции потенциальной и реактивной альтруистичности, а также потенциального и реактивного сотрудничества в силу их малочисленности. 2. Ассимптотическая двухсторонняя значимость критерия Хи-квадрат Пирсона свидетельствует о статистической значимости полученной связи между оценкой жизненных успехов [Хи-квадрат = 0,021], динамикой жизненных ощущений за 5 лет [Хи-квадрат = 0,029] и видами состязательности									

Таблица Л.21

Влияние уровня развития состязательности на оценку респондентами показателей «жизненные успехи» и «жизненные ощущения» (N=731, коэффициенты линейной регрессии)

Зависимые переменные	Предикторы, β										R^2
Показатели жизненных успехов и «жизненных ощущений»	Виды состязательности										
	Потенц. конкурентность	Реактивная конкурентность	Активная конкурентность	Потенц. индивидуалистичнос	Реактив. индивидуалистичнос	Актив. индивидуалистичность	Реактивная альтруистичность	Активная альтруистичность	Реактивное сотрудничество	Активное сотрудничество	
Оценка своих жизненных успехов	-0,057	-0,017	-0,043	0,035	0,051		-0,065	0,123*		0,134*	0,103
Динамика жизненных ощущений	0,053			-0,131*	-0,065	-0,034	-0,026	0,034		0,144*	0,124

Примечания: 1. В анализе результатов объединены такие виды состязательности, как потенциальная и реактивная альтруистичность, а также потенциальное и реактивное сотрудничество, в силу их малочисленности. 2. * $p<0,05$; ** $p<0,01$; *** $p<0,001$; β - стандартизированные коэффициенты регрессии; R^2 - доля дисперсии

Таблица Л.22

Уровень социально-психологической адаптированности респондентов с различными видами состязательности, % [$N = 731$]

Показатели социально-психологической адаптации	Виды состязательности									
	Потенц. конкурентность	Реактивная конкурентность	Активная конкурентность	Потенциальная индивидуалистичость	Реактивная индивидуалистичность	Активная индивидуалистичность	Реактивная альтруистичность	Активная альтруистичность	Реактивное сотрудничество	Активное сотрудничество
Принятие себя										
Низкий уровень	16,7	22,7	16,8	16,4	18,8	19,4	14,9	13,2	14,4	10,5
Средний уровень	69,7	62,3	62,0	59,8	59,8	59,4	73,0	58,6	59,4	56,2
Высокий уровень	13,6	15,0	21,1	17,8	18,8	18,8	12,1	28,2	26,2	33,3
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Принятие других										
Низкий уровень	40,9	45,4	41,4	46,9	50,1	45,1	34,5	24,5	33,5	22,8
Средний уровень	45,5	40,9	4,4	43,8	43,8	45,7	56,0	54,7	45,4	54,9
Высокий уровень	13,6	13,6	16,4	9,4	6,3	9,2	12,5	20,8	21,1	22,3
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Эмоциональный комфорт										
Низкий уровень	31,8	34,0	24,6	46,9	25,1	23,2	41,7	16,9	26,8	14,0
Средний уровень	54,5	40,9	45,3	37,5	50,0	51,4	37,4	56,6	52,7	54,4
Высокий уровень	13,6	25,0	30,2	15,6	25,0	25,4	20,9	26,4	20,5	31,6
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Самостоятельность										
Низкий уровень	45,4	34,1	35,4	50,0	43,8	32,9	27,5	23,8	30,2	17,5
Средний уровень	31,8	38,6	32,8	34,4	37,5	42,8	49,8	47,8	42,3	45,6

Окончание таблицы Л.22

Показатели социально-психологической адаптации	Виды состязательности									
	Потенц. конкурентность	Реактивная конкурентность	Активная конкурентность	Потенциальная индивидуалистичость	Реактивная индивидуалистичность	Активная индивидуалистичность	Реактивная альтруистичность	Активная альтруистичность	Реактивное сотрудничество	Активное сотрудничество
Высокий уровень	22,7	27,3	31,9	15,6	18,8	24,3	22,7	28,4	27,5	36,9
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Независимость от других, стремление доминировать										
Низкий уровень	65,7	76,7	82,4	87,1	89,0	81,3	68,3	69,0	66,7	54,5
Высокий уровень	34,3	23,3	17,6	12,9	11,0	18,7	31,7	31,0	33,3	45,4
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Стремление решать проблемы										
Низкий уровень	81,0	75,8	64,5	73,7	77,8	73,5	60,0	63,3	71,4	58,8
Высокий уровень	19,0	24,2	35,5	26,3	22,2	26,5	40,0	36,7	29,6	41,2
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Примечание. Ассимптотическая двухсторонняя значимость критерия Хи-квадрат Пирсона свидетельствует о статистической значимости полученной связи между показателями социально-психологической адаптации: принятие себя [Хи-квадрат = 0,048], принятие других [Хи-квадрат = 0,021], эмоциональная комфортность [Хи-квадрат = 0,045], самостоятельность [Хи-квадрат = 0,037], стремление доминировать [Хи-квадрат = 0,003], стремление решать проблемы [Хи-квадрат = 0,046] и видами состязательности.										

Таблица Л.23

Влияние уровня развития состязательности на уровень социально-психологической адаптированности респондентов (N=731, коэффициенты линейной регрессии

Зависимые переменные	Предикторы, β										R^2
Показатели социально-психологической адаптации	Виды состязательности										
	Потенц. конкурентность	Реактивная конкурентность	Активная конкурентность	Потенц. индивидуалистичность	Реактив. индивидуалистичность	Актив. индивидуалистичность	Реактивная альтруистичность	Активная альтруистичность	Реактивное сотрудничество	Активное сотрудничество	
Принятие себя	-0,024	-0,046	0,023				0,033	0,125*	0,116*	0,134*	0,157
Принятие других	0,055	0,042	0,039	-0,031	-0,095*	-0,044		0,098*	0,086*	0,107*	0,232
Эмоциональный комфорт	-0,043	-0,024	0,103*	-0,108*	0,065	0,078	-0,084*	0,101*		0,131*	0,198
Самостоятельность	-0,089*		0,054	-0,112*	-0,101*			0,047		0,154*	0,127
Независимость от других, стремление доминировать	0,076	-0,068	-0,113*	-0,198*	-0,202*	-0,106*	0,088*	0,087*	0,091*	0,125*	0,210
Стремление решать проблемы	-0,110*	-0,094*	0,108*	-0,083*	-0,102*	-0,073	0,129*	0,115*		0,167*	0,197

Примечания: 1. В анализе результатов объединены такие виды состязательности, как потенциальная и реактивная альтруистичность, а также потенциальное и реактивное сотрудничество, в силу их малочисленности. 2. * $p<0,05$; ** $p<0,01$; *** $p<0,001$; β - стандартизированные коэффициенты регрессии; R^2 - доля дисперсии

Приложение М. Результаты эмпирического исследования взаимосвязи состязательности и социалистического соревнования

Таблица М.1

Участие в социалистическом соревновании
членов первичных производственных коллективов разного уровня развития
(определенных по общему показателю совместности), в %

Уровень развития коллектива по общему показателю	Участие в соцсоревновании (N=726)	
	участвуют	не участвуют
Низкий	80,5	19,5
Средний	83,5	16,5
Высокий	85,2	14,8

Таблица М.2

Участие в социалистическом соревновании
членов первичных производственных коллективов разного уровня развития
(определенных по показателям теории деятельностного опосредования), в %

Уровень развития коллектива по показателям теории деятельностного опосредования	Участие в соцсоревновании (N=726)	
	участвуют	не участвуют
Низкий	80,0	20,0
Средний	82,3	17,7
Высокий	82,1	17,9

Таблица М.3

Участие в социалистическом соревновании
членов первичных производственных коллективов с разным уровнем развития отношений совместности по критерию состязательности, в %

Уровень развития отношений совместности по критерию состязательности	Участие в соцсоревновании (N=726)	
	участвуют	не участвуют
Низкий	81,4	18,6
Средний	82,8	17,2
Высокий	84,3	15,7

Таблица М.4

Включенность в социалистическое соревнование рабочих
с разными видами состязательных отношений, в %

Виды состязательности	Участие в соцсоревновании (N=726)	
	участвуют	не участвуют
Пассивная конкурентность	77,9	22,1
Активная конкурентность	79,6	20,4
Пассивная альтруистичность	80,1	19,9
Активная альтруистичность	82,1	17,9
Пассивное сотрудничество	84,2	16,8
Активное сотрудничество	84,7	15,3